

РОБИН ЯННТ

ОТВАЖНОЕ СЕРДЦЕ

Война сделала из него Мужчину,
судьба — Короля

Его отец и его дед уже были в шаге от трона, но их знатный род проклят, и корона так и не увенчала их гордо поднятые головы. Роберту не оставили выбора: вместо почтительных расшаркиваний придворных — лязг мечей, вместо ослепительной Евы, пленившей его юное сердце на балу, — ее некрасивая сестра. Но пробьет час, и он открыто заявит о своих правах на престол — ради Шотландии, во имя свободы!

Робин Янг

«Отважное сердце»

Создание романа — длительный и трудоемкий процесс, и мало кому удастся завершить его в одиночку. Моя книга не стала исключением, и потому хочу поблагодарить всех, кто помогал мне в работе над нею. Начну с гидов и хранителей музеев и библиотек в Шотландии и Уэльсе: продемонстрировав потрясающие знания, они с очевидной страстью рассказали мне о многочисленных замках, аббатствах и полях сражений, которые я посетила. Кроме того, я благодарна Клэр за невероятную поездку по Глен Троолу. Спешу выразить свою признательность Джейн Спунер из лондонского Тауэра, которая устроила для меня экскурсию по столь знаменательному месту и познакомила с его потрясающей историей. Джон Дуденей не позволил своим лошадям убить меня, и я от всего сердца благодарна ему за мучительно трудный, но очень познавательный год, который я провела в конюшнях при ипподроме... Теперь я с гораздо большим уважением отношусь к умению моих рыцарей управляться со своими скакунами. Должна искренне поблагодарить Кена Хеймса за то, что он откровенно поведал мне о своем боевом опыте, что дало мне возможность лучше понять душу воина и искусство войны. Я многим обязана историку Марку Моррису, автору романа «Король, великий и ужасный», который внимательно прочел мою рукопись и обогатил ее крайне полезными комментариями. Если бы не ученые его уровня, работы которых я прочла от корки до корки, этого романа не было бы. Ричарду Форману я обязана тем, что у моей книги появилось предисловие, а сама я обзавелась полезными знакомствами. Низкий поклон собратьям по перу, которые даже неблагодарный редакторский труд сумели превратить в гимнастику для ума, отчего роман обрел неподражаемый стиль. Особая благодарность Найаллу Кристи за то, что он нашел в себе силы прочесть мое творение, и коллеге по ремеслу С. Дж. Сэнсому, поддержавшему меня в минуты отчаяния. Большое спасибо всем моим друзьям и членам семьи, но более всего Ли — твоя поддержка и любовь значат для меня очень много.

Как всегда, могу высказать только превосходные эпитеты в адрес своего непревзойденного агента, Руперта Хита, но при этом не могу не упомянуть и Дэна Конвея из «Писательского дома», равно как и его коллег из агентства «Марш», и вообще всех издателей, работающих над международными проектами. И, наконец, но ни в коем случае не в последнюю очередь, считаю своим долгом выразить искреннюю признательность всем сотрудникам издательского дома «Ходдер энд Стаутон», чья приверженность совершенствованию книжного дела не перестает восхищать меня. Особую благодарность, несомненно, заслуживают мой замечательный редактор Ник Сейерс; Анна, Лаура, Эмма и другие неутомимые члены команды организаторов продаж и маркетологов, а также зачастую неизвестные герои издательского фронта: литературные сотрудники, корректоры и художники-оформители.

...О, Боже! Сколь часто пророчества Мерлина сбывались!

И теперь воды двух морей слились в одно,

Которое доселе разделяла великая горная гряда;

И два разных королевства, которыми правили два монарха,

Объединились под единым скипетром.

И горцы стали одним народом,
И Шотландия обрела королевский суверенитет,
Гарантом коего провозглашен король Эдуард.
Отныне в его власти пребывают Корнуолл и Уэльс,
Равно как и великая Ирландия.
И объединить их смог не чужеземный король или принц,
А только король Эдуард...

Питер Лангтофт [II](#)

BRITAIN 1286AD

Пролог

1262 год

...Король Артур был смертельно ранен и, когда его везли на остров Авалон, ^[2]чтобы излечить от ран, вручил корону Британии своему родичу Константину, сыну Кадора, герцога Корнуолла, в пятьсот сорок седьмом году от вочеловечения Господа нашего Иисуса Христа...

Гальфрид Монмутский. ^[3]

История королей Британии

ГАСКОНЬ, ФРАНЦИЯ

1262 год

Кони уже не ржали — они кричали от боли и ярости. Тяжелые клинки полосовали воздух, вгрызаясь в щиты и вдребезги разнося шлемы. Воины выплевывали угрозы и проклятия в узкие отверстия в забралах, а руки их стонали от боли, причиняемой каждым ударом. В воздухе столбом стояла пыль, поднятая копытами боевых скакунов, и над виноградниками клубилась желтая дымка. В пересохших глотках оседал кислый привкус раздавленных спелых ягод, а соленый пот заливал глаза, ослепляя рыцарей.

В самой гуще схватки воин в красной с золотом накидке поднял щит, отражая очередной удар. Вонзив шпоры в бока своему коню и заставив того развернуться, он нанес ответный удар. Лезвие его меча вонзилось в бок врагу, прорубив ткань накидки и подбоя и застряв в кольчуге. Рядом с ним сражался гигант в сине-белой полосатой мантии. Он с маху нанес удар в спину противника, хрипло выдохнув проклятия в предличник ^[4]шлема. Атакованный рыцарь качнулся вперед, выпустив из руки меч. Его лошадь споткнулась, и он вылетел из седла. Рухнув на землю, почерневшую от раздавленных виноградин, он откатился в сторону, чтобы не быть затоптанным чудовищными боевыми жеребцами, тяжело переступавшими с ноги на ногу рядом с ним. Какой-то конь копытом все-таки задел край его шлема, оставив на нем вмятину, и воин бессильно скорчился на земле, лишившись сначала чувств, а потом и самой жизни. А над ним кипела схватка.

Рыцарь в красной с золотом накидке воздел свой меч и издал яростный боевой клич, который быстро подхватили его соратники.

— Артур! — во все горло кричали они. — Артур!

Казалось, они обрели новые силы и второе дыхание. И теперь безжалостно рубились с врагом, не щадя никого — все больше их противников оказывались спешенными. Над гущей схватки взвился и затрепетал на яростном ветру боевой стяг. На алом поле золотом рдел огнедышащий дракон.

— Артур! Артур!

Гигант в сине-белой накидке лишился меча, но продолжал схватку, круша противников огромным щитом. Ударив его краем одного врага в шею, воин развернул его и, как копьем, протаранил забрало другого. Сопrotивление одного из рыцарей, упорно не желавшего сдаваться, привело его в бешенство, и он попросту схватил того за шею огромными ручищами и приподнял из седла. Но, когда его противник повис между их скакунами, беспомощно размахивая руками и рыча в бессильной ярости, трижды проревел боевой рог.

Заслышав его хриплый рев, те, кто еще оставался в седлах, опустили мечи. Тяжело дыша, они судорожно натягивали поводья, пытаясь сдержать и успокоить своих разгоряченных коней. Те, кто оказался на земле, с трудом поднимались на ноги и начинали протискиваться сквозь толпу. Их мгновенно окружили пешие воины, вооруженные короткими мечами и палашами. [5] Один из спешенных рыцарей попытался было бежать, но запутался в виноградных лозах, и его быстро поймали и заставили вернуться к прочим пленникам. Оруженосцы принялись ловить лошадей, оставшихся без всадников и разбежавшихся после сечи.

Воин в алом и золотом стянул с головы шлем, украшенный позолоченными крыльями дракона — это оказался совсем молодой еще человек с острыми чертами лица, на котором яростным огнем пылали серые глаза, один из которых был наполовину прикрыт тяжелым веком, что придавало лицу злое выражение. Со свистом втягивая в легкие перемешанный с песком воздух, Эдвард окинул тяжелым взглядом побежденных, у последнего из которых только что отобрали оружие. Несколько рыцарей были ранены, причем двое из них тяжело. Еще один бессильно повис на руках товарищей, сдавленно постанывая и обнажив окровавленные десны с выбитыми передними зубами. Из груди Эдварда рвалось наружу бешеное торжество, и кровь горячими толчками пульсировала в жилах.

— Очередная победа, племянник.

Грубоватое замечание исходило от мужчины в сине-белой полосатой накидке, расшитой красными птицами. Уильям де Валанс снял свой шлем и отстегнул предличник, повисший на металлическом воротнике, соединявшем шлем с наплечником. По его широкому лицу ручьями струился пот.

Не успел Эдвард открыть рот, чтобы ответить, как его окликнул один из оруженосцев.

— Милорд, один человек погиб.

Эдвард обернулся и увидел оруженосца, склонившегося над телом. Накидка мертвеца была покрыта пылью, а сбоку на шлеме красовалась изрядная вмятина. Одна глазница была пустой, и из нее ручьем текла кровь. Остальные мужчины тоже смотрели на труп, машинально вытирая пот со своих лиц.

— Забери его доспехи и меч, — после короткой паузы распорядился Эдвард.

— Лорд Эдвард! — запротестовал один из пленников, стоявший безоружным в окружении пеших воинов. Он шагнул было вперед, но тут же остановился — путь ему преградили пехотинцы. — Я требую достойного обращения с телом моего боевого товарища!

— Вы получите тело для предания земле после того, как будет определена и внесена сумма вашего выкупа. [6] Даю вам слово. Но его снаряжение принадлежит мне. — С этими словами Эдвард передал шлем и щит своему оруженосцу и, взяв в руки поводья, направил коня между рядами виноградных лоз.

— Ведите пленников, — приказал Уильям де Валанс пехотинцам.

Люди Эдварда выстроились в колонну за своим предводителем, и стяг с драконом

затрепетал над их головами, как вздетый кулак, темный на фоне сгущающихся сумерек. Оставив оруженосцев искать сломанное оружие и собирать раненых лошадей, бравая компания направилась прочь, не обращая никакого внимания на стенания крестьян, сбежавшихся к месту схватки и пришедших в отчаяние при виде понесенного ущерба. Турнирная арена, место для которой было выделено прошлым вечером, по обыкновению, располагалась меж двух городов и неизбежно включала территорию пастбищ, полей и даже деревни.

Шагом направляя своего коня, Эдвард стянул с рук латные рукавицы. По краям ладоней вспухли волдыри, кожа покраснела — и это несмотря на кожаную подкладку. За спиной он слышал негромкие голоса своих людей. Вне всякого сомнения, они обсуждали смерть и его реакцию на нее — в конце концов, это был всего лишь турнир и противники у них были ненастоящие. Но нельзя же вечно сражаться на турнирах! Очень скоро поле боя и враги станут взаимными. И он хотел, чтобы его люди были готовы к этому.

Массируя противно ноющие руки, Эдвард искоса взглянул на Валанса, едущего рядом. Тот явно чувствовал себя вольготно и вполне удобно, опираясь на высокую спинку седла, и переплетенные кольца его хауберка [7] тихонько позвякивали о дерево. В отличие от молодых воинов, он ничуть не сожалел о случайной смерти, вытирая обрывком ткани лезвие своего длинного меча, зазубренное от долгой службы. И клинок был отточен намного острее, чем у Эдварда и его людей.

Поймав взгляд Эдварда, Валанс понимающе улыбнулся:

— Против рожна не поперешь, племянник. Нет, не поперешь.

Эдвард ничего не ответил, лишь молча кивнул, вновь переводя взгляд на дорогу. Он не собирался оспаривать правила турниров, во всяком случае не тогда, когда речь шла о его сводном дяде, который помог ему и его людям выиграть большинство схваток этого года. Это позволило ему заработать столько лошадей, оружия и доспехов, что их хватило бы на целую армию, не говоря уже о том, что его удачливость привлекла к нему толпы молодых искателей приключений. На пиру по случаю очередной победы, несколькими месяцами ранее, один из них назвал его «новым Артуром», и прозвище приклеилось намертво, а под алое знамя с драконом потянулись новые рыцари. Валанс, конечно, отличался жестокостью, и дурная слава о нем давно перешагнула границы его родного города во Франции, но его свирепость на поле боя и тот факт, что он оставался одним из немногих родственников Эдварда, кто не бросил его в трудную минуту, превращали его в ценного союзника. Поэтому Эдвард не препятствовал дядюшке проявлять свой бешеный нрав, закрывая глаза на его вспышки ярости и временами весьма неблагоприятные поступки.

Когда кто-то из рыцарей постарше затянул непристойную победную песнь, которую с восторгом подхватили остальные, Эдвард оглянулся и увидел позади себя ухмыляющиеся, довольные и потные лица. Большинству воинов, как и ему самому, едва перевалило за двадцать. Здесь были младшие сыновья благородных французских семейств, привлеченные обещаниями богатой добычи и славы. После нескольких месяцев турнирных стычек Эдвард хорошо узнал своих людей. Отныне все они станут без лишних слов сражаться за него. Еще несколько недель тренировок, и они будут готовы. И тогда он отправится в Англию во главе настоящей армии и вернет себе честное имя и свои земли.

Прошло уже девять месяцев с той поры, как король, его отец, отправил Эдварда в ссылку. Даже его мать промолчала, услышав приговор, по которому сын лишился всех земель в Уэльсе и Англии, полученных в возрасте пятнадцати лет согласно своему брачному

контракту. Король Генрих был мрачен и молчалив, когда Эдвард покидал Вестминстерский дворец, направляясь в Портсмут на корабль, который должен был отвезти его в Гасконь. Эти земли он отныне мог назвать своими. Эдвард помнил, как оглянулся, один-единственный раз, и увидел, что отец уже повернулся спиной и входит в ворота дворца. Стиснув зубы, он постарался отогнать от себя неприятные воспоминания, наслаждаясь видом восторженных рыцарей, едущих за ним и хором выкрикивающих имя Артура. Родителю придется принести извинения, когда он увидит, каким доблестным воином стал его сын, которого воины нарекли именем величайшего в истории короля.

Закат угасал, и в ночном небе уже проклюнулись первые звезды, когда шумная процессия въехала во двор сложенного из сосновых бревен охотничьего домика, окруженного хозяйственными постройками, за которыми стеной стоял лес. Эдвард спешил. Передав коня груму и отдав де Валансу распоряжение разместить пленников, когда те придут, он направился в главное здание, чтобы смыть с себя пыль и грязь и утолить жажду, прежде чем подтянутся остальные командиры. Тогда можно будет обсудить турнир и назначить сумму выкупа. Пригнувшись, чтобы не удариться о притолоку, он вошел в домик и направился мимо выстроившихся слуг на верхний этаж, где располагались его личные покои.

Эдвард переступил порог, и его шпоры и кольчуга приветливо зазвенели, когда он зашагал по деревянному полу. Отстегнув перевязь с мечом, он швырнул оружие на кровать, ощутив, как моментально исчезла привычная тяжесть на поясе. Комната была погружена в полумрак, если не считать огонька единственной свечи на столе у окна. За нею стояло зеркало. Войдя в круг света, отбрасываемый трепетным огоньком, Эдвард увидел себя, возникающего в глубинах зеркала. Для него были приготовлены кувшин с водой, таз и полотенце. Отшвырнув ногой в сторону стул, стоящий перед столом, он налил воды в таз и наклонился над ним, а потом сложил руки пригоршней и плеснул воду в лицо. Ледяная вода обожгла его разгоряченное лицо, словно огнем. Эдвард умывался, чувствуя, как расслабляется тело и вода смывает кровь, пот и грязь. Закончив, он потянулся за полотенцем и вытер лицо. Опустив мягкую ткань, он увидел, что перед ним стоит супруга. Ее густые волосы ниспадали до талии, окутывая фигуру пушистым покрывалом, хотя чаще были собраны в высокую прическу и прятались под вуалью и головным убором. А он любил их распущенными и знал, что он единственный, кому позволено видеть их такими.

Миндалевидные глаза Элеоноры Кастильской прищурились.

— Вы победили.

— Откуда вы знаете? — ответил он, привлекая ее к себе.

— Пение ваших людей было слышно за целую милю. Но даже без этого, я все прочла бы по вашему лицу. — Она провела ладонью по его заросшей щетиной щеке.

Эдвард склонился к ней, взял лицо жены в ладони и поцеловал. От нее пахло медом и травами — это был запах мыла, привезенного из Святой земли. [\[8\]](#)

Элеонора со смехом отпрянула.

— Да вы весь мокрый!

Эдвард улыбнулся и вновь поцеловал молодую супругу, притянув ее к себе, невзирая на ее протесты и пачкая ее безукоризненное платье грязью со своей накидки и кольчуги. Наконец он отпустил ее и оглянулся по сторонам в поисках вина. Привстав на цыпочки, Элеонора подтолкнула его к стулу у стола, приглашая присесть, пока она будет наполнять кубок.

Сидеть в тяжелых доспехах было неудобно. Но Эдвард слишком устал, чтобы снимать их немедленно, и потому лишь наблюдал в зеркало, как жена наливает ему вина из глазурованного кувшина, украшенного павлиньими перьями. Опуская кувшин, она провела пальчиком по кромке, ловя случайную каплю, которую быстро слизнула, и он ощутил, как в сердце шевельнулась любовь к ней. Это была та жаркая привязанность, которую лишь обостряет осознание возможной утраты. Не считая его дяди, Элеонора была единственным человеком, последовавшим за ним в ссылку. Она могла остаться в Лондоне, в комфорте и безопасности Виндзора или Вестминстера, поскольку изгнание на нее не распространялось. Но Элеонора ни разу даже не заикнулась об этом.

Поднявшись на борт корабля в Портсмуте, Эдвард в одиночестве засел в каюте. Там, обхватив голову руками, он дал волю слезам, впервые с тех пор, как, будучи еще мальчишкой, плача смотрел вслед отцу, отплывавшему от той же пристани и направлявшемуся во Францию без него. Глотая слезы унижения и, следует признать, страха, поскольку потерял практически все, он поначалу даже не заметил, как в каюту вошла Элеонора. Опустившись перед ним на колени и взяв его руки в свои, она сказала, что им двоим не нужен ни король, ни королева, ни его крестный, Симон де Монфор, с молчаливого попустительства которого и свершилось изгнание. Им не нужен никто. Элеонора пребывала в ярости, ее голос звучал твердо и решительно; он еще никогда не видел супругу такой. А потом они занимались любовью в этой затхлой дыре под палубой судна. К тому времени они состояли в браке уже семь лет, но до сих пор их соития были нежными и, если так можно выразиться, вежливыми. Зато теперь оба стали требовательными и ненасытными, изливая друг на друга свою ярость и страх, пока не слились воедино под треск дубовой обшивки и мерное покачивание корабля, уносившего их прочь от английских берегов.

И вот сейчас ребенок, их первенец, зачатый, скорее всего, в ту самую ночь яростной любви, подрастал в ее лоне, спрятавшись до поры в большом уже животе, прикрытом складками просторного платья.

Элеонора подошла к нему сзади и вложила ему в руку кубок. Эдвард сделал глоток, и вино обожгло его пересохшее горло. Когда он опускал кубок, глаза его загорелись при виде книги, лежащей на краю стола, за пределами круга света, отбрасываемого свечой, там, где он оставил ее нынче утром.

— Я прикажу слугам принести вам ужин.

Услышав негромкий голос супруги и ощутив ее нежное прикосновение к плечу, Эдвард вдруг поймал собственное отражение в зеркале — оказывается, он хмурился, и на челе его отразилась задумчивость. Он легонько пожал ее пальцы, с благодарностью сознавая, что Элеонора уловила его желание побыть одному. Уходя, она повернулась, кутаясь в просторную мантию, и Эдвард следил за нею в зеркале до тех пор, пока черные волосы супруги не растаяли в темноте. Когда за нею закрылась дверь, он бросил взгляд на книгу и потянул ее к себе через разделявшее их пространство выщербленного деревянного стола. Книга была старой, потому что оставалась с ним с самого детства: переплет рассыпался, страницы пожелтели. Буквы на обложке из тисненой кожи почти стерлись, но он помнил их наизусть.

Книга была одной из немногих личных вещей, которые он привез с собой из Англии. За прошедшие годы Эдвард много раз читал и перечитывал ее наряду с другими трудами Монмута: «Жизнь Мерлина» и «История королей Британии», о которой ходили слухи, что она встречается чаще Библии. Эдвард знал наизусть подвиги Брута, воина из Трои, который после Троянской войны отплыл на север и основал Британию, знал историю короля Лира и Цезаря. Но более всего его привлекали сказания о короле Артуре, начиная с первого пророчества Мерлина, в котором он поведал Утеру Пендрагону, ^[9] что тот станет королем и что его сын, в свой черед, будет править Британией, и заканчивая страшным поражением Артура при Камблеме, после которого тот и передал корону своему двоюродному брату Константину, а сам отплыл на остров Авалон за исцелением. Во время своего первого турнира в Смитфилде в Лондоне Эдвард со священным трепетом смотрел на рыцарей, одетых по придворной моде Артура, а один из них даже изображал легендарного короля.

Стоило Эдварду взять книгу в руки, как древняя рукопись раскрылась там, где в нее был вложен листок пергамента. Он смотрел на почерк писца, а в ушах у него звучал повелительный голос короля, диктующего эти строки. Он много раз перечитывал это письмо — это была первая весточка от отца с тех пор, как он покинул Лондон. Гнев, который он испытывал поначалу, давно угас, и сейчас в сердце Эдварда жило лишь нетерпеливое ожидание.

В письме речь шла о замках, разрушенных до основания, и разграбленных городах, о вытоптаных пастбищах и погибших на корню урожаях, о выжженной земле, о трупах, усеивающих улицы городов и оставшихся непогребенными, и о жутком смраде, висящем в воздухе. Большое войско под командованием Льюэлина ап Граффада спустилось на равнину из горных крепостей в древнем уэльском королевстве Гвинедд, сея смерть и разрушения. После женитьбы на Элеоноре Эдвард по воле отца получил за ней в приданое обширные земли, включая территории на северном побережье Уэльса, от границы у Честера до реки Конви. И теперь, как явствовало из письма, именно эти земли оказались разграбленными. Причем не в первый раз.

Шесть лет тому, когда Эдварду было всего семнадцать, Льюэлин возглавил восстание жителей Гвинедда против английских захватчиков. Оно развивалось стремительно и успешно, и не прошло и нескольких дней, как вся территория оказалась под властью Льюэлина. Английские замки были сожжены, а их гарнизоны разбежались. Эдвард, получив первые донесения о происходящем, немедленно явился к отцу, поскольку собственных средств у него было недостаточно. Но король отказал ему в помощи, заявив, что сыну представился случай выказать себя настоящим воином и военачальником. Но правда, и Эдвард прекрасно знал это, заключалась в том, что Генрих был слишком занят тем, чтобы сделать своего младшего сына Эдмунда королем Сицилии, и не хотел расставаться с деньгами или войсками. В конце концов, получив заем у одного из дядьев, Эдвард со своими людьми отправился защищать собственные владения в Уэльсе. Льюэлин наголову разбил его. Вынужденный отступить после первого же сражения, с погибшей репутацией и рассеянной армией, Эдвард до сих пор помнил насмешливые и обидные песенки, которые распевали о нем уэльсцы, восторженно радуясь его поражению.

Генрих же, тем временем, растерял прежнюю популярность при дворе из-за своей

нелепой сицилийской авантюры и потакания сводным братьям Валансам, которые недавно появились в Англии и пользовались дурной славой. Возглавил ряды недовольных политикой короля не кто иной, как крестный Эдварда, Симон де Монфор, граф Лестер. Ему удалось привлечь многочисленных сторонников, и своей кульминации противостояние достигло в парламенте в Оксфорде, когда король лишился почти всей власти в пользу баронов. Разъяренный глупыми действиями Генриха и собственным поражением от Льюэлина, Эдвард принял сторону крестного отца, который и убедил его заключить пакт, направленный против собственного родителя. Король же, узнав о предательстве, лишил сына всех пожалованных ему земель и отправил в ссылку.

Эдвард в последний раз перечел письмо, задержавшись на последних строках. Отличие этого мятежа от прочих состояло в том, что Льюэлину удалось неслыханное — он объединил под своей властью весь Уэльс. До сих пор север и юг разделяли не просто заснеженные вершины горной гряды Сноудония. ^[10]Столетиями военачальники трех древнейших королевств Уэльса боролись за верховенство, сражаясь между собой и с английскими лордами, владения которых граничили с их землями на юге и востоке. В стране веками не утихала смута. А сейчас Льюэлину, судя по всему, удалось примирить враждующие стороны и направить их копья и луки в сторону Англии. Генрих писал, что Льюэлин водрузил на голову золотую корону и нарек себя принцем Уэльским. Причем корона была не простой. Это была корона короля Артура.

Эдвард еще мгновение смотрел на пергамент, а потом поднес его к пламени свечи. Листок потемнел, сморщился, и жадные язычки огня охватили обещание отца вернуть все земли Эдварда, если тот вернется и разобьет Льюэлина. И Эдвард был готов. Готов отправиться домой с людьми, которые собрались под его знаменами, готов занять достойное место в Англии, принять извинения родителей и выступить против Льюэлина. Уэльс, конечно, мог впервые в своей истории объединиться, но в этом как раз и заключалась его слабость, о которой Эдвард узнал из письма отца. Он на личном опыте познал подлинную власть, набросив на плечи мантию легенды. Совершенно очевидно, что это понимал и Льюэлин, потому как не мог выбрать более могущественного символа, чтобы объединить народ Уэльса. Артур был для них не просто защитником и повелителем, он был последним великим королем Британии, еще до саксов и норманнов. Но если нечто столь могущественное способно объединить людей, то с таким же успехом оно способно и уничтожить их.

Когда пергамент рассыпался черным пеплом, в дверь постучали. Она распахнулась, и на пороге возникла внушительная фигура Уильяма де Валанса.

— Прибыли командиры, чтобы обсудить выкуп за их людей.

Эдвард поднялся на ноги, оставив письмо дотлевать на столе. Буквы на страницах по-прежнему раскрытой книги казались в темноте черными от крови.

*...Звезд движенье следил вещей муж с высокой вершины.
Глядя в прозрачную твердь и сам с собой рассуждая:
Марса лучи — что значат они? Короля ли кончину
Нам предвещают они, разгораясь, иль судьбы иные?*

Гальфрид Монмутский.

Жизнь Мерлина

1

Это был глас Божий. И Бог гневался.

Дворецкий короля, лавируя между столами и скамьями, поморщился, когда небеса над головой разверзлись и землю вдалеке сотряс страшный удар. В другом конце залы какой-то молоденький слуга склонил голову, и старый дворецкий решил, что тот молится про себя. Разразилась сильная гроза, обрушившись на башни и стены с бойницами. Она безжалостно погасила тусклый свет полуденного солнца, и замок погрузился в вечерние сумерки. Ощущение нависшей надо всеми смертельной опасности, порожденное возникшими несколько месяцев назад слухами, сейчас достигло такой остроты, что Гутред, который поначалу лишь презрительно фыркал, заслышав досужие сплетни, и сам поддался ему.

Небо раскроила очередная молния, и он задрал голову вверх, туда, где скрещивались в неверном свете факелов потолочные балки, содрогнувшись при мысли о том, что было бы, попади небесный огонь прямо в крышу. Перед его внутренним взором возникла библейская сцена: падающее дождем ослепительно-белое пламя, валяющиеся на полу обугленные тела с зажатými в руках ножами и кубками. Вот только восстанут ли они так же, как и падут? Дворецкий опустил взгляд на кувшин, который сжимали его покрытые старческими коричневыми пятнами руки. А он сам? Полуприкрыв глаза, Гутред уже начал читать про себя молитву, но потом остановился. Это чепуха. Просто пришла одна из тех зловещих мартовских гроз, которые заставляют древних старух бормотать невесть что, а клирикам дают лишнюю возможность воззвать к милости Всевышнего. Но, возобновив свое неспешное странствие между столов, он не мог отмахнуться от внутреннего голоса, который нашептывал ему, что слухи появились задолго до того, как север приоткрыл свою чудовищную пасть и засыпал Шотландию мокрым снегом с градом.

Покрепче прижав кувшин к груди, дабы не пролить ни капли чудодейственной влаги, дворецкий поднялся по деревянным ступенькам на помост, вознесшийся чуть ли не к самому потолку в конце залы. С каждым шагом он поднимался над головами лордов, королевских служащих, слуг, собак и приживальщиков, которые сражались за свободные места и благосклонное внимание сильных мира сего внизу. Гутред уже видел, как привратники по команде управляющего вытолкали взапей нескольких юнцов, проникших в залу без

приглашения. Празднества всегда сопровождалась суматохой: конюшни оказывались переполненными, помещения для господ — неподготовленными, послания терялись, слуги от чрезмерной спешки становились неуклюжими, а их господа легко выходили из себя по любому поводу и без него. Тем не менее, невзирая на подобные казусы и отвратительную погоду, король, похоже, пребывал в благодушном настроении. Он хохотал над чем-то, сказанным епископом Глазго, когда Гутред подошел к его столу. Лицо короля покраснело от выпитого и жара, исходящего от очагов в зале, и он пролил вино себе на платье. Солома на полу вокруг стола, занимавшего все пространство помоста, еще утром свежая, уже прилипла к ногам от крошек медовых пряников, пролитого вина и кроваво-красной густой подливки. Гутред одним взглядом окинул богатый арсенал серебряных тарелок и кубков, простым наклоном головы давая понять, что готов подлить вина тем, чьи кубки уже пусты. По обе стороны короля расположились восемь мужчин. Их громкие голоса соперничали с грозой и друг с другом, так что старому дворецкому пришлось низко наклонить голову, чтобы быть услышанным.

— Еще вина, милорд?

Не прерывая разговора, король Александр протянул свой кубок, который был вместительнее остальных и украшен драгоценными камнями.

— Я полагал, что мы разрешили это недоразумение ко всеобщему удовлетворению, — угрюмо заявил он своему собеседнику с левой стороны. После того как дворецкий подлил ему кроваво-красного вина, король сделал большой глоток.

— Прошу простить меня, милорд, — возразил тот, накрывая свой кубок ладонью, когда к нему подошел дворецкий, чтобы наполнить его, — но просьба...

— Благодарю тебя, Гутред, — обронил король, когда дворецкий перешел к епископу Глазго, который уже держал свой кубок наготове.

На скулах у мужчины заиграли желваки.

— Милорд, просьба об освобождении пленника исходит непосредственно от моего зятя. Будучи его родственником и юстициаром [\[11\]](#) Галлоуэя, я не могу позволить себе не привлечь к его ходатайству того внимания, коего оно заслуживает.

Король Александр нахмурился, видя, что Джон Комин не сводит с него пристального взгляда своих темных глаз. Лицо лорда Баденоха казалось восковым в свете факелов, и его выражение было столь же мрачным и строгим, как и его наряд: черный шерстяной плащ, подбитый на плечах серебристым мехом волка, цвет которого столь точно соответствовал его шевелюре, что было практически невозможно отличить, где начинается одно и заканчивается другое. Из-под складок плаща едва проглядывал герб, украшавший его камзол: красный геральдический щит с вышитыми на нем тремя белыми снопами пшеницы. Король поразился тому, как сильно походил на своего отца Рыжий Комин [\[12\]](#) — то же самое холодное высокомерие и суровое выражение лица. Интересно, все ли мужчины в роду Коминов такие? Это что, наследственность, передается из поколения в поколение? Взгляд Александра обежал сидевших за столом и остановился на графе Бучане, главе рода Черных Коминов, [\[13\]](#) именуемых, как и Рыжие Комины, по цвету его герба: черный геральдический щит с тремя белыми вязанками пшеничных колосьев. В ответ Александр удостоился брошенного украдкой взгляда. Не будь они столь полезными сановниками и управителями, он, пожалуй, удалил бы их от своего двора еще много лет назад. По правде говоря, в обществе Коминов он чувствовал себя скованно.

— Как уже сказал, я подумаю об этом. Томас Галлоуэй был заключен в темницу более

пятидесяти лет тому. Нет сомнения, еще несколько недель в заключении не составят для него большой разницы.

— Даже лишний день, проведенный в застенках, должен показаться невинному человеку вечностью, — с деланной небрежностью ответил Джон Комин, но в его тоне безошибочно читался вызов.

— Невинному? — Голубые глаза Александра опасно сузились. Он отставил в сторону кубок. Его хорошее настроение испарилось. — Этот человек поднял восстание против моего отца.

— В то время он был всего лишь мальчишкой, милорд. Это народ Галлоуэя избрал его своим предводителем.

— И мой отец позаботился о том, чтобы они кровью заплатили за это. — В голосе Александра зазвучала сдерживаемая ярость. Вино горячило кровь, и лицо его пошло красными пятнами бешенства. — Томас Галлоуэй был незаконнорожденным. Он не имел права называться лордом, и его люди знали об этом.

— Они оказались перед неприятным выбором — или позволить править собой бастарду, или увидеть, как их земли разделят между собой три дочери. Вы ведь наверняка понимаете, в каком безвыходном положении они оказались, Ваше величество?

В словах Комина Александру почудился скрытый намек. Неужели лорд Баденох позволяет себе сравнивать нынешнюю ситуацию с той, что сложилась в Галлоуэе более полувека тому? Но прежде чем король успел принять какое-либо решение, с дальнего конца стола прозвучал холодный голос.

— Своими разговорами вы мешаете нашему любезному хозяину насладиться трапезой, сэр Джон. Совет закончен.

Взгляд Джона Комина метнулся к говорившему, однако наткнулся на безмятежный взор Джеймса Стюарта, сенешаля, ^[14]и маска холодного высокомерия на мгновение слетела с лица Рыжего Комина, обнажив уродливую враждебность. Прежде чем он успел открыть рот, в разговор вмешался Роберт Вишарт, епископ Глазго.

— Хорошо сказано, сэр Джеймс. Наши рты сейчас должны наслаждаться пищей и благодарить Господа нашего за его щедрые дары. — Вишарт поднял свой кубок. — Великолепное вино, милорд. Из Гаскони, не так ли?

Ответ короля потерялся в оглушительном раскате грома, от звуков которого собаки вскочили и встревожено залаяли, а епископ Сент-Эндрюсский расплескал вино.

Вишарт довольно расхохотался.

— Если это и впрямь Судный день, тогда все мы восстанем с полными желудками! — Он сделал жадный глоток, и уголки его губ окрасились вином. Епископ Сент-Эндрюсский, который был настолько же тощ и мрачен, насколько Вишарт тучен и громогласен, запротестовал было, но Вишарт перебил его: — Вам известно не хуже меня, ваша милость, что если бы каждый такой день был объявлен Судным, то мы бы уже воскресли не менее дюжины раз!

Король собрался заговорить, но тут заметил внизу в толпе знакомое лицо. Это был один из оруженосцев свиты королевы, шустрый и способный француз по имени Адам. Его дорожная накидка блестела в свете факелов, а темные волосы намокли от дождя и прилипли ко лбу. Когда Адам проходил мимо очага, король заметил, что от его одежды валит пар. Оруженосец поспешно взбежал на помост.

— Милорд... — Адам остановился перед королем, дабы отвесить церемонный поклон и

перевести дух. — Я привез вам послание из Кингхорна.

— В такую погоду? — любопытствовал Вишарт, но оруженосец уже склонился к королю и что-то негромко зашептал ему на ухо.

Когда Адам выпрямился, уголки губ короля дрогнули в улыбке, и румянец со щек пополз ниже, на подбородок и шею.

— Адам, ступай и приведи Тома. Скажи ему, пусть захватит мою накидку и оседлает коня. Мы немедленно выезжаем в Кингхорн.

— Слушаюсь и повинуюсь, милорд.

— Что-то случилось? — спросил епископ Сент-Эндрюсский, когда оруженосец поспешно удалился. — Королева, с ней...

— Ее величество пребывает в добром здравии, — ответил Александр, уже не сдерживая улыбки. — Она хочет меня видеть. — Он поднялся на ноги. Послышался скрип отодвигаемых скамеек и шорох ног, когда все присутствующие в зале вскочили со своих мест вслед за королем. Кое-кто из них расталкивал изрядно набравшихся соседей по столу, чтобы те последовали их примеру. Король поднял обе руки и возвысил голос, обращаясь к ним. — Прошу вас, оставайтесь. Это я должен покинуть вас. А вы продолжайте веселье. — Он махнул рукой своему менестрелю, который немедленно заиграл на арфе, и звуки музыки на мгновение заглушили вой ветра.

Когда король отошел от стола, путь ему преградил Джеймс Стюарт.

— Милорд, молю вас, подождите до утра, — негромко посоветовал он. — Сегодня неудачный день для поездки, особенно по такой дороге.

Тревога, прозвучавшая в голосе сенешаля, заставила Александра приостановиться. Оглянувшись, он заметил то же самое выражение тревоги в глазах остальных мужчин за столом, за исключением Джона Комина, который о чем-то негромко разговаривал со своим родственником, графом Бучаном. На мгновение король заколебался, уже готовый вернуться на свое место и кликнуть Гутреда, чтобы тот подал еще вина. Но другое чувство, намного более сильное, победило. Последние слова Комина еще звучали у него в ушах горьким послевкусием. *«Вы ведь наверняка понимаете, в каком безвыходном положении они оказались?»* Да, Александр понимал, пожалуй, даже слишком хорошо, поскольку вопрос о наследовании престола назойливо преследовал его последние два долгих года, с того самого дня, когда наследник, на которого он возлагал все свои надежды, сошел в могилу вслед за его женой, дочерью и младшим сыном. Со смертью старшего сына оборвалась и линия самого Александра, как песня, которую не успел подхватить хор. Теперь лишь слабое ее эхо катилось над Северным морем, порожденное его трехлетней внучкой, ребенком погибшей дочери и короля Норвегии. Да, Александр очень хорошо понимал неприятный выбор, вставший перед народом Галлоуэя более пятидесяти лет тому, когда их повелитель умер, не оставив после себя наследника мужского пола.

— Я должен ехать, Джеймс. — Голос короля прозвучал негромко, но твердо. — Прошло почти шесть месяцев с моей брачной ночи, а Иоланда до сих пор не понесла, сколько мы ни пытались зачать ребенка. Если сегодня она примет мое семя, то, Божьей милостью, в следующем году к этому времени у меня будет наследник. Ради этого стоит рискнуть и пренебречь грозой. — Сняв золотой венец, который был на нем во время Совета и праздника, Александр протянул его своему сенешалю. Проведя рукой по волосам, примятым золотым обручем, он пообещал: — Я скоро вернусь. — Помолчав, он добавил, не сводя глаз с Джона Комина: — А пока что скажи лорду Баденоху, что я удовлетворю прошение его

зятя. — Глаза Александра сверкнули. — Но подожди до завтра.

По губам Джеймса скользнула понимающая улыбка.

— Милорд...

Александр пересек помост, шагая по грязным следам, оставленным оруженосцем, сопровождаемый блеском золота на своем ярко-алом платье. Привратник у входа поклонился и распахнул перед ним двойные двери залы, и король шагнул через порог, оставляя позади плач арфы.

Стоило Александру оказаться снаружи, как ураган набросился на него, словно разъяренный зверь. Струи ледяного дождя хлестали по лицу, ослепляя его, когда он принялся осторожно спускаться по ступенькам, ведущим во двор. Иссиня-черный полог неба разорвал зигзаг молнии, и король недовольно поморщился. Грозовые тучи нависали так низко, что, казалось, они задевают крыши зданий, выстроившихся перед ним вплоть до внутренних стен, за которыми начинался крутой спуск к наружным бастионам. Со своего места на возвышенности поверх зубчатых наружных стен Александру открывался вид на королевский Эдинбург: его дома теснились на склоне каменистой гряды, на самой макушке которой пристроился замок.

Вдалеке, у самого подножия, он различил смутный силуэт аббатства Холируд, за которым высился черный скальный массив, теряющийся в тумане. На севере местность становилась ровнее, переходя в пастбища и поля, за которыми начинались топи и вересковые пустоши, обрывающиеся у берегов Ферт-оф-Форта, который англичане называют Шотландским морем. Над этой полоской воды, освещаемой частыми вспышками молний, тянулись поросшие лесом холмы Файфа ^[15] и дорога, по которой ему предстояло двигаться. Кингхорн, находившийся в двадцати милях отсюда, казался еще дальше, чем был на самом деле. Вспомнив мрачные и полные дурных предчувствий слова епископа Сент-Эндрюсского о том, что когда наступит Судный день, он будет именно таким, Александр помедлил, стоя на последней ступеньке. Дождь сек его лицо. Но, видя, как к нему бегом направляется Адам, он заставил себя ступить в грязь, представляя себе молодую жену, которая ждет его в теплой постели. А еще там будет подогретое вино со специями и тепло очага.

— Милорд, Том захворал, — окликнул его Адам, повышая голос, чтобы перекричать шум дождя. В руках он держал дорожную накидку короля.

— Захворал? — Александр недовольно нахмурился, когда оруженосец накинул ему на плечи подбитую мехом мантию. Том, который служил ему вот уже тридцать лет, всегда сопровождал короля в поездках. Адам тоже ловкий малый, но он любимчик королевы, прибывший в ее свите в Шотландию прошлой осенью. — Сегодня днем с Томом все было в порядке. Смотрел ли его лекарь?

— Он сказал, что в этом нет нужды, — откликнулся Адам, помогая королю перебраться через одну особенно глубокую лужу. — Осторожнее, сир.

Впереди горели фонари, и пламя внутри них металось, как птица в клетке, трепеща и бросаясь на стенки. Ветер донес до них голоса людей и ржание лошадей.

— Кто будет сопровождать меня?

— Том прислал вместо себя мастера Брайса.

Александр нахмурился еще сильнее, но Адам поспешно увлек его за собой в конюшню. В ноздри им ударил резкий запах соломы и конского навоза.

— Ваше величество, — приветствовал короля конюший, который держал в поводу прекрасного серого жеребца. — Я сам оседлал для вас Винтера, хотя и не поверил своим

ушам, когда мастер Брайс сказал мне, что вы намерены отправиться в путь в такую-то погоду.

Александр перевел взгляд на Брайса, неразговорчивого тугодума, который менее месяца назад поступил в помощь Тому, сбивавшемуся с ног, ухаживая за королем и его молодой супругой. Александр намеревался приказать управляющему подыскать ему кого-нибудь порасторопнее, но из-за приготовлений к сегодняшнему Совету у него не нашлось на это времени. Брайс молча поклонился. Недовольно проворчав что-то себе под нос, Александр, внезапно протрезвевший, натянул перчатки для верховой езды, которые протянул ему конюший. Когда он влез на камень и уже оттуда перебирался в седло, широкая мантия запуталась у него в ногах, пачкаясь о заляпанные грязью сапоги. Он бы переделался, если бы не боялся потерять столь драгоценное время. Пока конюший подтягивал подпругу, отчего Винтер нетерпеливо загарцевал на месте, двое оруженосцев вскочили на своих лошадей, которых вывели для них из конюшни. Обе были иноходцами, намного легче и меньше королевского скакуна. Адам сел на свежую лошадь, потому что загнал собственную кобылу на пути в Эдинбург.

Голос конюшего долетел к ним из-за завесы дождя.

— Доброго пути, милорд.

Адам первым двинулся по двору замка. Кони уверенно ступали по размокшей земле. Вечер еще не наступил, но в окнах сторожки уже горели факелы, и вокруг них сгущалась темнота. Стражники навалились на ворота, распахивая их, и трое всадников выехали на дорогу, круто сбегавшую вниз. Вскоре сторожка осталась позади, темной тенью нависая над ними, и пламя факелов превратило ее окна в жутковатые янтарные глаза. Когда они проезжали вторые ворота в нижней стене, стража с удивлением приветствовала своего короля.

По главной улице, протянувшейся через весь город, грязными потоками текла вода. Но улица была пуста, на ней не толпились люди и повозки, и король с оруженосцами пришпорили коней. Сильный ветер трепал их накидки и ерошил волосы, и к тому времени, как они выехали на окраину города, всадники уже промокли до нитки и промерзли до костей. Путь их лежал по открытой местности до самого Ферт-оф-Форта, а Эдинбург оставался у них за спиной.

Достигнув Далмени, они спешили у домика паромщика. С устья реки налетал сильный порывистый ветер. Темнота сгустилась и стала почти непроглядной. Пока Адам барабанил в дверь, король рассматривал двухмильное пространство бурной, угрожающе черной воды. Над далекими холмами вспыхивали молнии, и оттуда волной на них накатывался гром. Гроза смещалась к северу над Файфом.

Паромщик открыл дверь, держа в руках фонарь.

— Да? — хриплым голосом рявкнул он на шотландском диалекте. — А-а, это опять ты. — Бросив взгляд поверх плеча Адама, перевозчик явно смутился, разглядев в неверном свете фонаря лицо короля. — Ваше величество! — Он распахнул дверь во всю ширь. — Простите меня. Прошу вас, входите. Вы совсем промокли.

— Я направляюсь в Кингхорн, — сказал Александр, легко переходя с французского, на котором он разговаривал весь день в Совете, на грубый англо-шотландский диалект.

— В такую бурю? — Перевозчик с тревогой бросил взгляд на полоску песка, за которой в темноте высилась темная громада парома. — Это не самое мудрое решение.

— Твой король отдал тебе приказание, — резко бросил Адам. — И его не интересуется,

что ты думаешь по этому поводу.

Накинув на голову капюшон, паромщик прошел мимо Адама и остановился перед королем.

— Милорд, умоляю вас, подождите до утра. Вы можете переночевать в моем доме вместе со своими людьми. Здесь нет особых удобств, но, по крайней мере, сухо.

— Но ведь ты уже перевозил моих людей сегодня, и ничуть не возражал против этого.

— Это было задолго до того, как шторм разыгрался в полную силу. А сейчас... словом, милорд, это слишком опасно.

У Александра лопнуло терпение. Похоже, все только и делали, что стремились помешать ему увидеться с женой.

— Если ты боишься, тогда на весла сядут мои оруженосцы. Но я переправлюсь на тот берег любой ценой, и именно сегодня!

Перевозчик испуганно поклонился.

— Слушаюсь, милорд. — Он уже повернулся, чтобы идти в дом, но потом остановился. — Господь наш свидетель, что я не желал бы лучшей смерти, чем в обществе сына вашего отца.

Александр стиснул зубы, а паромщик скрылся в доме.

Вскоре он вернулся в сопровождении шести мужчин. Все они были монахами из аббатства Дунфермлайн, которому принадлежало право на паромную переправу еще со времен Святой Маргариты. Должно быть, их шерстяные рясы и сандалии служили жалкой защитой от пронизывающего ветра, но они не жаловались, сопровождая короля к кромке воды. Замыкали процессию Брайс и Адам, который подвязал железные стремена коней кожаными ремешками, чтобы они не причинили вреда животным во время переправы.

А она получилась долгой и беспокойной. Мужчины прятали лица от дождя, барабанившего по их капюшонам, а лошади вели себя беспокойно — неровное движение парома, который то поднимался на волны, то проваливался в пропасть между ними, пугало их. Ветер подхватывал клочья пены, швыряя ее в людей, и они вскоре ощутили ее соленый привкус на губах. Александр съезжился на корме, закутавшись в промокшую меховую накидку, которую предложил ему паромщик. Гром понемногу стихал вдали, а вот ветер и не думал униматься, так что унылая песнь монахов, которую они затянули, склонившись над веслами, была едва слышна за его свистом. Однако, невзирая на явную тревогу перевозчика, паром благополучно причалил к пристани королевского городка Инверкейтинг.

— Мы поедем вдоль берега, — решил Александр, когда Адам взял Винтера под уздцы, чтобы свести с парома на мокрый песок. Кое-где в домах на возвышенности уютно подмигивали огоньки. — Так у нас будет хоть какое-то укрытие.

— Только не сегодня, милорд, — предостерег его перевозчик, принимая промокшую накидку, которую вернул ему король. — В некоторых местах прилив размыл дорогу. Вы можете оказаться отрезанными от всего света.

— Давайте поедем поверху, сир, — предложил Адам, освобождая стремена на королевском скакуне. — Так будет быстрее.

Решив, наконец, какой дорогой ехать, король с оруженосцами прищпорили коней. Путь их вел по поросшим лесом холмам к тропе, тянувшейся вдоль кромки обрыва. Под деревьями царила непроглядная тьма, однако нависшие над тропой ветви обеспечивали хотя бы призрачную, но все-таки защиту от ливня. Выехав из леса, они вновь оказались во власти урагана, который засыпал их пригоршнями дождя, пока всадники поднимались по

извилистой тропе на вершину береговой гряды. Земля была топкой, и копыта лошадей вязли в ней, превращал путешествие в настоящую пытку. Адам возглавлял процессию, приказав Брайсу ехать за ним следом и криком предупреждать короля о наиболее опасных местах. Александр был очень опытным наездником, но его коню, в несколько раз превосходившему статью лошадок оруженосцев, было все труднее подниматься в гору, так что через несколько минут король безнадежно отстал от своих спутников. Ветер доносил крики его людей, но видеть их в наступившей темноте он не мог. Стиснув зубы и кляня себя последними словами за то, что не послушался совета сенешаля, он понукал Винтера, вонзая шпоры ему в бока и то и дело срываясь на ругань, пока, наконец, жеребец не начал встревожено храпеть. Перед мысленным взором короля по-прежнему стоял образ его молодой супруги в теплой постели, но теперь он цеплялся за него, как за спасительную соломинку.

Александр сражался со своим конем на крутом подъеме, и тот сердито прядал ушами и тряс головой, недовольный резкими рывками повода. Это было настоящее безумие. Король упрекал себя в том, что не послушал Джеймса и не стал дожидаться утра. Он уже собрался кликнуть своих оруженосцев и повернуть назад, чтобы переждать бурю в Инверкейтинге. Но тут темноту прорезала молния, и в трепещущем свете король разглядел острые скалы, нависшие над тропой впереди. За этим крутым обрывом лежал Кингхорн. До него оставалась миля или около того. Выпрямившись в седле, Александр опять вонзил шпоры в бока Винтера, вынуждая усталое животное двигаться вперед. Подъем стал еще круче, и до слуха короля донеслись пронзительные крики чаек, мечущихся над скалами. Он больше не слышал своих людей. Дорога превратилась в узенькую тропку, слева вздымались отвесные стены, а справа зияла темнотой бездна. Александр знал, что отсюда вниз до берега не больше ста футов, но, с таким же успехом, у его ног мог развернуться спуск в глубины ада. Конь поскользнулся, и он резко натянул поводья. От напряжения у него заболели руки.

— Вперед! — проревел он, когда жеребец остутился вновь, попятился и попытался повернуть вспять. — Вперед!

Перед ним возникла черная тень.

— Сир!

Александр испытал невыразимое облегчение.

— Возьми у меня повод, — крикнул он Адаму, стараясь перекричать рев урагана. — Мне придется спешиться. Со мной в седле Винтер не сможет подняться на вершину.

— Подождите, милорд, я подъеду ближе. Там, впереди, дорога расширяется. Я поведу вас.

— Осторожнее, я стою здесь на самом краю, — предостерег оруженосца король, чувствуя, как холодные струйки дождя текут ему за шиворот. — Где Брайс?

— Я отправил его вперед. — Адам втиснул свою лошадку между королем и отвесной скалой, которая вздымалась над тропой. Вспышка молнии осветила его напряженное лицо, когда он потянулся и схватил Винтера под уздцы, коленями заставляя собственную лошадь успокоиться.

— Отлично, парень, — сказал Александр, готовясь соскочить на землю. — Осталось совсем немного.

— Последнее усилие, милорд, — отозвался Адам и навалился на него.

Александр ощутил, как вздрогнул и потерял равновесие Винтер. Он решил, что жеребец охромел на переднюю ногу, и пронзительное ржание подтвердило его догадку. Король захлебнулся криком, валясь вперед, на деревянную луку седла. Он схватился за шею коня,

чтобы не упасть, и ощутил острую боль, на этот раз в собственной ноге, когда что-то вонзилось в нее сбоку. Он еще успел понять, что это лошадь Адама и что оруженосец выпустил поводья его коня. А потом они с Винтером полетели в темноту.

Адам прилагал отчаянные усилия, чтобы успокоить свою запаниковавшую лошадь, слыша, как затихает внизу предсмертный крик короля. Через несколько мгновений ему удалось утихомирить свою кобылу и спешиться. Держа поводья одной рукой, он наклонился, чтобы стереть кровь с кинжала, зажатого в другой, о мокрую траву, растущую вдоль тропы. Покончив с этим, он приподнял короткую штанину и спрятал кинжал в ножны, привязанные к лодыжке. Осторожно ступая, Адам подошел к краю обрыва и принялся ждать, сдувая капли дождя с кончика носа. Через несколько минут темноту вновь прорезала вспышка молнии. Острые глаза Адама разглядели внизу какую-то неясную, бесформенную тень. Он ждал. Сегодня ночью должна была светить полная луна, но буря спутала все карты. С другой стороны, рев ветра и шум дождя заглушили крик короля, так что Брайс наверняка ничего услышал, хотя этому дураку полагается быть уже далеко. Последовала троекратная вспышка, и Адам вновь принялся вглядываться в темноту. Конь короля остался лежать на месте, но теперь Адам разглядел рядом и маленькую фигурку. Кроваво-красное платье Александра сияло в мертвенном свете молний, подобно знамени. Удовлетворенный увиденным, оруженосец вставил ногу в стремя и поднялся в седло. Даже если король выжил после падения, он все равно погибнет от холода, прежде чем кто-нибудь найдет его, а уж Адам побеспокоится о том, чтобы направить поисковую партию в другую сторону. Вонзив шпоры в бока лошади, он продолжил свой путь вперед и вверх, к Кингхорну, репетируя ложь, которую собирался преподнести молодой королеве.

Внизу, на пляже, умирающий скакун повернул голову. Кровь хлестала у него из глубокой раны на передней ноге. Именно перерезанное сухожилие вынудило Винтера потерять равновесие. Теперь же оно было неотличимо от остальных повреждений, полученных после падения. В нескольких футах от коня, раскинув руки, недвижно лежал его венценосный хозяин, держа голову под неестественным углом. Резкий порыв ветра, налетевший с Форта, приподнял край королевской накидки, и та захлопала по песку, но это было единственное движение, нарушившее мертвый покой пустынного места.

Сегодня погибшие не восстанут.

Мальчик задыхался, а конь под ним с бешеной скоростью несся по берегу, выбрасывая из-под копыт клочья мокрого песка и все дальше унося его от криков, эхом затихающих позади. Одной рукой стискивая поводья, мальчик всем телом откинулся назад в седле, почти стоя в стремях и надеясь остановить безумный бег лошади, пока мышцы не заняли от боли. Сильный ветер трепал волосы, швыряя их в глаза и ослепляя, а копьё, которое он сжимал правой рукой, раскачивалось из стороны в сторону. Внезапно конь прыгнул вперед, и боль от вырвавшихся из руки поводьев пронзила мальчика насквозь. Скакун бешеным галопом устремился к полосе прибоя, и подросток выпустил копьё, которое упало на песок под копыта коня и разлетелось в щепки. Издалека до него донесся голос, выкрикивавший его имя.

— Роберт!

Вцепившись в поводья уже обеими руками, мальчик из последних сил сражался с обезумевшим животным, крича от страха и отчаяния, а конь продолжал свой неумолимый бег к волнам, с шипением накатывающимся на берег. Море, сверкающая поверхность которого в лучах полуденного солнца искрилась ослепительными белыми брызгами, надвигалось, заполняя весь мир вздымающимися валами прибоя. Его оглушительный рокот стоял у него в ушах. И вдруг он ощутил страшный толчок. Небо опрокинулось, и на мгновение он увидел облака и чаек. В следующее мгновение мальчишка полетел головой в волны.

Холод оглушил его, и он широко открыл рот, набрав полные легкие соленой воды, с головой уйдя в пенную круговерть прибоя. Набежавшая волна перевернула его несколько раз, а потом потащила за собой. От ледяного шока и страха он утратил всякое представление о том, где находится верх, а где низ, и в груди поселилось сильное жжение. Он не мог дышать. И вдруг нога его зацепила дно. Размахивая руками, он вырвался на поверхность, хватая воздух широко раскрытым ртом. Следующая волна толкнула его в спину, повалила на колени и повлекла за собой вперед, но он умудрился удержать голову над водой. Устремив взгляд на берег, он, собрав последние силы, вырвался из цепких объятий прибоя. Шатаясь, в мокрой, облепившей тело тунике он вышел на песок, кашляя и отплеываясь, и только тут заметил, что море сорвало с его ног башмаки и острые края ракушек впились в босые ступни. Мальчик согнулся пополам, и вода хлынула у него изо рта и ушей.

— Роберт!

При звуках этого голоса мальчик выпрямился. По берегу к нему направлялась чья-то фигура. Сердце у него упало, когда он увидел сломанное копье, уменьшенную копию того, каким сражались рыцари, в руках своего наставника.

— Почему ты не подобрал повод? — Мужчина остановился перед мокрым насквозь мальчишкой, размахивая сломанным копьем. — Оно испорчено! И все потому, что ты не способен выполнить самое простое указание!

Роберт, дрожа на пронизывающем ветру, встретил взбешенный взгляд своего наставника. Приземистый и квадратный, с раскрасневшимся лицом, тот задыхался от быстрого бега. Мальчику ничего не оставалось, как постараться извлечь удовольствие хотя бы из этого факта.

— Я пытался, мастер Йотр, — мрачно ответил он, глядя вдаль, туда, где наконец-то соизволил остановиться его конь. Поводья волочились за ним по песку. Он всхрапнул и несколько раз тряхнул головой, словно потешаясь над незадачливым наездником. В груди у Роберта вспыхнула ярость, когда он вспомнил, как четыре недели тому его привели на конюшню. Но его восторг оттого, что учеба перешла в новое качество, быстро испарился, когда он увидел, что единственным обитателем конюшни был огромный боевой жеребец. Роберт научился ездить верхом на добродушном пони, с которого в последнее время пересел на жизнерадостную молоденькую кобылку. А этот зверь ничем не походил на тех безобидных и милых созданий. Ездить на нем — то же самое, что оседлать самого дьявола. Роберт перевел взгляд на Йотра. — У моего отца в конюшнях более трех десятков лошадей. Почему вы выбрали именно Айронфута? К нему боятся подходить даже грумы. Он чересчур силен.

— Тебе не силенок недостает, — проворчал Йотр, — а умения. Вот в чем дело. Конь будет слушаться тебя, если ты станешь выполнять мои указания. Но, как бы там ни было, —

добавил он уже не таким язвительным тоном, — это не я выбрал для тебя такого коня, а твой отец.

Роберт умолк. Его мокрые щеки блестели на солнце, когда он уставился на море. На его осунувшемся лице, бледном на фоне темной шевелюры, отразилось отчаяние. Вдали, за огромными камнями, о которые разбивались волны, вода обрела невероятный, прозрачный, ярко-зеленый оттенок. А еще дальше, у подводной гряды Фэари-Рок у острова Айлза-Крейг, она становилась темно-серой, переходя в черную у едва видимого с берега островка Арран. Здесь, на побережье Каррика, ^[16]стоял ясный, хотя и ветреный, весенний день, а над горами Аррана повисли тучи, сочившиеся дождем, последнее напоминание о яростных ураганах, бушевавших над Шотландией с начала года. Взглядом Роберт нашел пятнышко на южном горизонте, отмечавшее самую северную оконечность Ирландии. Завидев узкую полосу земли, которую часто скрывали туманы, он вновь испытал острое ощущение утраты.

Его брат по-прежнему пребывал где-то там, на этом клочке суши, под опекой одного ирландского лорда, вассала их отца, которому их обоих передали на воспитание. На сегодня обучение и подготовка Эдварда наверняка уже закончилась. И теперь, скорее всего, он уже гоняет на маленьких деревянных лодках, которые они построили сами, на реке у замка Антрим вместе с их названными братьями, хохоча во все горло и забавляясь на мелководье. А вечером они будут есть жареного лосося и пить сладкое пиво у очага в главной зале замка и слушать рассказы лорда об ирландских героях, знаменитых битвах и походах за сокровищами. Те двенадцать месяцев, что Роберт провел в Антриме, стали для него лучшими в жизни. Его приемный отец учил его всему, что должен знать старший сын одного из самых влиятельных семейств Шотландии. Роберт полагал, что, вернувшись домой, займет подобающее место при дворе отца, поскольку он уже не мальчик, а юноша, ступивший на дорогу к рыцарству. Но его мечты вдребезги разбились о суровую реальность.

— Пойдем, попробуешь еще раз, — сказал Йотр, жестом подзывая Роберта к себе и поворачиваясь, чтобы идти к тому месту, где стоял Айронфут. — И на этот раз, если ты в точности выполнишь мои указания, мы сможем избежать любых... — Его прервал чей-то звонкий и отчаянный крик.

К ним через дюны бежал маленький мальчик. Позади него на скале над бурным морем высился замок Тернберри, над бастионами и башнями которого кружили чайки и бакланы.

Роберт улыбнулся, видя, как смешно перебирает коротенькими ножками малыш, вздымая облачка песка.

— Найалл!

Его младший брат, запыхавшись, остановился перед ним, беспардонно игнорируя Йотра, который зашипел от негодования.

— Прибыли рыцари и, — Найалл перевел дух, — и дедушка!

На лице Роберта расцвела довольная и удивленная улыбка. Он тут же сорвался с места и припустил по пескам вместе с Найаллом, и мокрая туника хлопала его по ногам.

— Мастер Роберт, — рявкнул у него за спиной Йотр, — ваш урок еще не закончен. — Когда мальчики остановились и повернулись к нему, он ткнул сломанным копьём в сторону Айронфута. — Вам предстоит сделать еще одну попытку.

— Продолжим завтра.

— Ваш отец узнает о вашем неповиновении.

Ярко-синие глаза Роберта сузились.

— Ну, так расскажите ему, и дело с концом, — заявил он и бросился догонять брата.

Пробежав через дюны, мальчишки оказались в небольшом предместье Тернберри, застроенном домами горожан и фермерскими усадьбами, с вытасченными на берег рыбацкими лодками, и по песчаной дороге заторопились к замку. Здесь Роберт намного обогнал брата. Сильные ноги несли его вперед, и Найалл остался далеко позади. Земля была изрыта многочисленными свежими следами лошадиных копыт. Легкие у него горели, и чрезмерное напряжение прогнало ледяной холод из рук и ног, отодвинув куда-то на задний план и угрозы Йотра.

Когда он подбежал к воротам, которые сегодня были распахнуты настежь, его окликнул один из стражников.

— Мастер Роберт! — Стражник ухмыльнулся. — Вы как будто побывали в лапах у самого дьявола.

Не обращая на него внимания, Роберт замедлил бег, оказавшись во внутреннем дворе замка. Здесь главный конюший распоряжался людьми и лошадьми. Среди медленно двигающихся животных Роберт разглядел членов своей семьи, которые вышли приветствовать нежданных гостей. Он окинул нетерпеливым взглядом двух своих братьев, мать и трех сестер, одна из которых хныкала на руках у кормилицы. Глаза его на мгновение задержались на фигуре отца, графа Каррика, одетого в малиновый, расшитый золотом камзол, а потом переместились на вновь прибывших. С некоторым удивлением он узнал среди них Джеймса Стюарта. Его милость сенешаль Шотландии, один из самых могущественных сановников королевства, семья которого вот уже несколько поколений сохраняла за собой эту должность, стоял рядом с рослым графом. Там были и прочие, но все они показались Роберту мелкими и незначительными, когда взгляд его остановился на властном мужчине в центре, с роскошной гривой седых волос и морщинистым, словно вырубленным из камня, лицом. Роберт Брюс, лорд Аннандейл. Человек, имя которого носили они с отцом.

Заслышав за спиной сопение Найалла, Роберт направился к деду, который стоял в покрытой пылью дорожной накидке и мантии, расшитой гербами Аннандейла. Но улыбка замерла у мальчика на губах, когда он заметил суровое и неприступное выражение на лице старика. Он вдруг понял, что и окружающие разделяют суровую мрачность деда. Мать выглядела шокированной, отец встревоженно покачивал головой. И тогда до Роберта долетели слова. Они казались невозможными, но выражение лиц взрослых подтверждало их правоту. Мальчик заговорил во весь голос, не думая, машинально повторяя услышанное, превратив утверждение в вопрос:

— Король умер?

Все присутствующие повернулись к нему. Роберт стоял под перекрестным огнем их взглядов, насквозь промокший, с гирляндой из водорослей в волосах и с прилипшими к щеке песчинками. Он успел заметить тревогу в глазах матери и недовольство отца, прежде чем голос деда нарушил воцарившееся молчание.

— Ну-ка, подойди сюда, малыш. Дай мне взглянуть на тебя.

И взгляд острых глаз старика, темный и яростный, как у ястреба, впился в него.

сбивались с ног, разжигая очаги в пустых комнатах, застилая постели свежим бельем и расчищая места для коней в стойлах. Но настоящий бедлам творился на кухне — ведь поварам предстояло превратить процесс кормления и так немаленького хозяйства графа в настоящее пиршество для семи благородных господ и армии сопровождающих лиц. Вдобавок число гостей увеличилось к вечеру, когда в ворота замка въехали еще шесть рыцарей. Роберту, неотлучно торчавшему у окна комнаты, которую он делил со своими братьями, сегодняшний день представлялся торжественным и важным; в воздухе носилось предчувствие перемен, вызванных смертью короля. Он со страхом и восторгом думал о том, что же теперь будет, глядя, как внизу стражники запирают ворота за шестью всадниками. Где-то в замке зазвонил колокол. На западе, над холмами Аррана, угасал дневной свет, и там до сих пор сверкали зарницы недавней грозы.

Когда гости вошли в главную залу замка, между ними засновали слуги, разливая рубиновое вино в шеренги оловянных кубков. Снаружи доносилось вечно недовольное ворчание прибоя, и соленый запах моря смешивался с ароматами приготовленных блюд и древесного дыма. Чтобы разместить вновь прибывших, пришлось соорудить три стола с лавками, и зала была переполнена, а в воздухе стояла духота от огня, разведенного в гигантском очаге. На стене позади главного стола висело знамя графа, украшенное гербом Карриков; красный шеврон ^[17]на белом поле. Напротив него разместился внушительный гобелен, на ярком шелке которого был изображен Малкольм Канмор, убивающий в бою своего заклятого соперника Макбета и занимающий трон, что и положило начало блистательной династии, которой Брюсы приходились дальними родственниками. Роберт всегда считал, что победоносный король очень похож на его отца.

Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу у дверей, через которые в залу непрерывным потоком шли лорды, разместившиеся за главным столом, их рыцари и челядь, для которых нашлось место за раскладными столами и лавками. С Робертом были его младшие братья Александр, Томас и Найалл, и старшая сестра Изабелла. Когда мимо прошел последний из гостей, молодой человек с невероятно синими глазами, один из которых подмигнул ожидающим своей очереди детям, Роберт перешагнул порог, намереваясь пробраться как можно ближе к деду. Но звонкий голос матери заставил его замереть на месте.

— Сегодня вечером вы ужинаете у себя в комнате.

Роберт повернулся, как громом пораженный подобной несправедливостью. Из тени коридора выступила внушительная высокая фигура его матери, графини Каррик, женитьба на которой принесла отцу титул графа дикой страны. Ее роскошные черные волосы были заплетены в косички и уложены в высокую замысловатую прическу с серебряными заколками. Белое льняное платье туго обтягивало выступающий живот, из которого готовился выйти на свет десятый ребенок.

Не сводя глаз с Роберта, мать подошла к нему, держа за руку маленькую девочку.

— Вы слышали меня?

— Матушка... — начала было Изабелла.

— Пожелайте своему отцу и деду покойной ночи и ступайте наверх. — Она произнесла эти слова по-гэльски, и дети поняли, что разговор окончен. Мать говорила по-гэльски только в минуты гнева или же со слугами. — А теперь идите, — продолжала она, переходя на французский, который предпочитал их отец.

Войдя в залу, в которой слышался негромкий гул голосов, Роберт приблизился к отцу,

сидевшему за главным столом. Он попытался поймать его взгляд, ища признаки гнева, в котором неминуемо должен был пребывать родитель, зная он о том, как его старший сын пренебрег сегодняшним уроком верховой езды. Граф вел оживленную беседу с коренастым, похожим на медведя, мужчиной, закутанным в черные меха. Роберт узнал в нем человека, прибывшего сегодня после обеда.

— Покойной ночи, отец, — пробормотал мальчик.

Граф поднял на него глаза, но разговора не прервал. Испытывая невероятное облегчение и надеясь, что из-за всех тревожностей сегодняшнего дня Йотр не пожаловался отцу, Роберт быстрым шагом направился к деду, сидевшему на другом конце стола. Лорд Аннандейл усадил себе на колени его маленькую сестричку Кристину, ту самую, которая вошла в залу, держась за руку матери.

— Чем вы ее кормите, леди Марджори? — спросил старый Брюс, с кряхтением опуская девочку на пол.

Графиня тепло улыбнулась.

— А теперь пойдете, — обратилась она к детям, не проявлявшим ни малейшего желания уходить, и подталкивая их к двери, где уже ждала нянька, чтобы отвести наверх.

Роберт промедлил, надеясь, что ему позволят остаться, но резкий окрик отца разрушил все планы.

— Ты слышал, что сказала мать. Марш отсюда!

Лорд Аннандейл посмотрел на Роберта, а потом перевел взгляд на графа.

— После тебя, сынок, мальчик станет владельцем поместья. Думаю, он должен остаться и послушать. — Старик повернулся к Марджори. — С вашего разрешения, миледи.

Прежде чем графиня успела ответить, вновь заговорил отец Роберта.

— Владелец поместья? — Голос его прозвучал резко, как удар хлыста. — Ему уже одиннадцать, а он до сих пор не умеет держаться в седле с копьём в руках! Я уже начинаю жалеть, что отправил его в Антрим, если он там ничему не научился.

Жаркий румянец выступил на щеках Роберта, и он повесил голову, думая о том, что все мужчины в зале видят его позор.

Хотя, говоря по правде, на него решительно никто не смотрел; вниманием всех присутствующих всецело завладели двое мужчин, сидевших в разных концах главного стола. Они с вызовом смотрели друг на друга, устроив настоящую дуэль взглядов, глаза в глаза. Одни — черные и яростные, полные мрачной решимости, другие — льдисто-голубые, презрительно сощуренные.

— Я не возражаю против того, чтобы Роберт остался. — Графиня подошла к мужу и положила ему руки на плечи, успокаивая.

Граф пробормотал что-то неразборчивое, когда жена опустилась на мягкий стул, приготовленный специально для нее, но Роберт уже не слушал. Он закусил губу, чтобы скрыть довольную улыбку, когда дед жестом показал ему на скамью рядом с собой. Трое мужчин, сидевших на ней, одним из которых оказался сам сенешаль, подвинулись, освобождая ему место. Роберт поймал завистливый взгляд своего брата Александра, отчего победа стала еще слаще, но тут детей увели. Оглядевшись по сторонам, Роберт понял, что оказался рядом с тем самым синеглазым молодым человеком, который подмигнул ему. Он наклонил голову, демонстрируя нечто среднее между кивком и поклоном, не будучи уверенным в том, чего заслуживал сосед — простой вежливости или глубокого уважения. Тот улыбнулся Роберту в ответ.

— Лорд сенешаль, — начал дед Роберта, и в голосе его прозвучала такая властность, что все разговоры за столом моментально стихли. — Предлагаю вам открыть совет, сообщив моему сыну и лорду Ислею те новости королевского двора, которые стали нам известны. — Он кивнул на медведеподобного рыцаря в мехах, разговаривавшего с графом. — В своем послании, Ангус, я известил вас о тех печальных событиях, которые стали причиной нашей сегодняшней встречи, но некоторые подробности я не отважился доверить письму, и потому...

— Полагаю, отец, — прервал его граф с другой стороны стола, — прежде чем мы начнем, следовало бы представить наших гостей. Они могут быть наслышаны друг о друге, но при этом не знакомы лично. — Не дожидаясь согласия, он встал, расправив малиновое платье, глубокими складками облежавшее его фигуру, и вытянул руку в сторону широкоплечего мужчины с черными, блестящими волосами, сидевшего за главным столом. — Сэр Патрик, граф Данбар.

Роберт оторвал взгляд от лица деда, которое обрело жесткое выражение, и посмотрел на отца, который продолжал перечислять гостей.

— Сэр Уолтер Стюарт, граф Ментейт, и его сыновья, Александр и Джон. — Граф простер ладонь к трем мужчинам, у которых обнаружили одинаковые рыжие волосы и красноватая, испещренная веснушками кожа. Затем он жестом представил пожилого лорда Ислея, сидящего справа от него и закутанного в меха. — Сэр Ангус Мор Макдональд. — Отец кивнул на сидящего в дальнем конце стола кряжистого мужчину с открытым лицом и молодого человека с синими глазами рядом с Робертом. — Его сыновья Александр и Ангус Ог. — Наконец граф дошел и до сенешаля. — И, разумеется, сэр Джеймс Стюарт и его брат Джон. — Он опустился рядом с графиней и развел руки в стороны. — Для нас с леди Марджори большая честь принимать вас всех под своим кровом, несмотря на сложившиеся обстоятельства. — Он наклонил голову, приветствуя Джеймса, когда в залу вереницей вошли слуги, неся глубокие подносы с исходящей паром олениной, обложенной чабрецом и тимьяном. — А теперь, лорд сенешаль, прошу вас, начинайте. С нетерпением жду вашего подробного рассказа.

Роберт обвел взглядом сидевших за столом, соотнося имена и связанные с ними истории с лицами, которые видел перед собой. Он понимал, что находится в обществе самых могущественных людей королевства, и этот волнующий факт помог ему забыть о том, что отец проигнорировал его, когда представлял гостей.

Сенешаль поднялся на ноги.

— Всем вам известна сокрушительная в своей горечи правда о том, что наш благородный король и повелитель Александр погиб в прошлом месяце, направляясь с визитом к своей супруге в Кингхорн. Во время бури он потерял свой эскорт. Очевидно, конь его оступился и увлек короля за собой с обрыва в пропасть. Во время падения король сломал себе шею.

Мрачные в своей торжественности слова сенешаля нарушал только скрежет черпаков о дно глубоких мисок — слуги в первую очередь обслуживали гостей за главным столом. Нос Роберта уловил волнующий запах, когда слуга положил тушеное мясо на деревянную тарелку перед ним. В ломте хлеба посередине была проделана вмятина, чтобы подхватывать капли подливы и соуса. Бросив взгляд на отца, Роберт увидел, как тот подался вперед, внимательно слушая сенешаля. Протянув руку за ложкой, мальчик вдруг обнаружил, что таковой ему не досталось. Слуга проходил по другую сторону стола, и Роберт не посмел окликнуть его. Он

ничего не ел с самого утра, и в животе у него громко заурчало.

— Едва его тело было обнаружено, как Комины попытались захватить власть. — В голосе сенешаля зазвучал сдерживаемый гнев. — К счастью, в это время в Эдинбурге находились многие королевские сановники, съехавшиеся на Совет, и нам удалось умерить их амбиции. — Сенешаль кивнул на графа Данбара. — Мы с сэром Патриком, при поддержке епископа Глазго, добились принятия решения о выборах Совета из шести хранителей. Он будет править до тех пор, пока на трон не взойдет новый король.

— Кто эти шестеро? — поинтересовался лорд Ислей, и его раскатистый голос заполнил комнату. Учитывая, что родным его языком был гэльский, французский лорда показался грубым и неуклюжим.

— Я, — ответствовал сенешаль, — епископ Глазго, епископ Сент-Эндрюсский, граф Файф, а также главы Рыжих и Темных Коминов.

— Баланс сил соблюден, — пробормотал граф Каррик, окуная ложку в тушеное мясо. — Жаль, что вам не удалось склонить весы на нашу сторону, лорд сенешаль.

— Комины занимают важные должности в королевстве. Так просто от них не избавишься.

Роберт, тем временем, с жадностью уставился в свою тарелку, раздумывая о том, что будет, если он начнет есть руками. И тут вдруг, как по волшебству, перед ним появилась ложка. Ангус Ог Макдональд вынул небольшой нож из ножен на поясе, отрезал кусочек мяса и сунул его в рот. Его синие глаза озорно поблескивали в свете факелов. Роберт благодарно кивнул сыну лорда Ислея и погрузил ложку в тушеное мясо.

— Никого из нас не удивляют попытки Коминов влиять на трон, — продолжал Джеймс. — Они всегда добивались этого, не брезгуя и силовыми методами, как многие прекрасно помнят. — Сенешаль нашел взглядом лорда Аннандейла, который молча кивнул в знак согласия. — Но есть нечто намного более тревожное, чем их извечное стремление к власти. — Он вновь обвел взглядом сидевших за столом. — При дворе иногда полезно наблюдать за теми, кто стоит ближе всех к королю. Вот уже некоторое время мои люди приглядывают за всем, что происходит в королевском доме. После смерти монарха мои шпионы подслушали, как сэр Джон Комин отправляет одного из своих рыцарей с посланием к Галлоуэю. Комин сообщал о смерти Александра и о том, что король распорядился выпустить пленника на свободу, о чем его просили во время Совета. Но моего человека заинтересовало кое-что еще. Комин сказал: «Передайте моему зятю, что я скоро встречу с ним и что пришло время белому льву покраснеть».

Несколько человек за столом заговорили разом.

Граф Каррик в недоумении уставился на сенешаля, нахмутив брови:

— Баллиол? — резко бросил он.

— Мы полагаем, — сказал Джеймс, кивая графу, — что Рыжий Комин намерен возвести лорда Галлоуэя на трон.

Ложка Роберта замерла на полпути ко рту. Он обвел растерянным взглядом мрачные лица гостей, но никто из них не спешил объяснить ему, каким образом сенешаль пришел к такому невероятному заключению. Он отложил ложку в сторону, когда мужчины заговорили все разом. И вдруг на него словно снизошло озарение. Лев на знамени Галлоуэя был белым. А лев на королевском штандарте Шотландии всегда был красным. Когда белый лев покраснеет...

Гулкий голос лорда Ислея заглушил все остальные:

— Это серьезное обвинение для людей, которые совсем недавно принесли присягу на верность. — Ангус Мор Макдональд подался вперед, и меха беспокойно зашевелились на его мощной фигуре. — Минуло всего два года с тех пор, как лорды Шотландии поклялись признать наследницей внучку Александра. Теперь все права на трон принадлежат Маргарет. Мы все дали такое обещание. Я не питаю особой любви к Коминам, но обвинять их и Джона Баллиола Галлоуэя в нарушении клятвы?

— А кто из нас мог представить себе, что нам придется соблюсти ее, особенно после того, как король женился на Иоланде? — возразил Патрик Данбар, проведя рукой по своим блестящим волосам. — Признание наследницей внучки короля, которая живет в Норвегии, было всего лишь разумной предосторожностью, а вовсе не реальностью, с которой любой из нас желал бы иметь дело. Клятва верности, которую мы принесли в тот день, тяжким бременем легла на наши плечи. И многие ли готовы сидеть сложа руки, удовлетворившись тем, что нами будет править неразумное дитя, да еще из чужой страны? — Он кивнул сенешалю. — У меня нет сомнений в том, что Баллиол, подогреваемый амбициями Коминов, нацелился на трон.

— Мы должны действовать быстро, — заявил граф Каррик. — Нельзя допустить, чтобы Комины посадили своего родственника на Камень Судьбы. ^[18] — Он с такой силой ударил кулаком по столу, что тарелки и кубки подпрыгнули и задребезжали. — Мы не можем отдать то, что принадлежит нам! — Он умолк, глядя на лорда Аннандейла. — То, что принадлежит тебе, отец, — поправился он. — Если кто-нибудь в этом королевстве и может занять трон, так это ты. Ты имеешь на него больше прав, чем Баллиол.

— Только не по праву первородства, — негромко заметил граф Ментейт, не сводя глаз с лорда Аннандейла, который по-прежнему хранил молчание. — По закону первой крови притязания Баллиола неоспоримы.

— Мой отец может притязать на трон не только по праву крови. Он был назначен предполагаемым престолонаследником ^[19]еще отцом нынешнего короля!

Мужчины заговорили все разом, перебивая друг друга, а Роберт во все глаза уставился на деда. Старый лорд один-единственный раз обмолвился об этом событии, да и то несколько лет тому. Роберт помнил, какой гордостью осветилось лицо деда, когда тот в мельчайших подробностях живописал ему знаменательный день, когда король Александр II назвал его своим преемником. Оба они тогда были на охоте, и король упал с лошади. Он не получил серьезных ран, но этот инцидент явно всколыхнул в нем давние опасения, и он заставил всех лордов, сопровождавших его, спешиться и встать на колени прямо на землю. И там, на лесной тропе, он объявил, что они должны признать Роберта Брюса, в чьих жилах течет королевская кровь, его наследником, если он умрет, не оставив сына. В то время деду было всего восемнадцать. Два года спустя у короля родился мальчик, так что наследование престола по мужской линии более не вызывало тревоги, но за все прошедшие годы Брюс не забыл этого обещания. Роберту, впрочем, эта история представлялась скорее сказочной былью; правдивой, естественно, но случившейся в столь далеком прошлом, что давно утратила всякое отношение к настоящему. Она напоминала ему легенды об ирландском герое Финне мак Кумале, ^[20]которые рассказывал мальчику в Антриме его приемный отец. И только теперь, за столом в зале отцовского замка, рядом со своими великими соотечественниками, Роберт вдруг с дрожью ощутил, что эта давняя история стала реальностью.

Его дед мог стать королем.

Когда разговоры стали громче, грозя перерасти в ссору, лорд Аннандейл выпрямился во весь рост, и свет факелов призрачными отблесками лег на его изрезанное глубокими морщинами лицо.

— Довольно. — Его голос легко перекрыл сумятицу, заставив всех присутствующих умолкнуть. — Я любил Александра не просто как подданный своего сюзерена, но и как отец любит сына.

Роберт заметил, как на скулах его отца при этих словах выступил жаркий румянец.

— Я обещал служить ему до последнего вздоха, — продолжал лорд, обводя каждого из гостей тяжелым взглядом. — А это значит, помимо всего прочего, что я, как и все вы, выполню данную королю клятву — признаю его внучку своей королевой. Мы не можем позволить Джону Баллиолу занять трон. Мы должны защитить его. Но только для нее. Мужчина, который не способен держать данное однажды слово, недостойн называться мужчиной, — резко закончил он и сел.

— Согласен, — произнес в наступившей тишине Джеймс Стюарт. — Но как мы можем защитить трон? Если Комины вознамерились сделать Баллиола королем, то они не станут слушать ничьих возражений. Боюсь, они обладают достаточной властью в королевстве, чтобы добиться своего, с поддержкой хранителей или без оной.

— Мы не можем полагаться на Советы и хранителей, — ответил лорд Аннандейл. — Я долго думал об этом по пути сюда. Комины понимают только один довод — силу. — Он взглянул на лица сидевших перед ним людей. — Мы должны окружить Галлоуэй стальным кольцом. Мы должны напасть и захватить те крепости, которые сейчас принадлежат юстициару Джону Комину и Баллиолам. Одним ударом мы можем уничтожить присутствие Коминов в Галлоуэе и выставить Баллиола слабаком, который не способен защитить границы собственных владений, не говоря уже о том, чтобы быть королем.

Роберт знал о том, что его дед ненавидит клан Коминов, которые контролируют огромные области Шотландии и вот уже несколько поколений сохраняют влияние при дворе короля. Первые Комины пересекли Ла-Манш вместе с Вильгельмом Завоевателем, но не в качестве владельцев богатых земельных угодий в Нормандии, а всего лишь как простые писцы. Именно в этом качестве они и процветали при английском дворе во время правления нескольких королей, а потом перебрались на север Шотландии. Благодаря покровительству влиятельных вельмож и собственным интригам именно Комин, а не Брюс, стал первым норманнским графом Шотландии и даже обрел некоторые права на трон благодаря удачной женитьбе. Дед Роберта утверждал, что потомкам писмоводителей не место среди благородных семейств. Тем не менее, ненависть старого лорда, похоже, имела более глубокие причины, нежели просто презрение. Роберт не знал, в чем тут дело, а спросить об этом ему и в голову не приходило.

— Мы должны снестись с Ричардом де Бургом, — заявил отец Роберта. — Граф Ольстер с радостью предоставит нам солдат и оружие. Люди Галлоуэя давно досаждают ему своими набегами на Ирландию. Кроме того, следует уведомить о происходящем короля Эдуарда. В качестве зятя Александра он непременно захочет принять участие в избрании нового короля, как только узнает о смерти прежнего.

— Король Англии стал первым за пределами Шотландии, кому сообщили о случившемся, — ответил сенешаль. — Епископ Сент-Эндрюсский отправил Эдуарду послание в тот же день, когда было обнаружено тело Александра.

— Тем больше оснований для того, чтобы мы обратились к нему непосредственно, —

возразил граф, вперив яростный взгляд в отца. — Если Маргарет прибудет сюда, чтобы стать королевой, ей понадобится регент, который бы правил от ее имени, пока она не достигнет совершеннолетия и не будет выбран предполагаемый наследник. Захватив цитадели Комина, мы докажем свою способность предстать в подобном качестве. Кроме того, мы докажем свою силу. А сила, — твердо добавил он, — это как раз то, что ценит король Эдуард.

— Мы обратимся к сэру Ричарду де Бургу, если возникнет такая необходимость, — согласился лорд Аннандейл. — Но привлекать к участию в наших делах короля совершенно излишне.

— Я не согласен, — возразил граф. — С помощью Эдуарда у нас больше шансов утвердиться во главе нового правительства.

— Король Эдуард — верный друг и союзник, и наши семьи многим ему обязаны, но он думает, в первую очередь, о себе и своем королевстве, и поступает соответственно, — старый лорд стоял на своем.

Граф еще несколько мгновений разглядывал отца, а потом кивнул:

— Я подниму людей Каррика.

— Я тоже готов поделиться воинами, — предложил лорд Ислей.

— Мы не можем открыто выразить вам поддержку, — сказал Джеймс Стюарт, — во всяком случае, не вооруженную. Вот уже много лет это королевство остается разделенным. И я не могу допустить, чтобы кровавая междоусобица стала причиной гражданской войны. — Он помолчал. — Но я согласен. Трон должен перейти к Маргарет.

Лорд Аннандейл откинулся на спинку стула и взял в руки кубок.

— И пусть Господь дарует нам силы.

Роберт опустился на колени в траву, жадно хватая воздух широко раскрытым ртом. По его щекам струился пот, в ушах шумела кровь. Когда черные точки перед глазами исчезли, он повалился на спину. Он слышал, как к нему приближаются запыхавшиеся голоса и как шуршит трава под нетвердыми шагами. Опершись на локти, он, прищурившись, стал смотреть на солнце, ожидая, пока к нему на вершине холма не присоединятся трое вспотевших младших братьев.

Первым появился Томас. Упрямо набычившись, он смотрел себе под ноги, преодолевая последние ярды подъема. За ним сопел Найалл, ноги у мальчика заплетались, но он старался догнать брата. Последним шел Александр, изрядно отстав от остальных. Он поднимался нарочито медленно. Победил Томас, без сил рухнув на траву рядом с Робертом и втягивая воздух сквозь стиснутые зубы. Его туника промокла от пота.

Через несколько мгновений к ним присоединился Найалл:

— Как тебе удается бегать так быстро?

Роберт улыбнулся младшему брату и лег на спину, чувствуя, как из мышц уходит боль.

Прошло несколько минут, прежде чем на вершине холма появился Александр. Его тень упала Роберту на лицо.

— Нам лучше поспешить и вернуться домой, — заявил он, явно стараясь успокоить шумное дыхание.

— Мы не поднимались сюда уже давно. Кроме того, — улыбка Роберта стала шире, —

мне хотелось проверить, смогу ли я по-прежнему взобраться сюда.

— Ты всегда будешь первым, потому что ты — старший, — проворчал Томас, садясь. Волосы, мокрые от пота, упали ему на лоб. Они были светлыми и выющимися, как у их сестры Кристины. Остальные дети пошли в мать, родившись темноволосыми, не считая их сводной сестры Маргарет, которая вышла замуж и уже уехала из дома.

— Александр старше тебя и Найалла, — возразил Роберт, — а вы оба опередили его.

— Не очень-то и хотелось, — с деланной небрежностью отозвался Александр. — Ну, вот, ты выиграл, а теперь пойдете домой.

Роберт со вздохом сел. Вот уже несколько недель занятий и упражнений не было, и он не находил себе места. В замке шли лихорадочные приготовления к осаде, и хмурые взрослые были заняты с утра до ночи. Каждый день прибывали все новые рыцари, вассалы отца, из городов и маноров вокруг Каррика. Роберт знал всех, потому что каждый из них в свое время выказывал графу уважение, становясь перед ним на колени, чтобы принести священную вассальную присягу, и обеими руками сжимая его ладонь. Они клялись в нерушимой верности в обмен на пожалованные им земли. Точно так же, как его отец владел землями, подаренными королем, и обязался приводить войско под знамена короля в случае войны, платить налоги и выполнять прочие обязанности, такие, например, как охрана замков, так и рыцари Каррика, выполняя данную ими клятву, были обязаны сражаться за графа. Каждый из них привел с собой оруженосцев и вооруженных пеших солдат, готовых к нападению на Галлоуэй.

Нескончаемая суета и постоянные прибытия и отъезды воинов привели их отца в дурное расположение духа, поэтому Роберт с братьями предпочли выскользнуть из ворот незамеченными. Возможность побыть вне душной атмосферы замка и придинок и окриков отца дорогого стоила, да и день выдался просто замечательный, теплый и солнечный, один из самых погожих за то время, что прошло после возвращения Роберта из Ирландии. И он не намеревался тратить его впустую.

— Давайте побудем здесь еще немного.

— Кто-нибудь нас непременно хватится. Мы отсутствуем уже почти час.

— Да кому мы нужны? Все заняты.

— Ты идешь или нет?

Роберт сверху вниз уставился на брата, прижав руки к бокам. Александр всегда отличался чрезмерной серьезностью, даже когда пребывал в юном возрасте Найалла, но в последнее время он стал просто невыносим, обретя монашескую чопорность и строгость. Роберт задумался над произошедшими с братом переменами, особенно заметными с тех пор, когда он вернулся из Антрима. Поначалу он склонялся к мысли, что в этом виноват отец; вероятно, граф был слишком строг к сыну в его отсутствие. Но отец по-прежнему выглядел так, словно присутствие Александра и Томаса, самых послушных и спокойных из пяти его сыновей, доставляет ему необычайное удовольствие. И вдруг Роберт нашел ответ. Пока они с Эдвардом находились на воспитании в Ирландии, Александр обрел титул старшего сына. И теперь, когда он вернулся, брат, не исключено, счел себя незаслуженно оскорбленным. Но Роберт ничуть не жалел его. Александр еще не понимал, как ему повезло, что это не на него возлагаются все надежды семьи. Особенно, мрачно подумал Роберт, когда отец, кажется, вознамерился сделать все, чтобы не дать ему доказать, что он достоин подобной ответственности.

— Иди, если тебе так хочется, — сказал он, ложась на спину и закрывая глаза. — А я

остаюсь.

— Вам тоже лучше пойти со мной, — заявил Александр, обращаясь к Томасу и Найаллу. — Если, конечно, не хотите отведать отцовского ремня.

Роберт приоткрыл один глаз, глядя, как Томас поднимается на ноги. Он ощутил, как в груди у него нарастает глухое недовольство, когда мальчишки вместе зашагали вниз по склону холма. Было время, когда Томас, как Найалл, готов был сделать все, что он скажет. Роберт опустил голову на траву, слушая, как жужжат пчелы, и жалея о том, что рядом нет Эдварда. Но брату, который был на год младше, оставалось еще шесть месяцев воспитания в приемной семье. Эдвард ловко управлялся с тренировочным мечом, карабкался по деревьям, как кошка, умел врать так, что никому и в голову не приходило подозревать его в обмане, и с радостью откликался на любой брошенный ему вызов. Без него было скучно.

Найалл подобрался поближе к брату.

— А мы что будем делать?

Спустя мгновение Роберт вскочил на ноги, решив, что не позволит Александру испортить себе такой день.

— Я научу тебя сражаться. — Подбежав к куче поваленных ветром деревьев, он ухватился за тонкую веточку и с силой потянул ее на себя, пока та не сломалась. Разломав ее на две части, Роберт оборвал с них листья и протянул длинную половинку брату. — Мы начнем упражняться прямо здесь. — Он кивнул на ровный участок земли. Вдалеке на восток маршировали высокие горы Каррика. Склоны их ближе к подножию поросли лесом, но верхушки деревьев стояли голыми. Роберт часто мысленно сравнивал их с лысыми стариками, выстроившимися в охранную цепь вокруг Тернберри. — Вот так, — он пошире расставил ноги и взялся за ветку обеими руками.

Найалл с серьезным выражением лица повторил движения брата. Колени его обтягивающих штанов были перепачканы зеленью.

Роберт медленно махнул прутиком в воздухе, направляя его в шею брату:

— А ты должен отбить мой удар.

Найалл отмахнулся от прутика Роберта.

— Слишком быстро. Действуй помедленнее и не спеши. Вот так. — Роберт вновь взмахнул веткой, держа ее прямо перед собой, а потом качнул круговым движением сначала в одну, а затем в другую сторону и поднял над головой. — Теперь быстрее, — сказал он, и прутик в его руках набрал скорость, со свистом рассекая воздух. — Вообрази, что сражаешься с кем-нибудь, — крикнул он через плечо.

— С кем? — воскликнул Найалл, подбегая к нему.

— С врагом. С кем-нибудь из Коминов!

Найалл хлестнул прутиком по траве.

— Смотри, Роберт! Я сразил сразу двоих!

— Двоих? — Концом ветки Роберт указал на склон холма. — К нам движется целая армия! — Он испустил боевой клич и ринулся вниз по крутому спуску, воздев прутик высоко над головой. — Смерть Коминам!

Найалл помчался следом за ним, но его крик сменился взрывом смеха, когда он увидел, как Роберт споткнулся и кубарем полетел на землю. Старший брат охнул, когда Найалл навалился на него сверху и торжествующе завопил. И они вместе покатались вниз по склону, бросив в траве свое импровизированное оружие. Обессилев от смеха, они, наконец, остановились у самого подножия, не замечая чьей-то застывшей фигуры.

— Что это вы делаете?

При звуках незнакомого голоса Роберт открыл глаза и понял, что снизу вверх смотрит на незнакомую девчонку. Оттолкнув брата в сторону, он сел и уставился на нее. Девочка была худенькая, как щепка, с длинными черными волосами, которые жиденькими крысиными хвостиками ниспадали ей на плечи. Одета она была в заношенное до дыр платье, которое, похоже, некогда было белым, а теперь посерело от грязи, а в руке сомнительной чистоты держала небольшой мешок. От нее пахло землей и цветами, но Роберта поразили ее глаза, которые казались огромными на ее худеньком личике.

— А тебе какое дело? — по-гэльски ответил он, чувствуя себя неуютно под ее пристальным взглядом.

Девочка склонила голову к плечу:

— А ты, вообще, кто такой?

— Он — наследник графа Каррика, властелина здешних земель.

Роберт посмотрел на Найалла, взглядом призывая его к молчанию, но девчонка, похоже, не поверила. Ее испытующий взгляд скользнул по его мокрой от пота тунике и переместился на грязное лицо мальчика. Губы ее дрогнули, когда она посмотрела на его волосы. Роберт непроизвольно поднял руку и нащупал веточку вереска, застрявшую в челке. Она хрустнула и рассыпалась в его пальцах, а девчонка лишь пожала плечами.

— Ты не похож на графа, — заявила она, развернувшись и зашагала прочь.

Роберт, глядя ей вслед, вдруг сообразил, что она идет босиком — у девочки на ногах вообще не было никакой обуви, даже башмаков на деревянной подошве, которые носили крестьяне. Он знал в лицо всех, кто жил в Тернберри и в округе: слуг и вассалов отца, фермеров и рыбаков, их жен и детей, даже купцов и чиновников из Эйра и других окрестных городков. Так почему же ему незнакомо лицо этой наглой девчонки, которая бродит по полям в гордом одиночестве?

— Да как она смеет так разговаривать? — пробурчал себе под нос Найалл.

Но Роберт не слушал его.

— Пойдем, — пробормотал он, направляясь к деревьям, что густо росли на нижних склонах.

— Нам ведь надо в другую сторону, — заметил Найалл, глядя в долину, за которой открывалось море, издавека походившее на кусок голубого холста. Ему пришлось бежать вприпрыжку, чтобы поспевать за широко шагавшим братом. — Роберт!

— Тише, — оборвал его Роберт, когда они вошли под сень деревьев. Девчонка не спеша вышагивала по усеянной камнями тропинке, повторявшей извилины маленького ручья. Теплый ветерок донес до него ее негромкое пение, которое не могло заглушить даже журчание воды. На перекате девчонка приподняла платье и запрыгала по камням на другую сторону, а потом принялась ловко петлять меж папоротников, густо облепивших противоположный берег. Роберт внимательно осматривался по сторонам, вспоминая, как дед взял его однажды на охоту в леса Аннандейла. Старый лорд учил его всегда выбирать надежное укрытие, которое могло спрятать охотника от глаз жертвы. Между ним и берегом реки росли купы рябины, далее виднелся небольшой бугор и огромные валуны.

— Нам пора домой, Роберт, — прошептал Найалл, придвигаясь к брату. — Александр прав. Кто-нибудь непременно нас хватится.

Роберт помедлил, не сводя глаз с девчонки. Перед его внутренним взором всплыло строгое лицо Александра, и он ощутил укол раздражения, представляя себе, как они с

Найаллом покорно входят в ворота замка.

— Делай, как я, — прошептал он и стремглав припустил к зарослям деревьев, тогда как девчонка, ни о чем не подозревая, продолжала подъем.

Конечно, это была игра, но ничем не уступающая любой охоте. Мальчики сосредоточенно перебегали от дерева к дереву, укрываясь за бугром, и переправились через речушку, преследуя девчонку, которая уже спустилась в следующую долину, густо поросшую лесом. Время от времени девочка останавливалась и оглядывалась назад, и тогда мальчики с разбегу падали в высокую траву. Такое впечатление, что она куда-то вела их окольным путем, переходя вброд ручьи и подныривая под поваленными деревьями. Спустя некоторое время она поднялась на очередной крутой обрыв.

Когда она скрылась за гребнем, Роберт припустил за нею. Он оглянулся, заметив, что Найалл не спешит последовать его примеру:

— Идем же!

— Я знаю, где мы, — прошептал Найалл. На лице его, по которому бродили тени от спутанных ветвей над головой, отразилась тревога и замешательство.

Роберт нетерпеливо кивнул:

— Мы находимся неподалеку от Тернберри, я знаю. Мы только посмотрим, куда она идет, и вернемся домой.

— Роберт, подожди!

Но тот уже не слушал брата, карабкаясь по крутому обрыву. Оказавшись на самом верху, он заметил, как в лесу внизу мелькнуло серое пятно, и прыгнул с обрыва, хватаясь руками за кусты и растения, чтобы удержаться на ногах. Достигнув дна, он уловил запах древесного дыма. Поначалу он решил, что тот доносится со стороны деревни, но Тернберри находился в двух милях к западу. Деревья впереди поредели и расступились. Роберт остановился. Девчонка направлялась в зеленую долину, на которую падала гигантская тень горы, перегораживавшей ее в дальнем конце. Она была усеяна валунами и поросла коричневым можжевельником. Закат окрасил вершину горы в розовые тона, но вся долина уже погрузилась в темноту. У подножия скалы приютился небольшой бревенчатый домик, щели в стенах которого были законопачены мхом. Из отверстия в крыше вился легкий дымок. За домом, в небольшом загоне из неошкуранных кольев, ворочались в грязи две огромные свиньи. Роберт оглянулся, почувствовав, что к нему подошел брат.

— Это ее дом, — пробормотал он, вновь поворачиваясь к приземистому жилищу.

— Об этом я тебе и говорил, — прошептал Найалл, в голосе которого торжество смешивалось со страхом.

Девчонка оказалась уже у самых дверей, пройдя под сенью исполинского дуба. В гуще листвы Роберт разглядел несколько плетеных клеток, свисавших с веток. Он уже несколько раз бывал в этой долине и видел этот дуб, но даже Эдвард не осмеливался подойти к нему достаточно близко, чтобы разобраться, что за хитроумная паутина висит на нем.

— Пойдем отсюда, — взмолился Найалл, хватая его за руку.

Роберт заколебался, не отрывая взгляда от домика. Старуху, которая жила здесь, хорошо знали в округе — она была колдуньей. Старуха держала двух собак, которых Эдвард называл не иначе как Псами Ада. Одна из них как-то даже погналась за Александром и укусила его. Стоя в дверях спальни своих родителей, Роберт смотрел, как лекарь зашивает брату глубокую рану. Он ожидал увидеть жестокую месть отца, полагая, что тот пошлет людей к жилищу женщины убить злобную тварь, но отец лишь с такой силой стиснул плечо

Александра, что мальчик поморщился от боли. *«Никогда больше не смей и близко подходить к ее дому, — с едва сдерживаемой яростью прошептал граф. — Никогда».*

Роберт уже собирался позволить Найаллу увести себя, когда девочка остановилась у дверей. Повернувшись к ним лицом, она подняла руку и помахала братьям. Глаза Роберта испуганно расширились. Девочка толкнула дверь и исчезла внутри, и он услышал собачий лай, который тут же стих. Вырвав у Найалла руку, Роберт начал спускаться по склону. Он был наследником графа, выше которого стоял только сам король. Настанет такой день, когда он наследует земли в Ирландии и Англии, богатые владения Аннандейла и древнее графство Каррик, а те люди, которые сейчас являются по зову его отца, преклонят колени перед ним. Поэтому он будет ходить там, где ему заблагорассудится.

Он наступил на сухую ветку, которая громко треснула у него под ногой. Роберт оглянулся, надеясь, что Найалл не заметил его мимолетного испуга. Он широко улыбнулся, но тут до его слуха донесся яростный собачий лай. Из-за угла дома выскользнули две огромные тени. Роберт разглядел кошмарные желтые клыки и спутанную черную шесть, развернулся и стремглав бросился под защиту деревьев. Впереди него несли Найалл, громко крича от ужаса.

5

Над холмами Галлоуэя занимался тусклый серый рассвет. На полях клубился туман, и в его белых разводах овцы казались какими-то сверхъестественными созданиями. День обещал быть жарким, но пасмурным, и небо на востоке светилось белизной. Чайки описывали медленные круги над коричневыми водами реки Урр, высматривая еду на илистых банках. Наступил отлив, и уровень воды понизился, отступая в залив Солуэй-Ферт.

На его западном берегу, возвышаясь над земляным валом, стоял замок, защищенный с одной стороны рекой, а с другой — глубоким рвом. На дне его скопился толстый слой вязкой глины, и перебраться через него можно было только по подъемному мосту, который поднимали на ночь. Снизу торчал двойной ряд сосновых бревен, напоминая людей, которые должны нести гроб на похоронах, но сейчас замерли в ожидании своей печальной ноши. У подножия столбов, притаившись во мраке, невидимые для стражей, расхаживающих по парапету с бойницами наверху, стояли семь человек. Липкая глина перепачкала им руки, толстым слоем покрывая подбитые мехом кожаные куртки. Она засохла на их лицах, скрывающихся под наброшенными на голову шерстяными капюшонами, и кусками отваливалась от штанов и сапог. Они стояли так уже больше часа, по колена в грязи, не чувствуя от холода ног. Люди молчали. Сюда, вниз, к ним долетали лишь скрипучие крики чаек да приглушенные голоса стражников на бастионах. Время от времени они ловили взгляды друг друга, но тут же отводили глаза. Каждый погрузился в собственный немой мир, ожидая утреннего колокола и гадая, прозвучит ли он до того, как небо посветлеет, а скрывавший их туман поднимется, став похожим на хлопья грязно-белого пепла.

Минуты тянулись нескончаемо, пока, наконец, из подбрюшья замка не донесся перезвон. Люди внизу застыли, как изваяния. Кое-кто из них принялся разминать конечности, осторожно переступая с ноги на ногу в липкой грязи. Бормотание стражников сменилось резкими окриками, когда они принялись за ежедневную задачу опускания моста. Тот повис на толстых канатах, и люди во рву запрокинули головы, глядя, как на них

опускается темная масса. С глухим стуком мост лег на деревянные столбы. За этим звуком последовал скрежет металлических запоров — это раздвигали ворота замка — и топот ног стражников по деревянному настилу над головой.

Один из них подошел к краю моста. Громко зевая, он расстегнул куртку и завозился с гульфиком.

— Эй, Боли, для этого есть желоб.

Стражник оглянулся через плечо:

— Его милость уехал. А больше меня никто не видит.

— Если не считать нас, — возразил второй стражник. — А на твой сморщенный петушок не желает смотреть даже твоя жена.

Боли проворчал какую-то непристойность в адрес злорадно ухмыляющихся товарищей, невозмутимо продолжая мочиться прямо в ров.

Желтая струйка потекла по одному из опорных столбов, на мгновение задержавшись в трещине, а потом продолжила свой путь вниз, обдав жидким теплом руки одного из мужчин, прижавшихся к столбу. Тот отвернулся.

Пока Боли застегивал гульфик и куртку, послышался слабый грохот. Повернувшись в сторону проселочной дороги, которая, начинаясь от моста, убегала в лес, стражник разглядел две фигуры, выходящие из тумана. Его товарищи тоже заметили их. Разговоры вмиг смолкли, а руки легли на рукояти мечей. Боли, прищурившись, вглядывался в предрассветные сумерки, а громахание, между тем, становилось громче. Еще через несколько мгновений он сообразил, что двое мужчин катят бочку.

— Стоять! — выкрикнул он, одергивая стеганую куртку и направляясь к ним навстречу. Он кивнул на бочку. — Чем торгуете?

— Лучшей медовухой по эту сторону Солуэя, — ответил один из мужчин, останавливаясь на краю моста. — Наш хозяин уехал на рынок в Бьюитл, а нас отправил с подношением для лорда Джона Баллиола. Если его милости придется по вкусу медовуха, наш хозяин сможет поставлять ее по вполне разумной цене.

— Сэр Джон сейчас отсутствует. — Боли обошел бочку кругом, внимательно разглядывая ее.

— Что там такое? — окликнул его один из стражников, направляясь к ним по мосту и положив руку на рукоять меча.

— Медовуха для сэра Джона.

— А для нас ничего нет, получается?

Боли ухмыльнулся, глядя на торговцев:

— Ну, что ж, давайте я сниму пробу, чтобы определить, чего стоит ваша медовуха. — Он отцепил с пояса невытую глиняную чашку, которая болталась рядом с широким мечом в ножнах. — И наливайте побольше, не стесняйтесь.

Один из торговцев взял у него чашку, а второй принялся откупоривать бочку. Склонившись над нею, мужчина старательно делал вид, что никак не может вытащить затычку. А на мосту чья-то рука, поросшая рыжеватыми волосками, схватилась за край доски. И вдруг торговец выпрямился. Одним стремительным движением он ткнул кулаком, в котором по-прежнему была зажата чашка, в лицо стражнику.

Посудина разбилась, и при этом острый глиняный осколок застрял у Боли в щеке. Он покачнулся и упал на колени, а из разбитых губ и щеки ручьем хлынула кровь. Когда второй стражник заорал во весь голос и бросился бежать, один из торговцев поднял ногу — при

этом под туникой у него блеснула кольчуга — и с размаху пнул бочку. Деревянная клепка у него под сапогом треснула и разлетелась в щепы, а он сунул обе руки в отверстие и вытащил оттуда большой тюк овечьей шерсти, в которую были завернуты два коротких меча. Он перебросил один своему товарищу, и в это время Боли пришел в себя и потащил из ножен собственный меч, рыча от боли и ярости. Когда они скрестили клинки, за их спинами прозвучали новые крики. Столпившиеся у ворот стражники увидели, как на мост изо рва с обеих сторон полезли какие-то люди.

Первый мужчина держал в зубах нож. Когда к нему подбежал стражник, он уже выбрался на настил и откатился в сторону, переложив нож в руку. Стражник попытался пронзить его мечом, пришилив к доскам. Но противник отпрянул в сторону и, присев, полоснул стражника лезвием по голени, целясь в просвет между ножными латами. Когда охранник с громким криком повалился на спину, нападавший, перехватив нож поудобнее, вонзил его стражу в глазницу. Тот захлебнулся криком и умолк, лишь его тело еще несколько мгновений конвульсивно подергивалось. Мужчина, отвернувшись от умирающего, устремил взгляд в конец моста, туда, где двое мнимых торговцев все еще сражались возле бочки. А на мост снизу вылезали все новые и новые лазутчики. Но тут на него налетел очередной стражник, и у мужчины уже не осталось времени вооружиться чем-то более солидным. От первого удара он еще сумел уклониться, а вот второй пришелся ему в живот. Подбой его куртки выдержал удар, но сила его оказалась такова, что мужчину отшвырнуло к краю помоста, и он, потеряв опору под ногами, полетел вниз, в ров.

Боли, с располосованной щекой, из которой все еще торчал осколок чашки, взревел от ярости и муки и нанес сокрушительный удар человеку, ранившему его. Тот ловко отбил лезвие меча, а потом ударил Боли кулаком в лицо, еще глубже загоняя в щеку проклятый осколок. Боли взвыл и попытался отпрыгнуть назад, но его противник шагнул вперед и навалился на него всем телом. Толкнув Боли в грудь свободной рукой, нападавший опрокинул окровавленного стражника в ров.

Пока его товарищи отбивали первый натиск стражников, мужчина, разбивший бочку, достал из нее еще несколько коротких мечей, завернутых в овечью шерсть. Схватив их в охапку, он бросился на помощь своим соратникам, вооруженным лишь ножами, которые никак не могли противостоять длинным и широким мечам стражей. Двое лазутчиков уже погибли. Но теперь, после того, как нападавшие отступили, чтобы вооружиться мечами, шансы на победу с обеих сторон уравнились.

Когда нападавшие перегруппировались и вновь бросились в атаку, в замке зазвонил колокол. Шум поднял на ноги оставшихся солдат гарнизона. Со стен вниз полетели стрелы. Одна из них вонзилась в землю перед мужчиной, который раздал оружие товарищам, а теперь стремглав мчался к воротам замка. Перепрыгнув через труп, он добрался до них в то самое мгновение, когда навстречу ему выскочил стражник. Не сумев вовремя остановиться, он всем телом натолкнулся на острие меча нападавшего. Лезвие пробило куртку насквозь и вошло в мягкую плоть незащищенного живота. Нападавший всем телом налег на рукоять, загоняя меч еще глубже, а потом резким рывком выдернул его. Охранник повалился на колени, прижав руки к страшной ране на животе, и его накидка с вышитым на ней белым львом обагрилась кровью. Нападавший, тем временем, проскочил в ворота и устремился к лебедке, поднимавшей мост. Он принялся рубить толстый канат, волокна которого разлетались во все стороны под его мощными ударами. Когда же канат, наконец, лопнул и обвис, мужчина выхватил из-за пояса рог и протрубил в него. Звук получился сильным и

ЧИСТЫМ.

Ответом ему послужил приглушенный слитный топот, донесшийся из леса, который раскинулся неподалеку. Он становился все громче по мере того, как из-под ветвей один за другим выныривали люди, всего около шестидесяти человек. Двадцать были верхом, остальные изо всех сил бежали вслед за всадниками. Когда отряд приблизился к подъемному мосту, вперед вырвался один из всадников, и подкованные копыта его белой кобылы выбили щепки из досок настила. В одной руке он держал длинный меч, а на локте другой свисал щит, на белом поле которого красовался красный шеврон. Под белой накидкой, украшенной тем же гербом, он носил длинную кольчугу, прикрывавшую ноги чуть ли не до колен, а голову закрывал гигантский шлем. Всадник прищорил лошадь, направляя ее к воротам. Расшвыряв в сторону стражников, которые пытались закрыть их, он ворвался во внутренний двор замка.

Презрев разбегающихся во все стороны стражей, всадник остановил кобылу перед входом в большую залу. Услышав, как за спиной у него нарастают крики и топот копыт — это вслед за ним во двор ворвались остальные конники — он протянул руку к дверям и толкнул их. Те со скрипом распахнулись ровно настолько, чтобы он смог протиснуться в щель на своем скакуне, пригнувшись, чтобы не удариться головой о притолоку. В зале горело всего несколько факелов, но они давали достаточно света, чтобы понять, что здесь пусто. Судя по мискам, разбросанным по столу, корзине с бельем, валявшейся на полу, и светлому прямоугольнику на стене в том месте, где когда-то висел гобелен, ее покидали в явной спешке. Всадник сжал коленями бока своей лошади, посылая ее вперед, и копыта скакуна гулко зацокали по каменным плитам пола, отчего по комнате пошло гулять звонкое эхо. За большим столом на помосте висел огромный голубой флаг, на котором встал на дыбы разъяренный белый лев. В его единственном видимом глазу светилась ярость. Сунув меч в ножны, всадник стянул с головы шлем, обнажая лицо с резкими, словно вырубленными из камня, чертами лица и синими, со стальным отливом, глазами. Роберт Брюс, граф Каррик, встретил взгляд льва.

— Баллиол, — пробормотал он.

До слуха графа доносился шум боя снаружи, но в замке оставался лишь небольшой гарнизон. Было ясно, что хозяин замка отсутствовал, несмотря на слухи об обратном. Граф наклонился, положил шлем на ближайший раскладной стол и снял с руки щит. Его кобыла нервно перебирала копытами, и в уголках губ у нее выступила пена. Высвободив ноги из стремян, Брюс спешился, и кольца на его кольчуге негромко лязгнули. Подойдя к стене, он вырвал из крепления факел и направился к помосту. Стиснув зубы, он поднялся по ступеням. Пламя факела затрещало и разгорелось ярче. Он приостановился, не сводя глаз с белого льва, а потом поднес факел к краю полотнища. Тонкий шелк занялся моментально, и граф сделал шаг назад, а на губах его заиграла тонкая улыбка, мальчишеская и злорадная.

Он стоял и смотрел, как пламя жадно пожирает ткань, и вдруг почувствовал, как что-то острое уперлось ему в спину. От неожиданности граф выронил факел, который покатился по помосту, рассыпая искры, шагнул вперед и развернулся. Перед ним стоял какой-то человек с выпученными от страха глазами, сжимая в руке кухонный нож. Сообразив, что кольчуга сделала свое дело и спасла ему жизнь, Брюс злобно оскалился и ударил рукой в латной рукавице по лицу мужчины. Тот пошатнулся, слетел с помоста и упал спиной на стол, который развалился под его весом. Граф стал спускаться по ступеням, на ходу вытаскивая из ножен меч. Отшвырнув ногой попавшуюся на пути табуретку, он зловеще навис над

мужчиной, который беспомощно лежал на спине посреди деревянных обломков.

— Пожалуйста! — простонал мужчина, протягивая к нему руки. — Смилуйтесь, я...

Граф нанес удар сверху вниз, держа меч вертикально и целясь человеку в горло. Тот издал какой-то хриплый булькающий звук, перешедший в протяжное сипение, когда из раны фонтаном ударила кровь. Она залила мужчине рот, когда граф с силой налег на рукоять, пока острие не уперлось в камень пола. Тело несколько раз вздрогнуло и замерло. Граф наклонился, чтобы вытереть лезвие о тунику мужчины, и тут двери распахнулись и в залу ворвалась группа воинов.

Первым шел отец Брюса. Старый лорд Аннандейл держал свой шлем на сгибе локтя, и его седые волосы отливали серебром в свете, падающем из дверей. На его накидке красовался синий лев — древний герб рода Брюсов, берущий начало еще со времен правления короля Давида I, который и пожаловал им графство Аннандейл. Напротив сердца у него был приколот высохший коричневый листок пальмы, привезенный из Святой земли, благочестивое напоминание о крестовых походах, в которых он принимал участие в молодости. У графа листок пробудил воспоминания о светло-коричневых песках под багровыми небесами, расстилавшимися на многие мили за стенами столицы крестоносцев Акры, и о призывах к молитвам, звучащих с вершин минаретов и заглушаемых перезвоном церковных колоколов. Они сражались против сарацинов под знаменами лорда Эдуарда, и он щедро вознаградил за верную службу, укрепив их и без того высокий авторитет и положение в Англии. И граф вдруг решил, что не позволит воспоминаниям о тех славных временах ограничиться высохшим пальмовым листом, пришитым к груди отца.

Лорд одним взглядом окинул стяг Баллиолов, корчившийся в пламени за спиной его забрызганного кровью сына.

— Гарнизон сдался. Бьюитл наш.

Громкий крик заглушил его слова. Его издал какой-то молодой человек, один из тех, кого пленили рыцари лорда. Он вырвался из рук своих конвоиров, застав их врасплох, и подбежал к мужчине, простертому на полу посреди остатков стола. Упав перед ним на колени, он отшвырнул в сторону деревянные обломки и обхватил голову мужчины ладонями. Кровь, расплзающаяся по полу, стала впитываться в его одежду. Его взгляд метнулся к Брюсу, на лезвии широкого меча которого все еще красовалось красное пятно.

— Ублюдок, — выдохнул он, поднимаясь на ноги. — Грязный ублюдок!

Граф опасно прищурился.

— Убейте этого щенка, — распорядился он, делая знак двум своим вассалам, рыцарям из Каррика.

Те шагнули вперед, но голос лорда Аннандейла заставил их замереть на месте.

— Я сказал — все кончено. Солдаты гарнизона могут идти на все четыре стороны.

Рыцари растерянно переводили взгляды с графа на лорда, медленно опуская оружие.

— Ты можешь идти, — обратился лорд Аннандейл к юноше, не обращая внимания на ярость, написанную на лице сына. — Тебе не причинят вреда.

— Я не уйду без своего отца, — заявил молодой человек сквозь стиснутые зубы. — Он был управляющим сэра Джона Баллиола. Он заслуживает того, чтобы его похоронили, как полагается.

После недолгой паузы лорд кивнул двум своим людям:

— Помогите ему.

Унося с помощью двух рыцарей Аннандейла окровавленное тело своего отца, юноша

прошел мимо графа Каррика.

— Проклятие Святого Малахии ^[21] навеки останется с тобой! — прошипел он.

Брюс презрительно хохотнул в ответ.

— Малахии? Прибереги свои угрозы для того, кто верит в них, — проскрежетал он, делая шаг вперед.

Старый лорд преградил ему путь.

— Оставь мальчишку в покое, — с нажимом проговорил он.

Но, глядя вслед молодому человеку, который вынес тело отца на тусклый утренний свет, лорд Аннандейл вдруг понял, что ему страшно.

6

— Прошу вас, его милость молится. Если вы подождете в приемной, я смогу...

Не обращая внимания на протесты монаха, Джон Комин распахнул двери церкви Святой Марии. Перед ним в сумеречную темноту, насыщенную благовониями, уходил неф. Когда глаза его привыкли к темноте, он заметил перед алтарем, освещенным свечами, коленопреклоненную фигуру. Комин шагнул вперед, но монах вновь заступил ему дорогу.

— Сэр, умоляю вас. Он просил, чтобы его не беспокоили.

— Для меня он сделает исключение, — отрезал Комин, направляясь к коленопреклоненной фигуре.

Когда Комин подошел вплотную, человек резко поднял голову. Гнев на его лице исчез, сменившись облегчением.

— Брат, — вскричал он, поднимаясь с колен и протягивая обе руки пришедшему. — Слава Богу, ты получил мое послание. — Он сделал знак монаху, нерешительно переминавшемуся с ноги на ногу, удалиться, после чего вновь обратил взор на Комина, оценивающе глядя на искусные доспехи, виднеющиеся из-под накидки и украшенные гербом Рыжих Коминов: три белых снопа пшеницы на красном поле. — Один твой вид способен внушить успокоение мятущемуся сердцу.

Встретив взволнованный взгляд Джона Баллиола, Комин ощутил острый укол презрения. Отделаться от этого ощущения было очень трудно, особенно когда он обнимал шурина в ответ. Но тут внимание Комина привлек алтарь, видимый через плечо Баллиола. Под статуей Девы Марии, окруженной рядом свечей, стояла шкатулка из слоновой кости. Завидев ее, Комин ощутил, как презрение его перешло в гнев. Галлоуэй, который перейдет под власть Баллиола после смерти его матери, наводнили враги, а этот человек стоит на коленях в уединенном монастыре, молясь перед сердцем своего отца. Если бы сам Комин взялся внимательно рассматривать свое генеалогическое древо, то, скользя по латинским ветвям, тоже дошел бы до самого представителя королевского дома Канмора, пусть и не напрямую, как Баллиол. Сколь изменчива может оказаться такая вещь, как кровь; как произвольно выбирает она тех, кому суждено вознестись на вершину власти. Он постарался отогнать от себя эту мысль. Рыжим Коминам всегда было хорошо и возле трона. Король — это всего лишь инструмент, как говорил его отец. А они были музыкантами.

Баллиол поймал взгляд зятя и тоже посмотрел на шкатулку. Он торжественно кивнул, по ошибке принимая сумрачное выражение лица Комина за сочувствие.

— Его сердце было первым, что моя мать взяла с собой, когда мы уезжали из Бьюитла.

Она до сих пор каждый вечер ставит для него прибор к ужину. — Подняв руки и словно обнимая огромные колонны, образующие арки по обе стороны нефа, Баллиол развернулся на месте. — Невероятно, на что оказывается способна любовь, не так ли? Моя мать выстроила это аббатство в память о моем отце. Я советовал ей похоронить его сердце здесь, после того как был закончен этот священный алтарь, но она отказалась расставаться со шкатулкой до своей кончины, распорядившись, чтобы ее положили в могилу вместе с нею. Я восхищаюсь силой ее духа, этой женщиной, которая, несмотря на закат ее жизни, сумела создать такую красоту. — Отсутствующий взгляд Баллиола вдруг уперся в Комина и обрел резкость. — Как ты думаешь, они способны уничтожить все это?

— Уничтожить что? — переспросил Комин, все еще думая о шкатулке, в которой было заключено сердце прежнего лорда Галлоуэя.

— Это место. — Баллиол принялся расхаживать взад и вперед перед алтарем. — Эти шлюхины дети придут сюда за мной?

Комин смотрел, как Баллиол взъерошил волосы, каштановые, как и у его сестры, на которой Комин женился одиннадцать лет тому. Но все сходство на этом и заканчивалось. Баллиол не обладал ни страстностью своей сестры, ни ее проницательным умом. Комин всегда считал, что именно женщины в роду Баллиолов обладали поистине мужским характером.

— У тебя есть сведения об их местоположении?

— Да, есть, — с горечью отозвался Баллиол. — Брюсы заняли Бьюитл.

Комин неспешно обдумывал услышанное. Нападение Брюсов на замки Дамфриз и Вигтаун под корень подрубили могущество Коминов в юго-западной Шотландии, но, хотя захват двух крепостей больно ударил по семейной гордости, помешать долговременным планам Коминов не смог. А вот падение главного опорного пункта Баллиола — это уже совсем другое дело.

— Откуда тебе известно, что замок взят? В своем послании ты писал, что отправляешься в аббатство Влюбленных Сердец лишь в качестве меры предосторожности, когда Брюсы вторглись в Галлоуэй.

— Мне сообщил об этом сын моего управляющего. Я оставил его в Бьюитле вместе с небольшим гарнизоном, чтобы он позаботился о ценностях, которые я не мог увезти с собой. Мой управляющий погиб во время штурма от руки этого ублюдка, графа Каррика. — Баллиол буквально выплюнул ненавистное ему имя. — Вместе с восемью моими людьми. Восемью!

— Когда это случилось? — продолжал напирать Комин.

— Две недели тому.

— И с тех пор тебе ничего не известно о действиях Брюсов?

— Судя по тем сведениям, что дошли до нас, они остановились в Бьюитле.

Комин задумчиво нахмурился:

— Сын твоего управляющего, он еще здесь?

— Да. Я взял его в армию Галлоуэя. Ненависть к Брюсам придаст ему сил, чтобы сразиться с ними в неизбежной битве.

— Я хочу поговорить с ним.

Баллиол последовал за Комином, который двинулся по нефу.

— Разумеется, но давай сначала разместим твоих людей. Позади аббатства есть поле, на котором они могут разбить лагерь. Я распоряджусь, чтобы кто-нибудь из монахов показал

тебе место.

— В этом нет необходимости. Со мной прибыли только мои оруженосцы.

Баллиол замер на месте.

— Одни оруженосцы? А где же, в таком случае, твоя армия?

Комин развернулся к нему.

— Армии нет. Я прибыл один.

— Но в своем послании я сообщил тебе, что мне нужны люди и мечи, чтобы остановить продвижение Брюсов. Дружины моих вассалов разбросаны, так что у меня не было возможности оказать сопротивление. Как я могу сражаться в одиночку? — Голос Баллиола поднялся на октаву, сделавшись крикливым и гневным. — А я ведь полагался на тебя и как на своего брата, и как юстициара Галлоуэя. — Он в отчаянии всплеснул руками. — Зачем же, ради всего святого, ты прибыл сюда?

— Позволь мне поговорить с твоим человеком, и я все объясню тебе.

Баллиол попробовал было спорить, но, наткнувшись на непреклонность Комина, сдался и показал на двери церкви.

— Что ж, пойдем, — напряженным голосом сказал он. — Дунгал наверняка будет у могилы отца. Он не отходит от нее ни на шаг.

Щурясь от яркого света после сумрака церкви, Баллиол повел гостя по монастырю. Полуденное солнце оказалось жестоким к его лицу, высветив темные круги под глазами и подчеркнув опущенные уголки рта и зажившие оспины на щеках после перенесенной в детстве болезни. В свои тридцать семь он выглядел старше Комина, будучи на пять лет младше его, и дряблая кожа, усеянная пятнами, и поредевшие волосы сполна выдавали прожитые годы.

— А прочим хранителям хотя бы известно о том, что происходит в Галлоуэе? — в голосе Баллиола прозвучала мрачная злоба. — Или им все равно?

— Поначалу сообщения, поступавшие в Эдинбург, казались противоречивыми, но теперь уже все при дворе знают о нападении Брюсов.

— Ну, да, учитывая, что они даже не сделали попытки как-то скрыть свои действия, — ответил Баллиол, сжав руки в кулаки. — Мне докладывали, что они маршируют по окрестностям с развернутыми знаменами. — Они шли по закрытым монастырским аркадам. Двое из послушников, помогавших монахам управляться по хозяйству, поливали во дворе цветы и кусты, опаленные июльским солнцем. — Иногда мне кажется, что вся Шотландия знала о том, что они делают.

— Они хотят опорочить тебя, — после паузы предположил Комин. — Думаю, именно этим мотивом они и руководствуются в своих поступках. Боюсь, что Брюсы каким-то образом узнали о наших планах, когда мы стали получать первые сообщения. А теперь, с падением Бьюитла, я просто уверен в этом. У хитрой лисы Стюарта везде свои глаза и уши.

— Значит, тебе следовало быть более осторожным!

— Все равно наши намерения посадить тебя на трон не могли оставаться тайной долго, — скривился Комин. — Хотя, не исключено, мы бы оказались лучше подготовлены к борьбе с теми, кто противостоит нам сейчас, случись это открытие намного позже.

— Лорд Аннандейл борется за трон не для себя. Он объявил, что ведет борьбу от имени Норвежской Девы.

— Норвежской Девы?

— Так они называют внучку Александра, Маргарет. — Баллиол злобно уставился на

своего зятя. — Скоро в нем будут видеть спасителя, а ко мне относиться как к какому-нибудь разбойнику или предателю, который нарушил данную им клятву и намеревается отобрать трон у ребенка! Я могу потерять все, Джон!

— Еще ничего не кончено, брат, и на твоём месте я бы не сожалел о своей репутации. Лорд Аннандейл собственными руками создает себе дурную славу. Своей агрессией в Галлоуэе Брюсы угрожают безопасности всего королевства. И уж я постараюсь, чтобы растущее недовольство их действиями пошло нам на пользу.

Баллиол не ответил, а лишь погрузился в мрачное молчание, когда они вышли из арочного прохода на закрытую галерею, которая вела к воротам в стене монастыря. Вокруг колыхались в жарком мареве желтые поля, а в воздухе роились насекомые. Двое мужчин зашагали к кладбищу, начинавшемуся за высокой церковной башней, стены которой, сложенные из красного кирпича, отбрасывали тень на ряды деревянных крестов. Когда они подошли ближе, Комин заметил молодого человека, сидящего у кучи свежевырытой земли.

При их появлении юноша поднялся на ноги.

— Милорд, — сказала он, поклонившись Баллиолу и вопросительно глядя на Комина. — Я выполняю свои обязанности. Клянусь, что молитвы за отца не мешают исполнять порученное мне дело.

— Я здесь не для того, чтобы наказывать тебя, — отозвался Баллиол. — Этот человек — мой зять, сэр Джон Комин, юстициар Галлоуэя и лорда Баденоха. Он желает поговорить с тобой.

Когда молодой человек вновь взглянул на него, Комин обратил внимание, как ввалились у того глаза. Он выглядел так, словно не спал уже несколько дней. Комин решил, что перед ним юноша, который вот-вот должен превратиться в молодого мужчину. Он жестом приказал молодому человеку следовать за собой, подальше от могилы.

— Тебя зовут Дунгал, верно?

— Да, сэр, Дунгал Макдугалл.

— Расскажи мне о штурме Бьюитла, Дунгал.

Комин внимательно слушал, пока юноша рассказывал. Голос его, поначалу робкий и срывающийся, становился все тверже и звонче, пока, наконец, не стал хриплым от сдерживаемой ярости, когда он дошел до сцены убийства своего отца графом Карриком.

— И ты пришел сюда, чтобы рассказать сэру Джону о том, что произошло с Бьюитлом? — поинтересовался Комин, когда Дунгал закончил свой рассказ.

— Не сразу, — отвечал юноша. — Остальные мужчины, которых освободили, направились в аббатство Влюбленных Сердец, чтобы рассказать обо всем сэру Джону и леди Дерворгуилле. Я поручил тело своего отца их заботам, а сам добровольно вызвался наблюдать за замком, чтобы посмотреть, куда Брюсы пойдут дальше.

— И сколько времени ты провел так?

— Десять дней.

— И за это время Брюсы не двинулись с места? — Комин повернулся к Баллиолу. — После захвата Вигтауна и Дамфриза Брюсы оставили в обеих крепостях гарнизоны, а сами двинулись дальше. Совершенно очевидно, что в Бьюитле их что-то задержало.

— Прибыл всадник, — медленно проговорил Дунгал, глядя на Комина. — Кажется, на четвертое утро после взятия замка. Я хорошо его рассмотрел из своего укрытия в лесу. Его впустили сразу же. — Дунгал склонил голову перед Баллиолом. — Прошу простить, я позабыл об этом. — Взгляд юноши переместился на могилу отца.

— У этого всадника был герб?

— У него был золотой щит с полосой в сине-белую клетку.

— Герб Стюартов, — тут же заметил Баллиол.

Комин постарался подавить свое растущее раздражение, убедившись, что все-таки сенешаль каким-то боком замешан в этой истории.

— Все совпадает, — сухо проговорил он. — Полагаю, от этого всадника Брюсы узнали то, что уже известно всем нам при дворе, и именно поэтому взяли передышку. — Он жестом пригласил Баллиола следовать за собой. — Думаю, время битв закончилось, — негромко заявил он, когда они зашагали по неровной земле между могилами. — Пока что, — Комин остановился, отойдя на некоторое расстояние от Дунгала и повернувшись лицом к Баллиолу, — об этом еще не знают, но вскоре все станет известно. Именно поэтому я и приехал. Хотел сообщить тебе лично.

— И что же ты хотел мне сообщить?

— Королева беременна, Джон.

Баллиол остановился, как громом пораженный.

Комин, тем временем, продолжал:

— Должно быть, она понесла всего за несколько недель до смерти Александра. Повитуха, осматривавшая ее, утверждает, что королева уже на пятом месяце. Признаки беременности были заметны намного раньше, но ее недомогание наверняка списали на скорбь от потери короля.

— Выходит, все напрасно? Весь этот риск. И все зря? — Баллиол уставился на Комина, и лицо его исказилось от ярости. — Я потерял свой дом и своих людей. Свое уважение!

— Ничего еще не кончено, — резко бросил Комин.

— Разумеется, а как же иначе? Это ведь не какой-то ребенок при чужеземном дворе. Он станет законным наследником короля!

— Да, но этим ребенком, мальчик он или девочка, будет руководить регентский совет до его совершеннолетия, — Комин впился в лицо Баллиола напряженным взглядом, заставляя шурину посмотреть на него. — У нас еще есть время.

Покрепче перехватив поводья, Роберт потянул их на себя, заставляя Айронфута задрать голову, когда конь воспротивился его воле. Юноша выругался сквозь стиснутые зубы, воспользовавшись словечком, которому его научили молочные братья в Ирландии, а потом опустил копьё в позицию.

— Подбери повод! — рявкнул Йотр.

Пробормотав ругательство еще раз, уже в адрес своего учителя, но не сводя при этом глаз с цели, Роберт вонзил каблуки в мускулистые бока скакуна. Айронфут помчался вдоль берега, быстро перейдя в галоп. Мальчик съезжился и подался вперед, чтобы выдержать яростный ритм. На него стремительно надвигался щит, прикрепленный к одной стороне столба с вращающейся перекладиной для удара копьём. Мешок с песком, висящий на другой стороне перекладины, покачивался в ожидании. Резко подав вперед руку, Роберт нанес удар. Боль обожгла пальцы юноши, и в последний момент он промахнулся. Он промчался мимо тренировочного столба, пронзив копьём воздух над щитом.

Роберт потянул поводья, заставляя Айронфута, по-прежнему мчавшегося вперед, повернуть к морю, которое сегодня было бирюзовым. Йотр выкрикивал команды. Упершись ногами в стремяна, Роберт откинулся назад, вынудив коня остановиться столь резко и неумело, что едва не вылетел при этом из седла.

— Плохо, — выкрикнул Йотр. — Еще раз.

Роберт выпрямился в седле, удерживая коня и обретая равновесие. Он тяжело дышал, а боль в пальцах казалась невыносимой. На два из них была наложена шина, отчего держать копьё ему было невероятно трудно. Во время очередного тренировочного занятия неделю тому он ударил копьём в столб под неправильным углом и с такой силой, что пальцы выгнулись назад и сломались. Он задержался на месте, не обращая внимания на выкрики Йотра, командовавшего ему повернуть, наслаждаясь прохладным, соленым ветром. Был уже сентябрь, но жара стояла поистине июльская. Долгое лето вьелось в его кожу, а день его двенадцатилетия пришел и ушел без единого доброго слова от отца или деда. Обоих не было вот уже три месяца. Роберт жалел о том, что не может быть с ними, служа своей семье, но он знал, что еще не готов. Пока не готов. Опустив копьё в позицию, юноша повернул коня и встал на одну линию с целью. Решительный и напряженный.

— Соберись! — крикнул ему Йотр.

Роберт ударил каблуками в бока коня. Замок Тернберри вырос перед ним, но лишь как тень с короной неба над ним, а все внимание мальчика было сосредоточено на маленьком щите, летевшем ему навстречу. Крикнув, он выставил вперед руку и попал, на мгновение слившись с конем воедино. Наконечник копья ударил щит в самый центр с громким звуком «цок!», и цель оказалась отброшенной в сторону. Вращающаяся балка развернулась очень быстро. Роберт пригнулся, ожидая, пока над его макушкой просвистит мешок с песком, но они с конем уже миновали тренировочный столб. Мальчик широко улыбнулся, ликуя.

— Хорошо, мастер Роберт. Еще раз.

Не давая Айронфуту перейти на рысь, Роберт послал его по широкой дуге, собираясь для еще одного, очередного, удара, намереваясь исполнить его так же, как и последний. Боевой конь шел под ним очень хорошо, повинаясь каждому движению поводьев, каждому прикосновению коленей. Роберт словно вновь скакал на своем иноходце, только сейчас это было намного интересней, так, что захватывало дух. Щит развернулся почти в прежнее, начальное, положение. Роберт прищпорил коня, переводя его в галоп, и привстал на стремянах. Прицелился. С воды донесся пронзительный крик и заполошное хлопанье крыльев — две чайки сцепились из-за добычи. Айронфут запрокинул голову при столь пронзительных звуках, а потом отвернул в сторону и понесся во всю мочь по берегу.

Они мчались по песку, все дальше от бегущего вслед за ними Йотра, через дюны и торфяники, окружающие замок. Роберт, сообразив, что Айронфут не собирается останавливаться, отбросил копьё в сторону. Лошадь вдруг одним прыжком пересекла узенький ручеек. Когда Роберта швырнуло вперед, обе его ноги вылетели из стремян. Выпустив уздечку, он вцепился в высокую луку седла перед собой. А конь неумоимо мчался вперед, направляясь к поросшим лесами холмам позади Тернберри. Роберт держался как мог, стараясь приподниматься в такт с конем и нащупать поводья, пока ноги его бесцельно болтались по сторонам. Деревья приближались с угрожающей быстротой. И вот, в мгновение ока, мальчик оказался под сплошным навесом зелени, и ветви в опасной близости замелькали над головой.

Скакун неумолимо мчался вперед, углубляясь все дальше и дальше в лес. Ветка хлестнула Роберта по лицу, обжигая щеку, как огнем. Он пригнулся к шее лошади и зажмурился, чтобы следующий сук не оставил его без глаза. Подавшись вперед, он попытался поймать поводья. Пальцы зацепили их, но удержать не сумели. Мальчик вскрикнул, качнувшись в сторону, когда Айронфут резко повернул, чтобы не налететь на дерево. Крик Роберта перешел в вопль, когда его колено на всем скаку зацепило пролетающий мимо ствол. Забыв обо всем от боли, он не заметил надвигавшейся ветки. Она врезалась в него с такой силой, что он вылетел из седла. Роберт больно ударился о землю, подняв тучу пыли и ворох листьев. Айронфут продолжал нестись сломя голову, проламываясь сквозь деревья, а наездник одиноко и неподвижно лежал на траве.

Перед глазами у Роберта заплясали круги. Он попытался открыть их и поморщился от яркого света. Чуть повернув голову, он понял, что лежит на поляне, по краям которой росли безжалостно растоптанные папоротники. По стволам деревьев, плотным кольцом обступивших поляну, карабкался лишайник, плетящийся и ядовитый. Что-то ползло по лицу Роберта. Он чувствовал, как оно добралось уже до щеки. Но, когда мальчик попытался приподняться на локте, голова его чуть не лопнула от боли, и он испугался, что сейчас его стошнит. Откинувшись на спину, Роберт ждал, пока к нему вернется зрение. Высоко над головой ветви деревьев переплетались с лучами света. Поднеся руку к лицу, он коснулся лба. Кончики пальцев обагрились кровью. Когда грохот в голове сменился монотонным тупым стуком, юноша ощутил, как в теле его расцветают и другие костры боли. Колено горело огнем. Упершись обеими руками в землю, Роберт приподнялся, задыхаясь от усилий. Сломанные пальцы пульсировали нестерпимой болью. Штаны на колене были порваны, края ткани вывернулись наружу и потемнели от крови. В разрывы он видел кожу, ноющую и влажную. Мальчик огляделся по сторонам, пытаясь определить, где находится. Деревья обступали его со всех сторон, образуя непроницаемую зеленую стену. На берегу он тренировался во второй половине дня, а сейчас на землю уже опускались медно-рыжие сумерки. Роберт вдруг понял, что в окружающем его лесу стоит тишина. Он слышал, как трещат на ветру сучья и шелестят листья, но здесь не было ни птичьих песен, ни шуршания мелких зверьков в густом подлеске. И тогда он услышал этот звук — низкое протяжное рычание.

Глянув влево, Роберт увидел, как стебли папоротников шевельнулись. Голова его испуганно дернулась, когда он вновь услышал рычание, на этот раз справа. Приподнявшись на локтях и борясь с подступающими волнами боли, он попытался встать, но потом замер, когда папоротники раздвинулись и между ними показалась огромная черная морда зверя. На мгновение мальчику показалось, что это волк, но, заметив угловатую челюсть и квадратную, лобастую голову, он понял, что перед ним — гончая. Губы ее раздвинулись, обнажая коричневые десны и оскаленные белые клыки. Мускулы под шерстью на плечах плавно перекачивались, когда она двинулась к нему, пригнув голову. Из кустов справа от юноши показалась еще одна собака, и ее покрасневшие глаза уже застилало бешенство. Роберт попытался отогнать обеих строгим окриком, но от этого их рычание стало еще глубже. Пальцы его принялись шарить по траве в поисках камня, палки, чего угодно. И вдруг из-за деревьев прозвучала резкая команда, и собаки тут же припали на брюхо, а та, что с налитыми кровью глазами, даже заскулила.

На поляну вышла старуха, с трудом продираясь сквозь подлесок, держа в одной руке

искривленный посох, а в другой — кожаный мешок. На ней была коричневая накидка, полы которой усеивали иглы шиповника и комья грязи. Ее волосы густой волной ниспадали на спину, темные внизу, но изрядно побитые серебром у корней. В них запутались мелкие веточки и листья. Лицо пожилой женщины казалось грубым и жестоким. Острые скулы нависали над тонкими губами, разучившимися улыбаться, а выше переходили в большой и открытый лоб, который избородили морщины пота и пыли. Роберт уже видел ее однажды в этом лесу, и еще раз, давным-давно, в деревне. Она была колдуньей из дома в долине, а собаки, с обожанием глядевшие на нее, были теми самыми, что когда-то преследовали его с Найаллом.

Завидев его, женщина остановилась, недоуменно нахмурившись. Она прошипела что-то сквозь зубы, отчего в животе у Роберта образовался ком, но эти звуки были адресованы не ему. Заслышав их, собаки тут же вскочили с земли и длинными прыжками помчались к ней. Когда же старуха подошла к нему, Роберт увидел, как в мешке у нее что-то шевелится — какие-то прутики или черви скользили по стенкам кожаного мешка. Прислонив свой посох к дереву, она наклонилась над ним, протягивая иссохшую руку. Роберт отпрянул — его испугал исходивший от нее запах, но еще больше тот факт, что она может коснуться его. Глаза женщины превратились в щелочки.

— Ну, можешь оставаться здесь, — выплонула она, — и пусть тебя сожрут волки.

Ее гэльский был свободным и чистым, словно она никогда не говорила на другом языке. Он был намного богаче его собственного, ведь мальчик привык изъясняться с рождения на французском, шотландском, латыни и гэльском. Подхватив на ходу клюку, она заковыляла к кустам, и собаки последовали за нею. Когда Роберт попробовал приподняться, колено снова отозвалось острой болью.

— Подожди!

Женщина продолжала удаляться от него. Она уже почти скрылась из виду, и ветви кустов смыкались за нею.

— Пожалуйста!

Воцарилась тишина, а потом подлесок раздался, и она появилась вновь. Роберт протянул ей руку. Не говоря ни слова, женщина ухватилась за нее. Неожиданная сила ее пожатия удивила его. Он поднялся быстро, слишком быстро, и едва сумел сдержать крик, наступив на больную ногу.

— Держи! — хрипло проворчала она, протягивая ему клюку.

Роберт взял ее, и в памяти у него тут же всплыла некогда виденная в книжке картинка, когда колдун чертит кончиком вот такой палки круг на земле, а из дыма и пламени в самом его центре возникает черный демон. Он бы даже не удивился, окажись палка не палкой, но она была простой деревяшкой на ощупь. Навершие клюки еще хранило тепло ее рук.

И вот так, со старухой, поддерживавшей его за руку с одной стороны, наваливаясь всем весом на ее палку с другой, он медленно побрел. Собаки умчались куда-то вперед. Вскоре деревья впереди поредели и расступились, а склон перешел в тенистую аллею. И только увидев дом под горой, Роберт сообразил, что Айронфут умчал его в лес намного дальше, чем он полагал. Морщась от боли при каждом шаге, он задрал голову, разглядывая дуб, возвышавшийся над хижинкой. Теперь, вблизи, он мог лучше рассмотреть странные паутинообразные сооружения, свисающие с его ветвей. Паутина представляла собой веточки, очищенные от коры и листьев, их белые, переплетенные между собой лапки образовывали грубые подобия клеток. Внутри каждой висели на плетеных шнурках какие-то предметы,

похожие на бесформенных пауков. Роберт разглядел клочок желтой ткани, крошечный серебряный кинжал с потемневшим лезвием, истрепанный и разошедшийся свиток пергамента, но тут женщина распахнула дверь хижины, и они вошли внутрь.

В центре комнаты трещал и плевался искрами костер, отбрасывая по углам ломкие янтарные тени. У огня, высунув языки и поводя боками, уже лежали собаки. Когда глаза Роберта привыкли к изменчивой игре света, он обратил внимание на то, что в комнате полным-полно всякой всячины. С потолочных балок свисали кастрюли и сковородки, так что иногда женщине приходилось нагибаться, чтобы не задеть их головой. Промежутки между ними занимали пучки трав и цветов. Роберту даже показалось, что он вдруг очутился в волшебном месте, где все растения растут вверх ногами. От сильного землистого запаха у мальчика закружилась голова. У дальней стены лежал соломенный тюфяк с грудой меховых одеял на нем. Перед ним на полу валялись черепа и кости — животных, решил он после некоторого размышления. Здесь была гладкая галька с берега, кухонные принадлежности из камня и железа, и даже пара чучел птиц, глаза которых сверкали, подобно бусинам. Но самым удивительным открытием оказалась стопка книг, сложенных в углу рядом со шкамами. Некоторые выглядели очень старыми, с отвалившимися обложками и распавшимися переплетами. Роберт метнул настороженный взгляд на женщину, которая водрузила свой шуршащий и попискивающий мешок на полку рядом с выстроившимися в шеренгу глиняными горшками и коллекцией устрашающего вида ножей, и стал потихоньку подбираться к книгам. Они заинтриговали его. Роберта, равно как и его братьев и сестер, научили читать и писать — но это занятие считалось более подходящим для клириков, благородного сословия и некоторых особо состоятельных купцов и торговцев. А женщина никак не вписывалась ни в одну из этих групп. Впрочем, и к любым другим отнести ее было никак нельзя; это была состоятельная особа, живущая в глуши в полном одиночестве.

Колдунья вышла из тени с табуреткой в руках, которую и поставила перед огнем.

— Бригитта!

Роберт вздрогнул от неожиданности, когда груды меховых одеял на тюфяке рассыпалась, и оттуда на свет вылезла чья-то фигурка. Это оказалась та самая девчонка, которую он некогда преследовал до самого дома. Она смачно зевнула и встала с постели, расправляя складки своего серого платья. Большие глаза девочки остановились на нем, и в них появилось удивление.

— Садись, — приказала женщина Роберту, беря в руки клюку, — и принеси мне воды, — на одном дыхании закончила она, обращаясь уже к девчонке.

Роберт сел, девочка вышла, а старуха занялась своими делами, растирая пригоршню зерен каких-то растений в каменной ступке. В воздухе повис горьковатый аромат. Девочка появилась с ведром воды, и ее тоненькие ручки дрожали от напряжения под его тяжестью. Она поставила его у огня, а потом подошла к старухе. Они принялись приглушенно переговариваться, но Роберт не мог разобрать ни слова. Он с опаской следил за тем, как Бригитта приближается к нему, держа в руке комок полотняной ткани. Присев у ведра, она намочила в нем ткань. Платье болталось на ней, как на вешалке, так что со своего места он видел ее всю сверху до костей на груди. Девчонка встала и подошла к нему; с мокрой тряпки у нее в руке капала вода.

Роберт отпрянул, когда она потянулась к нему.

— Я могу и сам.

Отдав ему тряпку, Бригитта присела на корточки у огня, обхватив руками костлявые

коленки. Одна из собак подняла морду и заскулила, глядя на нее. Не обращая внимания на пса, девчонка смотрела, как Роберт стирает кровь с лица.

— Может, на него напали? — предположила она, обращаясь к пожилой женщине.

— Я упал с лошади, — с достоинством ответил Роберт.

— А он — граф, если хочешь знать.

— Сын графа, — коротко отозвался Роберт, которого раздражало, что девчонка говорит о нем, как о неодушевленном предмете.

— Я знаю, кто он, — сказала старуха, выходя из тени с миской какой-то темной смеси. — Я принимала его роды.

Роберт замер, прижав тряпку к щеке. Когда он заговорил, собственный голос показался ему неестественно громким.

— Нет. Это неправда. У моей матери была одна и та же повивальная бабка для всех ее детей. — Он покачал головой, взбешенный тем, что выражение лица старухи не изменилось. — Она ни за что бы не позволила такой... — Юноша запнулся и умолк.

Старуха не ответила, а лишь зачерпнула ладонью травяную смесь. Разведя в сторону разорванные полы его штанов, она густо нанесла мазь на его обнаженное колено, отчего юноша поморщился, а потом сунула ему в руки палку.

— Отведи его в лес, Бригитта. Он найдет дорогу домой. — И вдруг ее полный ярости взгляд схлестнулся с его. — И больше никогда не приходи сюда, — в бешенстве произнесла она. — Ни сам, ни с кем-либо из твоей семьи.

Роберт позволил девчонке увлечь себя наружу, в наступающие сумерки. После душевной жары в доме вечерний воздух показался ему благоухающе свежим, и мальчик содрогнулся, проходя под дубом, на ветвях которого по-прежнему раскачивались странные клетки. В голове у него прояснилось, а колено под действием холодного компресса из трав перестало болеть и лишь тихонько ныло, хотя каждый шаг все еще давался ему с трудом. Он искоса взглянул на Бригитту, которая молча шла рядом, пока он ковылял вверх по склону.

— Это твоя мать?

— Моя мать умерла. Я пришла жить к Эфfreyг зимой. Она моя тетка.

— Она — ведьма?

Вместо ответа Бригитта лишь передернула плечами.

Роберт уже собрался поинтересоваться у нее, не лжет ли, по ее мнению, тетка, утверждая, что помогла ему появиться на свет, как вдруг услышал крики, доносящиеся издалека. Он даже сумел разобрать в них свое имя.

— Это мой наставник, — сообщил он девчонке.

— А зачем тебе нужен наставник?

— Он учит меня скакать верхом. Для войны.

Губы девочки дрогнули в улыбке.

— Тогда тебе следует найти себе учителя получше, — заявила она и припустила прочь по траве.

Роберт смотрел ей вслед, а потом вошел в лес, отвечая на зов криками.

Поисковую партию вместе с Йотром составили несколько слуг из замка и его братья. Найалл увидел его первым. Он вскрикнул от облегчения и бросился к нему, а потом вдруг замер на месте, и на лице его отразилось невероятное изумление. Позади него широким шагом приближался Йотр, отводя в сторону ветки.

— Где Айронфут? — спросил Роберт, когда наставник обнял его за талию мускулистой,

сильной рукой, чтобы поддержать. Но палку юноша благоразумно не выпустил.

— Мы нашли его, когда он мирно бродил неподалеку от деревни, — задыхаясь, выпалил Томас, подбегая к ним вместе с Александром и слугами. — Мы уже давно тебя ищем. Что случилось?

— Я упал.

— Но где же ты был?

— Пойдемте, — коротко распорядился Йотр, — надо отвести его домой. Его мать, конечно, захочет, чтобы лекарь осмотрел мастера Роберта.

Всю дорогу до замка Роберт ломал голову над странными откровениями колдуньи. Он был уверен, что все это ложь, хотя и не понимал, для чего ей понадобилось врать. Разве только для того, чтобы сделать ему больно? Но ведь так делают все ведьмы? Играют с эмоциями мужчин, охотясь за их слабостями? Но все мысли об этом тут же вылетели у Роберта из головы, когда они приблизились к воротам Тернберри и увидели, какая компания втягивается в замок.

Мужчины возвращались с войны.

Роберт, пытаясь ускорить шаг, едва не плакал от боли и обиды, когда братья бросили его и побежали вперед, издавая радостные крики. Кое-кто из мужчин оглянулся; лица их были измучены и черны от солнца. Позади ехали две телеги, влекомые буйволами. Роберт облегченно выдохнул, заметив деда в самой гуще воинов. Немного впереди лорда Аннандейла ехал граф Каррик на своей белой кобыле. При виде отца на Роберта нахлынули самые противоречивые чувства, но тут его внимание привлекла одна из телег, проезжавших поблизости. Они с Йотром остановились, увидев в ней с десятков мужчин.

Взгляду Роберта предстали их окровавленные одежды и замотанные тряпками руки и ноги. Одному повязка закрывала правый глаз, а щека ниже была покрыта засохшей кровью. У другого от левой руки остался только обрубок, замотанный льняной тканью, и лицо его заливала восковая бледность. Большинство мужчин сидели, привалившись к бокам повозки, бездумно покачиваясь в такт движению. Посередине лежали еще трое, и один из воинов был накрыт одеялом с головой, так что наружу торчали только его ноги, синевато-багровые и голые. Сгрудившись в повозке, отмеченные своими уродливыми ранами, они кутались в чужие одеяла. Роберт не мог оторвать от них глаз, и Йотру пришлось чуть ли не силой увести его прочь, а он все смотрел вслед повозке, которая, громыхая, уже скрылась вместе с ранеными в воротах замка. Мальчику уже приходилось видеть изувеченные тела воров и разбойников в клетках по дороге в Аннандейл и птиц, рвущих их плоть. Но тогда в них было нечто ненастоящее. Они не были людьми, которых он знал.

Роберт, хромя, осторожно передвигался по комнате, стараясь не наступить на спящих братьев. Александр свернулся клубочком, лежа на боку, и в свете ночника на лице его отражалась какая-то внутренняя тревога. Томас лежал на спине, свесив одну руку с кровати, и спутанное одеяло сбилось у него в ногах. Проходя мимо Найалла, Роберт заметил, что глаза брата открыты и тот потихоньку наблюдает за ним. Приложив палец к губам, он выскользнул за дверь.

Мальчик зашагал по мрачному, тускло освещенному коридору, держась одной рукой за

стену, чтобы не упасть. Неумолчный рокот моря заглушал его шаги. Так он прошел мимо комнаты, которую делили его сестры. Дальше, из небольшой комнатки, примыкавшей к спальне его родителей, доносился громкий крик. Дверь была распахнутой настежь, и в коридор падал яркий свет свечи. Роберт подкрался ближе, стараясь не обращать внимания на боль в забинтованном колене. Он увидел спину кормилицы, медленно ходившей по комнате, баюкая его сестренку Матильду, которая и стала причиной криков и плача. А потом двинулся дальше, к комнате родителей.

Снаружи он приостановился, боясь услышать голос отца, ведь, возможно, совет уже закончился. Но нет, было еще рано, и он не слышал шагов отца на лестнице. Тем не менее, за дверью царила тишина. Он толкнул дверь, отчего огоньки свечей в спальне дрогнули и пустились в пляс.

— Это ты, Роберт?

Голос матери долетел до него с кровати, изголовье которой закрывал тяжелый полог винного цвета.

— Нет, — пробормотал Роберт, зная, что она имела в виду отца.

Полог заколыхался, когда она села на постели. Мать раздвинула занавеси, волосы каскадом струились по ее плечам. Тени в комнате отразились на ее лице, наложив синяки под глазами и заполнив впадины щек. Рождение Матильды месяц тому не было легким, и его мать с тех пор практически не вставала с постели.

— У тебя что-нибудь болит? — в ее усталом голосе прозвучала тревога.

Колено у Роберта болело невыносимо, как, кстати, и рана на голове, которую ему зашил лекарь, но он не хотел, чтобы такие пустяки помешали ему узнать то, ради чего он пришел в комнату родителей.

— Нет, — ответил мальчик и, хромая, подошел ближе к кровати, будучи не в состоянии и в самом страшном сне представить, что та ужасная женщина из полуразрушенного домика в лесу осмелилась войти сюда, в эту чудесную комнату, с ее драпировками, коврами и резной мебелью. — Расскажите мне о моем рождении.

На лице матери проступило удивление, но потом она отвернулась. У Роберта сжалось сердце. Во взгляде ее читалась вина.

— К чему подобные вопросы?

— Я... — Он сбился и умолк. Тишину, заполнившую комнату, нарушил плач его маленькой сестры. — Матильда, — вдруг произнес он. — Мне вдруг стало интересно, как на свет появился я. Это было не так, как у нее?

Его мать долго смотрела на него, а потом вздохнула.

— Некоторое время мы думали, что ты так и не придешь в этот мир. — Она протянула руку и коснулась его щеки. — Но ты пришел.

Роберт отпрянул, ему не терпелось получить ответ, за которым он пришел. Мальчик решил, что изберет прямооту и откровенность.

— Сегодня я солгал. — Увидев, как мать нахмурилась, он опустил глаза, а потом принялся грызть ноготь, сломанный во время падения. — В лесу я был не один. Кое-кто нашел меня. И помог.

Теперь уже мать отпрянула от сына.

— Это была старая женщина с собаками.

Ее рука судорожно стиснула покрывала.

— Она сказала мне кое-что. — Роберт нашел взглядом глаза матери. — Она сказала, что

принимала мои роды.

— Да, — пробормотала графиня.

Роберт покачал головой; ему не хотелось в это верить.

— Но она же ведьма! Как вы могли позволить ей... — Голос у него прервался. При мысли о том, что грязные руки старухи первыми коснулись его, Роберта едва не стошнило. Ему даже не пришло в голову, что в те времена она, несомненно, была моложе. В его глазах она навсегда останется сгорбленной старой каргой.

— Одни называют ее ведьмой, — негромко проговорила мать, — а другие — целительницей.

— Я полагал, что меня принимала Эда. Вы говорили мне, что она помогала при родах всех ваших детей, даже Маргарет. — Роберт заметил, как вытянулось и посуровело лицо матери при столь небрежном упоминании его сводной сестренки. Первым мужем матери был рыцарь, который погиб во время крестового похода, когда она уже была беременна. Брат по оружию этого рыцаря, сэра Роберт Брюс, вернулся из Святой земли, чтобы сообщить вдове о случившемся и о том, как они стали близки. Всего через несколько месяцев они спешно поженились, даже не испросив разрешения на брак у короля Александра, который в гневе лишил обоих принадлежащих им земель. И только благодаря заступничеству лорда Аннандейла скандал удалось замять, а отцу Роберта было позволено присоединить Каррик к своим владениям по праву женитьбы.

— Эда на самом деле принимала тебя или, по крайней мере, пыталась. Ты умирал во мне, Роберт. — Глаза матери вдруг ярко вспыхнули в пламени свечей. — Схватки продолжались слишком долго. Эффрейг в то время еще жила в деревне. Ее все хорошо знали как целительницу. Она спасла твою жизнь. И мою.

Роберт понял, что не все так просто и что многое осталось недосказанным. На языке у него теснились и другие вопросы. Почему его родители ни разу не упомянули об этом, даже после того, как Александра укусила одна из собак старухи? И почему вдруг пожилая женщина так сильно разозлилась? *«И больше никогда не приходи сюда, — сказала она. — Ни сам, ни с кем-либо из твоей семьи»*. Роберт огляделся — в коридоре ему послышались тяжелые шаги. А вот его мать, похоже, ничего не заметила.

— Почему она ушла из деревни? — быстро спросил он. — Почему стала жить на холмах?

— Ее изгнали, — неуверенно, явно колеблясь, ответила мать. — Твой отец... — Она оборвала себя на полуслове, заслышав шаги в коридоре. Щеки ее заалели. — Роберт, немедленно возвращайся в постель, — неестественно громким голосом распорядилась она.

Услышав, как за спиной у него отворяется дверь, Роберт обернулся и наткнулся взглядом на задумчивое лицо отца.

Граф нахмурился и распахнул дверь во всю ширь:

— Пошел вон.

Роберт поднялся, чтобы уйти, и почувствовал, как прохладная рука матери накрыла его пылающую ладонь.

Она подалась вперед и бережно поцеловала его в рану над бровью.

— Больше никаких разговоров сейчас, — выдохнула она ему на ухо, пока отец стягивал с себя подбитую мехом накидку и вешал ее на деревянный столбик для одежды.

Выходя из комнаты, Роберт метнул взгляд на отца, который, усевшись на табуретку, снимал сапоги. Лицо графа в пламени свечей выглядело серым и тусклым. Интересно, что

же все-таки произошло у них там, в Галлоуэе? Ему очень хотелось пойти к деду и расспросить его подробнее, но время уже было позднее и его беспокоили собственные раны и вопросы — их было намного больше, чем ответов, которые мог вместить его измученный мозг.

Марджори смотрела вслед сыну, который, прихрамывая, вышел из комнаты. Ее супруг, потирая ступни, натертые сапогами, даже не поднял головы. А ведь он может быть таким любящим! Неужели мальчик не заслужил хоть капельку отцовской любви? Граф всегда отвечал, что не желает, чтобы его будущий наследник вырос размазней и тряпкой, и что именно поэтому он не дает ему спуска, но Марджори-то знала, что в этом была не вся правда.

— В чем дело?

Сообразив, что до сих пор пристально смотрит на супруга, она выдавила улыбку.

— Я просто устала. — Она нахмурилась, заметив, как он вновь натягивает сапоги. — Разве ты не ложишься?

— Одну минутку, — сказала он, подходя к ней.

Марджори откинула голову на подушку. Она закрыла глаза, когда он поцеловал ее. Она не просто устала, она была измучена до предела. Роды отняли у нее последние силы молодости. Выносить десятерых детей — нелегкий труд для любой женщины.

— Тебе нужно отдохнуть.

Она услышала, как скрипнула кровать, когда он встал. Походив по комнате, граф открыл ларец и налил себе бокал вина. Женщина начала медленно проваливаться в сон, ощущая знакомое присутствие мужа, столь успокоительное после нескольких месяцев отсутствия. Немного погодя она расслышала быстрый стук в дверь. Марджори проснулась, боясь, что это вернулся Роберт со своими неудобными вопросами. Мальчик и представить себе не мог, как разозлится его отец, если узнает, что сын побывал в доме старой Эффриг. Но это был не ее сын, а один из приближенных супруга. Она смотрела, как муж вручил ему кошелек. В другой руке граф сжимал свиток пергамента.

— Здесь достаточно, чтобы доплыть до Франции и вернуться. Будь осторожен.

— Не волнуйтесь, милорд, — ответил мужчина, принял свиток и сунул его в мешочек на поясе рядом с мечом. — Я благополучно доставлю его в Гасконь.

— Передай в руки королю Эдуарду. Не хочу, чтобы послание прочел какой-нибудь слуга.

Мужчина поклонился и вышел, унося пергамент с собой. Когда супруг закрыл за ним дверь, графиня вновь смежила веки. Спустя мгновение она вновь услышала скрип кровати, принимавшей на себя знакомый вес. Но теперь звук уже не казался ей таким успокаивающим.

Роберт торопливо шагал по лесу, накинув на голову капюшон — шел дождь, и с листьев срывались крупные капли. Шорох ветвей заглушал даже неумолчный рокот волн на пляже Тернберри. В этом году первые осенние штормы начались необычно рано. Только на прошлой неделе жители Каррика трудились под голубыми небесами, собирая последний

урожай. Промедли они несколько дней, и сейчас овес и ячмень уже тонули бы на залитых водой полях. Пришло время перегонять вниз с высокогорных пастбищ стада овец. Тех, кого нельзя будет прокормить долгими зимними месяцами, придется забить на мясо. Работы было непочатый край, требовалась каждая пара рук, и люди, которых Брюсы потеряли во время нападения на Галлоуэй, сейчас пришлись бы очень и очень кстати.

Роберт упрямо втыкал клюку во влажную землю, с каждым шагом все дальше углубляясь в неприветливый лес. Он чувствовал себя глупо оттого, что решил воспользоваться палкой как предлогом, чтобы вернуться, но ничего более умного придумать не смог. Хотя размышлял о том, что случилось, все прошедшие недели.

Важность побед, одержанных при захвате замков Вигтаун, Дамфриз и Бьюитл, поблекла перед быстро распространившимся по всему королевству известием о том, что королева беременна. Роберта не пригласили ни на один совет, состоявшийся после возврата с войны, но, судя по долетавшим до него обрывкам разговоров, его дед решил уйти из Галлоуэя, оставив в каждом замке небольшой гарнизон до тех пор, пока королева не родит и амбиции Комина и Баллиола не угаснут. Решение оставить завоеванные земли привело его отца в ярость, и, когда Брюс вернулся со своими рыцарями в Аннандейл две недели тому, он почти не разговаривал с дедом и отношения между ними стали натянутыми. Но, несмотря на разлад в семье, Роберта занимали собственные мысли, и сегодня, впервые за все время сбора урожая, он смог улизнуть из замка незамеченным.

Деревья впереди поредели и расступились, и он увидел хижину под горой. Большие лужи образовались у корней гигантского дуба, листья которого переоделись в красно-коричневые и золотистые цвета. Последнее дыхание умирающего лета. Свиньи сгрудились в углу своего загона, прячась от непогоды под свесом крыши. К ним присоединились три прекрасные рыжие телки. Раздумывая о том, откуда у пожилой женщины взялись деньги на покупку столь славных животных, Роберт стал спускаться по скользкому откосу, время от времени опираясь на клюку, чтобы не упасть.

Когда он подошел к дверям, его встретил яростный лай. Из-за угла дома, с рычанием и оскалив зубы, вывернулась пара черных псов. Подавив нестерпимое желание броситься прочь, Роберт остался на месте. Гончие замедлили бег и припали к земле, опустив морды. Роберт протянул к ним свободную руку открытой ладонью вверх, как делал с охотничьими собаками деда. С кончика носа у него то и дело срывались дождевые капли. Та псина, что была крупнее, с ворчанием приблизилась. Задрав морду, она ткнулась носом в его раскрытую ладонь. Роберт даже рассмеялся от облегчения, когда ее розовый и влажный язык облизал ему руку. Дверь хижины распахнулась, с грохотом ударившись о стену, и на пороге появилась старуха. Собаки припустили по лужам обратно к ней.

— Я же говорила, чтобы ты больше не приходил сюда. — Голос ее, заглушивший шум дождя, прозвучал громко и властно.

Роберт шагнул вперед, протягивая ей палку.

— Я хотел вернуть вот это. — Не успели слова сорваться у него с губ, как он сам понял, сколь жалкой и нелепой ложью они прозвучали. Презрительная усмешка, скользнувшая по лицу пожилой женщины, подтвердила его догадку. Когда она повернулась, чтобы закрыть дверь, он поспешно добавил: — И повидать Бригитту.

Женщина приостановилась, и на лице ее досада соединилась с насмешливым весельем. И то, и другое раздражало его.

— Она ушла, мальчик.

— Ушла?

— В Эйршир. Приглянулась кузнецу. — Эффрейг кивнула на палку. — Прислони ее к стене, — сказала она, закрывая дверь.

Роберт уставился на дряхлую деревянную преграду. В груди у него поднималась волна гнева, подогреваемая унижением и разочарованием. Вплоть до последнего момента он не осознавал, что его последние слова были правдой: ему хотелось еще раз повидаться со странной девчонкой. Сжав руку в кулак, он забарабанил в дверь. Та отворилась.

— Почему ты позволила ей уйти?

На губах женщины расцвела жестокая улыбка.

— Если бы я знала о том, что ею заинтересуется наследник графа, то, конечно же, согласилась бы подождать. Быть может, я сумела бы выручить за девчонку нечто большее, чем три коровы!

Роберт почувствовал глубокое отвращение, когда губы старухи раздвинулись в улыбке, обнажая желтые зубы. Швырнув палку на землю, он развернулся, чтобы уйти. Но вдруг, ощутив в себе неожиданную силу, резко развернулся.

— Когда я стану графом, то позабочусь, чтобы твое изгнание продолжалось и дальше. Ты больше никогда не войдешь в Тернберри.

Ее презрительный смех смолк.

— Как ты похож на своего отца, — пробормотала она. — Ни за что бы не поверила, что у великого лорда Аннандейла могут родиться два таких ничтожества, но вот ты стоишь передо мной, живое свидетельство увядания могущественного рода. — Голос ее упал почти до шепота. — Позор. Какой позор!

На щеках Роберта вспыхнул жаркий румянец.

— Да как ты смеешь! Ты даже *не знаешь* моего деда!

Старуха ткнула костлявым пальцем куда-то в вершину дуба.

Обернувшись, Роберт увидел одну из клеток, раскачивающуюся на ветру. В прошлый раз, будучи здесь, когда деревья укрывались пышной зеленью, он не заметил ее. Клетка казалась более старой, чем остальные. Ее каркас из веточек выглядел хрупким и потрепанным непогодой. Внутри лежала тонкая веревка, набухшая и потемневшая от дождя. Она была свернута в петлю.

— Что это? — пожелал узнать юноша, вновь поворачиваясь к ведьме. Но старуха уже скрылась в доме. Дверь, однако же, осталась открытой. Роберт заколебался, но любопытство пересилило гнев, и он шагнул вперед, через порог. — Какое это имеет отношение к моему деду?

Эффрейг помещивала палкой угли в очаге. Вокруг нее вихрем роились искры. Она не ответила.

— Что это за дерево? — настаивал он.

— Дуб, — коротко ответила она.

— Я имею в виду те...

— Я знаю, что ты имеешь в виду. — Эффрейг выпрямилась и развернулась к нему лицом. Она смотрела на него из полумрака, в шуме барабнящего по крыше дождя. — Закрой дверь. Ты выпускаешь все тепло наружу.

Роберт повиновался. Откинув с головы насквозь промокший капюшон, он вдруг заметил, что с его накидки и сапог на полу натекали грязные лужи. Но пожилая женщина, кажется, не обратила на это никакого внимания. Она придвинула к себе табуретку и уселась

на нее, сторбившись, у самого огня, глядя неподвижным взором в самое пламя. Волосы рассыпались у нее по плечам, укрывая ее, словно шалью. Гончие простерлись у ее ног, положив умные морды на огромные лапы, и бока их в такт дыханию поднимались и опадали в янтарном свечении углей.

— Судьбы.

Роберт покачал головой, не понимая того, что только что услышал, и ожидая продолжения.

— Когда женщины и мужчины желают чего-нибудь, они приходят ко мне. Я вплетаю их желания в их судьбы. Использую силу дуба, чтобы они сбылись.

— Им следует идти в церковь и молиться. Просить у Господа благословения, — возразил Роберт, заинтригованный ее откровенностью, но при этом чувствующий неловкость. Он знал, как называется то, на что она намекает, — это было слово еще более сильное, чем колдовство. Ересь. — Только Господь в силах сделать так, чтобы будущее сбылось, и решить судьбу человека.

Колдунья устремила на него сверкающий взгляд.

— Есть такие молитвы, которые нельзя услышать. И исполнить. Не этим Богом, во всяком случае.

Роберт ощутил укол страха, но шагнул ближе к огню, забыв о своей промокшей одежде.

— Другого нет.

— Что тебе известно о земле под ногами? — Голос старухи вновь обрел резкость и властность. — Или о давнем прошлом?

Роберт вдруг вспомнил учителя, который снова и снова заставлял его писать имена королей Шотландии, от Кеннета мак Альпина и Малкольма Канмора до Александра, пока он, наконец, не запомнил их.

— Моя мать унаследовала графство от своего отца, Найалла Каррика, а от своей матери — наши земли в Антриме. Когда мой отец вернулся из Святой Земли, он...

— Ты что же, думаешь, что история начинается с твоей семьи? — прервала его колдунья. — Нет, мальчик. Что ты знаешь об этих островах? — Она широким жестом простерла руки в стороны. — Шотландии, Англии, Ирландии, старых королевствах Уэльса?

Перед внутренним взором Роберта поплыли неясные образы, и он снова услышал голос своего учителя, описывающего приход римлян, великих мужей древнего мира, со своими огромными армиями прошедшими через всю Британию, неся смерть язычникам, которые восстали против них. О саксах, светловолосых, одетых в меха и шкуры, которые оттеснили бриттов обратно к диким холмам Уэльса и Корнуолла, отвоевав у тех землю, которая впоследствии стала называться Англией. А потом были норманны под знаменами Завоевателя. ^[22] Голос его учителя всегда менялся в этот миг, становясь мягче и утонченнее. И, только выслушав самые разные истории, которые рассказывали ему в Ирландии, Роберт сообразил, что его наставник, скорее всего, слегка приукрашивал легенду о приходе Завоевателя в угоду своему ученику, потомку норманнского лорда Адама де Брюса. Голос его учителя затих, но ему на смену пришел суровый и мрачный тон деда, повествующий о битве против скандинавов при Ларгсе, ^[23] приплывших на кораблях, украшенных драконьими головами, которая произошла каких-нибудь два десятка лет тому. Ну и, разумеется, о святых, Колумбе и Ниниане, Эндрю и Маргарет. Образы и имена теснились в памяти, но их было слишком много, чтобы Роберт знал, с чего начать. В конце концов, он лишь пожал плечами вместо ответа.

Эффрейг негромко присвистнула, отчего одна из собак приподняла голову и залаяла. Она пнула ее ногой, и та обиженно заскулила и затихла.

— Ладно. Сначала были римляне, — со вздохом заключил Роберт, — потом саксы, потом норманны. Я знаю о них.

Эффрейг посмотрела на него.

— А разве христианскому Богу поклонялись в своих храмах римляне с их жертвоприношениями?

— Они были язычниками, — признал Роберт, — вплоть до Константина. [\[24\]](#)

— А жители востока? Что ты знаешь об их божествах? Как насчет Одина и Фригг? [\[25\]](#)

— Саксы тоже стали христианами, — парировал юноша.

— А твои ирландские предки со стороны матери, что ты знаешь об их богах? А боги Британии? Луг и Дагда? Рианнон и Бел? [\[26\]](#) — Она продолжала, не давая Роберту ответить. — А ведь были и другие боги, мальчик.

— Но все они — фальшивые боги старого мира. Им сейчас больше никто не поклоняется.

— В самом деле? А кого призывают женщины облегчить боли во время родов? Ты ведь наверняка слышал молитвы своей матери.

— Святую Брайд, — не раздумывая, ответил Роберт. — Христианскую святую.

— Когда-то она звалась Бригантией, богиней деторождения и весны. — Эффрейг наклонилась, взяла очередное полено и подкинула его в огонь. — Священники делают вид, что забыли об этом.

Языки пламени осветили лицо колдуньи, и юноша вдруг понял, что она не настолько стара, как кажется, и что она, пожалуй, всего на несколько лет старше его матери. Под слоем пота и грязи ему почудилось в ее лице нечто поразительное, какой-то намек на Бригитту, однако в нем преобладали камень, кость и железная твердость. Ему стало интересно, откуда она столько знает, но потом мальчик вспомнил о книгах, которые так поразили его во время первого посещения. Роберт украдкой взглянул на них, едва видимых за границей круга света, а потом задал вопрос, ответа на который пока так и не получил.

— Почему ты показала туда — на клетку на дереве, когда я спросил тебя о деде?

— Ты наверняка слышал о Святом Малахии. — Эффрейг вновь рассмеялась, когда Роберт перекрестился, только теперь в ее смехе звучало уважение. — Да, этот святой наложил на вашу семью сильное проклятие. Настолько сильное, что река вышла из берегов у Аннана и смыла тамошний замок. Настолько сильное, что оно до сих пор тенью висит над семейством Брюсов, а ведь прошло уже более ста лет, как Малахия произнес его.

Роберт молча кивнул. Он знал о проклятии с самого детства, задолго до того, как наставник принялся обучать его истории Шотландии. В прошлом веке Малахия, архиепископ Армага, проезжал через Аннандейл по пути в Рим. Остановившись в замке Аннан, который принадлежал одному из предков Роберта, архиепископ узнал, что вскоре должен быть казнен один человек, обвиненный семейством Брюсов в воровстве. Малахия умолял пощадить вора, и лорд пообещал исполнить его просьбу. Но на следующий день архиепископ увидел осужденного болтающимся на виселице. Именно гневному проклятию, которое Малахия обрушил на семейство Брюсов, приписывают последующее разрушение их крепости и все беды и несчастья. Роберт собственными глазами видел развалины замка предков в Аннана и знал жуткую историю о том, как река вышла из берегов. Теперь он вполне понимал, почему веревка внутри плетеной клетки была завязана узлом висельника.

Эффрейг заговорила вновь:

— Возвращаясь домой из Святой Земли, твой дед поставил свечи в усыпальнице святого. Но несколько лет тому пришел ко мне. Полагая, что его молитвы не были услышаны, он просил меня снять проклятие. Он хотел, чтобы его семья наконец-то освободилась от него.

Роберт подметил, как на лице пожилой женщины появилось какое-то странное выражение, любви и тоски, может быть, но мысли об этом мгновенно вылетели у него из головы. Он был оглушен поразительной новостью о том, что его дед обратился к ведьме с просьбой составить для него заклинание. И вновь любопытство пересилило:

— И когда же оно будет снято?

Эффрейг покачала головой:

— Этого я не могу сказать. Дуб должен сделать свое дело. И тогда — и только тогда — паутина упадет на землю.

Роберт тут же подумал, а нельзя ли ее просто срезать, если ее падение значит так много, но потом решил, что она скажет, будто так не считается. Но было и еще кое-что, чего он не понимал. В день, когда Александра укусила собака, его отец строго-настрого запретил брату приближаться к дому колдуньи. Тогда Роберт решил, что все дело в собаках, а не в самой женщине, поскольку граф всегда презирал любые суеверия. Но, поскольку мать намекнула, что своим изгнанием целительница обязана его отцу, мальчик вдруг заподозрил, что за отцовским приказом скрывается кое-что еще.

— Почему тебя изгнали из Тернберри?

В мгновение ока она замкнулась и отстранилась от него.

— Тебе пора идти, — сказала старая женщина, вставая и подходя к полке, на которой делала компресс для его колена.

Но Роберт слишком близко подошел к тому, чтобы получить ответы на вопросы, долго мучившие его, чтобы сдаться вот так просто.

— Скажи мне. Я хочу знать.

— Я сказала — уходи. — Одной рукой женщина схватила связку корешков, а другой — нож, и повернулась к нему спиной.

— Я могу спросить отца.

Она резко обернулась, и в руке ее сверкнуло лезвие. Роберт даже попятился при виде ярости, горевшей у нее в глазах. На секунду ему даже показалось, что сейчас она набросится на него. Но тут выражение лица женщины изменилось, и каменная твердость сменилась усталостью прожитых лет. Она медленно опустила нож, хотя рука ее дрожала.

— Однажды я сплела для твоего отца его судьбу.

Роберт уставился на нее, не веря своим ушам. Новость о его деде стала для него настоящим потрясением, но он и представить себе не мог, что и отец мог обратиться к злобной старухе с просьбой предсказать ему будущее. Сама мысль об этом показалась ему настолько нелепой, что он едва не рассмеялся. Роберт вспомнил, как издевательски-насмешливо относился отец к жарким молитвам деда в усыпальнице Святого Малахии в попытке снять древнее проклятие, как потешался над рассказами местных фермеров о том, что в лесу, дескать, живут демоны. Он даже хмурился и требовал тишины, когда Роберт заговаривал о Финне мак Кумале и других ирландских героях, о которых он узнал от приемных родителей.

— Я повесила ее на дуб для него, — бормотала Эффрейг, — но потом случилось кое-

что. Один из его людей... — Нахмурившись, она опустила взгляд на нож, который по-прежнему сжимала в опущенной руке. — Я обратилась к нему в этом деле, обратилась за справедливостью. Он отказал мне. — Женщина с вызовом вскинула голову и встретила взгляд Роберта. — И тогда я разорвала его судьбу, а куски ее разбросала снаружи у стен замка.

Несмотря на весь свой скептицизм, Роберт почувствовал, как по коже у него пробежали мурашки.

Эффрейг отошла на несколько шагов и положила нож на полку.

— После этого он изгнал меня из деревни. Я знаю, он хотел вообще изгнать меня из Каррика, но твоя мать не дала ему этого сделать, потому что я спасла жизнь ее первенца. Тебя, — по-прежнему не оборачиваясь, закончила она.

В очаге громко треснуло полено, рассыпая вокруг искры, но Роберт не сводил глаз со старой женщины.

— Какой была судьба моего отца?

После долгой паузы Эффрейг все-таки ответила:

— Стать королем Шотландии.

В душной комнате находились шестеро мужчин, вдыхая запах пота друг друга. Слуги завалили камин дровами, чтобы обогреть весь дворец. Спальня с ее единственной обитательницей находилась чуть дальше по коридору, однако недостаточно далеко, чтобы мужчины не слышали доносящихся из нее криков. В промежутках между животными стонами до них доносились женские голоса, взволнованные и громкие. Время от времени крик переходил в жалобный стон, и тогда голоса женщин понижались, становясь неразборчивыми. В такие мгновения мужчины, и без того крайне неразговорчивые, замолкали совершенно, напрягая слух, чтобы уловить следующий вскрик. Так продолжалось вот уже несколько часов, и напряжение нарастало вместе с духотой.

Джеймс Стюарт привалился рядом с дверью к стене, каменная прохлада которой несла благословенное облегчение. Толстые шторы закрывали окна, из-за которых доносился слабый шум дождя. Ему вдруг захотелось узнать, который час, но он подавил желание подойти к окну и раздвинуть занавеси. Должно быть, рассвет уже почти наступил. Джеймс пошевелился, перенося вес с одной ноги на другую. В комнате было всего два стула, и оба были заняты — Темным Комином, графом Бучаном, и обрюзгшим графом Файфом, который по наследственному праву мог короновать нового государя. Сенешаль бросил взгляд на епископа Сент-Эндрюсского, молившегося у камина, и подивился тому, откуда у хрупкого и тщедушного старика взялись силы простоять на коленях столько времени. На мгновение обзор ему закрыла массивная и коренастая фигура Роберта Вишарта. Когда епископ Глазго шагнул мимо, взгляд Джеймса встретился со взглядом Джона Комина, стоявшего у окна.

Лорд Баденох смотрел на него, и в его темных глазах читался вызов. Джеймс встретил его взгляд, всей кожей буквально ощущая исходившую от соперника враждебность. Они вдвоем никогда не отличались излишней доверчивостью друг к другу, лишь в случае крайней необходимости заговаривая при дворе, но вражда, которую питал к нему Джон Комин, лишь усилилась после нападения Брюсов на Галлоуэй. У Джеймса сложилось впечатление, что лорд Баденох каким-то непостижимым образом знает о его причастности ко вторжению. Что ж, теперь это не имело никакого значения. Не пройдет и нескольких часов, как попытки Комина возвести своего шурина на трон будут пресечены раз и навсегда.

Тишину разорвал очередной болезненный стон, на этот раз дольше и громче остальных. Это был, скорее, душераздирающий вопль умирающего, а не крик боли. За ним последовала долгая пауза. Когда из коридора донесся звук быстрых шагов, Джеймс оторвал взгляд от лица Комина. Епископ Глазго перестал расхаживать по комнате, а епископ Сент-Эндрюсский поднял голову от молитвенно сложенных ладоней. И только граф Файф, задремавший и разложивший подбородки на груди, не пошевелился, когда дверь открылась.

Женщина, появившаяся на пороге, на мгновение приостановилась, обводя взором истомившихся в ожидании мужчин. Ее белая накидка была покрыта пятнами крови. Джеймс моментально ощутил на губах ее кислотовато-сладкий привкус. Она встретилась с ним взглядом.

— Мальчик, лорд сенешаль, — возвестила она.

— Слава Богу, — откликнулся Вишарт.

Джеймс, однако, не спешил отводить глаз от напряженного и строгого лица женщины. Спустя мгновение она сама ответила на его невысказанный вопрос:

— Он умер в утробе, сэра. Я ничем не смогла ему помочь.

Вишарт громко выругался.

Джеймс отвернулся и запустил руку в волосы. Ему очень не понравилось выражение, промелькнувшее на лице Джона Комина.

10

Бордо просыпался, и колокольная кафедра собора рассыпала мелодичный перезвон по лабиринту улиц и переулков. С крыш срывались птицы, и трепет их крыльев белыми хлопьями выделялся на фоне бездонного голубого неба. С грохотом поднимались жалюзи и ставни, ночные горшки опорожнялись в сточные канавы, и сапожники и торговцы текстилем, кузнецы и ювелиры обменивались приветственными возгласами, начиная новый день, а эхо их криков мелкими камешками рассыпалось по узким улочкам.

Адам медленно ехал на своем иноходце по просыпающемуся городу, и в ушах у него стоял перезвон колоколов. Было так странно вернуться туда, где ты родился, после стольких лет, проведенных на чужбине. Город казался необычно новым и полным обещаний, а вовсе не местом, которое ты знал, как собственные пять пальцев. Тем не менее, он и впрямь помнил все эти повороты и закоулки, узнавал знакомые запахи, встречавшие его на каждом углу, начиная от вони кровавой требухи на бойнях у городских ворот и заканчивая жгуче-едким ароматом скотного рынка и соленой горечью реки Гаронны. Воздух был свеж и мягок, зимний ветер не пронизывал насквозь, и камень тяжелой тайны свалился с его плеч, позволяя Адаму радоваться каждому новому звуку и запаху, каждому новому подслушанному обрывку разговора или перебранки, не взвешивая при этом, какой опасностью для него это может обернуться.

Когда стих перезвон кафедральных колоколов, Адам направил коня вверх по улице к грозным стенам замка, возвышавшегося над городом. На его башенках развевались стяги, цветистые и аляповатые на фоне безупречно-безмятежного неба. Один из них, кроваво-красный флаг с тремя золотыми львами, привлек внимание Адама, когда тот подъезжал к воротам. Но тут стражники в хорошо подогнанных кожаных акетонах [\[27\]](#) и цветных штанах начали задавать ему вопросы, кто он таков и куда направляется, и он отвлекся от бездумного

созерцания. Спешившись, Адам извлек свиток пергамента из сумки, притороченной к его седлу, кожа которой промокла и истрепалась от долгих странствий по Франции. Пока один из стражников рассматривал печать, приложенную к свитку, другой расспрашивал всадника. Поскольку его ответы их вполне удовлетворили, оба отступили в сторону, давая ему возможность пройти под нависающими зубьями опускной решетки.

Хотя было еще рано, двор кишел слугами и королевскими чиновниками. Строгая элегантность зданий и кричащее богатство нарядов мужчин и женщин, попадавшихся Адаму на пути, казались ему глотком живительного воздуха после долгой зимы, проведенной в Эдинбурге, где он застрял на проклятой черной горе в обществе белолицых скоттов. Видя, как слуги разворачивают полотнища разноцветных флагов и крепят их к стенам зданий, он вдруг с удивлением сообразил, что близится праздник Мессы Христовой. ^[28] Воздух, который становился все мягче и теплее по мере того, как он продвигался на юг, заставил его поверить в скорый приход весны. Мимо важно прошествовала девчушка с каштановыми кудряшками, хворостинкой подгоняя трех толстых гусей. Адам позволил себе на минутку отвлечься, созерцая упругую округлость ее молоденьких ягодичек, прежде чем направиться на конюшню. Поручив своего иноходца заботам грума, он зашагал к башне в западной части замка, над которой развивался алый стяг с тремя львами.

У входа в башню его встретили новые стражники и новые вопросы, но, в конце концов, его провели по винтовой лестнице в небольшую комнатку, в которой аромат благовоний безуспешно соперничал с запахами свежей краски. Он ждал, пока сопровождавший его паж постучит в дверь. Она отворилась, и Адам заметил еще одного слугу, когда его проводник проскользнул внутрь. Подойдя к единственному в комнате окну, он стал смотреть сквозь мозаичное стекло, искажавшее панораму города внизу. Дверь вновь отворилась, и он обернулся к ней в ожидании, но вышедший оттуда паж прошествовал мимо, не проронив ни слова. Адам прислонился к стене, поскольку мебели в комнате не было, если не считать гобелена с изображением группы молодых рыцарей с кроваво-красными щитами, украшенными символом, который был знаком Адаму ничуть не хуже родового фамильного герба: вставшим на дыбы золотым огнедышащим драконом.

Спустя некоторое время дверь распахнулась вновь, и стоявший за нею мужчина знаком предложил Адаму войти. Комната была залита лучами утреннего солнца, вливавшимися в высокие стрельчатые окна. Адаму понадобилось несколько мгновений, чтобы после сумрака глаза его привыкли к яркому свету, и только тогда он заметил, что у стола, заваленного свитками пергамента, стоит человек. Рост его намного превышал шесть футов, и он показался Адаму самым высоким мужчиной из тех, кого он когда-либо видел. Волосы его, в которых посверкивали серебряные нити, ниспадали на плечи и были подкручены на кончиках, как того требовала последняя мода, но его полотняное одеяние, выкрашенное в строгий синий цвет, выглядело простым и естественным, в отличие от вычурных полосатых шелковых нарядов, которыми щеголяли его придворные. Оно чудесным образом подчеркивало атлетическую фигуру мужчины, перехваченную на талии кожаным поясом, расшитым серебром. Лицо его было аскетически строгим и чистым, обрамленным аккуратной пепельно-седой бородкой, в которой прятался неулыбчивый рот. И только по пристальному взгляду пронзительных серых глаз можно было угадать его мысли, да и то только потому, что в них светилось нетерпение. Одно веко казалось тяжелее другого, оставаясь единственным изъяном на безупречном в остальном лице. Но сегодня это сильнее бросалось в глаза, отметил про себя Адам, чем двадцать четыре года тому, когда они

встретились в первый раз и когда стоявший перед ним мужчина был всего лишь полным сил молодым лордом в изгнании. Теперь, в возрасте почти пятидесяти лет, перед ним стоял король Англии, герцог Гасконский, повелитель Ирландии и покоритель Уэльса.

— Милорд, — низким поклоном приветствовал его Адам.

Король устремил взгляд своих пронзительных глаз на пажа у двери.

— Оставь меня.

Паж вышел из комнаты, и Адам заметил картину, нарисованную на дальней стене. Когда он в последний раз входил в эту спальню, ее здесь не было. На ней тоже были изображены рыцари с драконами на щитах, но на сей раз они сгрудились вокруг человека с золотым обручем на голове, сидевшего на каменном троне. В одной руке он держал меч со сломанным лезвием, а в другой — изящный золотой скипетр. Под фреской примостился изящный резной аналой. [29] Адам заметил, что на нем лежит толстый фолиант в кожаном переплете. Он разглядел даже тисненные золотом буквы на его обложке. Адам никогда не видел этой книги раньше, но знал, что она собой представляет.

— Я ожидал вас раньше.

Адам встряхнулся, когда голос Эдуарда ворвался в его мысли.

— Роды королевы состоялись позже ожидаемого срока, милорд.

— Полагаю, вы вполне закончили свое дело?

В голосе Эдуарда, обычно спокойном и уравновешенном, читалось плохо скрытое волнение. Еще более необычной казалась тревога в его взгляде. Он даже подался вперед, опершись о стол ладонями с выступившими на них прожилками вен.

— Господь сделал за нас всю работу. Ребенок умер еще в утробе.

Эдуард выпрямился.

— Хорошо, — после короткой паузы промолвил он. — Очень хорошо. — Опустившись на стул с высокой спинкой, он уставился на своего гостя, и взгляд его стал колючим и обвиняющим. — Дело следовало закончить много месяцев тому, еще до того, как королева понесла.

В груди у Адама вспыхнула ярость, но он постарался ничем не выдать ее. Он заслуживал похвалы Эдуарда, но никак не его упреков. И впрямь, беременность королевы стала неожиданной помехой, но ведь и убить короля тоже оказалось нелегко. Если бы речь шла о простом убийстве на расстоянии, стрелой в горло, Адам управился бы намного раньше, до того, как королева зачала ребенка. Но Эдуард настоял на том, что смерть должна выглядеть результатом несчастного случая, поэтому Адаму пришлось отправиться на север Шотландии в кортеже невесты Александра, став еще одним безликим слугой среди множества прочих.

Яд, о чем он подумал почти сразу, пришлось исключить бесповоротно. Он не мог подобраться к кухням незамеченным и, кроме того, у короля были слуги, которые пробовали блюда перед подачей их на стол. Все функции при дворе короля выполнялись особыми слугами, и они ревностно охраняли их. И только через несколько недель Адам сумел найти выход из положения, после того как проехался по предательской и опасной прибрежной тропе между Эдинбургом и Кингхорном. Но даже после выбора места понадобилось время на то, чтобы осуществить задуманное. Ему удалось втереться в доверие к королеве, и теперь оставалось только ждать удобного случая, который, наконец, и представился в виде престольного празднества. Король непременно будет пить, так что с ним будет легче справиться, если дело дойдет до этого, а весенние приливы и шторма сделают тропу по прибрежным скалам единственным доступным маршрутом. Единственное, что ему

оставалось, — это убедить молодую королеву послать его к королю, дабы привести того в ее опочивальню, решив, тем самым, судьбу ее супруга под самым благовидным предлогом. Ну, а сделать так, чтобы верный слуга короля не смог сопровождать его, было уже легче легкого, так что Александру пришлось довольствоваться этим тупым ослом Брайсом. Буря оказалась подарком судьбы, который Адам не мог предвидеть, хотя поэтическое предсказание Судного дня не осталось им незамеченным.

— Тем не менее, — заявил Эдуард, выпуская Адама из плена своего тяжелого взгляда, — что сделано, то сделано.

Когда король принялся перебирать документы у себя на столе и вынул один из стопки, Адам заметил большую печать, приложенную к его низу. Он уже видел такие раньше. Это была печать папской курии в Риме.

— У меня есть разрешение Его Святейшества, — сообщил Эдуард, прихлопывая письмо к столу ладонью. — Окончательным решением вопроса я займусь после того, как вернусь в Англию. Но сейчас у меня есть более срочные дела. Король Филипп отчаянно пытается завладеть моими землями в Гаскони. Моему юному кузену не доставляет удовольствия осознание того факта, что в герцогстве я располагаю большей властью, чем он. Полагаю, это заставляет его нервничать. — При этих словах в глазах Эдуарда промелькнуло удовлетворение.

— Но можете ли вы ждать так долго, милорд? После смерти короля в Шотландии началась великая смута. Род Брюсов поднял оружие на Баллиолов, обвинив в заговоре по захвату трона.

— Брюсы меня не заботят. Граф Каррик уже прислал мне сообщение, уверяя, что поддержит любое решение, которое я приму относительно будущего королевства. Он поступит так, как я скажу. Что же до остальных шотландских лордов, то я разошлю им официальные послания, в которых повелю следовать решениям Совета хранителей до тех пор, пока ребенка не привезут из Норвегии.

— И вы полагаете, вельможи подчинятся?

— Ни один из них не пожелает рисковать своими землями в Англии, отказавшись повиноваться мне.

Адам знал, чего этот человек добился в Англии, Уэльсе и Святой Земле; знал, чего и как он достиг за многие годы. Поэтому он просто кивнул, соглашаясь с непоколебимой уверенностью во взоре Эдуарда.

— Чего вы хотите от меня теперь, милорд?

— Вы можете вернуться в свои владения. — Взяв со стола документ с приложенной к нему папской печатью, Эдуард встал и подошел к железной дверце, вделанной во внутреннюю стену опочивальни. Он отпер дверцу и положил документ. Затем достал кожаный мешочек, затянутый шнурком. — Вот, возьмите, — сказал он, протягивая его Адаму. — Это ваш окончательный расчет. Приношу свои извинения за пыль, которой он покрылся.

— Благодарю вас, милорд, — пробормотал Адам. Помедлив, он все-таки задал вопрос, который не давал ему покоя с тех самых пор, как король впервые поручил ему столь опасное задание. — Вы говорили еще кому-нибудь в ордене о моем участии в этом деле?

Эдуард впился в него взглядом.

— Смерть короля Александра произошла в результате несчастного случая. Так думали до сих пор, и так будут думать и впредь.

— Да, милорд, — согласился Адам, опуская увесистый мешочек в кошель на поясе. — Несчастный случай.

У него за спиной отворилась дверь, и раздался негромкий, музыкальный голосок.

— Прошу прощения. Я не знала, что у вас посетитель.

Обернувшись, Адам увидел высокую женщину с оливковой кожей и нежными чертами лица. Волосы ее были убраны под головной убор, украшенный тончайшими шелковыми лентами, а платье до пола сверкало роскошной вышивкой. Адам не видел ее вот уже несколько лет, и морщины, избороздившие лицо королевы, поразили его.

— Я оставлю вас.

— В этом нет необходимости, Элеонора, — возразил Эдуард, подходя к супруге. — Это всего лишь новости из Англии.

На лице королевы отразилась тревога:

— Что-нибудь с детьми?

— С ними все в порядке, — поспешил успокоить супругу Эдуард, и на лице его появилась редкая и оттого еще более нежная улыбка. — Это всего лишь политика, и ничего более. — Обняв Элеонору за хрупкие плечи и увлекая за собой в опочивальню, Эдуард оглянулся на Адама, и его улыбка растаяла без следа. — Сэр Адам как раз собирался уходить.

Направляясь к двери, Адам окинул взглядом фреску и аналой под нею. Изыщные золотые буквы на обложке толстой книги весело подмигнули ему в солнечном свете, складываясь в слова:

«Последнее пророчество Мерлина».

...Себя истребляют сами мечом нечестивым, и ждать, пока по закону власть достанется им, не хотят, но венец похищают.

Гальфрид Монмутский.

Жизнь Мерлина

11

Отовсюду звучали охотничьи рога, и их хриплый рев заглушал загроможденный лай гончих. Свора мчалась по горячим следам, и запах зверя кружил псам головы и забивал глотки. Вот уже несколько часов они преследовали свою жертву, и первые проблески рассвета успели смениться лучами утреннего солнца, а густой туман рассеялся, оставив после себя невесомые, прозрачные клочья. И вот теперь смерть была близка, и они мчались к ней навстречу, подгоняемые гневным ревом охотничьего рога.

Роберт горячил своего коня, стараясь не отстать от собак. Деревья и кусты проносились мимо, на их ветвях уже лопались первые почки, и юноша полной грудью вдыхал пьянящий аромат новой жизни. Жеребец чутко повиновался малейшему движению коленей или руки в кожаной перчатке. Впереди показалось упавшее дерево, очередная жертва зимних ураганов. Он вонзил каблуки в бока коня и привстал на стременах, чтобы не упасть во время прыжка. Скакун перелетел через препятствие и с грохотом помчался дальше, вздымая за собой шлейф опавших листьев. Собаки исчезли за крутым гребнем, но Роберт слышал их вой вдали, уже заглушаемый звуками рога. Яростное предвкушение схватки все сильнее охватывало его, и он пустил коня вверх по склону. На самой вершине, которая являла собой вогнутое плато, по краю тянулась высокая земляная насыпь, переплетенная корнями деревьев. В этой насыпи и виднелся разверстый зев пещеры, перед которой сгрудились гончие, облаивая темноту.

Сообразив, что зверь улизнул из расставленной ему ловушки, Роберт выругался, соскользнул на землю и подошел к гончим. Здесь все еще висели густые клочья тумана, и сырой запах земли и гнилого мха ударил ему в ноздри. Юноша потянулся за рогом, который висел у него на поясе. Но едва только пальцы коснулись костяной рукоятки, как из пещеры донеслись какие-то звуки. Они походили на дальние раскаты грома. Пальцы Роберта оставили рог и сомкнулись на рукояти меча. Гончие постарше злобно скалили зубы, прижав уши к голове, и шерсть на их загривках стояла дыбом. Псы помоложе то и дело начинали скулить, захлебываясь от возбуждения и страха и припадая к земле. Попадись им любой другой зверь, даже взрослый пятнистый олень или матерый кабан-секач, они не проявили бы такой опаски и даже страха. Роберт вытащил меч из ножен и пошел сквозь изломанный строй собак, решительно отгоняя ненужные сейчас мысли. Откуда-то снизу, из тумана, долетело его имя, но он и не подумал остановиться.

Подойдя ближе, Роберт увидел, что пещера на самом деле неглубока — скорее, это была яма в насыпи, прикрытая свисающими корнями деревьев. Внутри он разглядел какую-то

темную тень, припавшую к земле. Она оказалась крупнее, чем он ожидал, хотя и не такая большая, как о том судачили в деревне. Морда зверя была худой и длинной, с выдвинутой вперед челюстью, с еще не до конца сброшенной и вылинявшей зимней шерстью. А вот вонь из ямы шла омерзительная — едкий, разъедающий глаза запах крупного зверя, с которым Роберту еще никогда не приходилось сталкиваться. Но самым поразительным в нем были глаза, даже не глаза, а два озерца расплавленного золота. Интересно, сколько живых существ нашли свою смерть, встретив этот обжигающий взгляд? Зимой, подле городских стен, ему приходилось видеть окровавленные останки выпотрошенных овец и обглоданных до костей коров. Этот волк, как пояснил ему дед, убивал не просто для пропитания, но и ради удовольствия. Его снедал голод, который нельзя удовлетворить одной теплой кровью. В его сердце жила тьма, а с клыков сочился яд.

Звуки рогов смолкли. Роберт краем уха слышал крики людей и топот копыт, когда охотничья партия взобралась на край плато. Поудобнее перехватив рукоять меча, которая уже взмокла от пота и скользила в ладони, он собрался нанести удар по притаившейся в яме тени. Но волк оказался быстрее. Одним прыжком он вылетел наружу. Из глаз его сыпались искры. Роберт ткнул мечом ему навстречу, но лезвие лишь слегка царапнуло мохнатый бок твари. Волк щелкнул зубами, едва не разорвав горло одной из собак, а потом, обнаружив, что его загнали в угол, развернулся и молча бросился на Роберта. Тот отпрыгнул в сторону, но споткнулся о выступавший из земли корень и, нелепо взмахнув руками, рухнул на спину. Юноша заорал от боли, почувствовав, как челюсти зверя сомкнулись у него на лодыжке. Извернувшись, Роберт схватил выпавший из руки меч и нанес волку удар по холке. Остро отточенное лезвие разрубило мех и застряло в жесткой плоти. Волк разжал челюсти, подобрался, готовясь прыгнуть вновь, и вдруг завыл, завертевшись на месте, когда сзади в него вцепились сразу три гончие. На месте схватки образовался настоящий клубок из мохнатых тел, а Роберт, откатившись в сторону, с трудом поднялся на ноги. В это мгновение в драку ринулись еще две собаки, так что волку пришлось совсем худо. Псы вцепились в него зубами и рвали на части, а он буквально кричал от боли и ярости. Брызги крови разлетались во все стороны, пятная землю и опавшие листья. Держа меч обеими руками, Роберт ринулся в самую гущу схватки и вонзил клинок зверю в бок. Оттуда ударил фонтан горячей крови, окатив его лицо и тунику, и в горле застрял ее противный привкус. Юноша отвернулся, борясь с тошнотой, и в это самое мгновение на поляну перед пещерой ворвались конные и пешие.

Загонщики бежали первыми, сжимая в руках деревянные рогаины, готовые пришиллить зверя к земле. Они замедлили бег, видя, что Роберт склонился над волком, почти погребенным под собачьими телами. Двое из них даже отстегнули хлысты от поясов, готовясь силой отгонять разъяренных псов, если в том возникнет необходимость. Другие взяли сворки наизготовку. Роберт слышал, что они окликают его, но смотрел, не отрываясь, как расплавленное золотое пламя медленно угасает в глазах зверя. Волк запрокинул голову, дыша мелко и часто. Наконец, тело его вздрогнуло в последний раз и затихло. Роберт заставил себя выпрямиться и с трудом вытащил меч из раны в боку зверя. Оказавшись в кольце охотников, отгонявших собак от места схватки, юноша оглянулся и увидел деда. За ним подъехали его отец, Эдвард и с десяток местных жителей, призванных помочь на охоте. Роберт, не дрогнув, встретил тяжелый взгляд деда. Его распирала гордость, и он уже готов был улыбнуться во весь рот, но старый лорд прошел мимо него туда, где загонщики пытались взять собак на сворки. Волк остался лежать на земле в луже крови. Но в драке пострадали и

две гончие. Старый лорд склонился над одной из них, осматривая страшную рваную рану в боку животного. Это была Скатчач, его любимая сука. Роберт опустил взгляд на отметины волчьих зубов на своих сапогах, и ему стало дурно.

Старый лорд выпрямился и развернулся лицом ко внуку.

— Почему ты не воспользовался рогом?

Роберт облизнул внезапно пересохшие губы.

— У меня не было времени, — солгал он, чувствуя, как заслуженная победа ускользает от него.

Дед нахмурился еще сильнее. Он жестом подозвал к себе загонщиков.

— Позаботьтесь, чтобы хорошенько промыли укусы, — сказал он, имея в виду свою гончую.

— Она сильно ранена? — хмуро поинтересовался отец Роберта, подходя к собакам, чтобы осмотреть их. На сына он даже не взглянул.

Роберт, глядя на то, как мужчины склонились над ранеными псами, почувствовал усталость и опустошение. Охотничий азарт ушел, и он сам был ничем не лучше мертвого волка, позабытый всеми и никому не нужный. Развернувшись, не разбирая дороги, он зашагал напрямик через лес, машинально отводя от лица ветви. Наткнувшись на гнилой пень, он воткнул в землю свой перепачканный кровью меч и сел. Пальцы его дрожали, когда он принялся стаскивать с ноги сапог. Потом юноша медленно закатал штанину. На белой коже лодыжки явственно отпечатались два ярко-красных полукружья звериных зубов.

— Крови нет?

Роберт резко поднял голову и увидел, что к нему направляется Эдвард. Он вновь опустил взгляд на отметины.

— Нет, — ответил он брату. — Волк не прокусил мне кожу.

— Тебе повезло. Я слышал, для того, чтобы излечиться от волчьих укусов, нужно девять раз гольшом искупаться в море.

Роберт ничего не ответил, вновь натягивая сапог. Эдвард подошел ближе и остановился, привалившись плечом к соседнему дереву и загородив ему весь обзор. Роберт мельком взглянул на него, отметив про себя, каким высоким и стройным стал брат, совсем как молодой дубок, под которым он стоял. В своей зеленой тунике и коричневых штанах он сам казался порождением леса, тем более, что его темные кудри прятались под охотничьей шапочкой, украшенной перьями. Сейчас, в четырнадцать лет, лицо у него оставалось по-мальчишески круглым, а на щеках появлялись ямочки, когда он улыбался. Оно больше не соответствовало его вытянувшейся фигуре. Хотя между ними существовал год разницы в возрасте, все говорили, что они с братом похожи, как две капли воды, и Роберт впервые задумался о том, как должен был измениться он сам за те два лета, что прослужил в Аннандейле оруженосцем у своего деда. Больше года он не видел брата, который едва успел вернуться из Ирландии перед самым его отъездом.

— Это же настоящая *бестия*, — с восторгом продолжал Эдвард. — Если бы я сам убил его, то непременно повелел бы сделать из него чучело и повесил бы в холле, хотя жуткая вонь наверняка распугала бы всех гостей. — Лицо его забавно сморщилось. — От него пахнет, как от сапог отца!

Роберт закусил губу, но не смог сдержать улыбки.

А Эдвард уже хохотал во все горло, качая головой:

— Должно быть, в тебе горит огонь Марса, раз ты не побоялся броситься на такую

тварь, когда она оказалась загнанной в угол.

Улыбка Роберта увяла. Он подхватил с земли свой меч и принялся протирать лезвие пригоршней сухих листьев.

— Мы гонялись за ним несколько месяцев. Остальную стаю мы истребили, а этому постоянно удавалось ускользнуть. — Он встал и повернулся к брату. Юноше хотелось крикнуть Эдварду, что ему очень жаль, что брат не видел окровавленных полей, остающихся после нападения волков, что не сидел он в засаде с охотниками из Аннана и Лохмабена, расставляя капканы и силки окоченевшими пальцами, когда пар от дыхания замерзает на лету, а ослабевшие руки уже не могут держать бурдюк с вином. В день первой охоты Роберта, когда он помог загнать волка в западню, дед начертил ему крест на лбу свежей звериной кровью и провозгласил, что отныне он стал мужчиной. Роберт просто отвернулся, потому что слова застряли у него в глотке. Он должен был высказать их не брату, а отцу.

После сокрушительного разочарования, которое он испытал, вернувшись из Ирландии, — бесконечное пребывание под опекой графа превратилось в неблагоприятное и унылое занятие, Роберт, в конце концов, понемногу воспрянул духом при дворе своего деда. Рядом со старым лордом он стал делать первые шаги к тому, чтобы стать мужчиной, медленно, но верно превращаясь в того благородного лорда, которым ему суждено было стать. Он вспомнил свой первый вечер в замке Лохмабен, когда дед усадил его рядом с собой в зале и торжественным, подрагивающим от сдерживаемого волнения голосом принялся рассказывать о том наследстве, которое ему предстояло нести далее.

— Представь себе наш род в виде могучего дерева, — говорил старый лорд, — корни которого уходят сквозь века во времена Завоевателя и эпоху правления Малкольма Канмора и еще дальше, по линии твоей матери, к древним королям Ирландии. Корни уходят в самую глубину, питая ветви, которые вырастают из них, сплетаясь и укрепляясь брачными союзами с королевским домом Шотландии и благородными домами Англии, вплоть до моего отца и меня. И ты, Роберт — новый побег, выросший на могучем древе.

Но сейчас те же самые слова вызывали у него в душе лишь горечь и пустоту. Прошло всего два дня после того, как граф прибыл в Лохмабен, а Роберт вновь ощущал себя так, словно ему двенадцать, а не пятнадцать лет — словно отец взял и одним махом стер все его достижения за последние годы. Он мог выйти один на один против страшного зверя и победить его, но он по-прежнему был бессилён перед лицом холодного неодобрения своего отца.

— Прошлой зимой мы тоже думали, что в окрестностях Тернберри появились волки, — сказал Эдвард, глядя, как Роберт присел на корточки, продолжая тщательно очищать лезвие от крови. — Пропали несколько ягнят. Но потом отец решил, что во всем виноваты собаки той женщины.

— Эффрейг? — не поднимая головы, переспросил Роберт. Давненько он не вспоминал о занятой старухе с ее деревом судеб, заключенных в клетки.

— Я до сих пор не могу поверить в то, что ты рассказал мне перед отъездом. — Эдвард помолчал. — Ты никогда не расспрашивал деда об этом?

Роберт кивнул, свежей охапкой листьев полируя лезвие своего широкого меча.

— И что он тебе сказал? — не унимался Эдвард.

— Он вообще не пожелал говорить со мной ни об этом, ни о ней.

— Но отрицать не стал?

— Нет. Но и ничего не признал. — Роберт встал и сунул меч в ножны, висевшие у него

на поясе. Ничего, позже он очистит лезвие по-настоящему. — Насколько я понимаю, спрашивать отца ты не рискнул?

— Мне почему-то не хотелось, чтобы меня выпороли. В последнее время отец быстро выходит из себя. Только на прошлой неделе он хорошенько отходил Найалла ремнем. Несколько месяцев тому у него случилась лихорадка, и мать списывает его раздражение на последствия болезни. — Эдвард презрительно фыркнул. — Однако когда я слышу, как он орет насчет Солсбери, то понимаю, что лекарь может поставить ему хоть сотню пиявок, но нрав его от этого не улучшится.

— И что он говорил? — со внезапно проснувшимся интересом спросил Роберт.

— Что было неправильно не взять его на переговоры с королем Эдуардом. Что он должен был находиться в Солсбери вместе с дедом.

Роберт ощутил укол удовлетворения. Да, он тоже не присутствовал на Совете, на котором был заключен Солсберийский договор, зато он ездил в город в свите деда и видел роскошную и величественную делегацию, прибывшую на переговоры из Вестминстера.

После того как ребенок королевы родился мертвым, напряжение достигло предела, но вскоре из Франции прибыла официальная депеша от короля Эдуарда, в которой он просил государственных мужей королевства повиноваться воле Совета хранителей до момента коронации несовершеннолетней Маргарет. Дед Роберта, вполне удовлетворенный этим решением, отвел своих солдат из Галлоуэя и, ради блага королевства, вернул захваченные замки Баллиолу и Комину. После этого обстановка разрядилась, и многие вельможи согласились с приказами Эдуарда, так что даже те, кто остался при своем мнении, не пожелали рисковать своими поместьями в Англии, противореча королю. К тому времени, как Роберт стал своим в окружении деда, в королевстве вновь воцарился мир.

Прошлой осенью, после трех лет, проведенных в Гаскони, король Эдуард вернулся и созвал Совет хранителей, посвященный одному вопросу — возможному переезду юной Маргарет, которой исполнилось уже почти семь лет, из Норвегии в Шотландию. Лорд Джон Комин исхитрился оказаться во главе шотландской делегации, которая должна была отправиться в Норвегию на переговоры, но, при содействии Джеймса Стюарта, в ее состав вошел и лорд Аннандейл. Роберт сопровождал деда на юг для участия в одном из самых важных Советов за последние десятилетия, на котором было решено, что Маргарет вернется в Шотландию к концу года. Оставалось уточнить лишь несколько малозначительных деталей, что и будет сделано, как только ассамблея соберется в городе Биргеме.

Роберт жалел о том, что его отца пригласили для участия в заключительном раунде переговоров, но, поскольку он был одним из тринадцати графов, отказать ему не представлялось возможным. Юноша, однако же, вознамерился не позволить ему разрушить то положение, которого он сумел достичь в окружении деда. Впрочем, охота не принесла ему почестей, на которые он рассчитывал. В попытке проявить себя с самой лучшей стороны он поступил безрассудно, но теперь, зная об огорчениях отца, он уже не так страдал от собственной беспомощности.

— Пойдем, — обратился он к брату, — посмотрим, как они будут его разделять.

Братья вернулись из леса к тому месту, где охотники уже начали потрошить волка. Теперь, когда его желудок был удален, образовавшуюся полость тщательно промоют и заполнят смесью баранины с овсом. После этого гончих спустят со сворок и позволят утолить голод, устроив для них пиршество в награду за успешную охоту. По кругу из рук в руки передавались мехи с вином, и отовсюду слышались смех и веселье.

Роберт направился к деду, с высоко поднятой головой пройдя мимо отца.

— Скатчач поправится? — спросил он, глядя на гончую, которая зализывала раны.

— Она сильная девочка, — после короткой паузы ответил старый лорд.

Роберт взглянул ему прямо в лицо.

— Прости меня, дедушка, — негромко проговорил он. — Мне следовало дожидаться тебя.

Старый лорд проворчал в ответ нечто неразборчивое.

Пристыженный, Роберт кивнул и отправился к своему коню, который обгрызал веточки на кустах неподалеку. За спиной у юноши прозвучал голос деда.

— Бьюсь об заклад, пастухи Аннандейла будут спокойно спать сегодня ночью.

Когда Роберт взял своего скакуна под уздцы, на губах его играла широкая улыбка.

12

Роберт привстал на стременах, когда они медленно тащились по дороге, ведущей к небольшому пограничному городку Биргему, пытаясь издалека разглядеть собирающиеся там толпы. Дед ехал во главе процессии вместе с графом Патриком Данбаром, могущественным вельможей, который тоже принимал участие в переговорах в Тернберри четыре года тому и в маноре которого они провели последние три ночи. Следом двигался отец Роберта в сопровождении шести рыцарей из Каррика, а они с братом замыкали шествие вместе с оруженосцами и прочими слугами. Впереди, на поле вокруг церкви, уже виднелись сотни шатров. Над котлами со стряпней вился дымок, и мужчины разговаривали друг с другом, пока оруженосцы занимались лошадьми. Повсюду царил атмосфера торжественного праздника. В одном месте даже выступала группа менестрелей.

— Ты не видишь англичан? — поинтересовался Эдвард, вытягивая шею в том же направлении, куда был устремлен взгляд брата. — Интересно, они уже прибыли?

— Мы еще слишком далеко, — с раздражением откликнулся Роберт, а их дед продолжал неторопливо продвигаться вперед под чавканье копыт по разбитой земле.

Постепенно гул голосов и звуки музыки становились все громче, запахи древесного дыма и конского навоза назойливо лезли в ноздри, пока, наконец, братья не выехали на поле вслед за очередной группой гостей. Роберт во все глаза разглядывал людей, мимо которых они проезжали, многие из них отвечали ему тем же. Впрочем, далеко не все взгляды были приветливыми и дружескими.

— Роберт, — окликнул его дед.

Повинуясь его зову, Роберт спешил, взял своего коня под уздцы и подошел к старому лорду, который остановился у ряда шатров. Он принял повод серого в яблоках дедова скакуна, и старый лорд с кряхтением слез на землю. Услышав громкие слова команды, Роберт обернулся и увидел, как слуги выносят из церкви скамьи и складывают их у стены.

— Ассамблея должна была состояться внутри церкви, — пояснил дед, глядя, как те же слуги расставляют скамьи посередине поля, где под ветвями раскидистого дуба уже соорудили нечто вроде помоста. — Но в крышу ударила молния.

Приложив ладонь козырьком ко лбу, чтобы защитить глаза от солнца, Роберт разглядел черную обугленную дыру в одном из скатов крыши, часть которой попросту провалилась внутрь.

— Может быть, это знак, — пробормотал Эдвард, неслышно подходя к ним сзади и держа под уздцы белую кобылу отца.

Дед, похоже, не услышал его. Он обернулся на возглас хрупкого рыжеволосого мужчины с веснушчатым лицом, который, прихрамывая, направлялся к ним в обществе двух молодых людей.

Роберт узнал обоих.

— Это сэр Уолтер, граф Ментейт с сыновьями, — сообщил он брату. — Они были в Тернберри в тот раз, когда дед планировал нападение на Галлоуэй. — Не успел он договорить, как внимание его привлекла еще одна процессия, двигавшаяся по полю впереди них. Роберт впился взглядом в лошадиное худощавое лицо Джона Комина, которого он впервые увидел в Солсбери. Накидка лорда, подбитая волчьим мехом, была украшена тремя белыми снопами пшеницы на красном поле. Волосы свободно ниспадали ему на плечи. — Смотри! Это и есть сам дьявол!

Эдвард нахмурился.

— Кто?

Роберт понизил голос, когда группа мужчин проходила мимо.

— Лорд Баденох, глава клана Рыжих Коминов. — За лордом вышагивал какой-то бледный юноша с гладкими темными волосами, похоже, одноклассник Роберта. Он тоже слишком походил на Комина, чтобы не признать в нем близкого родственника. «Скорее всего, это сын», — решил Роберт.

— Я почему-то думал, что он выше ростом, — заметил Эдвард. — Кто это с ним?

Роберт взглянул туда, куда кивком показывал ему брат, и увидел мужчину с каштановыми волосами, испещренной оспинами кожей и хмурым выражением лица, который шел рядом с Комином.

— По-моему, это лорд Галлоуэй, Джон Баллиол.

В этот самый миг Баллиол обернулся, и Роберту даже показалось, что он услышал его. Хотя, разумеется, тот находился достаточно далеко, да и занимали лорда, в первую очередь, дед и отец юноши. При виде вынужденной заминки Баллиола его сопровождающие тоже стали озираться по сторонам. На какое-то мгновение обе группы остановились, и Брюсы прервали разговор с графами Ментейтом и Данбаром. Роберт заметил молодого человека в процессии Баллиола, одетого в подбитый войлоком камзол, с пикой в руках. Но его внимание привлекла не одежда и даже не оружие, а жаркая ненависть, отразившаяся на лице молодчика. Он не сводил глаз с его отца.

— Милорды, добро пожаловать.

Неловкую паузу нарушил голос Джеймса Стюарта. Лорд сенешаль собственной персоной шагал по траве к лорду Аннандейлу и графу Каррику. Его сопровождал широкоплечий мужчина с выбритой тонзурой на голове и покрасневшим потным лицом. Это был Роберт Вишарт, епископ Глазго. Роберт уже встречался с ним однажды, накоротке, и с тех пор немного побаивался неистового клирика.

Когда Баллиол и Комин возобновили свое неспешное продвижение к платформе, Роберт заметил, как молодой человек с пикой сплюнул на траву, прежде чем отвести горящий ненавистью взгляд от графа Каррика и пристроиться позади лорда Галлоуэя.

Джеймс Стюарт и лорд Аннандейл обнялись. Сенешаль, заметил Роберт, приветствовал его отца более сердечно.

— Ваша светлость, — проговорил старый Брюс, склоняясь над рукой епископа Глазго,

чтобы облобызывать ее. — Какая честь видеть вас.

— Да еще по столь приятному поводу, — согласился епископ. — Наконец-то, после той трагедии, что потрясла нашу страну, трон королевства вновь будет занят. То, что новая королева носит одно имя с нашей прославленной святой, — хорошее предзнаменование. С Божьей помощью Маргарет совсем скоро высадится на наши берега.

Роберт обратил внимание, как при этих словах на скулах отца заиграли желваки. И тут его осенило. Когда этот день наступит, мечта его отца станет прахом. Маргарет вскоре займет трон Шотландии, и от нее пойдет новая ветвь, которая оттеснит в сторону Брюсов и все их притязания. В то же самое мгновение он понял, что и для него это будет означать крушение всех надежд. Перед его мысленным взором промелькнул образ Эффрейг, разрывающей паутинную клетку судьбы, которую она сплела для его отца, и он даже подумал, не причастна ли ведьма каким-то образом к подобному развитию событий. Но тут он услышал торжественные звуки горнов, повернулся вместе со всеми и увидел пышную процессию,двигающуюся по полю со знаменами, развевающимися над всадниками. Англичане прибыли.

Во главе их выступал Джон де Варенн, граф Суррей и внук легендарного Уильяма Маршала, одного из величайших рыцарей, которых когда-либо рождала Англия. Варенн и сам не чурался сражений и, в возрасте шестидесяти лет, оставался ветераном многочисленных войн под предводительством Генриха III и его сына Эдуарда. Граф принимал участие в подавлении восстания Симона де Монфора и в кровавых войнах Эдуарда в Уэльсе, став одним из самых выдающихся главнокомандующих короля. Громкая слава бежала впереди него, и Роберт с глубочайшим уважением глядел на коренастого седовласого графа, величественно восседающего на массивном вороном жеребце. Одет он был в богато расшитую золотом синюю мантию, переброшенную через одно плечо, выставлявшую на всеобщее обозрение кольчугу и меч с золотым навершием.

За графом важно двигался дородный мужчина в фиолетовой сутане, обладающий, несмотря на то, что был почти на двадцать лет моложе своего спутника, столь же устрашающей репутацией. Энтони Бек, епископ Даремский, начал свою блистательную карьеру клирика после окончания Оксфордского университета. Вернувшись вместе с королем Эдуардом из Святой Земли, он был назначен комендантом лондонского Тауэра, а потом и епископом Дарема, провинции, которая служила северным оборонительным форпостом Англии. Благодаря данной ему власти он стал фактически королем в своем епископстве. И впрямь, Роберту он представлялся отнюдь не христианским священником, а главнокомандующим на лихом боевом коне, за которым следовал отряд из тридцати рыцарей.

Роберт уже видел обоих славных мужей на переговорах в Солсбери, но здесь, на ярко освещенном солнечными лучами поле, под звуки фанфар, они производили впечатление поистине сокрушительного величия. Хотя, не исключено, все дело было в важности предстоящего события или же в скромности людей, ожидающих их появления. Многие из шотландских вельмож щеголяли заколками с драгоценными камнями или серебряными цепями поверх отделанных мехом накидок, перьями на шапочках, мечами и кинжалами восхитительной работы в искусно отделанных ножнах. Но их одежды из крашеной шерсти или льна выглядели простыми и грубоватыми по сравнению с туалетами английской знати, и почти никто из них не поддел кольчугу. Шотландцы прибыли сюда не для того, чтобы сражаться. Но, похоже, англичан об этом не предупредили. Все они до единого, начиная с

короля и епископа и заканчивая рыцарями и оруженосцами, предпочли надеть те или иные доспехи, будь то хоть простые дублеты, ^[30]да и кони у многих тоже были защищены броней. Наряды их отличались броской яркостью: вышитые шелка и узорчатый бархат кричащих тонов напомнили Роберту стаю бабочек-переростков, слетевшихся на траву.

Спешившись, Джон де Варенн первым делом подошел к Баллиолу и Комину, которые поспешили ему навстречу. В этом не было ничего удивительного, поскольку Баллиол был женат на дочери Варенна, но отец Роберта усмотрел в этом очередное оскорбление и нахмурился, глядя на эту теплую встречу. Остальные вельможи стали пробираться ближе к помосту и рассаживаться на скамьях, расставленных перед ним, а Джон Стюарт сделал знак лорду Аннандейлу и остальным следовать за собой. Роберт шагнул вперед, но дед остановил его.

— Оставайся здесь.

Роберт собрался было запротестовать, но старый лорд уже удалялся от него.

— А я полагал, мы приехали для участия в ассамблее, — возмутился и стоящий рядом Эдвард.

Братья смотрели, как мужчины смешались с растущей толпой графов и баронов, епископов и аббатов, которые имели право говорить от имени королевства, оставив орды рыцарей и оруженосцев, пажей и грумов на краю поля заниматься лошадьми или готовить еду на кострах. Менестрели сменили свои лютни и лиры на чаши с пивом и теперь разлеглись на траве и блаженствовали.

Восторг, не оставлявший Роберта во время всей поездки, растаял без следа, сменившись растущим раздражением. Его взгляд уперся в спину отца. «Интересно, исключили бы меня из числа посвященных, если бы отца здесь не было?» — подумал Роберт. Он прикрыл глаза ладонью от солнца, глядя, как рассаживаются приглашенные. Епископ Бек поднимался на помост, а граф Суррей здоровался с их дедом, который устраивался на скамье рядом с Джоном Баллиолом.

— Может, нам и отсюда будет слышно? — пробормотал он, уже видя, как мужчины разговаривают, но, за исключением отдельных выкриков, понимая, что с такого расстояния ничего разобрать будет невозможно.

Эдвард переступил с ноги на ногу, а потом направился к одному из молодых рыцарей из Каррика, ведя в поводу собственного коня и белую кобылу отца.

— Сэр Дункан, не могли бы вы подержать лошадей?

— Это важное дело поручено вам, мастер Эдвард, — огрызнулся в ответ рыцарь.

Джон де Варенн поднялся на помост вслед за епископом Беком и сейчас обращался к собравшимся. Скамеек на всех не хватило, и те, для кого места не нашлось, нестройной толпой стояли позади. Роберт потерял из виду деда с отцом. Он оглянулся, когда Эдвард заговорил вновь.

— Прошу вас, Дункан.

— С чего бы вдруг?

Эдвард выдержал паузу.

— Если вы согласитесь, я не стану рассказывать отцу о том, как однажды вы попытались поцеловать Изабеллу.

Рыцарь расхохотался.

— Вашу сестру? Я даже никогда не разговаривал с нею.

— Но мой отец этого не знает.

— Вы, должно быть, шутите, — заявил рыцарь, но улыбка его увяла.

Эдвард предпочел промолчать.

Молодой рыцарь помрачнел и нахмурился, но потом протянул руку, принимая поводья.

— Что бы вы ни задумали, вам лучше вернуться до того, как появится граф.

Эдвард сделал знак Роберту, который, широко улыбаясь, подвел своего коня и жеребца деда к негодующему рыцарю. Молодые люди быстро пересекли поле, не обращая внимания на любопытствующие взгляды, которыми их одаривали прочие оруженосцы. Джон де Варенн держал речь, когда они потихоньку встали в последних рядах толпы.

— Вот уже более ста лет в нашем королевстве царит мир. Шотландия и Англия стали настоящими соседями, торговля процветает, обмен землями и должностями идет ко взаимной выгоде, и все благодаря благословенному брачному союзу. Король Александр, да упокоит Господь его душу, понимал все выгоды объединения наших сил, которые давала ему женитьба на первой жене, дочери короля Генриха и сестре милостивого короля Англии.

Роберт и Эдвард смешались со стайкой настоятелей, чьи тонзуры блестели на солнце.

— И хотя его кончина стала трагедией для всех нас, она дает нам надежду на то, что союз наших королевств станет еще прочнее. Эта надежда воплощена в его внучке, Маргарет Норвежской. Как гласит Солсберийский договор, в самом скором времени это дитя прибудет на берега Шотландии, где и взойдет на трон в качестве нашей королевы.

Одобрительный гул встретил его слова. Роберт привстал на цыпочках, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь поверх голов отцов-настоятелей. Со своего места ему была видна лишь массивная фигура епископа Бека в ослепительно-кричащей фиолетовой сутане. Епископ что-то сжимал в кулаке. Это оказался толстый свиток пергамента.

— За два года до своей смерти Александр написал королю Эдуарду о возможности брачного союза между королевскими домами Англии и Шотландии.

Роберт увидел, как епископ Бек развернул свиток. К нему была приложена большая печать, свисавшая снизу документа.

— И вот, наконец, желание обеих королей может быть исполнено. У нас есть полученное от Его Святейшества в Риме разрешение на брак Маргарет с Эдвардом Карнарфоном, сыном и наследником короля.

После этих слов графа Суррея на мгновение воцарилась тишина, а потом толпа взорвалась возмущенными криками негодования и протеста.

— Вы знали об этом, милорд сенешаль?

Голос графа Ментейта как ножом прорезал шумную перебранку. Мужчины, сидевшие за столом, один за другим умолкали и поворачивались к Джеймсу Стюарту, которому и был адресован вопрос.

Сенешаль, не дрогнув, встретил пристальный взгляд престарелого графа.

— Нет, Уолтер. Для меня это стало такой же неожиданностью, как и для вас.

— А вы, сэръ Роберт? — Ментейт перенес свое внимание на лорда Аннандейла. — Вы были в Солсбери на подписании договора. Неужели граф Суррей или епископ Бек ни словом не обмолвились вам об этом предложении? Или вам, ваша светлость? — обратился он к епископу Глазго, который задумчиво смотрел куда-то вдаль перед собой, положив

подбородок на скрещенные руки.

— Никто не знал об этом, — твердо ответил Джеймс.

— Кто-нибудь из здесь присутствующих верит в то, что Александр мог сделать подобное предложение Эдуарду? — поинтересовался молодой человек с волнистыми черными волосами и злым выражением лица. — Потому что я не могу представить себе, чтобы он мог предложить женитьбу члена королевской семьи без обсуждения этого вопроса со своими приближенными.

— Вы хотите сказать, что англичане лгут, Джон?

Молодой человек сел, с вызовов передернув плечами:

— Вполне возможно.

Несколько человек заговорили разом, но Роберт, сидящий на краю помоста вместе с братом, не сводил глаз с кудрявого молодчика, высказавшего невероятное предположение. Он уже встречался с ним в прошлом году, вскоре после того, как тот унаследовал графство Атолл. Граф, исполнявший одновременно и обязанности шерифа Абердина, пользовался репутацией заводилы и смутьяна, но Роберту его откровенная прямота нравилась намного больше уклончивой осторожности прочих лордов. Джон был женат на дочери одного из ближайших друзей его деда, Дональда, мужественного и стойкого графа Мара.

Именно Дональд обратился к своему зятю, возвысив голос, чтобы быть услышанным в общем разговоре.

— Джон, будь осторожен, выдвигая столь смелые обвинения без веских доказательств. Лорда Александра весьма беспокоила, что вполне естественно, смерть его последнего сына. Даже после того, как он заставил лордов королевства принести клятву верности Маргарет, он не расставался с мыслью обзавестись более подходящим наследником, отсюда и его стремление найти себе невесту. Мы не знаем, что и кому он мог обещать в то неопределенное время.

Роберт почувствовал, как Эдвард придвинулся к нему вплотную и зашептал на ухо.

— Такое впечатление, что короли Шотландии многое обещают.

Роберт понял, что брат имеет в виду клятву, данную отцом Александра, когда тот назначил возможным преемником их деда. Он украдкой взглянул на старого лорда, который казался погруженным в свои мысли. Роберт отпил глоток пива из чаши, которую ему передал один из слуг сэра Патрика. Их проводили в графскую залу наравне с другими мужчинами после того, как они вернулись из Биргема. Места вокруг стола им не хватило, и братья уселись прямо на помост. Роберт все время ждал, что отец прикажет им уйти, но граф и другие, похоже, были слишком заняты случившимся, чтобы обращать на них внимание, поэтому они сидели молча и слушали спор, разгоревшийся в этот душный полдень.

— Что бы ни пообещал лорд Александр, это ни в коей мере не может служить оправданием тому факту, что Эдуард обратился к папе за разрешением на брак за нашими спинами. — Голос Джона Атолла дрожал от сдерживаемого гнева. — Это очередной раз доказывает, что король Англии стремится любой ценой расширить границы своих владений. Не забывайте и о том, что он сделал с Уэльсом. Война там закончилась всего несколько лет тому порабощением народа и смертью принца Льюэллина. Не исключено, что здесь он намерен проделать то же самое, разве что воспользовавшись для этого брачными оковами, а не стальными.

— Ты говоришь вещи, в которых ничего не понимаешь, — грубо прервал его граф Каррик.

Робер взглянул на отца, который служил под началом Эдуарда во время военной кампании в Уэльсе. Роберту исполнилось всего восемь, когда граф вместе со своими людьми ушел на войну, в которой уцелели всего двое из них. Он вспомнил, что в Каррик отец вернулся совершенно другим человеком: его мучила бессонница, он стал много пить и страдал вспышками беспричинного бешенства. Граф принимал участие в самых тяжелых сражениях той кампании, одной из многих, которая то стихала, то вновь вспыхивала на протяжении десятилетий между принцами Уэльскими и королями Англии.

— При всем моем уважении, сэр Роберт, — продолжал лорд Атолл, — смею полагать, что ваша верная служба королю Эдуарду объясняет и ваш излишний оптимизм в данном вопросе.

Граф Каррик опасно прищурился:

— Моя служба любому сюзерену, которому я принесу клятву верности, всегда будет верной.

— Вассальная верность — одно дело, — отвечивал Джон, возвышая голос, чтобы не дать высказаться Джеймсу Стюарту, который вознамерился вмешаться в разгорающийся спор, — но ваши близкие отношения с королем Англии слишком хорошо известны. Вы даже назвали своего второго сына в его честь. — Он жестом указал на Эдварда, сидевшего рядом с Робертом на помосте. — И только своему третьему сыну вы дали имя Александр.

Роберт взглянул на своего брата, который встрепенулся, заслышав собственное имя.

— Не знал, что существуют правила относительно того, как следует называть собственных детей, — прорычал граф.

— Этак мы ни к чему не придем, — недовольно заявил Джеймс Стюарт. — Джон де Варенн и епископ Бек ожидают от нас ответа в течение двух дней. Мы должны принять решение.

— Вы не можете говорить от имени всех хранителей, милорд сенешаль, — предостерегающе заявил граф Дональд Мар. — Какое бы решение мы здесь ни приняли, его еще должны одобрить Комин и остальные.

— Предоставьте нам с епископом Вишартом побеспокоиться об этом, Дональд, — ответил Джеймс. — А покамест давайте прекратим споры и придем к общему мнению. — Он повернулся к лорду Аннандейлу, который сидел, погрузившись в глубокую задумчивость. — Вы что-то слишком молчаливы, друг мой. А между тем, мне бы хотелось знать, о чем вы думаете.

Другие лорды согласно закивали в знак согласия.

В зале воцарилась глубокая тишина. Когда она стала невыносимой, Джон Атолл нетерпеливо заерзал на своем месте. Роберт, впрочем, не думал, что дед станет отвечать.

Наконец, старый лорд поднял свою львиную голову.

— На мой взгляд, следует ответить на два вопроса, прежде чем принимать какое-либо решение. Первый заключается в том, что мы выиграем, согласившись на это предложение? И второй — что мы потеряем, отказавшись от него? Ответить на второй вопрос достаточно легко, если вспомнить о том, что мы получили от короля Эдуарда. Немногим из нас не принадлежат земли в Англии. Покровительство ее королей принесло моему роду ощутимую пользу. Могу предположить, что эти земли будут у нас отторгнуты, если мы выскажемся против брачного союза. Я всегда поддерживал хорошие отношения с королем Эдуардом, но мне прекрасно известно, что он не станет медлить с наказанием.

Отец Роберта кивал, соглашаясь со старым лордом, что само по себе было необычно. Он

с вызовом обвел собравшихся взглядом, словно призывая их возразить. Таковых не нашлось.

— Но есть еще кое-что, что беспокоит меня гораздо сильнее потери собственного состояния, — после недолгой паузы продолжил лорд Аннандейл. — Это цена нашего королевства. Маргарет молода. Весь свой недолгий век она прожила в чужой земле, и она станет первой женщиной, севшей на Камень Судьбы. Ей потребуется регент или Совет, которые будут долгие годы править от ее имени. Я хорошо помню то время, когда сам Александр взошел на трон в возрасте восьми лет от роду. Я был свидетелем борьбы и интриг, которые затеяли Комины в настойчивых попытках подчинить его своей воле, не остановившись перед тем, чтобы захватить его и удерживать пленником. Всю свою молодость Александр провел в роли пешки, которую использовали и за владение которой сражались. И только став мужчиной, он сумел утвердить свою власть над теми, кто стремился управлять им. Маргарет никогда не сможет добиться этого. И только замужество может обеспечить ей прочное положение. Тогда однажды, с Божьей помощью, настанет такой день, когда она родит сына, а с ним вернется и наша сила.

— В таком случае, пусть она выйдет замуж за шотландца, — возразил Джон Атолл. — Если Маргарет выйдет замуж за сына Эдуарда, то он станет королем по праву женитьбы, и наша страна лишится всех своих свобод. Когда Эдвард Карнарфон получит трон от своего отца, Шотландия станет лишь ветвью на цветущем древе Англии с ним во главе. Сэр Джеймс, — воззвал Джон, обращаясь к сенешалю, — неужели вы хотите, чтобы вашу великую должность занял англичанин? А вы, ваша светлость, — обернулся он к нахмурившемуся Вишарту, — желаете ли вы, чтобы у шотландской церкви были надсмотрщики из Йорка и Кентербери? А как же все мы? Или мы хотим, чтобы нас обложили налогами, пока мы не станем умирать голодной смертью, как уэльсцы?

— Мне понятны твои опасения, Джон, — сказал лорд Аннандейл, в мрачном спокойствии встретив возбужденный взгляд молодого человека. — Но нельзя сравнивать то, что случилось в Уэльсе, с тем, что происходит здесь. Англичане приехали сюда вести переговоры, а не войну. Мы сами можем определить условия, на которых состоится брак. — Старый Брюс подался вперед. Опершись ладонями о стол, он обвел взором остальных. — Мы сами сможем определять свое будущее.

Джон Комин въехал в лагерь, когда солнце уже скрывалось за громоздящимися в небе башнями пурпурных облаков. После полудня поднялся западный ветер, и полы шатров яростно хлопали о веревки и колышки. Вокруг жалобно скрипели стволы деревьев-великанов Селкиркского леса, размахивая древними ветвями. Приближалась буря.

Предоставив оруженосцам заниматься своей лошадью, лорд Баденох направился сквозь сумерки прямо к самому большому шатру. Под подошвами сапог у него хрустели сосновые шишки. Откинув в сторону полог, он вошел внутрь.

При виде его Джон Баллиол, примостившийся на самом краешке покрытой шкурой походной кровати, вскочил на ноги. Он внимательно взглянул на Комину, и выражение его лица изменилось.

— Оставьте нас, — приказал он пажам. Не успели слуги выйти из шатра, как Баллиол уже подошел к Комину вплотную. — Они согласились, не правда ли? Я вижу это по твоим глазам. — И даже теперь надежда звучала в его голосе, словно он продолжал верить, что неправильно истолковал выражение лица своего зятя.

Комин одним коротким кивком похоронил его чаяния:

— Я оказался в меньшинстве.

Баллиол, опустошенный, повалился на походную кровать.

Комин заговорил вновь:

— Остальные сегодня днем встречались с англичанами, чтобы выразить им свое согласие.

Баллиол равнодушно поднял голову:

— Не могу поверить, чтобы лорд Аннандейл дал согласие на брак.

— Почему нет? Так он получает то, чего добивался с самого начала, — Норвежская Дева взойдет на трон, в чем и состоял замысел Александра.

— Но ведь этим браком Брюс и остальные подписывают смертный приговор нашему суверенитету!

— Совет хранителей дал согласие на брак только при соблюдении весьма жестких условий. — Комин ровным голосом перечислил их. — Свободы и обычаи Шотландии сохраняются в неприкосновенности. Королевские должности могут занимать только шотландцы. Налоги будут начисляться и взиматься только на нужды нашего королевства. Ни одного шотландца нельзя судить по любым другим законам, кроме наших, и никакой другой парламент не имеет права вмешиваться в наши дела. Наши королевства, хотя и соединенные брачным договором, останутся независимыми, и управлять ими будут король и королева по отдельности. — Комин закончил перечислять условия, и в шатре воцарилась тишина, нарушаемая только свистом ветра снаружи.

— Я просидел здесь много часов, страшась самого худшего, — проговорил, наконец, Баллиол. — Но за все это время мне явился лишь один проблеск надежды. — Он поднялся на ноги. — Давай обратимся к моему тестю. Попросим сэра Джона де Варенна поговорить с королем Эдуардом и отговорить от этого брачного союза.

— Разве ты не видел папской буллы, которую показывал епископ Бек? Она датирована четырьмя годами ранее. Эдуард планировал этот шаг с тех самых пор, как узнал о смерти Александра. И теперь ничто не заставит его свернуть с этого пути.

Баллиол вспыхнул.

— Значит, вот как? — вскричал он, глядя в темные глаза своего зятя. — Ты даже не станешь пытаться?

— Это бессмысленно. Пусть все идет своим чередом.

Баллиол шагнул к Комину, протягивая к нему руки так, словно намеревался схватить его за горло:

— Ради этого шанса я пожертвовал всем! А ведь это ты убедил меня воспользоваться им! Послушав тебя, я оказался уязвим перед нападками моих врагов и запятнал свое доброе имя знатного лорда королевства. После взятия Бьюитла моя мать сошла в могилу. Я уверен, она прожила бы дольше, если бы этого не случилось. А теперь ты предлагаешь мне вести жизнь.... — Баллиол отвернулся, не в силах подобрать нужное слово, но потом все-таки выплюнул его: — *Во мраке неизвестности и изгнании!* Не король и не уважаемый лорд при дворе. — Его усеянные оспинами щеки покрывал нездоровый румянец. — Впрочем, *братец*, ты можешь быть уверен в том, что, какие бы условия ни выдвинули хранители англичанам, длительное пребывание твоей семейки в тени трона подошло к концу. — В его тоне сквозили злоба и тайное злорадство. — Со мной, быть может, и покончено, но я не один сойду во тьму, а разделю свое падение со всемогущими Коминами!

Комину удалось сохранить хладнокровие перед взбешенным Баллиолом.

— Не думаю, что наши семейства ждет крах.

— А чем ты можешь этому помешать? — прошипел сквозь зубы Баллиол. — Чем? Или ты намерен похитить юную королеву, как некогда твое семейство поступило с Александром? Удерживать ее взаперти, требуя в качестве выкупа удовлетворения твоих требований? — Он покачал головой. — В конце концов, то похищение вышло Красным Коминам боком. Об этом позаботились Брюсы. Сомневаюсь, что тебе дадут повторить нечто подобное.

— Если схватка за трон начнется завтра, то наше положение будет совсем не таким, как четыре года тому. Наши крепости возвращены нам, причем они стали лучше и сильнее. Между тем, все это время я не сидел сложа руки, как и Темные Комины, и Комины Килбрида. Мы заключали союзы, укрепляя свои территории и свое положение.

Баллиол возмущенно всплеснул руками:

— После драки кулаками не машут! Девчонка отплывает в Шотландию, чтобы стать нареченной английского престола. Все кончено, говорю тебе!

Комин огляделся, но в шатре больше никого не было, лишь полы его безостановочно хлопали на ветру. Снаружи доносились звуки лагеря, живущего своей жизнью. Повернувшись спиной ко входу, он встретил взгляд Баллиола.

— А что, если девчонка не доплывет до наших берегов?

Баллиол уже открыл было рот, чтобы обрушить на Комина весь свой праведный гнев. Но так и не произнес ни слова, а на лице его появилось такое выражение, будто на него только что снизошло озарение.

— Надеюсь, — пробормотал он, — ты не имеешь в виду то, о чем я подумал.

— Это — единственный способ сохранить королевство, что бы там ни говорили хранители и какие бы условия брачного союза они ни выдвигали. Клянусь Богом, Эдварду Карнарфону всего шесть лет от роду! Еще долгие годы он не сможет управлять страной, а к тому времени, как он повзрослеет, его отец так опутает нас по рукам и ногам всевозможными ограничениями, что мы больше никогда не будем свободными. Можешь быть уверен, король Эдуард намерен управлять Шотландией через посредство своего сына. — Выражение лица Комина стало мрачным. — И я сделаю то, что задумал.

Баллиол подошел к нему вплотную:

— Ты говоришь о детоубийстве, нет — *цареубийстве!* Я не желаю участвовать в таком злодеянии.

— Разве это преступление — сохранить королевство и его свободы? Именно этого я и намерен добиться. Будем считать девчонку потерями, неизбежными на любой войне. Необходимой жертвой. Одна жизнь за существование королевства. Это слишком малая цена, чтобы не заплатить ее.

— Малая цена? Значит, столько теперь стоит пропуск в ад?

— Хранители договорились о том, что отправят почетный эскорт шотландских рыцарей в Норвегию, а потом вернутся с нею сюда. Я могу устроить так, что в числе сопровождающих окажется и наш человек.

— Ты сошел с ума! — Баллиол оттолкнул Комина с дороги, направляясь к выходу из шатра.

— Нет. Выслушай меня, Джон, — твердым голосом проговорил Комин в спину Баллиолу. — Если нога этого ребенка ступит на землю Шотландии, тебе уже никогда не сидеть на Камне Судьбы. Скажи мне, ты готов отказаться от своего единственного шанса

стать королем?

Баллиол обеими руками вцепился в растяжки шатра возле выхода, и фигура его черным пятном выделялась на фоне кроваво-красных отблесков лагерных костров.

Корабль викингов величаво скользил по морю, его нос, увенчанный головой дракона, уверенно рассекал волны, а двадцать пар весел с обеих сторон вздымались и опадали, как крылья. Лучи заходящего солнца сверкали позолотой на чешуе морской твари, отражаясь рябью на морской глади, которая неуклонно оставалась позади по мере того, как судно шло на запад по Северному морю.

Епископ Навре Бергенский сидел на корме, потев в своих мехах. Погода для сентября стояла необычайно теплая, даже в открытом море, хотя он и знал, что, когда ляжет спать на палубе вместе с остальным экипажем после захода солнца, укрываясь парусами, то эти самые шкуры будут ему весьма кстати. Они отплыли от берегов Норвегии уже четыре с половиной дня тому, а он до сих пор не мог прийти в себя — качающаяся палуба под ногами и ровные синие валы, убегающие к горизонту, по-прежнему заставляли его страдать от морской болезни. Глядя вдоль прохода между гребцами, налегавшими на весла, Навре пытался разглядеть капитана на носу. Ему очень хотелось знать, когда они прибедут в Оркни. Король Эрик говорил ему, что при благоприятном ветре плавание к Норвежским островам ^[31] займет не более пяти дней, но с тех пор, как они покинули Берген, ветер ни разу не наполнил их паруса, так что им приходилось полагаться, главным образом, на гребцов.

Епископ вновь сгорбился, будучи не в силах разглядеть капитана за белой грудой паруса, перегородившей судно пополам, а идти на нос самому ему совершенно не хотелось — уж слишком опасным представлялось это путешествие между шпангоутов, рук, ног и щитов сидевших на лавках гребцов. Судно, носящее имя «Ормен ланге», что на языке его предков означало «Большая змея», было переполнено, причем не только гребцами и матросами, но и английскими и шотландскими рыцарями, прибывшими к норвежскому двору несколько недель тому. Каждая сторона настаивала на том, что именно она должна сопровождать драгоценный груз домой. Епископ даже получил некоторое удовлетворение оттого, что король Эрик отправил восвояси корабль с подарками для девочки, присланный Эдуардом Английским. Конечно, шотландцы могли получить королеву, а англичане — супругу для своего будущего короля, но она будет доставлена к их берегам на норвежском судне в честь ее отца и королевства, в котором родилась. Минуло всего двадцать шесть лет с той поры, как Норвегия потерпела поражение в битве у Ларгса, и двадцать четыре — после подписания договора в Перте, согласно которому Внешние Гебридские острова и остров Мэн отошли скоттам. Для людей, которые веками наводили ужас на прибрежные районы северных морей, это путешествие на внушавшем страх судне с головой дракона означало конец целой эпохи и последний акт гордого неповиновения.

Заслышав звонкий смех, доносящийся из деревянной каюты, установленной прямо на кормовой палубе, Навре оглянулся. Сооруженьице являло собой нечто вроде шалаша, в котором едва хватало места для одного ребенка и одного взрослого, но было красиво отделано тисом, с арочной дверью и двускатной крышей. У судна не было внутренней палубы, а королю хотелось, чтобы его дочь путешествовала с удобствами. Дверь отворилась,

и наружу выпорхнула Маргарет с имбирным пряником в руке. В уголках губ у нее застряли крошки. Она улыбнулась епископу, а потом вскарабкалась на скамью, чтобы смотреть поверх планшера [32] на воду. Он уже собрался встать с места, встревоженный тем, что девочка слишком далеко перегнулась через борт, но из каюты вышла служанка и принялась увещавать свою чересчур резвую подопечную. Он опустил на место, когда Маргарет с восторженным смехом стала наблюдать за рыбами. Епископ немного успокоился, видя ее веселой — уж слишком горько девочка плакала, когда ее оторвали от отца и привезли на корабль. Но улыбка Навре увяла, когда он вспомнил о том, куда плывет эта малышка, которую он знал с самого рождения. Прямо сейчас шотландские лорды собирались в Сконе, у Камня Судьбы, на месте проведения древних коронаций. Девочке было всего семь лет, а на ее плечи уже легли надежды целого королевства.

Когда принцесса вприпрыжку устремилась на бакборт, [33] чтобы полюбоваться на воду, до епископа донесся сильный запах имбирного пряника. В животе у него заурчало.

— Не позволяй ей есть слишком много, — пожурил он служанку. — Иначе она заболит.

— Его светлость сказали...

— Я знаю, что сказал ее отец, — сурово прервал женщину Навре. — Он скажет что угодно, лишь бы она была счастлива. Но от сладостей ей может стать плохо. — Епископ с содроганием смотрел, как девочка сунула в рот последний кусочек пряника. Хотя король Эрик отверг английский корабль, он принял дары, которые шотландские лорды привезли в память о ее матери, дочери покойного короля Александра.

— Когда мы прибудем в Оркни? — любопытствовала Маргарет, садясь рядом с ним и отряхивая крошки со своего платья.

— Уже скоро, дитя мое.

Маргарет замурлыкала песенку, которую слышала от гребцов, а епископ смежил веки и подставил лицо последним теплым лучам заходящего солнца.

Навре проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. С трудом разлепив глаза, епископ увидел склонившуюся над ним служанку. Ее силуэт черным пятном выделялся на фоне гигантского светлого полотнища. Навре с трудом сообразил, что моряки, должно быть, спустили парус на ночь и что судно мягко покачивается на якоре в голубоватых сумерках.

— Что случилось? — простонал он, с трудом принимая сидячее положение. Шея у него затекла от неудобного положения, в котором он заснул.

— Пожалуйста, идемте со мной, ваша милость.

Навре поднялся на ноги и нетвердой походкой направился вслед за служанкой в каюту. Пригнувшись, он с трудом протиснулся сквозь узкий дверной проем. В ноздри ему ударил кислый запах болезни, да такой сильный, что у него запершило в горле. Маргарет свернулась клубочком на тюфяке, покрытом меховыми одеялами, и личико ее выглядело осунувшимся и бледным в свете единственного фонаря. Обеими руками она держалась за живот. Епископ наклонился над девочкой и потрогал рукой ее лоб. Он был холодный и влажный на ощупь, а волосы девочки слиплись от пота. По подбородку на платье сбегали коричневые струйки рвоты. Навре обернулся к служанке, нервно переминавшейся с ноги на ногу в дверях.

— Я же говорил тебе не давать ей слишком много сладостей, — сердито проворчал он.

— Я и не давала, ваша милость, — пролепетала служанка.

Навре заметил на полу миску с недоеденным бульоном, который уже начал застывать по

краям. Он с подозрением понюхал его.

— У нее была свежая еда, — заявила служанка, и в тоне ее проскользнула нотка негодования. — Я сама готовила ее. Это наверняка угощение чужеземцев. Или лихорадка.

Девочка застонала и откинула голову, и личико ее скривилось от боли. На шее и висках у нее вздулись синие жилы. Глаза превратились в щелочки. Епископ опустил миску на пол и с кряхтением полез наружу.

Согнувшись в три погибели, чтобы не задеть парус, он пробирался на нос судна, которое покачивалось на спокойной воде. Он споткнулся о чей-то щит, зашипел от боли и продолжил свой путь. Ударившись лодыжкой о край весла, он выпрямился и врезался головой в туго натянутый парус. Перешагивая через спящие тела, он упорно продвигался вперед. Судно покачнулось на высокой волне, и чья-то сильная рука подхватила его, когда он едва не кувыркнулся за борт.

— Осторожнее.

Навре пробормотал слова благодарности, адресуя их скоплению теней. Наконец, он пробрался на нос, где несколько мужчин, усевшись в кружок, потягивали медовуху и смеялись какой-то небылице, которую только что рассказал капитан.

Завидев епископа, капитан оборвал себя на полуслове:

— Ваша милость?

— Мы далеко от берега?

— Если поднимем парус на рассвете, то к полудню окажемся в Оркни.

— Мы должны попасть туда немедленно. — Навре понизил голос. — Принцесса больна.

Капитан нахмурился, потом кивнул:

— Я разбужу команду. Мы пойдем к берегу на веслах. — Он ткнул пальцем в одного из своих людей. — Свейн — целитель. Пусть он посмотрит малышку.

Когда епископ с целителем направились обратно на корму, на носу зазвучал судовой колокол, и капитан криками принялся подгонять команду, распорядившись поднять парус. По палубе прокатился негромкий шепоток. *Принцесса больна.*

Один из англичан, разбуженных суматохой, остановил епископа, когда тот пробирался обратно на корму.

— Что случилось? — спросил он по-латыни, поскольку оба знали этот язык. — Говорят, что девочка заболела. Мы можем чем-нибудь помочь?

— Вы можете молиться за ее здоровье, — ответил Навре, ныряя в каюту.

Команда налегла на весла, и судно двинулось сквозь ночь. Голова дракона сверкала в свете звезд. В каюте девочка металась по меховым одеялам. Она горела, как в огне, иногда принимаясь звать отца, а потом вновь погружаясь в зловещее молчание. В свете фонаря лицо ее казалось пепельно-серым. Целитель попытался напоить ее соленой водой, чтобы ребенка стошнило, очистив таким образом ее организм от любой отравы, которую она могла получить вместе с пищей, несмотря на все уверения служанки в том, что та была свежей. Но девочка слишком ослабела, чтобы пить. В конце концов, Свейну пришлось ограничиться тем, что он положил ей на лоб влажную тряпку, чтобы унять жар. Навре опустился рядом с принцессой на колени. Из сундука со своими вещами он достал распятие и теперь держал его над головой девочки в надежде отогнать демонов, которые могли кружить поблизости, а сам принялся молиться за ее душу.

Спустя несколько часов в западной части горизонта проступила темная полоса. Небо, усеянное звездами, понемногу светлело. При виде земли гребцы, усталые и измученные,

обрели второе дыхание, и спустя некоторое время нос судна врезался в прибрежную отмель одного из Оркнейских островов.

Команда попрыгала за борт и потянула судно канатами за собой. В приливных волнах гребцы вытащили корабль на берег. Навре наклонился и поднял Маргарет на руки. Ее дыхание стало едва заметным, и вот уже несколько часов она не издавала ни звука. Боясь приближения смерти, он задал ей семь вопросов и совершил ритуал причащения. Кожа принцессы цветом напоминала холодный мрамор, верный признак того, что она пребывала уже в царстве теней. Он вынес ее на палубу, где рассветный ветерок ласково пошевелил малышке волосы. Свейн и служанка предложили ему свою помощь, но епископ отказался выпустить девочку из рук и осторожно сошел по сходням на берег.

Мужчины застыли в угрюмом молчании, пока епископ медленно брел по мелководью к берегу, и волны цеплялись за его накидку, стремясь утянуть назад, за собой. Английские и шотландские рыцари нестройной толпой шли следом, и лица их были мрачны. Когда епископ опустил девочку на сухой песок, голова ее бессильно откинулась ему на руки. Он внимательно взгляделся в ее лицо. Глаза Маргарет были широко открыты, она смотрела в светлеющее небо над собой, но уже ничего не видела.

15

— Умоляю вас, сэр Роберт! — восклицал монах, стараясь не отставать. — Не входите вооруженным в храм Господень!

Лорд Аннандейл не обратил на него никакого внимания, решительно шествуя к церкви, и легкий ветер трепал его накидку с синим львом. За ним шествовал граф Каррик в сопровождении десятка рыцарей. Все они тоже были при оружии. Граф многозначительно держал ладонь на рукояти своего широкого меча, а под накидкой и мантией тускло поблескивала кольчуга. В сгущающихся сумерках церковь окутывала легкая голубоватая дымка. Двери были закрыты, но в стрельчатых окнах виднелся мерцающий свет.

Роберт во все глаза смотрел по сторонам, пока они с Эдвардом шли вслед за дедом и отцом. На боку у братьев болтались мечи в ножнах, и оба были одеты в кожаные дублеты, пропитанные маслом и воском для придания им жесткости. Вдали, за зданием аббатства, Роберт разглядел склон горы Мут-Хилл, теряющийся в красноватых сумерках. Макушки деревьев, полукругом обступивших древнее место коронации, отливали червонной медью в последних лучах солнца. Но тут внимание юноши привлек один из рыцарей отца.

— Держитесь за нашими спинами, — обратился он к братьям, когда их небольшая процессия приблизилась к церкви.

Презрев мольбы монаха, лорд Аннандейл распахнул двери. Громкий гул голосов смешивался с лихорадочным блеском факелов. Когда створки дверей с грохотом ударились о стену, наступила тишина.

Роберт, переступив порог вслед за рыцарями, обнаружил, что на них скрестились взгляды двадцати или тридцати человек. Большинство из них он знал по ассамблее, состоявшейся в Биргеме пятью месяцами ранее: епископы Глазго и Сент-Эндрюсский, граф Патрик Данбар, граф Уолтер Ментейт и другие. Здесь же присутствовали и монахи-августинцы из аббатства, одетые в сутаны. За спинами толпы уходил в темноту неф, вдоль которого выстроились ангелы и святые с обращенными к алтарю каменными ликами.

— Это правда? — требовательно обратился к собравшимся Брюс. Голос его дрожал от сдерживаемого гнева, а львиная грива, растрепавшаяся под ветром во время скачки к аббатству Скоунз, обрамляла раскрасневшееся лицо.

Роберт еще никогда не видел деда в таком бешенстве. Он немало подивился этому, ведь обычно старый лорд умудрялся сохранять хотя бы видимость спокойствия, несмотря на катастрофические события последнего месяца.

Семейство Брюсов направлялось в Скоун, чтобы ожидать прибытия принцессы, когда на юг пришло ужасное известие о смерти девочки. Если верить слухам, судно, которое доставило малышку в Оркни, развернулось и направилось в обратный путь через Северное море, увозя тело принцессы домой. Свадебный корабль превратился в похоронное судно. Брюсы тут же разделились. Лорд поспешил в Аннандейл, чтобы проверить боевую готовность крепостей Аннан и Лохмабен, а отец Роберта вернулся в Каррик, дабы заняться укреплением Тернберри и призвать своих вассалов к оружию. Атмосфера радостного ожидания, в которой жила Шотландия все лето, пока люди готовились к инаугурации и свадебным торжествам, рассеялась, как дым. Наследование трона вновь оказалось под вопросом.

Роберт сопровождал деда в Лохмабен в то самое время, когда из Галлоуэя пришли еще более тревожные известия. Но даже тогда старый лорд сохранял самообладание, ожидая возвращения сына, чтобы выступить во главе усиленного отряда в Скоун, где собирались остальные вельможи.

Но сейчас вся сдержанность лорда Аннандейла исчезла без следа.

— Ответьте мне, это правда? — прорычал он, пылающим взглядом обводя собравшихся. — Джон Баллиол действительно объявил себя королем?

— Да, — ответил чей-то голос.

Роберт мгновенно узнал его. Выйдя из-за спин рыцарей, он увидел, как в первый ряд толпы протискивается Джеймс Стюарт.

— Но разве кто-либо из нас одобрил это решение?

— Одобрил? — раздался твердый голос Джона Комина. — Милорд сенешаль, вы говорите так, словно право наследования определяется комитетом. Но это право крови!

— Помимо лорда Галлоуэя, есть и другие, чье право крови ничуть не уступает его, — упрямо возразил Джеймс. — И как же иначе, помимо голосования, можно установить, чье право выше?

— Право лорда Джона Баллиола выше, — высокомерно ответил Комин. — И всем нам это прекрасно известно. — Первородство...

— Наше королевство соблюдает более древние законы, нежели право первородства, — перебил его граф Каррик. — И, согласно этим старинным обычаям, трон должен занять мой отец. — Он обращался к собравшимся, и его голос властно и высокомерно отдавался во всех уголках притихшей церкви. — Раз линия Александра оборвалась, право наследования переходит к его прапрадеду, королю Давиду, младшему сыну Малкольма Канмора. Его наследником стал граф Хантингтон. И, в качестве сына одной из трех дочерей графа Хантингтона, мой отец по праву крови является ближайшим наследником королей из рода Канморов.

— Но он — сын его *второй* дочери, — парировал Комин. — И королем должен стать Джон Баллиол, поскольку он внук *первенца* Хантингтона. По праву первородства старшая линия считается доминантной.

— Вот уже более двух столетий мы остаемся одним из самых влиятельных семейств в королевстве. Ради всего святого, моего отца назначил возможным престолонаследником сам король Александр II!

При последних словах графа аббат Скона недовольно поморщился и попытался что-то возразить. Но Джон Комин не дал ему такой возможности.

— Подобные претензии устарели в такой же степени, как и могущество вашей семейки в королевстве, — выплюнул Комин. — Этот поступок был совершен в тот момент, когда у прежнего короля не было наследников. А с рождением его сына он потерял всякий смысл. Кто находился у власти при дворе последние десятилетия? — требовательно спросил он, обводя собравшихся высокомерным взглядом. — Мы, Комины. Если для определения следующего короля требуются сила и влияние, то только моя семья обладает и тем, и другим.

Лицо графа залила краска гнева, но, когда он уже собрался возразить, вперед выступил лорд Аннандейл.

— Мы переживаем темные и трудные времена. — Его хриплый голос эхом прокатился по церкви. — Мы потеряли короля, а теперь лишились надежды обрести и королеву. Этому королевству нужны сила и единство. Выберите Баллиола, и вы получите слабовольное ничтожество, которым будут манипулировать другие.

— А что будет, если выберут вас? — язвительно осведомился Комин. Он вновь повернулся лицом к вельможам. — Не забывайте, что этот человек не погнушался вооруженным войти в святое место и в годину испытаний вторгся в Галллоуэй. Ему ли теперь говорить о единстве? Тело короля Александра еще не успело остыть в могиле, а Брюсы уже напали на своего соседа! Или вам нужен тиран вместо короля?

Роберт, внимательно вслушивавшийся в перепалку, при этих словах шагнул вперед, положив ладонь на рукоять меча. Клинок сам просился ему в руки. Несколько вассалов его деда окружили своего сюзерена плотным кольцом, и лица их потемнели от гнева — оскорбление, нанесенное их лорду и повелителю, было велико. Кое-кто из вельмож испуганно попятился, но Комин не двинулся с места, впери в лорда Аннандейла вызывающий взгляд. Читая угрозу в темных глазах Комины, Роберт потянул меч из ножен.

— Прошу вас, милорды! — взмолился аббат, обращаясь к присутствующим за поддержкой. — Здесь не место для вооруженного конфликта!

— Я имею право высказаться, — заявил лорд Аннандейл и отстранил с дороги Джеймса Стюарта, который пытался удержать его. — Я не позволю пренебречь своим правом!

— Успокойся, друг мой, — сказал Джеймс.

— У вас нет никаких прав, Брюс, — заявил Комин. — Все кончено.

— Клянусь Богом, все только начинается! — взорвался граф Каррик, проталкиваясь сквозь толпу к проходу. Глаза его метали молнии.

Роберт понял, что его отец направляется к алтарю, на котором лежал огромный камень. Испещренный кристаллическими прожилками и вкраплениями, он светился теплым кремовым светом в пламени факелов. С обеих сторон в него были вделаны два железных кольца, а сам он покоился на полотнище шелка, на котором золотом были вышиты лапы и голова красного льва. Роберт догадался, что это и есть знаменитый Камень Судьбы, древний трон, который будет перенесен на гору Мут-Хилл для инаугурации нового короля. Четыре столетия назад его доставил в Скоун первый король скоттов, Кеннет мак Альпин, но история его происхождения терялась в глубине веков. Именно на этом троне сидел Макбет [\[34\]](#) перед

тем, как его сверг оттуда Малкольм Канмор.

— Я силой возьму то, что принадлежит моей семье по праву!

Лорд Аннандейл окликнул сына, когда тот подошел к камню.

Кое-кто из лордов недовольными возгласами выразил свой протест. Посреди всеобщей суматохи Комин подскочил к старому лорду.

Роберт заметил, как Комин потянулся к ножу для разрезания пищи, висевшему у него на поясе рядом с кошельком. Кровь вскипела у него в жилах. Схватившись за меч, он прыгнул вперед. Клинок со зловещим шелестом покинул ножны, и перед глазами собравшихся сверкнула длинная полоса стали. Вельможи обернулись и увидели разъяренного юношу, глаза которого метали молнии, стоявшего между лордом Аннандейлом и лордом Баденохом, и длинное лезвие его широкого меча упиралось в горло Комина. Граф Каррик замер в проходе между двумя рядами каменных ангелов, в замешательстве глядя на сына.

Роберт, сердце которого готово было выпрыгнуть из груди, не дрогнув, встретил взгляд Комина, и кончик его клинка остановился в каком-нибудь дюйме от шеи лорда. Он хотел крикнуть собравшимся, что этот человек не имеет никакого права бросать вызов его деду, который с открытым забралом противостоял подлым интригам Комина, намеревавшегося тайком возвести на трон Баллиола вопреки желанию короля Александра. Он хотел во весь голос крикнуть, что его дед умнее и лучше любого из них и что они должны быть счастливы, если он окажет им честь и станет королем. Но, прежде чем он успел открыть рот, тяжелая рука легла на его плечо.

— Опустить меч, Роберт, — негромким и суровым тоном приказал его дед.

Роберт повиновался медленно и неохотно, сообразив, что глаза всех собравшихся в церкви устремлены на него. Он заметил, с каким невероятным удивлением смотрит на него брат, стоявший вместе с прочими рыцарями из Каррика.

— Сегодня ночью не будет принято никакого решения, — провозгласил Джеймс Стюарт, обводя взглядом притихшую толпу. — Предоставим судить гражданам королевства. Предлагаю собраться вновь, когда мы с холодной головой выслушаем всех, кто имеет право голоса.

— Согласен, — заявил Роберт Вишарт, и его поддержали остальные.

Толпа начала редеть. Собравшиеся расходились, обмениваясь встревоженными замечаниями. Граф Каррик зашагал обратно по проходу, и лицо его было мрачнее тучи. Когда лорд Аннандейл повернулся, собираясь уходить, Джон Комин схватил его за руку. Роберт, вновь оказавшийся между ними, уловил отвратительный кислый запах, исходивший от волчьей шкуры, которой была подбита накидка Комина. И он ясно расслышал, как лорд Баденох прошипел сквозь зубы:

— Моему отцу следовало убить вас в той клетке в Льюисе, когда у него была такая возможность.

Лорд Аннандейл вырвал руку из тисков Комина. Развернув Роберта лицом к выходу, он подтолкнул его вперед, мимо епископа Сент-Эндрюсского, который что-то взволнованно втолковывал Вишарту.

— Прольется кровь, — говорил епископ. — Она неминуемо прольется, если дело не удастся решить в самое ближайшее время.

Выйдя в вечернюю прохладу, Роберт услышал, как его сердито окликнул отец. Но юноша не оглянулся, стараясь подстроиться под широкий шаг деда.

— Что имел в виду Комин, когда говорил о Льюисе? — Он озадаченно нахмурился. — Дедушка!

Старый лорд резко остановился.

— Не смей повышать на меня голос, мальчишка! — Он крепко взял Роберта за подбородок. — И тебе не следовало обнажать против него меч. Слышишь? Сейчас пришло время, когда мы должны доказывать свою правоту словами, а не насилием.

— Мне показалось, что Комин собирается напасть на тебя, — возразил Роберт, освобождаясь от хватки деда. — И почему ты возражаешь, чтобы я обнажил против него свой меч, когда сам атаковал его замки? Ты же ненавидишь его!

— Да! — рявкнул старый лорд. — И эта ненависть способна погубить все королевство! — Он умолк, видя, что к ним приближается граф. Отвернувшись от Роберта, дед направился к лошадям.

Роберт упрямо поспешил за ним. Желание получить ответы на мучившие его вопросы оказалось сильнее страха перед этим львом в образе человека.

— Ты учил меня ездить верхом, охотиться и сражаться. Ты брал меня с собой в Солсбери и Биргем, представил меня самым могущественным людям в королевстве. Ты всегда внушал мне, что моя судьба очень важна для будущего нашей семьи. Но при этом ты почти ничего не рассказывал мне о причинах своей ненависти к Коминам, несмотря на то что я столько раз просил тебя об этом. Я хочу знать правду, дедушка!

— Ты еще слишком молод для нее.

Роберт замер на месте.

— Если ты станешь королем, то я буду наследником трона. Это право не зависит от возраста. Так почему от этого должна зависеть правда?

Лорд Аннандейл развернулся, и на его иссеченном морщинам лице гнев уступил место удивлению. Спустя мгновение он шагнул к внуку и взял его за плечи.

— Пойдем. — Оглянувшись на отца Роберта, он увидел, что тот подходит к ним вместе со своими рыцарями. — Седлайте коней. Мы поедем следом за вами. — И, прежде чем граф успел возразить, он увлек Роберта в сторону, в дальний угол двора.

Когда они прошли между церковными зданиями, Роберт сообразил, что дед ведет его на вершину холма Мут-Хилл. Они вместе вскарабкались по крутому склону на лысую макушку горы. Солнце уже село, и на землю опускались густые сумерки. Над домами в Сконе, королевском городке, расположенном позади аббатства, в прохладном воздухе потянулись дымки. Совсем скоро наступит День всех душ. ^[35]Изо рта у них вырывались клубы пара, когда дед с внуком, наконец, добрались до вершины. В центре округлой поляны, по краям которой росли деревья, виднелась каменная плита. Едва завидев ее, Роберт понял, что именно здесь будет возложен для инаугурации Камень Судьбы. Со священным трепетом он уставился на нее, пораженный величием места.

Даже несмотря на все события, произошедшие после смерти принцессы, он вдруг понял, что права деда на трон до сих пор представляются ему чем-то нереальным и давним. И только здесь, в священном месте, где с незапамятных времен становились королями Шотландии, Роберт ощутил, как на него снизошло понимание: это были не просто слова, претензии и возражения — это было нечто реальное и осязаемое, как сам камень. Он вспомнил о фамильном древе, о котором ему с такой торжественностью поведал дед, когда

он впервые прибыл в Лохмабен; о древе, корни которого уходят в далекое прошлое. Люди, чья кровь течет в его жилах, поднимались по этому склону на это самое место. Он слышал эхо шагов своих предков. И в густых сумерках, поднимающихся снизу и медленно затопляющих вершину холма, он вдруг ощутил их незримое присутствие: здесь собирались тени прошлого. Великие короли ушедших эпох.

С последними лучами солнца дед повернулся к нему.

ЛЬЮИС, АНГЛИЯ

1264 год

Военный совет закончился. Произошел обмен письменными уведомлениями о начале войны. Время слов и увещеваний закончилось. Отныне будут говорить только мечи, разя врагов.

Один за другим три полка королевской армии вышли из-под защиты городских стен, возглавляемые своими командирами. Белые облака гонялись друг за другом по утреннему небу, отбрасывая игривые тени на холмы, окружавшие городок Льюис. Цветущие деревья роняли лепестки, и пешие воины, шедшие следом, топтали их. Солнечные зайчики слепили глаза, отражаясь от наконечников копий и сверкающих доспехов. Углубляясь в холмы, с развернутыми знаменами, они вскоре оставили городок позади себя, внизу. Еще некоторое время был виден замок, высившийся на поросшей травой горе, от подножия которой начиналась долина, прорезанная руслом реки. Впереди, все ближе с каждым шагом, их ждали люди, на битву с которыми они шли.

Враг выстроился тремя колоннами на склоне холма, и его боевые порядки растянулись примерно на полмили. У него было преимущество — склон перед ним повышался, а спину прикрывал густой лес. Впереди одного из отрядов развевался стяг, его полотнище было разделено по центру на две половины — белую и красную. Флаг как нельзя лучше соответствовал положению дел в расколотом надвое королевстве — по обе стороны бывшие товарищи, соратники по оружию и друзья готовились вцепиться друг другу в глотки на этих увенчанных ключьями облаков холмах. Рыцари королевской армии, выступившие из Льюиса, нацелились на этот флаг, как соколы на куропатку. Все их внимание было обращено на этот отдаленный, колышущийся на ветру кусок материи, средоточие ненависти и причина того, что они вообще оказались здесь: это был герб Симона де Монфора, графа Лестера.

Сэр Роберт Брюс, повелитель Аннандейла, шериф Кумберленда и губернатор Карлайла, смотрел, как с каждым шагом его жеребца приближаются неподвижные ряды вражеской армии. Вокруг него ехали его люди, одиннадцать рыцарей, включая знаменосца с его штандартом. Звон уздечек и недоуздов гремел у него в ушах, заглушая слитный топот трехтысячного полка, возглавляемого лично королем Англии. За кругом рыцарей двигались его соотечественники, которые, подобно ему самому, пересекли границу по призыву короля Генриха, чтобы сохранить свои английские владения. Среди них были и Джон Баллиол, владетель замка Барнард, и Джон Комин Баденох. Обоим лордам уже перевалило за пятьдесят, они были на добрый десяток лет его старше, седовласые и грузные. Но они

прибыли сюда сражаться, как и их люди, окружившие своих сюзеренов плотным кольцом. Разделение на армии коснулось даже семей: например, Джон Комин прибыл сюда, чтобы послужить королю, тогда как Комины Килбрида, другая ветвь того же рода, пополнили ряды повстанцев. Выступив на стороне Симона де Монфора, они, вне всякого сомнения, рассчитывали урвать свой кусок славы, которую стяжали более влиятельные семьи Темных и Рыжих Коминов.

Впервые после возвращения в Англию Брюс оказался так близко от Комина. До сей поры мужчины старательно избегали общества друг друга, их неприязнь была стойкой и взаимной, хотя и незаметной посторонним. Минуло всего семь лет с той поры, как Комины похитили короля Александра в попытке прибрать к рукам всю Шотландию. Невзирая на то, что с тех пор Александр уже благополучно утвердился на троне, после чего был подписан мирный договор, времени для того, чтобы Брюс простил предательство по отношению к юному королю, прошло слишком мало, тем более что он относился к нему как к сыну. Равно и Рыжие Комины еще не успели забыть того, что Брюс поддержал их врагов во времена смуты и немало способствовал возвращению Александра на трон, чем едва не уничтожил все их семейство.

Так что лорд Аннандейл оставался настороже, направляя своего скакуна к холмам Даунс, отчетливо сознавая, что так называемый союзник вполне способен оказаться опаснее настоящего врага, ставшего лагерем на их вершинах. Удар мечом в спину. Случайно пущенная стрела. Разумеется, такой поступок противоречил бы всем канонам рыцарства, поскольку благородные люди не убивали намеренно себе подобных, даже в сражении. Но у Коминов и в помине не было подлинного благородства, несмотря на их высокое положение.

Заслышав рев боевого рога, Брюс посмотрел вперед, туда, где стяг короля Генриха отмечал его положение в авангарде левого фланга королевской армии. Передовые шеренги королевского полка замедляли шаг. Брюс натянул поводья коня, и его люди сгрудились вокруг него. Сквозь лес поднятых копий он видел еще два полка, растянувшихся по склону холмов. Центром командовал брат Генриха, герцог Корнуолл, а правый фланг достался сыну короля. Эдуарда было видно даже издали, в красных с золотом доспехах не заметить его было невозможно. Он вернулся из Франции годом ранее во главе отборного отряда французских дворян, намереваясь отобрать свои земли в Уэльсе у Льюэллина ап Граффада. Но вместо этого оказался вовлечен в противостояние между родным и крестным отцами, которое разрослось до немыслимых масштабов, превратившись в гражданскую войну.

В течение шести месяцев Эдуард гонялся за Монфором и его сторонниками по всей стране, вытеснив их в Уэльс, где ему пришлось столкнуться еще и с враждебными горцами и зловецей тенью постоянной угрозы нападения со стороны Льюэллина. Брюс, пришедший на службу королю с начала года и успевший познать вкус победы над войсками Монфора при Нортгемптоне, был изрядно наслышан о подвигах Эдуарда. Несмотря на предвзятое отношение к несдержанной агрессивности молодого принца, Брюс был поражен до глубины души. Еще никогда ему не доводилось видеть человека, столь уверенного в себе перед битвой. Король Генрих приказал одному из своих баронов возглавить левый фланг, а граф Корнуолл выбрал своего старшего сына, чтобы тот руководил атакой центра. Но Эдуард поведет в бой своих людей сам. Конечно, у графа Лестера могло быть преимущество расположения боевых порядков на возвышенности, но и только. Королевская армия, насчитывавшая в своих рядах более десяти тысяч воинов, превосходила неприятеля числом более чем вдвое. Монфор, давно перешагнувший рубеж среднего возраста, не имел опыта

генеральных сражений, тогда как двадцатипятилетний Эдуард, полный сил и по-юношески лишенный страха смерти, все лето провел в кровавых рыцарских турнирах во Франции.

По обе стороны мужчины укорачивали ремни щитов, надевали шлемы на войлочные подшлемники, поправляли стремяна и подтягивали подпруги. Рыцари принимали у оруженосцев копья, поудобнее перехватывая древки. Затупленных наконечников не было и в помине. Эти копья предназначались для того, чтобы убивать. В тылу королевской рыцарской конницы подразделения поменьше, включая и отряды Брюса, тоже готовились к схватке, хотя и не спешили пока надевать шлемы. Они составят вторую волну атакующих. Позади них виднелся частокол пик и мечей пеших воинов. Их черед еще не наступил. Первыми в бой пойдут конные рыцари.

На флангах армии Генриха заревели рога, им ответили горны противника; два зверя пугали друг друга рыком, расположившись на зеленых холмах. Рыцари королевской армии пошли вперед. Поначалу они двигались шагом, сплошным строем, колено к колену. На вершине холма силы Монфора стояли неподвижно, сдерживая лошадей. На их накидках красовались белые кресты участников крестовых походов — знак того, что они ведут священную войну, как утверждал их предводитель. Воины короля подались вперед в седлах, чтобы облегчить своим скакунам крутой подъем по склону. Шаг сменился легкой рысью, и колокольчики на пополах зазвенели веселее. По мере сближения с противником разрывы между тремя полками расширялись, левый фланг Генриха устремился на правый фланг Монфора, а центр его армии сошелся с центром противника. Но войско Монфора по-прежнему выжидало, не трогаясь с места. Рыцари короля издавали воинственные крики; это был боевой клич людей, идущих в атаку и знающих, что она может стать для них последней. Легкая рысь перешла в галоп, и земля задрожала под копытами коней. В самый последний момент, чтобы сберечь как можно больше сил для решающего удара, Монфор бросил в бой кавалерию. Его рыцари прищипорили скакунов и устремились вниз по склону навстречу противникам. Копыта лошадей оставляли белые пятна в зеленой траве, взрывая меловую почву. Копья опустились, нацеливаясь на врага, когда сотни тонн железа и плоти устремились друг на друга.

Когда обе армии столкнулись, лорд Аннандейл, по-прежнему державшийся позади, содрогнулся от сладкого ужаса слитного кавалерийского удара. Копья разлетались в щепы, лошади вставали на дыбы и пятились назад, всадники вылетали из седел. Кровь лилась рекой, плоть разверзалась страшными ранами, лопааясь на куски, когда острия копий насквозь пронзали кожаные акетоны и кольчуги. Обычно рыцари стремились сбить противника с коня, ранить и захватить его в плен, поскольку за холодный труп выкупа не потребуешь, но сейчас смерть, как продажная девка, без разбора увлекала в свои темные объятия и безусых юнцов, и ветеранов многих битв.

Отряд Эдуарда прошел сквозь левый фланг неприятельской армии, как нож сквозь масло, оставив после себя зияющие бреши в рядах противника. Сломанные копья были отброшены в сторону, те, что невозможно было вытащить, остались в телах, и враги схватились за мечи, вступив в кровавую сечу. Лязг клинков, звуки ударов о шлемы и щиты и крики людей слились в грозный, безумный грохот. Рыцари падали на землю; те, кому удалось устоять на ногах или подняться, стаскивали с коней удержавшихся в седлах всадников, увлекая их в мешанину пешего столпотворения. Здесь, внизу, мечи оказывались бесполезными, и в ход пошли кинжалы. Сражение окончательно утратило свое очарование, превратившись в кровавую бойню. Последние останки рыцарского воспитания слетали с

людей, как ненужная шелуха. Они рубили и кололи, выискивая бреши в обороне противника. Под копытами лошадей вместо глухих ударов звучало мокрое чавканье — это ломались руки, ноги и позвоночники.

Над холмами встал удушающий запах крови, когда отряд Эдуарда смял левый фланг Монфора; часть его людей рубилась с противником, а остальные стали окружать его с боков. Воины Монфора сражались с мужеством отчаяния, но вскоре оказались в полном окружении. Оставаться в седлах им становилось все труднее; враги набрасывались на их коней, стараясь повредить им задние ноги. Рыцари Эдуарда издали его боевой клич; клич, который привел под его знамена многих молодых рыцарей с турнирных полей во Франции на залитые кровью холмы Уэльса. Медленно, но неизбежно ряды вражеской армии начали подаваться под безудержным натиском сил Эдуарда. Рога заревели победную песнь, когда молодой лорд и его сторонники окончательно рассеяли левый фланг армии Монфора.

Но два других полка королевских войск вели тяжелое, упорное сражение с правым флангом и центром мятежников, которые затратили намного меньше сил на то, чтобы сблизиться с противником, сполна воспользовавшись преимуществом своего положения на вершине холма. В центре, против графа Корнуолла, сражался сам Монфор вместе со своими закаленными в боях рыцарями. Сын Корнуолла организовал атаку довольно бездарно, его рыцари рассеялись и сражались каждый сам по себе. Монфор, напротив, сомкнул ряды, создав непреодолимый барьер, на который рыцари Корнуолла накатывались, как волны на скалы, разбивались и отступали назад. Сражение в центре растянулось уже по всему склону холма. Несколько раз рыцари Корнуолла пытались обойти противника с флангов, но Монфор ревом рогов бросал в бой своих лучников, тучи стрел которых ослепляли и опрокидывали нападающих.

Что до короля Генриха и его баронов, то на левом фланге их битва носила более позиционный характер. Бросив в бой последние резервы мелких подразделений, им удалось потеснить правое крыло армии повстанцев. Но, в отличие от разящей атаки Эдуарда, рассеявшего своих противников, им приходилось буквально выбивать каждого из своих врагов поодиночке, поскольку сдаваться те не собирались.

На противоположном склоне холма, в хаосе уничтоженного левого фланга Монфора, люди Эдуарда подняли его ярко-алый стяг, в центре которого дышал пламенем золотой дракон, — знак того, что пощады не будет. Благородные дворяне, уцелевшие в бою, будут захвачены в плен, и за них будет заплачен выкуп, но пешие воины не могли рассчитывать на подобное снисхождение. В большинстве своем это были лондонские обыватели, которые не могли принести ни денег, ни славы победителям. Они годились лишь для того, чтобы рыцари могли утолить жажду крови или черви — голод. Рыцари Эдуарда, оставив позади разрозненные остатки кавалерии Монфора, набросились на них, как волки на овечье стадо. Пехотинцы, будучи не в силах выдержать страшный удар закованных в латы всадников, повернулись и бросились бежать под защиту леса. Люди Эдуарда ринулись за ними в погоню. Поднявшись по склону и перевалив через его макушку, они устремились вниз по его противоположной стороне и вскоре скрылись из виду.

Впереди виднелась сплошная стена пик и копий — это правый фланг Монфора упорно сопротивлялся натиску полка короля Генриха. Граф поудобнее перехватил копье и прищипорил своего коня. Через две щели в забрале он видел хаос впереди, а колено его оказалось зажатым между седлом и боком соседнего скакуна. Внутри шлема царил ад, и он

задыхался от запаха собственного пота. Как только во вражеских рядах открывался хоть крошечный проход, Брюс громовым рыком подгонял своих людей, которые по-прежнему держались тесной группой вокруг него, и они слитной массой устремлялись вперед, разя насмерть любого, кто пытался прорваться к ним навстречу. Полк Эдуарда давно исчез из виду, равно как и пехотинцы, которых он преследовал. А вот центр и правый фланг Монфора, даже под давлением численно превосходящих сил противника, держались. Стремительное продвижение Эдуарда обнажило фланг Корнуолла, и Монфор сполна воспользовался этим преимуществом, лично возглавив составленный из ветеранов отряд, чтобы опрокинуть полк графа.

Кишащая толпа перед Брюсом вновь раздалась в стороны, и из образовавшегося прохода на него ринулся кто-то из людей Монфора. Он был забрызган кровью с головы до ног, в центре щита красовалась огромная звездообразная вмятина. Угадать, кто находится под доспехами, было невозможно, и только рукава накидки и наплечники позволяли строить предположения. Но и то, и другое было Брюсу незнакомо, что не помешало ему нанести удар копьем, который пришелся в шлем противника сбоку. Железный наконечник со скрежетом проехался по металлической щеке и соскользнул. От удара всадник покачнулся в седле, но нашел в себе силы замахнуться и нанести удар мечом по шлему Брюса. Лорду Аннандейлу показалось, будто голова его превратилась в наковальню. Перед глазами у него все плыло, похоже, он получил сотрясение мозга. Зарывав и превозмогая боль, он вновь нанес удар копьем. Однако противника уже не было перед ним; кто-то из вассалов Брюса сбил его с коня в кровавую кашу под копытами, и подняться тот уже не смог. В ушах у лорда звучали неистовые крики людей, перемежаемые истошным ржанием лошадей. В прорехи в боевых порядках Генриха прорывалось все больше и больше рыцарей Монфора, сея смерть и разрушение.

Конь перед Брюсом вдруг встал на дыбы, сбросив с себя всадника. Тот опрокинулся на лорда, выбив копье у него из рук. Из всех сил натянув поводья, чтобы не дать своей лошади удариться в панику, Брюс выхватил из ножен меч, и тут на него налетел очередной мятежник. Скакун под ним отчего-то присел на задние ноги, но это не помешало лорду нанести страшный удар врагу в шею, отчего его кольчуга разлетелась на куски. Меч застрял в разрубленном плече, и Брюс с трудом вырвал из трупа окровавленное лезвие. Где-то впереди заревел рог.

Полк графа Корнуолла был смят фланговым ударом Монфора. Оказавшись в плотном кольце солдат противника, отрезанный от своих рыцарей, брат короля принялся отчаянно прорубаться на свободу. Вырвавшись из самой гущи схватки, он прищипорил коня и понесся по полю. Когда отряды его вассалов последовали за ним, трубя отступление, битва за центр распалась на отдельные схватки. Остатки полка Корнуолла, лишившись своего предводителя и охваченные паникой, стали попросту разбегаться. Мятежники воспрянули духом и с победными криками устремились за ними в погоню. Разбитый в центре полк подставил под удар фланг полка самого короля. Беспорядок, воцарившийся в рядах противника, вдохнул новые силы в людей Монфора. В передовых порядках Генриха возникали все новые и новые бреши, в которые врывались рыцари Монфора. Симон де Монфор провозгласил крестовый поход против своего короля. Похоже, Бог оказался на его стороне.

Повсюду зазвучали крики:

— Отходим! Отходим!

Король Генрих вместе со своими рыцарями возглавил поспешное отступление, больше

похожее на паническое бегство. Королевский штандарт развевался позади него, когда он прищипорил своего скакуна, посылая его вниз по склону, обратно в Льюис. Лорд Аннандейл обнаружил, что неуправляемая сила подхватила его и несет помимо воли. Какой-то рыцарь упал на всем скаку перед ним, и лошадь его забила на земле, вздымая клубы пыли. Брюс дал шпоры своему жеребцу и перепрыгнул через упавших, и копыта его коня взбили меловую пыль, когда он приземлился. Кое-кто из его людей ухитрился держаться поблизости, и он видел их рядом в прорези шлема. Кругом царила паника, и королевская пехота в панике бежала по склону холма впереди конницы.

По всему Льюису пылали факелы. Наступал вечер, и едкий дым плыл над крышами домов. Во дворе одного из зданий, расположившихся на некотором удалении от замка, в сгущающихся сумерках пылало целое созвездие.

В келье небольшого монастыря Льюиса томилась четверо мужчин. Один из них сидел на единственном в келье тюфяке, обхватив голову руками, другой прислонился к стене возле двери, полузакрыв глаза, а третий сидел прямо на голом полу, подтянув колени к груди. Четвертый стоял у окна, глядя на темные силуэты зданий приората, вырисовывавшиеся на фоне подсвеченного огнями неба.

До слуха Брюса доносилось ржание лошадей, которых сейчас добивали. Они были слишком тяжело ранены в битве, чтобы их вылечить. Жалобные стоны коней заглушал громкий пьяный смех и хвастливые песни людей Монфора, которые не замедлили отпраздновать свою победу. Брюс ясно видел их сквозь паутину оконного переплета кельи. Он оглянулся, слышав чье-то горестное всхлипывание. Джон Комин у дверей по-прежнему не открывал глаз, а Баллиол все так же сжимал голову руками. Брюс догадался, что всхлип донесся со стороны третьей фигуры, съездившейся на полу. Оруженосцу вряд ли было больше восемнадцати: он был немного младше его первенца, оставшегося в Шотландии. В тусклом свете факела его глаза казались бездонными озерами. Брюс недовольно фыркнул, глядя на Баллиола, хозяина оруженосца, который даже не соизволил поднять голову. Спустя мгновение он вновь отвернулся к окну, не желая утешать чужого слугу. Кроме того, ему нечего было предложить несчастному юноше, потому что какие могут быть утешения перед лицом поражения и смерти?

Несколькими часами ранее, после того как битва на холмах Даунса обернулась полным разгромом, вассалы Генриха бежали под защиту монастырских стен, где король разбил свой лагерь по прибытии в Льюис. Остатки кавалерии рассеялись по всему городу, ища укрытия где только можно. Пехоте повезло намного меньше. Неспособная к быстрому бегству, которое продемонстрировали конные рыцари, она стала легкой добычей для воинов Монфора. Но гибель пеших воинов, хотя и жестокая и безжалостная, была, по крайней мере, быстрой. А унижение тюремного заключения, когда приходилось ждать, что твою судьбу решит другой человек, представлялось Брюсу намного худшим уделом. В бою у мужчины, по крайней мере, был выбор — как сражаться и как погибнуть. Во всяком случае, он был свободен. Здесь и сейчас выбора не было. И перспектива утратить власть над собой страшила Брюса сильнее физической смерти.

Король и его люди едва успели забаррикадироваться в монастыре, как армия Монфора ворвалась в город. Приорат был окружен, и мятежники выставили перед его воротами нескольких пленников, захваченных на поле боя, включая графа Корнуолла. Монфор явно получал неизмеримое удовольствие, когда крикнул королю, что его брат позорно бежал с

поля битвы и спрятался на мельнице. Затем он пригрозил казнить графа у всех на виду, если король откажется принять его условия капитуляции. Подобная угроза казалась невозможной, потому как вот уже более двух столетий в Англии не казнили ни одного графа, и это было против всех и всяческих правил войны. Но Монфор вел далеко не обычную войну: он поднял мятеж против своего короля и пытался заполучить власть над королевством. Генрих, потребовал Монфор, должен сдаться на милость победителя и дать согласие на то, чтобы страной от его имени правил совет баронов. Сам он останется королем лишь номинально, лишившись всех полномочий и передав их этому совету.

Брюс вместе со своими рыцарями находился в трапезной, когда туда ввалились пять человек. Один был тяжело ранен, и его поддерживали под руки двое товарищей. Все они были покрыты грязью и кровью с головы до ног, да и пахло от них просто омерзительно. Возглавлял их лорд Эдуард. Вместе с остальными Брюс выслушал рассказ молодого человека о том, как он наголову разбил бегущую пехоту Монфора, преследуя ее на протяжении нескольких миль, но потом, вернувшись на поле боя, обнаружил, что все уже кончено. Его полк атаковали в тот самый момент, когда он собирался войти в город. Эдуарду удалось бежать и, сообразив, что отец наверняка укрылся в приорате, он пробрался в монастырь мимо войск Монфора по канализационной канаве.

Вскоре после этого в трапезную пожаловал сам король. Тревога и облегчение на лице Генриха быстро сменились гневом, и на щеках его выступили пятна жаркого румянца, когда он принялся бранить своего сына, требуя объяснений, почему тот покинул поле битвы. Эдуард стоял на своем, возвышаясь над отцом, как башня. Высокомерным тоном он заявил, что рассчитывал на то, что его отец сумеет оборонить собственные фланги. В наступившей тишине Генрих, казалось, стал меньше ростом и съежился. Гнев его испарился вместе с решимостью, когда он объяснил сыну, что у него не осталось иного выбора, кроме капитуляции. Эдуард горячо возражал, утверждая, что у них достаточно припасов и что они могут продержаться здесь сколь угодно долго. Но теперь настал черед короля проявить твердость. Монфор пригрозил казнить его брата. Так что все кончено.

— Ты решил нашу судьбу, когда покинул поле битвы, — закончил Генрих. — И теперь тебе предстоит познать горечь поражения. — Он повернулся лицом к собравшимся, которые до сей поры молча внимали ему. — Как и всем вам. Я принял решение.

Переговоры между королевскими силами и мятежниками продолжались, но теперь оставалось уладить лишь некоторые формальности. По приказу Монфора все, кто оказался в монастыре, разделились по рангу и местности, из которой прибыли, и сдали оружие. Приорат, бывший некогда их убежищем, превратился в темницу, где им придется ждать до тех пор, пока Монфор не определит их дальнейшую судьбу. Эдуард останется заложником, а Генрих вернется в Лондон, где ему предоставят такую же ограниченную свободу, как и его захваченному в плен сыну.

Брюс стиснул зубы, когда оруженосец всхлипнул вновь. Хотя, скорее всего, из них четверых именно этот молодой человек отделается легче всего. Он не был простолюдином-пехотинцем, и если только Монфор в самом деле не вознамерился казнить дворян, то смерть ему не грозила, как, впрочем, и выкуп, которым можно было пренебречь. А вот самому лорду Аннандейлу перспектива выкупа представлялась весьма мрачной. Он был не последним вельможей в свите короля Генриха и пользовался большим влиянием в Шотландии. Монфор не отпустит его так просто. И выкуп способен надолго, если не навсегда, разорить его семью. Он крепко зажмурился, вспоминая проклятие святого

Малахии, которое вот уже несколько десятилетий довлело над его родом, начиная от его предков и заканчивая его сыном.

Лязг засова заставил всех четверых поднять головы. Баллиол, морщась от боли, поднялся на ноги, и на его изрезанном морщинами лице отразилась твердая решимость. Дверь открылась, и на пороге возник человек с факелом в руке. Брюс узнал его. Он уже видел его ранее в Эдинбурге. Это был Уильям Комин, глава Коминов Килбрида собственной персоной.

Молчание нарушил Джон Комин:

— Кажется, на сей раз вы сделали правильный выбор, кузен.

Уильям Комин мрачно улыбнулся:

— Рыжие Комины долгое время были при власти, правя нами железной рукой. Теперь, похоже, пришел наш черед.

— Если вы пришли сюда только затем, чтобы злорадствовать, погодите, — прорычал Комин. — Как бы ни поступил со мной Монфор, Рыжие Комины продолжают жить и здравствовать. Об этом позаботится мой сын и наследник. — В его словах прозвучала неприкрытая угроза.

Улыбка Уильяма Комина увяла:

— Совсем напротив, кузен. Я пришел, чтобы освободить вас.

Баллиол презрительно фыркнул, а вот его оруженосец с надеждой вскочил на ноги.

— Не знал, что граф Лестер получает приказы от скотта.

— Сэр Симон вознаграждает тех, кто хранит ему верность. Я обратился к нему с просьбой отпустить моего родственника, и он даровал мне троих пленников в обмен на мою службу.

— Зачем вам это нужно? — пробормотал Джон.

— Мы не всегда сходимся во взглядах, кузен, но в душе мы все Комины, невзирая на свои амбиции. Так что мне, как и Коминам Килбрида, не доставит удовольствия видеть, как вас разорит выкуп. А взамен вашего освобождения я хочу всего лишь часть влияния, которым пользуется наша семья. И положение при дворе короля.

Но, похоже, его доводы не убедили Джона.

— Выкуп за меня одного сделает Монфора богатым человеком. Для чего ему отпускать сразу троих?

— У Монфора и без того достаточно богатых пленников, включая лорда Эдуарда, чтобы многократно увеличить свое состояние. Кроме того, в этом деле деньги для него — не главное. Он понимает, что вы всего лишь выполняли свой долг перед королем. И он предпочитает видеть вас на свободе, своими союзниками, — добавил Уильям, глядя на Брюса и Баллиола, — а не пленниками.

Баллиол кивнул:

— Что ж, он вполне может рассчитывать на это. Как и Комины Килбрида. Род Баллиолов в долгу перед вами, сэр Уильям.

— Сэр? — со страхом подал голос молоденький оруженосец, когда Баллиол направился к двери.

Баллиол оглянулся на него.

— За тебя заплатят выкуп, — небрежно обронил он.

— Сэр, умоляю вас, — заплакал оруженосец.

— Пойдемте, — нетерпеливо обратился Уильям Комин к лорду Аннандейлу.

Когда Брюс шагнул вперед, Джон Комин загородил проход.

— Только не он, — сказал он, встретив взгляд лорда Аннандейла. Его собственные темные глаза злоеще блеснули в свете факела.

— Кузен?

Джон Комин не сводил взгляда с Брюса.

— Брюс остается.

— Сэр Симон де Монфор предоставил мне освободить трех человек по моему выбору.

— Он ведь не сказал, кого именно?

— Нет, но...

— Тогда вот он и будет третьим, — заявил Джон, жестом указывая на оруженосца, на лице которого проступило невыразимое облегчение.

— Выкуп за оруженосца не стоит того, чтобы им заниматься, кузен. Это же сущие гроши.

— Напротив, — возразил Джон Комин. Уголки его губ дрогнули и приподнялись в улыбке, но ее вряд ли можно было назвать дружеской. — Припоминаете, сэр Роберт, как моя семья обратилась к вам, прося поддержки в борьбе с нашими врагами, когда юный Александр взошел на трон? Разумеется, вы должны помнить об этом, потому что времена тогда были тяжелыми, и моя семья в полной мере ощутила это на себе. Состояние и влияние, которое мы приобрели за долгие годы верной службы, грозили ускользнуть у нас между пальцев. Вы были единственным, кто мог спасти нас, кто мог сохранить баланс сил, пока король оставался несовершеннолетним, не вынуждая нас прибегнуть к тем действиям, которые нам пришлось предпринять, чтобы выжить.

— Выжить? — выплюнул Брюс, делая шаг вперед. — Вы удерживали у себя нашего короля против его воли.

— А помните ли вы свой ответ? — прервал его Джон Комин. — Вы сказали, что скорее согласитесь поступить на службу к самому дьяволу, чем помочь презренному сыну мелкого чиновника? Я пообещал вам, что когда-нибудь вы заплатите за то горе, что причинили моей семье своим решением. И вот этот день наступил.

Когда Уильям Комин отступил в сторону, а Баллиол и оруженосец последовали за ним наружу, Джон Комин закрыл дверь кельи. Последним, что увидел лорд Аннандейл, было торжествующее лицо Комина, сияющее в свете факела.

Городок Линкольн утопал в струях дождя. Небо затянули облака, безостановочно сея влагу на головы людей, толпа которых собралась перед собором. Матери и младенцы, ремесленники и фермеры, трактирщики и нищие, набожные и любопытствующие мокли под проливным дождем, чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на королевскую процессию, которая часом ранее втянулась в темный арочный проем собора. Над головами собравшихся катился колокольный звон, эхом отражаясь от зданий, обступивших промокшую насквозь рыночную площадь, и растекаясь по мостовым опустевших улиц.

В самом соборе, напоминавшем огромную сводчатую пещеру, склонив голову в молитве, находилось внушительное собрание, заполнившее все проходы вплоть до хоров. Лорды и леди, бароны и рыцари, девицы и королевские чиновники — все были одеты в

черное, с надвинутыми на лица капюшонами. Рыцарские доспехи прикрывали складки ткани, не позволяя разглядеть цвета и гербы, что делало мужчин безликими и равными в своей скорби. Сам собор также в знак траура был украшен полосами невесомого черного шелка, каскадами ниспадающего с арочных сводов. Тусклый свет сочился сквозь архитектурные проемы в форме три- и четырехлистников на верхнем этаже, и в его лучах таинственно клубились ароматы благовоний и дым свечей. Огромное окно с восточной стороны заливали струи дождя, выбивая барабанную дробь на витражных стеклах, которая становилась отчетливо слышной в перерывах между медленно падающими ударами колокола.

Эдуарду, стоявшему в первом ряду перед высоким алтарем, мрачно-торжественному в черном бархатном платье, колокольный звон напоминал медленные удары сердца. Позади него высилась алтарная перегородка, за которой в темноту нефа убегали один за другим арочные своды, похожие на гротескную грудную клетку с торчащими ребрами и мускулистыми прожилками знаменитого пурбекского мрамора. Перед королем, в окружении свечей, на катафалке стоял гроб с покровом из венецианского шелка, расшитым сотнями золотых цветов, под которым смутно угадывались лишь его прямоугольные формы размером с человеческое тело. Внутри гроба лежала его супруга.

Эдуард до сих пор не пришел в себя от осознания того, как быстро рухнула его прежняя жизнь, стоило смерти лишь мимоходом коснуться его. Всего через несколько дней после того, как он получил сокрушительное известие о том, что Маргарет Норвежская, будущая невеста его сына, умерла по дороге в Шотландию, заболела Элеонора. Она захворала еще в Гаскони и ослабела настолько, что лекарь заподозрил, что эта слабость и стала причиной лихорадки, от которой она буквально истаяла на глазах. Эдуард приказал перевезти Элеонору в Линкольн, поближе к усыпальнице Святого Хью Авалонского,^[36] но ничто — ни молитва, ни снадобья, ни чудо — не смогли спасти ее.

Элеонора, его испанская королева, была его верной спутницей на протяжении тридцати шести лет. В день их бракосочетания в кастильском королевстве ему едва исполнилось пятнадцать, а самой Элеоноре было всего двенадцать лет от роду. За все это время она практически не покидала его, сопровождая в крестовых походах в Святой Земле, в кампаниях в Уэльсе и в подавлении кровавого мятежа Симона де Монфора. Она оставалась с ним в болезни и поражении, в ссылке и триумфе, в рождении их шестнадцати детей и смерти одиннадцати из них. Она была его разумом и рассудком, его состраданием и страстью. А теперь она превратилась в хладный труп в деревянном ящике, с органами, вынутыми для размещения в усыпальнице в Линкольне, и телом, которое будет доставлено в Лондон со всеми почестями, какие только сможет устроить для нее Эдуард. Он уже заплатил призреваемым в богадельнях, чтобы те разошлись по всем городам и весям Англии, разнося печальную весть о кончине супруги короля, и вскоре по всей стране зазвучат в унисон поминальные колокола, от Винчестера до Эксетера, от Уорика и до Йорка.

Когда епископ принялся читать псалом по требнику, король услышал за спиной всхлипывания. Обернувшись, он увидел своего сына, Эдварда Карнарфона, стоящего в обществе четырех сестер. Мальчик плакал, закрыв лицо руками, и плечи его содрогались от рыданий. Не сказав ни слова, король отвернулся. Его собственное горе ледяным комком свернулось у него в сердце, откуда раскинуло щупальца по всему телу, по всем мышцам и сухожилиям, стальным обручем сдавив грудь и не давая дышать. И выпустить его на волю — значит, развалиться на куски и перестать существовать. Он не намеревался делать ничего

подобного. Да, он потерял любовь всей своей жизни. Но цель осталась.

Епископ пробормотал последние слова поминальной мессы и толпа зашевелилась. Когда причетники окропили гроб святой водой, стекающей с веточек иссопа, [37] лорды и епископы потянулись к нему, выстраиваясь в очередь, дабы отдать последнюю дань уважения его покойной супруге и продемонстрировать свое почтение. Ему были не нужны ни их жалость, ни сочувствие: король прекрасно знал, что для многих это не более чем притворство. Кое-кто из наиболее своенравных баронов позволил себе высказать недовольство в парламенте его долгим пребыванием во Франции. Скорбное выражение их лиц казалось Эдуарду лишь маской, и смотреть на это ему хотелось не более, чем созерцать гроб с телом супруги. Коротко кивнув Джону де Варенну, стоявшему в первом ряду, король быстрым шагом направился к двери в северном трансепте [38] собора и вышел в коридор, ведущий на крытую аркаду монастырского двора. Мгновением позже за ним последовал граф Суррей.

Эдуард вышел во внутренний дворик, под дождь, который по-прежнему поливал прямоугольник травы посреди вымощенных камнем крытых переходов. Закрыв глаза, он глубоко вдохнул промозглый ноябрьский воздух, почему-то живо напомнивший ему липкий и надоедливый аромат благовоний. Оглянувшись, он заметил Джона де Варенна, остановившегося рядом. Пожилой граф, уступавший ему в росте несколько дюймов, с недавних пор обзавелся заметным брюшком. Канаты мышц, разработанные долгими годами тренировок и сражений, расплывались, придавая рыхлость и без того грузной фигуре графа. Король поразился изменениям, произошедшим с его самым способным командующим, и ему вдруг пришла в голову мысль, а не является ли это метафорическим выражением его правления? Быть может, и сам он стал слишком мягким, слабым и нерешительным? Не поэтому ли все его планы пошли прахом? При мысли об этом на скулах у Эдуарда заиграли желваки.

— Повторите, что написал в своем послании епископ Сент-Эндрюсский.

Джон де Варенн помолчал немного, явно собираясь с мыслями.

— Ну, что же вы? — поторопил его Эдуард.

Граф смущенно откашлялся.

— Прошу простить меня, милорд, но подходящее ли время вы выбрали для подобного разговора? Не будет ли лучше подождать немного и...

— Напротив, — холодно ответил Эдуард. — Я хочу начать планировать свой следующий шаг до того, как скотты объединятся, а мы окажемся не у дел. Отвечайте на мой вопрос.

— Епископ сообщает, что после смерти Маргарет Джон Баллиол провозгласил себя королем, но сэр Роберт Брюс отверг его притязания. Дворяне королевства разделились на два лагеря, и епископ опасается, что подобный раскол приведет к гражданской войне. Он умоляет вас двинуться на север и восстановить мир. Он полагает, что вельможи Шотландии прислушаются к вам и хочет, чтобы вы приняли непосредственное участие в выборе преемника.

Эдуард устремил взгляд на промокшую клумбу, глядя, как струи дождя каскадами срываются с арочных перекрытий.

— Разве не в том же самом положении оказался мой отец, когда Александр в первый раз сел на трон?

Джон де Варенн хмыкнул:

— Сходство, несомненно, есть, но я бы не стал утверждать, что абсолютное, милорд.

— Но скотты потребовали от моего отца, чтобы он вмешался, когда Александр впервые взошел на трон, будучи еще ребенком, — нетерпеливо возразил Эдуард. — И это вмешательство привело к тому, что мой отец сумел устроить брак моей сестры с королем.

Граф согласно кивнул:

— Да, хотя ваш батюшка мало что выиграл в плане управления Шотландией. Его влияние на события оставалось, в лучшем случае, незначительным.

— Мой отец так и не научился обращать ситуацию себе на пользу, — ответил Эдуард. — А что Баллиол и Брюс? Каким, по-вашему, королем будет каждый из них?

— Поскольку сэръ Джон женат на моей дочери, я знаю его лучше, чем Брюса. — Варенн передернул широкими плечами. — Баллиол легко поддается чужому влиянию, я бы сказал. Его нельзя назвать прирожденным лидером. Ему легче выполнять приказы, нежели отдавать их самому. Брюс же, напротив, умен и обладает сильной волей, хотя всегда оставался вашим верным союзником, а те земли, что принадлежат ему в Англии, делают его вашим подданным в такой же мере, как и Александра.

Морщины, собравшиеся на лбу Эдуарда, стали глубже.

— Когда Александр заговорил о возможности брачного союза между нашими домами, я полагал, что нашел способ достичь своей цели как без особых денежных расходов, так и без людских потерь. Вам известно, что после войн в Уэльсе я оказался в незавидном положении. Я больше не могу позволить себе дорогостоящей военной кампании. Во всяком случае, не сейчас, когда бароны и так выражают недовольство моим долгим отсутствием. — Эдуард повернулся к Варенну. — Но я не могу позволить, чтобы все мои усилия пошли прахом. Быть может, мой отец оказался слеп и не заметил те возможности, которые открывались перед ним после просьбы скоттов вмешаться. Но я не таков. Как только тело моей супруги будет предано земле, я отправлюсь на север, чтобы закончить то, что начал шесть лет тому. Я все еще верю, что пророчество может исполниться и без войны.

Эффрейг поплотнее запахнула накидку, выходя в холодный декабрьский вечер. Ветер ледяными уколами обжигал кожу и выдувал слезы из глаз. Над мрачными, коричневыми холмами нависло свинцово-серое небо. Несколько последних листочков цеплялись за голые ветви дуба, а землю под деревом усеивали упавшие сучья и багряный ковер опавших листьев. Эффрейг заметила, что ночью упали еще две судьбы — их сорвал с веток ураганный ветер, который всю ночь бушевал в долине и ломился в двери ее хижины. Она подберет их позже, сожжет веточки и веревку, которая связывала их, а потом похоронит находившиеся внутри предметы, предав их земле.

Присев на корточки, Эффрейг отставила в сторону пестик и ступку, которые прихватила с собой, и принялась шарить руками по земле. Та была твердой, как камень. Взяв пестик руками, она с силой ударила им об землю, кроша черную почву. Вскоре она согрелась и лишь время от времени делала передышку, чтобы убрать с лица падающие на лоб волосы. В воздухе запахло сыростью, а земля у нее под ногами превратилась в мелкое крошево. Опустив пестик в ступку, Эффрейг сняла с пояса мешочек. Она видела, как из-под одного из комьев земли наружу вылезает жирный червяк, слепой и голодный. Она ухватила пальцами его длинное розовое тельце и вытащила наружу. Он принялся извиваться в руке, и она сунула его в мешочек, а потом принялась осматривать землю в поисках других червей. Вскоре ей удалось найти еще семерых. Завязав мешочек, она подхватила ступку и выпрямилась.

Собаки выжидательно смотрели на хозяйку, когда она вернулась в хижину. Не обращая на них внимания, она подошла к столу, на который опустила ступку и мешочек. Скоро придет заказчица. Насыпав в ступку горсть прелого ячменя, Эффрейг вытащила из мешочка червей, одного за другим, и положила их поверх зерен. Черви тут же сплелись в клубок, и их тела влажно заблестели в свете единственной свечи. Эффрейг накрыла сосуд ладонью, оставив лишь щелочку для пестика между большим и указательным пальцами, а потом опустила туда закругленный конец инструмента. Поначалу пестик скользил, но вскоре тела червей лопнули, и она принялась перемалывать образовавшуюся кашу резкими движениями. Закрыв глаза, колдунья пробормотала несколько слов, прежде чем вынуть пестик и положить его рядом со ступкой. Внутри образовалась влажная, сырая масса, которой придавали густоту размолотые ячменные зерна. Поначалу она решила добавить к ней сушеных цветков лаванды, но потом отказалась от этой мысли. Женщина платила ей слишком мало, чтобы идти на такие жертвы.

Эффрейг как раз чистила ступку, когда собаки встрепенулись и залаяли. Лавируя между мебелью, она зашипела на них, и они мгновенно умолкли. Распахнув дверь, колдунья увидела двух женщин, спускавшихся с холма. Обе кутались в шерстяные накидки в надежде укрыться от пронизывающего ветра. До слуха Эффрейг донесся взрыв смеха — смеялась старшая из двух женщин, и ее неуместное веселье вызвало у Эффрейг приступ раздражения. Было время, когда люди приходили к ней в трепетном молчании и в глазах у них читались страх и почтение. А сейчас эти две кумушки хихикали и перешептывались, вольготно подходя к дверям ее дома за своими любовными снадобьями и заклинаниями. В каком-то смысле Эффрейг даже сомневалась, что они действительно верят в ее колдовство, несмотря на то что они уже заплатили ей несколько монет. Они пришли к ней просто так, на тот случай, если Господь не услышит их молитвы. Они давным-давно позабыли те дни, когда женщины-воительницы призывали молнии с небес на головы своих врагов; когда друиды ходили по земле Британии и при встрече с ними все опускали глаза долу, страшась взглянуть в глаза волшебникам. Старая магия умирает. И уже давно.

Две женщины перешагнули порог ее дома, со страхом поглядывая на собак. Эффрейг подошла к столу и взяла полотняный мешочек, завязанный шнурком, в который она пересыпала молотую смесь из червей с ячменем. Она приблизилась к высокой женщине.

— Что я должна сделать? — спросила та, шустро выхватывая у колдуньи мешочек своими коротенькими пальчиками.

— Подсыпь это ему в еду на следующую ночь после полнолуния. Ты должна сделать так, чтобы он съел все. И тогда он воспылет к тебе любовью.

Женщина облизнула губы, глядя на мешочек.

— И он попросит меня выйти за него замуж?

— Он будет сходить с ума от страсти к тебе, это я могу сказать совершенно точно.

— А как же ты подсыпешь это ему в еду? — любопытствовала вторая особа, заглядывая через пухленькое плечико товарки.

— Я постараюсь оказаться на кухне до того, как в караульном помещении подадут ужин.

— Смотри, не перепутай, — насмешливо заметила ее подруга. — А то может получиться так, что тебя станет домогаться этот старый козел Йотр!

Женщина одарила компаньонку гневным взглядом, а потом с опаской взглянула на Эффрейг.

— Что будет, если он не съест это в полнолуние?

— Тогда ничего не выйдет. Заклинание не сработает и рассеется.

Женщина нахмурилась, глядя на свою подругу.

— Он сейчас в Аннандейле, на службе у сэра Роберта. Успеет ли вернуться вовремя?

— Они должны вернуться со дня на день. Во всяком случае, так говорит леди Марджори.

— Граф Каррик в Аннандейле? — вмешалась в разговор Эффрейг.

— Да, — ответила полненькая женщина. Глаза ее заблестели, ей явно не терпелось поделиться последними сплетнями. — Разве вы не слышали? Теперь, когда бедная Маргарет умерла, лорды собираются на Большой Совет. Леди Марджори говорит, что весной на север прибудет король Англии, чтобы помочь выбрать нашего нового властелина. Так что граф Роберт вскоре воротится в Тернберри, чтобы подготовить свое требование.

— Его требование? — сухо переспросила Эффрейг. — Но ведь право занять трон принадлежит не графу, а его отцу, лорду Аннандейлу.

Но ее слова не убедили крупную женщину.

— Лорд так же стар, как и эти холмы. Он недолго сможет носить корону. Ее унаследует граф. — Она самодовольно улыбнулась. — И это возвышение принесет много хорошего его рыцарям.

— Как и тебе, если ты выйдешь замуж за одного из них, — пробормотала ее товарка, ущипнув подругу за бок и завистливо хихикая.

Крупная женщина протянула свободную руку Эффрейг.

— Вот ваша плата.

Эффрейг почувствовала, как в ладонь ей просыпались горячие мелкие монетки. Подавив внезапное желание швырнуть их в рыхлую физиономию женщины, она сжала холодные пальцы вокруг липкого металла и подошла к двери. Не говоря ни слова, она недвусмысленно распахнула ее, мрачно глядя на посетительниц.

Обе женщины поспешно выскользнули наружу, на пронизывающий ветер. Эффрейг смотрела, как они поднимаются на холм. Пухлая женщина держала мешочек в высоко поднятой руке и что-то напевала звонким, девичьим голоском, а вторая мелко кудахтала ей в тон. Колдунья отвела глаза и посмотрела на возвышающийся над нею дуб. Ветви его походили на оленьи рога, темнеющие на фоне зимнего неба. Взгляд ее остановился на свисавшей с верхней ветви потрепанной клетке, внутри которой раскачивалась тонкая петля. Она вдруг вспомнила, как плела ее, наговаривая волшебные слова, чтобы снять проклятие Святого Малахии. Она вспомнила, как лорд опустил ей руку на плечо, вспомнила треск огня, его дыхание у себя на щеке и звездопад в ночном небе, похожий на огненный дождь. Взгляд ее устремился в сторону Тернберри. Мысли о графе туманили ей рассудок, но он прояснился, стоило ей подумать о его сыне. В ту ночь, когда он родился, тоже падали звезды. Она вспомнила, как увидела Марс, яркий и красный, похожий на кровавый глаз, подмигивающий ей из темноты.

Река Твид привольно петляла по лугам и полям. Ее южный берег обозначал пограничные владения Англии, тогда как на северном берегу, по другую сторону водного

пространства, покрытого рябью из-за разгулявшегося ветра, начиналось королевство Шотландия.

В изгибе реки на английской стороне лежало небольшое поселение Норхем. Над городком, утопающем в сладком, как патока, летнем полудне, высился каменный замок, одна из главных цитаделей Энтони Бека, епископа Даремского. В свежесмысленных стенах, отражающихся в стеклянной поверхности воды, чернели узкие бойницы для лучников. Все они выходили на северную сторону. С самой высокой башенки свисал ярко-красный стяг, украшенный тремя золотыми львами.

В зале замка собралась толпа мужчин. На головокружительной высоте над ними перекрещивались потолочные балки, а оштукатуренные стены были сплошь увешаны гобеленами. В одной половине залы преобладали сюжеты о Спасителе, в другой — Судного дня. В торце залы на витражном стекле архангел Михаил взвешивал людские души, и его суровое лицо было выложено из десятков кроваво-красных осколков. Под окном, в центре возвышения, стоял трон. На нем восседал король Англии. Вокруг Эдуарда выстроились его сановники, среди которых были и граф Суррей, и епископ Бек. Всего на платформе насчитывалось тринадцать человек.

Роберт, стоя рядом с братом в толпе шотландских вельмож, вместе со всеми смотрел, как тринадцать избранных один за другим пересекали помост и преклоняли колена перед королем. В зале царил мертвая тишина. Предполагалось, что наступил торжественный в своем величии момент, и, пожалуй, так оно и было, хотя скотты ожидали совсем другого. Роберт отметил про себя, что единственными, кому происходящее доставляло очевидное удовольствие, были англичане. Еще бы им не радоваться — ведь теперь их король стал верховным лордом Шотландии.

Всего месяц тому шотландцы ожидали прибытия Эдуарда с явным нетерпением. Да, в их среде существовали определенные опасения, которые выразил епископ Глазго, предостерегая соотечественников об опасности чужеземной интервенции, но, в целом, все были преисполнены радужных надежд. После пяти беспокойных лет наконец-то будет окончательно решен вопрос о преемнике Александра. Хранители и все королевство практически поровну разделились между Баллиолом и Брюсом, и Советы в Скоуне не могли преодолеть разлад, так что король Эдуард взял на себя роль арбитра.

В конце апреля вельможи стали съезжаться в королевский городок Бервик на северном берегу Твида, куда должен был прибыть и король. Но когда Эдуард, наконец, появился, по его поведению стало ясно, что он пришел сюда не как брат или товарищ, а как завоеватель, которого сопровождала целая армия стряпчих и советников, эскадра военных кораблей, шесть сотен лучников и пятьсот конных рыцарей. Здесь, в замке Норхем, Эдуард заявил, что сам выберет для них короля, но сначала они должны признать в нем своего сюзерена. Он заявил, что привез с собой письменные доказательства, составленные его стряпчими, которые подтверждают его старинное право на эту должность. Хранители с епископом Вишартом во главе яростно оспаривали это утверждение, но во время жарких дебатов на Совете король хранил презрительное ледяное молчание, а его армия отбрасывала зловещую тень на оба берега Твида.

В конце концов, несмотря на возражения, шотландским вельможам пришлось подчиниться, дабы положить конец смуте, воцарившейся в королевстве. Констебли передали управление королевскими замками, а хранители были вынуждены сложить свои полномочия, после чего Эдуард вновь наделил их властью, навязав им английских

чиновников. Существовало, однако же, одно условие, соблюдения которого хранители требовали неукоснительно. Эдуард должен был выполнять обязанности сюзерена только до тех пор, пока не будет назначен новый король, и гарантировать независимость Шотландии. В течение двух месяцев после инаугурации он должен будет передать управление королевскими замками, вручить всю полноту власти королю Шотландии и не предъявлять более никаких требований. Эдуард согласился на него и скрепил договор своей печатью, после чего заявил молчаливо внимавшим ему вельможам, что он справедливый король и что слушание будет проходить по всем правилам. Это означало, что всем претендентам на трон будет дана возможность выступить перед собравшимися и обосновать свои претензии.

Роберт смотрел, как пышно разодетый мужчина, прибывший в сопровождении многочисленного кортежа в Бервик неделей ранее, пересек помост и опустился на колени перед королем Англии.

В зале Норхемского замка вновь загрохотал голос епископа Бека.

— Согласны ли вы, сэр Флоренс, граф Холланд, принять суждение блистательного короля Англии, герцога Гасконского, повелителя Ирландии, покорителя Уэльса и сюзерена Шотландии? И согласны ли вы перед лицом всех присутствующих подтвердить, что он обладает законным правом рассматривать ваше дело о претензиях на трон этого королевства?

Разряженный в пух и прах граф низко склонился перед тронном и, как и девять человек до него, ответил утвердительно. На левой половине помоста своей очереди ожидали всего трое мужчин.

Следующим по платформе к трону прошагал Джон Комин. Когда лорд Баденох опустился на одно колено, Роберт обратил внимание, что он наклонил голову далеко не так низко, как все остальные. И впрямь, напряженная поза графа, казалось, говорила, что он вовсе не намерен кланяться. Роберт почувствовал, как кто-то толкнул его в бок, и оглянулся на брата. Эдвард кивнул головой куда-то вдоль шеренги мужчин, стоявших рядом, включая их отца, и Роберт увидел бледного молодого человека с гладкими черными волосами. Это был старший сын и наследник Джона Комина, носивший имя своего отца. Роберт видел его несколько раз после ассамблеи, состоявшейся в Биргеме годом ранее, хотя они никогда не заговаривали друг с другом. Молодой человек не сводил оцепеневшего взгляда с коленопреклоненной фигуры отца, и на его впалых щеках цвел жаркий румянец. А на лице читалась нескрываемая гордость.

— Неужели он всерьез надеется, что его отца изберут королем? — прошептал Эдвард.

— Он должен понимать, что этого никогда не случится, — пробормотал в ответ Роберт. — Комин даже не предъявил никаких прав на трон. Он хочет, чтобы королем стал Баллиол. Дед полагает, что он добивается формальной регистрации своих претензий.

Молодой Джон огляделся по сторонам, и горделивое выражение его лица сменилось холодной враждебностью, когда он встретился взглядом с братьями Брюсами.

Внимание же Роберта привлекла группа мужчин справа от короля, к которым только что присоединились граф Холланд и Джон Комин. Большинство, подобно Комину, не рассчитывали всерьез на то, что их права на трон имеют под собой сколь-нибудь серьезные основания. Несмотря на уверения короля в справедливом рассмотрении дела, все понимали, что в соревновании по-настоящему участвуют лишь два человека. Эти двое должны были последними предстать перед королем и признать его верховную власть над собой. Первым шел Джон Баллиол, нетерпеливый и улыбающийся.

— Если он поклонится еще ниже, то попросту переломится пополам, — прошептал Эдвард.

Следующим на помост ступил лорд Аннандейл, и теперь настала очередь Роберта преисполниться гордости. Его дед преклонил колени медленно, болезненно морщась, словно его гигантская фигура выражала протест против того неловкого положения, в котором очутилась. Но, даже кланяясь, старый лорд не утратил ни грана властности.

Роберт внимательно всматривался в короля Англии, пока епископ Бек обращался к его деду. Он ничего не смог прочесть по этим серым глазам, не считая, пожалуй, затаенной печали, но, не исключено, что ему просто померещилось, потому как известие о смерти королевы Элеоноры опередило короля. Все они знали о том, что Эдуард повелел каменщикам возвести монументальные кресты в тех местах, где останавливалось тело его супруги на пути из Линкольна в Лондон. Роберт воочию представил себе эти каменные памятники скорби, разбросанные по всей Англии. Он много слышал о короле: о его мужестве в крестовых походах, о его сноровке и бесстрашии воина, о его осмотрительности государственного мужа и страсти к охоте и рыцарским турнирам. Его изрядно удивило холодное и угрожающее поведение короля, что так противоречило образу человека, о котором с таким восхищением всегда отзывался его отец.

Его дед поднялся с колен, сутулясь, и присоединился к остальным претендентам. Епископ Бек обратился к собравшимся с речью, и Роберт ощутил укол нетерпения. С того момента, как дед привел его на вершину холма Мут-Хилл, борьба старого лорда вошла в его кровь и плоть. Если Эдуард назовет его деда королем, он, в свою очередь, станет наследником трона, всего лишь вторым после отца. Но Роберт постарался обуздать свое нетерпение, зная, что слушания продлятся несколько месяцев, а может быть, и дольше. После сегодняшнего дня, когда петиция его деда будет зарегистрирована должным образом, Брюсы вернутся домой, как и все прочие, чтобы ожидать вердикта нового верховного правителя Шотландии.

— Она смотрит на тебя.

Роберт сделал большой глоток темно-вишневого вина, слушая, что шепчет ему на ухо Эдуард, в голосе которого слышалась веселая насмешка.

— Неужели? — Роберт с деланно небрежным видом прислонился к стене, но взгляд его помимо воли скользнул поверх голов танцоров в дальний конец залы.

Брат, заметив его взгляд, рассмеялся.

— Нет, я пошутил.

— Ах, ты, негодник, — пробормотал Роберт. Он обвел толпу взглядом, высматривая ярко-красную вуаль, которая была здесь всего несколько минут тому. В зале звучала музыка, и высокие голоса волюнок и грохот барабанов заглушали шум шагов мужчин и женщин. Столы, на которых было подано праздничное угощение, сейчас сдвинули к стенам, чтобы освободить место для танцев. Шеренга смеющихся женщин то смыкалась, то вновь отступала от линии мужчин, загораживая Роберту обзор. Он отвернулся, и в то же самое мгновение перед ним на помосте промелькнула красная вуаль. Это была она.

Ее звали Евой, и она приходилась дочерью графу Дональду Мару, одному из самых ярых

сторонников его деда. В прошлом году Роберт несколько раз встречался с нею по разным поводам, когда его отец ездил в Аннандейл, чтобы поддержать претензии деда на трон. Она была не первой женщиной, на которой он остановил свой взор. В Лохмабене были одна или две девушки, привлекшие внимание Роберта во время его пребывания там, включая племянницу одного из вассалов деда, которая сделала его мужчиной на сеновале в заброшенном амбаре на опушке леса. Но Ева была другой. Она была равной ему по положению и происхождению и, будучи молодой образованной девушкой, чувствовала и вела себя намного самоувереннее городских девчонок. Роберт опасался, что произвести на нее впечатление будет не так-то легко.

Пока он не сводил с нее глаз, Ева присела рядом с отцом, по-дружески обняв его за плечи. Шелковые складки ее ярко-красной вуали, удерживаемые золоченым витым шнурком, раздвинулись, обрамляя ее личико. По щекам ее, покрасневшимся от жары и вина, струились несколько прядей волос цвета спелой пшеницы. Она улыбнулась, когда лорд Аннандейл перегнулся через стол и сказал что-то графу. Роберт решительно оттолкнулся от стены, стараясь не обращать внимания на усмешку брата, и начал пробираться сквозь толпу. Внезапно послышался шорох юбок и сдавленный смех, когда какая-то женщина перед ним совершила пируэт и оказалась в объятиях ожидающего мужчины. Роберт поднес к губам кубок и осушил его до дна, а потом сунул его пробегающему мимо слуге. Сегодня он не был простым оруженосцем. Сегодня вечером он был внуком человека, который мог стать королем.

Прошел год с той поры, как тринадцать мужчин преклонили колена перед королем Эдуардом в замке Норхем. Целый год, как бразды правления Шотландией перешли в руки короля Англии. Слушания начались в минувшем году с регистрации письменных петиций каждого лорда вкупе со свитком, в котором описывалось его генеалогическое древо. Был избран суд в составе ста четырех человек, восемьдесят из которых предложили два главных претендента: лорд Аннандейл и Баллиол, а остальных выдвинул сам Эдуард. Родословные король отослал во Францию, где их должны были в мельчайших подробностях изучить ученые из Сорбонны. И вот долгое ожидание близилось к концу. Король должен был со дня на день объявить свой вердикт, и сегодня вечером лорд Аннандейл устроил в Лохмабене празднество, чтобы отблагодарить поддержавших его вельмож. Старый Брюс, которому исполнилось уже семьдесят, был уверен в себе, и не без причины. В праве крови с ним мог соперничать лишь Баллиол. Старый лорд являлся верным вассалом английского короля, прошел под его началом несколько крестовых походов и сражался на стороне Генриха против Симона де Монфора. И, что самое главное, ему удалось заручиться поддержкой семи из тринадцати графов Шотландии, которые, в соответствии со старинным обычаем, могли избрать короля.

Роберт приближался к платформе, не сводя глаз с Евы, когда вдруг услышал, как кто-то окликнул его. Обернувшись, он увидел свою мать. Черные, как вороново крыло, волосы леди Марджори каскадом ниспадали ей на шею из-под голубой шелковой шапочки с меховым подбоем, подобранной в тон ее платью. Роберту она показалась королевой, стройной и красивой. И, только подойдя к ней вплотную, он заметил тени у матери под глазами и туго натянутую кожу на скулах. Сообразив, что прошедшие слушания тяжким грузом легли не только на плечи его деда, он устыдился того, что за прошедшие месяцы ни разу не вспомнил о ней. Роберт взглянул на отца, сидевшего высоко над ними, на возвышении. Граф сжимал в кулаке кубок свином, а лицо его в тени факела выглядело лоснящимся и хмурым. Роберт

сомневался, что матери легко с ним живется.

— Сын мой, — промолвила графиня, оценивающе глядя на его высокую фигуру в облегающих черных панталонах и тунике. — Ты выглядишь настоящим красавцем.

Заслышав сдавленное хихиканье, Роберт присмотрелся и заметил одну из своих сестер, выглядывающую из-за юбок матери. Это оказалась младшая, Матильда. Зажимая рот ладошкой от смеха, она перебежала к тому месту, где вместе с нянечкой сидели остальные ее сестры. Он до сих пор не мог поверить в то, как сильно девушки изменились с тех пор, когда он видел их в последний раз. Мэри превратилась в неуправляемую семилетнюю сорвиголову, все время попадающую в неприятности, подобно Эдварду. В свои девять лет Кристина, с кудрявыми светлыми волосами, производила впечатление серьезного и рассудительного подростка, а Изабелла превратилась в гордую молодую женщину. Роберту очень хотелось, чтобы и другие его братья приняли участие в сегодняшних торжествах, но Найалл и Томас пребывали на воспитании в приемной семье в Антриме, следуя по его стопам, а Александр готовился стать послушником. Поговаривали, что он намерен поступить в Кембридж для изучения богословия.

— Я еще не видела, как ты танцуешь, — продолжала графиня, проводя прохладной ладонью по его щеке.

— Еще слишком рано, — ответил Роберт, вновь устремляя взгляд на помост.

Леди Марджори одарила его понимающей улыбкой.

— Пригласи ее, — негромко посоветовала она, прежде чем раствориться в толпе.

Испытывая чувство неловкости от неожиданной пронизательности матери, Роберт, тем не менее, направился к помосту, поднимаясь наверх над головами гостей. Он двинулся вдоль стола, усеянного остатками праздничного пиршества, мимо мрачного и погруженного в свои мысли отца, к тому месту, где сидели дед и граф Мар. Граф Атолл, сэр Джон, прибыл вместе со своей супругой, старшей дочерью графа Дональда, одетой в красное, как и ее сестра. Роберт подошел к мужчинам, пытаясь не обращать внимания на красное платье, к которому, помимо воли, устремился его взгляд. Он открыл было рот, надеясь изречь что-либо подобающее случаю, но дед перебил его.

— А-а, Роберт, мы как раз говорили о тебе. — Лицо старого лорда покраснелось, а ноздри крупного носа усеивали фиолетовые прожилки вен.

— В самом деле, — согласился Джон Атолл. — Твой дед живописал нам твои сегодняшние подвиги во время охоты. — Настырный молодой граф подался вперед и улыбнулся, смахнув со лба прядку выющихся волос. — Я слышал, что именно твой удар оказался смертельным. Жалею, что пропустил его.

— Олень-самец, с шестнадцатью отростками на рогах, — сообщил лорд Аннандейл, откидываясь на спинку кресла с довольным ворчанием и сжимая в руке кубок с вином. — Лучший и последний в этом сезоне.

Роберт больше не мог сдерживаться. Он развернулся, уголком глаза подметив трепетание алой материи. Взгляд его встретился со взглядом Евы. Она тоже улыбалась, но это была холодная и оценивающая улыбка, не такая теплая, как у мужчин, как если бы она еще не решила, заслуживает ли он ее внимания. Ее синие глаза были чуточку прозрачнее его собственных. Цвета весеннего неба, решил он.

— Ева, — позвала ее, робко поднявшись по ступеням на помост, одна из младших сестер, с волосами, скорее, мышиного, нежели медового оттенка.

— Да, Изабелла?

— Ты не потанцуешь со мной?

На прощание погладив отца по плечу, Ева легко сбежала с помоста, держа сестру за руку. Метнув на Роберта короткий взгляд, она исчезла в толпе, оставив после себя мелькнувший ярко-красный шлейф платья.

Граф Атолл поднялся из-за стола, взяв под руку красавицу-жену.

— Думаю, мы можем присоединиться к ним. — Джон широко улыбнулся. — Смотри, Роберт, не опоздай. Всех лучших дочерей скоро разберут.

Молодой человек подмигнул графу Мару и лорду Аннандейлу, которые обменялись понимающими смешками, отчего Роберт заподозрил, что они обсуждали не только его охотничьи таланты. Ему исполнилось восемнадцать; наверняка вопрос его женитьбы занимал их умы в последнее время, особенно учитывая сложившиеся обстоятельства. Вскоре для него подберут подходящую невесту с положением и богатым приданым. Если только они уже не сделали свой выбор, подумал Роберт, глядя на довольные ухмылки пожилых мужчин. Решив поскорее сменить тему, он вперил взгляд в сухой пальмовый лист, приколотый к мантии деда.

— Как ты думаешь, король Эдуард откликнется на призыв папы провести очередной крестовый поход?

Мужчины мгновенно посерьезнели, и Роберт тут же пожалел, что затронул столь болезненный вопрос. Прошло уже шесть месяцев с той поры, как до них дошли печальные вести о падении Акры, последнего оплота крестоносцев в Святой Земле. Ходили упорные слухи о мужчинах и женщинах, бросающихся в море, чтобы не пасть от рук сарацин, о всеобщем хаосе и пожарах, о реках крови, текущих по улицам, и о кораблях, битком набитых беженцами, в одних лохмотьях прибывающих в гавани цивилизованного христианского мира. С тех пор папа без устали призывал начать новый крестовый поход, пока, впрочем, без особого успеха.

— Не исключено, что после того, как наш трон окажется занятым, мы ответим на его призыв, — негромко ответил дед и залпом осушил свой кубок.

Граф Дональд согласно кивнул.

— Для священной войны нам нужна свежая кровь. — Он склонил голову, глядя на Роберта. — Если какой-нибудь молодой и могущественный лорд подхватит Крест, остальные последуют за ним.

С другого конца стола до них вдруг донеслось нечленораздельное ругательство. Они повернулись и увидели графа Каррика, который со злобой взирал на них налитыми кровью глазами.

— Могущественный лорд! — Покачнувшись, он с трудом поднялся на ноги, небрежно оттолкнув кресло. Граф взмахнул рукой в сторону Роберта с зажатым в ней кубком, так что вино выплеснулось на стол. — Если в этом заключаются ваши надежды на Святую Землю, то да поможет нам Бог!

Язык у отца заплетался, но слова его барабанной дробью прозвучали у Роберта в ушах.

— Довольно, — прорычал лорд Аннандейл.

— Я говорю правду. Он ни разу не сражался на войне. Он умеет убивать только *зверей*, а не людей. Свежая кровь? — Граф скривился. — В жилах наших сыновей течет не кровь, а вода, похожая на разбавленное вино. Разве можно воспитать крестоносцев из такого хилого потомства? — Граф продолжал язвительно разглагольствовать, но Роберт больше не желал его слушать.

Повернувшись, он спустился по ступеням вниз и смешался с толпой. Не обращая внимания на возмущенные протесты танцующих, которых он грубо отталкивал с дороги, молодой человек добрался до двери и выскочил в ночь, оставив за спиной голоса и музыку. Окунувшись в темноту, он зашагал по внутреннему двору замка, мимо часовни и кухонь, конюшен и загона для собак, здания которых черными тенями вырисовывались в мертвенно-бледном свете луны. Впереди, над крышами домов, виднелась земляная насыпь. На самой вершине укрепленного холма грозила далеким звездам высокая круглая башня. Вместо того, чтобы подняться на холм к главной башне, где он жил вместе с дедом, Роберт зашагал к деревянному частоколу, окружавшему территорию замка. Он уже почти достиг ворот, как вдруг кто-то окликнул его. Обернувшись, он увидел спешащую к нему Еву, алая вуаль которой в темноте казалась почти черной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вы уже покидаете празднество?

— Мне нужно подышать свежим воздухом. — Не желая больше ни мгновения задерживаться в замке, даже ради нее, Роберт развернулся и устремился к частоколу.

Ева пристроилась рядом, и юбки ее платья зашуршали по замерзшей земле. Наступила поздняя осень, деревья стояли уже почти голые, и их силуэты черными распятиями выделялись на фоне неба. Стражники у частокола приветствовали Роберта, когда он подошел к ним. Один из них поспешил распахнуть калитку, бросив плотоядный взгляд на Еву.

— Смотрите под ноги, мастер Роберт, — крикнул он ему вслед, не скрывая усмешки. — Сегодня ночью у озера скользко.

Роберт зашагал по тропинке, вьющейся меж деревьев к озеру Кирк-Лох. Оба молчали. В голове у Роберта царил странная пустота, и гнев постепенно сменялся предвкушением чего-то необычного. Спустя несколько минут деревья расступились, и перед ними открылась гладь небольшого озера, сверкающая в лунном свете. По берегам его рос камыш. Замок деда, остающийся вот уже сотню лет семейным гнездом, был выстроен в стратегической близости от источника воды. Но, в отличие от цитадели его предков в соседнем Аннани, и насыпь, и двор располагались на безопасном расстоянии от озера — семейство Брюсов уже знало цену проклятия Святого Малахии.

Роберт резко остановился, глядя вдаль, на воду.

Ева, стоя рядом, задрожала от холода — морозный воздух был очень свеж — и придвинулась ближе к нему, обхватив себя руками.

Роберт знал, что должен сделать, знал даже то, чего она ждет от него, но перед его мысленным взором маячило перекошенное лицо отца, и он мысленно слышал его слова, сочащиеся ядом. В следующее мгновение он ощутил легкое прикосновение к своей руке и понял, что это ее пальчики. Ева бережно взяла его за руку. Где-то в глубине леса ухнул и жутко захохотал филин. Сердце Роберта учащенно забилося, пар от дыхания клубами вырывался у него изо рта. Образ отца таял, уступая место реальности ее нежной ручки в его ладони. Он ощущал биение ее сердца, которое частило и сбивалось с ритма, как и его собственное. Роберт повернулся к девушке, спеша окончательно прогнать мрачные мысли, и нашел ее губы. Она на мгновение замерла в напряжении, явно смущенная его настойчивостью, а потом прильнула к нему и ответила на поцелуй. Губы ее пахли вином.

До него донесся далекий барабанный грохот, но Роберт решил, что это кровь шумит в ушах. Однако звук стал громче, и он сообразил, что это топот копыт по промерзшей земле.

Три, может быть, четыре всадника. Он отстранил от себя Еву.

— Еще гости? — прошептала она. Ее губы влажно блестели в лунном свете.

Глядя на них, он почувствовал, как у него перехватывает дыхание, и с трудом прохрипел:

— Нет. — Откашлявшись, он пояснил: — Все уже собрались. — Роберт заколебался. Ему хотелось остаться здесь, с нею, но этот топот внушал ему беспокойство. Для простых путников время было слишком позднее. — Пойдем. — Он взял девушку за руку и повел ее обратно через лес, оставив озеро за спиной столь же тихим и безмятежным, как и до их появления.

Когда они подошли к частоколу, Роберт отметил, что больше не слышит стопа вольноков. Пройдя в ворота, он уловил встревоженные голоса, доносящиеся из зала. Юноша ускорил шаг, и Еве пришлось почти бежать, подобрав юбки свободной рукой, чтобы не отстать от него. Во дворе стояли чужие кони, а в воздухе висел запах свежего конского навоза. Роберт направился к зале, двери которой были распахнуты настежь. Внутри творилось настоящее столпотворение. Из толпы вынырнул Эдвард. Завидев Роберта, он подбежал к нему. Тот еще никогда не видел брата столь мрачным.

— Что случилось?

— Джон Баллиол объявлен королем.

20

Роберт шагал по заброшенной лесной тропинке, понутив голову и сунув большие пальцы рук за ремень. Ветер раскачивал голые ветви деревьев и швырял мертвые листья ему под ноги. Его щенок, Уатача, гончая из последнего помета Скатчач, весело гонялся за ними, щелкая зубами и стараясь схватить их на лету. Обычно проделки молодой собаки забавляли его, но сегодня он почти не обращал на нее внимания. Мысли Роберта, мрачные, как ноябрьский полдень, были обращены внутрь.

После празднества минула неделя, и нынешняя атмосфера в Лохмабене не могла более разительно отличаться от той, что царил в замке до королевского эдикта. Многие из тех, кто поддерживал притязания его деда на трон во время слушаний, уже разъехались под разными предлогами и с тех пор избегали поддерживать с ними отношения, словно Брюсы подцепили какую-то заразную болезнь. Роберт отдавал себе отчет в несправедливости подобных рассуждений, потому как графы Мар, Атолл и Данбар явно были ошеломлены и разгневаны решением короля. Но на протяжении последних семи дней в замке царил непривычная тишина, и нельзя было отрицать того, что, в качестве старинных врагов нового короля Шотландии, положение Брюсов при дворе оставляло желать лучшего.

Отец и мать Роберта остались в Лохмабене, хотя дурное расположение духа, в котором постоянно пребывал граф, никак не способствовало разрядке и без того напряженной обстановки. Старый лорд большую часть недели провел в одиночестве в своих покоях, спускаясь оттуда только для того, чтобы помолиться в часовне. Позавчера вечером Роберт застал деда коленапреклоненным перед алтарем, в окружении пламени свечей, вновь и вновь повторяющего жаркую молитву. От деда пахло вином, когда Роберт помогал ему подняться на ноги. *«Проклятие, — как заведенный, бормотал он. — Я должен искупить свою вину».*

Роберт держался особняком, проводя все дни в прогулках по лесу и избегая даже собственного брата. Теперь, когда охотничий сезон закончился, в окрестностях Лохмабена было тихо. Осенние дожди размыли дороги, проложенные людьми и лошадьми, и лес вновь отвоевывал принадлежащую ему территорию. За последние годы в жизни юноши произошли поразительные изменения. Его ученичество в Антриме, тренировки в Тернберри, путь к званию рыцаря, на который он ступил при дворе своего деда, — все это, в конце концов, стало приносить свои плоды, и Роберту казалось, что перед ним открывается будущее, о котором он мог только мечтать. Трон Шотландии. Теперь-то он понимал, что впереди его ждал не более чем мираж, видение, сверкающее и обманчивое; дорога впереди вела в темноту и неопределенность. Он по-прежнему считался наследником фамильного состояния, но что от него останется в самом скором времени, когда на трон королевства взойдет их личный враг, а Комины займут при его дворе еще более высокое положение, чем прежде? Будет ли обеспечена безопасность Аннандейла и Каррика, или Баллиол решит отомстить людям, которые вторглись в его владения шесть лет тому? До них дошли слухи о том, что лорд недавно сделал Дунгала Макдуалла капитаном армии Галлоуэя. Роберт прекрасно знал, что родитель Макдуалла пал от руки графа Каррика при штурме Бьюитла, так что можно было не сомневаться в том, что воины Галлоуэя давно помышляют о мести. Правда, если дела пойдут из рук вон плохо, его семья все равно сохранит богатые поместья в Англии, но, учитывая решение короля Эдуарда, утешение было слабым. Быть может, им придется удалиться в свои владения в Ирландии? Но подобный шаг тоже весьма смахивал на признание поражения, и Роберт, выходя из лесу, постарался отогнать от себя мысли об этом.

Перед ним во всей красе предстал замок Лохмабен, главная башня которого была выстроена на земляной насыпи и возвышалась над внутренним двором и городом. Замок занимал стратегическое местоположение меж двух озер и считался западными воротами Шотландии. В истрепанных флагах застряли дымки, поднимающиеся над крышами домов. Было уже поздно, и от аппетитных запахов готовящейся еды, доносящихся из городка, в животе у Роберта заурчало. Свистом подозвав Уатачу, которая гоняла стаю ворон, он направился к южным воротам, устроенным в восточных оборонительных бастионах города. Пройти поселение будет быстрее, чем обходить его кругом. Стражники приветствовали его, но без обычных шуточек, даже не попытавшись завязать беседу. Миновав ворота, Роберт спиной почувствовал их взгляды, обеспокоенные и вопрошающие.

Юноша уже подходил к площади, на которой шумели торговцы, закончившие базарный день, когда вдруг заметил знакомую фигуру на ступенях церкви. Дед. Его серебристую львиную гриву прикрывала подбитая мехом шапочка, а сам он болезненно сутулился, словно держал на плечах непомерную тяжесть, пригибавшую его к земле. Лорд с кем-то разговаривал, и именно эта вторая фигура приковала к себе внимание Роберта. Ею оказалась старуха в промокшей коричневой накидке, опирающаяся на кривую суковатую клюку. Их разделяло изрядное расстояние, но он ясно разглядел ее лицо.

Эффрейг.

При виде колдуньи Роберт испытал настоящий шок. Ему вдруг показалось, что детские страхи материализовались в его взрослой жизни, пробудив давно забытые воспоминания. Роберт был слишком далеко, чтобы слышать, о чем они говорят, но их лица и позы выражали нешуточное напряжение. Похоже, они спорили. Порыв ветра откинул капюшон Эффрейг, обнажив ее некогда черные волосы, которые теперь отливали белизной. Роберт стал протискиваться через ряды торговцев, складывающих нераспроданные товары, мимо

лошадей и повозок. Он видел, как дед запрокинул голову, глядя в низкое небо. А потом старик кивнул. Эффрейг подняла руку и коснулась ею щеки старого лорда бережным и ласковым жестом, чем привела Роберта в изрядное смущение, после чего заковыляла прочь, тяжело опираясь на палку. Спустя мгновение она скрылась за церковью. Роберт же поспешил к деду. Старый лорд направлялся к воротам, ведущим в замок. Но, прежде чем юноша успел догнать его, кто-то заступил ему дорогу. Это оказался один из вассалов деда, рыцарь из соседнего поместья.

— Мастер Роберт, — приветствовал его мужчина. — Вот уже несколько дней я добиваюсь аудиенции у милорда. Я хочу принести ему свои соболезнования по поводу того, что не его выбрали нашим королем. Молюсь, чтобы сэр Роберт не упрекнул меня за опоздание, но после недавних ураганов мне пришлось бороться с последствиями наводнения и прочими напастями...

— Я передам ему ваши соболезнования, — оборвал его Роберт, спеша поскорее разминуться с рыцарем. На другой стороне площади он остановился, сообразив, что дед куда-то исчез, и чуть ли не бегом припустил к церкви. Обогнув ее сбоку, юноша углубился в лабиринт улочек и переулков, высматривая Эффрейг. Но, потратив несколько минут на бесплодные поиски, он, запыхавшись, повернул обратно и медленно побрел к замку.

Роберт как раз пересекал внутренний двор, когда с верхнего этажа покоев для гостей до слуха его донеслись сердитые голоса. Узнав львиный рык деда и раздраженное ворчание отца, он подошел к двери. Не успел юноша взяться за ручку, как она распахнулась, и наружу выскочили две служанки, держа в руках корзины с бельем. Обе тут же прыгнули в стороны и вежливо склонили головы, пропуская его. Роберт уловил кисловатый запах, и ему показалось, что на одной из простыней он заметил кровавые пятна, но он не стал задерживаться, перешагнув порог и стал подниматься по лестнице на второй этаж. В коридоре, в который выходили комнаты, занимаемые его родителями, он остановился. Из-за двери до него ясно доносились голоса отца и деда.

— Не могу поверить, что ты послушал эту старую каргу! Чертов ты дурак! — Голос графа дрожал от ярости. — Жалкий пережиток прошлого, до сих пор верящий в проклятия и магию, словно древняя старуха, которой больше нечем заняться! Неудивительно, что король Эдуард предпочел тебе этого шлюхина сына Баллиола!

— Когда-то ты тоже верил во все это, если мне не изменяет память.

— Я был пьян, когда решил обратиться к старой ведьме, — прошипел граф. — Пьян от крови, которую пролил на холмах Уэльса, пьян от гибели моих людей. Я был не в себе.

И вдруг голос деда едва не сорвался от сдерживаемого бешенства.

— Ты послал одного из своих людей за нею, потому что тебе было стыдно? Ты захотел наказать ее за то, что она выполнила твою просьбу?

— Я не имею к этому никакого отношения, — пробормотал в ответ граф.

— Но ты не дал ей справедливости, которой она заслуживала.

— Справедливости? — Последовал взрыв жестокого смеха. — Женщина, которая живет одна и обманывает мужчин за их же деньги, рано или поздно получает то, чего заслуживает.

Воцарилась долгая тишина. Когда старый лорд заговорил вновь, голос его был холоден, как лед.

— Единственное, что теперь имеет значение, — это то, что наше право сохранено.

— У нас больше нет никаких прав, будь ты проклят!

Дед Роберта продолжал, словно не слыша графа.

— Сегодня я откажусь от своего права в твою пользу, но завтра ты переуступишь это право ему.

Роберт попятился назад, озабоченно хмурясь.

— Я не собираюсь участвовать в этом безумии!

Послышались шаги, направляющиеся прямо к двери.

— Ты сделаешь так, как я велю! — прогремел голос лорда Аннандейла. — Или, клянусь Богом, я лишу тебя всего!

Шаги замерли на месте.

— Я знаю, что ты обманул меня и сообщил королю Эдуарду о нашем нападении на Галлоуэй. Я знаю, что с тех пор ты регулярно сносишься с королем, сообщая ему о наших планах.

Неожиданное открытие и ярость в голосе деда повергли Роберта в ужас.

— В Каррике есть люди, которые по-прежнему остаются верны мне, — продолжал лорд. — Меня тошнит при мысли о том, что приходится шпионить за собственным сыном, но ты никогда не давал мне повода доверять тебе. Я ничего и никому не рассказывал о твоём предательстве. Я постарался не обращать на него внимания и забыть о нем, как о других твоих недостойных поступках, но это лишний раз доказывает, что если у нашей семьи и осталась надежда, то она связана не с тобой!

— А с кем же, с тобой, что ли? Да тебя скорее накроют саваном, чем ты наденешь корону! Это я гарантировал настоящую власть нашей семье, когда женился на Марджори.

— Как же быстро ты забыл о том, что, женившись на Марджори без позволения короля Александра, ты навлек его гнев на вас обоих. Тогда ты едва не потерял все! И только благодаря моему влиянию король простил тебя и вернул Каррик твоей супруге.

— И ты всегда ненавидел меня за это. Я не отдам того, что принадлежит мне по праву!

— Если ты откажешься, то Аннандейл никогда не будет твоим. Тебе не достанутся ни мои земли в Англии, ни мое состояние. После моей смерти ты не получишь ничего.

— Ты не посмеешь так поступить со мной. Я спас тебя из камеры в Льюисе. Я заплатил за тебя выкуп. Если бы не я, тебе вообще нечего было бы оставлять в наследство после себя!

— Согласен, сын, и я обещал тебе, что до конца дней своих ты будешь жить, ни в чем не нуждаясь. Но если ты откажешься сейчас, то, клянусь Богом, я позабочусь о том, чтобы ты остался нищим!

Под чьими-то шагами скрипнули ступеньки. Роберт вздрогнул и обернулся. Это была мать. Она держала в руках свечу, и в свете дрожащего огонька лицо ее выглядело усталым и осунувшимся.

— Что ты здесь делаешь, Роберт?

Не успела она задать вопрос, как голоса за дверью стихли. Прозвучали тяжелые шаги, и щелкнул замок. Дверь приоткрылась, и на пороге появился дед Роберта.

Старый лорд распахнул дверь настежь.

— Входи, малыш.

Роберт метнул взгляд на мать и вошел в комнату. Дед не называл его «малышом» вот уже много лет. Он вновь ощутил себя маленьким и испуганным мальчиком. Отец стоял в центре комнаты, и побледневшее лицо графа было искажено от ярости. Все остальное пространство за его спиной занимала кровать. Простыней на ней не было. Роберт вспомнил о кровавых пятнах, которые заметил на белье в корзине, но тут сзади зазвучал голос деда.

— Твой отец хочет сказать тебе кое-что.

Граф в два шага оказался возле двери. Не сказав Роберту ни слова, он повернулся лицом к деду.

— Клянусь Богом, я жалею о том, что не оставил тебя гнить в Льюисе, — прошипел он прежде чем выйти из комнаты.

У старого лорда задрожал подбородок. Он хотел что-то сказать, но плечи у него поникли, и он, шаркая ногами, подошел к небранной кровати и опустился на нее. Роберт в молчании смотрел на деда. Тот выглядел так, словно за один миг постарел еще больше. Руки его, сложенные на коленях, выглядели ужасно хрупкими и тряслись, а кожа казалась тонкой, как бумага. Мелкие возрастные морщинки превратились в глубокие борозды, разбегавшиеся от уголков глаз и губ. Роберт как-то слышал одного барда, который пел о том, что мужчине лучше умереть молодым в бою, чем лишиться сил и молодости, которые отнимает у него величайший вор на свете — Время. Он опустил взгляд на свои руки, которые были здоровыми и сильными.

— Не знаю, сколько ты слышал, — сказал старый лорд, — но ты должен знать, что я откажусь от своих претензий на трон в пользу твоего отца. Это кровное право нашей семьи, и им никто не может пренебречь, какие бы эдикты ни издавал король Эдуард или кто-либо еще. Я хочу, чтобы его сохранил тот, кто достоин этой чести. — Он медленно поднялся и подошел к Роберту. — В свою очередь, твой отец откажется от этого права в твою пользу, а вместе с ним — и от графства Каррик. — Лорд Аннандейл взял Роберта за плечи. — Завтра ты будешь посвящен в рыцари и станешь одним из тринадцати графов Шотландии. — Ястребиный взор деда впился в лицо Роберта. — Обещай, что будешь хранить и уважать право нашей семьи на трон, кто бы из претендентов ни сидел на нем.

— Клянусь вам, сэра, — прошептал Роберт. Собственный голос показался ему странным, как будто его устами говорил кто-то другой. Голова у него шла кругом.

Во взгляде старого лорда читались забота и любовь.

— Прости меня, Роберт, за эту тяжкую ношу. Просто знай, что я не передал бы ее тебе, если бы не был уверен в том, что ты сможешь достойно нести ее.

— Это не ноша, дедушка. Это честь.

Дед ничего не сказал, только крепче стиснул его плечи.

Процессия медленно поднималась по склону холма Мут-Хилл. Шел снег с дождем, и женщины подбирали юбки, чтобы не запачкать их в грязи, а лорды и рыцари осторожно ступали по размокшей земле, боясь поскользнуться. Деревья раскачивались в странном танце, роняя с голых веток крупные капли дождя на головы людей, собравшихся на вершине холма позади аббатства. Из их рядов вышли два человека, держа толстый железный шест, с которого на кольцах свисал камень теплого кремового цвета. Лица мужчин покраснели, на шеях вздулись жилы, когда они с трудом внесли свою ношу по скользкой земле и опустили ее на каменную плиту в центре поляны, окруженной рядом деревьев. Монахи аббатства Скоун с тревогой смотрели, как камень опускается на широкую плиту, после чего накрыли его расшитой золотой тканью, с которой вставал на дыбы красный лев. Внимание остальных было приковано к худощавому мужчине в промокшем насквозь красном платье, подпоясанном ремнем, на котором висел обнаженный меч. Он вышел из толпы и направился к камню.

За ним последовали епископ Сент-Эндрюсский и аббат Скоуна. Едва они успели остановиться, как Джон Баллиол уселся на Камень Судьбы лицом к собравшимся. Изрядно

пордевшие волосы прилипли у него ко лбу от дождя, капли которого ручьями стекали по его изуродованным оспой щекам. Сенешаль шагнул вперед, сжимая в руках украшенный драгоценными камнями скипетр. В полном молчании он передал символ власти Баллиолу, губы которого скривились в довольной улыбке. Затем хрупкий епископ Сент-Эндрюсский накинул мантию на плечи Баллиолу, поверх которой аббат возложил снежно-белую шкуру горноста. Трое мужчин отошли назад и встали позади трона, и под шум дождя вместе с мокнущей толпой стали слушать, как торжественно зачитывается генеалогическое древо Джона Баллиола.

Стоя справа от плиты под балдахином, который раскрыли у него над головой паж, король Эдуард смотрел, как клирик нараспев произносит имена королей прошлого. Ветер игриво приподнял полу расшитой ткани, на которой восседал Баллиол, обнажив светлый край камня.

Джон де Варенн склонился к уху Эдуарда:

— Когда вы собираетесь начать действовать, милорд?

— Скоро, — ответил король, не сводя глаз с Баллиола.

... И зажглась звезда невиданной красоты и яркости, бросив вперед себя луч, на конце которого вспыхнула огненная сфера в виде дракона. И с тех пор стал он именоваться Утером Пендрагоном, что на языке бриттов означает «голова дракона»; таково было предсказание самого Мерлина, что появление дракона означает рождение нового короля...

Гальфрид Монмутский.

История королей Британии

Недели, прошедшие после посвящения Роберта в рыцари, стали нелегким испытанием для семейства Брюсов, которое покинули союзники и которому угрожали враги. Со времен Малахии на них не обрушивались столь тяжкие несчастья, и старый лорд проводил ночи напролет в часовне Лохмабена, на коленях умоляя святого снять злое проклятие. Иногда к нему присоединялся Роберт, которого тревожили перемены в поведении деда и не давали покоя мысли об Эффрейг и ее дереве судеб. Упала ли на землю клетка с петлей висельника или же по-прежнему раскачивается на ветвях, открытая всем ветрам, истерзанная непогодой, упрямая, как и святой, который проклял их род? Роберт разрывался между желанием вернуться в графство Каррик, ставшее отныне для него домом, и необходимостью остаться в Лохмабене со старым лордом, но в морозном декабре ледяная рука смерти приняла решение за него.

Вскоре после коронации Джона Баллиола, когда их сторонники начали разбегаться кто куда, не желая или попросту боясь защищать заклятых врагов нового короля Шотландии, заболела леди Марджори. Графиня уже довольно долго жаловалась на здоровье, так и не оправившись до конца после рождения Матильды, но постепенно ей становилось все хуже, приступы лихорадки случались все чаще, пока, наконец, она не умерла во сне. Когда известие о ее кончине достигло Лохмабена, Роберт примчался в Каррик, чтобы проститься с матерью, и столкнулся с каменным молчанием отца. Ее смерть потрясла их. Казалось, она была тем началом, вокруг которого объединилась семья, и с ее смертью им не оставалось ничего иного, кроме как отдалиться друг от друга.

Не прошло и нескольких недель, как отец Роберта взял свою старшую дочь, Изабеллу, и отплыл с нею в Норвегию, где они стали гостями короля Эрика. После его отъезда Роберт, оставшись один на один со смертью матери и сложностями управления графством, в марте следующего года с благодарностью получил послание от своего деда, приглашающего его в Лохмабен. Оставив Каррик на попечение одного из своих вассалов, деятельного и способного рыцаря по имени Эндрю Бойд, Роберт с Эдвардом вернулись в замок деда.

По прибытии братьев старый Брюс призвал Роберта в свои личные покои в главной

башне. Несмотря на то, что они виделись всего несколько месяцев тому, Роберт, когда паж пригласил его войти в спальню, был потрясен переменами, произошедшими в старом лорде. Крепкий мужчина, способный в свои годы дать фору намного более молодым воинам, он как-то сразу высох и ссутулился и сейчас сидел в кресле у камина, кутаясь в меховое одеяло. Его львиная грива казалась сплошь посеребренной инеем.

Лорд с трудом поднялся из кресла, когда Роберт пересек комнату, и паж осторожно прикрыл дверь за его спиной.

Роберт обнял старика, с болью ощущая под ладонями хрупкие острые косточки.

— Как я рад вновь увидеться с тобой, дедушка.

— А уж как я рад, мой мальчик, — выдохнул старый лорд, жестом показывая внуку на другое кресло у огня. — Ну, присаживайся, присаживайся.

Роберт огляделся, усаживаясь, и заметил знакомый гобелен, висевший на стене над большой кроватью, на котором была изображена группа рыцарей, преследующих белого оленя на вороных жеребцах. Это живо напомнило ему охоту, на которую частенько брал его дед в лесах Аннандейла, и юноша ощутил острый укол сожаления о минувших днях. Ему пришлось слишком рано примерить на себя роль графа, и юность его прошла под знаком взрослых обязанностей, а те далекие счастливые дни казались теперь лишь туманными воспоминаниями.

— Как у тебя дела в Каррике? — поинтересовался старый лорд, внимательно вглядываясь в его лицо.

— Понемногу становлюсь на ноги, — после некоторой паузы медленно проговорил Роберт. — Мне очень помогает сэр Эндрю Бойд. — Я оставил его во главе гарнизона Тернберри.

— А твои вассалы?

— Я уже принял присягу тех, кто живет поблизости от Тернберри. Но из-за плохой погоды и начала сезона стрижки овец я еще не успел собрать их всех.

— Ты в самом начале пути, — кивая головой, согласился старый лорд. — У тебя еще будет время узнать своих людей. — Его черные глаза блеснули в свете пламени. — Фортуна не баловала нашу семью в минувшем году, Роберт, но мы не должны допустить, чтобы эти неприятности перечеркнули две сотни лет нашего влияния в королевстве. Я повторю свои слова, сказанные в тот день, когда ты получил рыцарские шпоры, — я хочу, чтобы ты сберег и наше право на трон. — Он вздохнул, глядя на свои морщинистые руки. — Я уже стар. Усталость поселилась в моем теле и сердце. Твой отец сейчас за границей, пытается обзавестись союзниками в Норвегии, и я не имею ни малейшего представления о том, когда он вернется. Так что пришло время тебе надеть мантию, которую мы носили так долго. — Он помолчал, впери в Роберта пронзительный взгляд. — Но я не верю, что этого можно добиться в Шотландии. Память о нашем поражении и победе Баллиола еще слишком свежа для здешних дворян. Я не хочу, чтобы тень моей неудачи упала и на тебя.

Роберт собрался было возразить, но старый лорд поднял руку, призывая его к молчанию.

— Я долго думал об этом и решил, что в настоящий момент делу нашей семьи лучше послужить где-нибудь в другом месте. Вот почему я хочу, чтобы ты отправился в Англию. Будущий год ты проведешь в наших манорах в Йоркшире и Эссексе, взяв на себя обязанности их правителя в отсутствие твоего отца. Эти поместья составляют часть твоего наследства, посему очень важно, чтобы ты сполна осознал их ценность и узнал людей, которые однажды принесут тебе вассальную клятву верности. После этого ты засвидетельствуешь свое

почтение королю Эдуарду в Лондоне.

— Он возвел на трон нашего врага, — голос Роберта посуровел. — Почему я должен появляться при его дворе?

— Потому что, несмотря на решение короля, мы по-прежнему остаемся его вассалами. Мы не можем позволить, чтобы ненависть омрачила и ухудшила наше положение в его королевстве. Напротив, я думаю, что мы должны постараться укрепить его.

Роберт лишь сокрушенно покачал головой. Он мог ожидать подобного предложения от своего отца, но никак не от деда, который всегда старался сохранять определенную дистанцию между собой и королем Англии.

Старый Брюс, однако же, остался непреклонен.

— Наше положение в Шотландии серьезно пошатнулось. Поэтому мы обязаны усилить его в другом месте, если хотим восстановить свое прежнее влияние. Ты возьмешь с собой брата, — продолжал лорд, потянувшись за кубком с вином, который стоял на столе рядом с ним. — Кроме того, я подобрал для тебя небольшой эскорт. Боюсь, этого будет непростительно мало для человека твоего положения, но, учитывая, что твой отец пребывает за границей, а на троне сидит наш враг, мне понадобятся все люди, на которых я могу рассчитывать. — Он приподнял кубок, салютуя внуку, по-прежнему хранившему молчание. — Я рассчитываю на тебя, Роберт.

Боевой конь тряхнул массивной головой, и белки его глаз блеснули в прорезях черной попоны, укрывавшей его мощный корпус. Когда рыцарь перегнулся в седле, чтобы принять копьё у своего оруженосца, полы его накидки разошлись, обнажая сверкание рыбьей чешуи его кольчуги из мелких колец. Успокаивая горячего жеребца, он натянул поводья левой рукой, на которой висел треугольный щит. Он тоже был черным, а в центре была нарисована красная лира. Тот же самый герб красовался и на его деревянных эполетах, оставаясь единственным отличительным знаком в остальном безликой брони и стального шлема.

Крики толпы, расположившейся вокруг турнирной арены в Смитфилде, достигли своего пика, когда на противоположном конце второй рыцарь потянулся за своим копьём. На нем была голубая накидка с белой полосой по диагонали, пересекавшей шестерку золотых львов. Щит его украшал очень необычный рисунок. В самом центре кроваво-красного поля вставал на задние лапы огнедышащий золотой дракон.

Звонко протрубил рог. Всадники вонзили шпоры в бока своих коней и помчались с разных концов арены навстречу друг другу. Из-под копыт жеребцов во все стороны разлетались комья грязи и щепки вдребезги разбитых копий. На мгновение показалось, что рыцарь с драконом на щите не справится с конем, и они даже немного отклонились в сторону, но рывком поводьев он исправил положение как раз вовремя, чтобы успеть опустить копьё и прицелиться. Толпа вокруг арены привстала на цыпочки, чтобы лучше видеть момент столкновения. Железный наконечник ударил в самый центр деревянного щита, и копьё с треском разлетелось на куски. Удар получился сильным и жестоким. Рыцаря с красной лирой отбросило назад, на круп коня, его копьё описало беспомощный полукруг, когда он перелетел через высокую луку седла и с лязгом металла рухнул на землю, разбрызгивая грязную воду. Толпа взревела от восторга.

Рыцарь с драконом на щите перевел своего жеребца в легкий галоп на дальнем конце арены, распугивая зевак, которые стали разбегаться в разные стороны из-под копыт бронированного монстра, когда он приблизился к ограждению. Повернув в самый последний

момент, он вынул из ножен меч и заставил коня вернуться к тому месту, где, раскинув руки, неподвижно лежал его оппонент. Рыцарь остановился, готовясь спешиться и продолжать сражение. Но его противник по-прежнему не шевелился. Прозвучал рог, и трое оруженосцев с гербом красной лиры на плащах выскочили на арену. Один помчался к лошади своего господина, чтобы взять ее под уздцы, а другие поспешили к поверженному лорду. Рыцарь с драконом на щите ждал, его конь нетерпеливо бил копытом. Толпа вокруг притихла в ожидании. Что там, воин просто лишился чувств или же они стали свидетелями смерти в это ветреное майское утро в Лондоне? Собственно, в этом не было ничего необычного, пусть даже рыцари сражались загупленными копьями, на концы которых надевались тройные наконечники, чтобы равномерно распределить силу удара, а мечи брались из китового уса.

На арене наметилось какое-то движение. Рука рыцаря шевельнулась, пальцы его дрогнули. Оруженосцы расступились, и он с трудом поднялся на ноги. Пробитый щит по-прежнему свисал у него на ремне с левой руки, а копье целехоньким валялось на земле поодаль. Выпрямившись во весь рост, он стащил с головы огромный шлем, показывая, что более не намерен продолжать сражение. Рыцарь с драконом воздел свой меч и дал шпоры коню, промчавшись по арене в вихре голубого шелка под приветственные крики зрителей.

Роберт, сидящий вместе с братом на королевской галерее, одобрительно захлопал в ладоши. Раненого рыцаря увели, а на арену выехала следующая пара противников. Шла всего лишь третья схватка, а за сегодняшний день он уже увидел больше сноровки и отваги, чем за всю свою прошлую жизнь. Он присутствовал на нескольких турнирах в Шотландии, но они не шли ни в какое сравнение с тем, чему он только что стал свидетелем. Здесь повсюду властвовали роскошь и великолепие; лошади были крупнее, рыцарские доспехи — изящнее, начиная от вымпелов на кончиках копий и заканчивая гребнями и перьями на шлемах. Зрителей и участников тоже было намного больше. Со своего места Роберту было видно, как претенденты заполнили все свободное пространство между шатрами и как рыцари короля проверяли их оружие на предмет соответствия правилам. Закон об этом был принят уже довольно давно, после того как несколько рыцарских турниров переросли в массовые столкновения с десятками убитых и раненых. Парные схватки стали намного популярнее боев между отрядами, когда из-за поднятой конскими копытами пыли ни зрители, ни участники почти ничего не видели. А сами турниры превратились в светские забавы с судьями, призами и участниками, которые должны были представить доказательства своей родословной длиной в милю и внести в залог кругленькую сумму. Тем не менее, королевские рыцари всякий раз собирали внушительный улов запрещенных ножей и кинжалов.

Когда Роберт вновь перенес все внимание на поле, взгляд его остановился на хозяине турнира. Король Эдуард в нескольких рядах впереди восседал на обложенном подушечками троне. На его накидке спереди и сзади были вышиты три золотых льва, а пепельно-седые волосы были аккуратно подкручены на концах. Королевская ложа была битком набита баронами и лордами со всей Англии, а дамы щеголяли украшенными драгоценными камнями платьями и умопомрачительными прическами и головными уборами, а их шелка развевались, как флаги на ветру. Пажи в бирюзовых туниках, яркие, как колибри, выстроились по обе стороны ложи, готовые на лету подхватить и выполнить любую просьбу или распоряжение.

Взгляд Роберта на мгновение задержался на короле. Незадолго до Рождества, повинувшись приказу деда, он написал королю из Эссекса, объяснив, что отныне ему поручено

представлять интересы семьи в Англии и он хотел бы засвидетельствовать свое почтение Его величеству при дворе. После наступления Нового года он получил послание с королевской печатью, в котором содержалось приглашение принять участие в весенней сессии парламента, на которой будут обсуждаться планы короля относительно нового крестового похода. Роберт до сих пор не удостоился аудиенции у Его величества, хотя и прибыл в Лондон более недели тому, на что ему не преминул мрачно указать брат. Впрочем, Роберт испытал некоторое облегчение от подобной медлительности короля, поскольку до сих пор питал к Эдуарду не самые добрые чувства, чего, как он знал, не сумеет скрыть во время личной встречи. Во всяком случае, не здесь, в Лондоне, где посреди кричащей роскоши обитали матерые волки.

Встряхнувшись, Роберт переключился на двух новых противников, шагом выехавших на арену, за которыми следовали оруженосцы, несшие их копыя. Он ощутил укол зависти, жалея о том, что это не он гарцует на арене на самом лучшем скакуне, какого только можно купить за деньги, купаясь в лучах славы и всеобщего обожания. Управление английскими поместьями далось ему нелегко — весь прошлый год Роберт только и делал, что разбирал жалобы арендаторов и разрешал мелкие ссоры. Но очарование турнира и драма лондонской жизни вновь пробудили в нем надежду на то, что когда-нибудь и он стряхнет с себя груз ответственности. Сверкающая придворная роскошь и блестящее общество стали для него зримым воплощением рыцарства, о котором он грезил с самого детства; он мечтал, что и его ждет слава и почет. И достойная награда.

Вместе с остальными он принялся аплодировать рыцарям, когда те совершали круг почета по арене, потрясая сжатыми кулаками, чтобы вызвать еще более яростную поддержку. На гербе одного из рыцарей был вышит серебряный лев, а на желтой шелковой накидке второго простер крылья зеленый орел. Ладони Роберта замерли на полпути, не коснувшись друг друга в очередном хлопке, когда он заметил, что рыцарь с зеленым орлом держит на руке ярко-алый щит с золотым драконом в центре. Он наклонился к брату.

— Видишь его щит? — спросил он, повышая голос, чтобы быть услышанным во всеобщем гаме. — Он такой же, как и у прошлого победителя.

— Может быть, они из одной семьи? — предположил Эдвард, когда рыцарь пришпорил коня, проносясь мимо королевской ложи и отвешивая королю поклон.

— А почему тогда на их накидках разные гербы?

Эдвард покачал головой, не зная, что ответить. Когда рыцари рысью направились в противоположные стороны арены, он указал на огороженный участок, где прочие участники ожидали своих оруженосцев.

— Смотри. Там еще несколько таких же.

Роберт насчитал тринадцать рыцарей, у каждого из которых был собственный герб, но все они были вооружены ярко-алыми щитами с золотым драконом. Он никогда не видел ничего подобного. Как правило, на щите изображается герб рыцаря. Он огляделся по сторонам, выбирая, к кому бы из лордов обратиться с вопросом, но все они вскочили со своих мест, чтобы лучше видеть происходящее на арене. Не желая пропустить самое интересное, Роберт тоже поднялся на ноги, и в это время рыцари, опустив копыя, помчались навстречу друг другу в топоте копыт и лязге доспехов.

Под грохот барабанов королевский кортеж неспешно двигался по извилистой дороге. Во главе его ехал король Эдуард со своими главными советниками, среди которых были граф

Суррей, сэр Джон де Варенн, и Энтони Бек, епископ Даремский. Сзади покачивались в седлах рыцари, принимавшие участие в турнире, большинство из которых сменили шлемы и кольчуги на льняные сорочки и расшитые мантии. С покрасневшими лицами, они восседали на своих скакунах с видом триумфаторов. Кое-кто до сих пор щеголял знаками отличия, полученными от дам перед схваткой, — лоскутами вуалей и платочками, легкими и невесомыми, подобно крыльям бабочки. Их хорошее расположение духа составляло разительный контраст с недавней тревогой, охватившей двор при известиях о накаляющейся атмосфере и напряженных переговорах во Франции, которые вел младший брат Эдуарда Эдмунд после произошедшего летом сражения между английскими торговыми судами и французским флотом.

Вслед за рыцарями ехали их оруженосцы, нагруженные обломками турнирных схваток: сломанными копьями, мечами и разбитыми щитами. Здесь же на конных носилках лежал окровавленный мужчина без сознания. Вьючные лошади везли остальное имущество. Когда они двигались по грязным улочкам Смитфилда, местная детвора бежала рядом с всадниками, выпрашивая подачки. Но сейчас они выехали на окраину, где уже всюду цвели фруктовые сады, роняя под ноги лошадям белые лепестки, похожие на гигантские снежинки.

Роберт, который скакал верхом рядом с братом и оруженосцами, опустил взгляд на грязную кашу лепестков, размолотых множеством ног и копыт. Он со своими людьми оказался в самом хвосте процессии, вместе с прочими чужеземными рыцарями и теми, кто некогда был в фаворе у короля, а теперь попал в немилость. Собственно, они выросли в этой системе чиновничества и фаворитизма, где места во главе стола и лучшие помещения в замках служили наживкой для непокорных вассалов или же наградой для верных сторонников. Но здесь, в Лондоне, где собрался цвет дворянства, начиная от самых могущественных лордов и заканчивая ненасытными безземельными рыцарями, эти знаки отличия были вплетены в столь сложный этикет, что Роберт отчаялся разобраться в его правилах. В Шотландии он постепенно обретал уверенность в своей принадлежности к правящей элите, а в Англии вновь оказался выбит из колеи. Но тут у него в ушах зазвучал суровый голос деда, напоминающий ему о славных предках, среди которых были могущественные короли и знатные лорды. При мысли об этом юноша выпрямился в седле и почувствовал себя увереннее.

Вдруг раздались громкие приветственные крики, когда из колонны рыцарей выехал воин в голубом с широкой белой полосой на спине. Это был победитель турнира, который выбил с коня своего первого противника, а потом сломал четырнадцать копий кряду. В высоко поднятой руке он держал главный приз — изукрашенный драгоценными камнями кинжал, чем вызвал новый взрыв восторженных воплей. Роберт удивился, когда по окончании турнира рыцарь снял свой шлем и остановился перед ложей в ожидании заслуженной награды, поскольку им оказался юноша с детским лицом, вряд ли старше его самого. Рубин, вделанный в рукоять кинжала, блеснул на солнце кровавой каплей, после чего воин вновь затерялся среди других рыцарей. Когда процессия выехала из-под прикрытия фруктовых садов, слева показался лондонский Тауэр. Массивные стены главной цитадели короля Эдуарда возносились к небесам, обрываясь в глубокий ров. Выстроенный Вильгельмом Завоевателем, Тауэр с тех пор неоднократно перестраивался другими королями, но ни один из них, как рассказывали Роберту, не сделал столь много, как Эдуард за двадцать лет своего правления.

Голова процессии уже достигла вымощенной камнем дороги, бежавшей по дамбе вдоль

рва, и вскоре Роберт с Эдвардом проехали сквозь первую линию оборонительных сооружений, охранявших все подступы к королевской твердыне. Проехав по насыпи, они оказались под полукруглым барбиканом, [39] окруженным водой, в котором несли караул солдаты гарнизона. Затем показалась первая из двух сторожек [40] у ворот. К ней вел подъемный мост с нависающей опускной решеткой, зубья которой способны были пригвоздить к земле тяжеловооруженного всадника. Внизу, в темной зеленой воде, скользили тени рыб. За королевскими доками, окружавшими ров, вдоль южных стен медленно несла свои воды Темза, на которую выходили окна личных покоев короля, расположенных в угловой башне.

Миновав вторую сторожку, они оказались во внешнем дворике между двойным рядом крепостных стен. Процессия медленно втягивалась в арочный туннель, и грохот барабанов эхом отражался от высоких башен. Стараясь не отстать от остальных, Роберт с Эдвардом проехали через ворота, ведущие на другую сторону рва, туда, где под апартаментами короля было пришвартовано его личное судно. Здесь они оказались в тени еще одной колоссальной надвратной башни, последней и самой мощной, охраняющей доступ во внутренний дворик. Когда они выехали из темноты на яркий солнечный свет, перед ними вздымалась Белая Башня. Сверкающая жемчужина в сокровищнице Эдуарда.

Широкий проход меж высоких стен привел их к исполинской башне, рядом с которой они ощутили себя настоящими карликами. Роберту вспомнилась насыпь и главная башня замка в Лохмабене, который сейчас представлялся ему просто игрушечным. Процессия миновала еще одну надвратную башню, увешанную стягами, и они оказались, наконец, во внутреннем дворе, где ко входу в башню вела широкая каменная лестница. Рыцари и лорды спешили, и группы повели лошадей в каменные конюшни, тогда как слуги распахнули перед дворянами двери башни.

Роберт бросил поводья своего скакуна оруженосцу по имени Нес. В небольшой свите из шести оруженосцев, двух слуг, камердинера и повара, которую они с Эдвардом привезли с собой из Шотландии, именно со спокойным молодым Несом, сыном рыцаря из Аннандейла, одного из вассалов деда, у него завязалось нечто вроде дружбы. Когда оруженосцы увели лошадей, братья стали подниматься по широким каменным ступеням. Грохот барабанов смолк, и их приветствовала нежная мелодия флейт и лир. Они подошли к громадным двустворчатым дверям и услышали, как гости впереди обмениваются удивленными восклицаниями. Братья вместе перешагнули порог огромной залы. Своды колоссальной пещеры поддерживали два ряда мраморных колонн, а стены ее украшали гобелены. Но отнюдь не архитектурные излишества произвели на братьев неизгладимое впечатление, а бесчисленное множество растений и деревьев, которые наполняли залу таким количеством зелени, что им показалось, будто перед ними раскинулся настоящий лес. Колонны обвивал плющ, а в воздухе висел пахучий аромат лепестков, плотным слоем устилавший вымощенный каменными плитами пол. Эдвард негромко присвистнул, когда впереди, меж деревьев, замелькали силуэты девушек в прозрачных платьях. Их преследовали выделяющиеся курбеты [41] мужчины в гротескных масках.

Музыка стала громче. Из заколдованного леса на второй этаж вела деревянная лестница. Роберт, вытянув шею, настолько увлекся тем, что ждало его впереди, что не обратил внимания на подножие лестницы, пока Эдвард не дернул его за рукав. Здесь, в окружении трех пажей, тяжело ворочался огромный косматый зверь, покрытый черной шерстью. На шее у него виднелось железное кольцо, к которому были приделаны массивные цепи, но пажи

явно прикладывали все силы, чтобы удержать зверя, который грозно рычал на проходящую мимо толпу. Под светло-коричневой кожей, испещренной бледными полосами от ударов плетью, перекатывались груды мышц. Роберту доводилось видеть изображения этой твари на щитах и накидках. Живьем лев оказался намного страшнее и опаснее, чем он себе представлял. От его громоподобного рыка по коже бежали мурашки, а запах дикого зверя заставлял трепетать сердце. Поднимаясь по лестнице, Роберт то и дело оглядывался на льва, пока они не вошли, наконец, в огромную залу.

Пока король Эдуард и его сановники поднимались на помост, церемониймейстеры рассаживали гостей по местам. Места рядом с помостом предназначались для рыцарей, принимавших участие в турнире. Роберт с братом оказались в середине залы, что свидетельствовало о вежливом, но отчужденном отношении к ним короля.

Раскладные столы были сплошь заставлены глазурованными кувшинами, кубками и серебряными плоскими чашами с водой, в которой плавали лепестки роз, дабы гости могли ополоснуть руки. Когда лорды и леди расселись по местам, слуги стали вносить подносы с жареными лебедями, кожица которых лопалась от жара. На столы подали маринованную семгу из Ирландии, украшенную дольками сладких лимонов из Испании, миски желтого топленого масла, кислый сыр из Бри и сушеный инжир. После того как все успокоились, епископ Бек призвал собравшихся прочесть благодарственную молитву. Королевский дегустатор попробовал блюда в верхней части стола, проверяя, нет ли в них яда, и слуги начали разливать вино.

— Это вы — сэр Роберт Брюс?

Роберт поднял глаза на худощавого, хорошо одетого мужчину, сидящего напротив. Тот повысил голос, обращаясь к нему, чтобы быть услышанным сквозь стук ножей и звон кубков. Юноша утвердительно наклонил голову в ответ.

Мужчина, подавшись вперед, чтобы отрезать ломоть от лежащей между ними головки сыра, не представился. Вместо этого он обратился к дородной женщине, сидевшей рядом с ним в чересчур облегающем платье, сквозь завязки которого наружу выпирала плоть.

— Из Шотландии.

— В самом деле, сэр? — Женщина уставилась на Роберта. — Дикие места, как мне говорили. — Она деланно содрогнулась. — Бедные, пустынные земли, где свирепствуют холода и бесконечные дожди.

Прежде чем Роберт успел ответить, Эдвард серьезно кивнул в знак согласия:

— Так и есть, мадам. Холода стоят такие, что мы купаемся всего три дня в июне, когда успевают растаять лед, сковывающий наши озера остальное время года.

Худощавый мужчина скептически нахмурился, разрезая сыр на мелкие дольки.

Женщина же потрясенно качала головой:

— Должно быть, здесь, в Англии, вы отдыхаете и телом, и душой.

Эдвард широко улыбнулся:

— Что ж, во всяком случае, от меня больше не смердит, как от свиньи.

Женщина нервно заерзала на месте и с преувеличенным вниманием приняласьковыряться в куске говядины, истекающем соком у нее на тарелке. Мужчина отвернулся,

поджав губы.

Роберт наклонился к брату, когда парочка напротив завязала разговор с кем-то еще.

— Ты вряд ли обзаведешься друзьями, если будешь продолжать в том же духе.

Улыбка Эдварда увяла.

— Ты сам слышал, как они отзываются о нашем королевстве. Единственная разница заключается в том, что они считают нас *цивилизованными* дикарями, в отличие от жителей Уэльса или Ирландии.

— Разве можно винить их за то, что они считают недостойным своего внимания все, что уступает здешней роскоши? — Роберт поднял со стола кубок и жестом обвел переполненную огромную залу. — Только не говори мне, что она оставила тебя равнодушным.

— Да, здесь все производит грандиозное впечатление, но это не значит, что мне нравится, когда со мной обращаются, как с неотесанной деревенщиной. — Эдвард прищурился, с вызовом глядя на брата. — Король даже не принял тебя, братец. А ведь мы провели здесь уже неделю. Тебя следовало бы поприветствовать как уважаемого и почетного гостя.

— Сомневаюсь, что у короля была возможность поговорить со многими из здесь присутствующих, — возразил Роберт, задетый за живое словами брата, в которых была правда. Конечно, он мог радоваться тому, что ему не пришлось немедленно увидеться с королем, но затянувшаяся пауза походила на неуважение, переходящее в оскорбление. Он не сможет оправдать ожидания деда и упрочить положение Брюсов в Англии, если король отказывается принять его. — Думаю, что положение дел во Франции занимает все его время.

— Во Франции?

Чей-то хриплый голос заставил Роберта поднять голову, и он увидел пожилого мужчину в парчовой мантии, схваченной у морщинистого горла застежкой с бриллиантом.

— Выходит, даже наши дальние шотландские соседи знают о наших проблемах?

Роберт и впрямь слышал о сражении, которое состоялось прошлым летом и стало причиной затянувшегося конфликта. Французский флот атаковал несколько торговых судов с экипажами из английских и гасконских моряков у побережья Бретани, явно не имея на то никаких веских причин, но из последующей битвы победителями вышли именно англичане, захватив три корабля, а остальные обратив в бегство. Прежде чем он успел объяснить, что провел в Англии уже целый год, пожилой господин продолжал разглагольствовать.

— Помяните мои слова, — заявил он, столь яростно размахивая ножом, что кусок мяса сорвался с его кончика и упал на стол, — турниры и празднества лишь развлекают баронов, не более того. Их боевой дух тут же пойдет ко дну, как только начнутся заседания парламента.

Упоминание о парламенте подогрело интерес Роберта. Несмотря на свое предубеждение, ему хотелось узнать планы короля насчет предстоящего крестового похода и открывающихся при этом возможностей, поскольку юноша был уверен, что упрочить положение своей семьи он сможет только тогда, когда понесет Святой крест под знаменем Эдуарда. Исполненные горечи слова отца, сказанные им в ту ночь, когда Баллиол был избран королем, до сих пор звучали у него в ушах.

«В жилах наших сыновей течет не кровь, а вода, похожая на разбавленное вино. Разве можно воспитать крестоносцев из такого хилого потомства?»

Они долго не давали Роберту покоя, тем более что это было последнее проявление отцовских чувств перед тем, как он отбыл в Норвегию. Какая-то часть его юношеской души восстала против них — это говорила пьяная ярость отца, и слова его были лишены всякого смысла, исполненные лишь одной желчи, как и все остальное. Но другая, трезвая часть, подсказывала Роберту, что отец прав. Он не мог считать себя равным крестоносцам, что жили до него; он, выросший в мире, и сражавшийся лишь со столбом для ударов копьем на берегу. Так что сейчас ему, не исключено, представится шанс доказать отцу, как сильно тот ошибался в нем. Роберт часто воображал, как возвращается домой в Аннандейл с богатыми землями, мешками золота сарацин и репутацией столь же громкой, как у старого лорда, и с пальмовым листом на груди, привезенным из самого Иерусалима.

Но, похоже, проблемы крестовых походов занимали пожилого господина меньше всего.

— Королю предстоит нелегкая сессия, — сообщил он Роберту, кивая с энтузиазмом. — Да-да, очень нелегкая.

Худощавый, хорошо одетый мужчина, сидевший напротив Роберта, многозначительно откашлялся.

— Вы же понимаете, что я прав, — проворчал пожилой господин, глядя на него. — Король Эдуард не должен был посылать своего брата вести переговоры с Филиппом от своего имени. Если бы он отправился туда сам, то сейчас бы ему не светила перспектива лишиться Гаскони.

— Судя по тому, что я слышал, — начал Роберт, переводя взгляд с одного мужчины на другого, — сдача земель короля в Гаскони является временной, пока с королем Филиппом не будет подписан мирный договор. Это был всего лишь жест доброй воли, и не более того.

— Вот это верно, — с нажимом заявил худощавый мужчина. — Король Эдуард просто обязан был вернуть захваченные корабли и уступить герцогство. А вот когда он сам отправится во Францию, чтобы заключить мирный договор с Филиппом, Гасконь вновь станет нашей. Именно на эти условия дал согласие в Париже граф Эдмунд.

— Ба! — плюнул пожилой господин. — А вам никогда не приходило в голову задуматься над тем, как это пара торговых суденышек умудрилась нанести поражение французскому флоту?

Худощавый мужчина нахмурился:

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что это была ловушка и что наш король попался в нее! С самого начала своего правления Филипп ясно дал понять, что не потерпит иностранного присутствия в любой части Франции. Он приказал капитанам этих судов позволить захватить себя в плен и, тем самым, дать ему повод требовать капитуляции Гаскони.

— Какая нелепость, — фыркнул худощавый мужчина, но в голосе его проскользнули нотки сомнения.

— И еще я знаю, почему король Эдуард с такой готовностью согласился на условия, выдвинутые Филиппом, — продолжал пожилой господин, тыча ножом в сторону помоста, на котором вместе со своими сановниками восседал король. Он многозначительно приподнял свои кустистые брови. — Обещание молодого тела.

Роберт подался вперед, вопросительно глядя на собеседника. Разумеется, до него доходили слухи о том, что подписание брачного договора было одним из условий сдачи Гаскони французам, но пока что они ничем не подтверждались.

— Сестра короля Филиппа, принцесса Маргарита, — удовлетворенно пробормотал

пожилой господин, кивая Роберту. — Ей всего тринадцать, и ни днем старше. Помяните мои слова. — Вонзив нож в сочный кусок говядины, он подцепил его со стола и впился в него зубами. — Наш король обменял свои обширные французские владения на тугую французскую дырку. — С этими словами он облизнул нож и проглотил последний кусок мяса. Не обращая внимания на осуждающие взгляды тех, кто слышал его монолог, он с трудом вылез из-за стола и, ковыляя, скрылся в толпе.

Худощавый мужчина негромко заговорил о чем-то со своим соседом.

Роберт посмотрел на брата.

— Как я и говорил, — пробормотал он, — король был занят.

Эдвард откинулся на спинку стула, ковыряя в зубах.

— И все равно я думаю, что он должен был принять тебя надлежащим образом, как бы занят он ни был. Ты — граф, братец. И еще совсем недавно наш дед боролся за трон.

В напряженном молчании Роберт уткнулся в свою тарелку.

Поначалу его гнев от потери трона приглушила скорбь о матери, но за прошедший год жаркое пламя недовольства вновь разгорелось у него в груди. Единственное утешение он черпал в осознании того, что правление нового короля Шотландии никак нельзя было назвать спокойным и благополучным.

После коронации английские стряпчие вынудили Джона Баллиола смиренно признать себя подданным английского монарха. Обещание, которое Эдуард дал шотландцам, уверяя их в том, что его право сюзерена будет временным, было отозвано — Эдуард вынудил Баллиола подписать документ, в котором эта гарантия была признана недействительной. А затем король Англии принялся демонстрировать свое главенство, бесцеремонно вмешиваясь в шотландские дела. Судебные тяжбы, подлежащие рассмотрению в Шотландии, были перенесены в Вестминстер. Когда скотты, возглавляемые Джоном Комином, попробовали выразить протест, Баллиол вынужден был оправдываться перед английскими судьями. Во время траура по своей почившей в бозе супруге и королеве Баллиол получил унижительную выволочку от самого короля и был приговорен к передаче англичанам трех королевских городов и замков за проявленное неуважение.

Брат Роберта полагал, что Баллиолу довелось испить из отравленной чаши и что им повезло, раз они избежали такого испытания. Но сам Роберт не мог отделаться от мысли, что дед сумел бы лучше противостоять притязаниям короля Англии. Постепенно в нем крепло подозрение, что именно по этой причине старого лорда и не выбрали правителем Шотландии. За последние месяцы Роберт не раз и не два вспоминал слова епископа Вишарта и вспыльчивого графа Джона Атолла о том, что короля Эдуарда интересуют лишь расширение собственных границ за счет соседей. Его дед возложил на него ответственность за сохранение права Брюсов занять трон Шотландии, независимо от того, кто сидел на нем сейчас. Но, похоже, схватка за контроль над этим тронном уже давно началась, а его даже не было среди ее участников.

Роберт осушил кубок и отодвинул от себя тарелку, когда слуги начали убирать со стола. Менестрели заиграли бодрую мелодию, и в центре залы, друг напротив друга, выстроились две шеренги мужчин и женщин. Гости принялись хлопать в ладоши, когда пары стали выделять танцевальные па. Эдвард вновь разговорился с дородной женщиной, повествуя ей о страшных монстрах, которые бродят по горам Шотландии и похищают детей из деревенских домов.

— Сэр, это вы — граф Каррик?

Заслышав обращенный к нему вопрос, Роберт стиснул зубы. Совершенно не расположенный к очередной дружеской болтовне, он обернулся. Перед ним стоял мужчина в голубой мантии с широкой белой полосой. Вблизи рыцарь выглядел еще моложе, чем тогда, на турнирной арене. У него были непокорные каштановые волосы, которые спадали ему на глаза, отливающие совершенно невероятной зеленью на широком, открытом лице. Раздражение Роберта моментально испарилось.

— Да. А вы — сэр Хэмфри де Боэн, граф Херефорд и Эссекс?

Хэмфри улыбнулся, и на щеках у него появились совершенно детские ямочки.

— Не совсем. Это мой отец граф. Но поскольку я его наследник, то, полагаю, вы недалеки от истины.

— Позвольте представить вам... — Роберт собрался было позвать Эдварда, но брат вскочил с места и повел хихикающую дородную матрону в центр залы, где танцоры звали всех желающих присоединиться к ним. Роберт вновь повернулся к молодому человеку. — Примите мои поздравления с вашей сегодняшней победой. Она получилась вполне заслуженной. — Он хотел продолжить и сказать Хэмфри, что никогда не видел ничего подобного, но сдержался. Ему не хотелось, чтобы рыцарь счел его неопытным простаком.

— Это я должен поздравлять вас, сэр Роберт. То, как вы решили спор между арендаторами наших отцов в Эссексе, заслуживает восхищения.

Роберт тряхнул головой. Compliment привел его в смущение.

— Это было самое меньшее, что я мог сделать. Наши люди явно повели себя неправильно. Они вообще не имели права охотиться в парке вашего отца. Надеюсь, та компенсация, которую я заставил их выплатить графу, оказалась достаточной?

— Более чем. Отец просил передать вам свою благодарность. Он спрашивал, как поживает ваша семья.

— Мой брат Александр изучает богословие в Кембридже, а сестра Кристина должна выйти замуж за наследника графа Мара. — Роберт подумал о Мэри и Матильде, оставшихся в Лохмабене, и о Найалле и Томасе, проходивших в Антриме подготовку к посвящению в рыцари, но потом решил, что не стоит утруждать рыцаря такими подробностями. Он наверняка всего лишь проявил вежливость, чтобы поддержать разговор. — Надеюсь, что и у моего отца все в порядке, — закончил он довольно холодно. — Он сейчас в Норвегии, при дворе короля Эрика.

— А, да, вашего нового зятя.

Роберт опешил от неожиданности. Несколько месяцев тому он получил весьма неожиданное известие о том, что его сестра выходит замуж на короля Норвегии. Письмо было коротким и сухим, отец даже не соизволил поинтересоваться, как идут дела у его сына. Роберт отослал сестре в подарок серебряную брошь в форме розы, надеясь, что это подходящий презент для женщины, которая вскоре должна стать королевой. Больше из-за моря он не получал никаких известий и никак не рассчитывал, что новости о помолвке сестры станут всеобщим достоянием.

Хэмфри рассмеялся, глядя на него.

— Вам не следует удивляться, сэр Роберт. Благородное имя вашей семьи хорошо известно в Англии, и совсем скоро вы обнаружите, что вашими делами интересуются при дворе буквально все.

— Да? Я до сих пор не до конца разобрался в правилах этой игры.

— Ничего, вы свое наверстаете. Просто держите глаза и уши открытыми и берегите

спину. — Дружелюбная улыбка Хэмфри странным образом противоречила предостережению, прозвучавшему в его словах. — Что ж, желаю вам хорошо повеселиться.

Роберт поднялся из-за стола.

— Быть может, позже мы сможем поговорить подробнее? Мне бы хотелось знать, как я могу попасть в число участников турнира.

— В самом деле? — На лице Хэмфри отразился неподдельный интерес, но потом он с сожалением покачал головой. — Как-нибудь в другой раз. Боюсь, сегодня вечером у меня важная встреча.

— Разумеется, — согласился Роберт, пытаясь ничем не выдать своего разочарования. Непринужденная манера поведения Хэмфри стала для него приятным сюрпризом после настороженно-прохладного отношения других лордов, с которыми он разговаривал до этого. Вновь опускаясь на свое место после того, как рыцарь зашагал прочь, он принялся рассеянно крутить в руках кубок, глядя на брата, который мастерски кружил матрону в танце. Пожалуй, если бы на него не были возложены надежды всей семьи, он тоже смог бы беззаботно веселиться. Будучи старшим сыном, Роберт знал, что такой день когда-нибудь непременно наступит, но это оказалось намного раньше, чем он ожидал, — в девятнадцать лет. И он более не мог сослаться на свою молодость, потому что в его возрасте дед уже был провозглашен наследником трона и женился на дочери английского графа, получив в приданое за нею столько земель к югу от границы, что они вполне могли соперничать с его владениями в Шотландии.

Но тут на глаза Роберту вновь попался Хэмфри де Боэн, который возвращался к нему.

На лице молодого человека проступила нерешительность, но потом он вдруг улыбнулся.

— Не хотите ли присоединиться ко мне?

Помедлив немного, Роберт поднялся из-за стола. Он чувствовал, что молчаливое согласие выглядит намного пристойнее бурной благодарности, учитывая, что предложение было сделано без особой настойчивости. Пробираясь вслед за Хэмфри по переполненной зале, он попытался поймать взгляд брата, но Эдвард слишком увлекся танцами, чтобы обращать внимание на что-либо еще. Тем временем, они прошли залу и вышли через дверь в узкий коридор.

Хэмфри провел его мимо часовых на галерею, которая тянулась по периметру всего внутреннего двора. День сменился вечером, и с востока наплывали тяжелые тучи. Холодный ветер трепал полы их накидок, когда молодые люди вышли на парапет и стали спускаться по каменным ступеням к огромной круглой башне.

— Здесь раньше располагались апартаменты короля Генриха, — пояснил Хэмфри, когда они миновали очередной пост стражи у входа в башню. — Король Эдуард иногда позволяет нам пользоваться ими.

Раздумывая о том, кого имел в виду рыцарь под словом «нам», Роберт кивнул, но предпочел промолчать. Он чувствовал, как в груди у него нарастает предчувствие чего-то необычайного. Поднимаясь по винтовой лестнице вслед за Хэмфри, он услышал доносящиеся сверху голоса и смех. На верхней площадке Хэмфри распахнул арочную дверь, и Роберт проследовал за ним в просторное помещение с высоким сводчатым потолком, стены которого были выкрашены в темно-зеленый цвет с разбросанными тут и там желтыми звездами. По обе стороны огромного камина стояли застеленные меховыми одеялами кушетки. В комнате находились десять человек, и Роберт узнал кое-кого, потому что видел их на турнире. Но, прежде чем он успел соотнести имена с их молодыми лицами, его

внимание привлек большой стяг, свисавший с флагштока на одной из стен. Материал потерялся, а кое-где был даже заштопан, но ярко-алый цвет, хотя и вылинявший, угадывался безошибочно, а выцветшие золотые нити складывались в рисунок огнедышащего дракона. Роберту хотелось спросить у Хэмфри, в чем заключается значение этого символа, который он уже видел у них на щитах, но тут мужчины в комнате замолчали и уставились на них.

— Что такое, Хэмфри? — подал голос длиннорукий, хорошо сложенный молодой человек с гладкими черными волосами, зачесанными назад с широкого лба, выделявшегося на его жестком, словно вырубленном из камня, угловатом лице. Он ткнул в Роберта ручищей, в которой был зажат кубок с вином. — Кто это?

— Ты что, оставил свои манеры на турнирной арене? — вопросом на вопрос ответил Хэмфри, и в его деланно шутливом тоне отчетливо прозвучали предостерегающие нотки. — Это — гость.

Черноволосый рыцарь по-прежнему не сводил глаз с Роберта.

— Это *частная* встреча.

Более не обращая на него внимания, Хэмфри обратился к остальным.

— Позвольте представить вам сэра Роберта Брюса, графа Каррика.

— Ну, конечно, — воскликнул один из рыцарей, кивая Роберту с кушетки, на которой он полулежал. Коренастый, со светлыми волосами, он улыбался ленивой полуулыбкой, которая не затрагивала его прозрачных льдисто-голубых глаз. — Вашей семье принадлежат земли в Йоркшире рядом с моими, сэр Роберт. Мой отец хорошо знаком с вашим. Я — Генри Перси, лорд Алнвик.

В тоне молодого человека звучало врожденное высокомерие, что более не удивляло Роберта. Имя было ему знакомо, и он узнал в рыцаре внука графа Джона де Варенна.

Еще один юноша, совсем мальчик, поднял в приветственном жесте руку:

— Добро пожаловать, сэр Роберт. Меня зовут Томас.

Роберт наклонил голову. Несколько человек кивнули в ответ, остальные возобновили беседу. В конце концов, и черноволосый рыцарь отвел враждебный взор.

— Не обращайтесь на Эймера внимания, — пробормотал Хэмфри, подводя Роберта к слуге, который стоял с кувшином вина в руках. По знаку Хэмфри тот наполнил вином два кубка. — Он просто злится оттого, что сегодня я победил его.

— Эймер?

Хэмфри отпил глоток вина.

— Эймер де Валанс. — Он незаметно кивнул на черноволосого рыцаря. — Сын и наследник сэра Уильяма де Валанса, графа Пемброка. Вы наверняка слышали о нем.

Роберт и впрямь слышал кое-что. Его дед сражался бок о бок с Уильямом де Валансом в битве при Льюисе, а отец участвовал с ним в кампании в Уэльсе. Сводный брат Генриха, родившийся и выросший в Пуатье, Валанс прибыл в Англию молодым человеком и стал одной из главных причин войны между королем и Симоном де Монфором. Если Эймер приходится сыном Уильяму, то это делает его кузеном Эдуарда.

— Я знаком с Валансами заочно, по их репутации, — осторожно заметил он.

Хэмфри коротко рассмеялся. Кажется, он понял, какой смысл вложил в свои слова Роберт, но ограничился тем, что кивнул на юношу, который назвался Томасом:

— А это — Томас Ланкастер, сын графа Эдмунда, брата короля.

— Кажется, сегодня на арене я его не видел.

— Вы и не могли его увидеть. Ему всего шестнадцать. — Хэмфри одобрительно

прищелкнул языком. — Но он примет участие в первом же турнире после того, как его посвятят в рыцари. Никогда не видел, чтобы кто-нибудь в столь юном возрасте так хорошо управлялся с копьём. — Допив вино и протягивая кубок слуге, чтобы тот наполнил его вновь, Хэмфри представил ему одного за другим остальных мужчин в комнате.

Роберт внимательно слушал его, потягивая крепкое вино. Перечень имен произвел на него впечатление. Эти люди, несмотря на свою молодость, или были владельцами крупнейших поместий Англии, или должны были унаследовать их. Будучи графом, которому уже не надо ждать титула, он стоял выше их всех, но нельзя было отрицать, что все эти молодые люди, столь беззаботно расслабляющиеся в бывших апартаментах самого короля, обладают реальной силой и властью. Роберт почувствовал, что замок Тернберри, со стен которого было видно море, остался где-то далеко-далеко, за много миль отсюда.

Прежде чем Хэмфри успел покончить с этим неофициальным представлением присутствующих, дверь распахнулась настежь и в комнату влетел какой-то мальчуган. С грохотом захлопнув ее за собой, он, не теряя времени, нырнул за одну из кушеток.

Через несколько мгновений дверь вновь отворилась, и на пороге появился мужчина в летах.

— Милорды, — тяжело дыша, пробормотал он, обводя взглядом собравшихся. — Вы, случайно, не видели молодого мастера?

— Он заглянул к нам и тут же ушел, — откликнулся Томас Ланкастер, жестом показывая на дверь в другом конце комнаты.

— Благодарю вас, мастер Томас, — отдуваясь, сказал мужчина и поспешил прочь. — Доброго вечера всем, милорды.

Когда пожилой мужчина ушел и шаги его затихли вдали, мальчишка вылез из-за кушетки и втиснулся между ухмыляющимися Томасом и Генри Перси. Он был тощ и долговяз, с пушистыми светлыми волосами и очень знакомым лицом. Роберт понял, что не может отвести от него взгляд, когда Хэмфри наклонился к его уху.

— Он очень похож на своего отца, не так ли?

Роберт моментально сообразил, кого напоминает ему мальчуган. Он смотрел на точную копию короля. Мальчуган, должно быть, был ни кем иным, как его сыном, Эдвардом Карнарфоном, наследником английского престола. Роберт вспомнил совет, состоявшийся много лет назад, после Биргема, на котором так много взрослых мужчин спорили о будущем этого мальчика и его женитьбе на королеве Шотландии. Находиться сейчас в его присутствии было странно и необычно.

Томас Ланкастер щелкнул пальцами, подзывая слугу, который налил в кубок вина.

— Если ты расскажешь отцу, я стану все отрицать, — заявил Эдвард, когда слуга протянул ему кубок. — Вино — не для молодых и глупых, — провозгласил он, явно копируя кого-то из взрослых. — Вино предназначено только для настоящих мужчин.

Мальчик нахмурился, принимая кубок. Он отпил большой глоток, и вино потекло у него по подбородку.

— Моему отцу все равно, что я делаю, лишь бы только не у него на глазах. — Он пожал плечами. — Когда была жива мама, все было по-другому. — Заметив Роберта, он нахмурился еще сильнее. — А это кто такой?

Хэмфри уже собрался ответить вместо Роберта, но не успел — за дверью послышались торопливые шаги. Он вопросительно приподнял бровь.

— Сколько же гувернеров гоняются за вами сегодня, милорд?

Дверь отворилась, и на пороге возник мужчина в желтой мантии, украшенной зеленым орлом. Роберт сразу же узнал герб, который видел сегодня на турнире.

Мужчина окинул комнату быстрым взглядом. Завидев Хэмфри, он поспешил к нему.

Улыбка, расцветшая на лице Хэмфри, увяла, когда он заметил мрачное выражение лица рыцаря.

— В чем дело, Ральф?

— Граф Эдмунд вернулся из Франции.

При упоминании своего отца Томас Ланкастер встал.

— Король Филипп взял свое слово обратно и конфисковал Гасконь. Он отозвал приглашение королю Эдуарду скрепить своей печатью мирное соглашение и ввел армию в герцогство. — Рыцарь обвел взглядом притихших мужчин. — Это — объявление войны.

Куда-то подевались танцоры и музыканты, серебряные тарелки и подносы, ломившиеся от деликатесов, и кувшины с вином. От всеобщего веселья не осталось и следа. Теперь о недавнем пиршестве напоминали лишь стойкий аромат подгоревшего мяса да несколько раздавленных лепестков роз, которых не заметили слуги с метлами. В большой зале толпились мужчины, но их голоса звенели не песнями и смехом, а гневом. Вместо того, чтобы обсудить надежды короля на освобождение Святой Земли, парламенту на весенней сессии пришлось заниматься делами Франции. Совсем недавно король Филипп лично высказался в поддержку крестового похода и даже построил целый флот, готовый отплыть на восток. Можно было не сомневаться в том, что теперь эти корабли будут обращены против Англии.

Король Эдуард сидел на помосте, возвышаясь над сборищем благородных дворян и обеими руками сжимая подлокотники трона. Сегодня утром он выглядел на все свои пятьдесят пять лет, и в тусклом свете, сочившемся сквозь высокие окна залы, его волосы отливали серебром, подчеркивая тяжелое веко, прикрывающее глаз, — увечье, унаследованное им от отца. К королю на помосте присоединились Джон де Варенн и Энтони Бек вместе с несколькими клерками в черных мантиях. Остальные расселись на скамьях лицом к трону, повернув головы к сенешалю Гаскони, который держал речь.

— После того как из Англии пришел приказ временно сдать города, мы стали ждать прибытия людей короля Филиппа, которые должны были занять наши посты. — Сенешаль поднял голову и снизу вверх взглянул на Эдуарда. — Но пришли не только чиновники, милорд. С ними была целая армия. — Голос его окреп и зазвенел от волнения. — Они сообщили нам, что Филипп объявил о конфискации земель и что теперь герцогством правит он сам. Рыцари, прибывшие в Бордо и Аженэ, Байонну и Блё сказали нашим людям то же самое. Они заявили, что Гасконь более не является английской территорией и что если мы когда-нибудь вернемся туда, то прольется английская кровь.

— Как такое могло случиться? — спросил граф Арундель, вставая со своего места, когда сенешаль закончил. — Милорд, — сказал он, обращаясь к королю, — никто из здесь присутствующих не мог знать о том, что король Филипп не намерен возвращать вам Гасконь после ее сдачи или что мирное соглашение и брачный договор — лишь уловки, целью которых было вынудить вас отдать герцогство без борьбы. Но я не могу понять, почему вы с

такой готовностью поверили в его ложь? — Он обвел взглядом собравшихся. — И почему ни с кем из нас не посоветовались относительно тех условий, которые граф Эдмунд привез из Парижа? Думаю, что выражу мнение многих, когда скажу, что мы настояли бы на заключении мирного договора до передачи герцогства французам.

Роберт стоял в задних рядах и, вытянув шею, глядел на графа Ланкастера, сидящего на одной из скамей. Он изначально был удивлен тем, что брат короля сидел внизу, вместе с баронами и рыцарями, а не на помосте, но, похоже, это было наказание за то, как он провел переговоры в Париже, закончившиеся катастрофой. Если таким образом Эдуард намеревался отдать младшего брата на растерзание, то этот прием не сработал, поскольку лишь немногие из дворян обвиняли во всем впавшего в немилость графа Ланкастера, направив свой гнев на трон.

— Король провел необходимые консультации, — грубо ответил Джон де Варенн, — со своими советниками.

Варенн, с коротко подстриженными пепельно-серыми волосами и вызывающим взглядом, вел себя намного более агрессивно, чем ему было свойственно, как помнил Роберт. Он даже подумал, а не вызвана ли подобная перемена в характере графа недавней смертью дочери, супруги Джона Баллиола.

На ноги поднялся граф Глостер, здоровенный и тучный мужчина с редющей рыжей шевелюрой. На скамье рядом с ним Роберт заметил пожилого господина, который давеча критиковал короля во время празднества.

— Он мог совещаться с ними, — заявил Глостер, и его хриплый, резкий голос эхом прокатился по зале, — но из того, что я слышал, могу сказать, что наш лорд пренебрег советами своих ближайших сподвижников и предпочел поступить по-своему. Канцлер рекомендовал ему отвергнуть условия Парижа, как наверняка поступили бы и все мы, если бы знали о таковых. — Он вперил враждебный взгляд в короля. — Мой вопрос, милорд, состоит в том, почему вы так поступили. Хотя ответ мне уже известен.

Эхо обвинительной речи графа Глостера еще не успело стихнуть, а Роберт уже не сводил глаз с короля. Он и представить не мог, что человек на троне, стоящий выше всех по своему положению, за исключением самого Господа Бога, обладающий такими привилегиями и властью, может выглядеть столь уязвимым. Но Эдуард выглядел именно таким — уязвимым и одиноким — прямая, высокая мачта, вздымающаяся в море враждебных, обвиняющих лиц. Вспомнив, что иногда нечто подобное он подмечал в поведении деда и отца, Роберт сообразил, что видит отчуждение, которое всегда сопутствует власти. Не исключено, что Комин руководствовался здоровой мыслью: находиться достаточно близко от трона, чтобы контролировать его, но не настолько близко, чтобы стать объектом недовольства подданных.

— Граф Гилберт, — предостерегающе рыкнул Джон де Варенн, — я советую вам соблюдать правила приличия.

— А почему? — пожелал узнать Глостер. — Когда мой меч потребуется, чтобы вернуть герцогство обратно? И мои люди, которых я пошлю на смерть? Если бы Франция в равной мере предала всех нас, то мы все в едином порыве объединились бы вокруг нашего короля, ища отмщения и справедливости. Но нам не предоставили возможности отвергнуть условия, выдвинутые Филиппом. Как никто из нас не получил бы руку французской девственницы, которую подвесили у нас перед носом в качестве приманки. И это не мы угодили в расставленную ловушку. Так почему нас подали Филиппу на золотом блюде как пикантное

угощение?

Зала взорвалась криками. Там и сям раздались голоса, одни негодующие, другие увещевающие, а Роберт смотрел на графа Глостера, чья давняя неприязнь к королю была ему хорошо известна. Глостер недавно женился на одной из дочерей монарха, что было, по меньшей мере, удивительно, учитывая его репутацию, но, вводя могущественного графа в королевскую семью и держа его при себе, Эдуард явно надеялся избежать как раз таких вот столкновений. Вспоминая, как дед отзывался о войне между королем Генрихом и Симоном де Монфором, Роберт понял, что на примере отца Эдуард хорошо усвоил, сколь опасен может быть недовольный барон.

Со своих мест поднимались и другие графы, подливая масла в огонь обвинений Глостера. Но были и такие, кто встал на защиту короля. Роберт обратил внимание на сидевшего рядом с Хэмфри де Боэном мужчину, который вступил в яростную полемику с графом Глостером. Дружелюбная манера молодого рыцаря исчезла без следа, когда он торжественно смотрел на своего соседа, чье широкое лицо настолько походило на его собственное, что Роберт без труда угадал в нем отца Хэмфри, графа Херефорда и Эссекса, констебля Англии. И Херефорд был не единственным, кто защищал Эдуарда. В зале загремел голос Энтони Бека, требующий покарать Глостера за проявление неуважения к своему королю, который потерял голову не только от страсти к молодой невесте, но и был подло обманут своим хитроумным кузеном, когда тот, подобно волку в овечьей шкуре, предложил мир, а сам нанес удар в спину. Так что их праведный гнев должен быть направлен на Францию, а не на собственного короля, бушевал епископ, воздев кверху кулак, словно читал проповедь перед конгрегацией.

Эдуард встал с трона.

— Довольно!

Его резкий голос заставил присутствующих умолкнуть; те, кто стоял на ногах, медленно, один за другим, опускались на свои места. Король выдержал долгую паузу, молча стоя в своей черной мантии, как живое олицетворение ярости и гнева. Но затем гнев его испарился, и он понурил голову.

— Граф Гилберт прав.

Дворяне недоуменно переглядывались. Многие смотрели на Глостера, который не сводил глаз с Эдуарда, и лицо его было исполнено тягостного недоверия.

Эдуард поднял глаза.

— Я поступил, как глупец, когда поверил Филиппу.

На мгновение Роберту показалось, что он подметил следы яростной внутренней борьбы на лице короля, но потом они исчезли, и на нем осталось лишь раскаяние.

— Я признаю, что брачный договор показался мне милостью небес. Большинство моих детей мертвы. У меня остался только один наследник мужского пола, а этого явно недостаточно.

Роберт вдруг понял, что согласно кивает, вспоминая короля Александра.

— Мною руководила не похоть, не вожделение, а долг перед королевством и моими подданными. Вот почему я сделал то, что сделал. Я действовал поспешно и необдуманно.

Бароны притихли. Глостер выглядел растерянным и смущенным, будучи не в силах встретить взгляд короля.

Эдуард встал с трона и сошел вниз по ступенькам помоста. На мгновение приостановившись, он вдруг опустился на колени перед скамьями. Роберт во все глаза

смотрел на коленопреклоненного монарха. Волосы короля отливали сталью в свете факелов, черная мантия складками легла вокруг него на пол, и в это мгновение Эдуард выглядел более величественно, чем когда-либо ранее.

— Я молю вас о прощении. — Голос короля достиг самых дальних углов залы. — Не как ваш король, а как мужчина, грешный и несовершенный, как любой потомок Адама. — Он поднял голову. — И точно так же, как я молю вас простить мои ошибки, совершенные для блага королевства, я молю вас о помощи, дабы вернуть то, что обманом отняли у всех нас. Встаньте рядом со мной, мужи Англии, и более я не обману вашего доверия.

Со своего места поднялся граф Херефорд.

— Я последую за вами, милорд. В жизни и смерти.

Рядом с отцом вскочил на ноги Хэмфри де Боэн, высоко подняв голову, и лицо его преисполнилось гордой решимости.

Их примеру последовали все остальные, один за другим, медленно поднимаясь со своих мест и клянясь в верности Эдуарду.

— Рыцари королевства, седлайте своих боевых коней, — прогремел с помоста рокочущий бас Энтони Бека. — Доставайте мечи и копья! Мы вернем земли нашему королю!

Роберт огляделся по сторонам. Графы Норфолк, Арундель и прочие, только что обвинявшие короля, начали вставать со своих мест. Одни были искренне тронуты поразительной речью Эдуарда, другие попросту не желали оставаться в меньшинстве, продолжая сидеть. Он помедлил еще мгновение, а потом поднялся вместе со всеми. Да, разумеется, это не крестовый поход, но и война во Франции открывала перед ним массу возможностей: захваченные поместья, пленники для получения выкупа и благодарность самого короля. Когда и граф Глостер выпрямился во весь рост, мрачный, но побежденный, Роберт, стоя среди баронов Англии, ощутил прилив радостного возбуждения. Ради этого момента он тренировался, ради этого он провел долгие месяцы в Ирландии и годы в Каррике и Аннандейле. Это был его шанс заслужить славу и почет, вступив в ряды одной из самых могущественных армий христианского мира.

На горы опустились голубоватые сумерки. В холодной вышине сверкали звезды, бросая острые лучи на отвесные скалы и усыпанные булыжниками склоны Сноудона. В тени высоких пиков с вершины горного кряжа срывался быстрый ручей, берега которого поросли колючими кустами и низкорослыми деревьями. Вдоль ручья бежали двое мужчин, перепрыгивая с валуна на валун и по щиколотку проваливаясь в мелкую гальку, усеивавшую его берега. Вода была ледяной, и это при том, что сейчас, в конце августа, поля Гвинедда далеко внизу купались в лучах ласкового солнца. Крик ночной птицы заставил одного из мужчин поднять голову. Он приостановился на миг, переводя дыхание, не чувствуя ног, замерзших в ледяной воде. Но тут его товарищ оглянулся, и он припустил за ним, время от времени опираясь на дротик, ^[42] чтобы не упасть на скользких гольшах.

У старинной каменной вежи, выступавшей из воды, мужчины вскарабкались на берег и углубились в чащу леса, где уже властвовала ночь. Вокруг них поднимались запахи земли и хвои, а назойливая мошкара тыкалась в разгоряченные лица. Спустя некоторое время один из мужчин внезапно остановился, подняв руку и показывая второму, чтобы тот замер на

месте. Из темноты возникли еще несколько фигур, не потревожив ночную тишину ни единым звуком.

— Кто идет?

— Рис и Гивел из Карнарфона, — ответил один из мужчин. — Нам нужно увидеть Мадога.

Спустя мгновение неясные фигуры расступились, и двое мужчин прошли сквозь их строй.

Деревья впереди поредели, и крутой подъем вывел путников на поросшее травой горное плато, над которым нависала громада Сноудона. В молочном свете звезд крепость, возвышавшаяся на скалистом обрыве, казалась облитой серебром. Рис и Гивел знали, что днем на ее стенах будут хорошо заметны выбоины и шрамы, пятна от пожаров и проломы, свидетели ее бурного прошлого. Вот уже восемь лет после того, как крепость пала, в ней обитали лишь неприхотливые пауки и соколы-сапсаны, высматривавшие добычу и камнем падавшие на нее с небес. Восстановление крепости обернулось утомительным и трудным делом, и строительные подмости до сих пор опасно балансировали на скалах, окружающих ее западный фасад. Обросшие мохом камни пришлось выбирать из груд обломков и по одному втаскивать наверх.

Быстро шагая по тропинке, петлявшей меж скал, двое мужчин приблизились к воротам замка. На парапетах пылали огни факелов, и на стенах играли тени расхаживающих по ним стражников. После недолгих расспросов они поспешили через внутренний двор, в котором блеяли овцы и козы. Мужчины в тяжелых шерстяных накидках с капюшонами передавали из рук в руки чаши с пивом. Вдоль стен теснились хижины, выстроенные из торфа и сосновых бревен, и запахи леса тяжело смешивались с вонью отхожих мест, образуя убойную смесь. Бегом поднявшись по ступеням главной башни и обменявшись несколькими словами с часовыми, мужчины вошли в тускло освещенную залу, стены и пол которой густо поросли лишайником. В углублении в самом центре залы шипел и плевался искрами костер, дым от которого причудливыми кольцами поднимался к потолку, зиявшему дырами. Клубы его просачивались на верхний этаж, а оттуда — на крышу, часть которой была открыта звездному небу. На бревнах вокруг костра расположились несколько человек. Они подняли головы, когда в залу вбежали Рис и Гивел.

Один из них, самый младший, у которого из-под челки непокорных черных волос блеснули внимательные и зоркие глаза, вскочил на ноги.

— Вы не должны были покидать свой пост еще два месяца.

Гивел шагнул вперед.

— Где лорд Мадог, Дафидд?

— Здесь.

По скрипучим деревянным сходням с верхнего этажа спускался широкоплечий мужчина с черными, взлохмаченными ото сна волосами и колючей щетиной на подбородке. Сойдя с последних ступеней, он подошел к собравшимся, плотнее запахнувшись в подбитую мехом накидку.

— Присаживайся, брат, — предложил он, прежде чем обратить взор на вновь прибывших. — Почему вы здесь?

— Англичане уходят, Мадог, — сказал Гивел. Грудь его вздымалась после долгого бега и тяжелого подъема, зато глаза сияли. Он сделал паузу, чтобы проглотить комок в пересошем горле.

Мадог кивнул одному из мужчин у костра.

— Дайте им что-нибудь выпить.

— Это началось неделю назад, — продолжал Гивел, с благодарностью принимая чашу с пивом из рук одного из мужчин. Он сделал большой глоток, прежде чем передать ее Рису. — Из Франции пришли известия о том, что король захватил герцогство Гасконь, и Эдуард объявил ему войну. Гарнизон Карнарфона был призван под его знамена.

— Наши люди передают, что то же самое происходит в Конви и Руддане, — вмешался в разговор Рис. — По всему Гвинедду — по всему Уэльсу — английские солдаты уходят. В замках остается всего несколько человек. Это наш шанс, Мадог.

— Но в городах по-прежнему полно английских поселенцев, — возразил Дафидд, вставая рядом со старшим братом.

— Без солдат, чтобы защитить их, они всего лишь стадо овец в загоне. — Мадог поднял глаза к потолку, напряженно размышляя.

— Есть и еще кое-что, — продолжал Гивел. — Король Эдуард издал эдикты, которые английские чиновники оглашают по всему Гвинедду. Мужчины Уэльса тоже должны сражаться. Мы все призваны на службу к нему для ведения войны во Франции.

В сумеречном свете лицо Мадога стало жестким, черты его заострились.

— Соберите всех людей, — приказал он, прежде чем повернуться к Дафидду. — И принеси мне сундучок моего кузена.

Мужчины, сидевшие вокруг огня, его вожди, поднялись все разом.

Мадог кивнул в ответ на невысказанный вопрос, читавшийся на их лицах.

— Время пришло.

Во дворе пылали факелы, и искры с веселым шипением разлетались во все стороны, прежде чем навеки исчезнуть в темноте. Мадог стоял на ступенях цитадели, завернувшись в подбитую мехом накидку, и за его спиной вздымались выщербленные стены главной башни. Рядом выстроились его вожди, включая младшего брата, Дафидда, у ног которого стоял деревянный сундучок, украшенный серебряными накладками с письменами, начертанными на древнем языке бриттов. Лица стоявших внизу мужчин отливали оранжевым в свете факелов. Собравшиеся хранили молчание и ждали. Мадог обвел взглядом запрокинутые к нему лица, видя в глазах надежду и страх, голод и возбуждение.

Некоторые из мужчин провели вместе с ним в глуши долгие годы, с того самого времени, как погиб Льюэллин ап Граффад. Долгое время они скрывались в горах, зализывая раны, нанесенные английскими завоевателями десять лет тому, когда их надежды на свободный Уэльс пали под копытами бронированной конницы англичан. За эти годы к нему в горах присоединились и другие мужчины, не пожелавшие жить под пятой английских чиновников и их непонятных законов, а чужеземные поселенцы выстроили новые города и наполнили их своим народом, вынуждая уэльсцев приспособливаться к английским обычаям и подчиняться их правилам.

Наконец, Мадог заговорил:

— Там, внизу, за стенами своих городов и замков, в залах чужеземных чиновников, где всегда тепло и много еды, они называют нас преступниками и разбойниками. Но это не так, потому что мы не желаем соблюдать английские законы, а живем по законам королевства Гвинедд. Кое-кто из вас считает нас пленниками, заключенными в теснинах наших гор. Я говорю вам, что мы — не преступники и не пленники. Здесь, в горах, мы — короли!

Его слова были встречены нестройными приветственными криками. Один или двое мужчин весело расхохотались.

Мадог тем временем продолжал:

— Мы долго ждали случая вернуть обратно отобранные у нас земли. И вот, наконец, этот день настал. Города Эдуарда остались беззащитными, а все его солдаты были призваны на войну. От нас тоже требуют сражаться за короля, чиновники которого обложили наш народ непомерными налогами, ввергнув нас в нищету. Но мы не станем поднимать копья в защиту этого тирана.

Крики мужчин стали громче.

— Мы направим свои копья против него!

Ответом ему послужил громopodobный рев, и мужчины застучали древками о землю.

Но голос Мадога заглушил их крики:

— У нас есть союзники в горах на юге и западе. Это мужчины, готовые биться и умереть за правое дело. У нас есть оружие. У нас есть воля!

Рев стал еще громче, в нем уже не осталось веселья, а звучала лишь неподдельная ярость.

— Веками наш народ мечтал о войне, который приведет нас к победе над иноземными захватчиками и откроет новую страницу в истории нашей страны. Пророки говорят, что его пришествие будет сопровождаться знамениями и чудесами. — Мадог жестом указал на своего брата. — Я говорю вам — вот оно, наше знамение! Наше чудесное явление!

Дафидд присел на корточки рядом с украшенным серебряными накладками деревянным сундучком и откинул его крышку. Осторожно и благоговейно он достал оттуда тонкий золотой обруч, украшенный вмятинами и царапинами. Когда он передал его брату, крики воинов стихли, как по мановению волшебной палочки.

Мадог стоял перед ними, и ночной ветер трепал его черные волосы, швыряя их ему в лицо.

— Некогда эту корону носил человек, чья кровь течет в моих жилах. Перед тем, как пасть в битве, могущественный Льюэллин передал ее мне. Я спрятал корону от короля Эдуарда, когда тот пришел за нею, чтобы привлечь ее силу на свою сторону. — С бешено бьющимся сердцем Мадог поднял корону в вытянутой руке. Он ждал этого момента целых десять лет. — Пришло время покинуть наши укрытия и спуститься с гор, чтобы направить копья на врагов. И я поведу вас, но не как Мадог ап Льюэллин, а как ваш принц, потому что в руках я сейчас держу корону короля Артура. Древнее пророчество гласит, что тот, кто наденет ее на голову, станет принцем Уэльским.

КАРНАРФОН. УЭЛЬС

1284 год

За окнами запели птицы, возвещая рассвет, словно они были вестниками самого Господа, первыми услышавшими его призыв к пробуждению, идущий с горних высей. Чайки и гуси, цапли и острокрылые бакланы, маленькие драконы, как называли их некоторые английские солдаты, никогда до этого не видевшие моря.

Эдуард лежал молча, слушая их приглушенный галдеж и глядя на стену в просвет между драпировками, где в течение последнего часа медленно проступало пятно света. Льяные простыни на кровати скомкались и промокли от пота. Нынешней ночью он спал не более двух часов, но усталости не ощущал. К птичьему хору присоединился новый крик, прокатившись эхом по коридору и застряв под дверью спальни. Эдуард искоса взглянул на жену, теплую и мягкую, которая спокойно спала рядом с ним, разметав по подушкам черные с проседью волосы. Она не пошевелилась. Спустя мгновение он сел на постели, и меховое одеяло соскользнуло, обнажив его плечи и грудь. Пол под ногами смягчал ковер, один из многих, на перевозке которых вместе с кроватью и прочей мебелью настояла Элеонора. Эта кровать и ковры путешествовали с ними по всем графствам Англии, пересекли границу и сейчас углубились в самое сердце горной Сноудонии.

Когда Эдуард ступил на пол, от свежего предрассветного воздуха по коже его побежали мурашки. Надев теплые короткие штаны, он подвязал их шнурком, чтобы они не спадали. Потянувшись за сорочкой, Эдуард поймал собственное отражение в зеркале. Из полумрака на него смотрела высокая фигура, с мускулистыми длинными ногами, широкой грудью и крепкими руками. Кампания закалила его, превратив тело в средоточие силы и энергии, каким оно было в молодости. Однако же, война оказалась бессильна убрать седину на висках или морщинки в уголках глаз, которые лишь стали глубже. Два месяца тому он отпраздновал свою пятьдесят пятую годовщину, и прожитые годы отражались в его глазах и на шершавой коже, загорелой до черноты и обветренной. Отвернувшись от зеркала, Эдуард набросил сорочку, сверху надел камзол с поясом и, наконец, сунул ноги в высокие сапоги, пыльные и сморщенные, несмотря на яростную чистку, которую задал им паж. Выйдя из спальни, он зашагал по коридору.

Крики стали громче, и к ним добавилось негромкое пение. Эдуард остановился перед закрытой дверью, вслушиваясь в пронзительные вопли, долетавшие из-за деревянной преграды. Он слышал, как кормилица расхаживает по комнате, и как младенец судорожно втягивает воздух, чтобы вновь заорать во всю силу легких. Эдуард закрыл глаза и прижал ладонь к створке, всеми фибрами впитывая этот звук. Минула всего неделя с той поры, как из Лондона прибыли гонцы с сообщением, что его старший сын умер в Вестминстере, сгорев в одночасье, как и слишком многие из его детей за прошедшие годы.

Его первенец умер еще в утробе; шансов выжить у него не было. Следующий ребенок, очаровательная Кэтрин, скончался спустя шесть месяцев после битвы при Льюисе в возрасте трех лет. Джоанна вообще дожила лишь до восьми месяцев, Джон прожил пять лет, а Генри — шесть. Десять его детей умерли один за другим, и вот теперь Альфонсо,мышленый мальчуган и настоящий красавец, который, как он не сомневался, должен был стать его наследником и надеть на свои кудри корону, присоединился к их молчаливой рати. И кричащий ребенок за дверью, шестнадцатый по счету и названный в его честь, родился во время войны, оставаясь его последним сыном и наследником английского престола. Громкие крики младенца служили Эдуарду утешением. Он еще немного помедлил у дверей, после чего спустился по лестнице из королевских апартаментов и вышел в рассветные сумерки.

Небо над далекими горными вершинами уже приобрело золотисто-розовый оттенок, и только над водами Менайского пролива [\[43\]](#) и узким горбом Англии оно еще оставалось угольно-синим и в нем до сих пор висел молочно-белый шар луны. Над лиманом, рукав которого протянулся вдоль южных стен замка и впадал в пролив, кружили чайки. Эдуард

ощутил соленый привкус на губах, перебивавший даже запах свежей сосновой смолы, еще не выветрившийся из спальни, которую он только что покинул. Эти апартаменты были выстроены для него и беременной королевы, когда они весной прибыли в Карнарфон. Здесь Элеонора родила их сына, как он того и хотел; для покоренной нации это стало свидетельством того, что эта земля отныне принадлежит ему и его наследникам. Массивный каменный замок, понемногу обретавший очертания вокруг его личных покоев, пребывал еще в самой начальной стадии строительства, но внутренним взором Эдуард уже ясно видел, каким могучим сооружением он станет.

Был выкопан и облицован ров, сотни землекопов заложили фундаменты под главную башню и стены, в карьерах Англси добывали камень и на лодках переправляли через пролив. Постепенно, дюйм за дюймом, росли стены замка и город за его пределами. Гигантская строительная площадка оцетинилась лесами и подмостками, а в воздухе висела густая пыль каменной крошки. В некоторых местах уже виднелись остовы будущих башен со стенами толщиной в двадцать футов. Дверные проемы вели в никуда, в незаконченных стенах зияли боковые входы, пролеты незаконченных лестниц обрывались в пустоту. И только одна-единственная башня, самая большая, злобной тенью нависая над заливом, уже поднялась до уровня второго этажа. Эдуард видел чертежи, составленные его главным архитектором, Джеймсом Сент-Джорджем, и мысленно мог дорисовать на фоне голубого неба массив башни, возносящейся на высоту трех этажей, увенчанный угловатыми башенками, на концах которых встанут каменные орлы в натуральную величину.

Выстроенный на месте древней римской крепости, которая злобно скалилась через пролив на форт друидов на острове Англси, Карнарфон должен был стать величайшим замком в железной стене, которой обнес побережье король, увековечив в камне свое присутствие. Сила Римской империи лежала в руинах и поросла лишайником за стенами новой крепости, но Эдуард не собирался пренебрегать мощью древней истории, и его цитадель, спланированная по образу и подобию римских стен Константинополя, будет олицетворять собой имперское могущество в самом сердце покоренного Уэльса.

Король шагал к недостроенной башне, и вокруг него в предрассветных сумерках кипела жизнь: грумы прогуливали и кормили лошадей, слуги тащили корзины с провизией, а оруженосцы разжигали походные костры. Несколько женщин, с бельевыми корзинами на плечах, гуськом тянулись к речной пристани. Кое-кто из мужчин кланялся, завидев его, другие продолжали заниматься своими делами, не узнавая своего короля, одинокая фигура которого неспешно двигалась из тени в тень. От недосыпания в глазах Эдуарда появилось выражение загнанного зверя. Пройдя между рядами принадлежавших его рыцарям шатров, полотняные полы которых намокли от росы, король заметил пустые бочонки из-под пива и уловил кислый запах рвоты. Торжества, которые он организовал в деревушке Нефин, расположенной в сорока милях к югу от Карнарфона, явно продолжались и здесь. Но он не мог упрекать за это своих воинов, потому как кампания выдалась тяжелой и кровопролитной, уже четвертой по счету в этой неласковой к чужеземцам земле, поднимавшей один мятеж за другим и заставившей его глубоко запустить руку в кошельки своих подданных.

Семь лет тому Эдуард вообразил, будто он раз и навсегда покончил с Льюэллином ап Граффадом. Вернувшись из Святой Земли, чтобы принять корону у отца, Эдуард не стал терять времени зря и быстро разделался с самозванным принцем Уэльским. Он ввел в

мятежные земли огромную армию, разбил отряды повстанцев и загнал Льюэллина и остатки его людей в дикие горы Сноудонии. Но последующие события показали, что Эдуард не проявил достаточной решительности. Всего два года тому принц вновь поднял восстание, и весь Уэльс взбунтовался вместе с ним. Льюэллин разослал прокламации вызывающего содержания, в которых заявил, что Уэльс принадлежит только уэльсцам и что он правит им, являясь прямым потомком легендарного Брута, основателя Британии. Подобное обращение к древней истории, изложенной Гальфридом Монмутским, привело Эдуарда в настоящее бешенство, почти такое же, какое вызывала в нем прославленная корона, которую принц водрузил себе на голову. Поэтому он вновь вторгся в Уэльс, намереваясь на этот раз завоевать его окончательно.

Здесь, в Гвинедде, Эдуард потерпел одно из самых сокрушительных поражений в своей карьере. Его лучшие командиры, отправленные провести разведку боем, предприняли поспешное наступление на северном побережье, рассчитывая одержать быструю победу над армией Уэльса, которая уступала им в численности. Но Льюэллин сполна воспользовался тем, что они оказались на чужой территории, которую он знал как свои пять пальцев, и захватил англичан врасплох, за что они заплатили сотнями жизней. Когда Эдуард узнал о разгроме своей армии Льюэллином и о тех победных песнях, что распевали уэльсцы, насмехаясь над ним, то эхо этих баллад преследовало его долгие годы, отравляя ему существование. Обуреваемый жаждой мести, понимая, что на кон вновь поставлена его репутация, он вел боевые действия всю зиму, которая в Уэльсе выдалась очень суровой, сражаясь одновременно с бурями и хитростями своего личного врага. Когда Льюэллин попробовал укрыться от него в горах, Эдуард нанял несколько сотен лесорубов, чтобы те прорубили просеки сквозь негостеприимные леса, расчистив путь его войскам и ремесленникам, которые принялись возводить исполинские крепости, ставшие для него оплотом дальнейшего продвижения вглубь Уэльса.

Дойдя до подножия Орлиной башни и оказавшись в лабиринте строительных лесов, король миновал стражников, отдавших ему честь, вошел в вестибюль и стал подниматься по ступенькам, ведущим на второй этаж. В огромной комнате с десятью стенными проемами, открывшейся его взору, было сумрачно от пыли, слоями висевшей в воздухе. Здесь хранилось большинство принадлежавших королевской семье вещей, и вдоль стен громоздились сундуки и прочая мебель. В центре стоял круглый стол, его чистая поверхность отливала теплым, кремовым цветом.

Подойдя к столу, Эдуард скользнул взглядом по надписям на латыни, которые шли по краю и представляли настоящее произведение столярного искусства. Кей, Галахад, Гавейн, Модред, Боре, Персиваль. Имена двадцати четырех рыцарей. Он распорядился изготовить стол для праздничных торжеств в Нефине, чтобы отметить окончание войны и начало нового порядка, порядка людей, последовавших за ним в ад, лояльность которых воплотилась в бесконечный круг стола. Позади него, на гладкой стене комнаты, висел флаг с драконом; под ним он сражался на турнирах в Гаскони более двадцати лет тому. Тогда он был Артуром только по имени, и его турнирное прозвище призвано было вселять страх в противников и уважение — в сторонников. Теперь он стал Артуром на деле, и его репутация говорила сама за себя: земли его преумножились, а власть над Британией стала почти абсолютной. После двух тяжелых лет ему удалось то, что планировали, но так никогда и не смогли осуществить многие короли Англии: завоевание и усмирение Уэльса.

Льюэллин, люди которого окопались в горах над рекой Уэй, откуда они продолжали

разбойные нападения на позиции короля, был, наконец, окружен и уничтожен. Точное местонахождение принца выдал один из его ближайших сторонников. Под покровом ночи, когда морозный рассвет только-только занимался, отряды Эдуарда тайно поднялись по горным тропам, ведомые предателем, и напали на принца и его людей, которые оказались захвачены врасплох. В последовавшей кровавой битве Льюэллин пал, пронзенный английским копьем. После смерти своего принца Уэльс прекратил сопротивление.

Но сейчас, когда первые робкие лучи рассвета, проникавшие сквозь окна в недостроенную башню, позолотили стол и стяг с драконом, Эдуард ощутил горечь поражения в привкусе победы.

Отрубленная голова Льюэллина украшала собой один из бастионов лондонского Тауэра. Все его родственники и наследники были вырезаны под корень, а сторонники захвачены в плен или убиты. Барды распевали траурные песни, призывая Господа скрыть их землю в морских глубинах. Новые города закладывались один за другим, и в них устремились английские поселенцы, вытесняя коренных уэльсцев в глухие уголки страны. Были введены должности шерифов и судебных приставов, аналогичные существовавшим в Англии. Они должны были управлять страной, верховную власть в которой осуществлял юстициар. На побережье выросли крепости Эдуарда. Но ему по-прежнему не хватало самого главного.

Подойдя к одному из стоявших у стены сундуков, Эдуард наклонился и вынул из него завернутый в черный шелк предмет. Вернувшись к столу, он положил сверток на деревянную поверхность и развернул материю, внутри которой оказалась книга. Восходящее солнце высветило тисненые золотые буквы на обложке:

«Последнее пророчество Мерлина».

Переворачивая мягкие страницы, король чувствовал запах чернил, приготовленных из драгоценных камней, истертых в порошок и смешанных с яичным желтком и вином. На полях каждой страницы диковинные звери сплетались в узоры с птицами и цветами. Эдуард представил книгу своим рыцарям в Нефине, месте, где и были обнаружены пророчества Мерлина, которые перевел для всего мира Гальфрид Монмутский. На одной из страниц был изображен мужчина, стоящий перед гигантским замком, позади которого высилась исполинская гора. На вытянутых руках он держал перед собой простой золотой обруч. Этот образ являлся Эдуарду на протяжении многих месяцев — главным образом, когда он уже отходил ко сну, и дневные заботы сменялись ночной тишиной. Сначала он допрашивал захваченных в плен сторонников Льюэллина, потом пытал их, но они или не знали, или даже под страхом смерти отказывались сообщить ему, где находится вещь, завладеть которой он поклялся двадцать лет назад: вещь, которая объединила народ Уэльса и подняла на восстание против него. Корона короля Артура.

Костер вспыхнул и разгорелся ярче, когда стражник пошевелил угли. Он опасливо зажмурился, когда волна жара ударила ему в лицо, вынул из корзины еще два полена и подбросил их в огонь. Языки пламени принялись жадно лизать дерево, а из трещин в коре испуганно побежали во все стороны жучки-древоточцы. В жарком пламени они сгорали быстро и беззвучно, оставляя после себя крошечные искорки.

— Хью.

Стражник обернулся и увидел, что Саймон протягивает ему кружку с пивом. Старший из них, Ульф, сидел на бочонке с пивом, вытянув перед собой сломанную после неудачного падения ногу в лубке. Свою палку он прислонил к стене, а в узловатых руках баюкал кружку с пивом.

— Каждому по одной? — поинтересовался Хью, с кряхтением поднимаясь на ноги и отряхивая сажу с кожаного дублета. — Или одна на всех?

— А чего жадничать? — возразил Саймон, подавая ему кружку. — Теперь, когда остальные ушли, их доля достанется нам. — Он ухмыльнулся, обнажая пожелтевшие пеньки зубов, когда Хью принял угощение.

— Только смотри, чтобы командир не увидел, — предостерег его Хью, садясь на низенькую табуретку у очага.

— Он что, может разглядеть нас с расстояния в целую милю? — фыркнул Саймон и залпом допил пиво, а потом слизнул с усов белый ободок пены.

Хью медленно потягивал сладковатый солодовый напиток, задумчиво глядя на огонь. Пожалуй, в том, чтобы остаться одним, есть и свои маленькие преимущества.

Саймон сыто рыгнул и подался вперед, уперев ладони в бедра.

— Или ты думаешь, что во Франции нам было бы лучше? Или там платили бы больше? — с насмешкой полюбопытствовал он, глядя на Хью.

Прежде чем Хью успел ответить, из полумрака донесся голос Ульфа.

— В нашем-то возрасте? Королю Эдуарду нужны боевые скакуны, а не старые клячи.

— Да я на десять лет моложе тебя, — обиженно проворчал Саймон.

Не обращая внимания на беззлобную перепалку, Хью допил пиво.

— Пойду-ка я взгляну, как там и что.

— Спать охота, сил нет, — проворчал Ульф, привалившись к стене и откинув голову. — Клянусь Богом, с каждой ночью дежурство становится все длиннее и длиннее.

— Что ты хотел — осень, темнеет рано, — заметил Хью, проходя мимо шеренги мечей, луков и щитов, прислоненных к стене, и ныряя в арочный проход, ведущий на самый верх сторожевой башни.

На ступенях гулял пронизывающий ветер, и Хью поневоле вздрогнул, когда его порывы слизнули последние остатки тепла с его рук и лица. Когда он уже почти поднялся на смотровую площадку, ветер швырнул ему в лицо горсть пыли, так что ему пришлось пригнуться и протереть глаза. Строительство караульного помещения с башенками-близнецами и городской стены, на которой они торчали, завершилось несколько лет тому, но в воздухе до сих пор висел песок и пыль. Хью все еще чувствовал запах уксуса, который добавляли к извести, чтобы получить строительный раствор. Один из учеников каменщика рассказал ему, что это делается для того, чтобы защитить стены от огненных снарядов, которые швыряли осадные машины, но Хью сомневался в том, что это правда.

Выйдя на открытую всем ветрам смотровую площадку, он поглубже натянул на голову войлочную шапку. Из рта у него вырывались клубы пара, когда он принялся оглядывать окрестности Карнарфона. По ночному небу медленно плыли тяжелые тучи, но в разрывах между ними на горизонте уже светлела полоска рассвета. Еще какой-нибудь час, и можно будет идти спать. Взгляд Хью пробежал по притихшим улочкам, темным фруктовым садам и голым огородам, с которых собрали уже почти весь урожай, готовя припасы на зиму. Кое-где виднелись дрожащие огоньки — это постепенно просыпались горожане, зажигая свечи или разводя огонь в очагах, но их было совсем еще немного. Последний месяц в городе было

спокойно и тихо, ведь почти весь гарнизон и большая часть молодежи покинули его, отправившись на войну в Гасконь.

Хью окинул взглядом юго-западные стены, с которых открывался вид на Менайский пролив. Там, в сторожевых башнях, отстоящих друг от друга на большом расстоянии, горели огни. Оставшиеся солдаты гарнизона тонкой растянувшейся цепочкой охраняли покой города и замка, угловатой тенью высившегося чуть поодаль. Башни обращенной к морю стороны замка были уже почти закончены, а вот стены, выходящие в город, высота которых местами составляла всего двенадцать футов, все еще были окружены строительными лесами. Ров и деревянный частокол, охранявшие город в течение тех десяти лет, когда шло строительство, еще оставались на своих местах, но постепенно разрушались, приходя в упадок после возведения городских стен. Скоро наступит День всех душ и работа в замке замрет до весны, а большинство строителей разойдутся по домам. Глядя на замок, Хью мимоходом вспомнил собственный дом, оставшийся далеко в Сассексе, и подумал, что должен чувствовать тот, по чьему слову возводятся столь монументальные сооружения. В этом процессе присутствовало нечто божественное, тем не менее, король Эдуард, вдохновитель строительства Карнарфона, не был в городе с самого момента закладки его основания.

Услышав блеяние овец, Хью перешел на другую сторону смотровой площадки, чтобы взглянуть на ров с водой, окружавший городские стены, за которым тянулась унылая равнина с разбросанными по ней там и сям кучками деревьев, постепенно переходящая в горы на горизонте. Блеяние стало громче, эхом отражаясь от городских стен. Хью озабоченно нахмурился, вглядываясь в темноту и думая о том, что так встревожило овец. Время года, когда на охоту выходили волки, еще не наступило. Конечно, это могли быть воры, но, как правило, пастухи со своими собаками отгоняли их прочь. Теперь он видел большую отару, пасущуюся на поле. И вдруг внимание его привлекло какое-то движение чуть в стороне. От дерева к дереву быстро перебежали темные тени. Взгляд Хью испуганно заметался, выхватывая из темноты все новые и новые фигуры. Да их там сотни! И все они бежали в одном направлении, ко рву, окружавшему город. По спине у Хью холодной лапой прошелся страх. Оттолкнувшись от парапетной стенки с бойницами, он бросился вниз по винтовой лестнице, громко крича на ходу.

— Поднимайте мост!

Он споткнулся на ступеньках и едва не полетел головой вперед, но все-таки сумел удержаться на ногах, расставив руки и упершись ими в стену. Выпрямившись, Хью продолжил головоломный бег вниз, по-прежнему громко крича. Почти у самого подножия лестницы он столкнулся с Саймоном, который поднимался ему навстречу.

— *Поднимайте мост!* — выкрикнул ему в лицо Хью, отталкивая приятеля с дороги.

В караульном помещении Ульф уже стоял на ногах, растерянный и протирающий заспанные глаза.

— На нас напали?

— Держи, — выдохнул Хью, схватив два меча и сунув один ему.

Саймон побледнел, но взял щит и меч из связки прислоненного к стене оружия.

— Сколько их?

— Несколько сотен, — резко бросил Хью. — Может, больше.

— Господи Иисусе, — прошептал Ульф. Глаза его прояснились, когда он последовал за Хью и Саймоном к арочному проходу, от которого начиналась крутая винтовая лестница,

ведущая вниз, на первый этаж башни. Там, в маленькой комнатке, встроенной в толщу стены, находилась лебедка подъемного моста, который соединялся с большим деревянным пролетом, перекинутым на другой берег широкого рва с водой.

В самом начале строительства, вскоре после войны, когда городские стены и башни только-только начали медленно вырастать над землей, мост неукоснительно поднимали каждую ночь. Но в последние годы, когда множество строительных рабочих то приходили в город, то покидали его, стража привыкла полагаться на опускающую железную решетку, рассчитывая с ее помощью отпугнуть воров и попрошайек.

Хью, первым сбегав вниз, обернулся и крикнул Ульфу, который медленно и неловко ковылял по ступенькам, держась за стену.

— Поднимай тревогу. А мы займемся лебедкой.

Из-за стен долетел глухой топот множества ног по промерзшей земле.

Хью с Саймоном вбежали в комнату, где стояла лебедка, а Ульф с трудом спустился по ступенькам в арочный проход между башнями, перегороженный опускающей решеткой. На стене горел факел. Ульф приостановился под ним, глядя сквозь железные штыри решетки на подъемный мост и дальше, на противоположный берег рва. В предрассветных сумерках было видно, как из лесу подбегают все новые и новые люди. Глаза Ульфа испуганно расширились. Он видел, как шеренги мужчин тащили с собой лестницы, но в поднятых руках они сжимали не мечи и копья, а топоры и кирки, словно какая-то безумная толпа работников спешила первой начать трудовой день. Канаты подъемного моста дрогнули и натянулись, и Ульф услышал, как хрипят от натуги Хью и Саймон, а лебедка, долгое время простоявшая без дела, протестующе скрипит. Но тут на мост хлынула первая волна нападавших.

Ульф, застыв, словно изваяние, под факелом, не видел, как на другом берегу какой-то мужчина потянул из колчана стрелу, не видел, как он наложил ее на тетиву, не видел, как он прицелился и выстрелил. Стрела мелькнула в темноте и пропала, невидимая до самого последнего момента, когда Ульф, поворачиваясь к сторожевой башне, на которой висел колокол, краем глаза уловил какое-то смазанное движение. Но было уже слишком поздно. Старого стражника отбросило назад, когда стрела пронзила его навывлет, пробив его кожаный дублет. Он даже не успел вскрикнуть, когда чудовищная сила сжала ему сердце, отбирая дыхание. За решеткой медленно, вздрагивая от усилий, поднимался мост, но нападавшие уже запрыгивали на доски, и под их тяжестью он стал медленно опускаться.

— Ульф! Ради Христа! — закричал Хью, изо всех сил налегая на лебедку. — Колокол! — Услышав в ответ лишь топот бегущих ног, он оставил Саймона висеть на рычаге лебедки и выбежал наружу, но тут же отпрянул, когда в опасной близости от него просвистела стрела. Ульф неподвижно лежал на земле в нескольких футах поодаль. Хью бессильно выругался и присел, осторожно выглядывая из-за угла. Там, впереди, виднелась целая толпа мужчин, которые что-то кричали. Уэльсам был разрешен доступ в Карнарфон только днем, когда они приходили в город торговать. Их согнали с насиженных мест, а дома разрушили, когда на их месте король Эдуард приказал заложить новый город, и бревна, из которых были сложены хижины местных жителей, пошли на строительство лесов. Хью не понимал их языка. Здесь, в английском городе, в самом сердце Уэльса, ему это было не нужно.

Тем временем, на мост карабкались все новые и новые воины. С него на илистый берег, тянувшийся вдоль куртины, [44]кто-то сбросил лестницу. До слуха Хью донесся плеск, когда мужчины полезли с моста вниз, разбрызгивая грязь. У лебедки надрывался в одиночестве

Саймон, криком призывая его на помощь. Но все было бесполезно. Теперь им уже ни за что не поднять мост. Последняя надежда заключалась в том, чтобы поднять тревогу, предупредив остатки гарнизона о нападении. Хью с трудом заставил себя вернуться в комнату.

— Брось ее, — велел он Саймону. — Их слишком много. Ульф мертв.

Саймон еще мгновение налегал на лебедку, а затем отпустил рычаг, и канат со свистом стал разматываться обратно. Он смотрел, как Хью повесил на руку щит.

— Что ты собираешься делать?

— Мне нужно добраться до колокола.

Хью приостановился в дверном проеме, глядя на залитое светом факелов небольшое пространство внутреннего дворика, отделяющее его от сторожевой башни. Пригнувшись и прикрыв щитом левую сторону тела и голову, он сделал глубокий вдох, запрещая себе смотреть на неподвижно простертое тело Ульфа, неловко подвернувшего сломанную ногу. Хью пробормотал молитву, а потом что было сил припустил по открытому пространству между двумя башнями. Невнятный гул голосов за решеткой разорвал громкий крик, и мгновением позже он ощутил резкий удар в левую руку, когда что-то ударилось о щит. От неожиданности Хью споткнулся и потерял равновесие, и в этот миг что-то клюнуло его в левую икру, вызвав острый приступ жгучей боли. Он с криком упал, и еще одна стрела пробила ему левое бедро. Слезящимися от боли глазами поверх края щита он видел, как с моста на берег один за другим перепрыгивают люди. В их гуще он смутно разглядел воина, широкоплечего и черноволосого, в подбитой мехом накидке. В руках он держал огромный молот, а на голове его сидел узкий обруч из поцарапанного и местами помятого золота. Он походил на героя древних легенд, пришедшего из далекого и темного прошлого. Хью почувствовал, как кто-то схватил его под мышки и, повернув голову, увидел склонившегося над ним Саймона. Вокруг них засвистели стрелы, когда приятель втащил его под прикрытие башни.

Хью закричал зубами и откинул голову на каменный пол комнаты с лебедкой. Его сотрясала крупная дрожь, на теле выступил пот, и он замерзал, если не считать жгучей боли в икре и бедре.

— Наверх, — прошипел он сквозь стиснутые зубы. — Предупреди... замок.

Саймон заколебался, глядя на него, но потом исчез на ступеньках, ведущих на смотровую площадку башни. Тяжело дыша, Хью слушал, как удаляются и замирают его шаги. Совсем рядом раздавались глухие удары молотов о камень. Ему показалось, что рабочие части инструментов были обернуты тряпками, чтобы приглушить звук.

Добежав до караульного помещения, Саймон остановился, дико озираясь по сторонам. Он должен предупредить гарнизон замка, но как? Он мог крикнуть, но вряд ли кто-нибудь услышит его. Его взгляд упал на огонь в очаге. Стражник подошел ближе, тупо глядя на яркие языки пламени, а потом вдруг заметил палку Ульфа, прислоненную к стене. Дрожащими руками расстегнув пояс, он скинул свой дублет, утепленный соломой, а потом стянул через голову нижнюю рубаху. Схватив палку Ульфа, он обмотал ее рубахой, а потом разорвал дублет. Присев на корточки у костра и чувствуя, как волна жара лизнула его голую грудь, он принялся запихивать солому и сучья в складки рубахи. Когда он сунул конец палки в огонь, тот моментально занялся ярким, желтым пламенем. Саймон выпрямился и побежал на смотровую площадку, ругаясь сквозь зубы, когда встречный ветер раздул огонь, швыряя ему в лицо горячие искры. Добравшись до самого верха, он присел и, стараясь не

высовываться из-за парапета, принялся размахивать импровизированным факелом, который разгорелся ярким пламенем, осыпая голые плечи и грудь стражника искрами и пеплом.

Во внутреннем дворе Тауэра, на пятачке земли у фруктовых садов, собралась группа молодых людей с лошадьми. Они кутались в зимние накидки, высокие сапоги были заляпаны грязью, а лица покраснели от холода. У некоторых на перчатках сидели ловчие птицы, среди которых были пятнистые балабаны из Святой Земли, а оруженосцы держали на привязи дымчатых средиземноморских соколов. Среди мужчин бродили девушки с запачканными грязью подолами платьев. Ветер трепал полы их мантий и разносил по двору ярко-красные и оранжевые сухие листья, которые слуги безуспешно пытались сгрести в кучу в саду. Над Лондоном нависло низкое свинцовое небо, грозя пролиться скорым дождем.

Из глубины сентябрьских небес пришла осень. Сильный ветер принес с собой дожди, в которых утонули графства Англии. Темза вышла из берегов, затопив несколько скотобоен и наводнив улицы кровавой требухой. Рабочие в Тауэре спешно заделывали течь в спальне короля, и дождевая вода погубила один из ковров, принадлежащих Элеоноре. Но испорченный ковер сейчас занимал Эдуарда меньше всего, потому как шторма обрушились на южное побережье в то самое время, как первая половина его флота отплыла в Гасконь. Предательский ветер загнал добрую половину кораблей обратно в гавань Портсмута, а остальных вынудил искать укрытия в Плимуте. Впрочем, дурная погода была не единственной причиной, помешавшей Эдуарду немедленно выступить против своего вероломного французского кузена. После весенней сессии парламента король обратился к церкви с просьбой о выделении средств на ведение военной кампании, но обнаружил, что ради такого дела клирики не горят желанием открывать ему свои денежные сундуки. Когда же Эдуард пригрозил объявить их вне закона, настоятель Собора Святого Павла отступил перед лицом его яростных требований, но можно было не сомневаться в том, что вынужденная задержка позволила Филиппу укрепить свои позиции в Гаскони.

Роберт, поправляющий стремя, оглянулся, заслышав взрыв звонкого смеха. Позади него стояли две девицы, наблюдая за тем, как слуга гоняется с метлой за разлетающимися листьями. Одна из них, совсем еще ребенок, надела серо-голубое платье, а поверх накинула мантию, подбитую мехом горноста, изящно обвивавшим ее точеную шейку. Элизабет, младшая дочь короля, унаследовала от отца длинные ноги, а от матери — темные волосы, пряди которых выбились из-под капюшона, закрывая ей лицо. Пока Роберт смотрел на нее, она нетерпеливо заправила непослушный локон за ухо и наклонилась к девушке постарше, Елене, молочно-белая кожа которой с яркими пятнами румянца на щеках составляла соблазнительный контраст с блестящими волосами цвета червонного золота. На ее руке в перчатке сидел дербник, мелкий сокол, похожий на кречета, перья которого встопорщил налетевший ветер. Девушка с огненно-рыжими волосами, дочь графа Уорика, была сосватана в жены высокопоставленному рыцарю из ближайшего окружения короля, но Роберт вот уже некоторое время не мог отвести от нее глаз при встрече, несмотря на предостережения Хэмфри. Уголкем глаза он заметил, что на него смотрит другой молодой человек. Стройный и мускулистый рыжеволосый рыцарь с мрачным выражением лица, Ги де Бошам, наследник Уорика, приходился Елене братом. Роберт отвернулся к своему коню и

принялся укорачивать стремя.

— Вы готовы, сэр Роберт? — окликнул его Хэмфри, направляясь к нему. Высокий рыцарь держал в руке бурдюк с вином. Взмахом руки он обвел грязную площадку, на которой торчали два столба. Между ними была натянута веревка, и с нее свисало тонкое железное кольцо, невидимое с такого расстояния. — Помните, у вас всего две попытки.

Роберт вернул приятелю самоуверенную улыбку.

— Мне потребуется на одну меньше, чем вам, сэр Хэмфри.

Хэмфри, дважды промахнувшийся копьем по кольцу, встретил насмешку прищуренным взглядом, а остальные рыцари расхохотались.

Эдвард, стоя в окружении других оруженосцев, хлопнул Роберта по спине, когда тот вдел ногу в стремя.

— Покажи этим южанам, из чего сделаны настоящие скотты, братишка, — пробормотал он.

Роберт поднялся в седло и подобрал поводья, а Нес подошел к ним, подтягивая подпругу. Конь, замечательный чалый жеребец по имени Хантер, был одним из самых быстроногих и послушных животных, которые когда-либо были у Роберта, и ездить на нем верхом было одно удовольствие. Но скакун обошелся ему в кругленькую сумму, поскольку лошади кровей Хантера стоили совсем недешево, и те шестьдесят марок, которые он отдал лошадинику, были для него весьма и весьма значительной суммой. Но Роберт убедил себя в том, что ему позарез нужна подходящая лошадь для войны во Франции и что коротконогие мощные жеребцы и иноходцы, которых они привезли с собой из конюшен деда, выглядят беспородными кобылами рядом с сильными и крупными французскими и испанскими скакунами английских рыцарей. Затем Роберту пришлось еще глубже запустить руку в свой кошелек, чтобы приобрести новую одежду для себя и брата, более соответствующую лондонской моде. Вскоре после весенней сессии парламента он удостоился первой аудиенции у короля, который благосклонно отнесся к его просьбе принять его под свои знамена, чтобы послужить монарху на войне, как это сделали дед и отец до него. После столь знаменательного события Роберт обнаружил, что его стали регулярно приглашать на всевозможные советы и празднества с участием короля. Вращаясь в высших сферах королевского двора, он счел нелишним сблизиться и с остальными баронами.

Нес передал Роберту копье, которое он принял затянутой в перчатку рукой. Мягкая кожа до сих пор оставалась гладкой от малого употребления, и ему пришлось крепче стиснуть древко, чтобы оно не выскользнуло из захвата.

— Подождите, сэр Роберт! — донесся из толпы девичий голос.

Роберт обернулся и увидел принцессу Элизабет, которую он ласково называл Бесс, размахивавшую белым платочком. Судя по виду материи, скорее всего, она была оторвана от вуали. Он смотрел, как принцесса с едва заметной улыбкой скомкала ткань и сунула ее в руку Елене. Щеки девушки окрасил жаркий румянец, и она одарила принцессу гневным взглядом, но все-таки вышла из толпы, хотя и с большой неохотой. Роберт ощутил некоторое стеснение в груди, когда она протянула ему платочек и он встретился с нею взглядом. Сокол на ее перчатке раскрыл крылья в ожидании полета, когда Роберт наклонился с седла, чтобы принять дар, а Бесс весело захлопала в ладоши. Пальцы его соприкоснулись с пальцами Елены, когда он брал скомканный шелк, и молодой человек от всей души пожалел о том, что на нем перчатки. Она быстро отошла назад, в толпу, склонив голову, а Роберт повязал трепещущую полоску материи на кончик своего копья, не обращая никакого внимания на

яростный взгляд, который, как он прекрасно знал, метнул на него Ги де Бошам. Вновь выпрямившись в седле, Роберт развернулся лицом к далеким шестам и вонзил каблуки в бока Хантера.

Слуги в саду побросали метлы, чтобы посмотреть, как Роберт рысью помчался по арене, приподняв копые кверху, прежде чем опустить его, переведя лошадь в галоп. Из-под копыт на его новые сапоги летели комья грязи. Железное кольцо быстро приближалось, и он сосредоточился. Роберт крепче стиснул копые, мягкая кожа перчаток скользила по древку, а впереди на ветру трепетал клочок шелковой материи. Перед его внутренним взором всплыло лицо Елены, вот она поднимает руку, и рукав ее накидки скользит вниз, обнажая кожу. Видение промелькнуло и исчезло, но этого оказалось достаточно, чтобы отвлечь его. Он нанес удар на мгновение раньше, чем следовало. Острие копыя лишь оцарапало кольцо, не войдя в него. Оставив железный кружок бешено раскачиваться на веревке, Роберт промчался мимо, ругаясь сквозь стиснутые зубы. Придерживая стремительный бег Хантера, он описал широкий полукруг по истоптанному копытами полю, возвращаясь к компании молодых рыцарей и девушек.

Хэмфри приподнял бурдюк с вином, салютуя ему.

— Осталась всего одна попытка! — возвестил он, смеясь, когда Роберт подъехал к нему.

— Держу пари, со второго раза он попадет в цель, — заявил Эдвард, поворачиваясь к молодому рыцарю, и в глазах его блеснул вызов.

Хэмфри добродушно рассмеялся и отрицательно покачал головой, но тут Генри Перси, внук графа Суррея, согласно кивнул Эдварду.

— Принимаю ваше предложение, — с ленивой улыбкой заявил коренастый, светловолосый лорд. На запястье у него сидел великолепный сарыч, вцепившись когтями в толстую кожу перчатки. Генри жестом указал на Роберта, который как раз остановил Хантера. — Десять фунтов на то, что он не попадет в кольцо.

Роберт метнул на брата быстрый взгляд и незаметно покачал головой. Являясь, в отсутствие отца, лордом и господином своих английских поместий, он призвал к себе на службу троих рыцарей и пятерых оруженосцев из Эссекса, не считая брата и своего шотландского эскорта, с которым должен был отправиться на войну в Гасконь. И в обязанности Роберта входило обеспечить их всем необходимым во время кампании, так что неблагоприятное пари было последним, что ему сейчас требовалось.

Эдвард, однако же, предпочел не заметить его взгляда.

— Согласен, — заявил он Генри Перси.

Несколько молодых рыцарей одобрительно захлопали в ладоши, поддерживая пари. Они тренировались много месяцев подряд, и вынужденная задержка сказывалась на них, а тут появился повод добавить остроты в приевшиеся занятия.

Не имея возможности отказаться теперь, когда пари было заключено, Роберт развернул коня и встал в позицию, стиснув зубы и крепче перехватив копые. Заставив себя сосредоточиться и отогнав прочь все ненужные мысли, он ждал того единственного мига, когда все: и конь под ним, и копые в руке, и взгляд на далекую цель — сольются воедино. Когда этот момент пришел, он ощутил нечто вроде толчка. Вонзив шпоры в бока Хантера, молодой человек сорвался с места, мчась по центру арены к столбам. Встречный ветер обжигал ему щеки, но Роберт не сводил глаз с железного кольца. Он подался вперед, и копые стало медленно опускаться, выискивая цель, как вдруг поперек его пути пронеслось что-то белое и трепещущее. Хантер резко мотнул головой от неожиданности. Конь споткнулся на

переднюю ногу и тяжело упал, вздымая комья грязи. Роберт на полном скаку вылетел из седла. Несколько раз перевернувшись через голову и слыша, как испуганно ржет от боли Хантер, он замер, уткнувшись лицом в землю.

Спустя несколько мгновений он приподнялся на руках, сплевывая с губ кровь и грязь. Неподалеку попытался подняться на ноги его конь, к которому повернул и помчался Нес. К самому Роберту бежали оруженосцы. Вместе с ними бежал Эдвард, но на его лице отражалась не тревога, а ярость, когда он взглянул на двух мужчин и женщину, появившихся на краю арены. Один из них был выше другого, и его гладкие черные волосы были зачесаны назад с угловатого лица с резкими чертами. На запястье Эймера де Валанса, жадно пожирая кусочек мяса, сидел белый балабан. Роберт понял, что белый трепещущий комочек, который так напугал Хантера, и был этой птицей.

— О чем ты только думал, Эймер? — сердито пожелал узнать Хэмфри, помогая подняться Роберту, который стирал с разбитой губы кровь.

— Я думал, что мы запускаем сегодня птичек, — ответил Эймер ровным тоном, не сводя взгляда с Роберта, и в глазах его светилась явная насмешка. — Приношу свои извинения, сэр Роберт. Я не хотел отвлечь вас.

Рядом с ним улыбалась его сестра, Джоанна де Валанс, прикрыв рот рукой в перчатке. Взгляд Роберта переместился с Джоанны на молодого человека с мертвенно-бледным лицом и редкими черными волосами, стоявшего рядом с нею. Это был ее супруг, Джон Комин. Он даже не дал себе труда скрыть усмешку, игравшую на его тонких губах.

Сын лорда Баденоха прибыл в Лондон два месяца тому вместе с отцом и прочими шотландскими магнатами, которых король Эдуард призвал на службу во Франции ради их английских владений. Говорили, что Комин, поддерживаемый соотечественниками, заявил королю, что ни один из них не станет воевать ради него в чужой стране, если он не начнет соблюдать условия договора, заключенного в Биргеме, и не предоставит Баллиолу возможность управлять своим королевством без вмешательства англичан. Роберт, как, впрочем, и другие рыцари, не знал, согласился ли на такие требования монарх. Зато они знали наверняка, что вскоре в Тауэре состоялось поспешное бракосочетание между восемнадцатилетним наследником Комина и кузиной Эдуарда, Джоанной, дочерью лорда Пемброка. Растущая близость между свояками еще более накалила атмосферу между Робертом и Эймером, которая и без того оставляла желать лучшего. Роберт чувствовал, что тот завидует его крепнувшей дружбе с Хэмфри, но до сих пор Эймер проявлял свое враждебное отношение лишь язвительными замечаниями, на которые можно было просто не обращать внимания.

Эдвард подошел к троице, в бешенстве от дешевого трюка, из-за которого брат получил ранение, а сам он проиграл пари.

— Ты намеренно запустил свою ворону, Валанс. Все это видели. — Он перевел взгляд на Джона. — А ты не радуйся раньше времени, Комин.

Джон Комин скривился, но, прежде чем он успел ответить, в разговор вмешался Генри Перси, поглаживая крапчатую грудку своего сарыча.

— Я утверждаю, что все было честно. — Генри окинул взглядом сначала Эймера, потом Роберта. — Мы готовимся к войне. Разве вам не кажется, что на поле боя тоже не будет идеальных условий?

Кое-кто из рыцарей согласно кивнул, но Хэмфри решительно покачал головой.

— Здесь не поле боя. Существуют правила.

Роберт принял у одного из своих оруженосцев мех с вином, который тот протягивал ему, и сполоснул окровавленный рот сладкой жидкостью. Он оглянулся, когда Нес окликнул его. Оруженосец держал Хантера под уздцы, пытаясь успокоить напуганное животное.

— Кажется, он охромел, сэр.

Роберт уставился на встревоженное лицо Неса, думая о том, сколько денег он потратил на благородного скакуна, свое наилучшее оружие для предстоящих сражений. Когда он повернулся к Эймеру, в груди у него бушевала ярость. Он потянулся за мечом, намереваясь бросить вызов французскому рыцарю, чтобы его кровью смыть горечь поражения и восстановить уязвленную гордость, но не успел вытащить клинок из ножен, как раздался чей-то громкий крик.

По полю к ним со всех ног несся Томас Ланкастер.

— В Уэльсе восстание! — задыхаясь, выдохнул он, подбежав к ним. — Гонцы прибыли час назад. Король собирает вельмож для срочного совета.

— Восстание? — резко переспросил Хэмфри. — А кто его возглавил?

— Человек по имени Мадог. Мой отец говорит, что он кузен Льюэллина ап Граффада.

— Но все родственники Льюэллина были захвачены в плен на последней войне, — возразил Генри Перси. — Король Эдуард позаботился об этом.

Томас лишь пожал плечами в ответ, с трудом переводя дыхание.

— Ну, кем бы он ни был, дело серьезное. Карнарфон пал, а все остальные замки подверглись нападению. Король должен действовать немедленно. — Он проглотил комок в горле, а потом добавил, глядя на Хэмфри, и в глазах его светилось возбуждение. — У мятежников находится корона короля Артура.

Сделав большой глоток, Роберт с наслаждением ощутил, как горячее вино устремилось вниз по пищеводу. Здесь, на северо-западе, стояли настоящие холода, предвещая наступление зимы. Вдали, за изломанными очертаниями леса, небо отливало прозрачной морозной голубизной. Чистый и прозрачный воздух напомнил ему Каррик, так отличавшийся от Лондона, дышать полной грудью в котором из-за его многолюдства было попросту невозможно.

Вернув мех в седельный мешок, Роберт отпустил поводья, позволяя Хантеру самому выбирать, куда поставить ногу на изрытой канавами и выбоинами тропе. Голые ветви дубов и серебристых берез раскачивались над головой, а землю устилал толстый ковер гниющих листьев. Вокруг него между деревьями двигались люди, лошади и повозки, следуя по глубоким колеям, проложенным теми, кто прошел здесь до них.

Они вышли из Честера шесть дней назад, и он поражался тому, как мирно выглядела местность, по которой они сейчас двигались. Из рассказов отца о диких горах и равнинах, усеянных острыми обломками скал, о продуваемых всеми ветрами холмах и исхлестанном ураганами побережье, он ожидал увидеть нечто совсем другое по сравнению с зеленой, плодородной долиной, расстилавшейся впереди. Здесь не было ни остроконечных пиков, ни стремительных водопадов, и одни лишь невысокие холмы, как костяшки пальцев, поросшие лесом, виднелись в туманной дымке на горизонте. Впрочем, Роберт не жаловался. Хантер оправился от травмы и чувствовал себя намного лучше, чем он смел надеяться, но все-таки

молодой человек старался не слишком утруждать благородное животное. Гнев его, направленный на Эймера де Валанса за подлый трюк, который тот выкинул с ним на турнирном поле, не уменьшился, несмотря на выздоровление Хантера, но шанса выпустить пар до сих пор не представилось, поскольку двор был потрясен известием о мятеже, поднятом уэльсцами.

Огромное значение, которое король придавал Уэльсу, было видно уже по тому факту, что многие из его военачальников, пехотинцы, а также припасы, находящиеся в Портсмуте и предназначенные к отправке во Францию, получили новые назначения. Поручив сенешалю Гаскони вести в герцогство изрядно уменьшившийся флот, чтобы начать, наконец, долго откладывавшуюся операцию, Эдуард выбрал места для своих основных баз, с которых рассчитывал начать наступление — одну в Кардиффе, а две другие — в Брекноке и Честере. Атака должна была вестись по трем направлениям сразу, чтобы ударить по мятежникам со всех сторон. Согласно сообщениям, которые вскоре начали поступать ко двору, каждое последующее более отчаянное, чем предыдущее, все английские замки подверглись осаде, города сжигались, а чиновников казнили по всему Уэльсу. Мятеж вспыхнул на севере, где его возглавил Мадог ап Льюэллин, и пламя восстания быстро охватило всю страну, от Конви и Карнарфона до Гуэнта и Гламоргана.

Роберт, которого не смутила быстрая смена врага, попал в полк самого короля вместе с тремя рыцарями и пятью оруженосцами, призванными из его имений в Эссексе, и шотландским эскортом. К его удовлетворению, рядом не оказалось ни Эймера де Валанса, ни Джона Комина. Уильям де Валанс, ветеран многих военных кампаний, возглавил полк, выступивший из Кардиффа, и его сынок отправился вместе с ним. Джон Комин, тем временем, как и еще несколько шотландских вельмож, получил приказ отплыть во Францию. На пути из Вестминстера брат Роберта злорадно расписывал напасти, которые могут поджидать молодых рыцарей в чужой, враждебной земле.

В Честере полк короля, составленный из более чем шестисот копий, получил мощное подкрепление в виде тяжеловооруженной пехоты из Шропшира и Глостершира. К ним присоединились свыше семидесяти искусных лучников и пехотинцев из Ланкашира, возглавляемых напыщенным и громогласным королевским советником по имени Хью де Крессингем, которому пришлось сменить уже трех лошадей, поскольку ни одна из них не смогла выдержать веса его туши. И уже отсюда армия, общей численностью в несколько тысяч человек, пересекла границу с Уэльсом, растянувшись длинной цепью, которая медленно ползла, скользкая и опасная, как змея, по холмистой местности.

Полк был разбит на небольшие подразделения, двигавшиеся с разной скоростью и растянувшиеся, соответственно, вдоль всего маршрута. Роберт со своими людьми попал в сводный отряд, которым командовали Джон де Варенн и граф Линкольн, своими глазами видевший самое начало мятежа, когда уэльсцы восстали в принадлежащем ему округе Денби, вынудив его бежать в Англию. С ними были Генри Перси и Хэмфри де Бозн, чему Роберт изрядно удивился, поскольку отец Хэмфри находился на юге, возглавив наступление из Брекнока, но во время марша Хэмфри сознался, что отец и король хотели, чтобы он проявил себя самостоятельно во время этой кампании.

Заслышав впереди высокомерный голос Генри Перси, Роберт увидел, как лорд поравнялся с Хэмфри.

— Мой дед собирается отдать распоряжение остановиться на отдых. Дальше местность становится труднопроходимой.

Коснувшись каблуками боков Хантера, Роберт заставил коня перейти на быстрый шаг, оставив позади недовольно хмурящегося Эдварда. Рыцари оглянулись и прервали разговор, когда он подъехал к ним.

— Мы остановимся на вершине вон того холма, — сообщил ему Хэмфри, показывая на тропинку, которая, петляя меж деревьев, упорно карабкалась наверх.

— Ты говорил, что дорога впереди будет хуже?

— Да, по словам моего деда, — ответил Генри.

Хэмфри кивнул на Хантера.

— Как он себя ведет?

— Думаю, еще пару часов выдержит. — Роберт потрепал коня по холке и заметил, что Генри отвернулся, демонстрируя полнейшее отсутствие интереса. Вне всякого сомнения, теперь, когда он получил от Эдварда плату за выигранное пари, ему не было до лошади Роберта никакого дела. Роберт до сих пор злился на брата за тот глупый спор. Безрассудная смелость Эдварда, переходящая в нахальную дерзость, изумляла его, еще когда они были детьми, но здесь и сейчас она выглядела совершенно неуместной.

Местность впереди повышалась, и их кони с трудом преодолевали подъем. Столетние дубы с искривленными стволами уступили место березам и ясеням.

— Такими темпами мы доберемся до Конви не раньше Рождества, — обронил Хэмфри, поудобнее устраиваясь в седле и принюхиваясь к морозному воздуху.

— И, с Божьей помощью, вернемся с короной в Вестминстер к Пасхе, — со злой улыбкой добавил Генри.

Хэмфри метнул на него предостерегающий взгляд, но лорд, похоже, ничего не заметил.

— Король Эдуард надеется найти эту корону у мятежников? — небрежным тоном поинтересовался Роберт, стараясь ничем не выдать своего интереса. — Она настолько ценная?

Впереди раздались громкие мужские голоса — это авангард достиг вершины холма.

— Самое время передохнуть, — сказал Хэмфри.

Роберт постарался скрыть свое разочарование и не стал настаивать на ответе. Во время пути по бескрайним лесам они не упускали возможности поболтать, и несколько раз до его слуха доносилось упоминание о короне короля Артура. Он пытался расспросить об этой короне Хэмфри, однако рыцарь вежливо, но твердо переводил разговор на другие темы. Его нежелание говорить об этом заставило Роберта вспомнить тайное собрание в бывших апартаментах короля Генриха в ночь празднества, которое состоялось несколько месяцев тому. Еще тогда ему показалось, что всех этих молодых людей объединяет нечто общее, помимо положения и богатства, нечто такое, о чем и не подозревают остальные молодые вельможи при дворе короля Эдуарда, — и это было каким-то образом связано с драконами на щитах, которых он, кстати, больше ни разу не видел после турнира. Пресловутая корона не давала ему покоя, и Роберт подозревал, что она имеет какое-то отношение к поспешной декабрьской кампании. В памяти у него всплыли пьяные откровения отца о его службе зимой в Уэльсе: о снежных бурях и страшных холодах, способных заморозить человека до смерти за одну ночь, о волках, собирающихся после сражений и начинающих рвать теплую плоть еще до того, как уйдут победители, чтобы трупы не успели замерзнуть. Но сейчас король и его рыцари, похоже, преследовали какие-то личные цели, а не просто подавляли мятеж, что и заставило их выступить в путь в таких неблагоприятных погодных условиях. Нечто такое, отчего пожилые мужчины становились молчаливыми и задумчивыми, а их

сыновья теряли покой и сон.

Заслышав впереди удивленные восклицания, Роберт перестал изводить Хэмфри расспросами и принялся высматривать причину суматохи. Прямо перед ними холм резко обрывался вниз, открывая вид на долину, которую сплошной стеной перегораживали деревья: голые ветви ив и ясеней сплетались с тисом и остролистом в непроходимый частокол, над которым сторожевыми башнями высились сосны. Роберту показалось, что он видит леса Селкирка, темные просторы которых протянулись от шотландской границы до Каррика на западе и Эдинбурга на востоке. По обе стороны долины тянулись холмистые гряды, почти до самых макушек поросшие густыми зарослями деревьев, только на вершинах сменявшихся каменистыми осыпями. При виде зеленой чащи леса, тянущейся до самого горизонта и теряющейся в туманной дымке, захватывало дух, но еще более замечательное зрелище представляла собой прорубленная через нее широкая просека. Она походила на мертвый, серый шрам на впечатляющем ландшафте, повторяя все его подъемы и спуски, и ее безжизненная пустота странным образом контрастировала с зелеными лесами, обступившими ее с обеих сторон. От отца Роберт слышал о сотнях лесорубов и возчиков, которых король нанял во время покорения Уэльса, чтобы они прорубили просеки сквозь непроходимые леса, покрывавшие большую часть королевства Гвинедд. И вот сейчас, теряясь вдаль, перед ним протянулось живое свидетельство этого колоссального труда.

— Похоже, к Пасхе не успеть, — пробормотал Генри, прищуренными глазами глядя вдаль.

Воины спешили и рассредотачивались меж деревьев, освобождая место для тех, кто шел позади. Слуги принялись распаковывать еду и питье для рыцарей, а группы занялись лошадьми, подтягивая подпруги и поправляя потники и чепраки. Оставив Хантера на попечение Неса, в то время как камердинер принялся наделять порциями еды его людей, Роберт решил размять ноги и пропустить кружку пива. Неподалеку он увидел Джона де Варенна и графа Линкольна, напряженно совещающихся о чем-то с двумя мужчинами, чьи акетоны были выкрашены в желтый и красный цвета. В нем проснулся интерес, когда он заметил вышитые у них на груди золотые кресты. Мужчины были одеты в цвета графа Уорика, полк которого выступил из Честера перед войском Варенна. В этом полку находились жена и сыновья Уорика, а также его дочь, Елена.

В общем-то, не было ничего необычного в том, что самых высокопоставленных вельмож в походе сопровождали семьи, поскольку никто не мог сказать точно, сколько продлится та или иная кампания. Магнаты были обязаны отбыть на службе у короля всего сорок дней, но по окончании этого срока обычно заключались новые контракты, и ни один барон не осмеливался вот так запросто покинуть своего короля в самый разгар военных действий, какими бы ни были его права. Женщины и дети наверняка разместятся в Конви вместе с поварами, портными, лекарями и священниками. Как правило, следом за войском шли маркитантки, которых никто не звал, но которым были рады многие, и среди них продавцы индульгенций, менестрели и шлюхи. Для них армия являла собой настоящий источник к существованию, своеобразный движущийся денежный мешок.

Джон де Варенн сделал паузу и огляделся по сторонам. Заприметив внука, он жестом подозвал его к себе, вместе с Робертом и Хэмфри.

— Что случилось, сэр? — спросил Генри, когда они втроем подошли к деду.

— Арьергард Уорика видел дым в лесу. Полк ушел слишком далеко вперед, чтобы возвращаться и выяснять, в чем дело, так что его разведчики дождались нас. Я хочу, чтобы

ты взглянул, Генри, что там происходит. — Варенн кивнул на Хэмфри и Роберта. — Поезжайте с ним. Скорее всего, это какие-нибудь браконьеры или разбойники. Но мы не слишком далеко от Денби, а там был атакован Линкольн.

Граф Линкольн мрачно кивнул в знак согласия.

— Я потерял много людей в бою с мятежниками. Они напали на меня крупными силами. Большинство было вооружено копьями и дротиками, но у некоторых были и короткие луки.

— По крайней мере, мы должны быть благодарны хотя бы за это, — пробормотал Варенн. — Пемброку противостоят люди Гуэнта со своими длинными луками. Господь свидетель, более смертоносного оружия просто не существует. — Он вновь повернулся к внуку. — Сообщай мне обо всем, что обнаружишь, Генри. Если враг поблизости, мы вступим с ним в бой. Нельзя допустить, чтобы нам перекрыли обратную дорогу домой.

Выслушав лазутчиков Уорика, которые объяснили им, где видели дым, троица вернулась к своим людям. Эдвард принялся ворчать, когда Роберт рассказал о поставленной им задаче, но потом залпом допил пиво и прыгнул в седло вместе с тремя рыцарями и одиннадцатью оруженосцами, составлявшими боевой отряд Роберта. Нес развернул знамя Роберта, когда все три отряда, состоящие из сорока восьми человек, повели своих лошадей мимо расположившихся на отдых солдат, чтобы вступить на пробитую лесорубами просеку, пересекавшую лесистую долину.

Зимнее солнце светило им прямо в глаза, когда они стали спускаться по расчищенной дороге вниз. Три стяга трепетали на ветру. Во главе процессии двигался флаг Генри с голубым львом на золотом поле, за которым следовало голубое знамя Хэмфри с продольной белой полосой и шестью львами по бокам, а замыкал шествие красный шеврон Роберта на белом поле. Роберт отпустил поводья Хантера, позволяя коню самому выбирать дорогу между пней и торчащих корней, но путь оказался довольно легким, поскольку здесь совсем недавно прошли сотни ног и копыт. Несмотря на легкую усталость после утренней скачки, молодой человек испытывал явное облегчение от смены ритма — ведь их маленький отряд мог двигаться намного быстрее громоздкого полка, продвижение которого тормозили повозки обоза и пехота. Взглянув на Хэмфри, который ответил ему веселой улыбкой, Роберт понял, что и у приятеля поднялось настроение. До сих пор он даже не подозревал о том, какую тоску и апатию нагонял на них утомительный и монотонный марш.

Через пару миль, когда дорога выровнялась, побежав по дну долины, их отряд наткнулся на поперечную просеку, теряющуюся в лесах по обе стороны расчищенного пути. На ветке трепетала красно-желтая метка, оставленная лазутчиками Уорика.

— Вот здесь. — Хэмфри вытянул шею, глядя вдоль просеки, которая круто взбиралась сквозь лесную чашу. — Они говорили, что видели дым за этим холмом.

— Должно быть, она ведет к какой-нибудь деревушке, — заметил Генри, внимательно разглядывая тропинку. — Она выглядит давно протоптанной.

— Но, похоже, ею давно не пользовались, — добавил Роберт, вглядываясь в ковер коричневого папоротника. Ширина тропинки позволяла ехать по ней только одному всаднику в ряд, и сплетенные ветви предательски низко нависали над нею.

Генри жестом указал на двух рыцарей:

— Поезжайте первыми.

Мужчины оставили расчищенную просеку и углубились в лесные сумерки, пригибаясь под ветвями и смахивая с лиц налипшую паутину. Тропинка круто поднималась вверх, и вокруг раздавалось гневное щебетание птиц, встревоженных тем, что их покой оказался нарушен. Отряд все время сопровождали шорохи и шумы, начиная от шелеста листьев и заканчивая треском сучьев под копытами оленя, удиравшего подальше от людей. Ветви деревьев переплелись со всех сторон, загораживая от всадников небо и превращая солнечный день в вечерние сумерки. Даже если кто-то и прятался в чащобе, то рыцари вряд ли сумели бы вовремя заметить его. Они фактически заблудились, не понимая, в каком направлении движутся. Склон холма неуклонно повышался под копытами их коней, и они отчаянно стремились к свету и чистому небу. Вскоре их желание исполнилось. Когда отряд достиг вершины, деревья начали понемногу редеть, а тропа стала шире, так что теперь по ней могли скакать рысью два всадника в ряд, и только поросшая мхом земля заглушала топот копыт.

Роберт ехал рядом с Хэмфри в голове колонны, когда один из людей Генри предостерегающе крикнул. Натянув поводья и останавливая Хантера, Роберт увидел, что рыцарь показывает на деревья, с одного из которых свисали две туши. Это были олени, их длинные шеи безвольно обвисли. Желудки у обоих были вырезаны, коричневое мясо по краям обеих ран сочилось жиром, капающим на землю. В воздухе стоял кисловатый и тяжелый запах крови.

— Может, дальше пойдем пешком? — предложил Роберт. Облегчение, которое он испытал от возможности ехать верхом без оглядки, испарилось при виде оленей. Он чувствовал, что и с остальными происходит нечто похожее; рыцари положили ладони на рукояти мечей, и лица их были напряженными и мрачными.

— Нет, — возразил Генри. — Убить их мог кто угодно. А я не хочу терять времени, гонясь по лесу за парой браконьеров. Пройдем вперед еще милю, а потом вернемся. Дым не мог идти откуда-нибудь дальше, иначе лазутчики попросту не увидели бы его. — Не дожидаясь ответа, Генри тронул коня, и его люди последовали за ним.

Они проехали совсем немного, когда ощутили легкий запах древесного дыма. Вдалеке деревья расступались, открывая голый склон холма, залитый янтарным светом полуденного солнца. В центре расчищенного участка виднелись развалины поселения. Груды камней и обломки бревен валялись на земле — в некоторых еще можно было угадать контуры стены или дверного проема. Сухие стебли папоротников обступили развалины еще каких-то сооружений, укрывая их от любопытных глаз хрупкой оранжево-коричневой завесой. Можно было бы подумать, что здесь давно, несколько десятков лет, никто не жил, если бы не явные признаки того, что еще совсем недавно это место было обитаемым. В центре вытоптанной площадки, вокруг которой громоздились полуразрушенные здания, в яме трещал и плевался искрами костер, и столб серого дыма тянулся от него в небо. К обвалившимся стенам зданий лепились навесы из веток и травы, зияя темными провалами лазов, внутри которых могли укрыться несколько человек зараз. На некотором отдалении от поселения деревья вновь смыкались, образуя плотную стену теней и листьев.

Рыцари в молчании сгрудились на опушке. Одни разглядывали остатки временного лагеря, другие тревожно озирались по сторонам, всматриваясь в игру теней и света под деревьями.

— Я никого не вижу, — пробормотал Хэмфри.

— Я тоже, но огонь развели совсем недавно. Они не могли уйти далеко. — Генри приподнял поводья, намереваясь пустить лошадь вперед, но Хэмфри остановил его.

— Что ты намерен делать?

— Мы должны все хорошенько здесь осмотреть.

— Судя по размерам лагеря, это, скорее всего, тот самый отряд, который напал на графа Линкольна. Пока нас не увидели, нужно сообщить обо всем сэру Джону.

— Зачем зря терять время, когда мы сами можем преспокойно разобраться с этой деревенщиной? Пока к нам придет подмога, уже стемнеет, а если мы будем ждать до утра, то эти негодяи успеют скрыться.

— Похоже, они здесь уже давно, — заметил Роберт, подходя и останавливаясь рядом с Хэмфри. — Сомневаюсь, что они вообще уйдут куда-нибудь с насиженного места.

Генри с раздражением посмотрел на него.

— Вы не можете знать этого наверняка. — Он вперил в Хэмфри пронзительный взгляд и с нажимом заговорил. — Ты хотел показать себя в этой кампании. Что ж, вот он, твой шанс. *Наш* шанс. Наши отцы и деды заслужили славу под знаменем короля Эдуарда. И мы докажем, что достойны занять их место. Что из нас получится надежная смена. — Голос его зазвучал еще настойчивее. — Ты знаешь, к чему он стремится, Хэмфри. Разве ты не хочешь занять место за королевским столом, когда пророчество исполнится? Разве ты не хочешь получить часть нового королевства?

— Осторожнее, — пробормотал Хэмфри, быстрым взглядом окидывая остальных.

Роберт поймал его взгляд и вопросительно приподнял брови, но Хэмфри ничего не ответил.

А Генри продолжал, демонстрируя непоколебимую уверенность:

— Ты упустишь свой шанс, быть может, единственный, который каждому из нас выпадет в этой кампании.

— Граф Линкольн говорил, что отряд, напавший на него, насчитывал, по крайней мере, сотню человек. Если это действительно они, то их вдвое больше, чем нас.

— Линкольн позволил захватить себя врасплох. А у нас в этом смысле есть преимущество.

Хэмфри отвернулся. Его явно раздирали противоречивые чувства. Наконец глаза его сузились, и он вытащил из ножен меч.

Генри улыбнулся, и его голубые глаза сверкнули в солнечном свете.

— Давай разберемся с этим сбродом, — прорычал он, посылая коня вперед.

— Хэмфри, — окликнул Роберт друга, когда тот собрался последовать за Генри. — Мы получили совсем другой приказ.

Лицо Хэмфри окаменело.

— Мы идем вперед, — бросил он и дал шпоры коню.

Роберт оглянулся на своих людей, ожидающих его распоряжений. Эдвард вопросительно хмурился. Молодые оруженосцы, включая Неса, заметно нервничали, уже успев обнажить мечи. Как это будет выглядеть, если он откажется последовать за остальными: если Генри и Хэмфри с триумфом вернутся к Варенну, разгромив повстанцев, пока он будет прятаться за деревьями? Если для них это был шанс доказать свою состоятельность перед королем, то для него — возможность проявить себя перед ними. До сих пор эти молодые люди, наследники самых могущественных графств Англии, держали

его на расстоянии, даже Хэмфри, но он видел власть и влияние, которыми они располагали, и сам хотел заполучить такие же для себя. Его отец и дед служили королям Англии во время войны, за что и были вознаграждены землями. Да и сам он прибыл в Англию для того, чтобы восстановить авторитет семьи, которого они лишились после избрания Баллиола королем, но пока что, вместо того, чтобы упрочить семейное положение и состояние, он лишь бездумно транжирил его.

Кивком приказав брату и своим людям следовать за ним, он тронул каблуками бока Хантера.

Генри не остановился у линии деревьев, а бесстрашно выехал на самую середину залитой солнечным светом поляны, легким галопом направляясь к поселению. Любой элемент неожиданности, на который они могли рассчитывать, был утрачен, и остальные последовали за ним, обнажая на ходу мечи. Генри ехал мимо груд камней и полуразрушенных укрытий, Хэмфри и Роберт двигались чуть поодаль. В центре лагеря пылал большой костер, обдавая их волнами жара. Под треск пламени рыцари рассредоточились по лагерю. Землю усеивали высохшие стебли папоротника, срезанные на склонах и раскиданные повсюду. Вокруг ямы с костром лежали несколько бревен, предназначенных, скорее всего, для сидения, а по краю кострища валялись обугленные кости животных. Рядом с шалашами в землю были воткнуты несколько копий, и тут же громоздились пустые бочонки и штабель старых деревянных ящиков. Но в остальном лагерь выглядел пустым и покинутым.

Генри направил коня к одному из шалашей и рассек мечом невесомую груду веток, прислоненных к остаткам стены. Она разлетелась ворохом сухих листьев и сучьев. Внутри оказалась грязная оленья шкура, лежавшая на голой земле. Свесившись с седла, он ткнул острием в потрепанную, вонючую накидку, скомканную на шкуре, и приподнял ее на лезвии, прежде чем с отвращением стряхнуть с клинка.

Хэмфри спешил и подошел к костру. На траве валялись несколько деревянных мисок, а на пне стоял огромный железный котел. Наклонившись, он поднял одну из мисок и понюхал ее, а потом, недовольно скривившись, отшвырнул прочь.

— Должно быть, они услышали, как мы приближаемся, — сказал он, выпрямляясь и глядя на Генри. — Роберт был прав. Нам следовало слезть с коней и окружить их пешком, когда мы заметили оленей.

Роберт, оставаясь в седле, внимательно оглядывал поселение. Если бы не разожженный костер, он бы утверждал, что здесь давно никто не живет.

— Не очень-то это похоже на лагерь.

При этих словах друга Хэмфри тоже принялся оглядываться по сторонам, но тут один их рыцарей привлек его внимание.

— Сэр, быть можем, мы попробуем выследить их? Пойдем в лес по их следам?

Кое-кто из людей Генри тоже спешил и теперь пинками разбрасывал шалаша в поисках чего-либо ценного.

Хэмфри отрицательно покачал головой, взглядываясь в стену деревьев, обступившую их со всех сторон.

— Мы можем искать целую неделю и не найти никого.

Роберт направил Хантера к тому месту, где в землю рядом с шалашами были воткнуты копья. Древки были гладкими от долгого употребления, а в тех местах, где их сжимали чьи-то руки, буквально лоснились. Он ухватился за одно и выдернул его из земли, удивляясь про

себя тому, что владелец зачем-то бросил его здесь. На месте еще нескольких копий в земле остались дыры и отпечатки ног, но земля, по большей части, оставалась покрытой густым ковром сухих веток папоротника. Обводя взглядом груды листьев, ему вдруг показалось, что они как-то странно поблескивают. Всмотревшись повнимательнее, Роберт понял, что хрупкие ветки покрыты каким-то веществом. Серые и вязкие мазки его висели на кустах и траве. Роберт подцепил такое пятно кончиком копья, а потом поднес к лицу, чтобы рассмотреть получше. Он потер субстанцию большим и указательным пальцами. Она оказалась липкой и пахла, как животный жир. Он отвернулся, решив, что ветками папоротника вытирали котлы после приготовления пищи, но потом заметил, что и остальные рыцари, обшаривающие лагерь, тоже ругаются чуть ли не в голос. Роберт увидел, как один из них с видимым отвращением понюхал испачканные чем-то пальцы. Еще один вытирал руку о свой дублет. Оруженосец Держал перед собой на вытянутых руках грязную накидку, блестящую в лучах солнца. По спине Роберта вдруг пробежал холодок. В памяти у него вдруг всплыли сцены охоты, на которой он бывал вместе с дедом: как они расставляли силки, оставляя на траве кровавые следы и подвешивая на нижние ветки тушки овец, чтобы привлечь волков.

Все еще сжимая в руке перепачканное жиром копьё, Роберт развернул Хантера.

— Хэмфри!

Рыцарь подпрыгнул от неожиданности, но не успели слова Роберта слететь с его губ, как в воздухе засверкали десятки звездочек, вылетевших из окружавшего их леса. Еще несколько мгновений они поднимались вверх по наклонной траектории, затем лениво перевернулись и обрушились на лагерь. Воины успели сообразить, что это горящие стрелы, прежде чем те начали падать вокруг. Рыцари и оруженосцы подняли щиты над головами, прикрываясь ими от стрел, или бросились в укрытия. Но мятежники стреляли не в них. Когда заостренные наконечники втыкались в груды сухого папоротника, тлеющие куски пакли еще мгновение тускло мерцали, а потом вспыхивали ярким пламенем. Стоило им попасть на обмазанные жиром участки, как те занимались немедленно, и по лагерю побежали перекрещивающиеся огненные дорожки. Лошади испуганно попятились, когда из-под копыт с земли повалил дым и со всех сторон покатались волны жара. Несколько животных, обезумев, развернулись и понесли.

А стрелы все продолжали сыпаться, и рыцари разразились встревоженными криками. Те, кто успел спешиться, бросились ловить своих коней, чтобы вновь подняться в седла. Эдвард Брюс успел подставить щит навстречу горячей стреле, когда та вылетела из лесу. Она глубоко засела в дереве, и языки пламени принялись облизывать разрисованный центр. Жеребец Хэмфри испуганно заржал, когда вокруг за клубился дым и, перепрыгнув через огненный ручеек, галопом поскакал к лесу. Хэмфри заорал ему вслед, пытаясь криком остановить обезумевшее животное, но вынужден был пригнуться и броситься в укрытие, когда из лесу на них обрушился очередной град стрел. Один из оруженосцев Хэмфри попытался отбежать в сторону от падающего с небес огня, но оступился и упал в костер. Пламя охватило его накидку, и та занялась моментально. Он покатился по земле, непослушными пальцами пытаясь расстегнуть застежку у горла, но огонь крепко держал его в своих объятиях, и он превратился в живой факел.

Кто-то из рыцарей Хэмфри уже занес ногу, садясь в седло, но тут стрела ударила его в спину. Наконечник не пробил дублета, но глубоко засел в подбое. Рыцарь судорожно принялся шарить руками по спине, пытаясь вытащить стрелу, но тут огонь обжег ему шею.

Волосы вспыхнули, как факел, и конь испуганно помчал его к лесу, в то время как нога рыцаря по-прежнему оставалась в стремени. Он упал и с такой силой ударился о землю, что стрела пробила ему грудь навывлет, и кончик ее высунулся наружу, задев легкое. Рыцарь содрогался в конвульсиях, кровь фонтаном хлынула у него изо рта, а обезумевший конь мчал его к лесу.

Роберт пытался удержать Хантера на месте, задрав голову и глядя, не летят ли в него новые стрелы. Он закричал брату и своим людям, подзывая их к себе. Эдвард с оруженосцами подскакали и окружили его. В щите Эдварда красовалась дыра с обожженными краями, откуда он вырвал стрелу вместе с наконечником. Его люди из Эссекса рассеялись по всему лагерю, когда началось нападение, но сейчас они скакали к Роберту, понукая лошадей и стараясь объезжать огненные ручейки. Заслышав громоподобный рев, Роберт обернулся и увидел, как вверх по склону холма к ним бежит толпа в несколько сотен человек, сжимая в руках короткие дротики. Генри, завидев мятежников, тоже закричал, подзывая к себе оруженосцев, но лишь несколько воинов смогли присоединиться к нему, тогда как остальные не совладали с обезумевшими конями.

Роберт старался успокоить Хантера, когда тот испуганно заржал и присел на задние ноги. На мгновение он растерялся, не зная, что делать — бежать или сражаться. Юноша по-прежнему сжимал в руке копьё, которое выдернул из земли, как вдруг ощутил жгучее желание пришпорить коня и броситься вниз по склону навстречу приближающимся ордам. Но он тут же понял всю безумную тщетность этого безнадежного порыва. Огонь разделил их отряд, и они не могли перегруппироваться и атаковать. Несколько воинов уже скрылись за деревьями, то ли по собственной воле, то ли будучи не в силах управиться со своими лошадьми. Отшвырнув копьё в сторону, Роберт пришпорил Хантера и поскакал прочь, перепрыгнув через горящую кучу сухого папоротника, стрелявшую в него дымными искрами.

— Все назад! — закричал он, махнув рукой в сторону леса.

Генри, лицо которого покраснелось от жары и гнева, услышал его крик. Он оскалил зубы в злобной улыбке, но повернул коня и вместе со своими людьми последовал за Робертом. Один за другим они уносились прочь, а мятежники, тем временем, добежали до брошенного лагеря, и в дыму замелькали их фигуры с дротиками в руках. Кто-то из оруженосцев повалился на землю, когда копьё ударило его в бок. Другой дротик вонзился в круп коню, и обезумевшее животное взбрыкнуло, сбросив всадника. Рыцарь приземлился на крышу горящего шалаша и исчез в языках пламени, вихрем рванувших к небу.

Роберт уже почти достиг линии деревьев, а его брат и его люди скакали впереди, когда неразборчивые вопли мятежников заглушил крик. Обернувшись, он увидел, что к нему по траве бежит Хэмфри, а склон холма позади него уже объят пламенем. Рыцарь бежал из последних сил, а следом за ним мчалась толпа мятежников, оглашая воздух воинственными воплями, от которых кровь стыла в жилах. Роберт развернул Хантера. Он услышал предостерегающий крик Эдварда, но не обратил на него внимания. Вонзив шпоры в бока коню, он галопом помчался навстречу рыцарю, а затем заставил Хантера резко остановиться на полном скаку. Когда Хэмфри ухватился за луку седла у него за спиной, конь пошатнулся под двойной тяжестью. Роберт вцепился свободной рукой в дублет Хэмфри, помогая тому вскарабкаться на круп лошади. Обхватив его руками за пояс, Хэмфри оттолкнулся от земли и повис поперек седла у Роберта за спиной. Брюс уже собрался дать Хантеру шпоры, когда увидел, что к ним мчится еще одна фигура. Это был оруженосец из его поместья в Эссексе. За ним по пятам гнались мятежники. Юноша отчаянно кричал, и лицо его было искажено

ужасом.

— Скачи! — заорал Хэмфри.

Но Роберт помедлил еще какой-то миг. На лице оруженосца вспыхнула безумная надежда, и он помчался вперед из последних сил. Несколько мятежников остановились и подняли оружие. Роберт предостерегающе крикнул, увидев, что дротики взвились в воздух. Один из них ударил оруженосца в спину, когда тот занес ногу для очередного прыжка. Юношу швырнуло вперед, и он схватился обеими руками за острие, которое пробило ему дублет, высунув наружу острое жало.

— *Роберт!* — заорал ему на ухо Хэмфри.

Роберт ударил Хантера каблуками в бока, когда оруженосец бессильно повалился на землю. Еще несколько мятежников остановились, чтобы прицелиться, но их дротики вонзились в траву вокруг лошади, которая уносила двоих седоков к лесу, оставляя позади горящий поселок.

Роберт стоял на зубчатой стене с бойницами, бездумно глядя на залитое лунным светом широкое устье реки. По другую сторону выгнул спину мыс, который на фоне далекого моря выглядел каким-то диковинным зверем, припавшим к земле перед прыжком, и спина его серебрилась в призрачных лучах ночного светила. Воды реки, исчерченные полосами грязи, стекавшими с берегов, блестели в ночи, как треснувшее зеркало.

Стояла уже поздняя ночь, но городок Конви, прилепившийся к замку, был залит ярким светом факелов. Цепочки огней ползли по улицам, когда солдат разводили по казармам, а маркитантки, следовавшие в обозе, располагались в новых, пусть и временных, домах. По другую сторону реки, воды которой омывали северо-восточные стены замка, тоже плескалось море огней. Одни горели дальше, другие — ближе: это полки и отряды, не успевшие переправиться до наступления темноты, располагались на ночлег. Можно было не сомневаться в том, что окончательная перегруппировка сил займет еще несколько дней.

Полк Варенна вышел к этим берегам несколько часов тому, перед самым заходом солнца. Вырисовывавшийся на фоне темно-багрового неба на высоком скалистом утесе, замок Конви показался усталым и измученным солдатам нереальным и сказочным видением. Его выкрашенные известкой стены, белые, как снег, гордо вздымались на обрывистых скалах, сбегавших к самой реке, где отражались в ее темных глубинах, и столбы света от фонарей на зубчатых парапетах сверкали на поверхности, подобно драгоценным камням. Король прибыл в замок раньше всех, и на четырех изящных башенках, венчавших северо-западный бастион, развевался его ярко-алый штандарт с тремя львами. Щиты с таким же гербом висели и на зубчатых стенах, а входы в башни украшали другие гербы и родовые цвета, отмечая покои графов и баронов. Позади замка города, обнесенного стеной, над которой через равные промежутки возвышалась двадцать одна башня, поднимались холмы, постепенно переходя в горную гряду Сноудон, вершины которой терялись в облаках и наступившей темноте.

Вид замка вызвал нешуточное облегчение в войске Варенна, и впервые за много дней на лицах мужчин появились улыбки, а в рядах послышались смех и шутки. Атака в злополучном поселке на склоне холма показала, что в лесах не только таится смертельно опасный враг,

который знает окружающую местность, как свои пять пальцев, но и ловко пользуется своим преимуществом, так что воинам приходилось постоянно пребывать настороже. Когда лодки несли их на другой берег, к деревянному пирсу, к которому сбегала каменная лестница, петлявшая между обломками скал к самым воротам, кое-кто даже затянул бравую походную песню.

Но Роберт не улыбался и не принимал участия в разговорах. Во время переправы он оказался напротив одного из своих рыцарей из Эссекса — отца оруженосца, погибшего в засаде. Рыцарь не упрекнул его в смерти сына, с мрачным видом выполняя все его распоряжения. Но перед внутренним взором Роберта стояло лицо молодого оруженосца, отчаянно спасающегося бегством, за спиной которого спокойно прицеливались мятежники, и он всматривался в суровые черты пожилого мужчины, тщетно пытаясь подобрать нужные слова и не находя их.

Их поспешное отступление из объятых огнем поселка напоминало паническое бегство. Сломав голову они мчались по просеке, и Хэмфри крепко держался за пояс Роберта, сидя позади него. Некоторое время они еще слышали шум погони, но крики мятежников стихли задолго до того, как они выбрались на утоптанную просеку и встретились с главными силами своего полка. И здесь Хэмфри, Генри и Роберту пришлось объяснять разъяренному графу де Варенну, в какую ловушку они угодили по собственной глупости. На следующее утро Варенн и Линкольн повели своих ветеранов по их следам к поселку, а трое молодых людей, получив взбучку, остались в обозе. Еще через день воины вернулись, покрытые кровью и славой. Они выследили повстанцев, ушедших из сожженного дотла поселения, в которое так ловко заманили молодых рыцарей, в свою лесную базу в нескольких милях к северу. И здесь уэльсцам была устроена кровавая бойня, в которой они сполна заплатили жизнями за самоуверенность. Но Варенн не дал своим людям возможности насладиться одержанной победой, обвинив троих молодых людей в том, что их глупая горячность стоила его войску двоих рыцарей, четверых оруженосцев и шестерых лошадей. Хэмфри признался, что Роберт предлагал спешиться и окружить лагерь пешком, но граф не пожелал его слушать.

Оттолкнувшись от стены, Роберт зашагал по внутренней крытой галерее, протянувшейся вдоль всего внутреннего двора замка, над крышами и трубами, из которых в темное небо извергались клубы дыма. В переполненном дворе, вымощенном каменными плитами и застроенном бревенчатыми домами, царил хаос. В свете факелов оруженосцы тащили на плечах тюки с припасами и одеждой, следуя за своими хозяевами в отведенные для них помещения, а между ними сновали слуги, нагруженные одеялами и постельным бельем. Спустившись по каменной лестнице с галереи, Роберт уже подходил к башне, где расположился со своими людьми, как вдруг услышал, что кто-то окликает его по имени. Обернувшись, он увидел Хэмфри.

— Я звал тебя трижды, — заявил ему рыцарь.

— Я ничего не слышал. — Роберт встретил взгляд друга и отвернулся, глядя на кишачий суматохой двор. Они почти не разговаривали с Хэмфри после нападения, если не считать того, что рыцарь поблагодарил его за спасение. А Генри он старался избегать вообще, что, впрочем, было нетрудно. Все трое держались особняком, чувство вины и неприязнь товарищей по полку ощущались буквально физически. — Тебе что-нибудь нужно?

— Мне нужно, чтобы ты пошел со мной.

Роберт нахмурился. Сегодня ночью Хэмфри выглядел совсем другим. На его лице

отражалось внутреннее напряжение, но оно было вызвано не тревогой или страхом, а нетерпеливым ожиданием.

— Я должен посмотреть, как устроились мои люди.

Но Хэмфри схватил его за локоть.

— Пожалуйста, Роберт.

— Куда я должен пойти с тобой? — Помимо воли голос Роберта прозвучал жестче и грубее, чем он намеревался.

Хэмфри заколебался, но потом настойчиво взглянул ему в глаза.

— Ты мне доверяешь?

Роберт ответил не сразу. Он доверял Хэмфри, но, вспомнив, как рыцарь вошел в покинутый поселок — с решительным и неприступным видом, помедлил с ответом. До той поры ему не приходилось сталкиваться с этой стороной характера своего друга, и она изрядно удивила его. Но ему по-прежнему нравился юноша и, говоря по правде, последние дни отчаянно не хватало его общества.

— Я доверяю тебе.

— Тогда идем.

Рыцарь вновь повел его по крытой галерее, мимо башен на северо-восточной стороне, мрачной тенью нависавших над огороженными фруктовыми садами и огородами, от которых каменная насыпь сбегала к деревянной пристани, где до сих пор сгружали на берег припасы с последних лодок. Стражники, прячущиеся за выступами стен от порывов холодного ветра, провожали их внимательными взглядами. Наконец, друзья подошли к башне, бойницы которой смотрели поверх городских крыш на купающиеся в лунном свете склоны холмов. Когда Хэмфри отворял перед ним дверь, Роберт заметил свисавший из окна над головой голубой рыцарский стяг.

Круглая комната на нижнем этаже весьма походила на его собственную, почти пустую, если не считать огромного камина и нескольких вытертых подушек в каменной нише у окна со свинцовым переплетом. В небольших квадратиках оконных стекол плясали отсветы пламени в камине. Вдоль стен выстроились тюки и сундуки, все еще не разобранные. Единственное отличие от комнаты Роберта заключалось в том, что здесь, у Хэмфри, собралась большая группа людей.

У самого окна, в желтой накидке, украшенной зеленым орлом, стоял Ральф де Монтермер, рыцарь из личной свиты короля. На подушках неподалеку от Ральфа устроился молодой Томас Ланкастер, начавший эту кампанию в качестве оруженосца графа Эдмунда. Рядом с камином стоял Генри Перси, коренастую фигуру которого подсвечивало оранжевое пламя. Его холодный оценивающий взгляд был устремлен на Роберта. Возле него виднелась высокая и поджарая фигура Ги де Бошама, брата Елены. Здесь же находился рыцарь из свиты короля, спокойный и куртуазный мужчина по имени Роберт Клиффорд, и трое других рыцарей. Все молчали, когда Хэмфри закрыл дверь. Роберт вдруг заметил, что перед каждым из них на полу лежит щит. Ярко-алый цвет в темноте казался почти черным, зато золотой дракон дышал пламенем и его контуры на щите казались живыми, они двигались. Он заметил также, что в центре комнаты лежит еще один такой же щит, по всей видимости, ничейный. При виде его Роберт ощутил прилив возбуждения.

— Мы хотим, чтобы ты присоединился к нам.

Роберт повернулся к Хэмфри, чье широкое лицо заострилось в изломанных тенях, падающих на него. Приятель жестом указал на остальных рыцарей, которые, как по команде,

подняли щиты и встали вокруг того единственного, что продолжал лежать на полу. Поначалу, после рыцарских схваток на турнире в Смитфилде, Роберт решил, что щиты — неотъемлемая часть снаряжения некоторых его участников, нечто вроде знака отличия, заработанного по количеству одержанных побед. Но потом, в последующие месяцы, видя, как слаженно действуют члены этой тесной группы при дворе, причем Хэмфри был чем-то вроде мозгового центра, он заподозрил, что у них более широкие цели. Это подозрение превратилось в уверенность на марше в Уэльс, когда он стал невольным свидетелем полного недомолвок и намеков разговора о короне короля Артура и пророчестве. Роберт хотел присоединиться к ним не только из любопытства, но еще и потому, что видел, каким уважением пользуются эти молодые люди при дворе и у самого короля. Многие годы Брюсы занимали важные посты в государстве, вращаясь в высших эшелонах власти, пользуясь покровительством королей и уважением остальных пэров. Но теперь этому пришел конец. Именно король Эдуард навлек на них опалу, остановив свой выбор на Баллиоле, и Роберт презирал его за это. Но ненависть уступила место прозрению, когда он понял, что ему предлагают в этой освещенной огнем камина комнате.

Не говоря ни слова, он шагнул в центр рыцарского круга, и Хэмфри замкнул его за спиной Роберта.

— Подними щит, — начал Хэмфри. Он приподнял руку, призывая друга не спешить, когда тот наклонился за ним. — Но только если ты хочешь стать частью целого, частью круга, все члены которого связаны верностью королю и его делу.

Роберт выпрямился, чувствуя, что сначала должен выслушать Хэмфри до конца.

— Десять лет тому, после победы над Льюэллином ап Граффадом, король Эдуард создал рыцарский орден, которому доверил величайшее знание нашего времени. Через несколько месяцев после того, как Льюэллин был повержен, наш король побывал в Нефине, небольшой деревушке, расположенной неподалеку от того места, где мы находимся сейчас, там, где были обнаружены и переведены пророчества Мерлина в изложении Гальфрида Монмутского. И там, в бывшей цитадели Льюэллина, король Эдуард нашел последнее из этих пророчеств. То самое, которое не было переведено Монмутом. То самое, которое оставалось неизвестным долгие столетия, сохраняемое в тайне уэльскими принцами Гвинедда.

Роберт знал о Монмуте и его сочинениях. У его брата Александра была книга «История королей Британии», которую он однажды пролистал. Однако «Пророчества» он не читал и понятия не имел, что очередное из них было обнаружено совсем недавно.

— Король поручил одному уэльсцу, оставшемуся верным ему, перевести Последнее Пророчество, после чего представил текст своим рыцарям, которые поклялись помочь выполнить содержащиеся в нем указания. В качестве символа сплотившей их цели король приказал изготовить Круглый Стол по образу и подобию того, что был при дворе короля Артура. Теми рыцарями были наши отцы, деды и братья, — продолжал Хэмфри, обводя взглядом молчаливых молодых людей, стоявших вокруг Роберта. — И теперь мы идем по их стопам. Наша цель состоит в том, чтобы доказать — мы достойны так же служить королю, как это делали они, и однажды занять места за этим столом, разделив славу правления.

— Мы — Рыцари Дракона, — сказал Генри Перси, и его сильный голос прозвучал за спиной у Роберта, — названные так в память о знамени, которое явилось во сне Утеру Пендрагону, знамени, которое помогло Мерлину предсказать, что Утер станет королем, а его сын Артур будет править всей Британией.

Генри умолк, и слово взял Томас Ланкастер, продолжив своим чистым и звонким юношеским голосом:

— Гальфрид Монмутский рассказывает нам об упадке Британии, наступившем после смерти Артура, во время вторжения саксов. Он пишет, что в то время Господь послал ангела сообщить бриттам, что они более не будут править своим королевством. Но однажды, в будущем, во время, предсказанное Мерлином, если удастся собрать все реликвии вместе, королевство вновь станет единым и в нем воцарится мир и благоденствие.

— В Последнем Пророчестве, — подхватил Ральф Монтермер, — найденном в Нефине десять лет тому, перечислены эти реликвии: трон, меч, жезл и корона. Это — королевские регалии Британии, которые сначала носил основатель наших земель, Брут из Трои. После его смерти четыре реликвии и само королевство было разделено между его сыновьями. С этого разделения и начался долгий упадок Британии, сопровождавшийся войнами, голодом и бедностью. В Последнем Пророчестве сказано, что нашим землям грозит окончательное разрушение, если только все четыре реликвии не будут собраны под рукой одного правителя.

Следующим вновь заговорил Хэмфри:

— Корона, упоминаемая в пророчестве, — это диадема, которую носил сам Брут и которая с тех пор передавалась всем королям Британии. Эту корону носил и Артур, передавший ее своему кузену в Камблеме, после чего след ее потерялся, пока Льюэллин ап Граффад не объединил Уэльс властью, заключенной в ней. И теперь мы должны найти эту корону. Если ты согласен посвятить свою жизнь поискам короны и доказать, что достоин стать однажды рыцарем Круглого Стола, тогда подними этот щит.

Когда Хэмфри умолк, Роберт понял, что пришел его черед. Его захлестнули мысли и мечты о сокровищах и рыцарских странствиях. Где-то глубоко-глубоко в памяти вновь зазвучал голос его приемного отца в Антриме, рассказывающий о Финне мак Кумале и его воинах. Тогда он с благоговейным трепетом слушал эти легенды, гадая, ожидают ли его самого подобные приключения. Но чем старше он становился, тем яснее понимал, что взросление означает долг, обязанности и участие в политических интригах, а не великие открытия, турниры и славу, и легенды эти постепенно стирались в его памяти. То, о чем сейчас говорили эти молодые люди, представлялось ему нереальным, но их торжественные и серьезные лица свидетельствовали о том, что это правда, и от осознания этого факта по спине у Роберта побежали мурашки, а старые сказки детства вдруг обрели плоть и перед ним открылись блистательные возможности. Он заколебался на мгновение, сознавая, что клятва, которую он сейчас собирался принести, будет столь же священной, как и присяга на верность, и что она навечно свяжет его вассальным обетом перед королем. Слова Хэмфри эхом зазвучали у него в ушах... *занять свое место за этим столом, разделив славу правления.* Наклонившись, Роберт поднял щит с золотым драконом.

Атмосфера мгновенно разрядилась, и молодые люди заулыбались и закивали головами.

К нему подошел Хэмфри.

— Добро пожаловать, — сказал он и раскрыл Роберту объятия. Роберт заколебался, не желая разрушать торжественное очарование момента, но потом понял, что все-таки должен задать вопрос, не дававший ему покоя.

— Все ли были согласны принять меня? — Он знал достаточно, чтобы не сомневаться в том, что и Эймер де Валанс также входил в орден.

— Остальным скажут обо всем позже. — Похоже, Хэмфри догадался, что он имеет в виду. — Но они все равно не смогут отвергнуть тебя. Сам король дал разрешение.

— Король Эдуард знает обо всем?

— Я разговаривал с сэром Джоном де Варенном, и он лично обращался к королю с прошением принять тебя в наши ряды.

Роберт кивнул, втайне довольный тем, что ему удалось произвести хорошее впечатление на короля, несмотря на очевидную оплошность во время марша.

К ним подошел Ральф Монтермер, держа в руках два кубка с вином, которые он и протянул друзьям.

Роберт взял свой.

— Если корона короля Артура — только одна из реликвий, то каковы же остальные три?

— Еще одной считается Меч милосердия, [\[45\]](#) — пояснил Ральф, прежде чем Хэмфри успел открыть рот, чтобы ответить. — Клинок некогда выковал сам святой Эдуард Исповедник, [\[46\]](#) но его происхождение покрыто мраком и оставалось неизвестным, пока не было найдено пророчество. Король хранит его в Вестминстере.

— А жезл? Трон? Они тоже у него уже есть?

— Еще нет, — отозвался Хэмфри, поднимая свой кубок. — А теперь давай выпьем, брат!

Роберт поднес кубок к губам и сделал большой глоток, ощущая на себе пристальный взгляд Хэмфри.

30

— Где ты был вчера ночью?

Роберт обернулся, заслышав обращенный к нему вопрос. Его брат Эдвард, сложив руки на коленях, присел на корточки у стены в оружейной комнате, которая выходила во внутренний двор крепости. В воздухе стоял резкий скрежет — это Нес перекачивал кольчугу Роберта в бочке с песком, чтобы удалить ржавчину с металла. Здесь были и другие люди, они чинили кольчуги и точили мечи. По двору гулял порывистый холодный ветер, швыряя им в лицо горсти песка. Перед самым Рождеством этот ветер принес к ним и первый снег, но он быстро растаял. Правда, свинцовые тучи, ползущие низко по небу, вновь грозили пролиться дождем со снегом.

— Вчера ночью? — Роберт отвел глаза. — Я был с Хэмфри.

— В последние дни я тебя почти не вижу. Чем ты занят?

Роберт небрежно отмахнулся от расспросов брата.

— Упражняюсь.

Это не было откровенной ложью. За те десять дней, что прошли после прибытия королевской армии в Конви, делать было решительно нечего, и оставалось только ждать, пока разведывательные отряды, рассылаемые в разные стороны, добудут хоть какие-нибудь сведения о местоположении противника. Пока что, за исключением нападения в лесу, повстанцы не подавали признаков жизни, и рыцарям попадались лишь редкие крестьяне, работающие в поле. Вокруг царила почти сверхъестественная тишина и покой. Вот почему постоянные упражнения не давали людям сойти с ума от скуки. Но они были не единственной причиной отсутствия Роберта.

Эдвард поднялся на ноги, и лицо его посуровело. Скрип бочки с песком не заглушил его

слов, произнесенных негромко, но отчетливо:

— Я видел твой новый щит, братишка.

Роберт испытал некоторое облегчение, поняв, что Эдвард узнал не самый главный его секрет. Однако к облегчению примешивалось и чувство вины. Хэмфри сумел убедить его в том, что пророчества должны оставаться внутренним делом ордена, но добавил, что Роберт вправе именовать себя Рыцарем Дракона и открыто носить полученный щит как на войне, так и на турнирах. Тем не менее, Роберт постарался особо не афишировать свое посвящение. Ему не хотелось рассказывать Эдварду о случившемся. В глубине души он подозревал, что брат не одобрит клятву, которую он дал перед лицом молодых английских рыцарей. И потому постарался скрыть вину под маской гнева.

— Ты рылся в моих вещах? Кто дал тебе на это право?

— Я был в твоей комнате и случайно увидел его.

— Он лежал под кроватью, завернутый в мешковину. — Заметив, что Нес с недоумением поглядывает на них, Роберт отошел в сторонку, жестом пригласив брата последовать за собой. Когда они оказались достаточно далеко, чтобы оруженосец не мог их услышать, он повернулся к брату. — Не лезь в мои дела, которые тебя не касаются.

Эдвард сердито поджал губы.

— Я — один из твоих людей. Разве в твои обязанности не входит просветить меня насчет твоих планов в этой кампании?

— Как один из моих людей, ты обязан повиноваться мне, не задавая глупых вопросов, — отрезал Роберт, — как и любой другой оруженосец. — Он отвел глаза, не в силах вынести обиду на лице брата. — Я хочу сказать...

— Мне совершенно ясно, что ты хотел сказать, — перебил его Эдвард. — Я что, отныне недостойн твоего внимания? Или ниже тебя по положению? Может быть, это оттого, что я — не рыцарь, как твои новые сотоварищи?

Роберт вздохнул. Он понимал, что рано или поздно, но выяснение отношений должно было состояться.

Впервые он заметил перемены, произошедшие с братом, после своего посвящения в рыцари. Путешествуя по Англии, они стали ближе друг к другу, чему немало способствовала чужая земля и обычаи, и отчуждение, которое он испытывал со стороны Эдварда, похоже, уменьшилось. Но за лето, проведенное в Лондоне, когда его дружба с Хэмфри окрепла, исчезнувшая было холодность вновь стала очевидной. Роберт даже спрашивал себя, а не она ли была причиной того, что Эдвард стал поистине неуправляемым: он прекословил рыцарям, словно полагал себя ровней им, позволял себе пренебрежительно отзываться о некоторых баронах, задирался с первыми встречными, будь то за праздничным столом или на турнире. Впрочем, в чем бы ни заключалась причина, Роберт обнаружил, что поведение брата раздражает его все сильнее и ему все меньше хочется делать то, чего так добивался от него Эдвард.

— Почему ты не посвятишь меня в рыцари?

Вот оно — тот самый вопрос, которого Роберт ждал и боялся.

— Я уже говорил тебе, что мы поговорим на эту тему, когда вернемся домой.

— Это было еще до войны. Мы уехали из Шотландии восемнадцать месяцев тому, и никто не знает, сколько еще продлится эта кампания. — Эдвард встал перед Робертом, заставляя его взглянуть себе в глаза. — Братишка, в следующем году мне исполнится девятнадцать.

— Все равно, ты еще слишком молод, чтобы стать рыцарем. Имей терпение. — Роберт обнял Эдварда за плечи. — Дай мне закончить то, ради чего мы прибыли сюда, и затем, обещаю, я сделаю тебя рыцарем.

Эдвард помедлил, на лице его отражалась внутренняя борьба. Но потом он неохотно кивнул в знак согласия.

Роберт разомкнул объятия, когда на башне ратуши зазвонил колокол, призывая горожан к обедне. Звуки эти пробудили в нем странное чувство, эдакое щекотание в животе, схожее с тем, которое он испытывал, замирая на коне и готовясь пойти в атаку на цель.

— Мне нужно идти, — сказал он брату и окликнул своего оруженосца. — Нес, когда закончишь, посмотри, как там Хантер.

— Слушаюсь, сэр.

— Счастливой тренировки, — исполненным язвительного сарказма голосом крикнул ему вслед Эдвард.

Роберт, не оглядываясь, зашагал по шумному наружному двору замка, направляясь к каменной лестнице, ведущей на стену. К тому времени, как он поднялся наверх, колокол умолк, но эхо его звона еще катилось над водами реки. Роберт ускорил шаг, направляясь к северо-восточной башне, а в голове у него зазвучал внутренний голос, осуждающий его за двойные стандарты. Всего несколько мгновений тому он корил брата за безрассудное поведение, а сейчас сам походит на беззаботного ребенка, который, раскачавшись как следует, прыгает с нижней ветки дерева, не глядя под ноги и не ведая, куда летит. Роберт заставил внутренний голос замолчать, возбуждение теснило ему грудь, и он уже перешел ту грань, на которой его могло остановить благоразумие.

Проходя мимо башни, громада которой нависала над главными воротами, Роберт увидел отряд численностью в несколько сотен человек, направляющийся к замку. Большинство ехали верхом, и их флаги пестро и ярко выделялись в предгрозовых лучах солнца. В последние две недели в цитадель начали понемногу возвращаться подразделения, посланные на юг снять осаду с замков, окруженных мятежниками. Пока это был самый большой встреченный им отряд. Интересно, удалось ли им добыть сведения о местоположении противника, мельком подумал Роберт. Пожалуй, он испытал бы огромное облегчение, если бы покинул замкнутое пространство переполненного замка. Но при этом непременно скучал бы кое о чем. Точнее, кое о ком.

Роберт подошел к башне, бойницы которой смотрели на широкую дельту реки. От скал, на которые выходили желоба отхожих мест, поднималась резкая вонь. Над сверкающими валунами на берегу за съедобные крошки дрались чайки. Открыв дверь башни, Роберт вступил в темноту лестницы, которая спиралью поднималась наверх вдоль стены. На нижнем этаже он осторожно вошел в круглую комнату, единственным источником света в которой служили узкие бойницы для лучников, прорубленные в стенах. Он замер на мгновение в полумраке, вглядываясь в отпечатки ног на пыльном полу, ведущие к сложенным штабелем мешкам с зерном. Мешков оставалось намного меньше, чем было в начале недели, когда он впервые обнаружил это место. Пол вокруг усеивало рассыпанное зерно, на котором отчетливо отпечатались следы ног. Снаружи доносились пронзительные крики чаек. Но он все равно уловил свое имя, произнесенное робким шепотом.

Роберт шагнул вперед и протиснулся в щель между пухлыми мешками, ставшую еще уже после того, как ею стали пользоваться. Прижавшись к грубой мешковине, он полез внутрь. Зерно подавалось под его нажимом, как мускулы под кожей. Запах плесени напомнил ему

время сбора урожая в Каррике. И вот преграда из мешков осталась за спиной, и перед ним открылось окно с двумя каменными нишами друг напротив друга. С обеих сторон сиденья примыкали к узкой вертикальной бойнице. Между ними, в одиноком луче света, падающем сквозь бойницу, стояла Елена де Бошам, и волосы ее, собранные в высокую прическу на затылке, окружал светящийся ореол.

Дома, в Лохмабене, девушки были милы и покорны, но удовлетворения не приносили. Встречаться с ними — то же самое, что тыкать копьём в столб с мишенью, стоя на месте, будучи не в состоянии насладиться скоростью движения. Ева, которую он целовал в тот вечер, когда его семья лишилась надежд на трон, была другой, и воспоминания о ней еще долго не давали ему спокойно спать по ночам. Но последующие события вытеснили память о ней. Елена, шестнадцатилетняя дочь английского графа, была обещана другому и оттого представляла собой еще более опасную цель, но это обстоятельство лишь распаляло желание Роберта. Она тянулась к нему. Что еще ему оставалось, как не поддаться ее чарам?

На Елене было темно-синее платье, туго стянутое на талии плетеным пояском и ниспадающее широкими воздушными складками. В темном платье ее стройная фигурка выглядела почти по-мальчишески, но Роберт уже знал, что выпуклости под этим платьем были мягкими и упругими, уж никак не мужскими. Она улыбнулась, но не сказала ни слова. Они встречались совсем не для того, чтобы поговорить. Роберта это вполне устраивало. Здесь, в пахнувшей плесенью берлоге, за штабелем мешков с зерном, у него была только одна цель. Цель, достигнуть которой ему никак не удавалось, но к которой он каждый день стремился все более настойчиво.

Они одновременно шагнули друг к другу, и Роберт взял ее лицо в ладони, ощущая страстное покалывание в кончиках пальцев от прикосновения к ее бархатной коже. Губы их встретились. Он вдохнул уже знакомый запах оливкового масла, которым, по ее словам, так пахло мыло, привезенное ее семье из Испании. Губы девушки были теплыми, ее дыхание обжигало, когда они слились в поцелуе. Девичьи руки робко обняли за шею, пальчики неуверенно зарылись в темные кудри, а его руки, погладив ее по плечам, скользнули ниже, по спине. Когда он ощутил ладонями пышную мягкость, удивительную в столь стройной фигуре, Елена негромко ахнула и отстранилась. Роберт напрягся, испытывая жгучее разочарование, грозящее выплеснуться наружу и заставить его забыть о правилах приличия. Опять то же самое. Они достигли точки, за которой начиналась борьба. Они постоят так еще немного, он уберет руки с ее ягодиц, она вновь прильнет к нему, страсть заиграет в обоих приливной волной, его руки опять скользнут чуточку ниже, и девушка немедленно отстранится. И все начнется сначала.

Роберт как раз достиг нужной точки, уверенно прижимая ее к себе обеими руками, когда дверь в помещение открылась. Звуки чужих голосов и громкие шаги заставили их испуганно отпрянуть друг от друга. Уловив смазанное движение сквозь щель в штабеле мешков, Роберт потянул ее за собой, в тень. Девушка смотрела ему через плечо широко раскрытыми глазами, щеки ее пылали. Сердце гулко колотилось у Роберта в груди, и ему даже показалось, что он слышит стук ее сердечка, эхом отдающегося в жилке на виске. Из-за мешков, тем временем, доносились голоса двух мужчин.

— Вашим людям должно вполне хватить здесь места, сэр. А вы сами можете занять комнату наверху. Боюсь, что мы оказались несколько не готовы. Король не ожидал вас так скоро. Остальные мешки мы уберем немедленно.

— Уж постарайтесь. Мои люди валяются с ног от усталости.

Роберт нахмурился — этот скрипучий голос с резким акцентом показался ему хорошо знакомым. И тут он узнал его — это был граф Пемброк, Уильям де Валанс.

— Разумеется, сэра.

Шаги удалились. Хлопнула, закрываясь, дверь. Роберт выждал еще несколько мгновений, вслушиваясь в затихающие голоса, а затем повернулся к Елене:

— Мы уйдем по отдельности. Я пойду первым, чтобы убедиться, что путь свободен.

Когда он уже собирался покинуть их убежище, Елена схватила его за руку.

— Где же мы увидимся снова, сэра Роберт? — прошептала она.

— Я что-нибудь придумаю. — Роберт склонился к ней, чтобы поцеловать, на этот раз нежно и бережно. Он принялся протискиваться в щель между штабелями мешков, и Елена последовала за ним. У двери он прислушался, прижавшись плечом к косяку. Ничего не услышав, он приоткрыл ее. Лестница была пуста. Обернувшись к Елене, чтобы одарить ее на прощание обнадеживающей улыбкой, он вышел наружу, оставив дверь открытой настежь. Роберт стал подниматься вверх, благодаря Бога за мешки, которые послужили им укрытием, как вдруг до его слуха донеслись шаги двух человек, спускающихся вниз. Он хотел было вернуться, но времени уже не оставалось и он должен был предоставить Елене возможность спокойно уйти. Если она услышит голоса, то непременно побежит вниз, вместо того чтобы подняться вверх.

Показались сапоги первого мужчины, серые от пыли. Поверх них хлопали полы голубой накидки с белыми полосами, заляпанные грязью и украшенные мелкими красными птичками. На мгновение, завидев герб, Роберт решил, что это сам Пемброк, но потом, когда из-за поворота появилось жесткое, угловатое лицо, он сообразил, что это его сын.

Завидев Брюса, Эймер де Валанс замер на месте. Подбородок его покрывала темная щетина, а на скуле красовалась рваная рана, недавно заштопанная лекарем. За ним шел оруженосец с мешком, переброшенным через плечо, и грудой перепачканной кровью одежды в руках. На накидке Эймера тоже виднелась кровь, пятна ее скрывали красных птичек.

— Мне сказали, что это наши покои, — резко бросил Эймер, глядя на своего оруженосца.

— Правильно, сэра, — ответил тот, неуверенно глядя на Роберта.

Несколькими ступенями выше в стене находилась ниша с прорубленной в ней бойницей, выходявшей на реку. Роберт поднялся и отступил в нее.

— Ступайте, — сказал он, не сводя взгляда с рыцаря.

Эймер помедлил еще мгновение, а потом стал спускаться, оставляя за собой кисловатый запах крови. Оруженосец поспешил следом. Роберт же, не оглядываясь, продолжил путь вверх и не остановился, пока не вышел на парапет, где ледяной ветер холодом обжег его разгоряченное лицо.

Вернувшись к себе в комнату, Роберт вымыл руки в тазу, стоявшем у окна. Он наклонился, чтобы умыться, а потом, опершись руками о деревянный подоконник, принялся бездумно смотреть на зубчатую крепостную стену.

Уже почти совсем стемнело, и низкие тучи цеплялись за башенки замка. Комната, в

которой из мебели лежал только набитый соломой тюфяк, была погружена во мрак, если не считать круга света от единственной свечи. С нижнего этажа до Роберта доносились голоса брата и его людей — они собирались ужинать. В щели между досками пола снизу пробивался свет очага. Эдвард рассказывал какую-то историю, и временами его голос заглушали взрывы смеха. Как правило, Роберт присоединялся к ним, но сегодня у него не было настроения для веселья.

Раздался стук в дверь. Распахнув ее, Роберт обнаружил на пороге Хэмфри, лицо которого озарял тусклый свет свечи. Он не улыбался.

— Что случилось? — спросил Роберт, глядя на мрачное лицо Друга. Он решил, что лазутчики наконец-то доставили сведения о неприятеле.

— Возьми свой меч.

Казалось, его слова подтверждают подозрения Роберта, но было в суровой строгости Хэмфри нечто такое, что заставило его усомниться в справедливости своих предположений.

— Лазутчики выследили неприятеля? — поинтересовался он, застегивая пояс, на котором висел меч в ножнах. — Или нас атакуют?

Когда Роберт потянулся за дублетом, Хэмфри жестом остановил его.

— Он тебе не понадобится, — невыразительным голосом заметил рыцарь, — возьми только меч. — С этими словами он шагнул в коридор, явно ожидая, что Роберт последует за ним.

Немного помедлив, Роберт вышел из комнаты вслед за другом.

— Что случилось, Хэмфри?

Тот не ответил, молча поднявшись по ступенькам к двери, которая вывела их на крепостную стену.

Роберт поежился, ощутив дуновение пронзительного холодного ветра. На нем были лишь черные облегающие штаны и белая льняная рубашка с открытым воротом. Морозная сырость оседала на его лице. Когда Хэмфри зашагал к северо-восточным башням, Роберт стал осматриваться по сторонам, ища признаки нападения, но в замке было тихо и во дворе горели факелы, освещая мерно расхаживающих стражников. Внизу, за стенами замка, улочки Конви были погружены в темноту. Выждав еще несколько мгновений и видя, что Хэмфри не намерен останавливаться, Роберт решил, что с него довольно.

Хэмфри обернулся к нему, поняв, что Роберт остановился.

— Идем.

— Только после того, как ты объяснишь мне, куда мы направляемся. У тебя с собой даже нет меча.

Окаменевшее лицо Хэмфри исказилось от гнева. Он буквально подскочил к Роберту и взглянул ему прямо в глаза.

— Зачем ты сделал это? Ведь я же предупреждал тебя!

— Сделал что? — пожелал узнать Роберт, гнев которого уступил место растерянности.

— Елена.

Роберт умолк, и прозвучавшее имя упало в мертвую тишину между ними.

— Как ты узнал? — нетвердым голосом спросил он.

— Эймер, — язвительно откликнулся Хэмфри. — Он видел, как она выходила из башни.

— Она рассказала ему обо всем? — не веря своим ушам, пробормотал Роберт. Если Елена попадется, то ее ждут почти такие же неприятности, как и его самого.

— Эймер догадался кое о чем, когда увидел вас обоих. Он заставил ее подтвердить свои

подозрения.

— Заставил? — резко бросил Роберт.

— Он пригрозил, что пойдет к ее отцу, если она не скажет ему всей правды. Что за безумную игру ты затеял, Роберт? Или это у вас с братом семейное? Может, подобное поведение считается в порядке вещей в твоей Шотландии?

Роберт молча уставился на него. За все время знакомства с Хэмфри он ни разу не слышал, чтобы тот позволил себе уничижительно отозваться о его родине, в отличие от остальных. И, несмотря на охватившую его растерянность, ощутил острый укол разочарования и обиды.

Хэмфри, похоже, сообразил, что зашел слишком далеко, потому как голос его утратил гневные нотки.

— Неужели ты не подумал о том, что вас могут увидеть?

— Эймер рассказал обо всем ее отцу? — Теперь, когда первый шок прошел, холодная реальность совиными глазами взглянула на Роберта в упор. Граф Уорик имел прямой доступ к королю, который всегда прислушивался к нему. Он легко мог сделать положение Роберта при дворе, которое только-только начало улучшаться после его вступления в орден, невыносимым. Впрочем, эти тревожные мысли не стали для него откровением; он задумался об этом еще после первого пылкого свидания с Еленой. Но потом, став полноправным членом ордена Рыцарей Дракона, убедил себя в собственной неуязвимости и в том, что его тайну никто не узнает. Выходит, поэты и священники говорили правду: женщина способна погубить мужчину надежнее остро отточенного клинка. Роберт вспомнил библейскую Еву с ее яблоком и подумал об отце, женившемся на матери без дозволения короля — страсть едва не стоила ему всех его земель.

— Нет, — негромко откликнулся Хэмфри. — Он рассказал обо всем ее брату.

Чувствуя тяжесть меча на поясе, Роберт понял, куда ведет его Хэмфри.

— Я ничего не мог поделаться, — продолжал Хэмфри, глядя на его изменившееся лицо. — Я пытался, но остальные... — Он глубоко вздохнул. — Ги состоит в нашем ордене вот уже четыре года, а его отец был членом братства рыцарей Круглого Стола. Он потребовал справедливости, чтобы не погубить доброе имя сестры. Было решено, что такое право будет ему предоставлено.

Роберт ощутил стеснение в груди, но положил ладонь на рукоять меча и решительно направился вслед за Хэмфри. Да, он виноват в том, что случилось. Но платить за ошибку своей жизнью он не собирался. Если это будет зависеть от него, конечно.

Хэмфри провел его через угловую башню в сады, раскинувшиеся на террасе между внутренней и внешней стенами замка, что возвышался на скалистом обрыве над берегом реки. Пройдя мимо четырех стражников, один из которых незаметно кивнул Хэмфри, друзья вышли через ворота на каменную дамбу, которая, петляя меж скал, сбегала вниз, к деревянной пристани. На мгновение Роберт решил, что Хэмфри хочет, чтобы они сели в лодку, но, когда они обогнули выступ скалы, он увидел на пристани группу людей, освещенную факелом. Стоящий в центре человек яростно вращал в воздухе своим мечом. Роберт оглянулся, сообразив, что эта часть пристани благополучно скрыта от посторонних глаз, и ее можно увидеть лишь из надвратной башни, где остались четверо стражников, да с галереи наверху. Хотя дуэли негоже было устраивать вот так, в отсутствие судей и арбитра.

Ветер гнал белые барашки по поверхности воды. Роберт подышал на руки, пытаясь согреть замерзшие пальцы. У Ги было время, чтобы размяться, но его собственные мышцы

все еще оставались напряженными и затекшими. Хэмфри первым сошел на пристань, и каблуки его сапог гулко застучали по деревянному настилу, вспугнув окружающую тишину, которую доселе нарушал лишь ленивый плеск волн о скалы. В конце пристани на волнах покачивалась пустая лодка, и борт ее терся о причальные сваи. Мужчины повернулись, чтобы взглянуть на пришедших. Ги перестал размахивать мечом и замер; волосы его, рыжие, как и у сестры, отливали медью в свете факелов, освещавших пристань. Взгляд рыцаря уже туманила ярость, которую он намеревался выплеснуть в поединке. Здесь были Томас и Генри, вместе с Ральфом и остальными. Взгляд Роберта остановился на Эймере де Валансе. Бешенство захлестнуло его при виде угловатого и грубого лица рыцаря. На нем отражалось нетерпение, словно Эймер ждал и не мог дожидаться кровопролития.

Хэмфри шагнул вперед, закрывая ему обзор.

— Сэр Ги, вы готовы?

Ги коротко кивнул, не сводя взгляда с Роберта. Он был одет в черную сорочку навывпуск, из-под которой виднелись шерстяные панталоны и сапоги для верховой езды из мягкой кожи со шнурками, перекрещивающимися на лодыжках. Пояс, украшенный серебряными насечками, дважды охватывал его талию, а на руках у него были кожаные перчатки.

Хэмфри перевел взгляд с одного мужчины на другого.

— Сражаетесь до первой крови. — Он говорил громко, чтобы его могли слышать все остальные. — После чего победитель определит условия сдачи побежденного. — Стянув с рук перчатки, он протянул их Роберту. — Возьми, — сказал он, понизив голос. — Они тебе пригодятся.

Вперед выступил рыцарь из свиты короля, Роберт Клиффорд, держа в руках два небольших круглых щита. Роберт, тем временем, натягивал перчатки, еще хранящие тепло рук Хэмфри, хорошо разношенные и мягкие. Он принял один из щитов, который протянул ему Клиффорд, взявшись за рукоятку в центре диска, передняя часть которого была выпуклой, наподобие чаши. Последний раз Роберт держал в руках круглый щит в те далекие уже дни, когда упражнялся под присмотром Йотра. По сравнению с большим и продолговатым, сужающимся книзу щитом для верховой езды этот казался невероятно маленьким и оставлял большую часть тела незащищенной. Он вспомнил, как орал на него Йотр, когда он лежал на спине на песчаном пляже, раскинув руки, а щит валялся в стороне, и Йотр рычал, что любая из его сестер управилась бы с круглой деревяшкой лучше него. Сколько же раз этот драчливый и скандальный учитель пробивал его защиту? Роберт отогнал от себя ненужные мысли, пристально наблюдая за Ги. В воздухе висела морось, отчего их одежда уже потемнела от влаги. Капли воды шипели и вспенивались, попадая в пламя факела.

Роберт обнажил свой широкий меч. Длину клинка уравнивало бронзовое навершие [47] в виде шара, позеленевшее от долгого использования, а полоски кожи, которыми была обтянута костяная рукоятка, потерлись и потрескались. Это оружие вручил ему дед, посвящая в рыцари, и оно прошло со старым лордом все схватки на Святой Земле. Клинок был выкован из дамасской стали, крепче которой не было во всем мире, как заявил ему дед, и освящен кровью сарацин. Меч Ги выглядел новее и длиннее, а грушевидное навершие, компенсирующее длину, выглядело крупнее. Рукоять его меча была обмотана красно-желтым галуном, цветами герба Бошамов. Меч уютно устроился в его правой руке, а щит прикрывал левую. Роберт несколько раз взмахнул собственным мечом, направляя лезвие большим пальцем и разрабатывая запястье. Он сделал пару глубоких выпадов, пробуя доски

под ногами и разминая затекшие мышцы бедер. Затем выпрямился и застыл, не сводя взгляда с Ги.

Прозвучал голос Хэмфри:
— Можете начинать дуэль.

Ги не стал медлить и прыгнул вперед, описав мечом широкую дугу и целясь Роберту в шею. Роберт быстро подставил лезвие под удар, отбивая его, и клинки столкнулись, высекая искры. Он шагнул вперед, вынуждая Ги отступить на прежнее место. Рыцарь попятился, но тут же перешел в контратаку, не давая Роберту времени опомниться. Клинки вновь столкнулись с громким лязгом, когда Ги нанес удар в бок.

Так прошло еще несколько минут, Ги атаковал, яростный и быстрый, Роберт уверенно защищался. Факелы освещали лица наблюдателей. Эймер злорадно скалил зубы, наблюдая за стремительными выпадами Ги. Но ни Роберт, ни Ги ничего не замечали вокруг себя, сосредоточив все внимание друг на друге, нанося удары и парируя их. Капли дождя стекали по их лицам. Хэмфри сказал, что дуэль продлится до первой крови, но если хотя бы один из жестоких ударов Ги достигнет цели, то одной кровью дело не обойдется.

Роберт откинул назад промокшую челку, с которой в глаза ему стекали капли дождя, и понял, что доски пристани под ногами становятся скользкими и ненадежными. Ги сделал выпад прямой рукой, целясь в грудь. Роберт с громким треском отбил удар круглым щитом. Одновременно он ощутил жаркий прилив крови, в котором дотла сгорело раскаяние и намерение придерживаться правил, озвученных Хэмфри. Такое с ним уже случалось ранее, во время тренировок: в груди вспыхивало яростное пламя, и он чувствовал только одно желание — победить. Сейчас на карту была поставлена его гордость, репутация и, быть может, сама жизнь. Ги пребывал в бешенстве, оно придавало ему сил, но гнев — плохой советчик и спутник. Он заставляет мужчину спешить и ошибаться. В схватке, подобной этой, воину нельзя долго полагаться на свою ярость. Она утомляет, поскольку на каждый замах и удар уходит больше энергии и сил, чем требуется. Если Роберт сумеет сохранить холодную голову, то обратит оружие Ги против него самого. Он может победить.

Отразив опасный выпад, он сам перешел в атаку, заставив Ги де Боша отступить на несколько шагов. Рыжеволосый рыцарь оскалил зубы и зарычал, отбивая его выпад. Губы Роберта разошлись в злобной улыбке, которая еще сильнее распалила его противника, и тот принялся выкрикивать бессвязные ругательства. Мечи их вновь скрестились с громким лязгом, высекая крошечные искры, ярко-красные и горячие от силы, вложенной в удар. Откуда-то издали до Роберта донесся крик Хэмфри, напоминающий им о необходимости соблюдать правила, но он не обратил на него внимания. Возбуждение и решимость толкали его вперед, заставляя желать победы более всего на свете, даже если для этого ему придется убить противника.

Он сделал обманный выпад слева, Ги развернулся, чтобы парировать удар, а Роберт развернул клинок и сделал резкий выпад справа, стремясь поразить незащищенный бок. Он выставил вперед опорную ногу, сапог его со стуком опустился на доски, но они уже намокли от дождя, и он поскользнулся, промахнувшись и нелепо взмахнув мечом. Увидев, что противник раскрылся, Ги нанес косой удар от плеча. Клинки встретились со скрежетом стали. Ги навалился сверху, стараясь весом тела прижать меч Роберта к земле, одновременно тесня его своим круглым щитом. Роберт еще увидел, как стальное лезвие описывает полукруг, направляясь ему в лицо, и припал на одно колено, подставляя собственный щит и отбивая руку Ги в сторону. Край щита ударил Ги по запястью, отбросив его руку далеко в

сторону и исторгнув у него из груди громкий крик боли. Де Бошам отскочил, отчего наблюдатели вынуждены были поспешно отступить, освобождая ему место. Переводя дыхание, закрыв щитом грудь и выставив перед собой меч, он вновь устремился на Роберта, намереваясь втоптать того в землю.

Роберт поднял клинок над собой, чтобы противостоять рубящему удару в голову Мечи с лязгом столкнулись в воздухе. Ги зарычал, налегая на меч всем своим весом. Внезапно Роберт присел и уклонился. Де Бошам провалился вместе со своим мечом вперед и, уходя из-под падающего удара, уже неспособного задеть его, Роберт изо всех сил ударил рыцаря круглым щитом в живот. Тот согнулся пополам. Дыхание со свистом вырвалось у него из груди, и он упал на колени на мокрые доски пристани, выронив меч. Последним усилием он поднял свой щит, ожидая удара в голову, но Роберт не стал добивать поверженного противника. Вместо этого он сделал шаг назад, убирая мокрые волосы со лба и слизывая соль с губ. Мужчины, наблюдавшие за схваткой, притихли. Хэмфри шагнул вперед, явно готовясь положить конец противостоянию, но Генри Перси схватил его за руку. Спустя мгновение Ги подхватил с земли свой меч и выпрямился, морщась от боли, которую причиняло ему каждое движение. Оба противника промокли насквозь, по лицам их тек пот, смешиваясь с каплями дождя.

Теперь уже молча, если не считать хриплого, со свистом дыхания, Ги вновь пошел в атаку. Он нанес подряд три яростных удара, рассчитывая проломить защиту Роберта, но тот был готов к такому сценарию. Избиения и насмешки на песчаном берегу Тернберри, которые он сносил от Йотра, не прошли даром. Вместе с дедом тот все-таки на славу выучил его. Брюс уже видел горечь поражения в глазах своего противника, страшную усталость, сквозившую в каждом движении Ги, буквально чувствовал его боль в плече и запястье, ощущал неподъемную тяжесть меча. Роберту тоже пришлось несладко, но он не затратил столько сил в первые минуты боя, как это опрометчиво сделал Ги. Редкие, расчетливо наносимые удары оставили ему достаточно энергии, чтобы достойно завершить поединок. На четвертом ударе он поймал клинок Ги на щит и прижал его сверху своим мечом, а затем резко рванул его вниз и в сторону, увлекая де Боша за собой. Из этого положения, когда оба наклонились в сторону, он ухитрился ударить Ги ногой под колено. Рыцарь с грохотом упал навзничь на доски пристани. На этот раз Роберт с размаху придавил ногой лезвие чужого меча, а вместе с ним — и пальцы противника. Резким движением он поднес острие своего меча к горлу де Боша, где оно и замерло, подрагивая от напряжения. С кончика меча Роберта на лицо Ги медленно скатывались капли дождя. Ги с трудом заставил себя оторвать взор от меча Роберта и взглянул в его бешеные темно-синие глаза, а потом медленно смежил свои, признавая поражение.

Роберт шагнул назад и запрокинул лицо к небу, хватая воздух широко раскрытым ртом.

— Все кончено, — заявил Хэмфри. Голос его звучал натянуто и сухо, но во взгляде читалось явное уважение, когда он посмотрел Роберту в глаза. — Победителем стал сэра Роберт. Теперь вы должны определить условия, на которых принимаете поражение сэра Ги.

Роберт тряхнул головой, пытаясь восстановить дыхание.

— Мне ничего от него не нужно.

Кое-кто из рыцарей удивленно нахмурился. Ги с хрипом дышал сквозь стиснутые зубы, с ненавистью глядя на Роберта, словно желая продолжить поединок, невзирая на то что едва мог стоять на ногах.

— Вы победили на дуэли, сэра Роберт, — сказал Хэмфри. — И имеете полное право

выставить свои условия.

— Он ничего мне не должен. Но все кончено, — сказал Роберт, обращаясь к де Бошаму. Он имел в виду как их спор, так и свои шалости с Еленой.

Ги уставился на него, и после долгой паузы кивнул, кажется, сообразив, что имеет в виду его противник. С напряженным лицом к нему подошел Эймер де Валанс, но Ги сердито оттолкнул его и встал, протягивая свой круглый щит Клиффорду. Когда Эймер взглянул на него, Роберт вдруг понял, что идея с дуэлью принадлежала Эймеру. Встретив яростный взгляд рыцаря, он медленно раздвинул губы в холодной улыбке триумфатора.

Колонна людей медленно ползла по голым холмам. Справа хрупкая трава переходила в коричневые поля, которые скатывались к морю, а слева склон вздымался тремя отвесными вершинами.

В первых рядах колонны ехал король Эдуард, и его конь уверенно ступал по подмерзшей земле. Байярд, его любимец, был огромным, мускулистым жеребцом, что было совсем не лишним, учитывая его ношу. Войлочная попона укрывала животное с головы до хвоста, а из-под нее виднелась кольчуга, тяжело раскачивающаяся чуть ли не над самыми копытами. Поверх чепрака — его с великим трудом накидывали на коня два грума — размещалось деревянное седло, в котором легко покачивался король. А жеребцу, вдобавок ко всему, приходилось тащить на себе еще и тяжесть его доспехов: кольчужного хауберка с длинными рукавами, поверх которого Эдуард надел пластинчатый панцирь, застегнутый на спине. Руки его защищали кожаные рукавицы со стальными вставками, а ноги прикрывали кольчужные поножи. Высшие чины армии Эдуарда были одеты под стать королю, который двигался в авангарде, а пехота довольствовалась туниками из кожи или дублетами с набивкой из соломы. Но все — и знать, и простолюдины — были в доспехах, поскольку уже далеко углубились во враждебные земли. Где-то здесь, в замерзших холмах, таились Мадог и его люди.

Четырьмя днями ранее лазутчики принесли Эдуарду вести, которых он ожидал с таким нетерпением. Неприятеля видели к югу от Карнарфона, неподалеку от деревушки Нефин. Собрав за столом своих рыцарей, король объявил о решении немедленно выступить навстречу врагу. Кое-кто стал возражать, предостерегая монарха от поспешных действий: дескать, погода может перемениться в любое время, и тогда пойдет снег, которого ждали вот уже несколько недель. Еще несколько рыцарей предложили дожидаться подкреплений с юга, чтобы обрушиться на врага всей мощью объединенной армии. Совсем недавно к ним присоединился граф Пемброк, разбивший мятежников, взявших в осаду английский замок поблизости от Кардиффа, но можно было рассчитывать, что вскоре под началом короля окажутся еще несколько дивизий.

Эдуард презрительно высмеял инсинуации своих оппонентов, которые опасались, будто его армия, состоящая, главным образом, из тяжелой кавалерии, окажется неспособна противостоят уступающим ей в численности повстанцам, вооруженным, к тому же, лишь дротиками, пиками и короткими луками. Сдержанность собственных военачальников приводила монарха в бешенство, поскольку ровно десять лет тому, за тем же самым столом, на котором тогда только-только выгравировали имена рыцарей короля Артура, он уже

говорил им о своих страхах. Он убеждал их в необходимости завладеть короной, сила которой объединила против него весь Уэльс. И вот сейчас оказалось, что его опасения имели под собой все основания. Корона короля Артура оказалась на голове другого человека, и страна, как и предсказывало древнее пророчество, вновь была охвачена мятежом. Да, с Мадогом должно быть покончено. Но что более важно, необходимо завладеть короной.

На следующий день полк короля покинул Конви, выступив маршем по узкой прибрежной полосе между Сноудонией и морем. Первым городом, в котором они сделали остановку, стал Карнарфон.

Эдуард знал, что его самая большая крепость подверглась нападению: об этом говорилось во всех полученных сообщениях. Он заранее готовил себя к тому, что увидит значительные разрушения, но все равно оказался потрясен, став свидетелем полного уничтожения цитадели. Город появился на горизонте за несколько миль, и по мере того, как картина разрушений разворачивалась перед глазами воинов, стихали разговоры и шутки — мужчины отказывались верить своим глазам. Стены Карнарфона местами превратились в груды щебня и обломков, в линиях обороны зияли чудовищные бреши, словно какое-то исполинское животное рвало их своими когтями, оставив страшные следы. Город за стенами крепости вообще узнать было невозможно. Дома превратились в почерневшие руины, вместо деревьев во фруктовых садах торчали обугленные пни. В воздухе висел горький запах дыма от пожаров.

Эдуард ехал сквозь руины, не сводя глаз с замка; здесь появился на свет его сын и наследник. Во рву под стенами лежали десятки непогребенных тел, изуродованных и обезображенных стервятниками. В зимнем небе над бастионами и крепостными стенами кружили стаи ворон, подобно вестникам смерти. С одной из башен свисали два скелета, и только по остаткам накидок и камзолов в них можно было опознать местного коменданта и шерифа. С близлежащих парапетов доносилось злобное карканье — воронье опасно поглядывало на колонну людей, движущуюся вниз, но улетать не спешило, торопясь урвать последние куски плоти с гниющих трупов.

Внутри замка землю сплошь усеивали мусор и обломки: остатки кирпичной кладки, сломанные стрелы, мертвые тела людей и лошадей. На месте обрушившихся домов громоздились груды полуобгоревших бревен. Эдуарду казалось, что последний раз он был здесь в другой жизни. Тогда он въезжал в город под звуки труб и барабанов и его солдаты во все горло распевали победный марш. На земле властвовало благодатное золотое лето, рядом с ним ехала любимая супруга, и в воздухе висел чарующий аромат ее духов. Уэльс полностью находился в его власти, а враги были или убиты, или захвачены в плен. Его мальчик, Альфонсо, еще был жив в Лондоне, а сам он думал о будущем, и столяр уже работал над будущим Круглым Столом. А сейчас, стоя посреди разрушенного до основания города, королю казалось, что он видит руины своего правления. Он провел на развалинах меньше часа, после чего приказал выдвигаться к деревушке Нефин, расположенной к югу от бывшего города. Король жаждал мести.

Звуки смеха отвлекли Эдуарда от тягостных мыслей. Повернувшись, чтобы взглянуть, что стало его причиной, он увидел Хэмфри де Бозна и Генри Перси, едущих вслед за ним во главе группы молодых рыцарей. Хэмфри рассказывал о чем-то веселом, на лице его цвела улыбка. Их приподнятое настроение, которому не смогли помешать даже тягостные обстоятельства, вдруг вызвало у Эдуарда острый приступ ностальгии. Для него самого и его людей дневной свет угасал, приближались сумерки жизни. А для молодежи наступал

солнечный полдень, и эти рыцари вскоре займут места своих отцов за его столом или столом его сына. На их лицах, еще не отмеченных печатью возраста или скорби, Эдуард видел будущее и прошлое: свое прошлое и их будущее. Это были стойкие молодые люди, решительные и верные, но еще не испытанные в битве, похожие на жидкий металл в форме для отливки меча. Сплошной огонь и жар, но и отсутствие строгой структуры, равно как и закалки, превращающей его в холодную сталь.

Оценивающий взгляд Эдуарда скользнул по Роберту Брюсу, который ехал бок о бок с Хэмфри. Похоже, в последнее время граф и сын Херефорда стали неразлучны. Король долго раздумывал над тем, стоит ли разрешать ему вступить в орден, когда Джон де Варенн обратился к нему с таким предложением, ведь в Лондоне Брюс сохранял отчужденность и проявлял сдержанность. Но его отец всегда демонстрировал сговорчивость и гибкость, а союзники среди шотландцев ему понадобятся в самом скором времени. После всех трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться после смерти короля Александра, — беременности Иоланды, утраты Маргарет и затянувшихся слушаний по назначению преемника — дела на севере, наконец, сдвинулись с мертвой точки. Комин, похоже, довольствовался женитьбой своего сына на дочери Пемброка, а Баллиол быстро сдавал позиции под натиском королевских стряпчих. Эдуард вынудил короля Шотландии передать ему столько своих прав и свобод, что его власть как верховного сюзерена уже невозможно оспорить. Вскоре Баллиол лишится остатков своего авторитета и доверия подданных. И, когда это случится, его королевство окажется целиком и полностью во власти Эдуарда.

— Милорд.

Эдуард повернулся к Джону де Варенну, который поравнялся с ним.

— Мы достигнем Нефина еще до наступления темноты, но обоз с припасами отстал от нас на несколько миль. — Варенн кивнул на три холма, маячивших на горизонте. — А подъем к деревне вынудит их задержаться еще дольше. Быть может, мы остановимся на ночлег где-нибудь поближе?

В обозе ехали не только личные вещи самого Эдуарда, но и шатры, фураж, бочонки с пивом и мешки с зерном, предназначенные для пропитания его людей. Сейчас, когда наступила зима, в здешней глуши было решительно невозможно найти продовольствие, поэтому все, что могло им понадобиться в нынешней кампании, пришлось везти с собой из Конви. Им предстоит провести голодную ночь, если обоз не прибудет в Нефин вовремя, но нетерпение короля оказалось сильнее аппетита. Нефин был ближайшим поселением, и он же послужит удобной базой для того, чтобы разослать лазутчиков во все стороны на поиски неприятеля.

— Здесь мы окажемся у всех на виду, без малейшей защиты. Двигаемся дальше.

И колонна продолжила путь, с каждой пройденной милей поднимаясь все выше в горы. В воздухе запахло снегом, а над головой нависли низкие облака. Вскоре, когда они миновали первые отроги горной гряды, море скрылось из виду. Позади, под зеленоватым небом, сверкала на горизонте снеговыми шапками вершина Сноудона, как тень нависшей зловещей угрозы. Основным силам армии Эдуарда подъем в горы давался нелегко, обоз поднимался еще медленнее, и хлысты погонщиков непрерывно свистели в воздухе, подгоняя усталых ломовых лошадей, с трудом тащивших повозки по неровной дороге. Авангард протискивался сквозь узкие ущелья, с обеих сторон которых нависали скалистые обрывы. А потом, как-то вдруг, впереди в огромной бухте открылось море и берег, на который с ревом обрушивались пенные волны.

Покинув наконец седло в деревушке Нефин, Роберт огляделся по сторонам, пытаясь увидеть в заброшенном и убогом поселении священную колыбель, в которой родилось знаменитое пророчество. Несколько дряхлых домишек сгрудились вокруг церквушки на клочке земли, зажатом между поросшими лесом склонами холмов, уходящими к югу и востоку. С той стороны, откуда они пришли, над отвесными скалами и реющим морем, тянулась вереница факелов — это основные силы королевского полка входили в долину, похожие на медленно ползущее огненное ожерелье.

Авангард же занял деревушку, рассредотачиваясь на местности. Одни отправились обыскивать заброшенные дома, другие искали свежую воду для лошадей, третьи спустились на берег, чтобы набрать плавника [\[48\]](#) для костров. В синеватых вечерних сумерках на песчаном пляже были видны несколько лодок, вытасненных на берег и брошенных теми, кто с началом войны покинул свои дома и ушел в лес, угнав с собой весь скот, чтобы тот не достался англичанам. После себя они оставили лишь замерзшую зимнюю тишину да брошенную землю, по которой гуляло жутковатое эхо. Рыцари, против обыкновения, вели себя тихо, окоченевшими пальцами расседывая лошадей и снимая седельные сумки. В воздухе клубился пар от дыхания, а затекшие мышцы ныли от долгого марша.

— Где мы расположимся на ночлег?

Заслышав голос брата, Роберт оглянулся. Поверх кольчуги и накидки Эдвард кутался в тяжелый шерстяной плащ, но лицо его все равно посинело от холода, а зубы выбивали дробь. Воздух можно было колоть на куски, как лед.

— Пожалуй, вон там, под теми деревьями, — Роберт кивнул на купу древних дубов, растущих у полуразрушенного дома. — Скажи оруженосцам, пусть разведут костер.

Получасом позже он уже сидел, привалившись спиной к стволу дуба, на нижних ветвях которого играли отблески пламени. Он расслабился, чувствуя, как по телу медленно растекается блаженное тепло, краем уха прислушиваясь к приглушенному разговору, который время от времени заглушало жалобное ржание лошадей. Повсюду солдаты рыли ямы для костров и собирали хворост. Нес вместе с другими оруженосцами отправился на поиски топлива, а слуги Роберта вместе с его камердинером готовили скудный ужин. Глядя, как рыцари передают друг другу мех с вином и с трудом разламывают черствый хлеб, который решительно не лез в горло, Роберт почувствовал, как желудок у него скрутило от боли. Пройдет, по крайней мере, еще несколько часов, прежде чем придут повозки с продовольствием. Неподалеку расположился Хэмфри, как и еще несколько рыцарей, шедших вместе с ним в авангарде.

После дуэли Роберт держался особняком, отчасти не желая, чтобы его вражда с Ги стала заметна кому-либо вне круга посвященных, а отчасти чувствуя себя уязвленным тем, что интрижку с Еленой ему пришлось прервать помимо своей воли. Впрочем, схватка с Ги, похоже, ничуть не ухудшила его положения в ордене; если на то пошло, Хэмфри, Томас и Ральф стали относиться к нему с намного большим уважением, чем прежде. Зато и раскол стал очевиден. Его вражда с Эймером, которая поначалу являла собой всего лишь юношескую агрессию, переросла в нечто большее, взрослое и опасное.

— Ты ему доверяешь?

Роберт оглянулся на брата, задавшего вопрос, и понял, что тот поймал его взгляд, устремленный на Хэмфри. Эдвард сидел напротив, и пламя костра, раздуваемое ветром, освещало его лицо. Сейчас они остались вдвоем, рыцари из Эссекса отошли взглянуть на

лошадей, а слуги рылись в седельных мешках в поисках еще чего-нибудь съестного. Когда Роберт не ответил, Эдвард продолжил, и голос его был едва слышен из-за треска пламени.

— Я знаю, ты не хочешь разговаривать об этом ордене или куда там тебя приняли, но мне интересно, а подумал ли ты хоть на мгновение о том, во что тебя втянули. — Эдвард подобрал веточку, которая тлела на траве, выпав из костра. Он швырнул ее обратно в пламя, и лицо его в оранжевых отсветах углей выглядело напряженным и строгим. — Эти рыцари служат человеку, отнявшему у нашей семьи трон. Не забывай об этом.

— Я помню, — резко бросил Роберт, глядя брату в глаза. — Дед отправил меня сюда, чтобы я укрепил наше положение. Он знал, что в Шотландии для нашей семьи я не смогу сделать ничего, особенно учитывая, что на трон сел Баллиол. Но он полагал, что в Англии я смогу как-то возместить наши потери. Именно этого я и пытаюсь добиться.

Эдвард подался вперед.

— В самом деле? — сухо поинтересовался он. — Потому как мне представляется, что твои действия не имеют ничего общего с укреплением положения нашей семьи, зато служат твоему личному возвеличиванию. Думаю, братишка, что заманчивые обещания короля Эдуарда соблазнили тебя, как раньше нашего отца. Эти люди — со своими разговорами о короле Артуре — заставили тебя искать правду там, где ее никогда не было. Вступив в их ряды и принеся клятву — не знаю и не хочу знать, какую именно, — ты отрекся от того, что завещал тебе наш дед. Интересно было бы узнать, каким образом, потворствуя амбициям короля, который узурпировал наше право на трон, ты помогаешь нашей семье? — Эдвард упрямо покачал головой. — Не успеешь оглянуться, как будешь кланяться Святому Георгу, позабыв о Святом Эндрю. [\[49\]](#)

Роберт изо всех сил старался сдержаться и не вспылить:

— Если кто и подвергает опасности положение нашей семьи, так это ты. Ты говоришь, что тебе не нравится, когда с тобой обращаются, как с деревенщиной. Ну, так и не веди себя, как неотесанный чурбан. — Он посмотрел мимо Эдварда, туда, где уже показался Нес с остальными оруженосцами, державшими в руках связки хвороста для костра. Роберт перевел взгляд на брата и закончил жестким тоном. — Будущее нашей семьи зависит не от тебя, Эдвард. Будь это иначе, возможно, ты не стал бы судить меня столь поспешно.

Он замолк, когда его люди принялись рассаживаться вокруг костра. Эдвард принял мех с вином, протянутый ему одним из слуг, задержав взгляд на Роберте, который опять привалился спиной к стволу дуба и смежил веки.

Через некоторое время Роберта вырвали из тяжелой полудремы чьи-то громкие голоса. Он с трудом сел, еще не проснувшись окончательно и потирая затекшую шею. Его брат и рыцари из Эссекса уже стояли на ногах, глядя в темноту за пределами круга света от костра. Роберт встал и увидел, что мимо них быстрым маршем идут воины, и на их возбужденных лицах пляшут отблески пламени. Голоса стали громче и настойчивее. На глаза Роберту попала коренастая фигура Джона де Варенна, торопливо направлявшегося к церкви, где остановился на ночь король. Роберт присоединился к своим людям.

— Что случилось?

— Смотри, — пробормотал Эдвард.

Взглянув в ту сторону, куда показывал брат, на холмы, через которые они перевалили давеча, Роберт увидел над одной из вершин тусклое оранжевое зарево. Это был пожар, причем очень сильный. Но тут его внимание привлекли две фигуры, вынырнувшие из

темноты впереди. Они тащили третьего человека, который прижимал рукой к шее обрывок тряпки. Когда они проходили мимо, Роберт заметил, что тряпка насквозь пропиталась кровью.

— Будите остальных, — приказал Роберт рыцарям, наклоняясь, чтобы поднять с земли кольчужную рубашку. Он уже заканчивал надевать доспехи, когда к нему подошел Хэмфри, полностью одетый и с оружием в руках. На щите, который висел у него на сгибе локтя, красовался не его родовой герб, а золотой огнедышащий дракон. — Что происходит? — обратился к нему с вопросом Роберт.

— Обоз подвергся нападению. Мы выезжаем.

— Нес, оседлай для меня Хантера, — окликнул Роберт своего оруженосца, который кивнул и исчез. — Отряд Мадога? — любопытствовал он, глядя на Хэмфри.

— Пока не знаю. Все произошло очень быстро. — Хэмфри смотрел, как Роберт вытаскивает свой меч из груди амуниции. — Возьми свой щит. Только ты, Роберт, — добавил он, глядя на Эдварда и рыцарей Эссекса. — Нужно, чтобы основные силы остались в деревне, на тот случай, если нападение на обоз было лишь отвлекающим маневром, а основной удар они планируют нанести в другом месте. Главным здесь останется граф Уорик.

Когда Хэмфри скрылся в суматохе просыпающегося лагеря, Роберт присел рядом с мешком, в который был завернут его щит. Он помедлил мгновение, а потом все-таки вытащил его, чувствуя стеснение в груди, когда в пламени костра на алом фоне вспыхнул золотой дракон. Выпрямляясь, он встретил взгляд Эдварда.

В это мгновение раздался голос Неса:

— Хантер готов, сэр.

Набросив на плечи накидку, Роберт повернулся, чтобы идти за оруженосцем.

— Брат, — воскликнул Эдвард, хватая его за руку.

— Уорик скажет тебе, что делать, — отмахнулся от него Роберт, уходя в темноту.

Король Эдуард уже сидел в седле на своем Байярде, и вокруг него собралась большая группа воинов. В руках у нескольких рыцарей ярко горели факелы, отражаясь в золоте драконов на их щитах. Лицо короля пылало гневом, яростным, праведным гневом, из тех, что можно погасить лишь кровью неприятеля. Враг напал без предупреждения, исподтишка, не грудь в грудь в открытом бою на поле брани, а подло нанес удар из темноты, воспользовавшись их слабостью.

Когда король вонзил шпоры в бока Байярда, отряд, насчитывающий несколько сотен конных рыцарей, последовал за ним, оставляя Нефин позади. Роберт, покачиваясь в седле рядом с Хэмфри, оглянулся и увидел брата, который в одиночестве надевал перевязь с мечом у костра. Крепче стиснув щит, он послал Хантера вперед, оказавшись в самой гуще рыцарского отряда. На время все разногласия были забыты, внутренние распри и вражда направлены наружу, на невидимого врага на склоне холма. Впервые за всю долгую кампанию Роберт ощутил приятное возбуждение. Отныне он стал частью королевской гвардии, избранным и заслуживающим доверия рыцарем. А его брат ничего не понимает.

Они поднялись на скалы, у подножия которых бушевали волны. В тусклом сером свете, разгорающемся на востоке, Роберт видел, что весь берег усеян белыми барашками. Еще какой-нибудь час, и наступит рассвет. Ощувив мягкое прикосновение к лицу, он понял, что пошел снег.

С каждой пройденной милей зарево на горизонте становилось все ярче. Они обогнули

крутой склон и внизу, в ложбине между двумя холмами, увидели языки пламени. К этому времени уже валил сильный снег. Отряд замедлил ход, мужчины всматривались в темные вершины по обеим сторонам, с тревогой ожидая нападения. Яркие языки пламени высветили ужасающую картину разрушения, когда они подъехали к тому месту, где обоз попал в засаду. На земле валялись трупы, уже присыпанные снегом. В некоторых торчали стрелы, другие явно погибли в ближнем бою, причем их противники были вооружены грубым и жестоким оружием: главным образом, топорами и пиками, о чем свидетельствовали глубокие рваные раны. Разорванные шеи, расплосованные лица, раздробленные головы с вытекшими мозгами, отрубленные руки ноги. Большинство погибших были возчиками или оруженосцами, и их доспехи никак не могли противостоять оружию рыцарей.

Рыцари королевского отряда спешили, пинками переворачивая несколько обнаруженных трупов уэльсцев, чьи потрепанные шерстяные накидки насквозь пропитались ярко-алой кровью. Удушающий запах смерти забивал едкий дым от горящих повозок, которые стащили в кучу и подожгли. Среди мертвых людей лежали и огромные трупы ломовых лошадей. Одна из них, раненая, жалобно заржала, завидев людей. Шатаясь, она встала на ноги, волоча по земле внутренности, выпавшие из распоротого живота. Когда кто-то из рыцарей подошел к ней ближе, она сделала к нему несколько неуверенных шагов и упала на колени.

Король Эдуард молча наблюдал картину смерти и разрушения с седла своего жеребца. По приказу Джона де Варенна несколько рыцарей разделились и принялись осматривать склон холма в поисках следов противника, но можно было не сомневаться, что враг отступил, растворившись в темноте, которая стала для него надежным укрытием. На земле валялись несколько бочонков, в пламени виднелись какие-то ящики, но уже и так было ясно, что большую часть продовольствия враги унесли с собой, а остальное уничтожили.

— Ублюдки, — пробормотал Хэмфри.

В тусклых предрассветных сумерках Роберт заметил, как на плечах рыцаря оседает снег.

— Здесь один живой, сир!

Король резко повернулся в ту сторону, где двое мужчин подняли с земли третьего, лежавшего меж разбитых бочонков с пивом. На нем была коричневая шерстяная накидка с капюшоном. Он громко застонал, когда рыцари приволокли его к королю. Один бок у него покраснел от крови.

Эдуард заговорил по-английски, и голос его, как ножом, прорезал провонявший дымом пожарищ воздух.

— Где Мадог?

Когда мужчина не ответил, один из рыцарей ударил его кулаком под ребра.

— Отвечай своему королю, — грубо приказал он, отводя покрасневший от крови кулак для нового удара.

Мужчина обвис на руках у рыцарей, на лице его блестели снег и пот. Облизнув губы, он встретился взглядом с Эдуардом. Скривившись, он прошипел что-то сквозь зубы по-уэльски, а потом отвел глаза.

Эдуард молча смотрел на него несколько мгновений.

— Бросьте его в огонь.

Когда рыцари, которые держали его под руки, поволокли его к горящим повозкам, мужчина закричал и отчаянно забился. У них в руках, и из раны у него толчками выплеснулась кровь.

— Нет! Я говорить! *Говорить!* — Английский давался ему с трудом.

Эдуард поднял руку.

— Где Мадог? — повторил он свой вопрос, когда рыцари остановились.

— Сноудон, — выдохнул мятежник, мотнув головой в сторону изломанной темной линии горного хребта. — Гора.

— Где именно в Сноудоне? — требовательно спросил один из рыцарей.

— Я не знаю где. Dinas tomen... [50] — Мужчина яростно затряс головой и выпалил длинную тираду по-валлийски. [51] — Я не знаю! — закончил он.

— Он говорит что-то насчет крепости, — сказал один из рыцарей, нахмурившись. — Разрушенная крепость на холме под Сноудоном. Не думаю, что он там бывал.

— Под Сноудоном есть несколько крепостей, но только две из них лежат в руинах. — Когда Эдуард перешел на французский, голос короля зазвучал хладнокровно и сдержанно.

Мужчина раздвинул губы в бледном подобии улыбки.

— Благодарю, король, — робко произнес он.

Эдуард не сводил с него глаз.

— Сожгите негодяя.

Рыцари подхватили мужчину, один держал его за лодыжки, второй — за запястья. Кое-кто из наблюдавших за тем, как они понесли его к огню, разразился хриплыми одобрительными криками. Мужчина закричал, запрокинув голову, и забился, стараясь освободиться, но куда ему было тягаться с двумя сильными воинами? Рыцари начали раскачивать его взад и вперед, чтобы придать телу нужное ускорение.

Роберт, глядя на происходящее, вспомнил детскую игру, в которую они когда-то играли с братьями. Однажды летом они по очереди забрасывали друг друга в море у побережья Тернберри. Та же самая сцена, разворачивающаяся здесь, среди обломков повозок и трупов людей и лошадей, когда мужчина яростно кричал, выплевывая изо рта кровь, отдавала непристойностью.

Наконец, рыцари разжали руки, и мужчина полетел в самый центр гигантского костра. Еще мгновение он кричал и бился в пламени, но потом на нем вспыхнули волосы и одежда, и душераздирающий вопль смолк.

— Я хочу, чтобы Мадог был найден, — произнес Эдуард под аккомпанемент безумных воплей сгоравшего мужчины, поворачиваясь к Джону де Варенну.

— Как и все мы, милорд, — угрюмо откликнулся Варенн. Граф обвел взглядом окрестности, которые уже затягивала непроницаемой пеленой разыгравшаяся метель. — Но в такую погоду без продовольствия и припасов мы долго не продержимся.

Когда отряд короля направился обратно в Нефин на соединение с остальными частями, снег валил уже всюду, укрывая пушистым белым одеялом трупы и гася пламя.

Воды Менайского залива кишели лодками. Прилив с клочкотанием врывался в узкое горлышко залива, и гребцы изо всех сил налегали на весла, толкая суденышки вперед. В воздухе висел рокот барабанов. Из залива выступал горбатый клочок суши, над которым акварельными мазками смешались голубой и серый цвета. Снежные бури, накрывшие северный Уэльс своим покрывалом в январе, благополучно миновали, но предгорья и горные

пики еще кутались в снежные доспехи, хотя обнажившаяся почва местами уже обрела цвет соли с перцем — там, где из-под снега проглядывала галька. Вдоль гряды, неспешно поднимавшейся от побережья Англси, тускло горели сигнальные огни, предупреждая тех, кто остался в полях, о приближающейся опасности.

Роберт схватился за планшир, когда особенно высокая волна положила лодку на борт. Кожу на лице стянуло апрельской прохладой, зато остальное тело, закованное в броню доспехов, было надежно укрыто от капризов непогоды. На ограниченном пространстве палубы он чувствовал себя неуютно, не имея возможности лишней раз пошевелиться в своем облачении. Ноги его поверх теплых штанов прикрывали кольчужные поножи, с перевязи на поясе свисал меч, а еще он надел тунику, дублет, хауберк и накидку. Дублет местами порыжел от ржавчины. Ему казалось, что он даже ощущает на губах привкус металла. Его люди вместе с другими рыцарями кое-как разместились на палубе между гребцами. Оруженосцы вместе с лошадьми расположились на корме, подвергаясь двойной опасности. Вдоль борта одной из лодок, прикованное к палубе цепями, лежало бревно, точнее, ствол дерева с грубо обрубленными ветвями. По всей его длине расселись пехотинцы, обматывая ладони полосками ткани. Все они не сводили глаз с острова. Лишь немногие лица были знакомы Роберту. В прошлом месяце к ним прибыли многочисленные подкрепления с юга, когда открылись горные проходы через перевалы Кадер Идриса и Сноудона, а реки вскрылись ото льда и бурными потоками устремились вниз с горных вершин. Остальных, тех, кого он знал еще с начала войны, было трудно узнать после всех тягот и лишений, выпавших на их долю зимой. Некогда розовощекие и довольные лица осунулись, глаза ввалились, кожа посерела и обвисла.

После нападения на обоз король Эдуард пожелал нанести ответный удар, но валлийцы, чувствующие себя в горной местности, как дома, попросту исчезли. Не находящий себе места от гнева и унижения, король вынужден был вместе с войском вернуться обратно в Конви. Не имея запасов продовольствия, они быстро ослабели во время марша. На второй день все уже пили растопленный снег. На третий день появились первые погибшие — мужчины ложились спать недостаточно близко к огню. На горных склонах и снежных заносах лошади оступались, и рыцарям пришлось бросить те несколько повозок, что уцелели после нападения. Конви, возникший на четвертый день пути из снежной круговерти, в которой тонули его стены, показался благословенным ответом на их молитвы. Но радость была недолгой. Сенешаль замка в гробовом молчании пересчитал несколько оставшихся мешков с зерном. На следующий день ветер окреп и усилился, с воем налетая на берег с моря, волны которого безостановочно накатывались на устье реки. С грязно-зеленого неба обрушилась метель, ослепляя часовых на стенах и бастионах, высматривавших на горизонте корабли из Пяти портов ^[52] и Ирландии, которые должны были доставить продовольствие. Ураганы обрушивались на побережье один за другим, штормовое море бесновалось, и корабли так и не появились.

Январь сменился февралем, таким же голодным и унылым. Все деревья в садах и огородах Конви пришлось срубить на топливо для костров. Была зарезана последняя овца. Вино и пиво закончились еще быстрее, и вскоре королю наравне со своими рыцарями пришлось пить воду, подслащенную медом. И только в конце февраля снежные бураны пошли на убыль, оставив после себя похороненную под белым саваном землю, а море успокоилось, и в разрывах между облаками стали видны снежные пики близких гор. Вскоре после этого, ближе к вечеру, когда на землю уже опускались свинцовые сумерки, в дельте

реки были замечены первые корабли. На стенах радостно кричали и обнимались воины, губы которых трескались и кровоточили, когда они улыбались. После доставки продовольствия с юга начали прибывать подкрепления, включая и отца Хэмфри, который наголову разбил повстанцев в Брекноке. Но король не успокаивался, поскольку близость армии Мадога, затаившейся где-то в горах поблизости от Конви, не давала ему покоя всю зиму.

Когда снежные бури стихли, из крепости вышел большой отряд под командованием графов Херефорда и Уорика. Руководствуясь сведениями, полученными от валлийца в Нефине, они углубились в горные теснины, чтобы отыскать цитадель Мадога. Переодев воинов в белые накидки и плащи, чтобы они не выделялись на фоне снега, графам удалось незаметно провести свой отряд под самые стены разрушенной крепости в отрогах Сноудона. И здесь, с первыми лучами рассветного солнца, свершилось отмщение. Сотни уэльских мятежников погибли в ходе жестокого штурма, когда англичане захватили форпост, стены и укрепления которого давно превратились в груды щебня, обнаружив множество личных вещей короля, похищенных во время нападения на обоз. И только после окончания кровавого побоища рыцари Херефорда заметили следы на снегу, уходящие в лес, и поняли, что некоторым повстанцам удалось бежать. Когда они осмотрели убитых и подвергли жестокому допросу уцелевших, то выяснили, что среди них был и сам Мадог. Через несколько дней лазутчики принесли известие о новом убежище мятежников. Мадог и его военачальники уплыли на лодке в Англси. Теперь предводителю повстанцев приходилось все время скрываться, вокруг него и его разрозненных сил стягивалась сплошная петля окружения. Не прошло и месяца с той поры, когда казалось, что король со своей армией неизбежно погибнет в засыпанном снегом Конви, как колесо фортуны повернулось и события приняли совсем иной оборот.

Когда барабанщики ускорили ритм, Роберт увидел, что люди на берегу развернулись и бросились врассыпную — мужество оставило их перед лицом приближающегося флота. Впереди, за рвом и песчаным валом, на котором был выстроен деревянный частокол, лежал городок Лланваес. Мужчины бежали к воротам города, в которые по песчаной дамбе вливался бесконечный поток людей и животных. Кое-где на судах слышались издевательские крики, но в них не было веселья. Когда воины стали надевать шлемы, Роберт ощутил всеобщее напряжение. У него самого нервы звенели, как натянутые струны. Подобно многим рыцарям, в нынешней кампании ему еще не довелось принимать участия в настоящих боевых действиях, в отличие от отрядов Пемброка, Херефорда и Уорика, которые уже вкусили крови и испытали крепость собственного духа. И вот теперь всем остальным представился случай доказать королю свою верность и показать, на что они способны.

Первая лодка врезалась днищем в прибрежную гальку. Гребцы отложили весла в сторону и прыгнули за борт в ледяную воду, вытаскивая суденышко на берег в пенящемся прибое. Лучники выстроились в шеренгу на берегу, готовые прикрывать высадку основных сил. На берег сошли рыцари, ведя в поводу упирающихся лошадей. Боевые кони ржали и били копытами, когда с борта на берег перекинули сходни и животных повели на песок. Первыми в седла поднялись рыцари, опустив забрава шлемов и вытащив мечи из ножен. А на берег со скрежетом выкатывались все новые и новые лодки. Ствол дерева с ветками подхватили сразу шестнадцать человек, взявшись за цепи, чтобы перетащить его на сушу. Король сел на Байярда и под восторженные крики своих военачальников поскакал вперед. За ним устремились рыцари и лучники, но последние, впрочем, быстро отстали. За ними, напрягая все силы, тащили таран шестнадцать мужчин. Последними шли пехотинцы,

вооруженные дротиками, пиками, молотами и палашами.

Роберт ехал под знаменем Каррика, держа на левой руке щит с драконом. Теперь он открыто и с гордостью носил его; символ Артура, короля-воина. Когда взгляд его упал на Хэмфри, тот поднял вверх сжатый кулак, и Роберт ответил ему тем же. Сегодня, с Божьей помощью, они закончат эту кампанию. Он хотел вернуться домой, пролив кровь врага, чтобы иметь возможность сказать деду, что рыцарские шпоры он тоже завоевал на поле брани, сражаясь за короля. В крови бурлило предвкушение и тревожное ожидание, и частое дыхание со свистом вырывалось у него изо рта в тесном пространстве шлема.

Авангард приблизился к воротам Лланваеса. По сигналу Джона де Варенна рыцари и оруженосцы придержали коней, сохраняя дистанцию между собой и земляными укреплениями, тогда как воины с тараном, напротив, вышли вперед. Лучники выстроились в линию, готовые дать залп поверх частокола. Из-за баррикады вылетели несколько стрел, когда шестнадцать солдат подняли таран и понесли его по песчаной дамбе к воротам. Одна из них попала пехотинцу в шею. Когда он упал, ему на смену бросились сразу двое солдат, пригибаясь и бросая опасливые взгляды на палисад. Один оттащил раненого солдата в укрытие, а другой занял его место, взявшись за цепь. И все вместе, спотыкаясь под тяжестью тарана, они качнулись вперед, увлекаемые тяжестью бревна. Ворота содрогнулись от удара, но устояли. Солдаты отвели бревно назад и вновь побежали вперед. Лица их исказились от боли и усилий. Рыцари наблюдали в отдалении, и кони нетерпеливо ржали и били копытами. Из-за ограды вновь засвистели стрелы. Вслед за ними полетели горящие пучки соломы, падая сверху на солдат с тараном. Те начали спотыкаться, а кое-кому вообще пришлось выпустить из рук цепи, чтобы стряхнуть с себя горящую солому. Тут же, по сигналу, английские стрелки подняли луки и открыли огонь по воротам. Изнутри донеслись вопли боли и отчаяния.

Таран вновь и вновь врезался в преграду. Ворота закрипели и начали подаваться. Наконец, раздался громкий треск и бревно пробило их насквозь. Под яростные крики из-за частокола его потащили обратно, и сучья, зацепив обломки створок, вывернули их наружу, кроша в щепы. Когда солдаты поволокли таран по дамбе на берег, их место заняли пехотинцы с молотами и дротиками, чтобы выломать остатки ворот. В пролом было видно, как внутри в разные стороны разбегаются защитники крепости. Запели горны, и первые рыцари устремились в атаку, и из-под копыт их боевых коней полетели комья земли и клочья тлеющей соломы. В первых рядах скакал сам Эдуард, воздев над головой меч, и Байярд бесстрашно нес его вперед. Из-за баррикад, перегораживающих улицы, в них полетели стрелы. Зазубренные наконечники застревали в щитах и пополах. Какая-то раненая лошадь присела на задние ноги, копыта ее поскользнулись, и она рухнула в ров, придавив собой седока.

У ворот возникла давка. Роберт оказался в самой ее гуще — мужчины кричали, кони хрипели и злобно скалили зубы, — а потом волна наступающих вынесла его в город. Видимость ограничивалась прорезью забрала. Что-то щелкнуло его по шлему — скорее всего, метко пущенная стрела, — прежде чем его понесло по улице вперед. По обеим сторонам мелькали домишки из сосновых бревен и глины. Мятежники и горожане, защищавшие ворота, разбегались перед атакующей лавой кавалерии. Рыцари, опередившие Роберта, размахивали мечами, рассекая ими бегущие фигуры, лишь немногие из которых могли похвастать хоть какими-то доспехами. Какой-то мужчина упал, зажатый двумя лошадиными крупами, и исчез под подкованными копытами мчавшихся следом коней.

Роберт почувствовал, как Хантер наступил на что-то мягкое, а потом вновь поскакал за сэром Джоном де Варенном и его рыцарями, которых влекла вперед неудержимая сила и жажда крови. Если на подступах к воротам его брат и рыцари Эссекса еще старались держаться рядом с ним, то теперь ярость погони не позволяла Роберту даже оглянуться, чтобы проверить, здесь они или нет. Все, что ему оставалось, — это смотреть вперед и стараться не столкнуться с теми, кто скакал первым.

Когда они промчались по главной улочке и оказались во фруктовом саду, где изрытая земля была перемешана с грязным снегом, Роберт заметил, что плотная масса всадников впереди начала разбиваться на отдельные ручейки и рыцари принялись забрасывать горящие факелы на соломенные крыши домов. Валлийцы же рассеялись между деревьев, отчаянно пытаясь оторваться от погони. Какой-то мужчина ухватился за нижнюю ветку дерева и попытался вскарабкаться на нее. Но гнавший за ним рыцарь пришпорил своего коня и вогнал меч ему в спину. Клинок высунул острие наружу, разворотив несчастному грудь, откуда хлынул фонтан крови. Мужчина, разрубленный почти пополам, соскользнул с дерева и обмякшей грудой остался лежать на земле, а рыцарь помчался дальше. Еще один мужчина, прижавшись спиной к стволу, поднял руки, сдаваясь, и закричал, моля о пощаде. Рыцарь, пролетавший мимо, даже не остановился — он просто ткнул мятежника острием меча в шею, выдернул клинок и умчался, а валлиец, не в силах удержать голову на перерубленной шее, упал на колени, заливая грудь кровью. Спасти не удалось никому — всех беглецов настигли и зарубили конные рыцари.

Роберт старался не отстать от Варенна, а позади него на улицы выплескивались все новые и новые рыцарские отряды. Он видел, как они растекаются по боковым улочкам и переулкам, преследуя горожан, среди которых было много приверженцев Мадога. Он мельком замечал бледные лица в окнах домов, слышал крики и чувствовал, как запах дыма в воздухе становится все сильнее. Командиры рычали сквозь прорези в шлемах, отдавая приказания, и солдаты орали, как безумные, убивая других или погибая сами. С каждым взмахом меча, с каждым ударом молота или дротика ужас выплескивался на улицы и город все глубже погружался в пучину хаоса и паники. Плоть, жизнь и душа — все эти понятия утратили свое священное значение и превратились в мишени, которые следовало догнать и уничтожить безо всяких угрызений совести.

Роберт держался в самой гуще рыцарей, но не лез в первые ряды, предоставляя другим преследовать мятежников, разбегающихся во все стороны. Полученный ими приказ гласил: уничтожать без разбору всех, кто окажется застигнутым на улице, чтобы добиться быстрой капитуляции, после чего всем, кому повезет уцелеть, будет дарована пощада. В своей жизни Роберт уже сталкивался со смертью, но только на дуэли с Ги он вплотную подошел к тому, чтобы своими руками убить кого-либо, и даже тогда он вынужден был подчиняться правилам. Здесь же никаких ограничений не было. Свобода убивать кружила голову и холодила сердце. Но сзади напирали закаленные в боях ветераны, и отступить было некуда. Рыча от злости на собственную нерешительность, Роберт выбрал для себя мужчину, убежавшего по переулку, и пришпорил коня, устремляясь за ним в погоню.

Солнце вспыхивало на брызгах, которыми разлетались лужи под копытами его жеребца. В промежутках между домами Роберт заметил других мятежников, метавшихся, как крысы, по дворам и огородам, пытаясь скрыться от преследователей. По улицам сновали пехотинцы, стуча в двери домов, чтобы найти и уничтожить мятежников. Тут и там к нему потянулись столбы дыма, повсюду раздавались крики. Валлиец, которого Роберт выбрал себе в качестве

жертвы, бежал впереди, отчаянно размахивая руками и ногами. Роберт поднял меч, жажда крови туманила ему рассудок. Вдруг мужчина юркнул в боковой переулок, и Роберт промчался мимо. Ругаясь во весь голос, он остановил Хантера. Потянув коня за левую узду и дав ему сильного пинка правой шпорой, он вновь устремился в погоню.

Человек уже успел отбежать на некоторое расстояние. Роберт видел, как он попытался спрятаться в каком-то доме, но дверь оказалась запертой наглухо. В отчаянии он припустил дальше по улице. Роберт быстро нагонял его, сокращая расстояние и готовясь нанести смертельный удар, как поступал раньше с волками, оленями или кабанами. Вращая мечом над головой, он с резким выдохом вонзил клинок между шеей и плечом беглеца. Отдача от удара оказалась неожиданно сильной, так что у Роберта заныло не только плечо и рука; тупая боль пронзила ему грудь и желудок. Это ничуть не походило на то, как он закалывал животное. Освободив меч из раны, он легким галопом поскакал дальше по улице. В лучах зимнего солнца лезвие у него в руке отливало ярко-алым, роняя капли крови на грязную землю.

Тем временем, сражение переместилось с улиц на рыночную площадь Лланваеса. Мадог ап Льюэллин и остатки его воинства забаррикадировались на одной из улиц, уходящих с площади, перегородив ее повозками и мебелью, вытащенной из близлежащих домов. К ним присоединились несколько десятков горожан, размахивая кухонными ножами и охотничьими луками, но многие мятежники отказались от борьбы перед лицом наступающей кавалерии и пехоты и разбежались по домам, чтобы защитить свои семьи.

Под командой Мадога повстанцы сумели отбить две атаки на свою баррикаду. Орудя копьями из щелей между повозками и швыряя дротики, они дважды заставили рыцарей отступить. Кое-кто из горожан издевательскими криками приветствовал англичан, когда те вынуждены были отойти перед сверкающей стеной копий. Но сами мятежники и Мадог, который не расставался с короной короля Артура, надев ее на кольчужный капюшон, прикрывающий ему голову, хранили угрюмое молчание. Крики мгновенно стихли, когда по приказу Эдуарда перед баррикадой выстроились его личные арбалетчики.

Вот уже долгое время гасконцы славились умением владеть этим страшным оружием, объявленным вне закона в некоторых странах христианского мира. Его проклинали папы, а многие считали длинные луки и арбалеты достойными служить лишь грязным наемникам. Крыши соседних домов были объаты пламенем, отчего пространство между шеренгой арбалетчиков и баррикадой уэльсцев быстро затягивала пелена дыма. Жителям Гвинедда нечего было опасаться английских лучников, которые, как и они сами, пользовались короткими луками. И только на западе Уэльса умели обращаться со смертельно опасными длинными луками. Стрелы, выпущенные из коротких луков, могли ослепить и дезориентировать противника, но если только они не попадали в незащищенные части тела, то редко убивали, отскакивая от доспехов или застревая в подбое дублетов. А вот длинные луки и арбалеты являли собой оружие совсем другого рода: одна удачно выпущенная стрела или болт ^[53]могли пробить навывлет поножи, ногу всадника, седло и лошадь под ним. Для валлийских воинов, практически поголовно одетых лишь в кожаные доспехи, это означало мгновенную и жестокую смерть.

Быстрыми, натренированными движениями арбалетчики уперли ноги в специальные опорные петли и потянули тетиву на себя, натягивая ее спусковой механизм. Взяв из колчана на поясе короткие и толстые стрелы, они вложили их в бороздки, приподняли арбалеты,

прицелились и спустили курки. Болты, пущенные в промежутки между повозками, спицами их колес и сиденьями, прошли баррикаду насквозь. Ее защитники с криками валились наземь — стрелы пробивали плечи, шеи, лица, животы. Мадог, укрывшись за мешком с зерном, выкрикивал команды, стараясь восстановить хотя бы видимость порядка, но болты летели так густо, что воздух потемнел от множества стрел.

Мятежники бросились на землю, многие пытались использовать тела своих убитых или раненых товарищей в качестве защиты. Горожане, придя в ужас от столь жестокой бойни, начали разбегаться, куда глаза глядят. Но многим спастись не удалось, и они падали на землю, пронзенные выпущенными в спины болтами. В возникшей суматохе и панике король Эдуард послал своих рыцарей в очередную атаку. После того как отзвенела последняя, сорвавшаяся с тетивы стрела, кавалерия помчалась на баррикаду. Мадог и повстанцы, многие из которых были ранены, а остальные простерлись на земле, ища укрытия, попросту не успели подняться и выставить перед собой копья для защиты. Рыцари перепрыгивали через преграду или объезжали ее с боков, и битва за Англси превратилась в рукопашную схватку. Она получилась короткой и кровавой. Мадог с диким криком рухнул за землю, когда Джон де Варенн выбил копьё у него из рук.

Когда Роберт с усилием стянул с головы шлем, то морозный воздух, как пощечина, ударил его по покрытому потом лицу. На губах он ощутил привкус соли и стали. Привалившись спиной к глиняной стене дома, он зубами вытащил пробку из меха с вином. Выплюнув ее в снег, он приложился к горлышку и пил до тех пор, пока мех не опустел. Улица вокруг была усеяна мертвыми телами, а стены домов пестрели яркими брызгами крови. Рядом лежал труп мужчины с рассеченной головой, из жуткой раны вытекала розово-серая масса, перемешанная с волосами. Может, на него наступила копытом лошадь, хотя, скорее всего, кто-то ударил его топором. Роберт решил, что это не его рук дело, хотя утверждать этого наверняка он бы не стал. В голове у него все смешалось, воспоминания о сече путались, и перед глазами мелькали картины боя, уже казавшиеся чужими и незнакомыми.

Поблизости расположились и остальные рыцари вместе с оруженосцами, все жадно пили вино и переводили дыхание, поскольку приказ пощадить уцелевших жителей пришел всего несколько минут назад. Кое-кто уже принялся праздновать победу, хотя их смех звучал неестественно и вымученно. Другие молчали, отводя глаза от сцены кровавого побоища, представшей перед ними. Роберт заметил, как несколько рыцарей, пошатываясь и на ходу срывая шлемы, отошли в сторону, где их и стошнило. Оттолкнувшись от стены, он зашагал к тому месту, где оставил Хантера, привязав его к брошенной повозке и туда же положив свой меч.

Поморщившись от боли в натруженной руке, Роберт сунул пустой мех из-под вина в седельную сумку и взялся за меч. Клинок был липким от крови, и почему-то от него пахло старыми медными монетками, если их крепко зажать в ладони и подержать так слишком долго. Стиснув зубы, он повесил шлем на луку седла. Во время штурма он потерял из виду брата и сопровождавших его рыцарей. Он чувствовал себя так, словно заблудился в незнакомом городе, а тут еще дым от пожаров превращал яркий зимний день в тусклые

сумерки. Он не знал, сколько времени прошло с того момента, как он прорвался через ворота, — несколько минут или несколько часов. Впереди по улицам рассыпалась пехота, и солдаты выносили из домов умирающих, пинками выгоняя наружу уцелевших, а соломенные крыши полыхали ярким пламенем. Рыцари все прибывали, и в воздухе то и дело раздавался топот копыт. Внимание Роберта привлекли цвета Пемброка, красные птички на голубом поле с белыми полосами. Отвернувшись от приближающегося отряда, он взял Хантера под уздцы и зашагал по соседней улочке, решив вернуться обратно по своим следам и попытаться разыскать брата.

Он не успел уйти далеко, когда за спиной у него послышался быстро приближающийся топот копыт. Роберт повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как на него несется какой-то рыцарь. Он еще успел заметить мельтешение голубых и белых полос, меч, зажатый в воздетой руке, и сообразить, что незнакомый рыцарь не намерен останавливаться. Кровь еще не остыла у него в жилах после боя, поэтому он среагировал очень быстро. Хлопнув Хантера по крупу, отчего жеребец галопом поскакал вниз по улице, Роберт прижался спиной к стене дома, освобождая дорогу для скачущего коня и уходя от сверкающего меча. Рыцарь проскакал по инерции еще несколько шагов, прежде чем остановиться посреди грязного проулка. Резко рванув поводья, он развернул жеребца. Подхватив с земли свой шлем, упавший с седла, когда Хантер сорвался с места, Роберт вдруг увидел, как рыцарь поднимает забрало. Из-под металлического щитка на него в упор взглянул Эймер де Валанс, глаза которого застилало бешенство. Он был пьян от крови. Его накидка, как и попона коня, были забрызганы запекшейся кровью. Когда он вонзил шпоры в бока своего жеребца, направляя того на Роберта, в его намерениях не осталось никаких сомнений.

Роберт бросился к дверям полуразвалившейся хижины напротив. Он вломился внутрь как раз в то мгновение, когда Эймер промчался мимо, и цокот подкованных копыт гулким эхом прокатился по пустому переулку. От сильного удара дверь распахнулась настежь, разлетевшись в щепы, и Роберт ввалился в темноту. С трудом обретя равновесие, он огляделся и понял, что оказался в грязной кухне, почти все пространство которой занимал раскладной стол и лавки, заваленные остатками ужина и битой посудой. Узкие лучи света сочились сквозь щели в ставнях, закрывавших окна по обе стороны выбитой двери. На полу валялись несколько опрокинутых табуреток, а в очаге тускло тлели угли, но более никаких признаков прежних обитателей дома видно не было. С улицы до Роберта донеслось храпение лошади и звон шпор, цепляющихся за мерзлую землю. Отшвырнув шлем, он подтянул повыше щит, крепко взявшись за крепления левой рукой, а правой поудобнее перехватив перепачканный кровью меч.

В дверном проеме возникла массивная фигура Эймера, загораживая свет. Он держал в руке обнаженный меч, а левую сторону тела тоже прикрывал щит с драконом. Рыцарь шагнул через порог, не сводя налитых кровью глаз с Роберта, который стоял посреди кухни в ожидании своего врага, и грудь его вздымалась от частого дыхания под накидкой.

— Еще один чурбан, прячущийся в вонючей берлоге и ожидающий своей очереди быть перерубленным пополам. — Голос Эймера сочился издевательской насмешкой, но в ней звучала смертельная угроза. — К тому времени, когда обнаружат твой хладный труп, я буду уже далеко.

Роберт облизнул пересохшие губы.

— Хорошо сказано, — заметил он, поднимая меч, — особенно учитывая, что верно и обратное.

Эймер хрипло рассмеялся:

— Я — не Ги. И меня тебе так легко не одолеть. — Его горящий ненавистью взгляд остановился на щите на руке Роберта, где в тусклом свете очага сиял золотом дракон. — Ты думаешь, что чего-то достоин, потому что Хэмфри выбрал тебя? — выплюнул он. — Ты просто вовремя подвернулся под руку. Ничтожество со смехотворной властью и богатыми землями, но которое может помочь ему укрепить свое положение. По правде говоря, для моих братьев ты был и останешься чужеземцем. Профаном.

— А тебя это гложет, я смотрю, да? То, что меня выбрали так быстро, а тебе пришлось ждать целых три года, чтобы получить приглашение вступить в орден. Да, — сказал Роберт, со злорадством глядя на ошарашенное лицо Эймера, — твои так называемые *братья* рассказали мне об этом. — Он шагнул к рыцарю, ненависть переполняла его, и он жаждал крови. — Я могу быть чужеземцем, но они поверили мне намного быстрее, чем тебе. Хэмфри раскусил тебя, Валанс, стоило ему взглянуть на тебя.

В то же самое мгновение Эймер кинулся на него, в слепой ярости размахивая мечом. На Роберта обрушился страшный удар, и тот вынужден был отступить, защищаясь. В тесноте кухоньки грохот от столкновения меча со щитом показался ему оглушительным. Роберт ощутил, как боль от удара пронзила ему левую руку, но он отреагировал в ту же секунду, яростно отбив щитом клинок Эймера. Столь сильным и неожиданным оказался его отпор для рыцаря, что тот отлетел назад, как мячик, зацепившись ногой за табуретку, которая валялась на полу. Это отвлекло его, пусть даже всего на мгновение, но Роберт сполна воспользовался этим, ударив Эймера щитом в лицо. Разумеется, большую часть удара принял на себя шлем Эймера, но его откинуло назад с такой силой, что он потерял равновесие. Де Валанс со всего маху рухнул на пол, причем от удара меч вылетел у него из руки. Эймер едва успел подняться на ноги, как Роберт обрушился на него. Рыцарю пришлось уклониться, уходя от падающего клинка, и он вынужден был отскочить в сторону, не успев подхватить с пола выпавший меч. Под второй удар, направленный ему прямо в голову, он успел подставить щит. Меч Роберта врезался в разрисованное дерево, оставив глубокую трещину на золотом драконе. Эймер зашипел сквозь зубы, ощутив рукой и предплечьем всю силу, вложенную в этот удар, но затем с бешенством отбил клинок Роберта в сторону своим щитом. Лезвие описало широкий полукруг, и Эймер всем телом врезался в Роберта.

Столь внезапный и яростный порыв противника застал Роберта врасплох, и он отлетел назад, опрокидывая стол и расшвыривая скамейки, которые с отвратительным скрежетом разлетелись по каменным плитам пола. Он покачнулся и упал спиной на стол, а Эймер всем телом навалился на него, прижимая щитом и бешено скаля зубы. Брюс с трудом приподнял меч и ткнул им Эймера в бок как раз в тот миг, когда дыхание со свистом вырвалось у него из груди. Удар вышел слабым, да и кольчуга спасла рыцаря, но тот покачнулся, чем тут же воспользовался Роберт, отшвырнув противника от себя. Выпрямившись, он бросился на Эймера и погнал его по кухне, не давая тому поднять упавший меч. Эймер наклонился и схватил шлем Роберта, который так и валялся на полу там, где он уронил его. Размахнувшись, рыцарь ударил им Роберта в пах. Всхлипнув от боли, Роберт согнулся пополам и повалился на пол. Стоя на коленях, он ощутил, как Эймер протиснулся мимо него, а потом услышал лязг и скрежет, когда рыцарь отшвырнул ненужный шлем и подхватил с пола упавший меч. В ушах у него шумела кровь, боль застилала глаза, но он все-таки расслышал лязг чужих шпор по полу. Паническое ожидание, что следующим ударом Эймер раскроит ему череп, придало ему достаточно сил, чтобы с трудом выпрямиться и

приготовиться к защите.

С мечом в руке Эймер двигался стремительно и яростно. Роберту еще никогда не доводилось видеть, как он сражается пешим. Развитые мышцы и широкие плечи придавали его ударам сокрушительную силу. Казалось, де Валанс более ничего не боится, потому как он атаковал Роберта со всех сторон, орудуя тяжеленным мечом, как опытный дровосек топором, и отбивая встречные удары своим щитом. Боль в паху у Роберта почти прошла, но он чувствовал, что быстро устает под столь яростным натиском. Он нанес неверный удар, что позволило Эймеру просто отступить в сторону и ударить его в лицо эфесом своего меча. Роберт почувствовал, как у него хрустнула, ломаясь, носовая перегородка, а рот наполнился кровью. Слепленный и захлебывающийся, он неверными шагами попятился назад. Слезающимися глазами он увидел, что Эймер довольно оскалился. Отчаяние вынуждало его слепо броситься вперед, но он заставил себя отступить за стол, сплевывая сквозь зубы кровь, чтобы выиграть время и прийти в себя.

— *Трус!* — злобно прошипел де Валанс, и улыбка его превратилась в зловещий оскал. — Ты не заслуживаешь этого щита, собака.

Вперившись взглядом в искаженное ненавистью лицо рыцаря, Роберт вдруг ощутил прилив ярости. Он качнулся вперед, толкнув стол на Эймера и сбив того с ног. Рыцарь приземлился на табуретку, которая разлетелась в щепы под его весом, и беспомощно простерся на каменном полу. Меч выпал у него из пальцев, а ремешок шлема лопнул от удара. Прежде чем рыцарь успел пошевелиться, Роберт обежал стол и навалился на него сверху, став коленями ему на живот. Отшвырнув в сторону собственный клинок, он обеими руками сорвал с де Валанса шлем. Эймер, оглушенный падением, попытался оказать сопротивление, но Роберт ударил его в лицо. Латная рукавица рассекла Эймеру губу и выбила два передних зуба. Брюс ударил ненавистное лицо еще раз, и еще, превращая его в сплошной синяк и сломав Эймеру сначала нос, а потом и челюсть.

Когда Роберт, мокрый от пота и задыхающийся, занес кулак для пятого удара, снаружи раздался топот копыт и послышались крики. Он придержал руку, услышав собственное имя. Это были его люди. При звуках голоса своего брата Роберт опустил окровавленный кулак.

— Сюда! — прохрипел он, отталкиваясь от Эймера. Наклонившись, чтобы поднять меч, и чувствуя, как яростно шумит в висках кровь, он приостановился на мгновение, глядя сверху вниз на Эймера, который слабо стонал сквозь выбитые зубы. Меч задрожал в его руке, и нестерпимое желание покончить с врагом одним ударом охватило его. — В следующий раз я убью тебя.

Оставив Эймера без чувств валяться на захлавленном полу кухни, Роберт, пошатываясь, нетвердой походкой вышел на дневной свет, затянутый дымом пожаров.

Англичане разбили лагерь на покрытом снегом склоне холма над Лланваесом. Внизу, в руинах, до сих пор полыхало зарево пожаров, которые никто не тушил, и в серых сумерках огонь казался особенно зловещим. Всех, кто уцелел в кровавой битве, рыцари согнали в кучу. Они представляли собой жалкое зрелище; дети плакали, мужчины и женщины стояли с побледневшими лицами, многие были ранены.

Роберт держался поодаль, все тело у него ныло, сломанный нос пульсировал болью. Рыцари постарше шумно радовались, довольные тем, как быстро они захватили город и покончили с мятежниками. Молодежь вела себя намного тише, многие попросту растерялись, вкусив первой крови, которой они так жаждали. Среди них был и Эймер с

безобразно распухшим лицом и выбитыми передними зубами. Роберт мельком услышал, как рыцарь рассказывал Хэмфри душещипательную историю о том, как его подстерегли в засаде сразу трое повстанцев. Он сомневался, что хоть одна живая душа когда-либо узнает от Эймера правду о том, что произошло.

Пока Роберт наблюдал за происходящим, привели Мадога ап Льюэллина, раненого, но живого, и поставили перед ожидающими рыцарями и уцелевшими горожанами. Руки у него были связаны за спиной, но он шел с гордо поднятой головой между двух рыцарей, конвоировавших его. Золотой обруч, который он носил в бою, оставался у него на голове, помятый еще сильнее и забрызганный кровью. Мадога привели к Эдуарду, высокая фигура которого выделялась на фоне тусклого неба, а полы ярко-красной накидки безжалостно трепал ветер. За спиной короля развевались два флага. На его штандарте был изображен королевский герб Англии, а на втором дышал огнем выцветший золотой дракон. По кивку короля клирик в черной сутане подошел к Мадогу, чтобы снять у него с головы золотой обруч. Уэльский мятежник выплюнул несколько яростных фраз, но рыцари держали его крепко и он не смог помешать клирику забрать у него корону Артура и передать ее английскому королю.

Эдуард некоторое время молча смотрел на окровавленный золотой обруч, объединивший против него целую нацию. Затем, очевидно удовлетворенный, он кивком приказал унести его.

— Мы отмоем корону и приведем в должный вид. — Когда клирик унес ее, взгляд короля уперся в Мадога. — Ты поднял восстание, посягнул на границы королевства, совершил убийство, грабеж и разбой. Ты уничтожал собственность, подстрекал к беспорядкам и нарушил покой своего короля.

В лице Мадога не дрогнул ни один мускул. Он не сводил глаз с Эдуарда.

Роберт, глядя на него вместе с остальными, не мог не подумать о том, а понял ли Мадог или кто-нибудь из тех, кто остался жив, хоть слово из сказанного королем.

— За свои преступления ты будешь заточен в Тауэр, где и проведешь остаток своих дней. — Король сделал паузу, и стало слышно, как трепещет на ветру полотнище с золотым драконом. — Десять лет — долгий срок. Народ Уэльса забыл о той цене, которую ему пришлось заплатить за неповиновение. — Эдвард оглянулся через плечо, туда, где стояли Джон де Варенн и остальные английские графы. — Им нужно напомнить об этом.

Толпа расступилась, и Роберт услышал крик, когда из нее выволокли какого-то юношу. Это был молодой человек с черными, как смоль, волосами.

Мадог закричал и попытался вырваться.

— Как нам сообщили, это твой брат, Дафидд, — сказал Эдуард.

На избитом лице Дафидда отразился ужас, но он презрительно сплюнул на землю, когда двое рыцарей протащили его мимо Эдуарда к тому месту, где оруженосцы держали под уздцы двух лошадей. Один из рыцарей отвел руку, чтобы заковать юношу в кандалы, но король отрицательно качнул головой. Мадог забился в руках стражников, бессвязно выкрикивая что-то по-валлийски, обращаясь к королю и своему брату, который не сводил взгляда с лошадей, к седельным лукам которых были привязаны толстые веревки. Свободные концы их держали в руках солдаты.

Рыцари развели руки Дафидда в стороны. Солдаты, державшие веревки, подошли к нему и привязали их к его запястьям, тщательно проверив каждый узел, дабы убедиться, что он не развяжется. Лошади фыркали, когда оруженосцы развели их в стороны по бокам Дафидда,

грудь которого судорожно вздымалась. Кольца веревок, концы которых были привязаны к седельным лукам и запястьям Дафидда, размотались, но пока еще провисали свободно. Рыцари отгеснили горожан в сторону, чтобы те не попали под копыта коней. Кое-кто из них отвернулся, матери прижимали лица детей к своим юбкам, мужчины закрывали глаза. Остальные смотрели на происходящее в немом отчаянии. Эдуард стоял в окружении вельмож, и лицо его ничего не выражало.

Двое солдат, протолкнувшись сквозь толпу, остановились позади Роберта, глядя на Дафидда, который стоял совершенно один, вытянув руки со сжатыми кулаками по бокам.

Один из солдат сказал другому:

— Я сам видел, как одному мужчине оторвало руки начисто.

Роберт дал любопытным зевакам встать впереди себя, когда король подал знак оруженосцам, которые подняли хлысты и стегнули лошадей. Животные прынули в разные стороны, веревки мгновенно натянулись, растягивая руки Дафидда. Крик ярости Мадога слился с воплем боли, который издал его брат.

Когда вывихнутые в плечевых суставах руки Дафидда отвязали, казнь продолжилась, и его обмякшее тело положили на деревянные козлы с крышкой, где ему грубо вспороли живот мясницким ножом. Наконец, его четвертовали, и окровавленные куски тела побросали в бочки, чтобы разослать их в разные концы вновь покоренного королевства и показать, что будет с теми, кто осмелится вновь помышлять о мятеже. Корона, которую в свое время носили Брут и сам Артур, будет доставлена в Вестминстер, став последним гвоздем, забитым в гроб свободы Уэльса.

Роберт спустился с холма, слыша, как яростные крики Мадога замирают вдали.

Поблизости от городских стен королевские инженеры и каменщики оживленно спорили о чем-то, осматривая местность, измеряя и размечая что-то кусками веревок. Король уже отдал приказ о строительстве очередной крепости на месте разрушенного города. Солдаты сносили тела убитых на берег. Трупы швыряли в набегавшие волны, уносящие их прочь. Роберт уже видел в проливе торчащие спины и головы, которые уносил отлив и которые вскоре станут кормом для рыб и птиц. Почувствовав, что кто-то остановился рядом, он обернулся и увидел Хэмфри. Рыцарь держал на руке щит с драконом, а меч в ножнах висел у него на поясе. На лице его виднелись следы крови, и ею же была забрызгана его накидка.

— Ну вот, дело сделано. — Глубоко вздохнув, Хэмфри уставился на воду, на которой медленно покачивались трупы. — Скоро мы сможем вернуться домой. — Когда Роберт ничего не ответил, он продолжал. — Будь спокоен, мой друг, ты будешь вознагражден, когда корона Артура займет свое место рядом с Мечом милосердия в Вестминстерском аббатстве. И теперь нам осталось отыскать только две реликвии.

Роберт прочел яростную решимость на лице Хэмфри. Его друг, похоже, был твердо уверен в том, что ступил на единственно правильный путь и что когда пророчество исполнится, в королевстве все вновь станет хорошо. У Брюса не было времени усомниться в истинных целях и намерениях ордена или в том, насколько остальные верят в пророчества Мерлина, поскольку тяготы войны и зимних холодов представляли собой непосредственную опасность, но теперь, когда на его глазах трупы уносил отлив, Роберт задумался об этом. Он был готов поверить им в ту ночь, когда его приняли в члены ордена; услышанные в детстве легенды о великих воинах наполняли его ожиданиями радужных перспектив. В этих историях сражение всегда выглядело чем-то блистательным и исполненным славы, и слова поэтов возносили героев над кровавой реальностью. Роберт вдруг вспомнил своего отца и то,

как война изменила его. И тут впервые на него снизошло понимание. Ничего удивительного, что отец не верил ни во что, помимо суровой правды окружающего мира, и высмеивал тех, кто не соглашался с ним. В памяти у него всплыли слова брата, сказанные им в ту ночь, когда под Нефином был атакован обоз. *Ты ему доверяешь?*

— Ты так и не сказал мне, что сделает король Эдуард, когда соберет все четыре реликвии, — сказал Роберт, вперив в Хэмфри тяжелый взгляд.

— Мы не посвящены в его планы, Роберт, как я уже говорил тебе. Только рыцари Круглого Стола точно знают, в чем они заключаются. А мы должны доказать, что достойны такого же доверия, как и они.

— И тебе никогда не хотелось узнать о них?

Хэмфри выдержал паузу.

— Я просто знаю, что мой король сделает то, в чем более всего нуждается мое королевство.

Роберт ничего не ответил. Он подумал о своей стране, ослабленной и раздираемой на части вмешательством Эдуарда, и тень беспокойства шевельнулась у него в душе. Но он постарался отогнать ее прочь. Шотландия — независимое королевство, у которого есть собственный король. Это не Уэльс или Ирландия, расколотые и изолированные. Как бы сильно ни желал Эдуард завладеть короной короля Артура, в первую очередь он прибыл сюда для того, чтобы подавить восстание.

Тем не менее, стоя рядом с Хэмфри на мрачном берегу, Роберт вдруг ощутил, что оказался на перекрестке множества дорог, каждая из которых вела в темноту и неизвестность.

Пламя множества свечей трепетно освещало стройные ряды рыцарей, отражаясь в глазах воинов и позолоте гробниц вокруг. В святилище, находящемся в самом сердце Вестминстерского аббатства, главное место занимала усыпальница, в каменном основании которой были прорублены ступени, уводящие вниз. Усыпальница, построенная королем Генрихом для останков Святого Эдуарда Исповедника, вместе с парящим вокруг нее аббатством, была возведена всего двадцать шесть лет тому, но ступени ее уже обрели зеркальную гладкость от прикосновения колен множества пилигримов. На каменном основании, в золоченой раке, ^[54]над которой висел балдахин, разрисованный сценами из Священного Писания, лежали останки святого. Внизу, в библейской темноте склепа, сгущались тени.

Под взглядами нарисованных святых король Эдуард преклонил колени, и его ярко-алое одеяние складками растеклось по ступеням усыпальницы. Он склонил голову. Позади него уходящими вдаль рядами выстроились его люди, и лица их терялись в золотистой полутьме, подсвеченной мерцанием свечей. Впереди стояли самые близкие его сподвижники, рыцари Круглого Стола: Джон де Варенн и епископ Бек, графы Линкольн и Уорик, Арундель, Пемброк, Херефорд и брат короля, Эдмунд Ланкастер, и еще несколько человек. За их спинами выстроились Рыцари Дракона, торжественно держа перед собой щиты.

Роберт, стоя между Хэмфри де Бозном и Ральфом де Монтермером, почувствовал на себе чей-то взгляд. Чуть повернув голову, он встретился глазами с Эймером де Валансом.

После Англси синяки сошли у того с лица, но на щеке остался шрам от участия в кампании. Роберт увидел, что и два зуба, выбитые им лично, уже были заменены другими. Аккуратно вставленные в уродливые дыры, они были скреплены с соседними зубами тонкими серебряными проволочками, придавая его улыбке странное сверкание. Интересно, когда это рыцарь ухитрился вставить новые зубы, мельком подумал он. Эймер надолго задержал на нем свой взгляд, а потом отвел глаза, глядя на короля. Минуло несколько месяцев с тех пор, как Роберт видел его в последний раз. После падения Англси многие благородные дворяне были освобождены от королевской службы, получив возможность вернуться в свои владения, и Эймер отправился вместе с отцом в Пемброк. Но по злобному блеску в глазах становилось ясно, что ненависть его нисколько не остыла. Однако Роберт ничуть не жалел о том, что избил наглеца, как и о том, что однажды тот непременно решит поквитаться. Даже сейчас он испытывал жестокую радость, вспоминая, как всаживал кулаки в самодовольное лицо Эймера; лицо, на котором отражалось злорадство, когда Брюс испытывал боль или унижение. Ублюдок сполна заслужил преподанный ему урок. И, если потребуется, Роберт повторит его, не задумываясь.

Когда король покинул остров, на котором уже полным ходом шло строительство нового замка Бомарис, Роберт остался в его изрядно поредевшей свите. Он был с королем, когда они направились на север, чтобы надзирать за планами реконструкции и восстановления Карнарфона, а потом и на юг, дабы посетить с королевским визитом его жалкие и заброшенные прибрежные городки и морские порты, а также побывать в мощных цитаделях Крикайет и Харлек. Мадог ап Льюэллин был в цепях препровожден в Тауэр, где и приговорен к пожизненному заключению. После кровавой казни брата дух валлийского повстанца был сломлен, и в своем отчаянии он казался живым воплощением рухнувших надежд страны, принцем которой он был так недолго.

В каждом поселении Эдуард принимал формальную капитуляцию валлийцев и их вассальные клятвы верности. Куда бы он ни направлялся в цветущем мае и июне, корона Артура неизменно сопровождала его как символ верховной власти. Население Уэльса, лишившееся своего принца и скорбящее по погибшим мужчинам, коих было великое множество, притихло и затаилось в трауре. Но Эдуард, который всего двумя неделями ранее разорвал на части лошадьми младшего брата Мадога, демонстрировал снисхождение и терпимость, создав законодательный орган, который призван был рассматривать жалобы валлийцев на притеснения его официальными представителями, тех самых жалоб, что и привели, в конце концов, к мятежу. Он даже позволил многим повстанцам вернуться к своим семьям, не понеся никакого наказания. Роберт, удивленный масштабом подобного всепрощения, вскоре догадался о его причинах. Эдуард нуждался в том, чтобы валлийцы смирились с его правлением, если хотел, чтобы они платили налоги и участвовали в его войнах.

Несмотря на одержанную победу в Уэльсе, летние месяцы доставили королю немало огорчений. Когда с горных перевалов сошел снег и наступила весна, из Англии один за другим начали прибывать гонцы с посланиями. Первые доклады о том, что войска Эдуарда в Гаскони захватили три ключевых города, были встречены с восторженным энтузиазмом, но когда стало понятно, что дальнейшего продвижения не предвидится, король впал в мрачную задумчивость. Две военные кампании вкупе с колоссальными расходами на строительство Бомариса и восстановление Карнарфона истощили его казну. После возвращения в Лондон Роберт стал свидетелем множества тревожных разговоров, когда обеспокоенные бароны

вполголоса обсуждали, когда же король обратится к ним с просьбой ссудить ему деньги.

Но сегодня в Вестминстере эти взволнованные голоса стихли и глаза всех присутствующих были обращены на короля и алтарь перед усыпальницей Исповедника.

На алтаре, задрапированном красной с золотом материей, лежали три предмета. Одним из них был меч. *«Меч милосердия»*, — прошептал ему на ухо Хэмфри, когда клинок внесли в часовню. Вместо того, чтобы сужаться к острию, лезвие, в незапамятные времена выкованное святым, чьи кости теперь лежали в золотой усыпальнице, было словно обрезанным. Меч принимал участие в каждой коронации начиная с 1066 года, когда Вильгельм Завоеватель был провозглашен королем Англии. Хэмфри пробормотал строчку из Последнего Пророчества, когда они с Робертом смотрели, как священник вносит клинок.

Меч святого, который рождает королей, сломанный в знак милосердия.

Рядом с мечом лежала простая черная коробочка, поблескивающая в пламени свечей. На вопрос о том, что это такое, Хэмфри шепотом ответил, что в ней лежит оригинал пророчества, которое король Эдуард обнаружил в Нефине после завоевания Уэльса. И король повелел сделать перевод этой самой книги, содержащей предвидения Мерлина, настолько древней, что ее нельзя вынимать оттуда, дабы она не рассыпалась в прах. Ее слова подвигли короля на поиски четырех реликвий, разделенных между сыновьями Брута, дабы предотвратить предсказанный распад Британии. И вот сейчас к ним добавилась корона Артура, восстановленная ювелирных дел мастерами короля. Взяв ее обеими руками с шелковой подушечки у основания усыпальницы, Эдуард поднялся на ноги.

Роберт заметил, как некоторые из присутствующих вытягивают шеи, чтобы своими глазами увидеть, как король кладет корону на алтарь. Несколько человек склонили головы в молитве. Глаза Хэмфри сияли, хотя другие люди вовсе не выглядели охваченными священным трепетом. А Роберт ощущал себя где-то посередине между ними. Одна часть его хотела с головой окунуться в это захватывающее предприятие — вместе с Хэмфри и остальными отправиться на поиски сокровищ, свято веря в то, что его служба королю еще может принести пользу его семье, а другая часть терзалась сомнениями относительно того, правильный ли путь он выбрал. Обвинения брата, высказанные им в Нефине, заставили всплыть на поверхность неприятную правду — ведь он действительно обещал деду в тот день, когда его посвятили в рыцари, что никому не даст лишить его семью права на трон. Каким бы туманным не представлялся этот путь по сравнению с тем, что, казалось, был прямо-таки усыпан сокровищами, он не мог отрицать ни того, что поклялся выбрать его, ни того, что сейчас пошел другой дорогой. А с этими воспоминаниями в ушах у него зазвучали и слова деда, которые тот частенько любил повторять:

«Мужчина, который нарушает данную им клятву, недостойн того, чтобы называться мужчиной».

Когда король Эдуард отвернулся от усыпальницы святого, церемония завершилась. По сигналу Джона де Варенна графы, бароны и клирики потянулись к выходу в разрисованном занавесе, отделявшем святилище от остальной части церкви, торопясь принять участие в празднестве, которое король устраивал во дворце, а заодно и обсудить последние известия из Гаскони. Король не присоединился к ним, а медленно подошел к одной из гробниц, стоявшей неподалеку от усыпальницы Исповедника. На ее крышке виднелось бронзовое изображение женщины. Надпись на боку гласила:

«Здесь покоится Элеонора, душу которой принял Господь в милости своей».

Когда люди впереди Роберта задвигались, заслонив от него короля, преклонившего в

одинокости колени, он последовал за Хэмфри из самого сердца аббатства в его огромный, похожий на чрево гигантского кита, желудок. В окнах, выстроившихся вдоль прохода, сверкали рубиновые и сапфировые стекла, украшенные гербами, а стены между витыми мраморными колоннами были покрыты позолотой и киноварью.

Роберт прошел уже полпути от алтаря, когда вдруг заметил мужчину, несомненно, королевского гонца, судя по его полосатой тунике, о чем-то негромко разговаривавшего с Ральфом де Монтермером. Ральф обернулся, ища кого-то взглядом. Увидев Роберта, он кивнул на него. Когда гонец приблизился, Роберт остановился и Хэмфри вопросительно задержался рядом с другом.

— Сэр Роберт Каррик. — Гонец протянул ему свернутое в свиток письмо. — Послание из Шотландии, сэр. Оно прибыло некоторое время тому, но мы не смогли вовремя доставить его вам.

Роберт поправил щит на локте, а потом взял письмо, решив, что оно пришло от деда. Брюс писал в Шотландию перед тем, как отправиться в Уэльс, извещая старого лорда о том, что его призвали под знамена короля. Он улыбнулся, увидев печать деда, затем вскрыл письмо и принялся читать его, не замечая людей, обходящих его со всех сторон. Уже после первых строк улыбка на его губах увяла.

— Что случилось? — спросил Хэмфри, видя изменившееся выражение его лица.

Роберт не ответил. Вместо этого он еще раз перечел письмо. Когда Хэмфри повторил свой вопрос, он в растерянности поднял голову, встретив вопросительный взгляд друга.

— Я должен вернуться домой. — Роберт сделал паузу, чтобы откашляться и обрести голос. — Чтобы жениться.

— Жениться?

— На дочери сэра Дональда, графа Мара. — Роберт умолк, глядя на висящий на сгибе локтя щит, побывавший в бою. — Я должен как можно скорее испросить у короля разрешения покинуть Лондон. — Он помолчал, а потом протянул щит с драконом Хэмфри. — Я должен вернуть его тебе, потому что не знаю, как долго буду отсутствовать.

Хэмфри не сделал даже попытки принять щит.

— Тот, кто однажды стал Рыцарем Дракона, останется им навсегда. Он твой, и хранить его тебе придется самому, Роберт. — Он задумчиво присвистнул, а потом весело рассмеялся. — Что ж, надо постараться, чтобы сегодняшний праздник запомнился нам надолго, если ты в последний раз будешь сидеть с нами за одним столом в ранге холостяка. Женитьба? — Он покачал головой и вновь рассмеялся. — Полагаю, сия ноша в скором времени ожидает всех нас.

К ним подошли Ральф и Томас Ланкастер, которым было интересно узнать, какие новости привез гонец. Хэмфри рассказал им обо всем. Ральф торжественно похлопал Роберта по плечу и заявил, что ему очень жаль его.

— Ты встречался с нею? — поинтересовался Томас.

В памяти у Роберта возникло озеро под луной, пар от дыхания, вырывающийся у него изо рта, когда он наклонился к Еве, ее волосы, отливающие серебром в лунном свете. Он вспомнил, что в ту ночь его дед и граф Мар о чем-то долго беседовали. Очевидно, уже тогда они планировали этот альянс.

— Она красива? — не отставал Ральф.

— Как Святая Дева Мария и все ее ангелы, — ответил, наконец, Роберт, и на губах у него заиграла неуверенная улыбка.

Их смех эхом покотился между мраморными святыми и королями, затихая в темных закоулках аббатства, когда они зашагали по проходу.

Джон Баллиол стоял на крепостной стене замка Стирлинг, глядя на заходящее солнце. На болотистой равнине внизу, у подножия скал, на которых громоздился замок, блестели лужи воды, и солнечные лучи играли в них. В малиновом небе кружили стаи птиц. Их строгий порядок намекал на присутствие некоего смысла и языка полета, недоступного человеческому пониманию. Воздух благоухал травами, которые слуги собирали в саду для кухни. Король видел других людей, спешащих по своим делам по двору замка и поросшей травой дамбе, тянувшейся вдоль стен, где скалы образовывали ровное плато, прежде чем оборваться отвесными стенами к цветущим лугам, убегающим вдаль до самого Форта. Великая река величаво несла свои воды с горных вершин к Эдинбургу, где королевский замок, подобно брату-близнецу Стирлинга, высился на таком же скалистом обрыве. Там водный поток, деливший Шотландию практически пополам, расширился и впадал в море. В сумерках Баллиол едва различал деревянный мост над чернильно-черными водами, который, подобно заколке, соединял вместе две половинки его королевства. Вот уже долгие годы замок Стирлинг называли ключом к северу, потому что тот, кому принадлежал замок, охранявший мост, мог контролировать единственный надежный проход в высокогорье Шотландии, знаменитый Хайленде.

Летний вечер выдался умиротворенным и сонным, но темнота, подкрадывающаяся с востока из-за лысых вершин холмов Очил-Хиллз, предвещала, как казалось Баллиолу, не только наступление ночи. Он не хотел терять из виду эту землю, не хотел видеть, как она ускользает от него, погружаясь в ночь. Ему хотелось дотянуться до горизонта и достать из-за него солнце, прижать его к груди и ослепить им своих врагов. Но воздух, обвевавший его испещренные оспинами щеки, становился все холоднее, и в восточной части неба уже проклюнулись первые звезды.

— Милорд.

Баллиол обернулся на звук голоса. На галерее стоял Джон Комин, и в лучах закатного солнца его лицо казалось отлитым из бронзы. Лорд Баденох почти не постарел за те три года, что минули с интронизации Баллиола в Скоуне, и король ненавидел зятя за его цветущий облик. Он знал, что ему самому прошедшие годы легли на плечи тяжелой ношей, ведь, заполучив трон, он потерял супругу и почти всю власть. Ощущение уходящего безвозвратно времени заставило его вспомнить об их отцах, которые вместе сражались под Льюисом под знаменами короля Генриха: именно тогда связь между их семьями стала неразрывной. Баллиол впервые задумался о том, что если бы Уильям Комин не предложил его отцу выйти на свободу из той монастырской кельи в Льюисе, то стоял бы он сам сегодня на этой стене, сломленный потерями и утратами? И как повернулось бы колесо фортуны, если бы Баллиолы в тот момент пошли своим путем, а не стали заложниками своего долга перед Коминами? Кровь вскипела у него в жилах от этих мыслей и воспоминаний о своем отце.

— Вы готовы, милорд? Люди уже собрались в зале.

— Я до сих пор не могу поверить в то, что это единственный выход, — обронил

Баллиол, вновь отворачиваясь и глядя вдаль, прекрасно сознавая, что его слова приведут зятя в ярость.

Когда Комин заговорил, в тоне его прозвучала ледяная холодность:

— Вы сами согласились, сир. Как и все мы.

— Нет, это ты согласился. Это был твой план, а не мой.

— А разве у меня был выбор? — пожелал узнать Комин, и от гнева голос его стал выше на октаву. — Когда вы сами позволили королю Эдуарду унижать себя и манипулировать собой? Когда вы позволили ему остаться верховным правителем Шотландии, несмотря на заключенные соглашения? Он присудил вам отдать ему три города во время того судебного разбирательства в минувшем году, которое больше походило на издевательство. Когда это мы предоставляли такие свободы чужеземному королю?

— Быть может, тебе следовало спросить об этом его самого, когда ты был в Лондоне и с радостью женил своего сына на дочери одного из его ближайших сподвижников.

Комин не стал отрицать очевидного и с достоинством ответил на обвинение.

— Я должен был выбрать достойную супругу для своего наследника. Точно так же, как и у вас были свои обязанности в качестве нашего короля. Вы должны были сохранить наши права. Но, вместо этого, вы уступили их Эдуарду.

— Должен быть еще какой-нибудь выход. Вместо меня будут править двенадцать человек?

— Они не будут подменять вас, а станут всего лишь вашими советниками. — Лицо Комина посуровело. — Люди королевства собрались здесь сегодня вечером именно для этой цели. Четыре графа, четыре епископа, четыре барона. Вы не можете отказать нам.

— А что, если я все-таки откажу? Что тогда, брат? — В гаснущем багровом свете заката лицо Баллиола исказилось мукой. — Ты прикажешь убить меня, как приказал убить внуку моего предшественника?

Комин огляделся по сторонам, когда слова Баллиола эхом прокатились по галерее.

— Осторожнее, милорд, — пробормотал он. — Я был не единственным, кто принимал участие в этом заговоре. — Тон его голоса смягчился. — Идут такие времена, что вы не должны оставаться нашим единственным выбором. — Когда король отвел глаза, Комин встал перед ним. — Вы по-прежнему останетесь королем, Джон, но ваши действия будут направлять новый совет. Пусть он займется королем Эдуардом. А когда будущее Шотландии вновь окажется в безопасности, может статься, необходимость в таком совете отпадет.

— И когда же это случится? — Баллиол знал, что он проиграл; об этом свидетельствовал даже его собственный голос, негромкий и усталый.

Комин оперся обеими руками о каменный парапет и окинул взглядом болотистую равнину, тянущуюся вдаль от скалистого обрыва, увенчанного замком, вокруг которого теснились домики королевского городка Стирлинга.

— Все будет зависеть от ответных шагов Эдуарда, когда он узнает о том, что мы заключили военный союз с его врагом. Тогда он может отступить и вернуть нам наши свободы. Войны в Уэльсе и Гаскони обошлись ему очень дорого. И еще одна военная кампания — последнее, что ему сейчас нужно.

— А если он все-таки не отступит?

Комин немного помолчал, но когда заговорил, то в его тоне прозвучала решимость:

— Значит, потребуется больше времени.

— Король Филипп окажет нам военную помощь?

— Полагаю, да, исходя из наших первых переговоров.

Король смотрел, как последние лучи солнца скрылись за горами. Когда свет померк, Баллиол повернулся к своему зятю.

— Идем, и побыстрее покончим с этим.

День клонился к закату, когда Роберт и Эдвард в сопровождении своего эскорта пересекли границу. Получив разрешение короля покинуть Вестминстер, Роберту понадобилось больше времени, нежели он рассчитывал, чтобы уладить свои дела, и вот теперь, после двух недель в дороге, этот завершающий отрезок пути казался ему самым долгим. Вот уже несколько часов, объехав городские стены Карлайла, последнего английского города, он скакал в беспокойном молчании, стремясь к цели своего путешествия и раздумывая о том, что ждет его впереди, за вересковыми пустошами Солвей Фирта.

Роберт чувствовал себя очень странно и непривычно, возвращаясь домой после долгого отсутствия. И дело было не только в том, что здесь на первый взгляд ничего не изменилось, просто сам он стал совершенно другим человеком, и духовно, и физически. Он уезжал отсюда девятнадцатилетним юношей, а вернулся мужчиной в возрасте двадцати одного года, вкусившим крови на войне. Он пребывал в фаворе у короля и обзавелся влиятельными друзьями в Англии. Радость от возвращения домой подогревало и желание поговорить с дедом обо всем, что случилось с ним за эти два года. Он уже решил признаться старому лорду в том, что его приняли в орден Рыцарей Дракона и он принес клятву верности королю Эдуарду, не сомневаясь, что дед скажет ему, были ли эти решения правильными. Но сквозь эти мысли пробивалось и нетерпеливое ожидание брачного союза, ставшего главной причиной, по которой его призвали домой. Это станет для него еще одной переменной, к которой, как Роберт надеялся, он был уже готов. Ева была красавицей, вне всякого сомнения, но вот будет ли она ему хорошей женой? Подходящей матерью его детям? Эта мысль привела его в смятение, и он постарался отогнать ее, когда они поскакали по знакомой дороге, огибавшей невысокие холмы Аннандейла, направляясь к Лохмабену.

В розовом полусвете сумерек они достигли городских окраин. При виде массивной главной башни, вздымающейся над насыпью, Роберт почувствовал, как сердце замерло у него в груди. Обернувшись с широкой улыбкой к брату, он увидел то же самое выражение радостного предвкушения и у него на лице. Пустив усталых лошадей рысью, они вместе с оруженосцами поскакали через город, направляясь к воротам в окружающее замок частокле. Из труб за оградой валил дым. Роберт мельком подумал, а не окажется ли дома кто-то из его братьев и сестер. Чем ближе он подъезжал к Шотландии, тем чаще ловил себя на мысли, что вспоминает залиvistый смех Найалла, упрямое молчание Томаса, застенчивую мягкость Кристины, непокорность Мэри и увлечение книгами Александра. Он скучал о них всех, но более всего — о своем деде.

Роберт не узнал мужчин со строгими и даже мрачными лицами, несшими караул у ворот, но стражники пропустили их немедленно, стоило ему назваться. Во дворе замка было тихо, и в благоуханном воздухе горели всего несколько факелов. Роберт спешил и передал поводья своего коня Несу, удивляясь, почему никто не спешит им навстречу.

— Может быть, дедушки просто нет дома? — удивленно предположил Эдвард, оглядывая пустынный двор.

Взгляд Роберта зацепился за верхушку башни, поднимавшейся над внутренним двором.

Цитадель гордо высилась на фоне неба.

— И знамени тоже нет, — пробормотал он.

— Что?

— На башне не поднят дедушкин стяг. Ты прав. Его здесь нет. — Роберт испытал горький укол разочарования. Получив письмо деда в Вестминстере, он отправил впереди себя одного из своих оруженосцев с сообщением для старого лорда, что вернется домой примерно через месяц. Теперь он думал, уж не задержало ли что-либо гонца с его письмом, потому как не мог же дед уехать, зная, что они вот-вот должны вернуться? Роберт обернулся, услышав, как в одном из зданий отворилась дверь. Когда оттуда вышла молодая женщина с ведром в руках, он окликнул ее. — Где лорд Аннандейл?

Служанка остановилась, глядя на группу усталых и измученных мужчин.

— Он ожидает вас, сэр?

— Нет, но он примет меня.

Служанка нервно сжимала ручку ведра.

— Он сказал нам, что более не будет принимать никого, сэр.

Роберт ощутил, как в груди у него поднимается раздражение. Он устал после долгого пути и хотел поскорее увидеться с дедом. Тишина во дворе и незнакомые лица прислуги навевали на него мрачные предчувствия. Неужели в его отсутствие произошло нечто непоправимое?

— Меня зовут сэр Роберт Брюс, граф Каррик. Я — его внук, — сообщил он женщине. — Как я уже сказал, меня он примет.

Глаза женщины испуганно расширились, но на лице отразилось еще большее смятение.

— Сэр... — начала она.

— Просто скажи мне, где находится лорд.

— Он умер.

При звуках холодного голоса, пронзившего его, как ножом, Роберт резко развернулся.

В дверях главной башни стоял его отец. Его широкоплечая фигура в черной, подбитой мехом накидке заполнила собой весь дверной проем. Жесткое лицо отца постарело, испещренное морщинами возраста и недовольства. В волосах, торчавших ежиком, обильно серебрилась седина. Не успел Роберт оправиться от шока при виде отца, как сказанные им слова проникли ему в самую душу.

— Умер? — пробормотал он, уже понимая, что это правда.

— Твой дед умер в марте. Я вернулся из Норвегии, чтобы принять на себя управление поместьем. — Взгляд прозрачных голубых глаз старшего Брюса переметнулся с Роберта на Эдварда, а потом скользнул по оруженосцам и коням. Отец некоторое время разглядывал Хантера, недоуменно хмурясь.

Равнодушие отца почти не задело Роберта, оно казалось лишь булавочным уколом в океане той боли, которую он испытал, узнав о смерти деда. Перед его внутренним взором всплыло морщинистое, властное и благородное лицо, серебряная грива волос, ястребиные глаза. За спиной послышался хриплый голос Эдварда, приветствующего отца. Роберт не мог говорить. Слова застряли у него в горле. Отягощенные горем и печалью, они превратились в невнятные, жалкие звуки. Он чувствовал, как они стараются освободиться и рвутся наружу. Сделав над собой усилие, он пробормотал:

— Мне нужно умыться с дороги. — А потом повернулся, чтобы уйти и не выказать своего горя перед отцом. Он не намерен был терпеть, как тот осыпет солью презрения

кровоточащую рану в его душе.

— Для этого у тебя еще будет время, — резко бросил отец. — Сначала ты должен встретиться кое с кем. Когда мне сообщили о твоём возвращении, я отправил письмо графу Дональду. Он прибыл на прошлой неделе, чтобы окончательно согласовать условия договора, заключенного с твоим дедом. И теперь, раз ты здесь, бракосочетание должно состояться как можно скорее.

Брюс повернулся к главному зданию, и Роберт заметил еще одну фигурку, замершую на пороге. Его отец сделал приглашающий жест, и она шагнула вперед, в свет факелов, бросивший резкие тени на ее тонкие черты. Девушка выглядела долговязой и неуклюжей в простом зеленом платье; нервно обхватив себя руками, она приблизилась к ним. Мышиного цвета волосы были заплетены в косу и уложены в тугий узел на затылке, стянутый заколками, отчего ее остренькое личико выглядело еще более осунувшимся и худым. Это была не Ева. Это была ее младшая сестра. Роберт не помнил, как ее зовут. Он тупо уставился на нее.

— Познакомься с Изабеллой, — сказал отец. — Она — твоя невеста.

...И тогда бритты, силой своей веры, смогут вновь объединить остров, но лишь после того, как наступит предначертанное для этого время. Но для этого им сначала придется завладеть его реликвиями...

Гальфрид Монмутский.

История королей Британии

Свинцово-серое грозное небо с черными тучами и грохот боевых барабанов возвестили о наступлении осени 1295 года. Зловещие знамения свершались одно за другим: то ребенок родился с двумя головами, то рыбак клятвенно уверял, что собственными глазами видел призрак короля Александра на скалах поблизости от Кингхорна, простертая сверкающая длань которого указывала на Эдинбург.

По городам и весям Шотландии быстро разнеслась весть о том, что короля Баллиола сменил новый Совет Двенадцати. Мужчины сдержанно совещались, гадая, что теперь будет. Некоторые были довольны происшедшим, обвиняя короля в том, что из-за своей слабости он передал свободы Шотландии в руки короля Эдуарда, и надеясь, что вновь образованный Совет сумеет вернуть их права. Но остальные были обеспокоены не на шутку, особенно после того, как Эдуард утопил в крови поднятое валлийцами восстание. Слухи ширились, утверждая, что Совет Двенадцати направил делегацию к королю Франции с намерением заключить военный союз против Англии, и поэтому все с затаенным страхом ожидали наступления нового года.

Роберт, чье возвращение в Шотландию сопровождалось праздничным звоном церковных колоколов, в эти нелегкие дни был очень занят, оплакивая кончину деда и пытаясь примириться с возвращением отца. Но даже для него не остались незамеченными признаки назревающего конфликта. Праздник Всех Душ принес с собой ураганы, обрушившиеся на восточное побережье и приведшие к падению новой стены Собора Святого Андрея, которая похоронила под обломками пятерых каменщиков. На следующий день пришло сообщение о том, что шотландская делегация заключила военный союз с королем Филиппом против Эдуарда. Поговаривали, что теперь война может разразиться со дня на день. Роберт, молодая жена которого уже была беременна, ожидал, что король Эдуард заключит соглашение с Советом Двенадцати. Он знал, как дорого обошлась Эдуарду победа в Уэльсе, и сомневался, что у короля или его баронов достанет духу начать новую военную кампанию, особенно когда английские солдаты все еще сражались в Гаскони. Но реакция Эдуарда поразила его.

Узнав о заключенном против него союзе, король потребовал сдачи трех замков в Шотландии и запретил любому французу ступить на шотландскую землю. Там, где Баллиол

непременно пошел бы на попятный, Совет стоял насмерть и, возглавляемый Комином, отказался передать англичанам три замка. В ответ Эдуард конфисковал английские владения и собственность членов Совета, а также отдал приказ своим шерифам арестовывать любого шотландца, пойманного на территории его королевства. Это, как вскоре стало понятно, были последние, заключительные акты перед наступлением неизбежного. Пар переговоров в запертом наглухо котле, не имея иного выхода, грозил сорвать крышку.

Перед самым Рождеством в Лохмабен прибыл приказ Баллиола, засвидетельствованный Джоном Комином от имени Двенадцати, о том, что в наступающем году лорд Аннандейл и его сын должны быть готовы к оружейному смотру. Перед ними встал нелегкий выбор: или сражаться за ненавистного короля и лишиться своих владений в Англии, или предать свой народ и потерять свои земли в Шотландии. Роберт оказался между двух огней, его шотландское наследие и клятва, данная рыцарям Ордена Дракона и королю Эдуарду, раздирали его на части. Но для его отца, однако, выбор оказался вполне очевиден. В самых оскорбительных выражениях он заявил посланцам короля, что скорее согласится потерять свои земли и саму жизнь, чем поднимет меч в защиту того, кто узурпировал принадлежащий ему по праву трон. Роберт, которого не на шутку беспокоило вызывающее поведение отца, не знал о том, что тот благовоременно снесся со своим старинным союзником, королем Эдуардом. Вскоре Брюс увел семью и своих людей из Аннандейла. Взяв с собой все, что они были в состоянии увезти, Роберт с супругой, которая пребывала уже на пятом месяце беременности пересекли границу у Карлайла, где его отец был назначен губернатором города от имени английского короля.

В последующие недели до них доходили самые противоречивые сообщения, но только одно было предельно ясным. Оно пришло Роберту и его отцу от самого короля Джона и гласило, что их земли в Каррике и Аннандейле конфискованы и переданы в управление кузену Джона Комина, графу Бучану, главе клана Темных Коминов. Впрочем, Брюсы стали не единственными дворянами, понесшими подобные потери. Их старый товарищ и союзник по альянсу в Тернберри, граф Патрик Данбар, также отказался сражаться за Баллиола, как поступил и граф Ангус. Оба, сделав выбор в пользу Эдуарда, были лишены наследства. Но от этого потеря Робертом своих земель в Каррике, места, где он родился, и право на которое было передано ему дедом, не стала менее горькой и болезненной.

Когда февральский снежный покров истончился и мартовские дожди превратили скованную ледяным панцирем землю в отвратительную кашу, повозки с зерном и пивом потянулись на север через всю Англию. За ними тенью вдоль побережья следовали корабли, груженные камнем и лесом для возведения осадных машин. Вслед за ними отправились отряды рыцарей и кавалерийские эскадроны. Все они двигались походным маршем в Ньюкасл, который должен был стать плацдармом для новой кампании.

Война неумолимо приближалась.

Роберт ехал по темным улицам Карлайла, и копыта Хантера скользили по грязи и влажным камням. Вдалеке на невысоком холме присел замок, красные стены которого светились кровью в свете факелов. Пятнистый лик желтого ночного светила то и дело закрывали рваные облака, и лужи на земле светились его отраженным призрачным сиянием. Где-то в городе надрывался колокол.

Рядом с Робертом скакал его брат Эдвард, который был посвящен в рыцари во время поспешной церемонии в начале года. К ним присоединились двое рыцарей из Каррика и

двое вассалов их отца. Повсюду горели костры, освещая группы людей, сбившихся в кучу под навесами домов, с которых непрерывным потоком лилась вода. На лицах мужчин и женщин читались страх и неуверенность, их полусонные дети выглядели растерянными и жалкими. У многих были с собой ручные тележки, на которых были сложены мешки и одеяла, инструменты, горшки и немногочисленное столовое серебро, какая-нибудь серебряная тарелка или подсвечник — хотя они были не очень-то и нужны, но хозяева не могли с ними расстаться, спасаясь бегством под защиту городских стен. Постоялые дворы, церкви, харчевни и конюшни были битком забиты беженцами из окрестных поселений, а те, кто прибыл в город последними, вынуждены были спать прямо на улицах.

— Дорогу! — кричал Эдвард, когда они галопом мчались по освещенной факелами главной улице на рыночную площадь. — Дорогу графу Каррику! Дорогу людям губернатора!

Выехав на рыночную площадь, битком забитую стадами овец, они повернули на улицу, ведущую к северо-восточным стенам, где над дорогой в Шотландию нависала огромная надвратная башня. Колокольный звон здесь слышался громче, его беспорядочное и назойливое звяканье доносилось как раз с башни впереди. Когда они подкакали поближе, Роберт увидел, как мужчины выгружают из крытой повозки связки стрел и мешки с песком. Остановив Хантера, он спешил, оставив коня на своих рыцарей. Квадратная башня оседлала проход между двумя арочными перекрытиями. Ворота в конце прохода были уже заперты, и у них сгрудились воины, заколачивая и укрепляя их бревнами. Грохот молотков гулко отдавался в замкнутом пространстве, когда Роберт шагнул в проход. Эдвард следовал за ним по пятам. Пройдя через караульное помещение на первом этаже, в котором царил суматоха, они поднялись по неровным ступенькам наверх, где имелся выход на крепостные стены.

Здесь, на галерее, стояли трое мужчин, и сильный ветер трепал полы их накидок. Заслышав шаги Роберта и Эдварда, они повернулись. В руках одного из них низ трещал и плевался дымом факел, освещая их встревоженные лица.

— Слава Богу, — вырвалось у капитана, и он поспешил к Роберту. Из-под его накидки выглядывала кольчуга, а на сгибе руки он держал шлем. Его простонародный английский с сильным акцентом ничем не отличался от говора жителей Аннандейла, земли которого лежали от них не далее чем в десяти милях, за осыпающимися стенами бывшей цитадели римлян и предательскими болотистыми равнинами Солвей Фирта. Капитану пришлось повысить голос, чтобы перекричать звон колокола. — Я уже собирался послать кого-нибудь из своих людей в замок.

— Мы услышали набат от Английских ворот, — сказал Роберт. — Что случилось?

— Том заметил их первым, — пояснил капитан, кивая на одного из своих стражников, чье лицо под козырьком каски было мрачным и нахмуренным.

Том указал на бойницу:

— Вон там, сэра. Взгляните сами.

Роберт в два шага пересек галерею и встал рядом с мужчиной, глядя в ту сторону, куда он показывал. От стражника пахло вареным мясом. Далеко внизу, в воде рва, опоясывавшем городские стены, отражались огни факелов. А дальше местность погружалась в темноту. Роберт различил едва заметный, призрачный блеск реки Эден и очертания далеких холмов, и более ничего.

— Я ничего не вижу.

— Смотрите вон туда, на север, — подсказал стражник, с неудовольствием глядя на

рванные облака, заслонившие собой луну.

Прижавшись грудью к стене и глядя в указанном направлении, Роберт почувствовал, как мелкая каменная крошка и пыль щиплют глаза. У него над головой продолжал надрываться гулким звоном колокол. Поначалу он ничего не видел, но потом луна выплыла из-за туч. И, когда ее тусклый, мертвенный свет озарил местность вдаль, Роберту показалось, что он увидел длинную, блестящую реку, хотя и знал, что именно там никакой реки быть не может. Лунный свет отражался не от поверхности воды; блики его играли на металле доспехов, наконечников копий и шлемах, на щитах и кольчугах. Роберт вдруг ощутил, как в животе у него образовался ледяной комок. Та его часть, которая на протяжении беспокойной осени и зимы, и даже тревожных последних месяцев, еще надеялась, что все как-то обойдется, умерла при виде приближающейся вражеской армии.

— Идем, — сухо обронил он, обращаясь к Эдварду. — Нужно доложить обо всем отцу.

— Каким будет приказ губернатора? — окликнул его капитан.

— Вы узнаете о нем вместе с нами, — на ходу бросил Роберт, поспешно удаляясь по галерее.

— Этого просто не может быть, — воскликнул Эдвард, хватая Роберта за руку, когда они вышли из башни и направились к своим лошадям. — Граф Дональд? Граф Атолл?

— Ты только что видел все своими глазами, — мертвым голосом ответил Роберт.

— Твой тесть идет сюда, чтобы сравнить этот город с землей. — Эдвард простер руку к замку, красной каменной громадой высившемуся вдаль. — Его дочь носит твоего ребенка! Как такое могло случиться?

— Ты сам знаешь, как. Комины.

— Эти люди — они не просто наши соотечественники. Это наши родственники. Мы должны сражаться вместе с ними!

Роберт встретил взгляд брата. Он знал, какие чувства испытывает Эдвард; ему самому было хорошо знакомо ощущение, когда кажется, будто ты разрываешься на части. Но они приняли решение накануне войны, каким бы невыносимым оно им ни казалось, и теперь не могли пойти на попятный.

— Ты слышал те же донесения, что и я, — жестко заявил он брату. — Люди, идущие сюда, мой тесть и Джон Атолл, сожгли наши земли дотла. Они нам больше не соотечественники и не родственники. Они — враги. Или ты все еще хочешь присоединиться к ним?

Эдвард не ответил. Он запрокинул лицо к небу, где в темноте черными глыбами проплывали облака.

— Наш дед никогда не допустил бы, чтобы нечто подобное случилось. Он наверняка нашел бы выход. Выход, когда нам не пришлось бы предавать свою родину.

— Наш дед мертв. А мы дали клятву защищать этот город. — Отодвинув брата в сторону, Роберт зашагал к рыцарям отца, ожидавшим их возле лошадей.

Эдвард что-то крикнул ему вслед, но он уже прыгнул в седло, и младшему брату оставалось только последовать за ним.

Тем временем, к колоколу на северо-восточной башне присоединились и остальные. Над городом покатила беспорядочная какофония звуков, заставляя жителей испуганно распахивать ставни и спросонья выскакивать на порог своих домов. Несколько человек окликнули шестерых рыцарей, когда те проскакали галопом по Касл-стрит, но никто из них не остановился, чтобы ответить на тревожные расспросы. Пришпоривая коней, они мчались

к мосту через городской ров.

Миновав две надвратные башни, где несли усиленный караул стражники, а капитаны выкрикивали распоряжения, братья оказались во внутреннем дворе, битком набитом людьми. Некоторые носили шеврон Каррика на накидках и дублетах, пребывая, таким образом, под началом Роберта, но большинство были одеты в цвета его отца. Впрочем, от голубого льва, старинного символа манора Аннандейла, которому отдавал предпочтение их дед, не осталось и следа. Эти рыцари носили герб своего нового властелина: красный крест на желтом поле, перевязанный лентой наверху. Кое-кто перетаскивал на себе мешки с зерном из повозок в кладовые. Остальные разгружали оружие. Роберт спешил среди всей этой суматохи. Он решил, что отец уже извещен об опасности, но все-таки хотел получить приказ лично для себя.

Расспросив одного из рыцарей, который сообщил ему, что губернатор вместе с военачальниками держит совет в главной зале замка, Роберт начал протискиваться сквозь толпу, как вдруг увидел молодую женщину, которая старалась привлечь его внимание. Это была служанка его жены, Катарина. Она выглядела взволнованной, и щеки ее покрывал жаркий румянец.

— Сэр Роберт! — Ее звонкий голос долетел до него, перекрывая хриплые выкрики солдат.

Роберт поспешил к ней, охваченный непонятной тревогой:

— Что-нибудь случилось? Где Изабелла? — Он поднял голову на окно спальни, в которую еще на прошлой неделе переселил свою супругу, когда лазутчики донесли о дымах костров на границе. За занавесками метался свет факелов.

— У нее начались схватки, сэр. Она поручила мне разыскать вас.

— Но ребенок должен был родиться только в следующем месяце!

— Повитуха полагает, что тревога за отца вызвала преждевременные роды.

— Брат, — проговорил Эдвард, становясь рядом.

Роберт рассеянно взглянул в ту сторону, куда показывал Эдвард, и увидел, как из двери залы вышел отец вместе с тремя военачальниками.

Лорд Аннандейл, высокомерный и властный, в сверкающей кольчуге, подаренной ему новым зятем, королем Норвегии, стоял на ступенях башни, глядя на суету во внутреннем дворе замка. Его красно-желтую накидку с крестом напротив сердца опоясывала перевязь на внушительном животе, с которой свисал длинный меч. Он заговорил, и при первых же звуках его голоса солдатский гомон стих. Все замолчали, чтобы выслушать его, а те, кто возился у крытой повозки, опустили мешки с зерном на землю.

— Всем нам пришлось заплатить высокую цену за свою честь. Я, более чем кто-либо, осознаю, что верность потребовала от вас больших жертв.

Слушая отца, Роберт ощутил стеснение в груди. «*Больших жертв?*» — горько подумал он. Его отцу до сих пор принадлежали богатые земли в Эссексе и Йоркшире, пожалованные ему за верную службу королем Эдуардом. А у него самого не осталось ничего.

— Мои лазутчики сообщили мне, что Комины разорили и сожгли мои земли. Все мы здесь потеряли то, что нам дорого. У всех нас есть причины, чтобы ненавидеть тех, кто подкрадывается к нам в темноте, как шлюхины дети, каковыми они и являются на самом деле!

Кое-кто из солдат во дворе встретил его слова яростными одобрительными выкриками.

— Аннандейл горит, а Темные Комины и иже с ними собираются устроить пир на

пепелище и отстроить его заново, для себя. Если мы позволим им, конечно. Но я говорю, что мы никогда не дадим им этого сделать! Я говорю, что мы восстанем против этих семерых графов и их фальшивого короля! Я говорю, что мы покажем им, из какого теста сделаны мужчины Аннандейла, Каррика и Карлайла!

Солдаты ответили ему одобрительным ревом, эхо которого гулко прокатилось по внутреннему двору замка.

— Король Эдуард вместе с английским войском расположился к востоку от нас, в Ньюкасле. Мы станем приманкой, и, когда эти ублюдки окажутся на крючке, он ударит туда, где они ждут этого меньше всего. Встаньте рядом со мной, и вскоре ваши дома будут возвращены вам! Сражайтесь рядом со мной, и будете вознаграждены! — Лорд Аннандейл вытащил меч из ножен и воздел его над головой.

Солдаты выхватили собственные клинки и плашмя застучали ими по своим щитам.

Роберт повернулся к Катарине. Служанка в испуге зажала уши ладонями.

— Побеспокойтесь о том, чтобы у моей супруги было все, что ей может понадобиться, — перекрикивая поднявшийся лязг, приказал он. — Я приду, как только смогу.

Над Карлайлом, последним пограничным городом Англии, занимался рассвет. Пелена густого дыма застилала огромный лагерь, разбитый под его стенами. В холодных лучах солнца полыхали походные костры в ямах, от которых пехотинцы поджигали факелы и несли их через ров к северо-восточным воротам, где выстроился целый отряд, закрывшись щитами. Именно под их прикрытием солдаты и несли пылающие головни. Другие волокли за ними связки хвороста и соломы.

На стенах, в узкой галерее, толпились защитники города, осторожно выглядывая из-за зубцов, чтобы не попасть под стрелы, летевшие снизу. Для них перевернутые щиты сливались в мешанину гербов и красок, напоминая беспокойное море, вот только приливную волну олицетворяли собой солдаты с оружием в руках. Прижавшись к бойницам, воины Карлайла следили за тем, как солдаты с факелами один за другим скрываются под импровизированным навесом. В щели между щитами вился дымок, кольцами поднимаясь к воротам у башни.

Роберт выкрикивал команды. Он уже успел охрипнуть и сорвать голос, хотя осада только началась. Упорядоченное развертывание его отряда вдоль бойниц на стене превратилось в беспорядочную беготню, когда снизу заревели вражеские рога и стрелы градом обрушились на галерею и улицы внизу. Отец поставил его командовать обороной северо-восточных ворот, дав ему в помощь брата и рыцарей Каррика. Усиленные подкреплениями из жителей Карлайла, они образовали отряд в составе двадцати пяти рыцарей и свыше пятидесяти оруженосцев и пехотинцев. Роберт, которому в Уэльсе подчинялась лишь небольшая группа людей, быстро обнаружил, как нелегко командовать крупным подразделением. Дело осложнялось еще и тем, что рыцари Каррика слишком долго оставались вассалами его отца. Он провел в графстве всего пару месяцев перед тем, как уехать в Англию, и многие воспринимали его скорее как мальчишку из Тернберри, нежели своего лорда. Когда на рассвете Роберт собрал вокруг себя этих покрытых шрамами

ветеранов, то понял, что они выслушивают его распоряжения лишь из чувства долга, а не уважения. Но раздумывать об этом было некогда — враги приближались, и их армия уже заполонила все окрестные поля.

Роберт молча следил за их приближением, не сводя глаз со стягов Мара, Росса, Леннокса, Стратэрна, Атолла и Ментейта, двигавшихся вслед за большим черным шпандартом с тремя снопами пшеницы, гербом рода Темных Коминов, которые захватили земли его семьи. Вместо самого Ментейта, некогда их союзника, прибыл его сын. Роберт помнил отпрыска Ментейта по собранию в Терберри, тот сидел напротив него за столом отца. Кто бы мог подумать, что настанет такой день, когда он будет смотреть на него в бойницу со стены английского города или на горячего и вспыльчивого графа Джона Атолла — собственного шурина? Но изо всех знамен Роберту тяжелее всего было видеть флаг Мара. Граф Дональд был ближайшим другом его деда, и именно меч графа коснулся его плеча, посвящая в рыцари. Он был женат на дочери Мара, а его сестра Кристина вышла замуж за сына и наследника графа. Уму непостижимо, как этот пожилой человек, к которому он всегда относился с большой симпатией и теплотой, мог желать его смерти. Но правда заключалась в том, что его шпандарт сейчас колыхался в поле, у Роберта перед глазами, освещаемый светом костров. Дед наверняка перевернулся бы в могиле, знай он об этом.

Когда войско противника рассредоточилось, окружая город со всех сторон, Роберт обнаружил, что ему противостоят семьсот человек под знаменами Бучана, Мара и Росса. В их рядах был замечен и герб Рыжих Коминов. Его носил сын лорда Баденоха, недавне женившийся на сестре Эймера де Валанса. Джон Младший, уцелевший на войне в Гаскони, дезертировал из армии короля Эдуарда, чтобы вместе с отцом сражаться против Англии. Несмотря на муки, надрывавшие его душу при виде недавних союзников, объединившихся против него, Роберт полагал, что шотландцы не смогут причинить городу особого вреда, поскольку у них не было осадных машин, способных разрушить его стены. Но тут солдаты стали носить к воротам факелы под прикрытием щитов, и спокойствие в рядах защитников Карлайла сменилось откровенной тревогой.

Гуще всего дым клубился перед самыми воротами, где солдаты подожгли вязанки хвороста и соломы, принесенные с собой по мосту. Крикнув лучникам, чтобы те продолжали обстрел, Роберт бессильно ругался сквозь зубы, видя, что стрелы, по большей части, втыкаются в щиты, которые уже топорщились деревянными древками, и не приносят никому особого вреда. Он заметил, как один из щитов провалился внутрь, когда стрела угодила державшему его солдату в плечо, но брешь быстро заткнули соседи. Роберт закашлялся — от густого дыма уже саднило горло. С верхушки башни по его приказу продолжали лить воду, но она лишь безвредно расплескивалась по поверхности щитов. Им надо каким-то образом пробить этот заслон, если они хотят добраться до солдат и огня, который те разводили внизу.

Отвлечшись на мгновение, Роберт беглым взглядом окинул улицы за спиной. У одной из ручных тележек он заметил брата — тот руководил разгрузкой мешков с песком, которыми они рассчитывали погасить огонь. Лицо Эдуарда было мрачным и блестело от пота, но, похоже, обуревавшие его сомнения рассеялись в суматохе осады и он вознамерился защищать Карлайл с не меньшим пылом, чем любой из солдат гарнизона. Трудно сострадать людям, которые пытаются убить тебя. Взгляд Роберта скользнул дальше, по выстроившимся в ряд женщинам, передающим мужчинам ведра с водой, и переместился на священников, которые пожаловали на рассвете, вооруженные Библиями и молитвами. Но тут он замер,

зацепившись взором за груду камней, сваленных у стены ближайшей башни. На тот случай, если шотландская армия пойдет на штурм, отец приказал отремонтировать слабые места в стенах и разрушенные укрепления, особенно в непосредственной близости от ворот. Старую осыпающуюся кладку разобрали рабочие, заделав пробоины новыми камнями, скрепленными цементным раствором.

— За мной, — прокричал Роберт, махнув рукой нескольким рыцарям и показывая, чтобы они следовали за ним, когда он устремился вниз со стены. Оказавшись на улице, он со всех ног припустил к тележке, у которой стоял брат. Схватив первый попавшийся мешок, он стащил его на землю. — Нужно насыпать из них песок, — сказал он своим рыцарям и развязал горловину. — Набивайте их камнями.

— Брат? — Эдвард в недоумении уставился на него.

Но Роберт уже подбежал к груде обломков и принялся набивать мешок камнями. Он продолжал отдавать распоряжения, когда рыцари обступили его. Капли пота срывались с кончика его носа, а кольчуга тяжким грузом давила на плечи. Он привык к тому, что основную ношу несла на себе лошадь, но сейчас он был пешим, к тому же меч, висевший на поясе, изрядно мешал ему. Выпрямившись, Роберт поискал взглядом Неса, который был где-то наверху, на стене. Не найдя своего оруженосца, Роберт огляделся по сторонам, и глаза его загорелись, остановившись на долговязом юноше со светлыми волосами, который лез на кучу битого камня, чтобы помочь ему. Это тоже был оруженосец, сын одного из рыцарей из Йоркшира, вассала его отца.

— Тебя зовут Кристофер, верно? — окликнул его Роберт, расстегивая перевязь с мечом.

— Да, сэръ, — отозвался юноша, перебираясь к нему. — Кристофер Сетон.

— Подержи-ка вот это.

Кристофер принял меч, который протянул ему Роберт.

— Что вы собираетесь с ними делать, сэръ? — задыхаясь, спросил один из рыцарей, обеими руками сваливая камни в мешок, горловину которого держал для него открытой товарищ.

— Мы сбросим их на головы этим ублюдкам. — Взяв мешок, принесенный одним из воинов Карлайла, Роберт принялся сваливать в него камни. Эдвард, уразумев, что задумал брат, криками подозвал к себе еще несколько человек и отправил их с мешками, уже набитыми камнями, на стену. Рядом стоял Кристофер, сжимая в руках меч Роберта. Когда мешок наполнился, Роберт попытался приподнять его, но для одного человека он был слишком тяжел, а его спутники все до одного были заняты. Ругаясь, он нагнулся и принялся отбирать часть камней, как вдруг в поле его зрения возникли чьи-то руки и взялись за мешок. Подняв глаза, чтобы поблагодарить за помощь, он увидел перед собой женщину. Она была невысокой и коренастой, а рукава ее платья были закатаны по локоть. Роберт уже собрался заявить ей, чтобы она привела вместо себя мужчину, но тут прочел на ее лице непреклонную решимость и понял, что силой ее Господь не обидел. К ним присоединились и другие женщины, подносящие воду, и принялись набивать камнями мешки. Кое-кто из женщин принялся даже складывать обломки в подол. Странное это было зрелище — женщины в шерстяных платьях, расхаживающие среди рыцарей в сверкающих доспехах. Когда матрона приподняла свой край мешка, Роберт ухватился за свой, и они вместе потащили его на башню. Кристофер последовал за ними, сжимая в руках клинок Роберта.

Поднявшись на парпетную стену с бойницами, Роберт приказал сложить мешки по обе стороны башни, а часть занести на самый ее верх. Дым стал еще гуще, он разъедал глаза и

затруднял дыхание, хотя вода, которую лили осажденные на головы солдат внизу, и мешала им поджечь ворота. Роберт крикнул лучникам, чтобы те прекратили стрельбу, но были наготове, а потом приказал Эдварду передать его слова всем защитникам стены, а сам быстро взбежал на верхушку башни. Отсюда ему открылась жутковатая картина — все подступы к крепости были заняты шотландскими войсками, военачальники которых направляли все новых и новых солдат к воротам крепости со связками хвороста и соломы в руках. Со своего места Роберт мог видеть и город за спиной. Где-то на улице неподалеку от замка уже всюду полыхал пожар, и в небо вонзался столб черного дыма. Мельком подумав о том, уж не прорвал ли враг оборону где-то в другом месте, он отбросил эту мысль, занятый более насущными делами.

Когда Роберт выкрикнул команду, рыцари и горожане приподняли корзины и мешки с камнями, держа их на коленях или прислонив к парапету. Когда все были готовы, он взмахнул рукой и взревел, отдавая приказ. И тогда защитники, среди которых были и женщины, дружно вывалили свой груз вниз. Кристофер Сетон, прицепивший меч Роберта себе на пояс, подскочил к нему на помощь, когда тот взялся за мешок. Они вдвоем водрузили его на парапет. Поймав взгляд Роберта, оруженосец-англичанин кивнул, и они вместе опорожнили мешок.

Внизу заревели рога. Слишком поздно. Прежде чем солдаты под щитами успели сообразить, что происходит, сверху на них обрушился град камней, бревен и земли. Они закричали, а щиты заколебались, с треском расходясь в стороны. Кое-кто из воинов, попав под особенно тяжелый камень, не устоял на ногах, другие спотыкались и приседали, но Роберт добился, чего хотел — в сплошной стене щитов появились прорехи. Он выкрикнул следующую команду, и между рыцарями встали лучники, которые принялись всаживать одну стрелу за другой в толпу внизу, поражая незащищенные плечи, шеи и спины. Шотландцы внизу были пехотинцами, поэтому мало кто из них носил доспехи. Отдельные стрелы застревали в дублетах, зато остальные, по большей части, вонзались в незащищенную плоть. Внизу раздались крики боли и поднялась паника. Те, кто стоял в первых рядах, поджигая связки соломы и хвороста, оказались сбиты с ног своими же товарищами, которые падали прямо в разгорающееся пламя. Обожженные и задыхающиеся от дыма, они отползали в стороны, сея беспорядок в рядах пехоты и создавая все новые бреши для лучников. Люди падали, пронзенные стрелами, о них спотыкались бегущие следом и тоже валились наземь, убитые или раненые. В центре шотландского войска надрывались рога, и командиры побежали к краю рва, выстраивая лучников, чтобы те открыли ответный огонь по стенам.

Когда среди зубцов стены засвистели стрелы, закричали теперь уже защитники города. Женщине, которая помогла Роберту втащить мешок с камнями наверх, стрела угодила в лицо, и она кувырком полетела вниз. Она свалилась прямо в повозку, стоявшую под самой стеной. Лошади испугались и понесли. Кристофер как раз пытался взгромоздить на парапет очередной мешок, когда на верхушку башни обрушился град стрел. Роберт, прекрасно понимая, что сейчас произойдет, предостерегающе крикнул, а потом схватил оруженосца за пояс и повалил на каменный пол. Кристофер, падая, выпустил из рук мешок, и камни с грохотом посыпались вниз. А вот стражнику из Карлайла, стоявшему рядом, повезло меньше. Стрела угодила ему прямо в горло, и он рухнул навзничь, задыхаясь и хватаясь руками за древко. Кристофер, лежа на стене рядом с Робертом, ошалело смотрел на умирающего, и грудь его тяжело вздымалась.

Несмотря на потери, лучники Карлайла продолжали обстрел, а люди Роберта

сбрасывали вниз все новые и новые груды камней, так что суматоха в рядах противника вскоре превратилась в паническое бегство, и солдаты, сломя головы, кинулись обратно через ров. Убегая, они оставили перед воротами тлеющие кучи хвороста и связки соломы, и Роберт вновь закричал, приказывая залить их водой. Пламя зашипело, когда сверху на него обрушились ведра воды. Повсюду виднелись груды камней, между которыми на мокрой земле валялись стрелы, щиты и мертвые тела. Раненые с трудом ковыляли через мост. Уцелевшие бросились к ним на помощь, но их отогнал град стрел, которые защитники продолжали выпускать со стен. Заревели рога, и последние пехотинцы поспешно отступили от стен, бросив на произвол судьбы умирающих и убитых. А на стенах лучи восходящего солнца золотом отливали на потных и счастливых лицах победителей.

Был уже полдень, когда скотты отошли от северо-восточных ворот. Они предприняли еще три попытки ворваться внутрь, рассчитывая сжечь деревянные створки. Но землю усеивали трупы и груды камней, и они более не могли в строгом порядке подойти к стенам. Связки промокшего хвороста и соломы отказывались загораться от поднесенных факелов, и защитники еще сильнее укрепились в мысли о том, что штурм обречен на неудачу. Наконец, пехота отступила, понеся тяжелые потери, и шотландская армия вернулась в свой лагерь, сопровождаемая издевательскими криками и насмешками защитников города. Шотландцы оставались на месте еще несколько часов, перевязывая своих раненых товарищей, а к ним, тем временем, стягивались отряды, окружившие Карлайл с других сторон.

Впрочем, Роберт со своими рыцарями не расслаблялись — сторожко поглядывая на неприятеля, они передавали друг другу мехи с вином и караваи еще теплого хлеба, принесенного горожанами. Священники ухаживали за ранеными, совершая необходимые ритуалы там, где помочь было уже невозможно. Погибших мужчин и женщин выложили в ряд. Из других частей города одно за другим приходили донесения: стены и ворота устояли везде, шотландцы так и не смогли прорваться сквозь них, а вот большой пожар возле замка, охвативший несколько зданий, включая винокурню, погасить пока не удалось. Его устроил шпион Коминов, который, очевидно, пробрался в город вместе с беженцами и затаился до поры до времени в ожидании нападения. Его схватили рыцари Аннандейла и повесили на городской стене.

Наконец, скотты снялись с места и ушли, признав поражение — осадных машин у них не было, и прорвать оборону города и сломить дух его защитников они не сумели. Спустя час их армия превратилась в тонкую темную полосу на горизонте, над которой кружили вороны, выискивая червей, выползших из земли, разбитой сотнями ног.

Роберт присел на край парапета. Допив последние капли вина из меха, он закрыл глаза, подставляя лицо лучам послеполуденного солнца. Горло у него першило от дыма и пыли, висящих в воздухе, на виске он только сейчас заметил порез, который кровоточил, не переставая. Как и когда он его получил, Роберт не помнил. Вокруг него люди радовались одержанной победе, в их голосах явственно звучало облегчение, но он не находил в себе сил присоединиться к ним. Сегодня состоялась всего лишь первая битва. Карлайл превратился в остров, со всех сторон окруженный вражескими войсками. Спасения не было ни на севере, ни на юге. Его отец не сомневался в том, что король Эдуард непременно выиграет и эту

войну и вернет им земли, но мысль о такой победе не приносила Роберту удовлетворения. Несколько дней тому он случайно услышал, как отец сказал одному из своих рыцарей, что король намерен низложить предателя Баллиола. Лорд с напряженным ожиданием говорил о троне, который не должен оставаться пустым, но при этом ни разу не упомянул Роберта — которому и было передано право занять его.

— Сэр.

Роберт открыл глаза и увидел, что над ним склонился Кристофер Сетон. Светловолосый оруженосец, чье лицо было перепачкано сажей, протягивал Роберту его меч, с которым не расставался во время осады.

— Вот, возьмите, сэр.

Принимая клинок, Роберт вдруг отчетливо вспомнил тот день, когда его дед смотрел, как граф Мар этим самым мечом касается его плеча, посвящая в рыцари. В черных глазах старого лорда сверкала гордость. Воспоминания вызвали у Роберта острое ощущение потери, тоски не только о самом старике, но и о тех временах, когда все было ясно и перед ним открывалась широкая прямая дорога. А теперь, куда бы он ни взглянул, его ждали мрак и неизвестность. Он чувствовал, что брат был прав в то утро, когда сказал, что дед ни за что не допустил бы гражданской войны в Шотландии, но о том, как бы поступил старый лорд в нынешней ситуации, ему оставалось только гадать.

— Я хочу поблагодарить вас, сэр Роберт, — заговорил Кристофер с резким акцентом уроженца северных графств Англии. — Если бы вы не заставили меня пригнуться, я бы... — Оруженосец нахмурился, глядя на свои руки, сбитые в кровь после того, как он взваливал мешки с камнями на парапет. — Я обязан вам жизнью, — закончил он.

Роберт уже открыл рот, собираясь перевести все в шутку — ему не нужна была дополнительная ноша в виде искренней клятвы молодого человека, — как вдруг услышал, что брат окликнул его по имени. Оглядев улицу вниз, он заметил Эдварда. Рядом с ним была Катарина. При виде служанки Роберт вскочил на ноги. В суматохе осады ему некогда было думать о жене, и тревога о ней затаилась в уголке сознания, но сейчас она захлестнула его с головой. Оставив Кристофера на галерее, он поспешил сойти с башни.

— Как она? — воскликнул он, подходя прямо к Катарине. — Как чувствует себя моя супруга? Ребенок уже появился на свет?

Катарина задыхалась от быстрой ходьбы, но все-таки сумела ответить:

— Девочка, сэр Роберт. Леди Изабелла родила девочку.

На губах у Роберта заиграла улыбка, и он громко расхохотался. Радость, смешанная с нечеловеческой усталостью, пьянила его. Эдвард тоже улыбался во весь рот. И только на лице Катарины сохранялось серьезное и напряженное выражение. Она лишь покачала головой в ответ на его смех, и глаза ее наполнились страхом. Веселье Роберта как рукой сняло.

— Что случилось?

— Вам нужно повидаться с нею, сэр.

Роберт несколько мгновений всматривался в ее строгое лицо, а потом повернулся к брату.

— Ступай, — сказал ему Эдвард. — Я сам выставлю охрану у ворот.

Не тратя слов, Роберт подбежал к тому месту, где был привязан Хантер. Прыгнув в седло, он галопом помчался к замку на холме, стены которого в лучах заката вновь отливали кровью.

Он скакал по улицам мимо радостно скандирующих людей, мимо повозок, на которых лежали убитые, мимо горожан, выстроившихся в ряд и заливающих водой горящие здания неподалеку от замка. Языки пламени, охватившего винокурню, взвивались в черное небо.

Во дворе замка стояла относительная тишина, поскольку большинство мужчин еще оставались на стенах. Перебросив ногу через луку седла, Роберт спрыгнул на землю, крикнув проходящему мимо солдату, чтобы тот позаботился о его лошади. Перепрыгивая через две ступеньки, он вбежал в полутемное нутро главной башни, чувствуя, как руки и ноги наливаются свинцом под тяжестью доспехов. Поднимаясь по лестнице в комнаты, которые он занимал с женой, Роберт слышал пронзительный плач.

Он вошел в комнату, и в лицо ему ударила волна жара и удушливый запах крови. На кровати, среди смятых и перепачканных простыней, лежала Изабелла. Рядом с нею сидел священник, сжимая в руках крест. У окна повитуха прижимала к груди крошечный сверток. Именно оттуда и доносился крик. Роберт широкими шагами подошел к жене, метнув враждебный взгляд на священника, который поспешно поднялся и отступил к стене.

Лицо Изабеллы лоснилось от пота. Капельки его собрались во впадинке у нее на шее и в ложбинке между грудей. Во время беременности она оставалась такой же худенькой, как и прежде, и лишь огромный живот выдавал ее положение. Между ног у нее лежала свернутая в комок простыня, и красное пятно в центре расплзлось, становясь все шире. Пятна крови покрывали ее сорочку, а ее ладони стали липкими от нее. С трудом опустившись в броне рядом с женой на колени, Роберт стащил латные рукавицы и взял в свои руки ее окровавленные ладошки.

Веки Изабеллы затрепетали, и она открыла глаза. Расширенные от боли зрачки медленно обвели взглядом комнату, прежде чем остановиться на Роберте. Она с трудом прошептала его имя.

— Я здесь, — пробормотал он.

— Мой отец? — взгляд ее вновь уплыл в сторону, но потом вернулся к нему.

— Они ушли, — ответил он, приложив ладонь ей ко лбу и чувствуя исходящий от нее жар. — Все кончилось.

Изабелла облизнула потрескавшиеся губы. Когда она заговорила вновь, голос ее был едва слышен:

— Я знаю, вы хотели жениться на моей сестре.

Роберт почувствовал себя так, будто его ударили ножом в незащищенную спину. Он покачал головой, собираясь все отрицать, но она продолжала.

— Теперь это не имеет значения. Вы были мне хорошим мужем. — Когда Роберт поцеловал ее в раскрытую ладошку, Изабелла смежила веки и из глаз ее потекли слезы.

Ее дыхание стало мелким и неглубоким. Красное пятно расплзлось уже почти на всю некогда белую простыню. Роберт вдруг ощутил, как ее пальчики обмякли в его руке. К ним поспешил священник, бормоча молитвы, а Роберт склонился над кроватью, коснувшись лбом груди своей жены.

После долгой паузы он выпрямился и, с трудом переставляя ослабевшие ноги, подошел к повитухе. Когда он протянул к ней руки, она молча передала ему дочь. Роберт прижал крошечный сверток к холодному металлу доспехов, слушая, как ее пронзительный плач нарушает мертвую тишину в комнате. Он стоял в жаркой и душной комнате, небо за окном которой пятнали клубы дыма, и вдруг перед его внутренним взором возник образ матери, баюкающей на руках одну из его сестер.

Примерно в миле от реки Твид, возле разбитых в щепы остатков городских ворот Бервика, сгнившее дерево которых не стало преградой для английской армии, сидела группа каменщиков, ожидая позволения начать работу. У подножия земляных бастионов тянулся неширокий ров, заваленный обломками досок и бревен от разбитого частокола наверху. Вдоль берегов рва выстроились мужчины, сжимая мотыги и опираясь на лопаты, кашляя и сморкаясь на сыром ветру. Им не терпелось приступить к работе, чтобы прогнать холод из мышц, но сначала следовало провести необходимую церемонию.

Между ними вышагивал король Эдуард в негнушейся парчовой мантии, расшитой золотом. Будучи выше ростом большинства работяг, он возвышался и над приземистой фигурой Хью де Крессингэма, который семенил следом, пытаясь не отстать от монарха. От непомерного чревоугодия королевский чиновник обзавелся тройным подбородком, складки которого жирно подрагивали на шее, а его круглое лицо блестело, как топленое сало. От него исходил отвратительный запах протухшего мяса, и Эдуард ускорил шаг, надеясь оторваться от толстого клерка, который, пытаясь и переваливаясь с ноги на ногу, как утка, упорно ковылял за ним. Он уже решил, что по возвращении в Англию оставит Крессингэма казначеем в Шотландии. Этот человек был способным чиновником, но его присутствие было королю... неприятно.

— Сюда, милорд, — пропыхтел Крессингэм, направляя короля к ручной тележке, стоящей у самого края канавы. Она была доверху наполнена темной землей. — Это здесь.

Влажный воздух обжигал легкие Эдуарда, когда он быстрым шагом подошел к тележке, спеша поскорее вернуться в уют и комфорт своего кабинета в башне замка, единственного здания, нетронутого войной, и вновь заняться планированием. Даже сейчас в воздухе по-прежнему висел удушливый запах дыма, руины города по ночам освещались заревом пожаров, видимым за много миль, пока апрельские дожди не превратили языки пламени в столбы дыма, которые тяжелым одеялом накрыли Бервик.

После того как английская армия прорвала оборонительные рубежи города, бойня продолжалась два дня. И только когда более семи тысяч обитателей города приняли страшную смерть, Эдуард приказал прекратить убийства. После капитуляции города в плен были взяты всего лишь несколько человек, включая начальника гарнизона, мужчину огромного роста и бешеного нрава по имени сэра Уильям Дуглас. Он не утомился, продолжая бесноваться и буйствовать, обвиняя Эдуарда и его рыцарей в бессмысленном убийстве горожан и проклиная их до седьмого колена, даже когда его волокли в темницу. Для мертвых были вырыты братские могилы, но их не хватало, чтобы похоронить всех погибших. Остальных на тележках и повозках свозили к реке, где попросту сбрасывали в воду. Уцелевшим женщинам с детьми сохранили жизнь, но и только. Они длинной чередой тянулись сквозь разбитые ворота города, молчаливые, испуганные и напряженные. Глядя на них со стены замка, Эдуард не испытывал к ним жалости. Жители Бервика, насмехавшиеся над ним и его рыцарями из-за своего гнилого частокола, позволили ему преподать остальной Шотландии важный урок. Решимость скоттов непременно ослабеет теперь, когда они узнали страшную цену мятежа. А это позволит ему быстрее разбить и покорить их. Более всего на

свете Эдуард желал как можно скорее закончить эту кампанию.

После войны в Уэльсе король, вернувшись в Англию, обнаружил, что шотландцы заключили против него военный союз с королем Филиппом. Для того чтобы усилить свое присутствие в Гаскони, Эдуард отправил туда Уильяма де Валанса и своего брата, Эдмунда Ланкастера, вместе с большим отрядом рыцарей, а потом разослал своим вассалам повеление прибыть к нему для исполнения воинской повинности. Несмотря на явное нежелание принимать участие в еще одной кампании, бароны, рыцари и пехотинцы явились на его зов, так что в Ньюкасле его ожидала двадцатитысячная армия, включая стрелков из длинных луков из покоренного Уэльса. Пока шотландское войско атаковало Карлайл, оставив без прикрытия восточные рубежи своего королевства, Эдуард форсировал Твид у деревушки Колдстрим и двинулся на север, достигнув Бервика перед самым Рождеством. За ним вдоль побережья следовали сорок четыре галеры, отплывшие из Восточной Англии, имея на борту припасы и камни для осадных машин. Когда рыцари Эдуарда атаковали городские укрепления с суши, галеры вошли в дельту реки, чтобы нанести удар с моря. Несмотря на понесенные потери, в число которых вошли три корабля, севшие на мель и подожженные людьми Дугласа, англичане ворвались внутрь.

Эдуарду не хватало денег на ведение кампании, но недостаток средств он с лихвой компенсировал решительностью. В некотором смысле мятеж шотландцев, вспыхнувший так скоро после восстания в Уэльсе, оказался ему даже на руку. Его военная машина была хорошо смазана и готова двинуться в любом направлении, а победа в Уэльсе и захват короны Артура лишь укрепили авторитет короля среди его людей. Эдуард никогда не рассчитывал покорить Шотландию силой, в отличие от того же Уэльса или Ирландии. С тех самых пор, как нога его впервые ступила на землю королевства, он надеялся достичь своей цели хитростью. Первая попытка, когда он рассчитывал женить своего сына на инфанте Маргарет, окончилась жестокой неудачей из-за преждевременной смерти девочки. Вторая попытка — подчинение короля Джона — была пресечена Коминами в тот момент, когда он ожидал этого меньше всего. И вот теперь, огнем и мечом, он намеревался сломить их сопротивление окончательно.

Позади Бервика, так близко, что, казалось, протяни руку и его можно взять, билось сердце непокорного королевства. Эдуард не сомневался, что после того, как скотты будут разбиты, а символ их суверенитета окажется в его власти, сопротивление тут же подойдет к концу, как это случилось в Уэльсе. И тогда надежды на объединение Британии под его рукой окажутся в одном шаге от осуществления и он засадит своих клириков за работу, дабы они объяснили значение Последнего Пророчества его подданным, а те прониклись его величием. Скотты ничуть не походили на валлийцев, закаленных долгими годами отчаянной борьбы. Один хороший удар, и война закончится. Бервик стал первым камнем в фундаменте нового королевства, которое Эдуард намеревался создать к северу от своих границ, камнем, закладку которого он превратит в пышное зрелище.

Эдуард подошел к тележке, наполненной землей, под пристальными взглядами своих рыцарей и рабочих. Со временем земляные укрепления города сменят каменные стены и сторожевые башни; это будет бастион его имперской мощи, способный соперничать силой с его крепостями в Уэльсе. А покамест он приказал расширить существующий ров до восьмидесяти футов в ширину и сорока футов в глубину.

Эдуард обратил внимание, что рукоятки тележки были тщательно отчищены от земли. Взявшись за них, он вдруг подумал, а не потеряет ли смысл то действие, которое он затеял,

поскольку фальшь и притворство ясно видели все окружающие. От этой неожиданной мысли он даже сбился с шага. Ему пришлось сделать чад собой усилие, чтобы оторваться от стратегического планирования в кабинете замка и разыграть этот спектакль. И теперь он не мог позволить, чтобы все оказалось напрасным.

Оглядевшись по сторонам, король заметил неподалеку землекопа, опиравшегося на лопату. Он направился к нему, не слушая растерянного лепета оставшегося за спиной Крессингэма. Рабочий немедленно выпрямился, с тревогой озираясь на соседей и явно не понимая, чем он провинился. Когда Эдуард подошел к нему вплотную, мужчина наклонил голову, а костяшки пальцев, сжимавшие лопату, побелели от напряжения. Под любопытными взглядами прочих работников король отобрал лопату у потерявшего дар речи землекопа и подошел к краю рва. Он воткнул ее во влажную землю, пробив слой суглинка и углубившись в глину. Расшитый золотом подол его мантии волочился по земле, пачкаясь в грязи. Король работал. Обеими руками сжав рукоятку лопаты, гладкую от многочисленных прикосновений, он вывернул большой ком земли. Подняв его на лопате, Эдуард вернулся к тележке и, под благоговейными взглядами собравшихся, сбросил поверх кучи, насыпанной кем-то другим. Если сегодня и впрямь появлялись его новые северные территории, то будет только справедливо, что первыми потрудятся на этой земле его руки, а не чьи-либо еще. Весьма довольный собственной находчивостью, Эдуард принялся выкапывать очередную порцию фунта из крепостного вала. Король настолько увлекся этим делом, что не заметил группы всадников, приближавшейся к городским воротам по северной дороге.

Еще трижды вывалив землю на тележку под ошарашенными взглядами своих сановников, Эдуард воткнул лопату в грунт и взялся за ручки тачки. Крессингэм улыбнулся и одобрительно кивнул головой, удовлетворенный тем, что король наконец-то начал делать то, чего от него ожидали. Эдуард провез тележку вдоль шеренги мужчин и опрокинул ее в специально выделенном месте. В ноздри ему ударил запах свежей земли. Столпившиеся вокруг рабочие громко захлопали в ладоши.

Отдуваясь, к королю подошел Крессингэм.

— Вы подали прекрасный пример, милорд, — решительно заявил он, когда работники начали разбирать собственные кирки и лопаты, спускаясь в ров, чтобы вгрызться в землю.

— Милорд.

При звуках напряженного голоса король поднял голову и увидел, что сквозь толпу землекопов к нему направляется Джон де Варенн. Его сопровождал шотландский граф, Патрик Данбар, помогавший в штурме Бервика. Граф был одет в запыленный дорожный плащ, а на лице его, обрамленном блестящими черными локонами, читалась тревога. За их спинами Эдуард разглядел еще нескольких всадников, которые, спешившись, разговаривали с Энтони Беком. Отряхнув пыль с ладоней, он шагнул навстречу двум графам, за ним поспешил Крессингэм.

— Милорд, — приветствовал его поклоном Патрик Данбар.

— У вас есть сведения о местонахождении моих врагов? — резко бросил Эдуард. Он с нетерпением ожидал известий с тех самых пор, как ему доложили, что шотландская армия вторглась в Нортумберленд, сжигая и разоряя все на своем пути. Он полагался на своих верных вассалов, таких, как граф Патрик Данбар и Брюсы в Карлайле, рассчитывал, что они станут его глазами и ушами, поскольку прекрасно знают здешние земли, но, не имея новых сведений после взятия Бервика, не находил себе места от беспокойства.

— Шотландская армия пересекла границу в обратном направлении пять дней тому,

милорд. Сейчас они находятся примерно в тридцати милях отсюда, преграждая вам путь на север. Они стали лагерем на моих землях. — Лицо графа Патрика было мрачным. — Когда, испросив вашего разрешения, я вернулся в свой замок, то обнаружил, что он окружен. Данбар захватили Темный Комин и его люди.

— Как им это удалось? — требовательно спросил король, раздраженный дурными вестями. Отчасти он решил двинуться маршем на север именно потому, что графство Данбар, находясь под властью его союзника, обещало стать неким островком безопасности посреди вражеской территории: своего рода плацдармом, к которому можно было отступить в случае необходимости. — Вы говорили мне, что замок хорошо защищен.

Сэр Патрик немного помолчал, прежде чем ответить. На его лице отражались раздражавшие его противоречивые чувства.

— Моя супруга впустила их, сир, — наконец, с надрывом проговорил он. — Она предала меня.

Эдуард вперил в него долгий взгляд.

— А Баллиол?

— Король находится вместе с основными силами армии.

Эдуард умолк, задумавшись. Через несколько дней после падения Бервика он получил формальный отказ короля Джона от принесенной клятвы вассальной верности. Тон послания, вызывающий и решительный, никак не соответствовал образу слабого человека, которого он хорошо знал. Король понял, что авторство послания принадлежало Джону Комину. Выходит, лорд Баденох оказался хитрее, чем он предполагал. Эдуард рассчитывал, что женитьба младшего Комина на дочери Уильяма де Валанса умерит пыл этого честолюбивого человека. Увы, Баденох явно нуждался в более внушительной демонстрации королевской власти. Впрочем, как и все они.

Эдуард переключил внимание на Джона де Варенна:

— Я хочу, чтобы вы взяли полк и двинулись на север. Разберитесь с этой неотесанной деревенщиной. Захватите замок и разбойников, которые удерживают его. Я не желаю, чтобы кто-либо или что-либо мешало моему продвижению на север. Возьмите с собой молодую кровь, — добавил он, оглянувшись на Хэмфри де Боэна и Рыцарей Дракона.

— Слушаюсь, милорд.

Эдуард повернулся, чтобы уйти, но потом остановился, устремив взгляд на графа Патрика:

— Вам следовало держать свою супругу на более коротком поводке, Данбар.

Сэр Джон де Варенн вышел из шатра и зашагал в туман, кутаясь в теплую мантию и яростно сморкаясь и чихая. Наступил май, но утром по-прежнему было свежо и ветрено. Он ненавидел это пустынное побережье, с его холодным и бурным морем и ржавыми прибрежными утесами. По правде говоря, он ненавидел всю Шотландию целиком. Никаких тебе приличных дорог, повсюду густые леса или скалистые горы, назойливо преграждающие путь, мороз и обильные снегопады зимой, а летом — теплая сырость вместо свежего воздуха, в которой кишмя кишат комары и мошки. Он всей душой тосковал по мягкому климату своих поросших цивилизованными лесами английских поместий. Совсем скоро начнется

охотничий сезон. Но, с Божьей помощью, война к тому времени закончится.

Впереди, неразличимые в тумане, скользили среди шатров фигуры людей. Варенн со своими рыцарями прибыл в Данбар днем ранее, и лазутчики донесли графу, что, хотя замок занят отрядом вражеских солдат, в пределах видимости шотландской армии не наблюдается. Войдя в брошенный город, люди Варенна встали лагерем на безопасном расстоянии от замка, который примостился на самом краю отвесной скалы, выходящей на гавань.

Перешагнув через растяжки, ограждавшие загон, граф прошел мимо лошадей, которым группы уже задали утреннюю порцию корма. Дым от походных костров смешивался с туманом, и кислый запах гари был приправлен сладковатым ароматом овсяной каши. Повара встали уже час тому. Впереди во мгlistой дымке перед Варенном замаячили четыре угловатых силуэта. Он подошел ближе, довольный тем, что инженеры уже приступили к работе, собирая хитроумные сооружения. При штурме замка Варенн намеревался использовать камнеметы, которые были намного легче огромных требушетов, [\[55\]](#) с которыми ему неоднократно приходилось иметь дело за свою долгую жизнь. Требушеты работали по принципу противовеса, тогда как камнеметами управляли вручную — мужчины тянули за четыре веревки, резко опуская свой конец балки вниз, отчего противоположный ее край взлетал вверх, запуская с петли-пращи в воздух снаряд, обычно специально обтесанный камень. Камнеметы было легче перевозить и собирать из-за их меньшего веса и размеров, но они не были настолько эффективны, как требушеты, способные швырять камни весом до трехсот фунтов на расстояние в четыре сотни ярдов.

Один из инженеров, вогнав гвоздь в сосновую доску, выпрямился и взглянул на Варенна, когда тот вышел из тумана.

— Сэр, — приветствовал он его. — Машины будут готовы через час.

В ответ Варенн проворчал что-то неразборчивое, глядя на замок. Местность постепенно повышалась к стенам, которые в сырой мгле были сейчас едва различимы. Он ощущал на губах соленый привкус и слышал пронзительные крики чаек, но самого моря видно не было.

— Если туман не рассеется, мы попросту не сможем стрелять.

Через два часа взошедшее над горизонтом солнце растопило последние кляксы тумана, и ближе к полудню от него осталось несколько сизых полос, зацепившихся за башни замка Данбар.

В небо с шумом взлетела птичья стайка, когда первый камень ударил в стену. Послышался оглушительный треск, и над парашютом показалось облако пыли. Крупный булыжник упал на землю и покатился по поросшему травой откосу вниз, за ним градом посыпалась щебенка. Через несколько мгновений на стены обрушились еще три снаряда. С каждым ударом от стен отлетали куски камня и цементного раствора.

Джон де Варенн смотрел, как инженеры методично загружают и разряжают камнеметы, а мужчины изо всех сил налегают на веревки, подобно звонарям в церкви. Одна за другой балки-журавли распрямлялись, посылая свои снаряды в крепость, затаившуюся на скале. В ответ со стен полетели стрелы, но инженеры предусмотрительно выстроили частокол, за которым они пребывали в полной безопасности, обслуживая метательные машины. Камни продолжали крушить стены, и на бастионах раздались крики. Варенн заметил, что в бойницах замелькали тени, но если только шотландцы не пожелают выйти из ворот и дать бой в открытом поле, более ничем помешать осаде они не в силах. Правда, у них был сильный союзник. Время.

Кое-кто из английских рыцарей радостными криками приветствовал первые попадания

каменной в стену, но облака каменной крошки выглядели более внушительными, чем были на самом деле. Откровенно говоря, Варенн знал, что осадной машине, даже требушету, нужно изрядно времени, чтобы пробить в стене внушительную дыру, достаточную для того, чтобы в нее могли устремиться нападающие. Король Эдуард желал, чтобы замок Данбар был захвачен как можно скорее, но Варенн совсем не был уверен, что ему удастся достичь желаемого. Самый быстрый способ заставить замок сдаться — заручиться помощью изнутри, но в данном случае рассчитывать на это не приходилось, поскольку обороняли крепость солдаты Темного Комина, верного сторонника и сподвижника Баллиола.

Взгляд Джона де Варенна переместился на широкоплечую фигуру Патрика Данбара, стоявшего рядом. Граф смотрел на бомбардировку собственного замка с непроницаемым выражением лица. Вне всякого сомнения, где-то там, внутри, находилась и его предательница-супруга. Варенн даже ощутил нечто похожее на жалость к этому человеку, на глазах которого осадные орудия разрушали его собственный дом. Три года тому умерла дочь Варенна. Она пробыла королевой всего несколько месяцев, хотя и оставалась супругой Джона Баллиола на протяжении более десяти лет, подарив ему сына и наследника. У Варенна осталось единственное утешение: его дочь не дожила до того, чтобы стать свидетельницей этой войны. Ему вдруг стало интересно, а не рассчитывает ли втайне граф Данбар на то, что осада провалится? Ведь если замок будет захвачен, то кому-то придется разбираться с его женой, как и с остальными мятежниками. Варенн не мог не думать о том, достанет ли на это духу у Данбара. Или нет?

Еще один камень ударил в стену между двумя сторожевыми башнями, разлетевшись каменной крошкой. Пехотинцы подкатили к осадным орудиям тележку, доверху наполненную метательными снарядами, поскольку груды камней возле них стремительно уменьшались. Они взяли с собой две повозки круглых каменных ядер, которые привезли в Бервик на галере, но их не хватит надолго, так что вскоре им придется стрелять тем, что подвернется под руку. Впрочем, на берегу, у подножия утесов можно будет найти достаточное количество камней, если Варенн сумеет спустить туда каменщиков, имеющих опыт работы в карьерах.

Заслышав за спиной чьи-то шаги, Варенн обернулся и увидел Хэмфри де Возна. Молодой рыцарь тяжело дышал, но лицо его оставалось спокойным, несмотря на постоянный грохот каменной канонады, звуки которой заставляли других солдат морщиться.

— Ты нашел подходящее дерево? — спросил Варенн, стараясь перекричать шум стрельбы.

— Да, сэръ. Сейчас его срубят. Я оставил шестерых рыцарей, которые будут сопровождать ствол сюда, когда с него обрубят сучья.

Варенн кивнул. После засады и разгрома по дороге в Уэльс наследник Херефорда показал себя способным командиром. Он и еще несколько его сверстников получили рыцарские шпоры в Бервике. Все они вкусили крови и постепенно превращались в закаленных ветеранов. Хэмфри, например, обещал вырасти в талантливого военачальника. Варенн знал, что король возлагает на него особые надежды.

— Мы пробьем ворота тараном, — сказал он рыцарю, — когда его усилят соответствующим образом.

Заслышав топот копыт, оба обернулись и увидели, что в лагерь галопом влетели четыре всадника. Варенн нахмурился в ожидании, узнав в одном из них лазутчика из поисковой партии, отправленной накануне. Оставив инженеров продолжать обстрел стен замка, он

зашагал к ним навстречу. Хэмфри двинулся следом за ним. Один из лазутчиков окликнул его.

— Сэр! — Всадник спешил и чуть ли не бегом устремился к графу. — Скотты подходят с запада.

— Кто их ведет? — быстро спросил Варенн. — И сколько их?

— Там собрались все, сэр, вся шотландская армия. А ведут их Комины и король Джон. С минуты на минуту они появятся в пределах видимости. — Лазутчик повернулся и показал рукой на запад, где местность постепенно повышалась, переходя в болотистые вересковые пустоши, поросшие купами деревьев. — На гребне вон того холма.

Варенн уставился на холм, ощущая приятное волнение в крови. Мысль о схватке в открытом бою доставила старому графу намного больше удовольствия, чем унылая перспектива длительной осады, когда долгое бездействие деморализует его воинов. Не следовало забывать и о других опасностях: уменьшающихся припасах, внезапных вылазках осажденных из замка или же нападения главных сил противника, блокирующих основные пути отхода. Впрочем, долгие годы турнирных схваток хорошенько закалили его воинов. Варенн не сомневался, что его люди, среди которых насчитывалось много ветеранов, разбавленные горячей молодой кровью, сумеют наголову разбить шотландцев в первом же настоящем бою.

Через несколько мгновений он разглядел темную полосу на вершине далекого холма — это показались всадники верхом на лошадях. Их было много, и над головами развевались разноцветные флаги. Со стен замка Данбар раздались радостные крики. Осажденные тоже заметили шотландскую армию, которая шла им на помощь.

Варенн повернулся к Хэмфри и повысил голос, чтобы быть услышанным в радостном шуме, поднятом защитниками замка.

— Держи лагерь, — приказал он. — Нельзя допустить, чтобы люди Комина вышли из замка и ударили мне в спину.

— Сэр, — ответил Хэмфри, с поклоном принимая оказанную ему честь.

Оставив рыцаря собирать остальных молодых воинов, Варенн поспешил обратно к шатру, созывая своих командиров. Капитаны кавалерии и пехоты бросились к своим частям, выстраивая их в боевые порядки. Оруженосцы и грумы поспешили к лошадям, седлая их и затягивая подпруги. Большинство рыцарей носили кое-какие легкие доспехи на случай внезапного нападения, но сейчас принялись надевать тяжелые: кольчуги, латные рукавицы, шлемы и щиты. Пехотинцы поправляли перевязи с мечами, цепляя на пояса молоты и топоры, одновременно выравнивая ряды. Осадные машины продолжали обстреливать замок, но грохот камней вскоре заглушили крики и ржание лошадей, когда рыцари поднялись в седла.

Когда они выехали из лагеря, направляясь навстречу основным силам шотландской армии, выстроившимся на далеком холме, радостные вопли осажденных остались позади. В сплошной пелене облаков, быстро несущихся высоко над головой, проглянули лоскутья голубого неба. Оттуда на землю ударили солнечные лучи, обдавая долгожданным теплом лица рыцарей и пехотинцев,двигающихся навстречу врагу. Авангард возглавлял Джон де Варенн, не сводя глаз с далекого еще противника. У шотландцев было преимущество — они стояли на возвышенности, но это не беспокоило внука легендарного Уильяма Маршалла. Его люди стройными рядами ехали следом, на древках копий развевались флажки, а на гребнях шлемов колыхались перья. Замыкали колонну пешие солдаты, уверенно шагая по размокшей

земле, которая постепенно повышалась к горизонту.

Теперь уже можно было яснее разглядеть цвета вражеских знамен. Среди них развеялся и королевский штандарт Шотландии: вставший на дыбы красный лев на золотом поле. Скотты закричали при виде идущих им навстречу англичан, и их крики донес налетевший ветерок. Варенн знал, что в этих криках слышен призыв к мести. Он сомневался, что во всей Шотландии найдется хоть один человек, который не знал бы о бойне в Бервике. И это хорошо, что враги жаждали отмщения. Мечь кружит голову и туманит разум, заставляя спешить и ошибаться. В отличие от скоттов, его люди хранили молчание, уверенно сокращая расстояние между собой и противником и сберегая силы для решающей схватки.

Когда английские рыцари достигли гребня первого холма, Варенн поднял руку, приказывая остановиться. Его командиры подъехали к нему и остановились рядом, пока он осматривал местность. Впереди склон резко обрывался в узкую лощину, густо заросшую кустарником и деревьями, по дну которой текла неширокая речушка. На другом берегу заросли редели, когда склон опять начинал повышаться, вплоть до самой вершины, где выстроилось шотландское войско. Отдав приказания военачальникам, которые поспешили к своим отрядам, Варенн повел англичан вниз по крутому уклону. Рыцари откидывались назад в седлах, стараясь максимально облегчить спуск коням. А издали до них доносились исполненные свирепой радости выкрики скоттов. Пехота спускалась вслед за кавалерией, упираясь в склон кончиками пик и дротиков, чтобы не упасть. Солнце скрылось за тучами, и по траве заскользила широкая темная тень. Впереди, меж деревьев, серебристый блеск реки сменился тусклым свинцовым оттенком.

Первые рыцари достигли ручья. Среди них был и Варенн. Местами берег был настолько крут и обрывист, что всадникам пришлось растянуться в редкую цепь, ища переправы. Стройные ряды нарушились, а кое-кому пришлось даже повернуть своих коней вспять, объезжая препятствия. Некоторые рыцари осторожно спустились по песку и въехали в мелкую ледяную воду. Копыта коней подняли со дна ил, и река помутнела. Вонзая шпоры в бока жеребцов, всадники понукали их, заставляя как можно быстрее выбираться на другой берег. Лошади отфыркивались, вздымая тучи брызг. Несколько коней оступились и запаниковали, но опытные наездники быстро успокоили своих скакунов. А сзади надвигались все новые и новые ряды кавалерии.

Варенн принялся выстраивать своих людей меж деревьев на другом берегу. Он полуобернулся в седле, хрипло выкрикивая команды рыцарям, которые по-прежнему в беспорядке петляли вдоль берега. И вдруг с вершины холма до Варенна донесся слитный рев множества рогов. За ним последовал безошибочный топот множества копыт. Дав своему коню шпоры и выдвинувшись вперед, чтобы обеспечить себе должный обзор, граф Суррей увидел, как шотландская конница в беспорядке устремилась вниз по склону к ручью. На мгновение он опешил — уж слишком неожиданной оказалась для него атака. А потом в коротких паузах между ревом рогов он слышал выкрики.

— *Вперед! Руби их!*

— *Вперед! Трусы удирают!*

В мгновение ока Варенн окинул быстрым взглядом своих рыцарей, растянувшихся редкой цепью вдоль берега ручья в поисках наиболее удобных мест для переправы. И он понял, что, смешав ряды, они дали шотландцам повод думать, будто он потерял управление своими войсками. Старый лорд принялся выкрикивать команды, понуждая своих людей как можно быстрее переправиться через ручей. Последние рыцари пришпорили коней, в брызгах

воды вырываясь на другой берег. Большинство благополучно выскочили наверх, но несколько всадников упали, когда лошади в испуге начали пятиться, сбрасывая седоков в воду. Позади них надвигалась пехота, скользя и оступаясь на илистых берегах. Подняв оружие высоко над головой, воины перешли ручей вброд и начали взбираться на противоположный берег. Опустив щиток забрала и приняв у оруженосца копье, Варенн вонзил шпоры в бока своего коня и вылетел из лесу навстречу противнику. За ним устремились его рыцари.

Шотландцы, нестройными рядами несущиеся вниз по склону, увидели, как из-за деревьев выезжают вражеские рыцари, на ходу выстраиваясь в ряд, колена к колону, и прикрываясь щитами. То, что они поначалу приняли за беспорядочную толпу спасающегося бегством врага, обернулось дисциплинированной стальной стеной, оцетинившейся копьями и с грохотом мчащейся вверх по склону им навстречу. Кое-кто из скоттов, находившихся в первых рядах смешавшейся лавы конных рыцарей, попытался осадить своих коней или вообще отвернуть в сторону. Но сзади напирали другие, выталкивая их вперед, прямо на копья английской тяжелой конницы, и мстительные крики разом стихли. Те из скоттов, кому уже доводилось проливать кровь, заревели, пытаясь выровнять ряды, но было уже слишком поздно. Английские рыцари прошли сквозь их беспорядочный строй, как нож сквозь масло.

Всадники, выбитые из седел, полетели на землю. Кто-то сразу лишился чувств, кого-то насмерть затоптали копытами, другие сами валились в грязь в тщетной надежде уцелеть. Когда железный строй англичан разрезал на части основную массу шотландской армии, превращая бестолковую атаку скоттов в паническое бегство, сзади ударила подоспевшая пехота. Подобно саранче, они накинулись на выбитых из седел шотландских рыцарей, хватая под уздцы оставшихся без всадников лошадей, окружая и забирая в плен оказавшихся безоружными баронов и графов. Несколько дворян, окруженные тесным кольцом английских пехотинцев, безуспешно пытались прорваться к своим, но их безжалостно сбивали наземь и обезоруживали ударами молотов и эфесами мечей.

Варенн, отбросив расщепленное копье, выхватил из ножен огромный меч и набросился на вставшего у него на пути шотландского рыцаря. Когда тот откинулся на спину от страшного удара, Варенн резким рывком поводьев повернулся своего коня так, что тот боком врезался в лошадь шотландца, отчего рыцарь вылетел из седла. Он приземлился под копыта коней с громким криком и лязгом доспехов. Но едва шотландец попытался встать на ноги, как его окружили три английских пехотинца. Один ударил его молотом в живот, так что рыцарь согнулся пополам, тогда как двое других обрушились на него сверху, пока он не сдался, позволив разоружить себя. Варенн же устремился вперед, ведя за собой своих воинов и внося еще большую сумятицу в разрозненные порядки скоттов. Прорвавшись сквозь ряды рыцарей, он оказался в гуще пеших солдат противника, и здесь уже принялся убивать всех подряд без разбору. Рыцари Варенна, как стая волков, гнались по полю за разбежавшимися во все стороны пехотинцами, рассекая туловища, отрубая руки, ноги и головы. Закованные в броню кони сминали людей, словно те были хилыми тростинками, или вставляли на дыбы и крушили передними копытами головы и спины, превращая их в кровавую кашу, как и были обучены. Вскоре земля стала скользкой от крови, и шотландские пешие солдаты более не находили в себе сил ни бежать, ни сражаться, и английские пехотинцы добивали их жестокими ударами своих палашей.

По всему полю общее сражение разбилось на отдельные схватки. Для шотландцев битва,

казавшаяся им выигранной еще до ее начала, превратилась в отчаянную борьбу за выживание. Варенн краем глаза заметил, как королевский штандарт Шотландии исчез за гребнем холма. За ним последовал стяг Рыжих Коминов. А склон горы перед ним усеивали тела мертвых и умирающих пехотинцев, отчего преследование короля стало невозможным. Прошипев сквозь зубы ругательство, Варенн продолжил драться.

Менее чем через час сражение закончилось. Поросшие травой склоны сплошь усеивали трупы людей и коней. Погибли и несколько шотландских дворян, но их число не шло ни в какое сравнение с пехотинцами, которых пало несколько сотен. Кое-где трупы лежали дружно друг на друге такими грудками, что кровь их собиралась в лужи и стекала ручейками в речушку внизу, отчего воды ее стали красными. По полю бродили английские пехотинцы, добывая раненых.

Варенн обзирал поле боя с седла своего забрызганного кровью жеребца, и густой запах крови забивал ему ноздри и горло. Он был разочарован тем, что шотландского короля не оказалось в числе вельмож противника, которых спешили и окружили его рыцари, но, тем не менее, победа была одержана полная. В плен попали многие шотландские дворяне, включая графов и баронов, большинство из которых обрели нешуточную власть в королевстве после того, как Баллиол фактически отрекся от престола. Это был день скорби и печали для Шотландии. Одним ударом граф Суррей уничтожил большую часть армии королевства и его лидеров.

Полуденное солнце нещадно палило с небес. В зарослях по обеим сторонам дороги звонко гудели комары, а выгоревшая трава на обочине сухо шелестела под порывами горячего ветра, который пригоршнями швырял пыль в глаза путников, принося с собой ощутимый привкус соли.

Роберт, ехавший позади отцовских рыцарей, чувствовал, как солнце обжигает ему незащищенную шею между подшлемником и воротником хауберка. Рядом покачивались в седлах его брат и рыцари Каррика. Они провели в пути уже несколько часов, и лошади устали. Понутив головы, они едва переставляли ноги по узкой тропе, беспрестанно помахивая хвостами, чтобы отогнать назойливых мух, целыми стаями атаковавших бедных животных по мере приближения к морю, сверкающий металлический панцирь которого виднелся вдали.

Позади рыцарей на быстрых маленьких лошадках и пони ехали оруженосцы, грумы и слуги. Среди них была и служанка Изабеллы, Катарина, которой досталась добродушная гнедая кобылка, некогда принадлежавшая ее хозяйке. Роберт мог продать животное, но лошадка была любимицей Изабеллы и, кроме того, он счел вполне разумным предоставить ее в распоряжение служанки, которая стала отныне ангелом-хранителем его дочери. Поначалу он намеревался подыскать для нее более подходящую нянечку из какого-нибудь благородного семейства, но после смерти супруги и начала войны у него совершенно не осталось времени на такие вещи. Кроме того, Катарина продемонстрировала, что вполне может позаботиться о малышке. Рядом с нею, на сером коренастом пони, подпрыгивала худенькая девочка лет пятнадцати, кормилица его дочери. Катарина разыскала Джудит в Карлайле, почти сразу после смерти Изабеллы. Дочь рыцаря из городского гарнизона,

Джудит родила несколькими неделями ранее, но ребенок появился на свет из материнской утробы уже мертвым. О муже никто и словом не обмолвился, да и отец ее, кажется, вздохнул с облегчением, когда Брюсы забрали ее к себе. Девочкой она оказалась угрюмой и замкнутой, но у нее было молоко, в котором нуждалась дочь, так что Роберт скрепя сердце терпел ее присутствие.

Замыкали процессию две крытых повозки, запряженные ломовыми лошадьми, которые везли припасы: продовольствие для людей и корм для коней, шатры, оружие и прочее снаряжение, словом, все, что могло понадобиться в дальней дороге. Отныне в Шотландии было немного мест, где Брюсам могли предложить стол и кров. Здесь осталось слишком мало друзей. Они возвращались домой победителями. Ненавидимыми и презираемыми.

Поражение армии скоттов под Данбаром означало окончание недолгой войны между Англией и Шотландией. Учитывая, что большая часть их армии была уничтожена, а почти все лидеры взяты в плен, шотландцы и не помышляли о сопротивлении. Их альянс с королем Филиппом оказался практически бесполезным, поскольку из Франции не прибыли ни обещанные военные корабли, ни солдаты. Вслед за Данбаром один за другим пали замки Роксбург, Дамбартон и Джедбург, а Эдинбург сдался после недельной осады. Стирлинг, бывший ключевым форпостом на севере страны, оказался брошен. В конце июня в Перте Эдуард получил послание от короля Джона, который бежал на север вместе с Коминами. Король Шотландии вместе с остатками своего отныне бесполезного Совета Двенадцати согласился на безоговорочную капитуляцию.

Роберт испытывал странные и смешанные чувства, пересекая границу и возвращаясь в Шотландию по окончании четырехмесячной войны. Король Эдуард выполнил свое обещание и вернул Брюсам земли, захваченные Коминами накануне конфликта. Лорд и рыцари Аннандейла и Каррика вернулись домой с победой, но, несмотря на радость и облегчение, которые он испытывал после возвращения своих владений, на сердце у Роберта было тяжело. Урожай погиб на корню, во всяком случае, та его часть, которая не была уничтожена шотландской армией, поскольку убирать его было некому. Города и деревушки будто вымерли, жители покинули их, когда сюда с огнем и мечом пришли Комины со своими сподвижниками. Но Лохмабен, по крайней мере, уцелел — их враги удовлетворились тем, что сожгли и разрушили все поселения вокруг города. Однако, он являл собой унылое зрелище, поскольку отступающая армия унесла все ценное — гобелены были сорваны со стен, ту мебель, которую из-за неподъемной тяжести увезти было нельзя, сожгли или сломали, а в кладовых не осталось ни зерна, ни вина. В замке стоял стойкий запах мочи, повсюду валялись объедки, экскременты, кости животных, пустые мешки и опорожненные бочонки, словно здесь ненадолго задержалась большая армия, прежде чем двинуться дальше.

Впрочем, времени на приведение замка в порядок у них не было — король Эдуард прислал повеление лорду Аннандейлу и Роберту как можно скорее прибыть к нему в Монтроз на северо-восточном побережье Шотландии.

— Сэр, может быть, сделаем привал?

Роберт поднял голову, когда один из рыцарей Аннандейла обратился к его отцу. Он и сам собирался предложить то же самое. Полуденная жара становилась попросту невыносимой, и лошади изнемогали от жажды. Он ехал на одном из своих запасных скакунов, а Хантера вел в поводу Нес. Марджори, закутанная в одеяло и привязанная к груди Катарины, начала хныкать.

— Нет, мы уже почти на месте. — Лорд обернулся к рыцарю с самодовольным

видом. — Я хочу засвидетельствовать свое почтение королю Эдуарду как можно скорее. Полагаю, у него есть для меня важные новости.

Взгляд Роберта задержался на фигуре отца, чья желтая накидка с перевязанным красным крестом кричащим ярким пятном выделялась на солнце, а начищенный кольчужный хауберк ослепительно сверкал в его лучах. Несмотря на жару, поверх накидки и кольчуги отец надел мантию дорогого фламандского сукна, подбитую красным шелком. Высоко над головой трепетал штандарт Аннандейла. Он заставлял своего знаменосца разворачивать его в каждом городе и деревне, через которые они проходили, от Лохмабена до северо-восточного побережья, словно двигался во главе королевской процессии. Накидку Роберта украшал герб Каррика, но выставлять свое знамя напоказ он не стал, и оно лежало свернутым в одной из повозок. Слушая ответ отца, он почувствовал на себе взгляд брата, но, заранее зная, что хочет сказать ему Эдвард, упрямо смотрел вперед.

Они продолжили путь. День уже начал клониться к вечеру, когда перед ними открылась большая лагуна. Между ней и Северным морем лежал городок Монтроз, домики которого раскинулись на узкой песчаной косе, над которой возвышался приземистый квадратный замок. За его стенами, там, где поросшие вереском поля переходили в серые дюны, плескалось море разноцветных шатров. В самой их середине возвышалась деревянная платформа, похожая на сцену.

В самом Монтрозе улицы были забиты английскими рыцарями и солдатами. Проезжая сквозь толпу, Роберт слышал, в основном, английскую речь, и, судя по самым разным акцентам, ее обладатели слетелись сюда, в этот шотландский порт, со всех концов королевства. Кое-где звучал ирландский язык, вызывая в памяти смутные образы Антрима. Говорили здесь и по-валлийски, что навевало совсем уж свежие воспоминания. Когда отряд проезжал мимо какой-то захудалой гостиницы, перед нею вспыхнула драка — один солдат толкнул другого и тут же получил в ответ удар кулаком в лицо. Кто-то из прохожих попытался остановить драку, другие же, напротив, криками подзадоривали драчунов. С первого взгляда было видно, что солдат, шляющихся по улицам, одолевает праздность, им нечем заняться, кроме как набивать животы едой и пивом да горланить песни, перекрикивая менестрелей и шутов. Это не были люди, измотанные трудной тяжелой кампанией и празднующие тяжким трудом выстраданную победу. Скорее, они походили на кутил, бражничающих на чужом пиру. Глазам Роберта предстала совсем иная картина, нежели та, которую он наблюдал после войны в Уэльсе. Как могло случиться, что все произошло так быстро? Как могла Шотландия так легко пасть? Он не находил ответа на эти вопросы, и мысли об этом угнетали его.

Проделав долгий путь по извилистым улочкам, их отряд добрался, наконец, до замка, над надвратной башней которого развевался ярко-алый флаг с тремя золотыми львами. Ворота были закрыты, и перед ними, опираясь на пики, стояли четверо стражников в цветах короля. Один из них отделился от своих товарищей и пересек мост, перекинутый через ров, завидев приближающегося лорда Аннандейла.

— Добрый день, — приветствовал он его, не сводя глаз со знамени, поднятого над головами всадников. — Что привело вас сюда?

По знаку отца Роберта один из его рыцарей выехал вперед.

— Сэр Роберт Брюс, лорд Аннандейл, прибыл по личному приглашению короля. Он желает разговаривать с Его величеством.

— Милорд король занят на Совете, — ответил стражник.

Роберт заметил, как лицо отца исказилось судорогой негодования.

Брюс направил свою белую кобылу прямо на стражника.

— Король Эдуард пригласил меня сюда, дабы побеседовать об одном весьма срочном и безотлагательном деле. Я уверен, он примет меня.

— Я получил приказ пропускать только тех людей, список которых мне вручен. Вашего имени, сэр, среди них не значится. Предлагаю вам встать лагерем вместе с остальными благородными господами, которых король призвал к себе. Не сомневайтесь, он пошлет за вами, как только будет готов к встрече. — С этими словами стражник развернулся и зашагал обратно по мосту.

Когда лорд, грубо рванув поводья, развернул лошадь, Роберт отметил, что унижение отца доставило ему некоторое удовлетворение. Изрыгая угрозы, Брюс повел своих людей по направлению к полю, на котором стояло множество шатров, и искаженное гневом лицо отца опасно покраснелось.

Но за стенами замка почти не осталось свободного места, шатры тянулись вплоть до самых песчаных дюн, так что им пришлось удовольствоваться клочком земли возле самого лимана, от которого исходил запах гнили, а в воздухе звучали пронзительные крики чаек. Когда рыцари спешили, слуги принялись разгружать повозки, доставая оттуда шатры и снаряжение. Одни из них отправились на поиски свежей воды для лошадей, другие стали рыть ямы для костров и отхожих мест. Роберт подошел к одной из крытых повозок как раз в тот момент, когда слуги сгружали с нее большую деревянную клетку. Внутри находилась его гончая, Уатача. Вернувшись прошлым летом в Шотландию, он очень привязался к молодой собаке, родившейся от любимой суки его деда. Она напоминала ему о старом лорде и прежней жизни.

— Принесите мне поводок, — приказал он одному из слуг.

Тот принялся рыться в мешке с охотничьими принадлежностями, пока другой открыл клетку. Уатача поднялась на ноги и неторопливо, как змея, выскользнула в распахнутую дверь клетки. Она была высокой, в холке доходя ему почти до бедра, с длинными ногами и дымчатым окрасом шерсти, как у матери. Уатача подбежала напрямик к Роберту, высунув язык и тяжело дыша. Он взял поводок у слуги и прицепил его к собачьему ошейнику. В отличие от собак отца, у которых поводки были шелковыми, ремешок Уатачи был сработан из мягкой коричневой кожи. Его дед всегда презрительно относился к мужчинам, украшавшим своих боевых псов яркими безделушками, говоря, что подобная мишура свойственна глупцам, у которых денег больше, чем ума. Намотав поводок на руку, чтобы не отпускать гончую слишком далеко, Роберт двинулся вдоль ряда шатров, оставив слуг разбивать лагерь. Катарина передала его хнычущую дочь в протянутые руки Джудит. Но он не успел уйти далеко, как его догнал Эдвард.

— Куда это ты собрался, братишка?

— Уатаче нужно облегчиться. Как и мне. — Не дожидаясь ответа, Роберт зашагал дальше. Ему не хотелось вновь затевать бессмысленный спор.

— Ты ведь не будешь разговаривать с ним, верно? Ты так и будешь избегать его, пока не станет слишком поздно и тебя не лишат права выбора.

Роберт остановился. Развернувшись лицом к брату, он встретил его вызывающий взгляд.

— Почему бы тебе не оставить все, как есть?

Эдвард покачал головой, словно не веря своим ушам.

— Оставить все, как есть? — Он подскочил к Роберту вплотную. — Мы говорим о

будущем нашего королевства! У тебя есть шанс исправить зло, причиненное ему за последние месяцы. Так почему, во имя Господа, ты им не воспользуешься?

— Нам ничего не известно о намерениях короля Эдуарда. Приглашение прибыть сюда было слишком туманным. Как я могу ухватиться за то, что еще даже не стало реальностью? Как я могу...

— Завтра, — перебил его Эдвард, — Джон Баллиол будет формально низложен. Наш отец надеется, что после него королем Шотландии станет именно он. Ради этого он и прибыл сюда. Но ведь право на трон наш дед передал тебе, в тот самый день, когда ты унаследовал Каррик. Почему ты позволяешь ему претендовать на то, что принадлежит тебе?

— А почему это беспокоит тебя? — пожелал узнать Роберт, теряя терпение, чему немало способствовали жара и усталость. — Для тебя же лучше, если королем станет он. Если я умру первым, ты останешься его прямым наследником.

Эдвард вновь покачал головой и отвернулся.

— Я хочу, чтобы в нашем королевстве вновь воцарился мир, братишка. Я больше не хочу сражаться со своими же соотечественниками. Эта война, меня от нее тошнит. Наш отец... — Он умолк, нахмурившись. — Он, может быть, и шотландец, но в его жилах течет английская кровь. На языке нашей матери на наших землях уже почти никто не разговаривает, а законы и обычаи наших предков, которых придерживался дед, постепенно исчезают. И отец только ускорит их вымирание. Став монархом, он создаст свой двор по образу и подобию Вестминстера, подчиненного Эдуарду. И у нашего королевства останется еще меньше независимости, чем было при Баллиоле.

Роберт пристально смотрел на брата. Ему редко приходилось слышать от него столь рассудительные речи.

— Почему ты думаешь, что при мне все будет по-другому?

— Я все еще надеюсь, что ты увидишь собственные ошибки и исправишь их.

Роберт знал, что брат имеет в виду его дружбу с Рыцарями Дракона.

— Мы не знаем, что задумал король. — Голос его окреп и зазвучал жестче. — Я не стану окончательно рушить нашу семью ради безумной фантазии, будь она проклята!

На этот раз, когда он развернулся, чтобы уходить, брат не сделал попытки последовать за ним. Роберт шел дальше, мимо солдат: одни спали, другие сидели за раскладными столами под навесами, а слуги подносили им угощение. Он увидел несколько знакомых стягов на флагштоках над шатрами и мельком подумал, кто там отдыхает сейчас внутри. Перед его внутренним взором всплыло ухмыляющееся лицо Эймера де Валанса, пока он усилием воли не отогнал видение, целенаправленно шагая к морю через дюны. Уатача трусила рядом.

В лучах полуденного солнца море отсвечивало червонным золотом, и волны с мягким шуршанием накатывались на берег. Легкий бриз высушил пот на лице Роберта, когда он опустился на песок, спустив Уатачу с поводка. Собака тут же подбежала к воде и даже окунулась в волны. На берегу виднелись несколько рыбацких лодок, вытасненных на песок. Неподалеку от лодок слуги чистили котелки и сковородки у ручья, впадавшего в море. Уатача восторженно помчалась в их сторону, но Роберт резким свистом подозвал ее к себе. Когда гончая послушно плюхнулась на песок рядом с ним, он подался вперед, упершись локтями в колени, и принялся смотреть на море, синяя безмятежность которого так странно противоречила сумбуру, царившему у него в душе.

С тех самых пор, как отец стал губернатором Карлайла, он не раз прозрачно намекал на

то, что если Эдуард выиграет войну, то сделает его королем. Ну, вот, англичане выиграли, и завтра Баллиол будет низложен. Роберт был рад тому, что им вернули родовые земли, и удовлетворен тем, какая судьба постигла Баллиола и ненавистных Коминов. Но теперь, проезжая по родным местам, видя своих соотечественников униженными и подавленными, он чувствовал себя захватчиком, которого ненавидят ничуть не меньше, чем короля Эдуарда и его солдат. Хотел бы он быть королем народа, который презирает его? Да и как быть с самой королевской властью? На протяжении последних шести лет он был свидетелем того, как Эдуард пытался захватить трон, сначала женив своего наследника на Маргарет, а потом прямо вмешиваясь в правление Баллиола. Так что теперь, когда Эдуард захватил королевство силой, любой человек, который займет место Баллиола, окажется лишь послушным вассалом на очень коротком поводке. Разве не лучше, рассуждал Роберт, быть доверенным воином в свите короля, чем послушной марионеткой в его руках, скованной по рукам и ногам на фальшивом троне?

Он сидел на песке, и в ушах у него зазвучал суровый голос деда, вопрошающий, суждено ли многовековой истории умереть вместе с ним: неужели Александр, Давид и Малкольм Канмор сражались за их королевство и проливали кровь ради него только для того, чтобы Роберт отказался от родины без борьбы? Перед мысленным взором Роберта вдруг возникло дерево, стоящее на вершине холма. Оно было старым и дряхлым, его некогда гордые ветви почернели от гнили, которая подтачивала и мощный ствол, проникая в самые корни. «Все это — твоих рук дело, — произнес голос деда. — *Ты принес смерть нашему наследию*».

— Чего же ты от меня хочешь? — вскричал Роберт, вскакивая на ноги.

Уатача встревожено залаяла, уловив гнев в его голосе, а слуги оторвались от кастрюль и сковородок, глядя на него. Роберт подошел к самому краю воды, запустив руки в волосы. За четыре коротких года место, которое его семья занимала в этом мире, изменилось до неузнаваемости. Они проиграли битву за трон, лишились власти в королевстве и большинства своих союзников. Он потерял мать, деда и жену одного за другим, а потом, скрепя сердце, ему пришлось сражаться против своих же соотечественников. Одержана победа, но он ощущал лишь горечь их поражения. Где-то высоко-высоко, в райских кущах, Святой Малахия наверняка надрывался от хохота.

— Сэр Роберт?

Он резко обернулся на голос и увидел высокого молодого человека в ярко-голубой накидке, который шагал к нему через дюны. Загорелое лицо Хэмфри де Боэна расплылось в широкой улыбке. При виде друга Роберт испытал прилив облегчения. Обвинения деда и образ старого дерева рассеялись, когда он поспешил навстречу Хэмфри по берегу. Они обнялись, и де Боэн рассмеялся, чувствуя, с какой силой Роберт сжал его в объятиях.

— Я увидел в лагере твой штандарт, — пояснил он, отступая на шаг. — Твой брат сказал мне, что ты здесь. — Хэмфри опустил взгляд на Уатачу, которая осторожно обнюхивала его. — Это твоя гончая? Настоящая красавица.

— Ты давно уже в Монтрозе? — Роберт надеялся встретить здесь Хэмфри, потому что ему отчаянно недоставало дружбы молодого рыцаря. Один его вид заставил Роберта вновь перенестись в Лондон и вспомнить о том, как они соревновались летом друг с другом, упражняясь во дворе Тауэра. Ему вдруг показалось, что события минувшего года были всего лишь дурным сном.

— Всего несколько дней. Мы прибыли из Перта.

— Ты был в Бервике?

Улыбка Хэмфри увяла. Несколько мгновений он молча смотрел вдаль, на море, а потом с вымученной улыбкой вновь повернулся к Роберту.

— Давай больше не будем говорить о битвах теперь, когда война закончилась. Лучше расскажи мне о себе. Я хочу знать все! Куда ты спрятал свою красавицу-жену? Она здесь? Ты должен непременно познакомить меня с нею.

— Изабелла умерла четыре месяца тому в Карлайле, — после паузы ответил Роберт, — во время родов нашей дочери.

У Хэмфри вытянулось лицо. Он взял Роберта за плечи.

— Друг мой, я...

Роберт знаком показал, что обойдется без соболезнований. Он чувствовал, что недостойн сочувствия, ведь сам он почти не горевал об Изабелле.

— Она была доброй женщиной. И хорошей женой. Но мы пробыли вместе всего год, и, учитывая войну и все прочее, нечасто виделись. По правде говоря, я даже не успел толком узнать ее. Я... — Роберт запнулся. Он не говорил этого еще никому. — Я скучаю о ней, — признался он, — но больше ради нашей дочери, чем себя самого.

Хэмфри кивнул.

Они постояли в молчании, глядя, как волны лижут песок. Лица обоих мужчин загорели и заросли щетиной. Спустя некоторое время Роберт открыл было рот, чтобы заговорить, но молодой рыцарь перебил его.

— Я очень рад тому, что ты здесь, Роберт, — сказал Хэмфри, поворачиваясь к нему. — Потому что мне понадобится твоя помощь.

— Разумеется. В чем?

— Король Эдуард хочет, чтобы Рыцари Дракона совершили кое-что. Выполнили особое задание. И мне нужно, чтобы ты присоединился к нам.

— И что же это за задание?

Оба обернулись, заслышав чей-то возглас, и увидели, как к ним через дюны спешит Эдвард.

— Поговорим позже, — сказал Хэмфри, переводя взгляд на Роберта. Он улыбнулся и обнял его за плечи. — Я очень рад вновь увидеться с тобой, дружище.

— Взаимно.

Роберт без сна лежал в шатре, прислушиваясь к ровному дыханию брата. После долгого пути он чувствовал себя усталым и вымотанным. А атмосфера в их лагере, когда отец весь вечер возмущался тем, что король не пожелал принять его, лишь усугубила его дурное настроение. Так же, как и вопрос о том, что произойдет завтра, когда король Джон будет низложен. Но, несмотря на сильную усталость, заснуть он не мог.

Соленый ветерок лениво шевелил полы шатра, обнажая полную, кроваво-красную луну, висящую над самым горизонтом. «Что это, дурное предзнаменование?» — мельком подумал Роберт. Мысль эта заставила его перенестись в теплое лето Каррика на много лет назад, к дому в долине и дереву с клетками на ветвях. Интересно, живет ли по-прежнему старуха в своей полуразрушенной хижине, полной книг и костей, сплетая судьбы мужчин? Сейчас Эффрейг должна быть очень старой. Не исключено, что она давно умерла. Мысль о Каррике навеяла на него тоску о безоблачном детстве, когда мать и дед были еще живы, а залы их замков наполняли друзья и веселый смех. Он провел очень мало времени в своем графстве после того, как унаследовал его. Его вассал, Эндрю Бойд, собирал ежегодную ренту и решал

текущие хозяйственные проблемы, так что у Роберта не было ощущения, будто оно действительно принадлежит ему. Теперь, когда война закончилась, ему, пожалуй, стоит вернуться туда.

Снаружи послышались голоса, и Роберт узнал одного из рыцарей отца, поставленных охранять лагерь, а потом негромкий, но настойчивый голос Хэмфри. Стараясь не разбудить брата, Роберт встал и выскользнул из шатра. Он подошел к двум мужчинам, кивнув отцовскому рыцарю и знаком показывая ему, что тот может вернуться на свой пост.

Здороваясь с Хэмфри, Роберт заметил, что у того из-под простой, темной дорожной накидки выглядывает кольчуга.

Глаза Хэмфри загадочно блеснули в свете костра.

— Я хочу, чтобы ты оделся, и побыстрее.

— Куда мы едем?

— Чтобы исполнить пророчество.

Хэмфри объяснил ему, что взять с собой и куда подойти, чтобы встретиться с ним. Когда рыцарь умолк, Роберт принялся наседать на него, пытаясь выведать, в чем все-таки заключается их задание, но потом остановился. Чувство нужности и принадлежности к ордену, которое он испытал при виде Хэмфри, стало для него огромным облегчением по сравнению с той отчужденной враждебностью и одиночеством, которые охватили его после возвращения в Шотландию. Он не хотел разрушить это хрупкое чувство ненужными расспросами, и, кроме того, Роберт был откровенно рад убраться из Монтроза куда-нибудь подальше. Он устал от необходимости сделать выбор, устал терзаться и мучиться, не зная, какой дорогой пойти.

«Ты так и будешь избегать его до тех пор, пока не станет слишком поздно, и тебя лишат права выбора».

Его брат был прав. Но сейчас Роберту было все равно.

После ухода Хэмфри Роберт разбудил Неса, чтобы тот оседлал для него Хантера, а сам вернулся в шатер, чтобы одеться. Натягивая дублет поверх сорочки, он услышал громкий плач дочери. Затем послышались сонные увещевания кормилицы. Роберт вышел наружу, держа в руках меч, как раз в то мгновение, когда из шатра, который она делила с Джудит и еще тремя женщинами, выскользнула Катарина. Служанка держала на руках Марджори и что-то негромко напевала ей. Она подняла голову и увидела удаляющегося Роберта. Катарина озабоченно нахмурилась, заметив меч у него в руках. Он не сказал ей ни слова, подошел к крытой повозке и выволок оттуда большой сундук, в котором хранилось его снаряжение. Позади него не утихали крики Марджори. Когда Роберт вынул из сундука хауберк, Катарина негромко запела. У нее был низкий, сильный голос, и, когда она пела, казалось, что он должен принадлежать кому-то другому, какой-нибудь женщине значительно старше ее. Колыбельная успокоила малышку, ее крики постепенно перешли во всхлипывания, а потом и в ровное сопение. Роберт, вдруг поняв, что замер на месте, держа на вытянутых руках хауберк и прислушиваясь, принялся натягивать доспехи, а потом потянулся за щитом, который Хэмфри наказал ему непременно взять с собой. Щит с драконом был завернут в мягкую ткань, предохранявшую его от случайных царапин. Роберт не доставал его с того времени, как покинул Англию год тому. В свете костра он обратил внимание, что дерево стало шершавым и потрескалось. Он уже натягивал неприметную дорожную накидку, как посоветовал ему Хэмфри, когда вдруг услышал за спиной голос.

— Вы уезжаете, сэр?

Он повернулся и сверху вниз взглянул в запрокинутое лицо Катарины. На переносице у нее теснились веснушки, а темные волосы перепутались со сна, длинными прядями ниспадая ей на плечи. Женщина крепко прижимала к груди Марджори. Роберт улыбнулся, глядя на спящую дочь. Наклонившись, он нежно поцеловал ее, а потом встретил взгляд Катарины, застегивая перевязь с мечом.

— Я скоро вернусь.

Подхватив щит, он обменялся несколькими словами с рыцарем у костра, а потом, приняв у Неса поводья Хантера, зашагал в дальний конец лагеря.

Деревянная платформа, которую он видел, когда они въезжали в Монтроз, зловещей тенью замаячила впереди, когда он приблизился к нужному месту, следуя указаниям Хэмфри. В свете кроваво-красной луны она походила, скорее, не на сцену, а на помост для виселицы. На некотором расстоянии от платформы он заметил группу всадников, освещенных светом факелов. С ними была крытая повозка, запряженная ломовыми лошадьми, с двумя рыцарями из свиты короля на облучке. Приблизившись, Роберт разглядел Хэмфри, да и остальные лица были ему знакомы.

Здесь были Генри Перси, который, кажется, стал еще коренастее с момента их последней встречи, и Ги де Бошам, встретивший его без улыбки. Повзрослевший и вытянувшийся Томас Ланкастер, обещавший вот-вот превратиться в мужчину, сидел в седле рядом с Робертом Клиффордом, который вежливо кивнул Роберту, и Ральфом де Монтермером, который весело улыбнулся ему. И, наконец, взгляд Роберта нашел Эймера де Валанса. Это ненавистное лицо заставило его мгновенно перенестись в Англси — в захлавленную кухню, где в черных глазах Эймера светилась ненависть, когда он намеревался убить его.

Роберт вскочил на Хантера, и Хэмфри кивнул остальным.

— Можно двигаться. Нам предстоит трехдневная поездка.

— Трехдневная? — переспросил Томас. — Но мы же пропустим завтрашнюю церемонию.

— И ты до сих пор не сказал нам, брат, куда мы едем и зачем, — добавил Ральф.

Роберт почувствовал удовлетворение оттого, что оказался не единственным, кого Хэмфри не посчитал нужным посвятить в свои планы. И вновь тень сомнения закралась ему в душу, но он постарался отогнать ее. В чем бы ни заключался их план, все равно он был лучше того, чтобы остаться здесь, перед тягостным выбором.

— Я все объясню вам по пути, — твердо пообещал Хэмфри.

Дав шпоры своему коню, рыцарь повел маленький отряд по дороге прочь из Монтроза. В хвосте процессии переваливалась по рытвинам и ухабам крытая повозка, а впереди освещала путь кроваво-красная луна.

Толпа мужчин молча смотрела на одинокую фигуру, которая шагала по образованному ими проходу, направляясь к платформе в центре лагеря. Над лиманом еще висели клочья тумана, и утренний воздух уже сочился влажностью, обещая очередной жаркий и душный день. Небо на востоке отливало жидким золотом, и его жирные отблески скользили по лицам сотен людей, обступивших помост. Перед платформой под присмотром рыцарей из

личной свиты короля выстроились в ряд несколько человек. Они старались держаться вместе, бледные и подавленные, чувствуя себя карликами в сравнении с колоссальным деревянным сооружением, которое зловеще нависало над ними. И у немногих из них достало мужества посмотреть на одинокого мужчину, неумолимо приближавшегося к ним.

Роберт Брюс, лорд Аннандейл, ждал в рядах английской знати, не отрывая глаз от Джона Баллиола, медленно приближавшегося к ним. Король Шотландии исхудал и высох, глаза у него ввалились. Лицо у него было серым, несмотря на жару, и золотая накидка с королевским гербом Шотландии была единственным ярким пятном в его облике.

После разгрома под Данбаром Баллиол бежал вместе с Коминами, но король Эдуард столь безостановочно и неумолимо двигался на север, а замки и города с такой быстротой сдавались на его милость один за другим, что королю Джону и остаткам его людей попросту негде было укрыться. Недели, проведенные в дороге, явственно сказывались на его опустошенном лице и изможденном теле. В июне он написал Эдуарду о том, что расторгает военный союз с Филиппом и предлагает безоговорочную капитуляцию. И вот теперь, униженный и отчаявшийся, он являл собой живое воплощение обреченного человека, ждущего, когда на шею ему опустится топор палача.

Когда Баллиол шаркающей походкой прошел мимо, Брюс вытянул шею, жалея, что враг ни разу не взглянул в его сторону и не увидел, что он стоит здесь, наблюдая за его последними мгновениями в роли короля. Но взгляд Баллиола не отрывался от помоста впереди. Толпа медленно смыкалась за ним.

Баллиол подошел к пленникам, согнанным в кучу перед помостом, и те вынуждены были расступиться, освобождая ему дорогу к помосту. Какой-то мужчина шагнул вперед, словно желая что-то сказать королю, но рыцари свиты рукоятями мечей немедленно заставили его вернуться на место. Брюс, глядя поверх голов стоящих впереди, понял, что это был Джон Комин. Лорд Баденох отступил назад, не отрывая взгляда от шурина, который уже медленно поднимался по ступеням. Рядом с Комином стояли его сын и наследник, опальный супруг Джоанны де Валанс, а также Темный Комин и графы Атолл, Ментейт и Росс. Брюс окинул их быстрым взглядом. Многие из них были товарищами его отца. Но, как и для него, их время прошло. Прошлое должно остаться в могиле, вместе с костями павших. В Шотландии наступала новая эра.

Услышав, как его сын Эдвард прошептал что-то на ухо одному из его вассалов, Брюс обернулся и ожег его яростным взглядом, призывая к молчанию. Утром, узнав о том, что Роберт отбыл в неизвестном направлении по поручению короля, Брюс пришел в ярость. Он долго и с пристрастием расспрашивал Эдварда, но или сын его оказался лучшим лгуном, чем он предполагал, или же действительно не знал, почему старший брат исчез безо всяких объяснений. Но с тех пор ярость лорда сменилась холодным гневом, и он даже почувствовал некоторое облегчение.

С самого начала войны и своего союза с королем Англии он ни разу открыто не признал, что именно его сыну принадлежит право на трон, но в глубине души он сознавал это, и эта правда разъедала его изнутри. Обуреваемый страхом, что Роберт может предъявить претензии на престол, он постарался максимально отдалить от себя сына, и так ощущавшего себя лишним, чем лишь усугубил существовавшее между ними отчуждение. Брюс позволил себе надеяться, что отсутствие Роберта в столь важный момент кампании, которую уже много лет вела их семья, означало, что он решил отказаться от борьбы. Лорд Аннандейл искренне рассчитывал, что так оно и есть, потому как сам он расставаться с

мечтой о троне не собирался. Отец обошел его наследством, чтобы унижить. Но отныне он сумеет исправить причиненное ему зло. И еще он надеялся, что старый лорд сейчас переворачивается в могиле.

Когда Брюс перевел взгляд на платформу, то увидел, что Баллиол уже добрался до самого верха и шел к ее центру, где его ждал тесть, Джон де Варенн, со свитком пергамента в руках. За спиной графа Суррея толпились судейские, стряпчие и королевские чиновники, в числе которых был и епископ Энтони Бек. Они стояли по обе стороны трона, на котором восседал король Эдуард. С такого расстояния лицо короля виднелось Брюсу размытым пятном, зрение у него было уже не то, что прежде, но он не сомневался, что Эдуард не сводит взгляда с Баллиола. Зазвучал хриплый и мрачный голос графа Суррея, когда он развернул документ и стал зачитывать обвинения против Баллиола, чьи изменнические действия в качестве вассала короля Англии привели к конфискации его владений. И теперь акт его безоговорочной капитуляции предусматривал, что он передает королевство и символы власти своему сюзерену.

Закончив чтение, Джон де Варенн отступил назад, глядя куда-то поверх головы своего опозоренного зятя. На мгновение Баллиол остался один. Он неуверенно огляделся по сторонам, а затем болезненно поморщился, когда к нему шагнули два рыцаря из личной свиты короля. Каждый из них держал в руках кинжал. Кое-кто из шотландских вельмож, стоявших внизу, начал было протестовать, но люди короля не намеревались причинять низложенному монарху физического вреда. Вместо этого они принялись срезать золотые нити, которыми к накидке Баллиола был пришит свирепый красный лев, вставший на задние лапы. Отрешенное выражение на лице Баллиола показывало, что он знал о том, что ему предстоит. Когда голова вышитого льва была отпорота от накидки, один из рыцарей передал свой кинжал товарищу и взялся обеими руками за кусок материи. Одним сильным рывком он сорвал королевский герб с мантии. Толпа нестройно захлопала в ладоши, раздались радостные выкрики, которые, впрочем, быстро стихли. Баллиол покачнулся и едва не упал, но рыцари подхватили его под руки, и он остался стоять перед ассамблеей в золотой накидке, из которой торчали красные нити.

Король Эдуард сделал Джона Баллиола королем Шотландии. Теперь он низложил его. Брюсу даже показалось, что в золотых лучах рассвета он заметил слезы на испещренном оспинами лице Баллиола.

Когда Баллиола свели вниз по ступеням с помоста, чтобы препроводить в Тауэр вместе с остальными шотландскими вельможами, король Эдуард поднялся на ноги. Видя, что тот намеревается сойти с платформы, окруженный своими приближенными, Брюс принялся поспешно протискиваться сквозь толпу. Ему так и не удалось добиться аудиенции у короля Англии, который пригласил его стать свидетелем столь значимого события. Нетерпение подталкивало лорда Аннандейла к действию.

— Милорд король!

Брюс не обращал внимания на возмущенные выкрики и жалобы, вызванные тем, что он буквально ломился сквозь толпу, пытаясь привлечь внимание короля. Он уже почти догнал Эдуарда, который двигался по лагерю в сопровождении Джона де Варенна и своих главных советников, когда путь ему преградили два рыцаря из личной свиты короля. Видя, что они настроены чрезвычайно решительно, Брюс упавшим голосом окликнул короля, глядя в его удаляющуюся спину.

— Милорд, умоляю вас. Я должен поговорить с вами!

Эдуард обернулся, вперив свой взгляд в Брюса, который стоял меж двух рыцарей с лицом, раскрасневшимся от усилий, когда он пробивался сквозь толпу. Сановники Эдуарда обернулись вместе с ним, желая увидеть, кто это осмелился надоедать монарху.

— Милорд, — начал Брюс и сделал паузу, чтобы перевести дыхание и вернуть себе некое подобие достоинства. — Я хотел поговорить с вами о деле чрезвычайной важности. — Видя, что Эдуард продолжает молча смотреть на него, словно предлагая изложить свое дело здесь и сейчас, Брюс добавил: — Наедине.

Взгляд Эдуарда не дрогнул и не утратил холодности.

— Сейчас у меня очень мало времени. Я приму своих вассалов в следующем месяце в Бервике, когда завершу марш на север. Там я приму клятву верности от своих шотландских подданных. Тогда вы и сможете поговорить со мной, сэр Роберт Аннандейл. — И он повернулся, собираясь двинуться дальше.

Видя, что то, чего он так добивался, тот желанный приз, который он так жаждал заполучить и который был так близко, ускользает от него, лорд Аннандейл забылся и потерял голову.

— Я настаиваю, милорд! — крикнул он в спину королю, и голос его громко прозвучал в мертвой тишине.

Словно по команде, на лицах сановников отобразилось ошеломленное недоумение, а королевские рыцари положили ладони на рукояти мечей, явно намереваясь обнажить их, вздумай он сделать хоть шаг вперед.

Эдуард медленно повернулся, и солнце высветило каменную твердость жестких черт его лица. Серые глаза короля опасно сузились, и он пронзил Брюса ледяным взором, в котором сквозили сила и власть.

Поняв, что переборщил, Брюс поспешил отказаться от своих слов.

— Я всего лишь хотел сказать, милорд, что дело это не терпит отлагательства. — Не обращая внимания на надменные взоры сановников, он продолжал: — Теперь, когда король Джон лишен своего титула, трон Шотландии опустел. Мой отец имел право занять престол после Баллиола, как и было определено вами во время слушаний, но с его смертью в минувшем году это право перешло ко мне. Вы сами изволили признать это, когда назначали меня губернатором Карлайла.

Долгое время король Эдуард хранил молчание. А когда заговорил, в его ледяном тоне прозвучала язвительная насмешка.

— Значит, вы полагаете, сэр Роберт, что мне более нечем заняться, чем завоевывать для вас королевства?

Когда король двинулся прочь в сопровождении сановников, рыцари развернулись и последовали за ним, оставив лорда Аннандейла одного, оглушенного и растерянного, в гуще замершей толпы.

Выехав из Монтроза, рыцари помчались во весь опор, останавливаясь ненадолго, чтобы дать возможность лошадям передохнуть, когда те более просто не могли скакать дальше. Шел уже третий день пути, солнце клонилось к горизонту, подступали сумерки, и, когда они спустились с холма, Роберт вдруг понял, что видит вдалеке обнесенный стенами городок

Перт, раскинувшийся на берегах могучей реки Тей. А совсем близко, в миле или около того, находился королевский город Скоун, где они с дедом поднимались на холм Мут-Хилл и старый лорд рассказывал ему о битве при Льюисе и причинах своей ненависти к Коминам.

Когда они подъехали к окраине Скоуна и кони затрусили по разбитой дороге, а крытая повозка загромыкала позади них, Хэмфри жестом показал, чтобы они двигались помедленнее. После недолгого колебания он свернул направо, на узкую тропинку, уводившую в редкий лесок. Колеса повозки со скрипом переваливались через ухабы и рытвины, с хрустом перемалывая упавшие сучки. Лес вокруг кишел своей невидимой жизнью, деревья перешептывались, ветви их сплетались, образуя редкую паутину, сквозь которую было видно пурпурное небо и высыпавшие на нем первые звезды. Вскоре они выехали на поляну. Хэмфри огляделся и, очевидно вполне удовлетворенный, подал знак остановиться.

— Мы собираемся разбить лагерь, сэр Хэмфри? — любопытствовал Роберт Клиффорд, вглядываясь в густые тени под Деревьями.

— Нет, — откликнулся Хэмфри и, морщась, спешил. Кольца кольчуги под его накидкой жалобно звякнули. — Доставайте щиты, — обратился он к двум рыцарям из свиты короля, которые управляли крытой повозкой.

Остальные последовали его примеру, слезая с лошадей, с недоумением поглядывая друг на друга и на Хэмфри, который накинуд поводья своего жеребца на сук и остановился посреди поляны, поджидая их. Спустя несколько мгновений они присоединились к нему, и единственным звуком, нарушавшим тишину, стал скрежет щитов, которые рыцари доставали из повозки.

Оставив Хантера объедать листочки с кустов, Роберт пересек поляну и подошел к Хэмфри. Весь долгий путь тот упорно хранил молчание, и Роберт чувствовал, как в нем нарастает глухое раздражение. Облегчение, которое он испытывал поначалу, когда они покинули Монтроз, испарилось под тяжестью возникших у него вопросов, на которые Хэмфри до сих пор отказывался отвечать.

— Хватит с нас таинственности, — заявил Роберт, прежде чем кто-либо успел открыть рот. — Что мы делаем, Хэмфри? Мы скачем вот уже три дня, не имея ни малейшего представления о том, куда направляемся и для чего все это нужно.

— Я очень сожалею об этом, — заявил Хэмфри, глядя Роберту прямо в глаза, — но такой приказ я получил от самого короля Эдуарда. Он взял с меня клятву, что я не нарушу его. — Он обвел взглядом остальных своих спутников. — Быть может, вы заметили, что мы описали большой круг. За этими деревьями лежит королевский город Скоун, который мы проезжали на пути в Монтроз. Это и есть пункт нашего назначения.

Двое рыцарей начали раздавать своим товарищам щиты с изображением дракона.

Когда они разобрали их, Роберт вдруг ощутил, что на него снизошло озарение, и он догадался обо всем. По коже его пробежали ледяные мурашки, и он ахнул.

— Камень, — выдохнул он, глядя в лицо Хэмфри. — Вот в чем дело, не так ли? Ты приехал за Камнем Судьбы?

Их спутники начали переговариваться, и в их приглушенных голосах зазвучало сдерживаемое напряжение.

— Трон, — пробормотал Ги де Бошам. — Третья реликвия.

Но Роберт уже не слушал его.

Хэмфри кивнул в знак согласия:

— Камень — одна из четырех реликвий, о которых говорится в Последнем Пророчестве Мерлина.

— Почему я не знал этого? — выкрикнул Роберт, чувствуя себя преданным. Он понял, что ярость его вот-вот вырвется наружу. — Почему ты мне ничего не сказал?

Голос Хэмфри зазвенел от сдерживаемого волнения:

— Я ничего не сказал тебе, потому что ты вернулся в Шотландию всего через какой-нибудь месяц после того, как тебя приняли в орден. У меня просто не было времени рассказать тебе все и объяснить.

— Что объяснить? Что ты собрался силой захватить мой трон?

— Твоя семья потеряла права на престол, когда его занял Баллиол, — негромко ответил Хэмфри. — Король Эдуард не собирается подыскивать на него нового претендента, во всяком случае, сейчас. Шотландия станет частью Англии, как до этого Уэльс и Ирландия. Камень больше не нужен здесь. На нем не будут короноваться новые короли.

— Уэльс и Ирландия — это совсем другое, — голос Роберта с новой силой зазвучал на поляне. — Шотландия — независимое королевство, у которого есть свои свободы. От этого нельзя просто так взять и отмахнуться!

В спор вмешался Ральф де Монтермер и заговорил увещевающим тоном:

— Наше вторжение лишь показало, насколько слаба Шотландия в одиночку. А в союзе с Англией она станет намного сильнее. От этого выиграют обе страны. Теперь, когда договор расторгнут, мы сможем вместе покорить Францию и вернуть нашему королю его земли обратно. Будьте же благоразумны, сэр Роберт. Если бы вы не верили в дело Эдуарда, то не сражались бы на его стороне против своих же соотечественников.

Прежде чем Роберт успел что-либо возразить, в разговор вновь вступил Хэмфри:

— В пророчестве говорится, что, если все четыре реликвии Брута не будут собраны под одной рукой, Британия будет разрушена. А это означает, что Шотландия пострадает так же, как и Англия. И мы должны забрать камень, чтобы этого никогда не случилось.

— Откуда вы знаете, что пророчество настоящее? — вспыхнул Роберт, глядя на них. — Разве кто-нибудь из вас видел ту книгу, с которой и был сделан королевский перевод? Нет. Она заперта и хранится в надежном месте, не так ли? Предположим, она слишком хрупка для того, чтобы извлечь ее оттуда.

— На вашем месте, сэр Роберт, — предостерег его Ральф, — я был бы осторожнее с такими предположениями.

— Но даже если это правда, — продолжал Роберт, обращаясь к Хэмфри, — это совсем не означает, что книга была написана как раз о нашем времени. А что, если опасность, которую предвидело Последнее Пророчество, миновала много лет назад? Или это опасность, с которой Британии только предстоит столкнуться через сотню лет в будущем? Я читал «Историю» Гальфрида Монмутского, еще когда был мальчишкой, а потом перечел ее еще раз, когда вернулся в Шотландию. Да, он говорит об определенном моменте, когда должны быть собраны воедино некоторые реликвии, но не указывает, когда наступит этот самый момент.

— Последнее Пророчество не просто указывает на реликвии, которые должны быть собраны, по словам Гальфрида Монмутского, — ответил Хэмфри. — Оно также говорит о событиях, которые провозвестят падение Британии в бездну хаоса. О знаках, которые нужно искать. — Он поколебался, словно не зная, стоит ли продолжать или нет, но потом все-таки добавил. — Одним из таких событий стала смерть короля Александра.

Роберт выслушал его слова в полном молчании. До сих пор какая-то часть его не верила в реальность древнего пророчества. Он знал, что и другие рыцари, например, Эймер и Генри Перси, тоже не верили в него истово, а скорее, подобно ему самому, видели в предсказаниях Мерлина возможность попасть в фавор к королю Эдуарду. Роберт прочел удивление на окружающих его лицах. Кажется, Хэмфри знал о пророчестве намного больше всех остальных.

— И король в нем упомянут по имени?

— «...Когда последний король Олбани умрет без видимой причины, — процитировал Хэмфри, — королевство погрузится в хаос. И сыновья Брута будут скорбеть об этом дне бесконечно».

— Александр? — спросил Роберт. — Александр Великий?

— Ну, кто еще, кроме провидца, мог предсказать, что такое случится? — вопросом на вопрос ответил Хэмфри.

— Почему никому из нас не рассказали об этом? — тишину нарушил голос Эймера.

— Об этом знают рыцари Круглого Стола, — ответил Хэмфри. — Вы тоже в свое время узнали бы, если бы вам предложили вступить в их число.

— С каких это пор ты получил доступ к Круглому Столу?

Хэмфри пропустил язвительный вопрос Эймера мимо ушей.

— Роберт, мне нужно, чтобы ты доверился мне и королю Эдуарду, как это было на протяжении всего прошедшего года. То, что мы делаем, — мы делаем для блага этих островов. — Тон его окреп, когда Роберт не ответил. — Ты принес клятву Рыцарям Дракона, став одним из нас и поклявшись хранить верность делу короля, которое связывает всех нас. Это и есть его дело, Роберт. Под его рукой следует собрать по одной реликвии из всех уголков старого королевства — из Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльса, — чтобы избежать всеобщего хаоса и разрушения. И если только ты сейчас не нарушишь клятву, это будет и твоим делом. Король рассказал мне, где хранится камень. Я смогу найти его сам, но выйдет быстрее, если ты покажешь дорогу. Я надеялся обойтись без кровопролития, — добавил Хэмфри. — Но если мы попадем в засаду, то может пролиться невинная кровь.

Роберт молча смотрел на Хэмфри, на лице которого была написана решимость. Он мог нарушить клятву, отказаться помогать ему и нажить себе врагов в лице всех здесь присутствующих, включая и самого короля. Или он мог поступить так, как просит его Хэмфри, и помочь исполниться пророчеству. Роберт ощутил, как еще сильнее, чем прежде, разрывается на части между верностью своему королевству и лояльностью к этим людям. И тут его смятенный разум пронзила ясная и отчетливая мысль. Он не мог отрицать очевидного, когда Ральф сказал, как легко англичане вторглись в Шотландию. Он и сам был ошеломлен этой легкостью. С самого момента смерти Александра дела в королевстве шли из рук вон плохо. *А что, если это правда? Что, если пророчество настоящее?* Ему нужно было время, чтобы обдумать все это и разобраться. Но они все смотрели на него, ожидая ответа. Времени-то как раз и не было.

Роберт ничего не сказал, а лишь молча протянул руку одному из рыцарей, который раздавал щиты.

Когда тот подошел к нему и протянул Роберту щит с драконом, Хэмфри повернулся к остальным.

— Мы должны проделать это быстро. Сэр Роберт Клиффорд и сэр Генри Перси помогут мне вынести камень из церкви аббатства. Как только мы погрузим его в повозку, то сразу же

уезжаем. Не поднимайте свое оружие ни на кого, пока на вас не нападут, — добавил он. Взгляд его скользнул по Эймеру де Валансу, который скривился в ответ и положил ладонь на рукоять своего меча.

Рыцари дружно поднялись в седла. Выехав из-за деревьев, они выстроились на дороге в боевой порядок и направились в аббатство Скоун. Роберт ехал впереди рядом с Хэмфри. Щит оттягивал ему руку, а из груди яростно рвалось наружу так и не успокоившееся сердце.

Свернув на узкую тропинку, которая по мосту привела их на другой берег речушки, они подъехали к аббатству, строения которого неясными очертаниями вздымались перед ними в сумерках. За деревьями, окружавшими аббатство, были видны дымки — там находился королевский город Скоун. Прибежище монахов не было обнесено стенами, и рыцари открыто въехали внутрь. Вокруг было тихо. Лишь в окнах невысокой постройки был виден свет факела; скорее всего, это была монастырская трапезная. Вдалеке Роберт разглядел деревья, выстроившиеся в круг на вершине холма Мут-Хилл. Он вспомнил, как дед стоял там рядом с ним в сгущающихся сумерках. Он вспомнил плиту, на которую опускали камень, и невероятное ощущение торжественности происходящего.

Хэмфри натянул поводья, останавливая лошадь, и остальные последовали его примеру. При звуках собственного имени Роберт понял, что рыцарь просит его показать, где находится церковь аббатства. Последний раз он был здесь несколько лет назад, шагая вслед за дедом по двору, но дорогу до сих пор не забыл. Дав шпоры Хантеру, он повел рыцарей мимо жилых помещений и садов к тому месту, где в розоватом полумраке возвышалась церковь. Они миновали несколько фигур, которые смотрели им вслед, пока они не скрылись в темноте. Какой-то человек в монашеской рясе закричал в тревоге, желая узнать, кто они такие, но рыцари промчались мимо, оставив его крик без ответа. Хэмфри обогнал Роберта, галопом приближаясь к церкви. У себя за спиной Роберт слышал хлопанье дверей и возбужденные голоса — топот копыт заставил монахов всполошиться. Где-то залаяли собаки. Времени у них оставалось все меньше.

Рыцари осадили коней у входа в церковь, и колеса повозки подняли тучу пыли. Воины спешили, и кое-кто даже потянул из ножен мечи, спеша к церкви. По команде Хэмфри несколько человек остались у дверей, а сам он, Перси и Клиффорд вошли внутрь. В церкви стоял запах благовоний и расплавленного воска. Оконные стекла тускло отражали отблески свечей. Роберт последовал за ними, накинув на голову капюшон, чтобы скрыть лицо. Он был рад тому, что на нем простая одежда. Здесь и сейчас красный шеврон Каррика выглядел бы клеймом предателя.

Передав свой щит с драконом Ральфу, Хэмфри зашагал по проходу, под строгими взглядами ангелов, смотревших на них с пилонов, направляясь к алтарю, перед которым на расшитой золотом ткани покоился камень, источавший бледное сияние. Перед внутренним взором Роберта вдруг встал отец, почти бегущий по тому же самому проходу, и нестройный протестующий хор шотландских магнатов у него за спиной. Он вспомнил о том, как яростно стремился заполучить этот приз его отец; древний камень, в котором нашли воплощение мечты и амбиции всей его жизни. Какая жестокая судьба, наконец, привела его, Брюса, сюда, но не для того, чтобы сесть на этот камень, а чтобы украсть его для чужеземца?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Генри Перси и Роберт Клиффорд последовали за Перси. Втроем они приподняли камень, Перси и Клиффорд ухватились за железные кольца по бокам, а Хэмфри поддерживал его снизу. Спотыкаясь под тяжестью камня, они медленно двинулись по

проходу обратно. Снаружи доносились крики, и Роберт понял, что они становятся ближе. Рыцари, оставшиеся охранять вход в церковь, закричали Хэмфри, чтобы он поторапливался. Когда Перси и Клиффорд подошли к нему, Роберт вытащил из ножен свой меч. Он не сводил взгляда с камня, который они несли и светлая поверхность которого переливалась в пламени свечей. Но к дверям часовни уже бежала толпа с факелами в руках. Большинство были монахами, но несколько человек походили на слуг или крестьян. У этих в руках были ножи и пики. Один человек вооружился топором.

Рыцари выстроились полукругом, прикрывая товарищей, так что Хэмфри и остальные оказались внутри. Эймер де Валанс был в первом ряду. Роберт присоединился к ним, когда Перси и Клиффорд с трудом поволокли свою ношу к повозке. Хэмфри выпустил камень и выхватил свой щит из рук Ральфа. Он шагнул вперед, навстречу приближающейся толпе.

Монахов Скоуна возглавлял сутулящийся, пожилой мужчина; аббат, вне всякого сомнения, судя по его подбитой мехом сутане. На лице его отразился ужас, когда он увидел Перси и Клиффорда, уносящих священный камень.

— Во имя Господа, что все это значит? — хриплым голосом пожелал узнать он, остановившись перед рыцарским полукругом. — Кто вы такие?

— Мы — Рыцари Дракона, — отозвался Хэмфри. — Мы прибыли по приказу короля Эдуарда, герцога Гасконского, повелителя Ирландии, покорителя Уэльса и верховного сюзерена Шотландии, чтобы забрать Камень Судьбы. Не мешайте нам, и вам не причинят зла.

— Клянусь Богом, я это сделаю, — пробормотал аббат, делая шаг вперед. Мужчина с топором последовал за ним по пятам. Голос аббата дрожал и срывался, а его покрытое морщинами лицо в свете факелов обрело каменную твердость. — Я намерен помешать вам!

Перси и Клиффорд старались загрузить камень в повозку. Ральф поспешил им на помощь.

— Никто из нас не отступит в сторону, — продолжал аббат, возвысив голос. В ответ монахи, сгрудившись в кучу, подались вперед. На лицах большинства из них читался ужас.

— Тогда ты умрешь, — прорычал Эймер де Валанс.

Хэмфри окликнул его, но Эймер не обратил на него внимания и сделал выпад в сторону аббата, который в замешательстве отшатнулся. Но, прежде чем Эймер успел нанести удар, Роберт дотянулся своим клинком до шеи Эймера. Он успел остановить руку в самый последний момент, но кончик его меча замер, касаясь шеи Эймера над самым воротником кольчуги. Рыцарь застыл, как вкопанный, запрокинув голову и стараясь не смотреть на стальное лезвие, нацеленное ему в горло.

— Опустить оружие, — процедил сквозь зубы Роберт. — Или я отсеку тебе башку.

Сверкающий взгляд черных глаз Эймера впился в Ги, который стоял за спиной у Роберта.

— Ну, давай! — прошипел он. — И я умру, видя, как тебя проткнули насквозь.

Роберт ощутил прикосновение острия меча Ги к своей спине.

Мужчина с топором шагнул вперед, взгляд его метался от Эймера к Роберту и обратно, и он втянул голову в плечи, словно собираясь нанести удар. Кое-кто из монахов тоже стал подбираться поближе, сжимая в руках палки и ножи. Откуда-то донесся звон колокола, а издали, со стороны городка, слышались крики. Помощь была уже близка.

Хэмфри шагнул вперед:

— Роберт. — Когда Роберт не шелохнулся, рыцарь положил руку в латной рукавице на

клинок его меча и решительно пригнул его вниз.

В то же мгновение Эймер отступил назад. Увидев это, мужчина с топором замахнулся. С быстротой молнии Эймер обернулся и проткнул его насквозь, крикнув от натуги, всаживая меч в живот и поворачивая его в ране. Глаза у мужчины полезли на лоб, а рот приоткрылся. Топор со звоном выпал у него из рук на утоптанную землю. Аббат громко вскрикнул, когда Эймер с усилием выдернул клинок из раны, а мужчина упал сначала на колени, а потом повалился набок, зажимая живот обеими руками.

В толпе вокруг раздались крики. Кое-кто отпрянул назад, другие, наоборот, подались вперед. Когда один из монахов потянулся к Хэмфри с ножом, рыцарь ударил его рукавицей в лицо. Послышался треск кости, переносица сломалась, и мужчина, пошатываясь и закрывая лицо руками, отлетел назад, а между пальцев у него потекла кровь. Остальные рыцари встали плечом к плечу, образуя живой щит и прикрывая собой Перси и Клиффорда, которые, наконец, взгромоздили камень на повозку. Рыцари слитно шагнули вперед, поднимая щиты, и Роберт оказался зажат между ними. Во главе их теперь был Эймер, с меча которого капала кровь. Двое монахов схватили аббата под руки и оттащили в сторону, чтобы он не оказался у рыцарей на пути.

— Уходим! — закричал Ральф.

Среди деревьев замелькали огни факелов — это люди из города спешили узнать, что за шум поднялся в аббатстве. Вскочив в седло, Ральф возглавил процессию, и рыцари на облучке повозки щелкнули хлыстами, посылая коней в легкий галоп.

— Уходим! — выкрикнул Хэмфри, подбегая к своей лошади.

Повозка подпрыгивала на неровностях дороги, и кони влекли ее прямо на толпу монахов. Те бросились врассыпную. Двое попытались схватить ее за борта, когда она пролетала мимо. Один, сбитый с ног колесом, откатился в сторону. Другой сумел удержаться несколько мгновений, но потом повозка опять подпрыгнула на ухабе и он полетел наземь.

Рыцари прыгали в седла и давали шпоры своим коням, оставив человека, пронзенного мечом Эймера, истекать кровью на площадке перед входом в церковь. В суматохе капюшон Роберта соскользнул с его головы, и, хватаясь за повод Хантера и взлетая в седло, он встретил взгляд аббата. В лице старика не было узнавания, одна лишь бессильная ярость.

Роберт во весь опор поскакал вслед за Рыцарями Дракона. Впереди, в брюхе повозки, подскакивал вместе с нею на неровностях почвы Камень Судьбы. Перед внутренним взором Роберта всплыло лицо деда, и его черные глаза пылали неукротимым бешенством.

...Тою порой навестить Мерлина, вещего мужа, в лес пришел Тельгесин, что послан был им в обученье; должен узнать он был, что такое тучи и ветер, ибо в тот миг налетели они и туманы сгустили.

Гальфрид Монмутский.

Жизнь Мерлина

Английский юстициар Шотландии, сэра Уильяма Ормсби, стоял у окна в зале ратуши, глядя на королевский город Скоун. Из отверстий в крышах курился слабый дымок, исчезая в белом небе. Где-то там, наверху, затерялось солнце, пытаясь пробиться сквозь плотную завесу тумана. Ормсби чувствовал, как под мышками у него собирается пот. Его подбитая мехом мантия напоминала тяжелые доспехи, и ему хотелось скинуть ее поскорее, но сегодня утром у него было назначено еще много встреч. Очередной проситель, как ему доложили, уже ожидал внизу. Ормсби собирался заставить его подождать еще немного. Хорошо, когда они начинали нервничать и волноваться еще до того, как предстать перед ним. Он обнаружил, что после этого просители обычно тратят меньше слов на изложение своих жалоб.

А внизу люди занимались своими делами и месили грязь на непролазных улицах. Ормсби смотрел, как тощий свинопас загонял свое стадо в огороженный загон. Дальше по улице куда-то неспешно шествовал, шаркая ногами, монах нищенствующего ордена. Он остановился, когда из лавки мясника перед ним вышла женщина в потрепанной шали, прижимая руками к груди тонкий сверток. Тут и там среди горожан виднелись солдаты с пристегнутыми на бедрах мечами. В своей яркой военной форме они резко выделялись среди пообносившихся жителей Скоуна, и у каждого предплечье было перевязано белой лентой с красным крестом Святого Георга. Носить повязки предписал своим указом король Эдуард, чтобы англичане издали узнавали друг друга. Красные кресты передвигались по улицам группами по два-три человека или прохаживались неподалеку от ратуши, положив ладони на рукояти своих мечей. В последние дни их количество увеличилось — из Бервика прибыли подкрепления после того, как стали распространяться слухи о начавшихся беспорядках. Правда, по большей части, беспорядки эти происходили в горной части Шотландии, в Хайлендсе, далеко к северу от Скоуна, да еще на западе, где Макруари захватили, разграбили и сожгли три патрульных корабля, курсировавших между островами. Макруари представляли собой печально известное семейство, все как один наемники и головорезы, готовые захватить любой корабль, отбившийся от каравана на их территории, под каким бы флагом он ни шел. Чиновники-англичане в Бервике не желали рисковать своими шеями и усилили все основные гарнизоны.

Пока Ормсби стоял у окна, двое солдат отделились от стены ратуши и направились к группе нищих оборванцев, которые вышли откуда-то из переулка и поплелись за горожанами с протянутой рукой. Они более походили на животных, чем на людей, завернутые в дырявые шкуры, прикрывающие их костлявые тела, со спутанными в колтун волосами и покрытыми слоем грязи лицами. Этих тоже стало больше, чем два дня тому. С тех пор, как Ормсби получил должность юстициара, зрелище нищих монахов или прокаженных с трещотками сменилось картиной бывшего вольного люда, лишившегося домов и лавок и теперь вынужденного просить милостыню на улицах. Хотя и лучше одетые, они явно терпели нужду и лишения, которые в ближайшие месяцы грозили накрыть их серым одеялом безысходности. Ормсби становилось не по себе при мысли о том, как быстро может низко пасть совсем еще недавно достойный человек, пусть и не являвшийся столпом общества.

Солдаты жестами приказывали нищим убираться с глаз долой и от греха подальше. Один из них даже толкнул бродягу, который, на его взгляд, двигался чересчур уж медленно. Отвернувшись от окна, Ормсби вернулся к своему столу, заваленному свитками пергамента. В просторной зале ратуши, заставленной прекрасной мебелью и украшенной гобеленами, заседали четыре клерка, согнувшиеся за своими столами, и два королевских чиновника, негромко совещающиеся о чем-то над очередным документом. Один из клерков, сидевший ближе всего к Ормсби, оглянулся на юстициара. На кончике носа у него сидели очки в толстой деревянной оправе, отчего он показался Ормсби похожим на большеглазую рыбу, тупо мигающую, глядя на него.

— Позвать следующего, сэр?

Ормсби сделал глубокий вдох.

— Зовите. — Он уселся за свой стол, когда клерк пересекал большую залу.

После короткого разговора с солдатом снаружи клерк вернулся на свое место и прицелился в свежий лист пергамента гусиным пером. Через несколько мгновений в залу в сопровождении двух солдат вошел человек, нервно сжимающий в руках свою шапочку.

Когда его подвели к Ормсби, юстициар заметил, что фетровая шапочка выглядит безнадежно погубленной, словно мужчина мял ее в руках уже некоторое время. Удовлетворенный увиденным, он одарил просителя фальшивой официальной улыбкой.

— Доброго вам дня, мастер Дональд.

— Сэр, — пробормотал мужчина, с опаской оглянувшись на двух солдат, которые вышли из залы.

— Шериф сообщил мне, что вы отказываетесь платить налог на содержание своего хозяйства в этом сезоне.

— Нет, сэр, — твердо ответил Дональд. — Я не отказывался. Мне просто нечем платить.

— Разве это не одно и то же?

Дональд коротко качнул головой, но ничего не сказал. В тишине был слышен лишь скрип пера чиновника, прилежно записывающего их разговор.

Ормсби ощутил укол нетерпения. Совершенно очевидно, эти неотесанные мужланы не представляют, с кем имеют дело. Сегодня это был уже четвертый за утро, который дал ему вот такой ответ, буквально слово в слово. И тут юстициар понял, что мужчина смотрит ему прямо в глаза, продолжая мять в руках свою шапочку. И первое дуновение тревоги нарушило безмятежное спокойствие Ормсби. Это что же, заговор против него, устроенный местными землевладельцами? Нет, так не пойдет. Хью де Крессингэм в Бервике недвусмысленно

заявил, что подати должны быть уплачены вовремя. Лорды, подобные сэру Генри Перси, которому были пожалованы после оккупации земли Галлоуэя и Эйра во владение, еще не получили от них ни пенни дохода, и именно об этом следовало думать в первую очередь. Поговаривали, что сам сэр Джон де Варенн до сих пор не дождался причитающихся ему налоговых сборов. В общем-то, Ормсби не слишком жалел об этом. Прошлой осенью граф стал генерал-губернатором Шотландии, но всего через несколько недель после того, как король Эдуард пересек границу в обратном направлении, Варенн последовал за ним, предпочитая проводить время в своих владениях в Йоркшире. Крессингэм же, напротив, проявил себя требовательным надсмотрщиком, и не годилось злить человека, который, в отсутствие Варенна, стал фактическим правителем Шотландии. Воспоминания о нищих внизу на улице еще не успели выветриться из памяти Ормсби, и он натужно поднялся с места.

— Эти деньги принадлежат нам по закону, мастер Дональд. Отказываясь уплатить их, вы нарушаете закон. А это уже преступление, которое подлежит наказанию.

Дональд растерянно заморгал, но вновь покачал головой.

— Сэр, у меня просто нет этих денег. Рента для меня слишком высока, чтобы я мог платить ее. — Он поколебался, но потом поспешно продолжил: — Она слишком высока для всех. Люди теряют все. Целые семьи голодают, дети болеют. Животных забивают безо всякой пользы, потому что их нечем кормить. Наши церкви приходят в упадок, а клириков заставляют отдавать все, что у них есть, в пользу Изменника. — Он вдруг умолк, сообразив, какую только что допустил ошибку.

Изменник. Ормсби уже приходилось слышать это прозвище раньше, хотя и не так открыто. Так скотты прозвали Крессингэма. В душе оно ему очень нравилось, потому как он недолюбливал королевского казначея, который считал себя главным в королевском административном центре в Бервике. Сам Ормсби был поставлен здесь, дабы делать свое дело, а потому не мог позволить, чтобы дерзость или иные недостатки некоторых достойных сожаления личностей помешали ему в этом. Он водрузил ладони на заваленный бумагами стол, отчего несколько свитков пергамента полетели на пол.

— Тот, кто ценит деньги выше собственной свободы, глупец, мастер Дональд. Потому что в вашем случае ставки именно таковы. На карту поставлена ваша свобода.

Мужчина покраснел, но не отвел глаз от лица Ормсби.

— Свобода? — негромко спросил он. — Вот, значит, как обстоит дело?

Снаружи донеслись крики. Но ни Ормсби, ни Дональд не обратили на них внимания.

— У меня имеются полномочия арестовывать любого, кто отказывается платить налоги вовремя. И я *готов* вполне ими воспользоваться. Не испытывайте мое терпение!

Крики стали громче, теперь к ним присоединился и топот бегущих ног. Клерк перестал царапать пером по листу пергамента и поднял голову, так что стекла его очков вопросительно блеснули в дневном свете. Ормсби прервал свою тираду, резко развернувшись в ту сторону, откуда в залу вкатился мощный рев, захлестнувший ее целиком. Сквозь неразборчивый шум донесся стук копыт. Чиновники отложили в сторону документ, который обсуждали, а клерки поднялись из-за столов. Ормсби подошел к окну и выглянул наружу.

Из леса, окружавшего город, высыпала толпа людей. Некоторые скакали на лошадях, другие попросту бежали. Все они были вооружены, главным образом, топорами или пиками. Лишь немногие могли похвастать кольчугами и накидками, а все прочие были обряжены в

кожаные дублеты. На части нападавших были короткие туники, которые предпочитают горцы. И еще у них были голые ноги, от бедра до пятки, что изрядно встревожило Ормсби, только слышавшего об этих диких людях с севера. На бегу они орали на разные голоса, сотрясая воздух устрашающими боевыми воплями. В их громких криках Ормсби разобрал одно имя, которое стало кличем для группы всадников в кольчугах, скакавших вслед за грузным мужчиной на коне, накрытом прекрасной боевой попоной.

— За Дугласа! — горланили они. — *За Дугласа!*

Внизу, под окнами, во все стороны разбегались жители города. Английские солдаты собрались в ударный кулак у дверей ратуши, обнажив мечи, но, пока Ормсби наблюдал за происходящим из окна, группа нищих, только что прогнанная отсюда, сбросила с себя рвань и лохмотья, под которыми обнаружили мускулистые и крепкие воины. С громкими криками они напали на англичан, и в воздухе замелькали обнаженные клинки.

На лестнице, ведущей в большую залу, застучали торопливые шаги. Дверь распахнулась, и на пороге возникли двое солдат.

— Нужно уходить, сэр!

Клерки и чиновники уже спешили в противоположный конец комнаты. С ними побежал и Дональд.

Ормсби остался стоять, словно пригвожденный к месту.

— Кто они такие? — высоким, срывающимся голосом пожелал узнать он, вновь поворачиваясь к окну, в которое уже было видно, как вооруженная орда ворвалась в город. Взгляд его впился в высокого мужчину, настоящего гиганта, который не просто бежал, а огромными прыжками неся в передних рядах. Выше всех окружающих на целую голову, легкий на ногу, он был одет в простую темно-синюю тунику и металлическую каску с широкими, опускающимися книзу полями. Казалось, остальные просто стараются не отстать от него. Но, в первую очередь, внимание Ормсби привлек клинок, которым размахивал мужчина. Он еще никогда не видел такого длинного и широкого меча — даже этому гиганту приходилось сжимать его обеими руками.

И теперь в реве толпы уже можно было различить еще одно имя.

— *Уоллес! Уоллес!*

Когда отряд въехал в ворота замка Карлайл, часовые пропустили его, а потом поспешно задвинули массивные засовы обратно. Роберт, едущий во главе восьмерых рыцарей, заметил, что стражников стало больше, чем четыре дня тому, когда он уезжал. На их лицах, мокрых от утреннего дождя, читалось напряженное внимание.

Доехав до внутреннего двора, Роберт и рыцари спешили, и капли дождя срывались с их капюшонов. Здесь было шумно, слуги таскали корзины с овощами и поленьями на кухни. Когда Роберт передал поводья Хантера груму, который поспешил к нему из конюшни, его встретил один из людей отца.

Подойдя, рыцарь любезно наклонил голову, но улыбки на его лице не было.

— Сэр, губернатор хотел видеть вас немедленно по вашем возвращении.

Роберт промок до костей и устал, но сейчас было легче просто подчиниться. Чем скорее он повидается с отцом, тем скорее сможет вернуться в свои покои и завалиться спать,

прежде чем его отправят с очередным поручением. Коротко кивнув своим людям, он последовал за рыцарем по двору, а потом и вверх по ступеням в залу.

Постучав в двери залы, чтобы объявить об их приходе, рыцарь отступил в сторону, предоставляя Роберту право войти одному. Роберт снял перчатки для верховой езды и принялся разминать затекшие суставы рук, шагая через всю залу под нависшими потолочными балками. Стоял уже конец мая, но, похоже, в этом году весна не торопилась уступить свое место лету, и в обоих очагах ярко горел огонь. Его отец склонился над столом, который занимал всю длину помоста и поверхность которого сплошь усеивали документы. В нарушение общепринятых обычаев, лорд предпочитал вести дела здесь, а не в личном кабинете на верхнем этаже, в который Роберта приглашали крайне редко. На взгляд Роберта, огромная, похожая на пещеру зала, украшенная гигантским стягом с гербом Аннандейла, была призвана внушать уважение всем посетителям и заставить отца выглядеть величественнее, чем он был на самом деле. Шагая по полу, устланному соломенными тюфяками там, где на них спали солдаты гарнизона, Роберт вспомнил своего деда, который мог бы проводить военный совет в дровяном сарае и все присутствующие при этом ловили бы каждое его слово.

Когда Роберт приблизился, лорд Аннандейл поднял голову, но не пожелал обратиться к сыну со словами приветствия до тех пор, пока тот не взошел по ступеням и не остановился перед ним так, что их разделяло лишь пространство стола.

— У тебя есть что сообщить мне?

Прежде чем ответить, Роберт мысленно досчитал до десяти. В последнее время только так он мог выносить эти нечастые встречи. Загнав враждебность глубоко внутрь, он постарался не выдать ее ни единым словом.

— В округе все спокойно, отец, насколько я смог убедиться.

Взгляд голубых глаз отца впился в его лицо.

— Как далеко на север ты ездил?

— До самой границы, как вы и велели.

— И ничего не видел? Никаких признаков беспорядков?

— Нет, никаких.

После напряженного молчания лорд соизволил кивнуть:

— Хорошо. Последнее нападение на город мы отбили. Но если состоится следующее, я хочу быть предупрежденным о нем заранее.

— Я полагал, что мятежи происходят в Хайлендсе? — заметил Роберт. Отец ничего не ответил и лишь подался вперед, перебирая бумаги, лежавшие на столе. Роберт уловил исходящий от него кислый запах перегара и взглянул на кубок и кружку, которые, как два серебряных острова, возвышались в океане пергамента. «Интересно, сколько он уже сегодня выпил», — подумал Роберт, обводя взглядом заляпанные вином документы, на одном из которых красовалась большая печать, украшенная королевским гербом Англии. Со внезапно вспыхнувшим интересом молодой человек зацепился за него взглядом. Сам он не получал никаких вестей от королевского двора с тех пор, как Эдуард с армией пересек границу в сентябре, увозя с собой из Шотландии Камень Судьбы, Джона Баллиола и прочих шотландских пленников. — К вам обратился король? — с удивлением и некоторым даже презрением поинтересовался он у родителя.

Лорд рассматривал карту пограничной области между Шотландией и Англией, придавив края ее руками.

— Король Эдуард поручил мне защищать Карлайл, и он уверен в том, что с бунтовщиками, тревожащими его покой, будет покончено самым решительным образом. Я склонен согласиться с ним. Главарем у этих мужланов — человек без роду и племени, младший сын одного из вассалов милорда сенешаля. — Лорд оставил свой пренебрежительный тон. — Но хотя этот разбойник, Уильям Уоллес, сам по себе и не представляет угрозы для королевской власти, этого нельзя сказать о некоторых его сторонниках.

Роберт хранил молчание. Уоллес мог и впрямь быть человеком без роду и племени, досадной помехой, но его мятеж против администрации короля Эдуарда стал камнем, брошенным в пруд, от которого по воде во все стороны побежали круги. Роберт не знал о нем почти ничего, только то, что он отказался принести присягу королю во время английской оккупации. Уоллес, сын рыцаря, схлестнулся с людьми короля в городке Ланарк, после чего был объявлен вне закона. И с тех пор в пограничье ходили легенды о его нападениях на английские поселения, сопровождаемые слухами о все новых беспорядках по всей Шотландии.

— На самом деле короля тревожит, — продолжал его отец, — предательство сэра Уильяма Дугласа. Не успели его освободить из Бервика, как он присоединился к Уоллесу. Мятеж нескольких разбойников — одно дело, а вот отступничество благородного дворянина, подобного Дугласу, — совсем другое. Эдуард опасается, что его измена может вдохновить и остальных. С Уоллесом будет покончено в свое время. Сейчас самое главное — разобраться с Дугласом. Учитывая недавнюю гибель своего брата Эдмунда в Гаскони, король Эдуард сосредоточился на войне с Францией. Он не может заняться этим вопросом лично, посему поручил мне разобраться с ним. Пока Дуглас сражается вместе с большей частью своих рыцарей, принадлежащий ему замок защищают лишь его супруга и небольшой гарнизон. Я должен захватить в плен его жену и сына. Они будут взяты под стражу в Англии, и тогда Дуглас станет благоразумнее.

— Когда вы уезжаете? — спросил Роберт. Слова отца невыносимой тяжестью легли ему на сердце.

Лорд встретил взгляд Роберта, и в его глазах засветилось презрение.

— У меня достаточно забот и здесь, это очевидно и не нуждается в пояснениях. Этим займешься ты. — Не ожидая ответа, он продолжал. — Ты отправишься завтра прямо с утра, поедешь в Лохмабен и поднимешь людей Аннандейла. Конечно, замок Дугласа обороняет лишь небольшой гарнизон, но для того, чтобы взять его, потребуется сила. Привези жену и сына Дугласа ко мне. — Когда Роберт не сделал и движения, чтобы уйти, лорд раздраженно нахмурился. — В чем дело?

Эмоции Роберта нашли выход и, подобно струе пара, вырвались наружу, напрочь снося крышку котла, внезапные и обжигающие.

— А если вы бросите эту женщину и ее ребенка к ногам Эдуарда, отец, то как он вознаградит вас за послушание? Вы надеетесь, что троном? Или просто погладит по головке?

Старший Брюс выпрямился, и вся краска отхлынула у него от лица. Рука его непроизвольно дернулась, сметая со стола королевский приказ. Тот упал на пол, и большая восковая печать треснула по центру.

— Ты исполнишь свой долг, — напряженным голосом произнес он, — или лишишься своих земель. — Потянувшись за кубком, он жадно схватил его. — И, в любом случае,

уберешься с моих глаз.

Легкий ветерок охлаждал Роберту лицо, когда он смотрел на небесно-голубой рассвет. Брюс купался в лунном свете, и пот блестел на его ребрах и мускулах плеч и груди. Всего лишь через месяц он отпразднует свой день рождения. Двадцать три года не прошли даром для его тела, оно стало высоким и стройным, как у деда, закаленное более чем десятилетием постоянных тренировок. Широкие плечи переходили в длинную спину, на которой перекачивались бугры мускулов, и руки, перевитые узлами вен. В минувшем году на его груди начали расти мягкие темные волосы, тонкой полоской спускаясь к пупку и ниже, где вновь густели. Здесь и там его мраморную кожу испещряли шрамы; одни были получены в боях, другие — во время тренировок. Это было тело уже не мальчика, а мужчины. Тем не менее, несмотря на всю силу, он еще никогда не чувствовал себя таким беспомощным.

Под ногами у него насыпь, на которой высилась главная башня замка Лохмабен, сбегала к беспорядочному нагромождению зданий во внутреннем дворе. А еще дальше, за частоколом и деревьями, невесомым облаком вытянулось озеро Кирк-Лох, гладь которого сверкала, подобно зеркалу. Глядя на него, Роберт почувствовал, как его захлестывают воспоминания из другой жизни. Он приехал сюда тринадцатилетним мальчишкой, едва вырвавшимся из-под тягостной опеки отца. Это здесь, в Лохмабене, он научился охотиться и сидеть на совете вместе с достойнейшими мужьями королевства; здесь он впервые познал женщину, здесь его семья скорбела о потере трона и здесь дед передал ему право потребовать его обратно. Именно здесь, в самом сердце Аннандейла, меч графа Мара сделал его рыцарем. Здесь он женился на Изабелле и зачал Марджори.

Но, невзирая на всю паутину исторических событий, накрепко привязавших его к этому месту, Роберт чувствовал себя здесь чужим. Ландшафт более не узнавал его, как, впрочем, и духи прошлого. Все изменилось с тех пор, как он помог похитить Камень Судьбы с алтаря аббатства в Скоуне. Образ деда, некогда яркий и живой, померк, как будто даже воспоминания покинули его, страшись нелюбезной правды. Возможность провести зиму в Карлайле он воспринял с облегчением. А возвращение в Шотландию, чтобы поднять вассалов отца для нападения на замок Дугласа, тяжким бременем легло ему на сердце.

Услышав, как скрипнула кровать за спиной, Роберт отвернулся от окна. Комната, некогда бывшая спальней деда, оставалась погруженной в полумрак, и лишь из камина сочился тусклый медно-золотой отблеск углей. Круглая комната главной башни казалась пустой и голой, несмотря на все усилия слуг подготовить ее для нового обитателя. Древняя кровать, починенная после варварского обращения с ней Коминами во время их недолгого владычества, была застелена льняными простынями и шерстяными одеялами. Несколько сундуков с его вещами — одеждой, амуницией и оружием — выстроились в ряд вдоль стены под старинным обветшалым гобеленом, на котором рыцари на черных жеребцах гнались за белым оленем. Подушки были раскиданы по полу, а покрывала смяты. Из-под простыни выглядывала стройная ножка. Шерстяное одеяло задралось, обнажая округлое бедро, а дальше стыдливо прикрывало нижнюю часть спины и лопатки, и без того полускрытые массой спутанных темных волос. Рука, выглядывающая из-под одеяла и обнимающая подушку, приоткрывала полушарие груди, прижатой к матрасу. Пошевелившись во сне, Катарина повернулась лицом к нему, но глаза ее оставались по-прежнему закрытыми. Спустя мгновение дыхание ее вновь стало спокойным и ровным.

Не желая расставаться с дочерью и оставлять ее в Карлайле, Роберт привез с собой в

Аннандейл бывшую служанку жены и кормилицу, Джудит, вместе с эскортом из рыцарей и оруженосцев. Три ночи тому, после празднества, устроенного им в честь одного из вассалов отца, во время которого он сидел молча и пил в одиночестве, Роберт позвал Катарину к себе в опочивальню. Служанка не сопротивлялась, когда, жарко дыша ей в шею вином и непослушными от выпитого пальцами расстегивая на ней платье, он увлек ее к себе в постель. Ему отчаянно нужен был выход, нужно было излить куда-то свое отчаяние и раздражение. На следующую ночь она вернулась уже по собственной воле.

Роберт еще несколько мгновений смотрел на спящую Катарину, а потом подошел босиком к своей одежде, кучей сваленной на полу, и принялся тихонько натягивать штаны и сорочку, чтобы не разбудить ее. Сегодня ночью она дала ему все, в чем он так нуждался. Подхватив под мышку сапоги для верховой езды, накидку и меч, он отворил дверь и начал спускаться из еще полутемной башни.

Внизу его встретил долговязый и светловолосый Кристофер Сетон, который, как оказалось, стоял на страже нынешней ночью. Кристофер был одним из тех, кто сопровождал Роберта в этом предприятии. Единственным — и заметным — исключением стал его брат, оставшийся помогать отцу в обороне Карлайла. После окончания войны Эдвард вообще пожелал осесть в Аннандейле, поскольку в городе ему не нравилось. Злой и мрачный, он повадился проводить свободное время в тавернах, бездумно просаживая деньги на петушиных боях и затевая драки с посетителями. По мере сил он старался избегать и Роберта, и отца, обвиняя обоих в своей вынужденной ссылке в Англию.

— Добрый день, сэра, — сказал Кристофер, распахивая перед ним дверь.

Роберт кивнул в ответ на приветствие оруженосца. Не желая, впрочем, вступать в разговор, он зашагал вниз по крутой тропинке, которая вилась вдоль всей насыпи, на ходу пристегивая перевязь с мечом. Тяжесть оружия стала уже привычной и успокаивающей, поскольку в последнее время он не расставался с ним. Проходя мимо псарни, он услышал жалобное поскуливание и увидел Уатачу, которая выскочила из своей конуры и бросилась к деревянному забору, приветствуя его. Он негромко поцокал языком, но, не останавливаясь, зашагал к воротам в частоколе, которые вели вниз, в город. Роберт шел без всякой цели, ему просто необходимо было побыть одному в этот рассветный час. Замок вскоре проснется, начнется очередной шумный день, и придут новые вассалы, чтобы принять участие в готовящемся походе. А Роберту сейчас нужна была ясная голова, для чего ему требовались тишина и уединение. Завтра он собирался выступить маршем в Дугласдейл во главе отряда отцовских воинов, чтобы похитить женщину и ее ребенка. А для этого нужно было сначала заставить замолчать голоса из прошлого.

Роберт вышел из ворот и зашагал по улицам. Несмотря на ранний час, жители уже начали просыпаться. Он прошел мимо фигуры, закутанной в плащ с капюшоном, присевшей у лавки кузнеца, у ног которой на земле лежала старая черная собака. Через несколько шагов в тени дверного проема Роберт заметил мужчину и женщину, слившихся в поцелуе. Откуда-то спереди долетел грохот колес ручной тележки. На рыночной площади высилась церковь, отбрасывая квадратную тень в лунном свете. Сделав несколько шагов по открытому пространству, Роберт приостановился, вспоминая минувшие дни, окрашенные солнечным светом радости и надежды. Он вспомнил, как ехал по этим улицам, возвращаясь с охоты, когда усталые лошади были покрыты пылью, а мужчины весело перекликались с его дедом. Он вспомнил гордость, которая охватывала его всякий раз, когда он слышал неподдельное уважение в их голосах.

Роберт продолжил свой путь через площадь. Оказалось, что сам процесс ходьбы оказывает на него успокаивающее действие. Раз или два ему слышались шаги за спиной, но, оборачиваясь, он никого не видел. Вскоре он вошел в ритм размеренной ходьбы и, дойдя до окраин городка, не стал останавливаться, а углубился в лес, который уже звенел птичьими голосами. Пройдя по тропинке, утоптанной ногами людей и копытами животных, Роберт вышел на берег озера, погруженный в раздумья о своем деде.

«Мужчина, который не способен держать данное однажды слово, недостойн называться мужчиной».

Старый лорд часто повторял эти слова. Роберт присягнул на верность королю Эдуарду и дал клятву Хэмфри де Возну и Рыцарям Дракона, что будет защищать дело монарха. Несмотря на противоречия, которые раздирали его изнутри после кражи Камня Судьбы, он не мог в одночасье забыть об этом. Настоящий рыцарь, человек чести, никогда не нарушит своего слова. Уж чему-чему, а этому дед научил его. Но как быть, если мужчина дал две клятвы, одна из которых противоречит другой? Что ему делать тогда?

Луна поднялась высоко и стала совсем маленькой — ее свет более не мог соперничать с проблесками нарождающегося дня. Темное зеркало озера было неподвижным, и лишь иногда по нему скользили тени пролетающих птиц. Вдалеке, на другом берегу, из-за деревьев выглядывала зловещая громада замка. Роберт уже мог различить дымки, поднимающиеся из его внутреннего двора. К этому времени слуги уже проснулись и сейчас готовят завтрак, растапливают очаги и кормят животных. И вдруг из леса у него за спиной в небо с карканьем взлетели шесть ворон.

Роберт закрыл глаза и стал слушать тишину, когда птицы улетели. И тогда он услышал их: легкий, едва уловимый треск сучьев и шелест травы. Он потянулся к мечу и выхватил его из ножен, одновременно разворачиваясь на звук и напряженно вглядываясь в темноту. Взгляд его уперся в согбенную фигуру в коричневой накидке с капюшоном, которая направлялась к нему. Когда он увидел большого черного пса, устало трусившего рядом, то сообразил, что именно их видел за воротами замка. Поначалу он решил, что это попрошайка. Но, когда фигура вышла из тени деревьев, Роберт понял, что кто бы это ни был, он опирается на палку, с трудом переставляя ноги. Из-под низко надвинутого на лицо капюшона выбивались длинные спутанные пряди пепельно-седых волос. Роберт разглядел морщинистую шею, опущенные вниз уголки губ и отвисающую челюсть.

— Кто ты?

Фигура откинула с головы капюшон накидки.

Роберт молча уставился на суровое лицо, на котором годы оставили свой жестокий след. Прошло много лет с той поры, как они виделись в последний раз, но он моментально узнал ее.

— Эффрейг? — пробормотал он, опуская меч.

— Я шла за тобой от замка. — Голос ее звучал хрипло и едва слышно. — Я поняла, что это ты, по твоей одежде.

Роберт опустил взгляд на собственную накидку, украшенную гербом Каррика.

— Иначе я не узнала бы тебя. — Хриплый голос Эффрейг смягчился от изумления. — Того мальчика, которого я знала, больше нет. Передо мной стоит мужчина.

Ее гэльский походил на давно забытую песнь. После смерти матери Роберт разговаривал, в основном, на французском или шотландском наречии. Он тряхнул головой, отгоняя нахлынувшие при виде нее воспоминания.

— Когда ты пришла сюда? — Он подумал о том путешествии, которое ей пришлось совершить из Каррика, проведя несколько дней в дороге, а быть может, и более, учитывая ее возраст. — И зачем?

— Ко мне приходила Бригитта. Ее муж, возвращаясь из Эдинбурга, услышал, что ты здесь. Он сказал, что граф Каррик поднимает мужчин Аннандейла.

— Бригитта? — Имя всколыхнуло воспоминания о худенькой, как щепка, девчонке с неопрятными жидкими волосами.

— Ты поднимаешь людей своего отца ради того, чтобы идти на Каррик? — Тон ее голоса был резким и требовательным, но в нем звучала надежда.

— На Каррик? — Роберт нахмурился. Неужели этой старой женщине известно нечто такое, чего не сказали ему вассалы? — Но в Каррике нет войны.

— Войны нет. Но борьба есть. Большая борьба, великая. — Когда она, хромая, подошла к нему, черный пес неспешно последовал за нею.

И тут Роберт увидел белые, незрячие глаза собаки. Он мельком подумал, а не одна ли это из тех двух гончих, которых она держала в те времена, когда они только познакомились, — и которая укусила его брата Александра.

— Нам, зажатым между Эйром и Галлоуэем, приходится очень нелегко. — Исхудавшее лицо Эффрейг было мрачным. — Солдаты одного англичанина по имени Перси наседают на нас с двух сторон. Жалобы на них подавляются еще до того, как мы успеваем их подать, взятками или силой. А за нашими границами дела идут еще хуже. Бригитта принесла мне новости из Эйршира, и многие приходят ко мне, моля облегчить их страдания. А страданий у нас много, и в городах, где ныне полно английских солдат, и в деревнях, где налоги оставляют детей голодными. Я слыхала о мужчинах, повешенных без суда и следствия, о разграбленных домах, о женщинах... — Она сделала паузу. А когда заговорила опять, голос ее перешел в едва слышный шепот. — После восстания Уильяма Уоллеса стало еще хуже, но, по крайней мере, он дал своим людям надежду. И я пришла, сэра Роберт, чтобы узнать, можем ли мы надеяться на вас. Нашего лорда и господина.

Несколько долгих мгновений Роберт не знал, что сказать. Более всего его душила ярость: на то, что она принесла ему известия, которые обязаны были сообщить Эндрю Бойд и другие его вассалы, на то, что она сочла себя вправе сделать это, и на себя — за то, что не знал о страданиях своих людей.

— Я здесь по приказу отца, — стиснув зубы, сухо ответил он. — Но я намерен вернуться в Каррик, как только исполню порученное мне здесь дело. Я знаю сэра Генри Перси. Я лично поговорю с ним.

— Поговоришь с ним? — Казалось, морщины на лице Эффрейг стали еще глубже. — Когда я слышала о твоём союзе с англичанами и их королем в начале войны, то сперва не поверила. Твой отец, да. Но ты? Твой дед заплакал бы глаза от стыда, доживи он до этих дней.

Роберт прищурился, чувствуя, что гнев грозит вот-вот вырваться наружу.

— Ты забываешь, что мой дед служил и Эдуарду, и Генриху. Так что я — не первый Брюс, который состоит на службе у короля-англичанина.

— Он мог служить им, но только не во вред своему королевству. Он никогда не сделал бы этого, если бы требовалось причинить зло его людям! — Она вперила в него дрожащий костлявый палец. — А ты и твой отец забросили свои земли! Вот уже более трех лет люди Каррика вынуждены обходиться без своего лорда.

Собака, уловив враждебные нотки в тоне хозяйки, глухо заворчала.

Роберт стоял на месте, возвышаясь над Эффрейг, и в ноздрях его завяз запах гниющей, прелой земли, исходящий от нее. Накидка старухи была заляпана грязью.

— Как ты смеешь разговаривать со мной таким образом? Ты ничего не знаешь о моей жизни!

Старуху не напугала ни угроза в его голосе, ни меч в его руках.

— Зато я знаю, что ты поворотился спиной к тому славному наследству, которое было тебе завещано. Это я знаю точно.

Роберт открыл было рот, но потом молча шагнул в сторону, не желая более выслушивать ее гневные и справедливые упреки.

— А как же трон твоего народа, увезенный в чужеземной повозке? — окликнула она его, и голос старой колдуньи прозвучал хрипло, как воронье карканье. — Как насчет того холма, что отныне опустел?

Роберт обернулся, раздираемый стыдом и страхом, думая, что ей известно о том, что и он принимал участие в краже.

— Многие века короли Шотландии появлялись в Скоуне. Неужели более не будет ни одного, кто встал бы на холме Мут-Хилл, слушая, как из глубины веков звучат голоса его предков? Наше королевство потеряло свою душу, Роберт.

Он более не видел и следа обвинений в ее лице, одну только печаль. Она никак не могла знать о том, что он наделал. Догадывайся она об этом, то прокляла бы землю, на которой он стоял. Какая-то часть его души пожалела о том, что это не так.

— Вот уже более полувека твоя семья имеет право претендовать на трон. Не понимаю, почему ты не борешься за него, как хотел того твой дед. Или почему ты служишь человеку, который отнял у тебя это право?

И вдруг на Роберта снизошло озарение. С необычайной яркостью он вспомнил тот день, когда дед сказал ему, что он станет рыцарем, день, когда его отцу пришлось отречься от графства Каррик. Он видел в Лохмабене Эффрейг, разговаривавшую со старым лордом. Тогда она со странной нежностью коснулась его лица. Как он мог забыть об этом?

— Так это была ты? Это ты посоветовала деду передать право на трон мне?

Губы старой колдуньи сжались в тонкую линию.

— Как же глупа я была! Мне уже тогда следовало понять, что ты весь пошел в своего отца.

Роберт покраснел до корней волос.

— Убирайся. Тебе нет никакого дела до меня или моей семьи. Больше нет.

Когда он решительно зашагал обратно через лес, сердито отводя от лица ветки, ее голос хриплым эхом толкнул его в спину.

— Разумеется, я уйду. Потому что здесь более нет надежды.

Мальчик схватился за поросшие мхом камни парапета и перевалился через стену, задыхаясь от напряжения. Позади него на ветру трепетал флаг его отца. Он принялся вглядываться сквозь бойницы, щуря голубые глаза от солнечных зайчиков, отражавшихся от поверхности небольшого озера, лежавшего под самыми стенами замка. Из зеленых глубин

леса, плотным кольцом обступившего крепость, медленно выдвигалась небольшая армия. Люди и кони двигались стройными рядами, и солнце ослепительно сверкало на кончиках шлемов и остриях копий. Взгляд мальчика впился в штандарт, двигавшийся впереди войска. На белом поле рдел алый шеврон.

— *Ублюдки*, — пробормотал он. Спрыгнув с парапета, мальчик повернулся к стягу своего отца, трем белым звездам над голубыми волнами. При виде флага сердце его преисполнилось отваги и гордости. — Мы устроим им достойный прием, — выдохнул он, ныряя в дверцу на макушке башни и сбегая вниз по ступенькам.

Добежав до нижнего этажа, он заметил, что дверь в спальню родителей стоит распахнутой настежь. Оттуда лился трепещущий свет очага и долетали звуки разговора. Мальчик замер, стараясь не дышать, чтобы его не услышали. Вновь зазвучал голос его матери, негромкий и взволнованный.

— Я обращаюсь к ним. Ведь они же наверняка согласятся выслушать меня, не так ли?

— Их возглавляет граф Каррик, миледи. Молодой Брюс — всего лишь марионетка в руках английского короля. Так, во всяком случае, говорят.

Мальчик подкрался поближе. Говорил Дунегалл, капитан, которого отец оставил командовать гарнизоном замка. Это был верный и решительный воин, но древний, как окружающие холмы, к тому же, страдающий подагрой.

— Я сам выйду к воротам, миледи, и потребую, чтобы мне сообщили, по какому праву они посмели вторгнуться на земли лорда Дугласа.

— Думаю, вполне понятно, зачем они явились, Дунегалл. Мой муж присоединился к Уильяму Уоллесу, и они явились за Джеймсом и мной. Они рассчитывают покарать его через нас. Я не сомневаюсь в этом.

При звуках своего имени мальчик поспешно отступил назад, заслышав угрозу в голосе матери.

— Не беспокойтесь, миледи, эти стены выдержат и не такое.

— После того как здесь побывал Изменник, наши кладовые почти пусты. Мы не сможем продержаться сколь-нибудь долгое время. Брюс и его люди уморят нас голодом, даже если не сумеют пробить ворота и ворваться к нам силой. Нет, я сама выйду к ним.

Голос леди Дуглас звучал нерешительно, она запинаясь и делала частые паузы. Но, когда она заговорила вновь, Джеймс распознал в ее тоне холодность окончательно принятого решения. Ему неоднократно приходилось сталкиваться с этим, когда его наказывали за шалости и провинности.

— Я скажу им, что Джеймса здесь нет. Быть может, если я отдам себя в их руки, они удовлетворятся этим. Но, что бы ни случилось со мной, Дунегалл, вы должны пообещать мне, что доставите Джеймса к отцу целым и невредимым.

Джеймс осторожно попятился прочь от двери. Не желая более подслушивать, он помчался вниз по лестнице. Будь его отец здесь, он бы выехал навстречу врагам с таким ревом, что содрогнулись бы стены старого замка, а потом ворвался в их ряды и бился до тех пор, пока земля не потемнела бы от их крови или его собственной. В любом случае, он ни за что не позволил бы своей супруге выехать одной навстречу целой армии. И пусть Джеймсу тоже не на чем было выехать им навстречу — люди отца увели с собой всех боевых коней, за исключением любимой лошадки матери и нескольких ни на что не годных кляч, — зато оружия у него было хоть отбавляй. Сейчас у него при себе был лишь меч, тот самый, с которым он упражнялся весь прошлый год, но оставалась еще оружейная. Ему, в любом

случае, понадобится оружие для взрослого мужчины.

А на другом берегу озера Роберт разворачивал в боевые порядки конных рыцарей Аннандейла, пока за ними из лесу продолжали выходить пехотинцы. По обе стороны от него остановились Нес и Уолтер, рыцарь из Каррика, который хорошо послужил ему в Карлайле и которого он назначил своим знаменосцем. Уолтер держал его штандарт высоко поднятым над головой, и красная стрела шеврона вонзалась в самое небо. Копыта коней вязли в топкой почве. Заросли по берегам озера кишели водоплавающей дичью — Роберт уловил мельтешение бронзы и серебра на крылышках птиц, когда приближающиеся люди испугнули их и они с шумом поднялись из камышей. По другую сторону водного зеркала, на поросшем травой холме, высился замок лорда Дугласа. Он очень походил на Лохмабен: каменная главная башня на естественной возвышенности, укрепленной глиной и бревнами, с внутренним двориком, окруженным частоколом. Единственная разница заключалась в том, что здесь местность вокруг замка густо поросла лесом.

Роберт несколько миль вел свой отряд этими лесами, не удаляясь от реки Аннан, текущей по землям его отца на север, прежде чем свернуть на запад в холмы. Местность постепенно повышалась, переходя в скалистые холмы, густо поросшие буком и дубом, где по дну ущелий вились речушки, обрываясь искрящимися водопадами с крутых склонов. Вдали виднелись темно-синие пики настоящих вершин, предвестники горной гряды, преграждавшей путь на север и запад. Графство Дугласа, приткнувшееся в долине в самой глуши лесов, было мирным и спокойным уголком, где в воздухе стоял густой запах трав.

Сидя верхом на Хантере, который остановился на опушке леса, Роберт, подставив лицо теплым лучам солнца, смотрел на раскинувшийся перед ним мирный пейзаж. Здесь повсюду должна была кипеть жизнь: крестьяне работать, фермеры перегонять скот на летние пастбища, девушки неторопливо направляться к озеру с бельем в корзинах, а сыновья лордов упражняться в стрельбе из лука и отправляться на охоту за своим первым оленем. Но вокруг не было ни души, а ворота замка были заперты крепко-накрепко. И лишь дымки над крышами домов во внутреннем дворе да испуганное блеяние овец свидетельствовали о том, что здесь еще есть жизнь. На макушке главной башни замка развевалось знамя Дугласа. Роберт никогда не встречался лично ни с самим сэром Уильямом Дугласом, ни с кем-либо из членов его семьи, но знал, что супругой лорда была сестра старого друга его деда, Джеймса Стюарта. Сына и наследника Дугласа назвали именно в его честь, ведь он приходился мальчику дядей и крестным отцом.

— Будем разбивать лагерь?

Роберт повернул голову и встретил жесткий взгляд рыцаря, подъехавшего к нему. Джильпатрик был одним из самых верных вассалов отца, хитрым и, в то же время, решительным мужчиной, который помогал им оборонять Карлайл. Роберта всегда изумляло, как отцу удается внушать такую преданность к себе даже тем людям, которые сражались рядом с ним и умирали за него в то самое время, как Комины жгли и разрушали их владения. Он решил, что решение отца поддержать короля Эдуарда оказалось, в конечном счете, правильным, поскольку рыцари Аннандейла были в числе тех немногих, кто сохранил и своего лорда, и свои земли, тогда как другим приходилось мириться с тем, что ими правят английские бароны вроде Варенна или Перси. И как странно, что у него самого отец не вызывал ни малейшей симпатии. И только сейчас Роберт понял, что эти люди не представляли ни малейшей угрозы амбициозным планам его отца. Они были простыми

помощниками, сохранявшими ему верность постольку, поскольку это было выгодно и им самим, и их лорду. А вот он ждал своего часа, чтобы занять место отца и унаследовать его состояние, учитывая, что отца и так обошли, отняв у него графство. И, как бы ни восхищался Роберт дедом, он не мог отрицать того, что именно разочарование лорда в своем сыне стало главной причиной отчуждения между ними. Только теперь ему впервые показалось, что он хотя бы начинает понимать, чем вызвана неприязнь отца. Пожалуй, он стал для него зеркалом, в котором тот видел, как проходит мимо него жизнь.

— Пока нет, — ответил Роберт на вопрос Джильпатрика. — Сначала я хочу поговорить с командиром гарнизона. — Он сомневался, что супруга и сын Дугласа с радостью отдадут себя в его руки, но все равно считал, что боевые действия лучше начинать с переговоров.

Распорядившись, чтобы его собственные командиры дали возможность рыцарям отдохнуть и выставили пешие дозоры на тот случай, если неприятель вознамерится нанести им удар в спину, Роберт отобрал шестерых мужчин, которые должны были сопровождать его в поездке к замку. В их число вошли Уолтер, Джильпатрик и оруженосец из Йоркшира, Кристофер Сетон. За последние месяцы Роберт очень привязался к юноше. У молодого человека обнаружились приятные манеры, чем он очень походил на младшего брата Роберта, Найалла, оставшегося всю войну в Ирландии вместе с Томасом. Кристофер обладал той же самой жизнерадостной натурой и желанием сделать приятное, но без подхалимажа. С Кристофером в поход отправился и его шотландский кузен Александр, лорд из Лотиана, старше его на десять лет. Александр Лотиан не вызывал столь мгновенной и безотчетной симпатии, будучи более замкнутым и агрессивным, зато он был умелым мечником. Покидая временный бивак, Роберт кивнул ему, приглашая следовать за собой.

Небольшой отряд приблизился к воротам замка, объезжая озеро по пыльной дороге. Роберта снедало нетерпение. Он старался загнать его поглубже, понимая, что поспешность в таком важном деле способна только навредить. Но и отрицать того, что ему хочется, чтобы все закончилось побыстрее, тоже не мог. Всю дорогу до Дугласдейла у него из головы не шел разговор с Эфfreyг, и ее обвинения больно жгли ему душу. Помимо воли он представлял, как Генри Перси и его рыцари охотятся в лесах Каррика, берут без спросу все, что пожелают, из погребов и кладовых, безжалостно подавляя все протесты в зародыше. Ему уже приходилось видеть, как они проделывали то же самое в Уэльсе. Роберт никогда не был особенно близок со светловолосым лордом Алнвиком с его холодной улыбкой, но он знал его достаточно хорошо, чтобы понимать — под его рукой мужчинам и женщинам Эйршира и Галлоуэя приходится несладко. Как, впрочем, и людям его графства, оказавшимся меж двух огней.

— Сэр!

Услышав крик Кристофера, Роберт натянул поводья Хантера. С правой стороны от них в частоколе замка открывались узкие ворота. Роберт придержал коня, видя, как оттуда выскользнула одинокая фигура. Для мужчины она выглядела невероятно худенькой и маленькой, но ее облачение оказалось еще более странным, нежели телосложение. На незнакомце была лишь одна белая туника, подпоясанная ремнем, и никаких доспехов, если не считать огромного шлема, забрало которого было опущено. Металл проржавел, шлем был на несколько размеров больше, чем следовало, и сидел криво. Незнакомец держал перед собой широкий обоюдоострый меч и неуверенно брел прямо к ним по травянистому склону. Рыцари в окружении Роберта хмурились, переводя настороженные взгляды с фигуры на ворота замка и явно ожидая какого-нибудь подвоха. Знаком показав, чтобы они оставались

на месте, Роберт вонзил каблуки в бока Хантера и послал коня по направлению к странной фигуре, положив ладонь на рукоять меча, но не спеша обнажать его.

— Я — сэр Роберт Брюс, граф Каррик. Я прибыл сюда по приказанию короля Эдуарда, чтобы взять под стражу жену и сына лорда Уильяма Дугласа, в ответ на его мятежные действия против короны. — Слова эти показались Роберту пустыми и вымученными. В тоне собственного голоса он явственно различал отвращение. Незнакомец ничего ему не ответил. Роберт повторил их вновь, на этот раз громче, осадив Хантера в нескольких шагах от странной фигуры.

— Я буду сражаться с любым воином вашей армии, — последовал гневный ответ от незнакомца. — Но, если я выйду победителем, вы должны отпустить леди Дуглас. — Из-под опущенного забрала голос звучал глухо, но не было никаких сомнений в том, что он принадлежит подростку.

Роберт услышал, как за его спиной раздался смех — рыцарей отца развеселил вызов, брошенный им высоким, срывающимся голосом.

В ответ фигура в шлеме решительно шагнула к Роберту.

— Вы согласны принять мой вызов, жалкие трусы?

Смех оборвался, и Джильпатрик с нехорошей усмешкой потащил из ножен меч.

В это самое мгновение главные ворота замка распахнулись и оттуда вышла женщина. Она громко вскрикнула, заметив невысокую фигуру на поросшем травой склоне, с угрожающим видом стоящую напротив Роберта.

— *Джеймс!* — выкрикнула она, устремляясь к ним. — Святой Боже! *Джеймс!*

— Это сын! — с торжеством вскричал Джильпатрик, давая шпоры коню и направляя его к мальчишке. — Это же сын Дугласа!

В воздухе раздались новые крики, когда солдаты гарнизона хлынули из ворот вслед за женщиной, обнажив мечи. Рыцари Роберта послали своих коней вперед, им навстречу. На другом берегу озера заревел рог — это в лагере заметили вылазку неприятеля. Женщина подбежала к мальчишке, схватила за руку и потянула за собой. Тот заупрямился, в пылу борьбы шлем свалился у него с головы, и взорам окружающих предстало бледное лицо подростка не старше двенадцати-тринадцати лет от роду, с блестящими, черными, как вороново крыло, кудрями.

Роберт заметил, как Джильпатрик и Кристофер устремились к женщине и мальчику. Остальные рыцари отделились от них, направляясь навстречу стражникам. В этой суматохе подросток отчаянно сопротивлялся, пытаясь вырваться. Он так и не выпустил из рук меч, губы его раздвинулись в злобном оскале, в голубых глазах сверкало бешенство. При виде столь отчаянной и безумной храбрости Роберт пришел в замешательство. Во рту у него пересохло, сердце гулко ворочалось в груди. Он вдруг вспомнил себя, много лет назад, стоящим в церкви в Скоуне с обнаженным против Джона Комина мечом, чтобы защитить деда. И тут вдруг в груди у него словно лопнула туго натянутая струна, и он почувствовал, как по телу прокатилась волна боли, ослепительная и приносящая облегчение одновременно. Роберт вонзил шпоры в бока Хантера. Понукая коня, он загородил собой женщину и мальчика от рыцарей отца. Обнажив меч, он зарычал на своих людей, приказывая им остановиться. Джильпатрик и Кристофер мчались прямо на него. Чтобы избежать столкновения, Джильпатрику пришлось с такой силой натянуть поводья, что его лошадь встала на дыбы, молотя передними копытами по воздуху. Кристофер успел отвернуть, едва не задев Роберта, и его конь протестующе всхрапнул.

В сумятице женщине все-таки удалось увлечь мальчика за собой, и в это время к ним подбежала замковая стража. Окружив мать и сына кольцом, воины с обнаженными мечами стали медленно отступать по склону к воротам замка.

Джилльпатрик сумел справиться со своей лошастью.

— Во имя Господа, что вы делаете? — заорал он Роберту, кончиком меча указывая на отступающую кучку воинов. — Мы же могли захватить его!

Роберт спокойно встретил взбешенный взгляд холодных глаз.

— Нет.

— Вы получили приказ захватить в плен жену и сына!

— А вы получили приказ выполнять мои распоряжения.

Стражники, тем временем, достигли ворот и скрылись в замке, уводя с собой женщину и мальчика. По тропинке вдоль берега озера быстро приближалась группа всадников — это люди Роберта отреагировали на вражескую вылазку.

Кристофер переводил взгляд с Джилльпатрика на Роберта и обратно.

— Что случилось, сэра Роберт? Почему вы остановили нас?

Роберт оглянулся, когда до него донесся скрип закрываемых ворот. Ему хотелось улыбнуться во весь рот, потому что он чувствовал себя так, словно одержал победу.

— Мы не будем брать в плен ни леди Дуглас, ни ее сына.

Джилльпатрик уставился на него с раскрытым ртом. К ним подъезжали всадники, придерживая коней, поскольку все уже видели, что ворота замка закрыты. Воздух наполнился стуком копыт.

Роберт уже собрался заговорить, но запнулся на мгновение, подбирая слова. *Что он делает?* Усилием воли отогнав от себя этот вопрос, он обратился к рыцарям, которые все прибывали и уже полукольцом обступили его.

— Я призвал вас по приказу моего отца. Но теперь, когда мы здесь, я не могу выполнить полученные мною указания. — Голос его окреп, набирая силу. — Нас послали захватить в плен жену и сына человека, который сражается за наше королевство. Кто-нибудь здесь может сказать, что он согласен с этим?

— Не наше дело — ставить под сомнение приказы короля, — резко ответил Джилльпатрик.

— У Шотландии нет короля, — ответил Роберт. — Баллиол низложен и находится в заточении в Англии.

— Вместо него правит король Эдуард. Или вы забыли о присяге, которую мы принесли ему после войны?

— Клятва побежденного победителю, — возразил Роберт ясным и звонким голосом. Он чувствовал себя так, будто спал много месяцев и лишь сейчас внезапно проснулся. Это было прекрасное ощущение легкости, от которого кружилась голова.

— Это безумие, — бросил Джилльпатрик. — Вы опозорите своего отца и его доброе имя. Он может лишиться своих земель. Как и все мы!

— Этого не случится, если он не будет иметь к этому никакого отношения.

— Сэр Роберт, — вмешался один из рыцарей, — вы не сможете вернуться в Карлайл или Аннандейл, если откажетесь выполнить приказ короля. Вас посадят в тюрьму в Англии вместе с Баллиолом и остальными.

— А я и не намерен возвращаться. — Произнеся вслух эти слова, Роберт испытал огромное облегчение. Слишком долго дом отца оставался для него тюрьмой. Раздавленный

властью лорда, не имеющий права голоса или возможности принимать самостоятельные решения, он походил, скорее, на покорного вассала, чем на графа, которым и был на самом деле, но с мнением которого не считались. Впрочем, даже когда все его сомнения отлетели прочь, их место тут же заняли другие мрачные мысли. Роберт подумал о том, что может попасть в тюрьму и лишиться своих владений. Он подумал о том, что нарушил клятву верности, данную королю и Рыцарям Дракона, и ощутил укол вины, когда перед его внутренним взором всплыло открытое лицо Хэмфри. Но он не мог допустить, чтобы данная им клятва или дружба определяли судьбу его королевства. Нет, такого больше не будет. — У вас есть выбор, — заявил он рыцарям. — Вы можете вернуться на службу к моему отцу в Аннандейл или пойти со мной. Но, в любом случае, мы уходим с земель лорда Дугласа. — Он огляделся по сторонам и вперил суровый взгляд в Джильпатрика. — Таково мое решение.

Тот злобно оскалился в ответ:

— Вы — глупец! Ни один человек в здравом уме не последует за вами. — На мгновение казалось, что он готов дать шпоры своему коню и умчаться прочь, как вдруг Джильпатрик выпрямился в седле и в руке его сверкнуло лезвие меча.

У Роберта, который уже успел опустить свой клинок, не было ни малейшего шанса защититься. Кристофер Сетон, однако же, успел прочесть враждебные замыслы по лицу Джильпатрика. Подав своего коня вперед, он загородил собой Роберта и взмахнул мечом, готовясь отразить удар. Но опытный рыцарь оказался намного быстрее. В самый последний миг изменив траекторию движения своего клинка, он нанес сокрушительный удар рукоятью меча в лицо оруженосца. Сила удара была такова, что Кристофера отбросило на спину и он упал с коня на землю. А затем одновременно произошло несколько событий. Роберт, подняв свой меч, с яростным криком бросился на Джильпатрика. Лошадь Кристофера встала на дыбы, отчего остальные кони испуганно заржали и шарахнулись в сторону, так что копыта Хантера едва не раздробили голову Кристоферу. Но Александр Сетон оказался самым проворным. Врезавшись в нестройную толпу рыцарей, он обхватил Джильпатрика рукой за шею. Подавшись назад, он едва не выдернул рыцаря из седла, отчего тот захрипел, задыхаясь. Кое-кто из товарищей Джильпатрика обнажил мечи, готовясь напасть на Александра, а в это время Кристофер с трудом поднялся на ноги, одной рукой зажимая разбитый нос. Джильпатрик выронил меч и попытался оторвать руку Александра от своего горла. Нес и Уолтер послали своих коней вперед, готовые защищать Роберта.

— Довольно! — Голос Роберта остановил разгоряченных рыцарей. Неожиданное и подлое нападение привело его в ярость, и он с трудом сумел овладеть собой. — Опустите оружие. Это всех касается, включая вас, — рявкнул он Александру, который и не подумал разжать руку. Лицо Джильпатрика, тем временем, обрело синюшный оттенок. — Я не допущу, что моим именем здесь пролилась кровь, будь оно все проклято!

Александр медленно ослабил хватку. Кристофер, пошатываясь, уже стоял на ногах и вытирал кровь с лица. Освободившись, Джильпатрик мешком обмяк в седле, с хрипом втягивая в себя воздух. Его товарищи держали мечи наготове, но никто из них не пошевелился, переводя взгляды с Роберта на Джильпатрика и обратно. Один из рыцарей спешил, чтобы поднять с земли упавший меч Джильпатрика.

А тот осторожно ощупывал горло, не сводя глаз с Роберта.

— Вы — не сын своего отца, — наконец прохрипел он. Выхватив из рук своего товарища меч, который тот протянул ему, он резко развернул свою лошадь и яростно вонзил ей шпоры в бока. Его люди последовали за ним по тропинке, вьющейся вдоль берега озера.

Еще несколько всадников отделились от группы рыцарей, окруживших Роберта. Кое-кто из них попробовал переубедить Брюса и одуматься, но он сидел в суровом молчании, не желая внимать их доводам. Не прошло и нескольких минут, как рядом с ним остались только Нес, Уолтер и Сетоны.

Роберт кивком выразил свою благодарность обоим кузенам.

— Благодарю вас, что встали на мою защиту. — Он в упор взглянул на лорда. — Но ведь у вас богатое поместье, сэр Александр. Скорее всего, вы потеряете его, если присоединитесь ко мне.

— Боюсь, что я потеряю его в любом случае, невзирая на то, останусь я с вами или уеду, — ответил Александр. — Король Эдуард перекраивает наше королевство по своему вкусу. Очень скоро при власти не останется ни одного шотландца. — Он холодно улыбнулся. — Но, если восстание Уильяма Уоллеса увенчается успехом, мы все будем вознаграждены за то, что сейчас встанем на правильную сторону. — И он посмотрел на Кристофера.

Оруженосец вытер кровь из-под носа тыльной стороной ладони и кивнул Роберту.

— Я с вами, сэр Роберт, куда бы вы ни пошли.

Роберт помолчал, задумавшись над тем, к каким последствиям могут привести его действия теперь, когда он встал на сторону повстанцев. Он не питал особых иллюзий в отношении Уильяма Уоллеса. Насколько ему было известно, тот сражался во имя захваченного в плен Джона Баллиола, что необязательно превращало его в союзника. Из нелегких раздумий его вывел негромкий голос Неса.

— Куда мы направимся отсюда, сэр?

— Скорее всего, в Каррик, — после короткой паузы ответил Роберт. — Да, — продолжал он уже тверже, — к моим людям. — Прежде чем они успели забросать его новыми вопросами, он продолжил: — Я хочу, чтобы вы вернулись в наш лагерь. Приведите сюда мою дочь и слуг, а также возьмите припасы, сколько удастся.

— Со мной двое верных людей, — вместо ответа сказал Александр. — Оба посвящены в рыцари. Они присоединятся к нам.

Роберт перевел взгляд на другую сторону озера, где уже сворачивалось его бывшее войско. А потом, толкнув Хантера пятками в бока, поскакал к воротам. Оказавшись подле частокола, он спрыгнул с седла. С другой стороны до него донеслись встревоженные голоса.

— Я хочу поговорить с леди Дуглас, — громко крикнул он. Голоса мгновенно смолкли. — Я один. Моя армия уходит.

Ворота замка медленно приоткрылись, и Роберт оказался лицом к лицу с шеренгой вооруженных воинов. В центре стояла женщина, опустив руки на плечи мальчика, которого, как оказалось, звали Джеймсом. Теперь Роберт воочию убедился в том, что и подозревал ранее, — она наверняка приходилась ему матерью, следовательно, была леди Дуглас. Она была молода и привлекательна, с серьезными карими глазами, как и у ее брата.

— Я не понимаю, сэр Роберт, — проговорила она напряженным голосом. — Каковы ваши намерения?

— Мои люди не причинят вам вреда, миледи, но вам следует уехать отсюда. Мой отец выполняет приказ короля Эдуарда, и, даже если он сам больше не пришлет никого, чтобы вновь попытаться захватить вас силой, то это наверняка сделает король. Он намерен на примере вашего супруга убедить остальных дворян в том, что им не следует присоединяться к Уоллесу.

Она кивнула:

— У Джеймса есть дядя в Париже.

— Мама... — начал было мальчик, переводя взгляд с нее на Роберта.

Она продолжала, не слушая его:

— Там он будет в безопасности. А у меня на западе живет семья, у которой я могу укрыться.

— Вам следует ехать как можно скорее. — Роберт склонил голову, прощаясь. — Миледи.

Когда он повернулся, собираясь уходить, леди Дуглас шагнула вперед, отведя в стороны обнаженные мечи стражи.

— А вы, сэра Роберт, куда направитесь вы? Король наверняка покарает вас за такой поступок.

Он обернулся:

— Для начала — в Каррик.

— Вам следует разыскать моего брата.

— Сенешаля? — Роберт недоуменно нахмурился. Присягнув на верность королю Эдуарду, Джеймс Стюарт, насколько было известно Роберту, остался в Шотландии, но вот уже много месяцев Роберт ничего не слышал ни о самом милорде сенешале, ни о его местонахождении. Казалось, он просто растворился в воздухе. Роберт знал лишь, что в минувшем году, перед самым началом войны, тот женился на сестре сэра Ричарда де Бурга, графа Ольстера.

— Уильям Уоллес — сын одного из вассалов сэра Джеймса. Вы ведь не верите, что он в одиночку сумел так быстро организовать людей и поднять восстание? — Леди Дуглас слабо улыбнулась. — Мой храбрый супруг — не единственный его союзник.

— Миледи, — предостерегающе проговорил один из стражников.

Она не обратила на него никакого внимания.

— Поезжайте к нему, сэра Роберт. Я верю, что в его лице вы обретете друга, как некогда ваш дед. Когда я в последний раз получила от него весточку, мой брат пребывал в своем поместье в Кайл Стюарт. Быть может, если против него поднимутся достаточно много благородных дворян, король Эдуард откажется от мыслей об оккупации.

— Все может быть, — с сомнением протянул Роберт.

Но, проходя в ворота замка, которые сразу же закрылись за его спиной, он почувствовал, как в душе у него забрезжил лучик надежды. Если он, граф, присоединится к восставшим, может, это и впрямь принесет перемены к лучшему? Не исключено, его примеру последуют остальные, те самые люди, которые в прошлом поддерживали его деда. Если на правое дело поднимутся многие, то королю Эдуарду будет очень трудно, если вообще возможно, сохранить контроль над Шотландией без проведения очередной военной кампании. Лучше многих он понимал, что Эдуард не сможет подавить широкомасштабное восстание, учитывая, что во Франции шли военные действия, причем шли далеко не так, как хотелось королю.

Вдев ногу в стремя и поднимаясь в седло, Роберт понял, что принял окончательное решение. Что бы ни случилось, в Карлайл он больше не вернется.

Роберт Вишарт стоял посреди залы, в которой царил полный разгром. Повсюду валялась перевернутая мебель, опрокинутые скамьи и крышки столов, скинутые с подножек. [56] Пять из восьми шелковых гобеленов, на которых изображались сцены из жизни Святого Кентигерна, покровителя города, висевшие на стенах с тех самых пор, как он стал епископом Глазго, исчезли. Вишарт отметил их отсутствие медленным, исполненным сдерживаемого гнева, кивком. Кругом виднелись следы недавней оккупации, в мисках засохла еда, а кубки с вином покрылись пылью.

Епископ медленно шел по зале среди хаоса, пока каноники из собора пытались навести в ней хоть какое-то подобие порядка. По каменным плитам пола скрипели скамьи, когда молчаливые мужчины переворачивали их и ставили на ножки. Со стола соскользнул кубок и упал на пол с колокольным звоном, отчего епископ вздрогнул и поморщился. Сразу же по прибытии Вишарт ощутил, что монахи напряжены. Это заставило его усомниться в правильности своего решения уехать, когда Энтони Бек занял дворец епископа Глазго, на что дал свое позволение король Эдуард. Многие шотландские клирики остались на своих местах, а вот Вишарт, видя, что дворец его занят, а положение пошатнулось, предпочел оставить епархию и уединиться в своей усадьбе в Стобо, в глуши Селкиркских лесов. Нет, убеждал себя епископ, следя за трудящимися, как пчелки, канониками: его решение было правильным, каким бы унижениям не подверглись монахи в его отсутствие. Они не шли ни в какое сравнение с тем, какие страдания выпали на долю других людей и, кроме того, ему никогда не удалось бы совершить и половину задуманного, оставайся он под бдительным присмотром Бека.

Подойдя к одному из окон, Вишарт стал смотреть на фруктовые сады, обступившие дворец со всех сторон. Деревья стояли в самом соку, шелестя листвой, искрящейся зеленью после прошедшего утром дождя. Вдали, за стенами дворца, над долиной реки Клайд, по берегам которой раскинулся Глазго, высился кафедральный собор. Несмотря на обстоятельства, Вишарт был искренне рад тому, что вернулся домой.

Заслышав за спиной мягкие шаги, епископ обернулся и увидел перед собой причетника.

— Посетитель, которого вы ожидали, прибыл, Ваше преосвященство.

Вишарт мрачно улыбнулся:

— Хорошо.

Обменявшись парой слов с настоятелем, он вышел из залы вслед за причетником. Снаружи во дворе кипела работа — служители разгружали повозки с добром, которое епископ привез с собой из Стобо. И среди этой суеты в глаза сразу бросалась небольшая группа всадников, замерших в неподвижности у ворот. Вишарт прищурился от солнца, глядя на высокого, темноволосого мужчину в центре. Епископ осторожно сошел по влажным после дождя ступенькам дворца, стараясь не поскользнуться, что при его габаритах грозило нешуточными неприятностями, решительно отвергнув попытку причетника поддержать его под руку.

— Сэр Джеймс, — окликнул он, направляясь к темноволосому мужчине, который повернулся к нему в ожидании.

— Ваше преосвященство. — Сенешаль склонился над протянутой ему для поцелуя рукой епископа. — Как приятно видеть духовного наставника, да еще соотечественника, в такие черные дни.

Вишарт проворчал нечто нечленораздельное в знак согласия. Распорядившись, чтобы причетник отвел людей сенешаля на конюшню, он знаком пригласил Джеймса следовать за

собой:

— Пойдемте, друг мой, прогуляемся. Я распоряжусь, чтобы вашим рыцарям подали хлеб и вино.

Двое мужчин зашагали по двору. Сенешаль был одет в промокшую дорожную накидку, на епископе была подбитая мехом горностаемая сутана, а его высокие башмаки со шнуровкой покрывала грязь.

Джеймс бросил взгляд в сторону повозок, с которых сгружали сундуки.

— Вы только что прибыли?

— Два дня тому. Я приехал, как только услышал о том, что епископ Бек убрался отсюда. — Вишарт злорадно ухмыльнулся. — Каноники говорили мне, что он подобрал свои юбки и бежал, как перепуганная баба, едва узнал о том, что сюда идет Уоллес. Забрав с собой все, что можно, разбойник отправился на юг Англии. — Улыбка Вишарта увяла. — И с ним исчезла половина моих вещей. Через несколько дней Уоллес прошел через город маршем на запад. — Судя по отсутствию удивления на лице Джеймса Стюарта, епископ понял, что тот уже и сам знает об этом. Развернувшись, чтобы войти в сад, он поджал губы, неодобрительно глядя в белесое небо. Облака висели над самой землей, но солнце упорно старалось пробиться сквозь них. — Мне известно, что вы поддерживаете восстание Уоллеса, — без обиняков заявил он, не желая ходить вокруг да около.

Джеймс взглянул на него. На мгновение маска невозмутимости слетела у него с лица, но тут же вернулась, и он вновь был сама невозмутимость. Сенешаль предпочел промолчать.

Вишарт остановился в тени старой яблони с искривленным стволом. Дерево росло здесь уже много лет, его посадили задолго до того, как он стал епископом, скорее всего, еще до его рождения, и оно пережило штормы и бури, засухи и войны. Осенью оно приносило самые сладкие яблоки.

— Бек поднял тревогу, Джеймс. Скоро здесь будут англичане. Мои лазутчики доносят, что король Эдуард уже приказал Брюсу поднимать людей Карлайла для нападения на земли Дугласа. Уоллес со своей армией направляются в Ирвин. Там они намерены дать бой нашим врагам. Я хочу, чтобы мы с вами присоединились к ним.

Джеймс отвел глаза и вновь промолчал.

— Армии Уоллеса и Дугласа растут день ото дня, — невозмутимо продолжал Вишарт. — С тех пор, как они выкурили Ормсби из Скоуна, к ним присоединились многие. На севере знамя восстания подняло семейство Морей. На западе началась война между Макдональдсами и Макдугаллами. Повсюду английские чиновники и те, кто их поддерживает, сталкиваются с растущим сопротивлением. Друг мой, вы шурин лорда Дугласа и сюзерен Уоллеса. Неужели вы не окажете им поддержку?

Наконец Джеймс заговорил:

— Большинство из тех, кто идет за Уоллесом, — разбойники и грабители. Государственные преступники. Какими бы ни были мои личные чувства, я остаюсь сенешалем этого королевства. Я не могу публично поддержать действия подобных людей.

Вишарт принялся настаивать, почувствовав неуверенность в голосе Джеймса.

— Вам не хуже меня известно, что эти люди объявлены государственными преступниками только потому, что посмели восстать против беззаконий, творимых в наших городах английскими солдатами. Вам известно, как поступил с Уоллесом шериф Ланарка?

— Да, известно.

— Время пришло, Джеймс. Король Эдуард занят войной во Франции, а среди егс

баронов, которым надоело платить за это, растет недовольство. Если мы выступим сейчас, то одержим победу.

— Сражение? При Ирвине? — Джеймс с недоверием покачал головой. — Даже если я подниму людей Ренфру, Кайл Стюарта и Бьюта, мы не сможем победить англичан в открытом бою. Армия Уоллеса вооружена пиками и дубинками. У большинства нет доспехов и еще меньше опыта. Тяжелая кавалерия англичан выкосит их, как град пшеницу. Вся наша армия не смогла противостоять им под Данбаром. Как же могут рассчитывать на победу крестьяне?

Вишарт улыбнулся, и глаза его задорно блеснули.

— Не теряйте веры, Джеймс. У нас есть план.

Маленький отряд вступил в порт Ирвин, и по траве вслед за их лошадьми побежали тени. В глаза Роберту светило заходящее июньское солнце, его накидку и мантию покрывала пыль кукурузных полей, по которым пришлось ехать. Над головой у него реял штандарт Каррика, который держал рыцарь графства, Уолтер. Рядом с ним, вывалив язык от жары, лениво трусила Уатача. Позади шагали Нес, который вел Хантера в поводу вместе со своим конем, Сетоны и два рыцаря из поместья Александра в Восточном Лотиане. С тех пор, как они покинули пределы Дугласдейла, Роберт регулярно советовался с ними, да и спать им приходилось чуть ли не под одним одеялом, так что за время пути он успел хорошо узнать двоюродных братьев. Он был рад тому, что они пошли с ним: Кристофер поднимал ему настроение, а Александр прикрывал спину.

Сзади двигались семеро рыцарей из Каррика, пять слуг и камердинер Роберта. Все они вели в поводу лошадей, навьюченных припасами. В самом хвосте процессии катилась единственная повозка, на которой лежало тяжелое снаряжение и шатры. Среди мужчин на гнедой лошадке, ранее принадлежавшей супруге Роберта, ехала и Катарина. Служанка надела одно из платьев Изабеллы, которое раскопала в его вещах в Лохмабене. Роберт даже не помнил, что хранит у себя что-либо из вещей жены, пока в их вторую ночь вместе Катарина, выскользнув из постели, не показала ему платье и не попросила разрешения надеть его, поскольку ее собственная одежда пришла в полную негодность. Он долго смотрел на нее, как она, обнаженная, с покрасневшими щеками после занятий любовью, стоит перед ним, после чего лишь молча кивнул в знак согласия. Светло-голубое платье, стягивающееся на спине расшитой серебром витой лентой, было чуточку длинным, поскольку Катарина уступала Изабелле в росте, и тесным в груди — здесь, напротив, природа одарила служанку более щедрым бюстом, — но Катарина быстренько усадила Джудит за работу, заставив перешить обновку. Голубое платье, закрывающее круп лошадки, все-таки оказалось чересчур тесным в груди, и Роберт знал, что этот факт не остался незамеченным его людьми.

Сбоку от Катаринины ехала Джудит, мрачно зыря по сторонам из-под покрытого пылью платка. Солнце усыпало ее остренькое личико множеством веснушек. Девчонка стала для Роберта сущим наказанием, но, пока у нее было молоко, она представляла не меньшую ценность, чем рыцари и оруженосцы с их мечами. За спиной у кормилицы на деревянном стульчике, который Нес соорудил из старой табуретки, закутанная в одеяло, покачивалась

Марджори. Его дочь, которой исполнилось уже почти шестнадцать месяцев, начала лепетать первые слова, чем приводила отца в неопиcуемый восторг.

Впереди, за пределами Ирвина, на распаханых полях по обоим берегам реки раскинула свой лагерь повстанческая армия. Собранная, что называется, с бору по сосенке, она являла собой живописное зрелище: со всех концов Шотландии сюда стекались бароны и лорды, клирики и чиновники. Но, многократно превосходя их числом, основную массу войска составляли крестьяне и разбойники. Снаряжение также не отличалось однообразием — изысканные шатры перемежались брошенными прямо на землю одеялами, а огромные боевые скакуны в пополах паслись рядом с крошечными пони и мулами. Здесь были аккуратные чаши для костров, вокруг которых сутились слуги, и едва теплящиеся очаги, у которых сгрудились грубые мужчины в шерстяных накидках с капюшонами. В траве между шатрами и кострами буйным цветом полыхали фиолетовые головки чертополоха. Роберт, щуря от напряжения глаза, вглядывался в сумеречную даль, высматривая штандарт сенешаля.

Уходя из Дугласдейла, он последовал совету леди Дуглас и направился на юго-запад. Там, за невысокими холмами, лежал Кайл Стюарт. Сенешаль стал для него чем-то вроде маяка в ночи, тенью надежды на горизонте. Стюарт был многоопытным, ловким политиком и умелым оратором, и дед Роберта числил его среди своих ближайших доверенных лиц. Роберт не сомневался, что сенешаль сможет дать ему добрый совет, но все его надежды развеялись как дым, когда, прибыв в поместье, они обнаружили, что сенешаля там нет. Неразговорчивый стражник с большой неохотой сообщил ему, что лорд Стюарт совсем недавно отбыл на встречу с епископом Глазго. В Кайл Стюарт их отряд задержался на несколько дней. Разбив лагерь в лесу, Роберт размышлял над тем, что ему делать дальше.

Во время марша на запад он еще больше укрепился во мнении, что поступил правильно, отказавшись выполнить приказ отца. Тяжесть прошедшего года упала у него с плеч, и, несмотря на тревогу о том, какие последствия будет иметь его поступок для него лично и для его земель, впервые за много месяцев он смотрел в будущее с надеждой. Роберт не сбрасывал со счетов возможность возобновления переговоров с англичанами, что отчасти добавляло ему оптимизма. В конце концов, он был одним из тринадцати графов Шотландии и считался приближенным короля Эдуарда, пусть даже бывшим, так что к его голосу они наверняка прислушаются. В этом состояло его основное отличие от того же Уоллеса, голос которого был ревом толпы и который, кажется, не стремился более ни к чему, как только убивать всех англичан в пределах видимости. Впрочем, какими бы ни были его надежды, Роберт не мог торчать на одном месте до бесконечности, ожидая возвращения лорда сенешаля, поскольку с каждым днем слухи о грядущей войне становились все настойчивее.

Все громче говорили о вооруженных стычках на западе между Макдональдсами Ислея и Макдугаллами Аргилла. Макдональдсы, друзья Брюсов, поддержали короля Эдуарда во время оккупации, чем навлекли на себя месть Макдугаллов, давних союзников Коминов. Ширились слухи о сожженных дотла городах и семьях, вынужденных срывать с насиженных мест и спасаться бегством, о бандах вооруженных разбойников, свирепствовавших в окрестностях и не гнушавшихся грабежами и убийствами. Повсюду вспыхивали все новые очаги напряженности, семьи определялись с выбором и становились или на одну, или на другую сторону, и старинная вражда лишь подбрасывала дров в костер нового противостояния. Английские гарнизоны запирались за стенами замков, к Крессингэму в Бервик мчались гонцы с просьбами о помощи, а путешествовать по дорогам становилось все опаснее. Именно народная молва донесла до Роберта и его отряда сведения

о том, что скотты собираются в Ирвине. Впрочем, слухи ходили самые разные. Одни утверждали, что король Эдуард лично двинулся на север во главе целого войска, чтобы дать бой повстанцам, другие говорили, что Уоллес намерен вторгнуться в Англию. Но и те, и другие сходились в одном — у мятежа появились два новых сторонника в лице епископа Вишарта и сэра Джеймса Стюарта и оба достойных мужа тоже направляются в порт.

И вот теперь, приближаясь в сгущающихся сумерках к лагерю повстанцев, Роберт с волнением ожидал встречи с сенешалем, которая могла стать для него решающей. Но его отряд еще не успел достигнуть первых шатров, как их остановил вооруженный патруль.

Воины были пешими, и один из мужчин, явно старший, поднял руку, приказывая им остановиться. Мускулистый, с загорелой дочерна бритой головой был одет в грязные штаны из оленьей кожи, доходившие ему до щиколоток и подпоясанные широким ремнем с массивной бляхой, а также подбитую мехом накидку тонкой работы, которую он носил распахнутой, обнажая покрытую шрамами грудь. В руках он сжимал боевой топор с длинным топорщиком и зловеще изогнутым, непривычного вида лезвием. Его сопровождали шестеро мужчин и, судя по их одежде, можно было с уверенностью заключить, что они — уроженцы самых разных уголков Шотландии. Один, опиравшийся на длинное копьё, был босиком, в короткой тунике горца. Второй щеголял в старомодном нагрудном панцире, который был ему слишком велик, поверх кольчуги с длинными рукавами — это заставляло предположить, что некогда доспехи предназначались намного более крупному хозяину. Двое других были одеты в поношенные кожаные дублеты и вооружены короткими луками, а с поясов у них свисали матерчатые колчаны со стрелами. Они держались с нагловатой уверенностью много повидавших мужчин, что было недалеко от истины, принимая во внимание свежие шрамы и пятна крови, впитавшиеся в одежду.

Лысый здоровяк в подбитой мехом накидке не сводил взгляда со штандарта Роберта.

— Кто такие? — с дружелюбностью пещерного медведя пожелал узнать он.

Стоило Роберту назваться, как отношение патруля неуловимо переменилось. Лысый бросил многозначительный взгляд на горца, который молча кивнул в ответ и зашагал вглубь лагеря.

Здоровяк одарил Роберта хмурым взглядом.

— Подождите здесь.

— Я прибыл повидаться с сэром Джеймсом Стюартом, — продолжал Роберт, проглотив оскорбление. В глубине души он не рассчитывал на теплый и радушный прием, но столь грубое обращение со стороны простолюдинов пахивало откровенным неуважением к его благородному происхождению.

Старший патруля ничего не ответил, продолжая буравить Роберта хмурым взглядом и не выпуская из рук свой устрашающего вида топор.

Роберт откинулся на луку седла, демонстрируя полнейшее равнодушие, хотя его уже начинали мучить сомнения, а не совершил ли он ошибку, приехав сюда, причем не исключено, что роковую. Он поймал взгляд Александра Сетона, который держал ладонь на рукояти меча и лицо которого выражало те же самые чувства.

Напряженное ожидание не затянулось. Вдалеке показалась группа мужчин, целенаправленно шагавших по кишашему людьми лагерю, за которыми следовал босоногий горец. Роберт выпрямился в седле, узнав полосу в сине-белую клетку на золотом поле, украшавшую их щиты: это был герб сенешаля. Обрадованный тем, что здесь еще можно встретить друга, он, тем не менее, не мог не заметить, что рыцари сенешаля приветствовали

его с той же холодностью, что и лысый здоровяк, и не спешили убирать руки с рукоятьей мечей, когда пригласили его и его спутников спешиться. Оставив Хантера на попечение Несы, Роберт зашагал вверх по склону за своим эскортом. Оглянувшись, он заметил, что лысый здоровяк со своими людьми следуют за ним едва ли не по пятам.

Проходя мимо шатров, в которых горели фонари, и вдыхая дым от костров, Роберт видел, что многие оглядываются на его флаг. Лица людей суровели при виде красного шеврона на белом поле. Он понимал, что не может осуждать их за это, потому что провел два года при дворе короля Эдуарда, а во время войны его семья встала на сторону англичан. Тем не менее, решимость переубедить их не ослабела, и Роберт с нетерпением поглядывал на ряд шатров впереди, к которым они, очевидно, и направлялись. Перед ними к коновязи, вбитой в землю, были привязаны несколько лошадей, среди которых были и благородные лошадки, и крупные боевые скакуны. Запахи навоза и пищи смешивались с дымом, поднимавшимся от костра, ярко пылавшего в ночи. Вокруг сидело много людей, передавая друг другу меха с вином или мясом; одни смеялись, другие негромко разговаривали. Несколько человек молча смотрели в огонь, отблески которого плясали на свежих шрамах и ранах. Между костром и шатрами Роберт вдруг заметил Джеймса Стюарта. Он разговаривал с коренастым невысоким мужчиной с выбритой тонзурой и испещренным оспинами лицом, одетым в подбитую мехом горностаю сутану. Это был Роберт Вишарт, епископ Глазго. Оба мужчины оглянулись при его приближении. Роберт улыбнулся, но ни сенешаль, ни клирик с пылающим взором не приняли его выражения дружелюбия.

Отряд Роберта, вместе с Катариной и Джудит, которая прижимала к груди хнычущую Марджори, со всех сторон обступили вооруженные рыцари.

— Сэр Роберт, — холодно приветствовал его сенешаль. — Какая неожиданная встреча.

— Я очень рад видеть вас, сэр Джеймс. Я со своими людьми прибыл сюда из Кайл Стюарта, где надеялся побеседовать с вами и получить совет.

— Я так и думал, что мы вскоре увидимся. — Сенешаль окинул внимательным взглядом отряд Роберта.

— Мы слышали о том, что случилось в замке лорда Дугласа.

— В самом деле? — Роберт был удивлен. Уголком глаза он видел, как лысый здоровяк подошел к костру и заговорил с каким-то высоким мужчиной, который сидел спиной к нему.

— Неделю тому здесь побывала моя сестра, направляясь туда, где она будет в безопасности. — Сенешаль немного помолчал. — Вы заслужили мою благодарность тем, что отпустили ее и моего племянника. Попади они в руки короля Эдуарда, я не стал бы утверждать с уверенностью, что когда-нибудь увиделся бы с ними снова. — Но его словам недоставало тепла и искренности.

Роберт отметил про себя, что кое-кто из мужчин, сидевших у костра, поглядывает на них. Он подавил желание подойти поближе к дочери, встретив их враждебные взгляды. Но вот один из мужчин встал и целеустремленно зашагал к ним. Он был коренаст, широкоплеч и мускулист, с гривой буйных черных волос, одетый лучше остальных — в хорошо подогнанную кольчугу и синюю накидку. Его лицо показалось Роберту смутно знакомым. И только разглядев три белые звезды на его накидке, он понял, в чем дело. Его подозрения в том, что перед ним стоит отец Джеймса Дугласа, подтвердились, когда тот заговорил.

— Сэр Роберт Каррик, не так ли? Мне сообщили, что вы спасли мою жену и сына. — Роберт не успел ответить, поскольку лорд Дуглас грубо продолжил: — Прежде чем я выражу вам свою благодарность, я хотел бы знать, почему вы это сделали.

— Мы все хотели бы узнать это.

Ясный и чистый голос принадлежал высокому мужчине, подошедшему к ним от костра. Лысый здоровяк, вышагивавший впереди, вдруг показался карликом по сравнению с ним. Роберт уставился на гиганта, рост которого далеко перевалил за шесть футов и, пожалуй, приближался к семи. У него были широкие, как лопаты, кисти рук и ступни ног, но и они выглядели исключительно пропорционально на его мощной фигуре. Роберт и сам не был коротышкой, но рядом с этим колоссом вдруг почувствовал себя неудобно. Даже король Эдуард, которым восхищались и которого боялись за его высокий рост и властную осанку, носивший среди придворных прозвище «Длинноногий», не мог соперничать с ним в росте. У мужчины было квадратное, грубое лицо и нос, который выглядел так, словно его ломали много раз. Лоб его украшал шрам, наполовину скрытый густыми каштановыми волосами. Его мускулистые руки усеивали извилистые, недавно полученные шрамы, один из которых тянулся от локтя до самого запястья. Но самым удивительным в его облике были глаза, ослепительно синие, в которых светился глубокий и острый ум. На нем были поношенные штаны и сапоги, перевитые полосками кожи, чтобы они не сползали на щиколотки, и темно-синяя туника, из-под которой выпирал пластинчатый панцирь.

Гигант остановился перед Робертом.

— Для чего вы явились ко мне в лагерь?

Роберт помолчал, прежде чем ответить. Значит, вот он каков. Человек, который отказался присягнуть на верность королю Эдуарду и заколол сына английского рыцаря, оскорбившего его, а потом одним только ржавым ножом отбил от пяти его компаньонов. Человек, которого посадили в тюрьму, избили и морили голодом, а потом, сочтя мертвым, выбросили вместе с нечистотами в канаву, и который восстал из мертвых двумя днями позже. Человек, который выкурил английского юстициара из Скоуна и прорубился сквозь добрую половину городского гарнизона, чтобы заколоть в постели шерифа Ланарка, с чего, собственно, и началось восстание.

Роберт был поражен тем, что хотя стать молодого человека вполне соответствовала тем невероятным легендам, которые слагали в его честь, Уильям Уоллес выглядел ничуть не старше его самого. Он-то приписывал эти геройские подвиги значительно более зрелому человеку. Роберт обратил внимание, что Уоллес носит на шее какое-то очень странное ожерелье. Вглядевшись пристальнее, он с содроганием отметил, что оно составлено из человеческих зубов. Подняв голову, чтобы не видеть отвратительного трофея, он встретил пронизательный взгляд ярко-синих глаз молодого человека. Обдумывая по пути в Ирвин свою речь, он собирался заявить, что его плоть и кровь взбунтовались при виде бесчинств, творимых англичанами, и что он намерен вместе с ними сражаться за свободу своего королевства. Но сейчас, под взглядами этих суровых, закаленных в боях и иссеченных шрамами мужчин слова эти ему самому показались выпренными и напыщенными.

— Я пришел, — проговорил он, наконец, глядя на Джеймса, — чтобы предложить свою помощь в борьбе против оккупации короля Эдуарда. — Взгляд Роберта метнулся обратно к Уоллесу, которого его слова, похоже, совершенно не убедили, и добавил: — Потому что я такой же шотландец, как и вы.

Лысый здоровяк презрительно фыркнул. Нес моментально ошетинился, а ладонь Александра Сетона, лежавшая на рукояти меча, медленно сжалась, готовая потянуть клинок из ножен.

Уоллес прищурился, глядя на Роберта.

— Неужели? Не ваш ли отец продолжает оборонять Карлайл для английского короля? Не вы ли отказались поднять оружие за короля Джона, отдав свой меч королю Эдуарду? Мне не нужны люди, которые называются шотландцами лишь по рождению. Мне нужны те, кто чтит Шотландию в своем сердце.

Роберт шагнул вперед, намереваясь гневно осведомиться, как смеет этот варвар, в жилах которого течет лишь капля благородной крови, разговаривать с ним в подобном тоне. Но он сдержал уже готовые сорваться с языка резкие слова, расслышав в тоне Уоллеса те же самые язвительные нотки, что вечно звучали в голосе отца.

— Мой отец отказался сражаться, потому что человек, который призвал нас под свои знамена, был всего лишь жалкой марионеткой в руках наших врагов, Коминов. — Он гордо вскинул голову и вызывающим взором обвел лица людей, которые начали недовольно перешептываться, заслышав такие речи. Роберт вперил взгляд в сенешаля и Вишарта. — Многие из вас выступили на стороне моего деда, когда он предъявил свои права на трон, поддержав его своими именами и репутацией. Но где же вы были, когда его правом пренебрегли? Вы отошли в сторону, боясь подвергнуть опасности свое положение при Баллиоле. Что ж, это вполне понятно. Но тогда вам должно быть понятно и то, как поступила моя семья, когда ей пришлось выбирать между тем, чтобы присягнуть врагу, или встать на сторону короля, который обошел нас своим вниманием, но на чьей службе мы оставались. — Он вновь взглянул в лицо Уоллесу. — Что бы вы ни думали о моих действиях, все эти годы я оставался верен единственному королю, которому присягнула моя семья. — Помолчав, Роберт добавил. — Но любая верность имеет свои границы.

И тут Джеймс Стюарт пришел Роберту на помощь.

— Никто из нас не может отрицать того, что только что сказал сэр Роберт. К стыду своему, я отошел от его семьи после того, как закончились слушания по делу, в котором я поддержал его деда. — Он устремил взгляд своих карих глаз на Роберта. — Это тяжесть, которую я с тех пор вынужден носить в своем сердце и которую лишь усугубила кончина вашего деда. — Джеймс посмотрел на Уоллеса. — Нужно быть храбрым человеком, мастер Уильям, чтобы встать на защиту своей семьи, когда против нее ополчились столь многие. И еще более храбрым, чтобы пойти против нее ради своего королевства.

Уоллес отрицательно покачал головой:

— Я бы согласился с вами, сэр Джеймс, но, боюсь, он не более чем шпион, присланный отцом, чтобы выведать наши планы. Скорее всего, его действия в Дугласе были лишь хитрой уловкой, призванной внушить нам доверие к нему. — Он не смотрел на Роберта, когда прямо и откровенно выражал свои мысли. — Он был слугой Эдуарда на протяжении последних трех лет. Ему нельзя доверять. — С этими словами Уоллес развернулся и широким шагом направился обратно к костру.

Роберт, видя как некоторые мужчины согласно кивают и даже мрачно улыбаются, шагнул вслед за Уоллесом, намереваясь заставить того ответить за свои обвинения.

Его остановил Джеймс Стюарт:

— Вы проделали долгий путь, а час уже поздний. Нам нужно поговорить наедине, сэр Роберт. — Он обернулся к своим рыцарям и жестом указал на отряд Роберта. — Проследите, чтобы его людей накормили. — Видя, что Роберт продолжает смотреть в спину удаляющемуся Уоллесу, Джеймс добавил: — По-моему, ваша дочь тоже очень устала.

Роберт с неохотой последовал за сенешалем в шатер. Откинув полог, он шагнул в теплое нутро, в котором имелись кровать, раскладной стол, скамейки и несколько табуретов. Внутренности шатра освещали светильники, а на полу лежали выцветшие ковры. Здесь же находились двое слуг. Сенешаль приказал старшему из них налить им вина.

Роберт, все еще злясь на слова Уоллеса, уже собрался было отказаться, но при виде сенешаля, спокойно стоявшего перед ним в ожидании, сменил гнев на милость. Кроме того, его мучила жажда. Взяв кубок, он отпил несколько глотков, но, когда Джеймс знаком предложил ему присесть, остался стоять.

— Почему вы позволяете Уоллесу указывать вам, что делать и как себя вести? Он всего лишь сын одного из ваших вассалов. Он даже не рыцарь! Хуже того, он необузданный дикарь. Вы видели, что за ожерелье он носит на шее?

Джеймс отпил глоток из своего кубка, ожидая, пока Роберт выдохнется.

— Это очень деликатный вопрос. Да, по положению я стою намного выше Уильяма, так же, как и вы. Но для многих своих последователей он стал кем-то вроде спасителя. Они слушают только его, а ведь именно они составляют большую часть этой армии. — Джеймс жестом обвел лагерь, видимый в откинутый полог шатра как красноватый треугольник, полный дыма и неясных теней. — Вот так обстоят дела.

— До меня доходили слухи о кое-каких его делишках, — заявил Роберт, упрямо стоя на своем. — Пытки. Убийства. Разве человек чести может вести себя подобным образом?

— Нет. Это поступки отчаявшегося человека в отчаянные времена. Я не оправдываю его методов. Но, — Джеймс сделал паузу, — я могу понять их. — Сенешаль опустил на низенький табурет, расправив полы своей желтой мантии. — Для Уильяма война началась шесть лет назад, во время слушаний о том, кто должен занять трон. Когда дворянам пришлось присягнуть на верность королю Эдуарду как своему сюзерену, отец Уильяма — один из моих вассалов — отказался. Уоллес был славным мужчиной, но гордым и упрямым. Король отреагировал очень быстро. В качестве назидательного примера для остальных Уоллеса объявили государственным преступником и вынудили оставить свою семью. Вскоре после этого произошла стычка между рыцарями и людьми короля, присланными якобы для того, чтобы поддержать мир. Уоллес покинул свое убежище, чтобы присоединиться к этим людям, на которых лежала ответственность за гибель пятерых английских солдат. Английские рыцари преследовали эту банду до самого холма Лоудаун-Хилл.

Роберт вспомнил, как дед рассказывал ему о вооруженном столкновении, случившемся как раз во время слушаний.

— Отец Уоллеса был ранен, ему отрубили ноги и бросили умирать на склоне холма. Это была страшная смерть. Вскоре супруга его скончалась в нищете, а сыновей его разлучили. К тому времени, как Баллиол взошел на трон, Уильям уже жил у своего дяди, шерифа Эйра. Он от всего сердца возненавидел английскую солдатню, которую считал виновной в смерти своих родителей. Разразившаяся в минувшем году война стала тем шансом, которого он ждал, но его надежды на отмщение развеяло в пыль поражение под Данбаром. В наши города хлынули английские чиновники, вытесняя местный люд. Одним из них стал новый шериф Ланарка, человек по имени Хейсильриг. — Джеймс прервал свой рассказ, чтобы отпить глоток вина. — Помню, в самые первые дни оккупации мне рассказывали об

английском солдате, кулачном бойце, который предлагал всем желающим сразиться с ним на рыночной площади Ланарка. Он брал четыре серебряных монеты с того, кто захочет сломать шест об его спину. Уильям принял предложение и заплатил четыре пенса, но вместо того, чтобы сломать шест, он сломал несчастному идиоту спину. Товарищи борца набросились на него с кулаками, но он поколотил их — всех троих. Уильяма объявили преступником, его дядю ограбили, а друзей избили в отместку. Его лошади даже обрезали хвост. Но потом дело приняло серьезный оборот, и погиб сын английского рыцаря. Уильям заколол мальчишку его же собственным ножом. Уильяма схватили и бросили в темницу, откуда после нескольких недель пыток он сбежал.

С этого времени он стал скрываться, вместе с друзьями, которые защищали его. Но даже после того, как за его голову была обещана награда, он тайком проникал в Ланарк, играя в прятки со смертью, поскольку такой рост скрыть невозможно. Видите ли, в городе у него была молодая жена, дочь весьма состоятельного человека, которую он полюбил и на которой женился годом ранее. Сейчас Уильям ни словом не вспоминает о Марион, и все его товарищи тоже хранят молчание, но я знаю, что весной она родила ему девочку. Однажды ночью люди Хейсильрига схватили его, когда он пробирался на свидание с женой и новорожденной дочерью. Уильям, оставшись один против множества врагов, вынужден был забаррикадироваться в доме Марион. Когда туда собственной персоной прибыл Хейсильриг и потребовал впустить его, Уильям бежал, оставив Марион вести переговоры с шерифом, чтобы отсрочить погоню.

Насколько мне известно, когда обман раскрылся, шериф пришел в ярость и приказал запереть Марион с ребенком в доме и поджечь его. Подробностей я не знаю, но Марион с девочкой погибли в тот же день, а Уильям едва не сошел с ума от горя. В ту же ночь он вернулся в город и уложил половину гарнизона, чтобы прорваться в спальню шерифа, которого изрубил на куски в собственной постели. — Джеймс допил вино. — Мне говорили, что к тому времени, как Уильям покончил с ним, Хейсильрига невозможно было узнать. После этого пути назад уже не было. Уильям с товарищами продолжили вооруженную борьбу.

Они начали с того, что нападали на английские отряды на лесных дорогах и поджигали гарнизоны. Когда к ним стали присоединяться другие, лишившись своего имущества после непомерных налогов, введенных Крессингэмом, нападениям начали подвергаться все новые и новые чиновники. Не понадобилось много времени, чтобы личный крестовый поход Уильяма превратился в полномасштабное восстание. — Помолчав, Джеймс встал и взглянул Роберту в лицо. — Конечно, он может быть преступником и убийцей, но у него дар предводителя, и здесь он обладает таким авторитетом, которому нам попросту нечего противопоставить. Люди, которые идут за ним, не пойдут за нами. Уильям Уоллес добился того, что под силу немногим из нас. Он объединил людей из разных частей королевства и разных сословий, от нищих до лордов. У них нет перед ним никаких обязательств, и он не платил им и не принуждал их силой. Они остаются рядом с ним из чувства преданности ему, потому что он страдал и умирал так же, как и они.

Роберт ничего не знал об этом: о тех лишениях и борьбе, которую вели во время оккупации люди низшего сословия. Он вдруг подумал о людях Каррика. Неужели и на их долю выпали те несчастья, с которыми довелось столкнуться Уоллесу? Он ощутил укол вины, чувства, с которым сроднился за последние дни. Джеймс знал о своих вассалах очень много. А Роберт даже не подозревал о тех страданиях, которые пришлось вынести мужчинам

и женщинам его графства, пока Эффриг не бросила обвинение в этом ему в лицо. В попытке остаться верным одним принесенным клятвам он нарушил множество других.

— Я хочу исправить то, что можно, — сказал он вдруг. — Я знаю, что не имею никаких причин рассчитывать на ваше доверие, но в память о вашей дружбе с моим дедом я прошу вас дать мне возможность заслужить его. Я могу помочь вам здесь. Я стану первым графом, который открыто объявит о своей поддержке восстания. Более того, я знаю англичан и я знаю их короля. Они могут прислушаться ко мне в любых переговорах, если мы предложим им таковые.

Джеймс долго смотрел на Роберта.

— Да, полагаю, вы действительно можете оказаться нам полезным. — Похоже, его недоверие ослабело, и он кивнул на хлопающие под ветром полы шатра. — А сейчас ступайте, устраивайтесь со своими людьми. Я поговорю с Уильямом. Может, он и командует этой армией, но к моему совету он прислушается. — Сенешаль приостановился у входа. — Напоследок хочу сказать, Роберт, что понимаю, как нелегко тебе было все последние годы служить под началом у собственного отца. Я знаю, что лорд Аннандейл надеялся заполучить трон после ареста и заключения короля Джона. Известно мне также и то, что он лишился этого права.

Когда Роберт вышел из шатра, лорд сенешаль долго смотрел ему вслед. Он подметил облегчение, отразившееся на лицах спутников молодого графа, расположившихся неподалеку. Никто из них не прикоснулся к еде, которую им подали, явно ожидая, пока к ним не присоединится Роберт.

Из темноты к сенешалю шагнула огромная тень, и на пороге возник епископ Вишарт. Джеймс отступил в сторону, давая ему пройти.

— Ну, что скажете? — пожелал узнать епископ.

— Думаю, мы должны позволить ему остаться, Ваше преосвященство, — ответил Джеймс, возвращаясь обратно в теплое нутро шатра.

— Мастер Уильям может быть прав, — проворчал Вишарт, следуя за ним. — Не исключено, что его прислали сюда шпионить за нами.

— Вполне возможно. Но в данном случае я в это не верю.

— Я знаю, как вы уважали его деда, Джеймс, как, впрочем, и я, но голоса крови недостаточно, чтобы сделать из него достойного человека. Вспомните его отца.

Джеймс отвернулся, задумавшись, и прикрыл глаза.

— Но ведь он был прав, разве нет? — пробормотал он словно бы про себя. — Мы поддержали претензии его деда на трон, отдав ему предпочтение перед Баллиолом. — Сенешаль взглянул в лицо епископу, когда Вишарт не ответил. — А теперь мы сражаемся от имени короля, которого никогда не хотели.

— Какими бы ни были наши личные опасения, мы с вами принесли присягу Джону Баллиолу перед Богом и людьми.

Джеймс собрался было возразить, но потом передумал. Время для подобного разговора еще не пришло. Вместо этого он предложил епископу вина.

— Вы поддержите мое решение разрешить ему остаться?

Вишарт принял кубок из рук слуги сенешаля.

— При одном условии, — заявил он, отпивая глоток. — Мы не станем посвящать его в наши планы.

— Он может принести больше пользы, если будет знать о них.

Но Вишарт остался непреклонен.

— Нет. До тех пор, пока мы не будем совершенно уверены в том, что ему можно доверять. — Запрокинув голову, епископ единым духом осушил кубок. — А убедимся мы в этом очень и очень скоро. Лазутчики сообщают, что по долине Нитсдейл на нас идут англичане. Со дня на день следует ожидать появления Перси и Клиффорда.

В этот жаркий день прохладу принес с собой легкий ветерок, колыша серебряные волны травы на лугах. По обоим берегам реки Ирвин шумели деревья. Широкая дорога, тянувшаяся от реки к порту, была сплошь забита людьми и лошадьми, и разноцветье флагов ярко выделялось на фоне угрюмого лилового неба.

Роберт стоял в молчании, переводя взгляд с кавалерии на медленно движущиеся ряды пехоты позади, которые были видны благодаря подъему дороги. Прикинув, что всадников должно быть не меньше нескольких сотен, а пеших воинов — втрое больше, он вновь взглянул на передний ряд, над которым реяли два штандарта. Роберт задержал взгляд на голубом льве на золотом поле, гербе дома Перси, который приближался к нему с каждой минутой.

Когда ему сообщили, что к порту направляются именно Генри Перси и Роберт Клиффорд, Роберт не удивился. Перси был назначен губернатором Галлоуэя и Эйра, а после бегства епископа Бека и гибели шерифа Ланарка стал главным военачальником английских войск на западе Шотландии. С учетом того, что он мог быстро призвать под свои знамена пополнения из своих поместий в Йоркшире, располагавшихся по другую сторону границы, Перси становился наиболее вероятным претендентом на роль лидера, которого Крессингэм отправит разделаться с повстанцами. Несмотря на определенные опасения, которые внушала ему встреча с бывшими однополчанами, Роберт втайне был уверен, что они прислушаются к нему. Он сражался с ними бок о бок, они вместе смотрели смерти в глаза и приняли его в свои ряды как равного. Они считали его своим братом.

Но теперь, глядя на приближение огромной армии, он чувствовал, как оптимизм его постепенно улетучивается.

Рядом с Робертом стоял епископ Глазго, расставив ноги и сцепив руки за спиной. Он походил на коренастое дерево, надежно вросшее в землю всеми корнями. По левую руку расположился сенешаль, и лицо его по обыкновению оставалось совершенно непроницаемым. Компанию им составили свирепый лорд Дуглас и Уильям Уоллес, возвышавшийся надо всеми, как башня. Уоллес стоял в расслабленной позе, и лишь в глазах у него полыхал яростный огонь нетерпения. На ремнях за спиной у него висел огромный меч. Зазубренный обнаженный клинок достигал в длину пять футов, а обтянутая кожей рукоять выступала над крестовиной на целый фут. С ним были двое его командиров. Одним из них был тот самый лысый здоровяк, о котором Роберт уже знал, что он приходится Уоллесу кузеном. Его звали Адам, и он по-прежнему носил нелепую накидку с меховым подбоем, явно захваченную в качестве трофея в конторе юстициара в Скоуне.

Авангард англичан свернул с дороги и двинулся прямо по полю, так что кони оставляли после себя след примятой травы. На ходу они рассредотачивались, предоставляя ждущим их

появления скоттам возможность полюбоваться устрашающим зрелищем тяжелой рыцарской конницы, идущей следом. Всадники сидели на укрытых попонами и кольчугами боевых скакунах, держа длинные копья поднятыми вверх. Пешие воины, набранные в северных графствах Англии, двигающиеся вслед за рыцарями, пожалуй, не имели численного превосходства над армией Уоллеса, зато перевес англичан в кавалерии был подавляющим. У Роберта упало сердце. Если сражение развернется прямо здесь, на поле, то они непременно будут разбиты.

Проревел рог, и английская армия остановилась. Горячие кони нервно прядали ушами и перебирали копытами. От основных сил отделился небольшой конный отряд и поскакал к ожидающим скоттам. Даже если бы над ними не развеялся знакомый стяг, Роберт все равно узнал бы Перси по посадке. Лорд Алнвик, копьё которого вез его оруженосец, одной рукой держал поводья, а другую упер в бедро, и его массивная фигура внушительно покачивалась в такт движению лошади. На голове у него красовался огромный шлем, украшенный тремя белоснежными лебедиными перьями, но забрало он поднял, выставляя напоказ покрасневшее и изрядно пополневшее лицо, на котором кривились в презрительной улыбке губы.

Когда отряд остановился, всадники не спешили, а остались в седлах, глядя сверху вниз на шотландцев. Жеребец Перси злобно фыркал и переступал с ноги на ногу. Лорд обвел их взглядом, задержавшись на Уоллесе, а потом остановил свой взор на Роберте.

Роберт ощутил, как в груди у него разрастается ледяной ком, но, тем не менее, выпрямился и спокойно встретил угрожающий взгляд Перси.

Первым заговорил Вишарт:

— Добрый день. Я — Роберт Вишарт, милостью Божией епископ Глазго и бывший местоблюститель Шотландии. Я буду вести с вами переговоры, вместе с моими благородными товарищами. — Он по очереди представил остальных.

Перси не сводил глаз с Роберта.

— Я слышал, что о тебе говорили, будто ты предал своего короля. *Клятвопреступник*. — Прежде чем Роберт успел ответить, Перси развернулся к епископу. — Благородные товарищи? Я вижу перед собой клирика, троих предателей и беглого преступника.

Лорд Дуглас грязно выругался, но Вишарт поспешил погасить скандал в зародыше.

— Мы здесь для того, чтобы разговаривать, как подобает мужчинам, а не обмениваться обидными прозвищами, как школяры.

Заговорил Клиффорд, тоже смотревший в упор на Роберта:

— Мы получили приказ арестовать любого, кто нарушил покой короля и поднял против него оружие. — Клиффорд ткнул рукой в кольчужной перчатке в сторону Уоллеса, который, не дрогнув, встретил его взгляд. — За голову этого человека обещана награда. Вы все лишились своих прав и земель, нарушив присягу, принесенную королю. Переговоров не будет. Вы или сдадитесь безоговорочно, или мы применим силу.

Роберт внутренне подобрался, готовясь услышать резкий вызывающий отказ от Вишарта.

Но, вместо этого, епископ безмятежно взглянул на Клиффорда.

— В этом нет необходимости, лорд Клиффорд. Мы сдаемся.

Откинув полог шатра, Роберт вошел внутрь вслед за сенешалем. Полы шатра выгибались

под ветром.

— Вы знали, что епископ намерен поступить именно так? Почему, во имя Господа, вы согласились на это?

Его грубый тон заставил Джеймса предостерегающе прищуриться.

— Я думал, мы намерены дать бой и именно для этого вы прибыли в Ирвин. Отказавшись выполнить приказ отца, объявив о своей поддержке восстания, я рискнул всем! Своими землями, своей семьей. И ради чего? — Роберт резко развернулся на каблуках. — Я приехал сюда не для того, чтобы согласиться на все их требования, даже не начав переговоров.

— Мы, конечно, люди смелые и отважные, но слишком плохо вооружены для того, чтобы сойтись с англичанами в открытом бою. Вам это известно не хуже меня. Даже лучше, смею предположить. Вы сражались вместе с ними в Уэльсе. Вы должны знать их силу. Вот скажите мне, может ли плохо обученная и имеющая лишь слабое подобие дисциплины пехота победить в бою тяжеловооруженную английскую конницу?

Роберт не ответил. Не было смысла. Сенешаль всего лишь высказал вслух те мысли, которые пришли в голову ему самому, пока он смотрел, как англичане выстраиваются на поле.

— Нам необязательно сходить с ними в открытом бою. Мы могли бы начать переговоры. Я мог бы поговорить с Перси, предложить ему какие-нибудь условия, чтобы он передал их королю. По меньшей мере, мы выиграли бы время. Я успел бы укрепить Каррик. А теперь... — Роберт в голос выругался и ударил кулаком по стойке шатра. — У меня даже не осталось времени поднять вассалов на его защиту!

— А вы действительно могли бы начать переговоры? — поинтересовался Джеймс, наблюдая за молодым человеком, который метался по шатру, как лев в клетке. — Враждебность Перси по отношению к вам очевидна.

Роберт тяжело опустился на табуретку, раздумывая о том, а не сваял ли он дурака, приехав сюда. Он должен был понимать, что к его предательству короля отнесутся намного строже, чем любого другого человека. Вместо того, чтобы стать связующим мостиком между враждующими сторонами, он может окончательно рассорить их. Быть может, ему стоило самому отправиться к Эдуарду, добиться у него аудиенции, заставить короля выслушать себя... Но тут же он понял, сколь смехотворной и нелепой была эта идея. Даже ближайшие советники короля не могли убедить его сделать то, чего он делать не желал.

— До сих пор не могу поверить, что Уоллес согласился на эти условия, — сказал он, вспоминая выражение спокойного смирения на лице вожака повстанцев, когда Вишарт нанес свой удар.

Со своей стороны, Перси и Клиффорд выглядели удивленными ничуть не меньше него, когда епископ заговорил о сдаче, но, прежде чем они успели ответить, Вишарт предложил им встретиться завтра для обсуждения условий. Он даже показал им место, где они могут встать лагерем, в миле от шотландской армии. Явно ошеломленные немедленной и безоговорочной капитуляцией повстанцев, английские лорды неохотно согласились.

А Роберт в упор разглядывал Джеймса. Мысль о спокойной реакции Уоллеса на неслыханное предложение Вишарта не давала ему покоя.

— После всего, что вы мне рассказали, я бы подумал, что Уоллес скорее согласится погибнуть с мечом в руке, чем сдаться англичанам без борьбы. — Когда сенешаль отвел глаза, Роберт поднялся на ноги. Что-то в выражении его лица пробудило в Роберте смутные

подозрения. — Сэр Джеймс?

Сенешаль повернулся к нему. Еще несколько мгновений его лицо ничего не выражало, но вот он наконец решился:

— Меня просили держать это в тайне от вас.

— Что именно? — пожелал узнать Роберт, подходя к нему.

— Наш план. Вишарт и Уоллес составили его несколько недель тому. Они надеялись отвлечь сюда войска, которые, как они были уверены, король Эдуард отправит на подавление восстания. Ирвин находится достаточно близко от Галлоуэя и Эйра, чтобы Перси узнал о нашем намерении дать генеральное сражение, но достаточно далеко от восточного побережья и наших главных крепостей.

— Достаточно далеко для чего?

— Роберт Вишарт намерен связать англичанам руки переговорами о нашей сдаче, в то время как Уильям сможет без помехи продолжить свою кампанию на востоке. Он со своими людьми и стал той наживкой, которая привлекла сюда англичан. А теперь мы задержим их здесь, чтобы дать возможность Уоллесу ускользнуть и закончить то, что он начал. Он рассчитывает собрать остальных своих людей в Селкиркском лесу и уже оттуда двинуться на север, на соединение с Мореем. Цель заключается в том, чтобы захватить как можно больше крепостей и получить возможность отразить любое нападение, которое Крессингэм сможет начать из Бервика.

— А как Уоллес намерен ускользнуть? Разве англичане не заметят его ухода?

— Наш лагерь достаточно велик для того, чтобы мы продолжали делать вид, будто все остается по-прежнему. Вишарт устроил так, что мы будем вести переговоры с англичанами в их лагере, и они не рассчитывают, что Уоллес примет в них участие.

Роберт был ошеломлен. Он попытался понять, какая роль уготована для него во всем этом, но сенешаль продолжал говорить, не давая ему сосредоточиться.

— Я сообщу Вишарту, что рассказал вам обо всем. Мы все равно не смогли бы держать этот план в тайне от вас до бесконечности. Кроме того, реакция Перси, на мой взгляд, доказывает вашу невиновность. Мужчине трудно притворяться, изображая такую ненависть, которую я заметил в нем. — Джеймс помолчал. — Вы должны быть осторожны, Роберт.

После полудня ветер стих окончательно, и над землей повисло гнетущее затишье. За прошедший час на западном горизонте собрались тяжелые грозовые тучи. Роберт вместе со своими людьми сидел в тусклом свете, поедая невкусную овсяную кашу, приправленную горькими ягодами. Слуги и двое оруженосцев из Каррика устанавливали последние растяжки их палаток, возводя маленький лагерь в расположении армии Уоллеса. Над лагерем уже реял штандарт Каррика. Роберт поначалу усомнился в разумности решения выставить его напоказ, но потом решил, что будет лучше подтвердить свое присутствие вместо того, чтобы пытаться скрыть его. Вокруг соседнего костра расположились несколько крестьян, их пики лежали на земле рядом с грубыми шерстяными накидками, служившими им постелью. Они во все глаза смотрели на меховые шкуры, подушки и одеяла, которые разгружали с повозки и заносили внутрь полосатых палаток.

Роберт покругил ложкой неаппетитную серую массу в миске, протянутую ему

камердинером. Голода как не бывало. Брюс взглянул на Кристофера, который, порывшись в своем мешке, извлек оттуда флейту. Это было самое большое сокровище йоркширского оруженосца, купленное ему отцом в Карлайле. Он показал себя умелым музыкантом, развлекая их компанию долгими тоскливыми вечерами в дороге. Когда он поднес инструмент к губам и сыграл несколько тактов, негромкий звук жалобно зазвенел в вечернем воздухе. Уатача, лежавшая, свернувшись клубочком, у костра, подняла морду и заскулила. Чуть раньше Роберт рассказал оруженосцу и Александру о том, что сенешаль признался ему в существовании хитроумного плана, составленного Вишартом и Уоллесом. Александр не преминул усомниться в действительности уловки, и оба — он и Кристофер — были возмущены и обеспокоены тем, что ее попытались утаить от Роберта, несмотря на то что его пригласили стать членом делегации, отправившейся на встречу с Перси и Клиффордом.

— Это похоже на проверку вашей лояльности, — без обиняков заявил Александр. — Они взяли вас с собой для того, чтобы посмотреть на реакцию англичан.

Роберт вполне разделял их тревогу. Обоим кузенам, и Александру в особенности, было что терять в результате столь опасного предприятия. В глубине души он пытался убедить себя, что не несет за это ответственности: в конце концов, они преспокойно могли вернуться в Аннандейл вместе с Джильпатриком и остальными. Но правда заключалась в том, что, предложив им место в своем отряде и сделав их своими людьми, он принял на себя ответственность за них.

Роберт сидел, уткнувшись в свою миску, и звуки флейты обволакивали его, но душа пребывала в смятении. Ему казалось, что все пути перед ним закрыты или ведут в никуда. Скотты не хотели видеть его у себя, они не доверяли ему. И Роберту не нужен был Александр, чтобы догадаться об этом. Даже если Уоллес со своими людьми одержит победу и король Джон будет восстановлен на троне, то он, Брюс, не найдет помощи и понимания в королевстве Баллиола. Английские рыцари явно ненавидели его за предательство, а отец презирал.

Уголкем глаза Ролерт заметил, как к нему, переваливаясь с боку на бок, семенит дочка, расставив в стороны ручонки, чтобы не упасть. Улыбка Марджори стала для него лучиком солнца, разогнавшим беспросветные тучи. Он вдруг обнаружил, что тоже улыбается ей во весь рот, и протянул дочке руку. Но она не успела добраться до него и звонко шлепнулась на попку. Улыбка ее исчезла, и девочка заплакала. Кристофер оборвал игру. Джудит немедленно отставила миску в сторону и подхватила малышку на руки. Марджори принялась брыкаться и заплакала еще громче, сжав ручки в кулачки и протягивая их к Роберту, у которого улыбка тоже угасла на лице, когда он вновь погрузился в невеселые думы. Не обращая внимания на протесты девочки, Джудит скрылась вместе с нею в палатке, которую делила с Катариной, свободной рукой уже расстегивая платье на груди, чтобы покормить ребенка. Плач Марджори стих, когда остальные уже заканчивали свой ужин. Облизав ложку, Нес поднялся на ноги и направился к лошадям, привязанным неподалеку. Присев на корточки, он достал из мешка щетку для чистки лошадей и начал скрести ею Хантера. При этом он мурлыкал себе под нос мелодию, которую наигрывал Кристофер. К нему подошла Катарина, наморщив нос от запаха, исходившего от лошадей.

— Нес, когда закончишь, почини, пожалуйста, седло Марджори. У него треснула спинка. Я вчера уже говорила тебе об этом.

Роберт заметил, как Александр украдкой посмотрел на женщину. Ему почудился гнев во

взгляде рыцаря, но тут его внимание привлекла группа людей, чьи голоса заглушили неумолчный гул лагеря. Одним из них был Адам. Проходя мимо, кузен Уоллеса метнул на него враждебный взгляд.

После того, как они ушли, Роберт отставил в сторону миску и скрылся в своей палатке. Внутри слуги уже расстелили на голой земле толстый ковер. В одном углу были аккуратно составлены сундуки с его вещами и амуницией, а сложенные друг на друга шкуры и одеяла должны были послужить удобной кроватью. На одном из сундуков стоял серебряный поднос с глазурированным кувшином вина и кубком. С потолка свисал светильник, заливая все вокруг ярким светом. Опустившись на шкуры, Роберт принялся стаскивать с себя сапоги. Голова у него раскалывалась от бесконечных вопросов, на которые он не находил ответа. Завтра утром, до начала переговоров с Перси и Клиффордом, он спустится к реке с Александром и разомнет мускулы в тренировочном поединке на мечах, чтобы хоть немного отвлечься и прочистить мозги.

Вслед за ним в палатку вползла струйка дыма, и, подняв голову, он увидел, что внутри тихонько скользнула Катарина. Она не сказала ему ни слова и опустилась на колени позади него, он тоже молчал, продолжая стаскивать с ноги сапог. Его движения замедлились, когда она положила ему руки на спину. Сквозь ткань сорочки, промокшей от пота и липнущей к коже, Роберт ощутил, как она бережно разминает его затекшие мышцы. Он прикрыл глаза, чувствуя, как понемногу уходит невероятное напряжение. Катарина чуть подалась вперед, так, что ее груди коснулись его лопаток. Откинув в сторону его вспотевшие кудри, Катарина поцеловала его в шею. Губы ее были сухими от солнца, и он вздрогнул, чувствуя, как по коже побежали мурашки. Мрачные тучи у него в душе рассеялись, уступив место жгучему желанию немедленно обладать ею. Воздух в палатке тоже, казалось, пропах ею, будоражащей смесью древесного дыма, пота и ягод.

Катарина медленно обошла его кругом, пока не оказалась лицом к нему, по-прежнему стоя на коленях. Он снял у нее с головы платок, и волосы водопадом рассыпались у женщины по плечам. Закрыв глаза, он провел руками по ее спине, а потом, притянув к себе, с силой впился ей в губы поцелуем. Она погладила его заросший щетиной подбородок, а ее язычок, сначала невесомо касавшийся его губ, скользнул глубже.

Роберт потянул вниз платье, обнажая плечо, но корсет оказался слишком тесен и отказывался соскальзывать вниз, так что ему пришлось сражаться с завязками на спине. Когда он открыл глаза, чтобы лучше видеть, что делает, то понял, что Катарина, не мигая, смотрит на него в упор. Справившись, наконец, с узлом, он распустил шнуровку, пока платье не растянулось настолько, чтобы его можно было снять свободно. Она высвободила руки, помогая ему опустить платье до талии, обнажив грудь. Роберт жадно смотрел, как она, потряхнув головой, перебросила пышную массу волос через одно плечо, игриво глядя на него. А потом, чувствуя, как желание захлестывает его с головой, он повалил ее на шкуры. Больше он не желал думать ни о чем.

Снаружи раздались встревоженные крики, заглушаемые паническим ржанием лошадей. Роберт оторвался от Катаринины, когда полы палатки распахнулись и Александр просунул голову внутрь. Служанка села на постели, закрывая обнаженную грудь обеими руками и с яростью глядя на рыцаря. Но тот не смотрел на нее, не сводя глаз с Роберта, который выругался и поднялся на ноги.

— Какого черта...

— Вам лучше взглянуть самому.

Оставив Катарину сражаться с так и не снятым до конца платьем, Роберт последовал за Александром наружу. Желание оставило его, и на смену пришел жаркий гнев. Кристофер и Уолтер уже стояли на ногах с обнаженными мечами, глядя в темноту за кругом света от костра, вместе с рыцарями и оруженосцами Александра. Нес с камердинером успокаивали лошадей, а Джудит, широко распахнув глаза, в которых плескался страх, прижимала к груди Марджори. Роберт заметил, как рядом с его стягом из земли что-то торчит. Это был стрела. К ним спешили несколько человек из соседних палаток. Их голоса эхом отдавались в вечернем воздухе.

— Что это было?

— На нас напали? Кто-нибудь, позовите Уоллеса!

Роберт присел на корточки рядом со стрелой. К середине древка было что-то привязано — вокруг деревяшки был обмотан клочок пергамента.

— Вы видели, откуда она прилетела? — требовательно обратился он к Александру, который в ответ отрицательно покачал головой.

Роберт раздавил стрелу ногой, сломав древко. Подняв обломок, он снял с него трубочку пергамента и развернул ее. Там оказалось одно-единственное слово, написанное большими печатными буквами.

ПРЕДАТЕЛЬ

Внутреннюю сторону пергамента покрывали какие-то подозрительные темные пятна.

— Англичане? — пробормотал Александр, заглядывая ему через плечо.

Роберт уставился в темноту. Грозовые тучи расползлись уже на полнеба, гася звезды. Он покачал головой. Лицо его было жестким и нахмуренным.

— Не знаю.

— Вы должны рассказать об этом лорду сенешалю.

— Нет, — резко бросил Роберт, в упор глядя на товарища по оружию. — Мы сами позаботимся о себе. — Он швырнул записку в огонь, не обращая внимания на любопытные взгляды мужчин, которые подошли к их костру, чтобы узнать, в чем дело. — Выставьте сегодня на ночь охрану из четырех человек. — Когда он направился в палатку, Александр последовал за ним.

— Есть и еще кое-что, Роберт, — сказал он, убедившись, что их никто не слышит. Александр кивнул на палатку, сквозь стены которой просвечивал неясный силуэт Катарины. — Друг мой, почему бы вам не побережь свое ложе для женщины, равной вам по положению, по крайней мере, на глазах у благородных союзников?

— Никого, кроме меня, не касается, кого я приглашаю разделить со мной ложе. — Повернувшись, Роберт зашагал к палатке, а у него за спиной в огне костра почернел и съезжился сгорающий клочок пергамента.

— Как я уже говорил, мы готовы сдать, но мы не можем говорить от лица всех граждан королевства. — Тон сенешаля не допускал возражений.

— А как я уже говорил, — парировал Клиффорд, — это совершенно неприемлемо. Сэр Хью де Крессингэм приказал добиться безоговорочной капитуляции каждого человека, участвующего в восстании. Он хочет, чтобы лорда Дугласа и этого беглого преступника,

Уильяма Уоллеса, препроводили в Тауэр, где их будут судить за преступления против короны.

Дуглас презрительно скривился. Схватив кубок, он одним глотком допил вино, которое подали слуги английских лордов.

— Лорд сенешаль, сколько можно говорить об одном и том же? — лицо Клиффорда налилось нездоровой краснотой. Матерчатый навес-маркиза, натянутый над столом, за которым сидели шестеро мужчин, защищал их от солнца, но не мог уберечь от жаркого и душного воздуха. По лицам мужчин тек пот, что также не улучшало их настроения.

— Но как мы можем говорить за кого-либо еще, кроме себя? — с преувеличенно громким вздохом полубопытствовал Вишарт. — Мы согласимся на безоговорочную капитуляцию, а потом окажется, что мы нарушили свое слово, если восстание вспыхнет в другом месте.

— С меня довольно. Этак мы ни к чему не придем, — прорычал Перси, опираясь ладонями о стол. — Мы должны арестовать этих людей, — обратился он к Клиффорду, — а сэр Хью и мой дед пусть разбираются с Мореєм и прочими повстанцами на севере. И они непременно сделают это, — добавил он, глядя на Джеймса.

— Вы можете так поступить, лорд Перси, — согласился Вишарт, прежде чем Клиффорд успел ответить, — но если вы арестуете нас прямо сейчас, то у вас все равно останется еще одна проблема — наша армия. Их всех вы не можете арестовать, не так ли? — В его тоне прозвучал вызов, а в глазах появился хищный блеск. Похоже, епископ от души наслаждался происходящим.

— Нет, не можем, — холодно ответил Перси, — но мы можем изрубить их на куски на поле в открытом бою. В отличие от вас, они не заслуживают достойного обращения.

— Знаете, я почему-то сомневаюсь, что они согласятся встретиться с вами в открытом бою. Скорее всего, они ускользнут обратно в леса, и вы не будете знать, где они, до тех пор, пока они не нападут на вас где-нибудь в другом месте.

Роберт с неодобрением посмотрел на епископа. Ему не нравилась та опасная игра, которую он затеял. Англичане не должны узнать о том, что именно это уже произошло. Он не думал, что они смогут сохранять тайну так долго, но английский лагерь отстоял от них на целую милю, а с такого расстояния, вынужден был он признать, стоянка шотландской армии казалась в точности такой же, как и прежде. Уоллес оставил после себя кое-кого из своих людей, которые должны были создать впечатление, что мятежники остаются на месте, и не стал сворачивать палатки. Дуглас и сенешаль прибыли сюда во главе многочисленных отрядов, включая целую армию слуг, и они, вместе с местными жителями, которых убедили помочь обмануть англичан, вполне успешно делали вид, что численность скоттов ничуть не уменьшилась. Тем не менее, стоять на своем следовало до последнего, поскольку в ту же самую минуту, когда Перси и Клиффорд обнаружат, что Уоллес с большей частью своих людей ушел, их закуют в кандалы и они окажутся на пути в Тауэр.

Джеймс Стюарт метнул на Вишарта предостерегающий взгляд.

— Мы проявляем учтивость и оказываем вам уважение, — заметил он, отвлекая на себя внимание агрессивно настроенных английских рыцарей. — Так что в угрозах нет нужды. Мы вчетвером дали вам слово, что сдадимся на милость короля, но ради того, чтобы насилие не вспыхнуло где-нибудь в другом месте, мы должны оставаться здесь. Мятежники прислушаются к нашему совету. — И он развел руки в стороны жестом полнейшей искренности. — Это в наших общих интересах.

— Арестуйте нас сейчас, — подхватил Вишарт, — и, клянусь Богом, вам не остановить распространения смуты.

Переговоры продолжались в таком духе вот уже несколько дней. Всю прошедшую неделю шли сильные грозы, возвещая наступление июля, настолько жаркого, что скотты вынуждены были сидеть в реке, чтобы хоть немного охладиться.

Роберт вдруг понял, что отвлекся. Он смотрел на лагерь англичан, протянувшийся до самого моря. За ним вдоль побережья громоздились обрывистые скалы и выжженные солнцем поля — там начинались графства Эйр и Каррик. Сейчас он находился к дому ближе всего с той поры, как ему сравнялось девятнадцать, когда он побывал в Тернберри перед отъездом в Англию. Это было недолгое время, проведенное им в графстве после того, как оно было ему пожаловано. Он вдруг вспомнил об Эффрейг.

«На нашу долю выпало много страданий. Я пришла посмотреть, можем ли мы надеяться на тебя. Нашего господина и защитника».

Что ж, по крайней мере, пока англичане заняты переговорами, его людям ничего не грозит. Роберт перевел взгляд на Клиффорда, который что-то говорил, и понял, что Перси в упор рассматривает его. В глазах рыцаря пылала столь жаркая ненависть, что Роберт поерзал на месте, заставляя себя встряхнуться и сосредоточиться.

По большей части, во время переговоров он хранил молчание. По крайней мере, вплоть до вчерашнего дня, когда от невыносимой жары и наглого высокомерия Перси у него лопнуло терпение, и он обвинил лорда в том, что тот вторгся на его земли, и потребовал возмещения ущерба. Перси отреагировал моментально, осыпая его угрозами. Оба вскочили на ноги, схватившись за мечи, пока не вмешались сенешаль и Клиффорд, положившие конец ссоре. В лагерь скоттов Роберт возвращался отдельно от Джеймса и остальных. Он послал Хантера в такой бешеный галоп, что по прибытии в лагерь оба взмокли от пота и задыхались от напряжения. Всю обратную дорогу перед его внутренним взором стояла картина — Перси и Клиффорд стаскивают Камень Судьбы с алтаря церкви в Стоуне. А он стоит рядом с обнаженным мечом, чтобы защитить их в случае необходимости.

— Мы зашли в тупик, — устало заметил Джеймс. — Давайте вернемся к этому вопросу завтра.

— Нет, — отрезал Перси, переводя взгляд с Роберта на сенешаля. — Наши официальные лица в Бервике рассчитывают покончить с этим делом до конца месяца. Этого требует король Эдуард. Я хочу, чтобы переговоры завершились. Сегодня же.

Роберт заметил, что по лицу Джеймса промелькнула тень беспокойства. И он понимал почему. В конце концов, Перси и Клиффорду придется взять их под стражу, невзирая на риск продолжения восстания, хотя бы для того, чтобы выполнить приказ Крессингэма. Этого не случилось до сих пор только потому, что оба рыцаря были еще относительно неопытными военачальниками. Окажись на их месте какой-нибудь ветеран вроде Джона де Варенна или отца Хэмфри де Боэна, он бы уже давно разбил в пух и прах все аргументы Вишарта. Кроме того, скоро до них дойдут сообщения о том, что Уоллес атаковал Данди. Когда это случится, их заговор будет раскрыт.

Клиффорд поднялся на ноги и жестом поманил Перси за собой. Они отошли от стола так, чтобы их нельзя было услышать. Дуглас, скривившись, созерцал свой опустевший кубок, в то время как Вишарт внимательно наблюдал за англичанами. Когда рыцари вернулись, Роберт заметил неприятную улыбку на лице Перси.

— Мы согласны принять вашу капитуляцию, — сказал Клиффорд. — При одном

условии. Вы останетесь здесь под стражей, чтобы вынудить мятежников прекратить сопротивление. Когда мы получим убедительные доказательства этого, то отправим гонца в Бервик вместе с людьми, которых сэр Хью приказал арестовать, а именно: лордом Дугласом и Уоллесом. С этого момента ваши земли считаются конфискованными, пока король Эдуард не примет окончательного решения о том, как с ними поступить.

Джеймс кивнул в знак согласия, но, прежде чем он успел открыть рот, Клиффорд поднял руку, призывая его к молчанию.

— В качестве жеста доброй воли и в знак того, что вы сдержите свое слово, как только мы заключим соглашение, мы требуем предоставить нам заложника.

— Кого? — спросил Вишарт.

Перси перевел взгляд на Роберта.

Заметив это, Джеймс тут же возразил:

— Нет. Будучи графом, сэр Роберт представляет собой слишком большую ценность.

— Не он сам, — грубо отозвался Перси. — Его дочь. Мы знаем, что, уходя из Карлайла, он взял ее с собой. Его отец рассказал нам об этом. — Перси зажмурился от удовольствия, отчего его холодные голубые глаза превратились в щелочки. — Лорд Аннандейл много чего нам порассказал — например, что он ненавидит своего сына-предателя и желает ему смерти.

Вся кровь отлила у Роберта от лица при этом требовании. Он так резко встал из-за стола, что стул без спинки отлетел в сторону.

Трое мужчин смотрели друг на друга, и во взглядах их читались ярость, разочарование и тревога. Снаружи сгущались сумерки, обещая очередную душную ночь. В шатре сенешаля лампы под потолком струили маслянистый свет.

— Если мы согласимся на их требования, то выиграем время. — Это заговорил Вишарт. — Мы с самого начала знали, что нам придется пойти на уступки, даже на жертвы. Англичане должны остаться здесь, если мы хотим, чтобы Уоллес добился успеха на востоке.

— Роберт не позволит сделать свою дочь заложницей, — возразил Джеймс. — И я не могу его винить. Он не хочет говорить, что стало причиной вражды между ним и Перси, но этому англичанину нельзя верить, тем более, отдать ему ребенка.

Вишарт шумно выдохнул:

— У нас есть время до завтрашнего утра, чтобы дать им ответ. Если мы не предоставим им заложника, они атакуют нас.

— Этим шляхиным детям давно пора преподать урок, — прорычал Дуглас, баюкая в руках кубок с вином, который подал ему слуга сенешаля. Лицо у него пошло красными пятнами, язык заплетался, в глазах бушевала ярость. — Я хочу, чтобы они умылись кровью. Нет, я хочу, чтобы они захлебнулись собственной кровью за то, что они творили в Бервике. Довольно *ждать*, будь оно все проклято!

Сенешаль не сводил глаз с епископа.

— Вы говорите о несмышленном ребенке, Ваше преосвященство. Она может пострадать, когда наш обман откроется.

— Я говорю о нашем королевстве!

— В таком случае, давайте предложим им другого заложника. Кого-нибудь из нас.

— А почему не ребенка Брюса? — пожелал узнать Вишарт, прищурился. — Дело ведь не в сентиментальности, верно? Вы держите его при себе с тех самых пор, как он

прибыл к нам.

— Как вы сами говорили, мы не могли доверять ему.

— Тем не менее, в первый же вечер вы рассказали ему о наших замыслах, хотя я лично просил вас не делать этого. Бросьте, Джеймс, я же вижу, что вы что-то задумали. У вас есть какой-то план, но вы не желаете делиться им.

Джеймс долго молчал, прежде чем ответить. А когда заговорил, то голос его прозвучал негромко. Он тщательно подбирал слова:

— Он — внук сэра Роберта Аннандейла. И в его жилах течет та же самая кровь, Ваше преосвященство. Кровь Малкольма Канмора.

Роберт стоял у костра, бездумно глядя на лагерь. На темном бархате неба засияли первые звезды. На его глазах одна сорвалась в последний полет, оставив после себя сверкающий росчерк, который тут же погас. В Каррике, когда он был еще мальчишкой, то в конце лета часто лежал на спине у края утеса, глядя, как падают звезды.

В палатке сенешаля горели фонари, со своего места он ясно видел их свет. Они собрались там втроем, Вишарт и остальные, чтобы решить его будущее и будущее его дочери. Что ж, они могут сидеть и говорить хоть до самого утра. А он устал от слов и переходит к действиям.

В голове у него царил кристальная ясность, смешанная с холодной яростью. В ее огне сгорели все сомнения и страхи. Ему оставался только один путь. Он больше не стоял на распутье, как в последние недели — нет, в последние годы, — теперь перед ним лежала одна дорога, в конце которой его ждал один-единственный пункт назначения. Это был опасный путь, и он не знал, что ждет его на нем. Но Роберт был совершенно уверен в том, что должен ступить на него. Все происходящее подталкивало его к этому.

Послышались чьи-то шаги, и рядом остановился Александр.

— Мы готовы, — прошептал лорд.

— Женщины тоже? — не поворачивая головы, спросил Роберт.

— Да. Они спустятся к реке вместе со слугами. С ними пойдут мои люди. — Александр понизил голос, когда мимо прошли трое рыцарей в цветах лорда Дугласа. — Подобный эскорт никому не покажется странным, особенно после стрелы. Нес и Уолтер будут ждать их на берегу с лошадьми. Половина оруженосцев уже там. Остальные присоединятся к нам в самом скором времени. — Александр выдержал паузу. — Вы уверены, что поступаете правильно?

— Да.

— Они догадаются, куда вы направились. Они могут последовать за вами.

— Только не сейчас, когда им нужно еще завершить переговоры. Даже Перси не станет преследовать меня, если будет знать, что рискует разжечь огонь восстания. А к тому времени, когда за нами придут, Тернберри будет готов к обороне. — Роберт повернулся к Александру. — Я должен знать, что вы со мной.

Александр улыбнулся. Это была суровая улыбка, но Роберт испытал огромное облегчение.

— Мы с вами.

— Нам придется оставить палатки и повозку, — заметил Роберт, обводя взглядом их бивуак. — Но ночи еще теплые, и у нас есть одеяла. — Он увидел, как из своей палатки выскользнули Катарина и Джудит. Одной рукой служанка прижимала к себе его дочь, а в

другой держала ведро, с которым они ходили к реке за водой. Рядом с ней шла Джудит, и даже отсюда было видно, что она перепугана насмерть. Она тоже держала в руке ведро, в котором лежали кое-какие их вещи. Весь вечер они тайком, с превеликой осторожностью, разбирали свой лагерь, по частям перенося свои вещи, амуницию и снаряжение на берег реки, куда Нес отвел Уатачу и лошадей. На лучшие и более тучные пастбища, как ему громко, чтобы слышали окружающие, приказал Роберт.

Когда женщины стали спускаться по склону холма, и Катарина, играя взятую на себя роль, о чем-то беззаботно защебетала, Роберт кивнул Александру:

— Встретимся у реки.

Он зашагал прочь, старательно обходя людей у огня, мимо пустых палаток, сквозь странную и непривычную тишину лагеря. У него за спиной темнота поглотила пламя их костра. Впереди, в полумраке, вырисовывалась линия холмов. А над головой у него, в бархатной тьме, подобно маякам, сверкали звезды.

Мужчины сражались с камнем, и их тяжелое дыхание эхом отражалось от стен часовни. Струи дождя заливали высокие стрельчатые окна за разрисованной ширмой, которая ограждала усыпальницу Исповедника. Внутри Вестминстерского аббатства было холодно. Полосы слабого света сочились сквозь арочные проемы на хорах, рассеиваясь в тишине часовни, где вечным сном спали благородные мужи в своих каменных золоченых гробах, ожидая Страшного суда. В тусклом свете мягко искрился Камень Судьбы, подобно инею или сиянию звезд.

Король Эдуард смотрел, как мужчины опускают камень в проем пустого сиденья на отделанном искусной резьбой деревянном троне. Рядом стоял его главный художник, который украсил трон для коронаций изображением сидящего короля в окружении мифических птиц и цветочных гирлянд. Когда двое мужчин отступили в сторону, третий поднял деревянное сиденье, которое должно было накрыть камень, заперев его внутри. Шотландия и впрямь превратилась в доминион Англии.

Эдуарду никогда не доведется сидеть на этом троне. Он предназначен для его наследника и тех, кто придет вслед за ним, сонму будущих королей — они станут править страной, основы которой он закладывает сегодня. Много лет назад, в Бордо, он распорядился нарисовать фреску, на которой был изображен король в окружении рыцарей с драконом на щитах. Король на картине сидел на каменном троне, на голове у него красовался узкий золотой обруч, а в руках он держал скипетр и сломанный клинок. И вот этот вымышленный образ почти воплотился в реальность. Подобно Бруту и Артуру до него, его имя останется в веках. Трон Шотландии, корона Артура, меч Исповедника: эти древние символы государственного суверенитета Британии были выставлены напоказ в самом сердце его королевства перед усыпальницей его предка. Это был величайший день. Он означал исполнение клятвы, которую он дал двадцать три года назад, когда вошел в это аббатство босиком, ступая по ковру из цветов.

Барабаны до сих пор гремели у него в ушах...

1274 год

Подобно медленным и размеренным ударам сердца, звук торжественно отразился от стен Вестминстерского дворца. Эдуард шагал в такт барабанному бою, и его босые ступни безжалостно давили бархат нежно-алых роз и шелк белых лилий. Цветы, тщательно лишенные шипов, сегодня утром раздали толпам людей, заполонивших проход от дворца до аббатства. Женщины истово крестились, когда он проходил мимо. Мужчины склоняли головы, а детей подсаживали на плечи, чтобы еще долгие годы они рассказывали своим сыновьям и дочерям о том, что были там; что видели тот день, когда он стал их королем.

В бездонном голубом августовском небе плескались стяги золотого шелка, свисающие с балюстрад и арочных фронтонов и вывешенные по случаю коронации. Для многих его подданных она стала первой. Только древние старики и старухи помнили, как полвека назад взошел на престол его отец.

Рядом с Эдуардом шла Элеонора, сияющая в своем платье из белой венецианской парчи, расшитом жемчугами. Они вернулись в Англию три недели тому. Она была с ним, когда он принял Крест и начал поход за веру, провела с ним долгие месяцы в Палестине — месяцы, видевшие войну с сарацинами, рождение его дочери и покушение на его жизнь, устроенное мусульманским султаном Бейбарсом. И она была с ним, когда из Англии прибыли гонцы с сообщением, что его отец скончался.

Элеонора шла рядом, и на лице ее подрагивала вуаль. Эдуард поймал ее взгляд, и она напряженно улыбнулась. Для нее это тоже был великий день. В аббатство, мрачной громадой возвышавшееся впереди, она войдет его женой. А выйдет оттуда королевой.

Процессию возглавляли епископы и настоятели, надевшие церемониальные одежды. Кое-кто из них размахивал кадилом, распространяя вокруг запахи благовоний. Позади Эдуарда и Элеоноры гарцевали на закованных в доспехи конях важные бароны и графы, лорды и рыцари, хвастливо выставляя напоказ родовые гербы на накидках и щитах, флажках на кончиках пик и конских пополах. Графы, идущие во главе процессии, торжественно несли королевские регалии: Меч милосердия, жезл, скипетр и усыпанную бриллиантами корону. Когда клирики начали вливаться в аббатство, а за ними последовала королевская чета, всадники не остановились, а заставили своих коней вступить под своды похожего на пещеру помещения. Аббатство освещало пламя тысяч свечей, их огоньки отражались от позолоченных стен и витражных оконных стекол, гробниц из оникса и мрамора, мозаики и разрисованных ширм. С пилостров и потолочных балок и здесь свисали стяги золотого шелка.

Эдуард шел вдоль рядов мужчин и женщин, толпившихся на галереях, на подступах к средокрестию, ^[57] где был воздвигнут деревянный помост, такой высокий, что под ним, не нагибаясь, мог проехать всадник на лошади. На платформе, украшенной ярко-красными флагами, его ждал архиепископ Кентерберийский. У ступеней, ведущих на помост, королевская чета остановилась. В воздухе стоял звон уздечек и фыркание множества коней.

Эдуард помедлил, прежде чем взойти на платформу, и отыскал взглядом Элеонору. Она улыбнулась ему под тонкой прозрачной вуалью. Отвернувшись, он в одиночестве стал

подниматься по ступеням под гулкими сводами Вестминстерского аббатства.

Сколько же он ждал этого дня?

Прошлой ночью он провел свои последние часы в статусе простого смертного в просторной опочивальне замка, где его отец испустил последний вздох. Спальня была расписана сценками, на самой яркой из которых была изображена коронация Исповедника. И в этой живописной комнате, в окружении лиц давно умерших людей и призрака своего отца, Эдуард предался воспоминаниям.

Детство смутно вырисовывалось в образе материнской руки, крепко обнимавшей его за плечи, когда он смотрел, как отец отплывает из Портсмута, направляясь во Францию без него. Затем в памяти всплыл зеркальный облик отца во дворце, хмурого и мрачного, в молчании наблюдающего за тем, как уже он сам отправляется в изгнание. Эдуард припомнил появление де Валансов и щедрые денежные и земельные дары, которыми осыпал их отец и которые привели в такую ярость и настроили против него английских вельмож. Он вспоминал смуту, зреющую в Уэльсе, и оружие глотки и сжатые кулаки баронов в парламенте, и Генриха, дрогнувшего под их натиском. Он вспомнил своего крестного отца, Симона де Монфора, вздымающегося подобно какому-нибудь древнему полубогу над его отцом, и искажившееся от боли лицо короля, когда он узнал о том, что Эдуард заключил пакт с предателем.

Постепенно воспоминания тускнели, и в памяти осталась лишь сгорбленная фигурка отца, удалявшегося, прихрамывая, от ворот монастыря в Льюисе, и злорадно скалящиеся в свете факелов лица Монфора и его людей. Они походили на волков, жадно наблюдающих за тем, как жертва, сама того не подозревая, идет напрямик к ним в пасть. Они подталкивали друг друга локтями и обменивались грубыми шуточками, спеша сполна насладиться унижением короля перед лицом победителя в гражданской войне, человека, который отнял у Генриха его королевство и лишил власти. Именно тогда, сильнее, чем в любое другое время, даже в изгнании в Гаскони под флагом с драконом или на раскисших от дождя полях Уэльса, Эдуард по-настоящему испугался того, что ему не суждено носить эту корону.

Этот день заставил себя долго ждать.

Эдуард приблизился к архиепископу, ожидавшему его на помосте. Здесь, стоя в столбе света перед лицом толпы, он произнес клятву вступления на престол. Его голос звенел под сводами старинного храма, когда он обещал защищать Церковь, вершить справедливость и охранять права короны. А когда все закончилось, архиепископ под руку свел его по ступеням, сквозь клубы дыма от благовоний, вниз, к главному алтарю. Здесь, под звуки песнопений церковного хора, с Эдуарда сняли мантию, под которой оказалась простая льняная рубашка. Приняв из рук епископа Лондона сосуд со святым елеем, архиепископ подошел к нему, дабы совершить обряд помазания, который должен был превратить Эдуарда из обычного человека в короля. Читая псалмы по-латыни, архиепископ погрузил палец в елей. Он заколебался, и рука его застыла над обнаженной грудью Эдуарда.

Опустив глаза, Эдуард понял, чем вызвана подобная нерешительность. Чуть выше сердца, хорошо видимый в распахнутом ворота сорочки, на коже у него змеился отвратительный шрам; рану нанес фанатик-мусульманин, которого султан Бейбарс отправил убить его.

Переодетый убийца пробрался в его жилище в Акре под видом гонца, доставившего дары и послание из Каира. Элеонора была с ним, когда фанатик нанес удар. Эдуард

отшвырнул его от себя, прижал к стене и несколько раз ударил, пока подбежавшие рыцари не оторвали его от убийцы и не проткнули того насквозь. И только когда Эдуард, нетвердо стоя на ногах, повернулся к Элеоноре и увидел, что лицо ее исказилось от ужаса, он понял, что ранен. Кинжал, все еще торчавший из его груди, едва не пронзил ему сердце, но это уже не имело значения: наемные убийцы всегда пользовались отравленными клинками. Когда он, задыхаясь, упал на колени, Элеонора подбежала к нему. Именно ее рука вытащила кинжал, отчего кровь фонтаном ударила из раны, заливая ему грудь. Последнее, что он помнил, — это жена, склонившаяся над разверстой раной, и ее окровавленные губы, когда она пыталась высосать смертельный яд. Придя в себя, Эдуард увидел Элеонору, забрызганную кровью и плачущую в объятиях служанки, и своих рыцарей, которые с хмурой сосредоточенностью наблюдали, как искусный араб-врачеватель зашивает ему рану, отчего по всему телу разлетались острые брызги ослепительной боли.

Архиепископ протянул руку и начертал елеем крест на груди Эдуарда. Затем, после свершения миропомазания, он взял в руки сосуд с драгоценной благовонной мазью. Голоса хора зазвучали громче, и Эдуард опустился на колени. Он закрыл глаза, слушая латынь, и почувствовал холодное прикосновение хризмы [\[58\]](#) к своей голове.

Миропомазание свершилось, и он вернулся на помост. Стоявшая внизу конгрегация дружно вздохнула — теперь по ступеням поднимался уже король духом и телом, преобразившийся, подобно самому Христу. Графы, державшие в руках символы королевской власти, выступили вперед, чтобы вручить ему регалии королевства: тунику и мантию, расшитые золотом, Меч милосердия, жезл и скипетр. Последней ему вручили корону, усыпанную крупными рубинами, сапфирами и изумрудами. Когда ее водрузили ему на голову, Эдуард выпрямился под приветственные крики своего народа.

— Аллилуйя! Да здравствует король!

Перед мысленным взором Эдуарда возник образ отца, понуро приближающегося к Симону де Монфору и мятежным баронам.

Клянусь Богом, я никогда не покорюсь врагу. Об этом узнают все.

Узнают и устроятся.

Под сводами Вестминстерского аббатства все еще звучали приветственные крики, когда он поднял руки и снял корону с головы. Понадобилось еще некоторое время, но постепенно восторженные восклицания замерли и люди начали недоуменно переглядываться, не понимая, что он делает.

— Я стою перед вами как ваш король.

Аплодисменты заглушили его слова, но вскоре стихли, когда Эдуард передал корону Джону де Варенну, стоявшему на помосте вместе с другими вельможами.

Король повернулся лицом к толпе.

— Клянусь, перед лицом Господа и всех собравшихся здесь, что не надену вновь корону этого королевства до тех пор, пока не верну земли, потерянные моим отцом.

Тогда он был молод, полон амбиций и упрям. Эдуард сомневался, что пожилые бароны, служившие еще его отцу, восприняли его всерьез. Пожалуй, они сочли его слова всего лишь смелым заявлением, вполне подходящим для того, чтобы обозначить начало нового царствования. Но за прошедшие годы он доказал им, что действительно имел в виду то, что сказал когда-то, сначала на примере Уэльса и Ирландии, а потом и Гаскони с Шотландией — земель, принадлежность которых английской короне неоднократно позволяли оспаривать

его отец и короли до него. Оставалось вернуть всего одну реликвию, в поисках которой его рыцари перевернули всю Ирландию, и тогда его владычество станет полным и окончательным. Теперь, когда он завладел короной Артура и Камнем Судьбы, уже не было смысла ограничивать круг посвященных в Последнее Пророчество членами ордена, и все последние месяцы клирики были очень заняты, донося до подданных величие его свершений. Поэты уже воспевали его как спасителя Британии, нового Артура, который уберег их от трагической судьбы, предсказанной в забытом пророчестве Мерлина.

«О, Боже! Сколь часто пророчества Мерлина сбывались! — писал о нем Питер Лангтофт. — И горы стали одним народом, и Шотландия обрела королевский суверенитет, гарантом коего провозглашен король Эдуард».

Сейчас на алтаре перед усыпальницей Исповедника лежали эти регалии. Меч милосердия — Англия, корона Артура — Уэльс, и Камень Судьбы — Шотландия. Он сделал то, что поклялся совершить много лет назад в Гаскони, когда в его душу только запали семена честолюбия. Тем не менее, на презентации Камня, самой роскошной и пышной из всех церемоний, Эдуард стоял в одиночестве. Предполагалось, что это будет великий день для него и для Англии, но, вместо того чтобы прославлять его имя, бароны проклинали его.

Вернувшись из Шотландии годом ранее, он похоронил своего брата, Эдмунда, тело которого привезли из Гаскони, где все еще продолжалась обременительная и тягостная война. Выдав замуж свою дочь Бесс за графа Холланда, он создал новый альянс. Но этого оказалось недостаточно, чтобы выиграть войну; для этого нужны были деньги, много денег. Поначалу Эдуард обратился к церкви, но новый архиепископ Кентерберийский, непокорный упрямец по имени Роберт Винчелси, отказал ему. В отместку он объявил клириков государственными преступниками и отправил своих рыцарей захватить их имущество и богатства, рассчитывая, что столь жесткие меры заставят их покориться, как бывало всегда. Винчелси, однако же, показал, что слеплен совсем из другого теста, и собственным примером укрепил церковников в намерении стоять до конца. А пока тянулись все эти препирательства, война во Франции продолжалась и армия Эдуарда потерпела сокрушительное поражение под Байонной, понеся тяжелые потери, одной из которых стал его сводный дядя, Уильям де Валанс. Коренастый и надежный, как скала, граф Пемброк еще со времен ссылки в Гаскони оставался одним из самых верных его сторонников, и эта потеря стала тяжелым ударом для Эдуарда, который и так с каждым годом терял одного союзника за другим. Эта горькая правда стала для него особенно очевидной во время заседания парламента в Солсбери.

Во время ассамблеи, когда он потребовал от своих баронов продолжения службы в Гаскони, Эдуарду пришлось столкнуться с их решительным и единодушным отказом. Сессия парламента, один из самых унижительных моментов его правления, закончилось тем, что бароны попросту ушли из залы заседаний, один за другим. Даже самые верные его сторонники, рыцари Круглого стола, пошли против его воли. И вот такое недвусмысленное поведение баронов стало для него шокирующим и неприятным сюрпризом. Шок сменился страхом, когда шпионы донесли, что четверо самых ярых его противников — графы Норфолк, Уорик, Арундель и Херефорд — встретились, чтобы заявить протест его требованиям и созвать своих сторонников. Молодые Рыцари Дракона, хотя и не выказывая открытого неповиновения, поддерживали его далеко не столь искренне и всецело, как следовало бы, разрываясь между присягой своему королю и верностью своим отцам, чьи земли и поместья им предстояло вскоре унаследовать. Эдуард приказал воссоздать Круглый

стол, чтобы вдохнуть в своих вассалов чувство единения, подобно мифическим воинам, блиставшим при дворе короля Артура. И вот теперь, когда его планы только-только начали приносить плоды, его стол раскололся. Над ним нависла черная тень гражданской войны. Но еще одного такого испытания он не выдержит и не допустит.

Сделав над собой невероятное усилие, Эдуард смирил гордыню и заключил мир с Винчелси. Теперь ему предстояло сделать то же самое в отношении баронов. У него не осталось выбора. Войну во Франции, оказавшей столь разрушительное действие на его монархию, нужно было заканчивать. В Шотландии не утихали беспорядки, но он не мог воевать на два фронта одновременно. Завтра, на ступенях аббатства, в котором он стал королем, он обратится к своим непокорным вассалам, взывая к их терпению. Он лично отправится на войну во Францию. Если он не вернется, трон перейдет к его наследнику, Эдуарду Карнарфону. Короны Артура оказалось недостаточно. Он должен показать всем, что по-прежнему остается их королем-воителем.

Заслышав эхо шагов, гулко прокатившееся под сводами аббатства, Эдуард обернулся и увидел одного из своих рыцарей.

— Ваше величество, я привел пленников. Они ждут вас в нефе.

Эдуард вышел из-за ширмы, оставив рабочих прилаживать деревянное сиденье коронационного трона поверх Камня Судьбы.

В проходе нефа между шестью рыцарями стояли трое. Лица их были довольно-таки бледными, учитывая, что лето уже близилось к концу, поскольку он не разрешил им покидать пределы тюремных камер, за исключением каждодневных прогулок во внутреннем дворе Тауэра, в котором из-за высоких стен, огораживающих его, царила вечная тень. Но в остальном они выглядели вполне здоровыми. Эдуард не стал издеваться над своими шотландскими пленниками, включая Джона Баллиола, который был заключен в небольшой, но хорошо обставленной камере в Соляной башне,^[59] и у него были слуги для удовлетворения его потребностей. Но, несмотря на это, все трое Коминов с ненавистью смотрели на него.

Когда Эдуард остановился перед ними, главы кланов Рыжих и Темных Коминов, не дрогнув, встретили его взгляд, а вот сын Баденоха отвел глаза.

— У меня есть к вам предложение, — начал Эдуард. — Я готов простить вам измену и заключенный против меня союз с Францией. Я даже готов вернуть вам ваши земли. — Эдуард взглянул на молодого Джона Комина, супруге которого, Джоанне де Валанс, повелели вернуться в Англию перед самым началом войны. — И вернуть вам вашу супругу и дитя.

Джон переступил с ноги на ногу, а граф Бучан нахмурился, заинтригованный. Лицо же отца Джона, лорда Баденоха, оставалось непроницаемым.

Король сухо продолжал. Задуманное предприятие не доставляло ему ни малейшего удовольствия, но, учитывая, сколь немногие из его вельмож готовы были служить ему во Франции и Шотландии, у него просто не оставалось иного выхода.

— Я готов сделать все это в обмен на вашу службу.

Бучан выглядел так, словно хотел сказать что-то, но Баденох опередил его:

— Службу, милорд?

— В Шотландии, против повстанцев. Мои люди встречались с Дугласом и Уоллесом в Ирвине, но восстание продолжается под знаменем Морей на севере. Если вы согласитесь на мои условия, то присоединитесь к войскам сэра Джона де Варенна и Хью де Крессингэма и

Бервике. Оттуда вы поднимете своих вассалов и двинетесь на север, чтобы разбить Мороя. Как только со смутой будет покончено, а зачинщики окажутся у меня под стражей, я сделаю то, что обещал вам. — Видя, что никто из пленников не торопится отвечать, Эдуард резко бросил: — Ну? Что вы на это скажете?

Баденох взглянул на Бучана, который кивнул в ответ. Повернувшись к королю, Рыжий Комин опустил на одно колено.

— Мы согласны, Ваше величество.

На опушке леса четверо мужчин натянули поводья, останавливая лошадей. Спрыгнув с седла в высокую траву, Роберт протянул повод Несу, который молча принял его.

— Нам лучше пойти с вами, — заявил Александр.

Кристофер кивком выразил свое согласие с кузенном.

Роберт обернулся к ним, и вечернее солнце брызнуло золотом ему в глаза. Он приставил руку козырьком ко лбу, защищая глаза от ослепительного света. В воздухе стоял соленый запах моря, и он слышал, как волны с рокотом накатываются на берег у Тернберри.

— Я пойду один. — Оставив их на опушке, он вошел под зеленую сень леса.

Поначалу идти было легко, меж деревьев во всех направлениях вились тропинки, протоптанные оленями и другими животными. Его окутал сладковатый аромат сосен, а на траве под ногами дрожали пятна солнечного света. Откуда-то издали доносилось негромкое бормотание ручейка, и в плеске воды ему почудился далекий и беззаботный смех его детства. В памяти всплыли лица братьев, Томаса и Нейла, бегущих по лесу, размахивающих прутиками и срубающих высокие листья папоротника, издавая воинственные кличи. А сам он мчался впереди, бесстрашно перепрыгивая через поваленные стволы. За ними, изрядно отстав, нехотя следовал Александр. После стольких лет лес казался до боли знакомым, но теперь Роберт шел по нему с новым чувством собственности и ответственности.

Местность постепенно повышалась, и дыхание Роберта участилось, когда он перебирался через одну грядку за другой, хватаясь за ветки и торчащие из земли корни, чтобы не упасть. Когда он спустился с последнего склона, деревья впереди поредели и расступились, открывая его взору долину, в дальнем конце которой высился утес, поросший можжевельником. У подножия утеса, под сенью дуба, притаилась хижина. Выйдя из-под деревьев, Роберт с тревогой подумал, что хозяйки может и не оказаться дома, но, подойдя ближе, увидел тонкую струйку дыма, вьющуюся из отверстия в крыше.

Хижина являла собой жалкое зрелище. Сорняки и кусты подобрались вплотную к самым стенам, полностью оккупировав давно пустующий загон для скота. Бревна на фасадной стене сгнили, а притолока над входной дверью покоробилась, грозя отвалиться. Роберт почти ожидал, что навстречу ему выскочат два черных пса, но вокруг было тихо. Подойдя ближе, он увидел, что на ветвях дуба во множестве висят сплетенные из прутьев клетки, в каждой из которых лежит какой-нибудь предмет. Здесь были плетеные ленточки и букетики засохших цветов, деревянные куклы и футляры для пергамента. На первый взгляд, судеб стало намного больше: одни были потрепаны непогодой, другие — совсем новые. Дерево, увешанное мольбами и просьбами. Подойдя к двери, он поднял голову, глядя на

ветки на самой верхушке. На мгновение ему показалось, что там уже ничего нет, но потом он увидел ее: решетку из выбеленных временем прутьев, сплетенных вокруг позеленевшей от старости веревки с петлей висельника на конце. Двойная петля, которой клетка была привязана к ветке, перетерлась, и хрупкое сооружение висело в буквальном смысле на волоске.

Когда Роберт потянулся к ручке перекосившейся двери, в ушах у него зазвучал голос отца, полный нескрываемого презрения. Усилием воли отогнав его прочь, он сжал руку в кулак, чтобы постучать. Его дед верил в то, что пожилая женщина владеет магией, и только это сейчас имело значение. Он отдаст дань памяти покойному лорду и попробует вновь принести однажды нарушенную клятву. У него есть шанс исправить содеянное.

ЛОХМАБЕН. ШОТЛАНДИЯ

1292 год

От холода у Роберта по коже побежали мурашки, когда он стоял перед алтарем, чувствуя, как немеют на каменных плитах пола босые ноги. Свечи усердно старались не погаснуть на сквозняке, задуваемом в щели под дверями. Он слышал, как стонет ветер, заблудившись в лабиринте зданий во внутреннем дворе. Собаки на псарне заливались тоскливым лаем, а калитка в частокле напротив скрипела под порывами ветра. Всю ночь напролет он вслушивался в рокочущее ворчание грозы и стук дождевых капель в окна часовни, чувствуя, как стягивает от холода кожу головы, хотя волосы после ритуального омовения уже начали высыхать. Рассвет наступил уже два часа тому, но небо по-прежнему оставалось черным, как ночью.

Священник у алтаря читал псалом из требника, и слово Божье противостояло разразившейся буре. Не считая священника и Роберта, всего пять человек присутствовали на церемонии, которая по праву должна была стать намного более пышным событием. Дед возвышался над остальными, как столетний дуб, и сквозняк робко шевелил роскошную серебряную гриву. Рядом с лордом стояли трое его вассалов и пожилой граф Дональд Мар, чью дочь Роберт целовал у озера неделей ранее, в ту самую ночь, когда они узнали, что королем стал Джон Баллиол. Отсутствие отца Роберта ощущалось буквально физически, хотя все старательно делали вид, будто не замечают его призрак. Роберту было сказано, что он скрепил своей печатью соглашение об отказе от графства Каррик, равно как и от права претендовать на трон. Вскоре после этого отец уехал.

Когда священник закончил читать псалом, один из вассалов лорда шагнул к Роберту, держа в руках накидку, тунику и пару сапог. Порыв ветра распахнул двери часовни, и они с грохотом ударились о стену. Несколько огоньков свечей робко затрепетали и погасли. Другой рыцарь поспешил вниз по проходу, пока Роберт переодевался. Поверх простой туники он надел накидку, некогда принадлежавшую его отцу, украшенную гербом графства Каррик. Ее покрывали пятна, и она была великовата ему в плечах и поясе. Роберту не хотелось начинать свой путь рыцаря в одежде с чужого плеча, и меньше всего в той, что принадлежала отцу, но возможности сшить новую не было. Пожалуй, это станет первым, что он сделает после посвящения.

Теперь настал черед престарелого графа Мара сделать шаг вперед, держа в руках длинный меч с широким лезвием. Во время ночных бдений Роберта он лежал на алтаре. На конце рукоятки красовался шар из бронзы, а сама она была обмотана полосками кожи. Он не видел лезвия — его скрывали ножны, но с уверенностью мог сказать, что оно было длинным, на несколько дюймов длиннее любого из тех клинков, которые когда-либо принадлежали ему. Оружие мужчины. Оружие настоящего рыцаря. Опуская его прошлой ночью на алтарь, дед сказал, что привез этот меч из Святой земли. Клинок дамасской стали вволю испил крови неверных на песках, по которым ступала нога Господа нашего Иисуса Христа. Ножны крепились к перевязи, уютным кольцом свернувшейся в руках у графа Мара.

Застегивая перевязь на поясе, Роберт встретил взгляд старого графа. Шагнув назад, он поправил ножны так, чтобы они висели под небольшим углом, а рукоять сместилась к животу, откуда он мог легко выхватить его. После того, как к его сапогам прикрепили шпоры, Роберт был полностью экипирован и готов принести рыцарскую клятву.

По кивку деда Роберт опустил на одно колено. Ножны с мечом мешали ему, а граф уже обнажил собственный клинок.

— Клянешься ли ты защищать свое графство? — требовательно спросил Дональд Мар, возвысив голос, чтобы перекричать рев ветра. — Клянешься ли ты служить Господу нашему? Клянешься ли ты защищать земли, вверенные твоему попечению, исполняя любые обязанности, которых может потребовать от тебя твое феодальное владение?

— Клянусь, — ответил Роберт, склоняя голову, когда граф поднял меч и плашмя опустил его на правое плечо молодого человека, задержав его на мгновение, прежде чем вновь поднять.

Роберт ожидал, что граф прикажет ему выпрямиться, но Дональд лишь отступил назад, а его место занял лорд Аннандейл. Роберт поднял глаза на морщинистое и суровое лицо деда. Взгляд его яростных черных глаз, сверкающих в тусклом свете, впился в него, проникая в самую душу.

— Я хочу, Роберт, чтобы ты, прямой потомок Малкольма Канмора, Брюс и мой внук, дал клятву защищать право нашей семьи на трон этого королевства безотносительно к тому, кто сидит на нем сейчас. — Голос деда звучал требовательно и жестко. — Поклянись мне в этом перед свидетелями, в этом храме Господнем.

Роберт помолчал, прежде чем произнести:

— Клянусь.

Еще несколько мгновений дед буравил его пронзительным взором, а потом суровое лицо старика расплылось в одной из редких улыбок, и он кивнул графу Дональду, подавая знак, что можно продолжать церемонию.

— Так встаньте, сэр Роберт, потому что принесенная клятва и меч, которым вы опоясались, сделали вас рыцарем.

Когда Роберт встал с колен, глаза деда сияли.

— Пойдемте, — обратился он к остальным, — разговеемся и согреем наши сердца добрым вином в моем жилище. Нам есть за что вознести благодарность. — Он перевел взгляд на Роберта. — Потому как Господь наградил меня новым сыном.

Когда гости гуськом потянулись к дверям, Роберт задержался. На языке у него вертелся вопрос, не дававший ему покоя со вчерашнего дня, когда дед сказал ему, что он будет произведен в рыцари.

— В чем дело? — нахмурившись, поинтересовался старый лорд, видя его нерешительность.

В часовню ворвался порыв ветра, когда рыцари распахнули двери, задув последние свечи и швырнув на каменные плиты пола горсть сухих листьев.

— Прости меня, дедушка, — негромко начал Роберт, — но как я смогу защитить наше право на трон? Как только Джон Баллиол сядет на Камень Судьбы, он станет королем, как и его наследники после него. Я не вижу, как могу помешать этому.

Дед положил ему руку на плечо.

— Я не прошу тебя помешать этому. Роберт, Камень Судьбы не делает человека королем так же, как чистокровный жеребец или хороший меч не делают мужчину рыцарем. Баллиол может сесть на камень, его могут величать королем, но это не изменит того факта, что его кровь слабее моей. На это может уйти год или сто лет, но, пока наше право на трон будет жить, я уверен, что время покажет — наша кровь сильнее.

Протянув руку, Роберт постучал в перекосившуюся дверь хижины. Спустя несколько мгновений он услышал, как щелкнул замок. Дверь отворилась, и на пороге появилась Эффрейг. Удивление на ее лице быстро сменилось подозрением, но вместо того, чтобы заговорить, она лишь распахнула дверь шире и отступила в сторону, приглашая его войти. Он помедлил, прежде чем переступить порог, а потом, пригнувшись, чтобы не задеть головой за провисшую притолоку, вдруг понял, как вырос с тех пор, когда побывал здесь в последний раз. Внутри было все так же тесно, и с потолочных балок по-прежнему свисали пучки высушенных трав. В ноздри Роберту ударил неопишуемый аромат. Он различил запахи мочи и пота, смешанные с горьковатым привкусом трав и растений.

В центре комнаты под отверстием в крыше горел огонь. На неубранной постели вытянулась черная собака. Роберт огляделся по сторонам, пока Эффрейг запирала дверь. Протиснувшись мимо него, она опустилась на табурет, расправив подол своего коричневого платья. Взяв в руки чашу с какой-то темной жидкостью, она поднесла ее ко рту и сделала несколько шумных глотков. Роберт неловко присел на корточки рядом с огнем. Здесь же лежали несколько поленьев. Он сунул одно из них в костер, чувствуя, что старуха не сводит с него внимательных глаз. Роберт ожидал, она спросит, что он здесь делает. Ответ был у него наготове, но вопроса не последовало. Тишина стала невыносимой, и он, не выдержав, сказал:

— Я хочу, чтобы ты сделала для меня кое-что.

Эффрейг опустила чашу на колени и вытерла губы тыльной стороной ладони. Кожа у нее была бледной, почти прозрачной, туго натянутой на скулах и на выступающем высоком лбу. Пепельно-седые волосы были заплетены в косички, перевязанные кожаными ленточками, и густой волной ниспадали ей на спину. В резких чертах ее лица до сих пор виднелись следы потрясающей былой красоты, но их портило изношенное бесформенное платье, мешком висевшее на ее высохшей фигуре, черная кайма под ногтями, хлопья перхоти в волосах и коричневые старческие пятна на пожелтевшей коже и скрюченных пальцах. Она вызывала в Роберте странную смесь отвращения и восхищения, презрения и благоговейного страха.

Она ничего не ответила на его слова.

Роберт вновь перевел взгляд на огонь.

— Когда я приносил клятву рыцаря, мой дед взял с меня слово, что я буду защищать право нашей семьи на трон. Тогда я не понимал, как этого можно добиться. Я воспринял его

слова как смелый вызов, который должен показать народу Шотландии, что он не склонится перед Баллиолом. Но я знаю, что он верил в то, что говорил. Он имел в виду, что наша семья рано или поздно, но займет трон, сколько бы времени для этого ни понадобилось. Это стремление жило в нем на протяжении шестидесяти лет, с тех самых пор, как король Александр II назвал его своим наследником. В Англии, при дворе короля Эдуарда, я стал... — Роберт умолк, глядя на свои руки. — Я отступил от этой клятвы, соблазненный обещаниями власти и благосостояния, теми вещами, которые были очень нужны моей семье. Эти посулы заставили меня совершить определенные поступки. Совершить то, чего я более не в силах изменить. — Он пристально смотрел на пляшущие языки пламени. — Я нарушил рыцарскую присягу. Я не смог защитить королевство и своих людей, не смог выполнить свой долг графа и не сдержал слова, данного деду. Когда мой отец начал переговоры с Эдуардом о том, чтобы занять трон, игнорируя мое право на престол, я не стал мешать ему. Как я мог занять трон королевства, которое сам же и помог разрушить?

Эффрейг опустила чашу на пол. В глазах ее плясали отблески пламени. Но она по-прежнему молчала.

— На переговорах в Ирвине мне стало ясно, что нет такой стороны, на которую я мог бы встать. Англичане презирают меня, а соотечественники не доверяют. Уоллес и остальные подняли восстание от имени Баллиола. Я не могу сражаться с ними. Это будет такое же нарушение клятвы, как и то, когда я воевал за Англию. Но я знаю, что должен сделать. То, что должен был сделать много месяцев назад. — Роберт испытывал неловкость, собираясь произнести свою просьбу вслух. В ушах у него зазвучал голос отца, но он отогнал его. — Я хочу, чтобы ты сплела мою судьбу, — закончил он. — Как ты сделала это для моего деда.

Когда колдунья заговорила, голос ее прозвучал немногим громче шепота:

— И в чем же состоит твоя судьба?

Сейчас он смело встретил ее взгляд, все сомнения и колебания отлетели прочь.

— Стать королем Шотландии.

Уголки губ старухи приподнялись в улыбке. Нет, это была не мягкая и добрая улыбка. Это была усмешка, жесткая и опасная.

— Мне понадобится что-нибудь из твоих вещей, — вставая на ноги, сказала она.

Роберт внутренне проклял себя за глупость. Он принес с собой несколько монет, чтобы заплатить ей за труды, но более у него ничего не было. Ему следовало вспомнить о предметах, которые лежали внутри плетеных клеток. Он осмотрел себя, но на нем была лишь та одежда, в которой он пришел сюда: голубая туника, пара штанов и сапоги, да кинжал на поясе, который он прихватил на всякий случай. Но кинжал представлялся ему неуместным символом претензий на королевский трон.

— У меня ничего нет.

Эффрейг задумчиво нахмурилась, а потом подошла к полке у дальней стены комнаты, на которой лежали пучки трав. Рядом со ступкой покоился старинный пестик. Подняв руку, она сняла с потолочной балки букетик высушенных цветов. Вглядываясь в темноту прищуренными от напряжения глазами, она сняла еще два пучка трав. Когда она вернулась в круг света, Роберт понял, что первым она сняла высохший букетик вереска. Вторым был пучок дрока, а третий он не распознал.

Колдунья вновь опустилась на стульчик без спинки, разложив травы на коленях. Роберт поджал ноги под себя, сидя у огня и наблюдая за ее работой. Когда Эффрейг разобрала спутанный пучок трав, комнату наполнил сладкий запах вереска. Выбрав из связки три

самых пушистых стебелька, старуха принялась сплестать их вместе. Из-под пальцев у нее сыпались крошки высохших цветочных головок, падая ей на юбку и оттуда соскальзывая на пол. Когда одна косичка была готова, она выбрала три новых стебелька и стала плести другую. Пальцы ее так и мелькали. Совсем скоро у нее получилось девять жестких косичек, и она принялась соединять их в венок. В каждое звено она вплетала веточку дрока и стебелек третьего растения.

— Полынь, — пробормотала она. — Венок для короля, так ее называли в прежние времена.

Ее мелькающие ловкие пальцы оказывали гипнотическое действие, а запахи трав и древесного дыма кружили голову. Роберт почувствовал, как веки у него наливаются тяжестью, а глаза закрываются сами собой. Он не спал нормально с тех самых пор, как неделю тому покинул Ирвин. Руки и ноги у него отяжелели, словно налитые свинцом.

Он очнулся, как от толчка, и увидел, что колдунья склонилась над ним, держа в руках венок из трав. Его судьба воплотилась в корону, сплетенную из вереска и дрока. Он вдруг вновь увидел себя стоящим вместе с дедом на вершине холма Мут-Хилл; вокруг них сгустились тени, каменная плита позади была пустой, ждущей нового короля. В ту ночь он почувствовал, как обступили его призраки предков. И вот теперь он ощутил, как они вновь собираются здесь, в этой комнате, молчаливые и снедаемые нетерпением, когда Эфfreyг наклонилась, чтобы водрузить венок ему на голову. При этом она пробормотала несколько слов на языке, которого он не знал, странной смеси латыни и гэльского наречия.

Проделав это, она отошла к полке, на которой лежали пучки трав. Сунув руку в мешок, стоящий у ног, она вытащила оттуда связку выбеленных непогодой прутьев с ободранной корой. Ее пальцы вновь замелькали, сплетая кривобокую, пустую клетку, достаточно большую для того, чтобы в ней поместился венок, который она и вложила внутрь перед тем, как стянуть верхушки прутьев кожаным шнурком.

Наконец она повернулась к нему:

— Вот и все.

Роберт поднялся на ноги, с интересом и сомнением глядя на паутинку своей судьбы. Неужели вот этот венок из трав и прутьев способен возвести его на трон? Он вспомнил о намерении деда покончить с проклятием Святого Малахии, которое столько лет провисело на ветках дуба. Проклятие ведь так никуда и не исчезло.

— Когда ты повесишь ее на дерево?

— Она должна провести ночь у огня, еще одну — у воды, третью — на воздухе и четвертую — на земле. Только тогда твоя судьба будет готова к тому, чтобы оказаться на дереве.

Роберт потянулся к кошельку с монетами, висевшему у него на поясе, но Эфfreyг остановила его.

— Я сделала это не ради денег, — гневно произнесла она.

Роберт убрал руку. Похоже, говорить им было более не о чем, поэтому он развернулся и шагнул к двери. Она пошла следом, явно ничего не ожидая от него. Выйдя наружу, Роберт увидел, что солнце уже село и долина погрузилась в полумрак. В лесу было совсем темно. Внезапно он развернулся, чтобы задать вопрос, который пришел ему в голову.

— Как же ты залезешь на дерево?

Эфfreyг улыбнулась, и на этот раз черты ее лица смягчились. Она кивнула на длинный деревянный шест, прислоненный к стене хижины, с раздвоенной рогатиной на конце.

Роберт улыбнулся, вспомнив, как в детстве думал, что она летает туда на метле. Но веселье оказалось мимолетным.

— Я не знаю, с чего начать.

— Всему свое время. Скоро узнаешь.

Выйдя из лесу, Роберт направился к своим товарищам, которые ждали его возвращения там, где он их оставил, пустив по кругу мех с вином. Когда они заметили его, на их лицах отразилось облегчение. В небе уже висел яркий месяц.

— Вы нашли то, что искали? — осведомился Александр.

— Нашел. — Роберт приготовился отвечать на вопросы, которые неизбежно должны были последовать: он не сказал им, зачем идет в лес. Впрочем, признаваться в своем поступке ему не хотелось. Но Александр лишь кивнул и прыгнул в седло.

Когда они возвращались верхом по болотистым лугам, на бирюзовом небе проступил силуэт замка Тернберри, нависающий над скалистым обрывом. За ним в лунном свете серебрилось море. Они провели в замке уже неделю, но Роберта до сих пор охватывала грусть при взгляде на него, так сильно он напоминал о потерянной семье. Старое здание, благодаря заботам Эндрю Бойда, пребывало в хорошем состоянии, и Роберт уже начал приготовления к Совету, на который созывал своих вассалов, но, несмотря на череду гонцов и рыцарей, то прибывающих, то отъезжающих с поручениями, замок по-прежнему казался пустым и заброшенным. Лишь горстка незнакомых слуг и рыцарей попадались ему на глаза в коридорах и переходах, по которым гуляло гулкое эхо морского приboя.

Роберт заметил, что происходит нечто необычное, только когда его спутники стали придерживать лошадей. Натянув поводья, он остановился, поджидая их.

— В чем дело?

— Ворота замка, — лаконично ответил Александр, не сводя взгляд с замка вдаль, — они были заперты, когда мы уезжали.

И действительно, теперь ворота стояли распахнутыми настежь. Они никого не ждали, и не было причины, по которой, кому-нибудь из обитателей вздумалось бы уехать. Во всяком случае, не через главные ворота, которые открывали только тогда, когда нужно было впустить или выпустить нескольких всадников зараз.

— Вам лучше остаться здесь, сэр Роберт, — заявил Кристофер, обнажая меч.

Роберт потянул собственный клинок из ножен, и лезвие с шипением покинуло уют кожаного чехла.

— Это мой дом, — резко бросил он. Дав шпоры коню, он поскакал по лугу на дорогу, ведущую в замок. Его люди следовали за ним по пятам. С тех самых пор, как они покинули Ирвин, он чувствовал, как в нем нарастает желание беречь и защищать эти земли. И сейчас любовь к ним бурлила у него в крови, еще более подогреваемая тем фактом, что за этими стенами оставалась его дочь.

В распахнутые ворота замка впереди он уже видел, что во внутреннем дворе толпятся люди. Многие все еще сидели в седлах или стояли возле своих коней. Сквозь грохот копыт до него доносились громкие, взволнованные голоса. Обернувшись, он увидел рядом с собой Сетонов и Неса. Вновь устремив взгляд на ворота, Роберт вдруг сообразил, что над толпой

развевается флаг, цвета которого отливали густой бронзой в свете факелов. Он моментально узнал его. Еще бы, на знамени красовался герб графа Мара, его тестя. Почти одновременно он заметил какую-то фигуру, разговаривающую с Эндрю Бойдом. Это был высокий молодой человек с темными волосами и лицом, настолько похожим на его собственное — Роберту показалось, будто он смотрит на себя в зеркало. При виде брата, стоящего во дворе дома, в котором прошло их детство, Роберт вскрикнул от радости. Несколько мужчин во дворе замка, заслышав стук копыт, начали оборачиваться и увидели их. Эдвард повернулся вместе со всеми. Он протиснулся сквозь толпу, чтобы приветствовать Роберта, который уже въезжал в ворота.

Роберт спрыгнул с седла и стиснул брата в объятиях. Они расстались всего несколько месяцев тому, но с тех пор случилось столько всего, что Роберту казалось, будто они не виделись целую вечность. Придерживая коней, вслед за ним во двор замка въехали Александр и остальные. Поверх плеча Эдварда ошеломленный Роберт заметил знакомую фигуру, отделившуюся от толпы. Последний раз он видел свою сестру Кристину три года тому, до ее брака с сыном и наследником Дональда Мара. Тогда она была совсем еще девчонкой, серьезной и застенчивой. Сейчас же, в возрасте почти пятнадцати лет, она стала настоящей женщиной, с величественной и прямой осанкой. Привстав на цыпочки, она расцеловала его в обе щеки. Волосы ее, такие же светлые, как и у их брата Томаса, были заплетены в длинную косу с золотой ленточкой, которую она перебросила на спину, а мантию у горла перехватывала симпатичная брошь.

Следом за нею показался ее супруг, Гартнет, старший сын графа Дональда. Он приходился Роберту одновременно и зятем через брак с Кристиной, и шурином, благодаря женитьбе Роберта на Изабелле. В худошавом и серьезном лице Гартнета Роберт разглядел знакомые черты своей покойной супруги. Он был более чем в два раза старше Кристины, и волосы у него уже начали редеть, отступая ото лба, в уголках глаз залегли морщины, но, когда Кристина повернулась к нему, Роберт заметил, что они искренне привязаны друг к другу, что не могло не радовать его.

Но вот его самого Гартнет обнял довольно сдержанно.

— Брат, — приветствовал он его, отходя в сторону и становясь рядом с супругой.

Роберт уже собрался было поинтересоваться, что привело их сюда, как вдруг увидел, как сквозь толпу к нему пробирается последний сюрприз в лице его свояка, сэра Джона, вспыльчивого и несдержанного графа Атолла, мужа еще одной дочери графа Дональда. Джон шагнул вперед, и в свете факелов стало заметно, как напряжено его лицо, обрамленное темными кудрями. При виде его Роберт насторожился, потому что, хотя ему всегда нравился прямой и откровенный граф, он был одним из военачальников в армии Темного Комина, которая атаковала Карлайл в самом начале войны. Джон протянул ему руку. После недолгого колебания Роберт принял ее.

— Как приятно видеть вас на родной земле, сэр Роберт, — вот и все, что сказал граф. Этого было достаточно.

Роберт дружески кивнул Джону, благодарный за явный жест примирения.

— Я слышал, вы побывали в темнице.

— Фортуна благоприятствовала мне. В лондонском Тауэре не нашлось места для всех, кого армия Варенна захватила в плен под Данбаром, и меня, вместе с сэром Эндрю Мореем, под охраной отправили в монастырь неподалеку от Честера. Но однажды ночью пришли его люди и освободили нас.

Роберт повернулся к Эдварду.

— Как ты догадался, что я буду здесь?

— Когда мы узнали о том, что ты отказался выполнить приказ отца в Дугласдейле, я отправил Кристине тайное послание. Мне показалось, что сэр Гартнет сможет помочь тебе или, по крайней мере, предоставить убежище.

— Мой отец скончался два месяца тому, — сообщил Роберту Гартнет. — Я наследовал ему.

Роберт ошеломленно уставился на брата, не находя слов от волнения и благодарности. Он и представить себе не мог, что кто-нибудь станет думать, как помочь ему и защитить после того, как он покинул замок Дугласа, особенно Эдвард, который обвинял его в вынужденной ссылке в Англию. К этому чувству примешивалось глубокое сожаление, вызванное известием о кончине престарелого Дональда, человека, который произвел его в рыцари. Роберт поспешил выразить свои соболезнования Гартнету, который молча принял их.

— С ними были сэр Джон с супругой, — продолжал Эдвард. — Мы договорились встретиться в Лохмабене. Как раз тогда мы узнали о том, что ты отправился в Ирвин, к повстанцам. Но к тому времени, когда мы прибыли туда, переговоры уже закончились. Очевидно, англичане получили донесения о том, что Уоллес начал осаду Данди, и взяли под стражу всех лидеров. Они захватили лорда Дугласа и епископа Вишарта.

— А Джеймс Стюарт? — с тяжелым сердцем задал вопрос Роберт.

— Мы думаем, что сенешалю удалось ускользнуть. — Эдвард покачал головой. — По правде говоря, никто ничего толком не знает, кроме того, что ты исчез за несколько дней до того, как начались аресты. Вот я и решил, что ты отправишься сюда.

— Это наш отец приказал тебе разыскать меня? — Радость Роберта от их столь неожиданной встречи сменилась подозрением. — Ты поэтому приехал?

— Нет. — Эдвард оглянулся на толпу рыцарей и оруженосцев, многие из которых носили цвета Мара и Атолла. Он понизил голос. — Наш отец был смещен с должности губернатора Карлайла, брат. Такой приказ отдал король Эдуард, когда узнал о твоём дезертирстве. С небольшим эскортом отец удалился в свои поместья в Эссексе. Он был не в себе, когда мы уезжали.

Роберт отвел глаза.

— Полагаю, он меня ненавидит.

Эдвард не ответил. Он смотрел мимо Роберта, туда, где вместе с Несом остановились Александр и Кристофер.

— Я вижу, у тебя появились новые союзники. — Он сдержанно кивнул молодым людям, которые вежливо наклонили головы в ответ.

— И вполне надежные, — твердо ответил Роберт. Он глубоко вздохнул. — Я также принял решение о том, куда идти дальше.

— Нам следует двинуться на восток к Данди на соединение с силами Уоллеса и Морей, — вмешался Джон Атолл, прежде чем Роберт успел ответить. — В Ирвине до нас дошли слухи о том, что Изменник и граф Суррей намерены атаковать их. Мы должны вместе противостоять им.

Кое-кто из рыцарей закивали в знак одобрения.

Гартнет, однако же, проявил осторожность.

— Армия Уоллеса, по большей части, состоит из пеших солдат. Они не могут победить

в открытом бою. Нам следует искать возможность начать переговоры, а не войну.

— Как Вишарт и Дуглас? — требовательно поинтересовался Джон.

Когда его свояки начали спорить, Роберт возвысил голос, чтобы быть услышанным.

— Я не стану объединяться с Уильямом Уоллесом. — Они мгновенно притихли, а он продолжал. — Все вы знаете историю отношений моей семьи с Баллиолом и Коминами. Наша взаимная ненависть ни для кого не является секретом, как и тот факт, что мой дед сошел в могилу, справедливо полагая, что имеет на престол больше прав, чем Баллиол. Пять лет тому я дал клятву, клятву, которую намерен исполнить. — Во дворе воцарилась тишина, в которой громко раздавался его голос. — Я подниму людей Каррика и поведу их отсюда на север, в Эйр и Ирвин. Пока Уоллес и Морей будут бороться с англичанами на востоке, я нанесу удар с запада. Я намерен освободить соседние земли от лорда Генри Перси. А потом... — Он помолчал, поскольку времени подготовить свою речь заранее у него не было. — Джон Баллиол был ставленником короля Эдуарда, — сказал он, обводя взглядом лица мужчин, стоявших вокруг него. — Нашей стране нужен новый король — король, который будет защищать ее права и свободы, который даст надежду нашему народу и освободит его от тех, кто намеревается уничтожить его свободу. Король, в жилах которого течет древняя кровь и могущество Малкольма Канмора.

Закончив говорить, Роберт сообразил, что все-таки не назвал вещи своими именами в открытую, но, поймав взгляд Эдварда, понял, что в этом не было необходимости. Лицо брата светилось гордостью. Судя по выражению остальных, они тоже прекрасно уразумели, что он имел в виду. Некоторые согласно кивали, другие задумчиво хмурились. Но никто не возразил, никто не засмеялся презрительно или негодуя. Роберт заметил, что в толпе появилась и Катарина. Совершенно очевидно, служанка тоже слышала его слова, потому что держала голову высоко, и на лице ее читалось открытое одобрение. Она исчезла из виду, когда мужчины обступили его, явно намереваясь засыпать вопросами, на которые, скорее всего, у него ответов не было.

Роберт поднял руки прежде, чем кто-нибудь из них успел заговорить.

— Давайте поговорим о таких вещах подробнее, когда перед нами будут стоять доброе вино и хорошая еда. — Он обратился к своему вассалу. — Сэр Эндрю, мы используем залу под казарму, а в конюшнях придется удвоить количество яслей. — Когда во дворе воцарился шумный хаос и слуги повели лошадей в конюшни, а Александр безбоязненно и самоуверенно представился Джону и Гартнету, Роберт повернулся к Эдварду. — Проследи, чтобы наши гости не испытывали неудобств, — негромко попросил он брата. — Мы вскоре все обсудим, но сначала я должен сделать кое-что еще. — Он помолчал, а потом взял Эдварда за плечо. — Я должен извиниться перед тобой, брат, за то, что не послушал твоего совета. Я знаю, что ты никогда не хотел воевать на стороне англичан против наших соотечественников.

— Ты здесь. — Эдвард улыбнулся. — Только это и имеет для меня значение.

Оставив брата помогать в размещении около пятидесяти мужчин и женщин в главном здании, Роберт зашагал по коридорам в свои покои.

Комната, в которой он остановился, ранее была спальней его родителей. Их старая кровать занимала большую часть помещения, но красное покрывало выцвело и было изрядно изъедено молью. Он испытывал странное чувство в свою первую ночь, занимаясь любовью с Катариной в той самой постели, в которой некогда был зачат и рожден, принесенный в этот мир натруженными и узловатыми руками Эффриг.

Огонь в камине, разоженный сегодня утром, превратился в пепел, но луна,

заглядывающая в окна, давала достаточно света, чтобы он безошибочно пересек комнату, подойдя к груде своих вещей. К седельному мешку, в котором лежало его одеяло и чистая пара одежды, прислонился объемный предмет, завернутый в мешковину. Он поручил Несу носить укутанный щит за собой с тех пор, как они весной покинули Лохмабен. Роберт подумывал о том, чтобы выбросить его после того, как они уехали из Дугласдейла, но по какой-то непонятной причине ему не хотелось делать этого. Когда он снял мешковину, в глаза ему ударил ярко-алый огненный цвет. Взяв щит под мышку, Роберт вышел из спальни и зашагал по коридору, мимо комнаты, которую он некогда делил со своими братьями, направляясь к двери, ведущей на бастион.

Снаружи в небе кружили чайки, и их белые крылья серебрились в лунном свете. Внизу шумело море, и увенчанные пенными шапками валы разбивались о скалы. На мгновение Роберт задержал щит перед грудью, сжимая его обеими руками. Он думал о Хэмфри и Рыцарях Дракона. Он считал себя их братом и боевым товарищем, но это была лишь иллюзия. Правда заключалась в том, что он никогда не смог бы стать одним из них, этого просто не позволила бы кровь, текущая в его жилах. Его вел долг, и не просто перед памятью деда или людей Каррика, которых он поклялся защищать, или перед своими товарищами, которые вместе с ним вступили на полный опасностей путь. Это был долг перед своим прошлым, своим наследием и великими предками, от которых вел начало его род. Внизу, в большой зале замка, висел выцветший от времени гобелен, на котором был изображен Малкольм Канмор, убивающий Макбета и занимающий трон. Его кровь требовала этого.

Усилием воли отогнав образ Хэмфри, Роберт размахнулся и швырнул щит вниз, с крепостного вала. Падая, тот вращался и переворачивался, и огнедышащий дракон вспыхивал золотом в отблесках лунного света, пока не разбился вдребезги о скалы внизу. Набежавшая волна подхватила обломки. Еще несколько мгновений они были видны в пенной толчее, а потом исчезли в толще воды, бесследно канув в бездну.

Мост горел. Языки пламени, прорываясь сквозь клубы дыма, бросали малиновые отсветы на воды Форта. Бревна помоста и быки опор, охваченные жарким огнем, рассыпались на глазах, выстреливая в воздух снопы искр. Небо над Стирлингом почернело от копоти, и тяжелый смрад заволакивал замок, приткнувшийся на краю высокого обрыва над морем. Дым окутал болотистую равнину, по которой невысокая дамба протянулась от моста до аббатства Эбби-Крейг у подножия одинокой скалы в миле от замка. Густая завеса дыма скрывала настоящий ад.

По обе стороны дамбы на равнине лежали тысячи и тысячи мертвых и умирающих. Трава была вытоптана напрочь, и повсюду виднелись лужи крови. Люди и кони смешались в невообразимую, ужасающую кучу, из которой торчали изломанные конечности. Там и сям валялись развернутые знамена, полотнища которых пропитались кровью. Рыцари, оруженосцы, пешие солдаты и лучники — все они лежали вповалку, независимо от статуса, образуя зловещие бастионы из плоти и костей. Некоторые были изуродованы до неузнаваемости. Выколотые глаза, расплюснутые носы и рты, расплоскованные до ушей, являли собой жуткое зрелище. Шлемы, остающиеся на головах, носили следы многочисленных ударов топоров и молотов, и зачастую были сплюснуты всмятку. Из

разрезов вспоротых дублетов на животах и груди торчали ключья набивки. Мечи и копья, торчащие из мертвых тел, походили на восклицательные знаки смерти. А запах стоял такой, что не выдерживали желудки даже закаленных в боях ветеранов.

Кое-где умирающие воины еще корчились в агонии. С их губ срывались невнятные проклятия и молитвы, отлетая к затянутому дымом пожара небесам, где в ожидании поживы уже кружили стаи ворон. Кое-кто из раненых еще нашел в себе силы проползти несколько шагов, волоча за собой сломанные руки или ноги, страшно разевая рты в приступах сухой рвоты, когда им на пути попадались трупы со вспоротыми животами. Но далеко уйти им не удавалось. Среди разбросанных тел, подобно ангелам смерти, бродили шотландские пехотинцы, сжимая в руках короткие обоюдоострые кинжалы, бросаясь на любой крик или движение. Стоило какому-нибудь несчастному пошевелиться или издать хотя бы звук, как они склонялись над ним, обрывая последние вздохи ударами кинжалов. В аду кровавой бойни они и сами затруднились бы сказать, кого добивали — англичан или шотландцев, валлийцев или ирландцев. Можно было различить лишь статус умирающего по его одежде или оружию. Рыцари, узнать которых было легче всего, тоже не избегли этой быстрой и безжалостной смерти. Уоллес приказал не брать пленных. Так что выкупа не будет. Как не будет и пощады.

Другие скотты тоже осматривали тела на земле, но в поисках не признаков жизни, а поживы. Мужчины, до сих пор сражавшиеся босиком, с благодарностью стягивали сапоги с трупов. Кое-кто срезал с поясов кошельки с монетами и вытаскивал мехи с вином из седельных сумок. Но тех, кто подбирал мечи, шлемы или иные предметы амуниции и снаряжения, было гораздо больше. У трупов рыцарей, самых богатых среди павших, собирались целые группы мародеров, между которыми вспыхивали короткие, но жаркие схватки за обладание добычей.

Впрочем, кое-где на поле еще продолжались отдельные схватки, когда мужчины, обезумевшие от боли и ненависти, рвали друг друга на куски. Кто-то из скоттов повалился на землю, когда в горло ему вонзилась стрела. Валлийского лучника, выпустившего ее, мгновением позже развалило почти пополам лезвие топора. Пехотинец, забрызганный с ног дог головы кровью — чужой и своей, шатаясь от слабости, вонзил кинжал в живот своему противнику. Когда он, застонав от натуги, провернул его в ране и попробовал выдернуть, на колени повалились оба. Совсем рядом рычал англичанин-оруженосец, как бешеный, отмахиваясь мечом от обступивших его скоттов. Он с размаху ударил краем щита одного из врагов в лицо, отчего тот, не издав ни звука, отлетел в сторону. Но тут кто-то из шотландцев, изловчившись, схватил его за руку с оружием и вырвал меч, дав своему товарищу шанс подскочить к англичанину вплотную и воткнуть ему под ребро короткий кинжал.

Английский рыцарь, один из немногих, до сих пор остававшихся в седле, попробовал прорваться к аббатству Эбби-Крейг, направив своего жеребца прямо на толпу скоттов, наступавших на него по дамбе, которая превратилась в единственный путь отступления с поля боя, поскольку мост был весь охвачен пламенем. Шотландцы бросились врассыпную, освобождая ему дорогу, кое-кто просто отлетел в сторону, сбитый копытами коня. Один из военачальников Уоллеса пригнулся, держа наготове меч и видя, что всадник мчится прямо на него. Сжавшись в комок, он полоснул лезвием по задним ногам коня, когда животное пролетало мимо. Сила встречного удара оказалась такова, что клинок вылетел у него из руки, но дело свое сделал. Лошадь заржала от боли, споткнулась, и передние ноги у нее подломились. Всадник был выброшен страшным ударом из седла и покатился по дамбе,

несколько раз перекувыркнувшись через голову. Когда он попытался подняться на ноги, на него навалились трое скоттов. Один из них испустил торжествующий вопль, сорвав шлем с головы рыцаря и полоснув его по горлу кинжалом, отчего у того под разинутым в крике ртом раскрылась еще одна страшная рана.

В воздухе то и дело раздавались пронзительные вопли, сопровождаемые громким всплеском — это воины сталкивали своих врагов в Форт или падали сами, пронзенные чужим оружием. Воды залива покраснели от крови. На поверхности покачивались трупы английских пехотинцев и валлийских лучников, медленно опускаясь на дно. Сотни их пали в бою под натиском легионов обезумевших скоттов. Рыцари тонули первыми, тяжелые доспехи увлекали их в пучину. Другие, не обремененные кольчугами или латами, покачивались на поверхности. У въезда на мост гора трупов была особенно впечатляющей. Некоторые тела уже обуглились от огня. Стирлингский мост, ключ к северу, с помощью которого англичане рассчитывали отомкнуть королевство, стал для них роковым.

Сегодня утром, после того как Уильям Уоллес грубо отверг предложение начать переговоры, авангард английской армии под командованием Хью де Крессингэма выступил из замка. Казначей сопровождали несколько сотен рыцарей, крупный контингент валлийских лучников, призванных на службу из Гвента, и многочисленные отряды английской пехоты, усиленной ирландскими войсками. Ширина моста позволяла ехать по нему только двум всадникам в ряд, поэтому остальная часть английской армии под началом Джона де Варенна осталась на месте, ожидая, пока авангард переправится на другую сторону.

Уоллес и Морей с вершины скалы, у подножия которой располагалось аббатство Эбби-Крейг, смотрели, как англичане на целую милю растянулись по дамбе длинной, сверкающей лентой, вышагивая под грозный рокот барабанов. Под скалой притаилась в ожидании жалкая группа всадников, составлявшая всю кавалерию скоттов. Все они были на легконогих лошадках, которые никак не могли соперничать в бою с тяжеловесными и мощными жеребцами англичан. Но недостача тяжелой кавалерии с лихвой перекрывалась превосходством в пеших воинах, тысячи которых выстроились в боевые порядки на склонах холмистой гряды Очил-Хиллз, вооруженные, главным образом, пиками и копьями. Но англичане не дрогнули перед лицом численного превосходства противника, продолжая уверенно продвигаться по вымощенной камнем дамбе, направляясь прямо на ожидающих скоттов. Крессингэм ехал в окружении своих рыцарей, похожий на огромную, жирную личинку в начищенном до блеска хауберке, шелковой накидке и мантии. Конь его покачивался под тяжестью раскормленной туши.

Когда примерно семь тысяч англичан переправились на эту сторону и их передние ряды оказались неподалеку от его кавалерии, Уоллес подал сигнал. Проревел рог, эхо которого докатилось до его войск внизу, заставив англичан задрать головы, и молодой разбойник прищорил своего коня и устремился по крутой тропе с вершины Крейга вниз. Встретившись у подножия со своими людьми, они с Мореем повели небольшой конный отряд по дамбе, на всем скаку сближаясь с англичанами. В то же самое время пешие шотландские солдаты устремились на врага с нижних склонов. Они надвигались с громоподобным ревом, который прокатился по долине, сотрясая ее склоны и напугав лошадей англичан. Крессингэм приказал своим рыцарям развернуться навстречу приближающейся шотландской кавалерии, а лучники получили команду обстреливать пеших скоттов, надвигавшихся на них со склонов холмов.

Сотни шотландских пехотинцев полегли, скошенные стрелами из луков и арбалетов, которые сбивали их с ног и отшвыривали на идущих сзади товарищей. Но остальные продолжали наступление, перепрыгивая через упавших соотечественников. Основная часть этого войска отклонилась к въезду на мост, захлопнув, таким образом, устроенную Уоллесом ловушку и разрезав английскую армию на две части. К тому времени, когда Варенн и его люди, оставшиеся на другой стороне, поняли, что происходит, было уже слишком поздно. На предмостных укреплениях скотты прорвали оборону дезорганизованных английских пехотинцев, у которых попросту не хватило времени развернуться в боевые порядки и организовать сопротивление. Стремительным броском они захватили мост и перегородили его сплошной стеной из копий, через которую не смогли прорваться конные рыцари, когда Варенн послал их в атаку. Если бы валлийские лучники не двигались в авангарде, скоттам едва ли улыбнулась бы удача, но, как бы там ни было, теперь Варенн и остатки английской армии могли лишь беспомощно наблюдать за разгромом сил Крессингэма на лугах, спускавшихся к заливу. В конце концов, Варенн приказал поджечь мост и отвел свои войска на юг, к поросшим лесом холмам, сознавая, что сражение безнадежно проиграно.

И вот теперь побоище близилось к своему мрачному и жестокому финалу.

Уильям Уоллес находился со своими командирами на усеянной трупами дамбе. Лидер повстанцев сидел на корточках и дышал тяжело, с хрипом, а все мышцы его тела отзывались ноющей болью на любое движение. Он был забрызган кровью с головы до ног, темные шарики ее застыли у него даже в волосах и медленно стекали по лезвию его огромного меча, брошенного за спину. Рядом с ним неподвижно простерся на земле Эндрю Морей. Молодой рыцарь, возглавлявший отряды северян, стиснул зубы, со свистом втягивая воздух, и лицо его исказилось от боли, пока один из его людей промывал глубокую рану в боку, в которой Уоллес отчетливо разглядел торчащие обломки ребер. До сего дня ему еще не приходилось видеть столько человеческих внутренностей зараз: скользкое месиво кишок и прочих органов, прикрытых хрупкой и ненадежной оболочкой кожи. Один разрез здесь, другой там, и вся требуха неопытным комом вывалится наружу. Было в этом что-то противоестественное. Нечто такое, что напоминало человеку о том, какой неизбежный конец ему уготован — стать кормом для могильных червей.

Остекленевшие от боли глаза Морей с трудом нашли Уоллеса.

— Все кончено?

— Да.

Морей свирепо оскалился.

— Мы разбили ублюдков. — Голова его откинулась назад, и улыбка сменилась гримасой боли. — Хвала Господу, мы разбили их.

Уоллес оглядел стоявших вокруг мужчин. Здесь были и его люди, и люди Морей. Большинство были ранены, все до единого измучены и обессилели, но сквозь боль в их глазах светилось торжество. Они совершили то, что благородные дворяне в лице сэра Джеймса Стюарта и епископа Вишарта полагали невозможным: разбили английскую конницу в открытом бою, не имея в своем составе ни одного рыцаря или тяжеловооруженного пехотинца.

К Уоллесу подошел Адам и сунул в руку кузену бурдюк с вином. Его подбитая мехом накидка давно исчезла, а лысую голову, блестящую от пота, покрывали брызги запекшейся крови. Уоллес принял мех и оторвал его от губ, только когда тот опустел. Вино обожгло его пересохшее горло, но сейчас оно показалось ему сладостным нектаром, вкуснее которого он

никогда и ничего не пробовал. Допив последний глоток, он взглянул на бурдюк. Тот был украшен драгоценными камнями.

Адам неприятно улыбнулся.

— Я позаимствовал его у Изменника.

— Крессингэма? — резко бросил Уоллес. — Ты нашел его?

Адам кивнул на группу шотландцев, сбившихся в кучку неподалеку.

— Вон там, кузен.

Оставив Морюя на попечение его людей, Уоллес в сопровождении Адама подошел к мужчинам, стоявшим полукругом. При его приближении они расступились, и он увидел на земле тело необыкновенно жирного человека. Он был гол, и складки жира, наплывавшие друг на друга, были усеяны таким количеством ран, что уже невозможно было определить, какая из них стала смертельной. А вот лицо практически не пострадало, лишь один глаз заплыл кровью. Но внимание Уоллеса привлек его рот, точнее, окровавленный кусок плоти, засунутый в него. Опустив взгляд на нижнюю часть обрюзгшего тела Крессингэма, Уоллес понял, что это такое. Темная рана, полускрытая складками его жирных, испещренных венами бедер, красовалась на том месте, где полагалось находиться его мужскому достоинству.

— Подходящий конец, — проворчал стоящий рядом Адам.

Кое-кто из мужчин расхохотался. Они передавали по кругу еще один из расшитых драгоценными камнями мехов с вином. У некоторых, заметил Уоллес, были переброшены через плечо или заткнуты за пояс шелковые тряпки, несомненно, принадлежавшие казначею.

Один из мужчин внезапно присел на корточки и вытащил из ножен кинжал. Подняв голову, он посмотрел на Уоллеса.

— Мастер Уильям, я отрежу кусочек на память? — Он опустил взгляд на тело Крессингэма, сжимая в кулаке клинок. — Я хочу показать добрым людям Ланарка, что помог покарать Изменника.

— Бери, сколько хочешь, — ответил Уоллес. — Там, куда он направляется, ему не понадобится ничего лишнего.

Мужчина ухмыльнулся. Подняв короткопалую руку Крессингэма, он занялся его указательным пальцем. Остальные несколько мгновений наблюдали за ним, а потом склонились над телом казначея, чтобы взять на память и продемонстрировать друзьям кусочек тирана, который выпил все соки из их королевства и которого они помогли свергнуть.

Уоллес не стал вмешиваться. Пусть они берут себе столько добычи, сколько смогут унести, а потом он снова поведет их в бой. Потому что ничего еще не кончено. Далеко не кончено.

— Предупреди Грея и остальных, — сказал он Адаму. — Мы выступаем через час.

— Кузен?

Сквозь клубы дыма Уоллес взглянул на другой берег Форта, где еще виден был арьергард армии Варенна, уходящий на юг.

— Мы переправимся через залив во время отлива и отправимся за ними в погоню. С ними идет большой обоз. Мы сможем запасти припасами и снаряжением, а заодно убьем столько англичан, сколько сможем. — Взгляд его синих глаз следил за отступающей армией. — Пусть они унесут ужас этого дня с собой в Англию.

Пока скотты праздновали победу на дымящихся останках стирлингского моста, вороны

в небе сбились в черную тучу, готовясь устроить себе кровавое пиршество.

... И зажглась звезда невиданной красоты и яркости, бросив вперед себя луч, на конце которого вспыхнула огненная сфера в виде дракона. И с тех пор стал он именоваться Утером Пендрагоном, что на языке бриттов означает «голова дракона»; таково было предсказание самого Мерлина, что появление дракона означает рождение нового короля...

Гальфрид Монмутский.

История королей Британии

Сквозь осенние ветра и дожди, пока шотландские войска торжествовали победу над англичанами при Стирлинге, Роберт колесил по Каррику, поднимая людей своего графства и укрепляя замок Тернберри.

Поначалу, несмотря на ненависть к англичанам, многие боялись поддерживать его, опасаясь мести со стороны Перси и Клиффорда. Роберт мог потребовать от них явиться к нему на службу, но, полагая, что от сомневающихся и испуганных вассалов будет мало толку, предпочел брать к себе только тех, кто сам хотел этого. В большинстве это была амбициозная молодежь, безземельные рыцари и младшие сыновья. Некоторые из них служили его отцу, но все они стремились заручиться его поддержкой и одобрением. Гартнет Мар и Джон Атолл оставались в Тернберри со своими людьми и женами, и вместе с Кристофером и Эдвардом переполненный замок напоминал Роберту о тех временах, когда в пропитанных морской солью стенах цитадели обитали его семья и приближенные с домочадцами.

В конце октября, когда мужчины убирали с полей последний урожай и забивали излишки скота, он навел Эффриг, чтобы предложить ей покончить со ссылкой, в которую отправил колдунью его отец. Но старуха отказалась, заявив, что предпочитает жизнь в лесу возвращению в деревню.

Шли недели, и постепенно число сторонников Роберта увеличивалось. Это была нелегкая работа, и иногда ему приходилось наступать на горло собственному самолюбию, но вскоре он обнаружил, что для того, чтобы завоевать чье-либо доверие, необходимы время и терпение. Когда его вассалы увидели, что он намерен остаться здесь, занимаясь укреплением обороны, то стали переходить к нему по собственной воле. По мере увеличения его окружения возрастала и его репутация. Роберт обнаружил в себе таланты прирожденного дипломата, которыми овладел, глядя на своего деда. То превращаясь в разъяренного льва, если его провоцировали, то становясь ручным ягненком в случае необходимости, старый лорд пользовался огромным уважением и внушал страх своим подданным, обладая качествами, которые, как теперь понимал Роберт, жизненно необходимы народному лидеру.

Его отец был властным хозяином, который обращался со своими людьми не как с подданными, а скорее, как со слугами. Решительность Роберта и умение слушать вскоре завоевали ему уважение его вассалов. Но он понимал, что сделал лишь первый шаг к трону.

В Ирвине, приняв решение во всеуслышание заявить о своих притязаниях на шотландский престол, Роберт понимал всю грандиозность и, быть может, даже неосуществимость стоящей перед ним задачи. На его стороне были право крови и репутация деда, но и только. Большинство лордов в королевстве не доверяли ему, а многие по-прежнему открыто презирали. Шотландцы под предводительством Уоллеса сражались за восстановление на троне Джона Баллиола, а не за выборы нового короля, и Камень Судьбы уже покоился в Вестминстере. Для того, чтобы хотя бы объявить о своем намерении, ему нужна намного более мощная поддержка. А чтобы заручиться ею, он должен доказать, что достоин ее; то есть, он должен делать то, что делает Уоллес и другие, завоевав сердца людей тем, что вернет им потерянные земли. И вот, когда осенние ураганы сменились морозной зимой, он приступил к выполнению намеченного плана.

Во главе отряда из более чем пятидесяти рыцарей и двух сотен пеших солдат Роберт двинулся на север, пройдя маршем через Каррик и вторгнувшись в Эйршир. Генри Перси отбыл на юг, в Англию, сопровождая пленников, захваченных в Ирвине, оставив для защиты портового городка Эйр лишь небольшой гарнизон. Однажды морозным днем в конце ноября Роберт и его люди штурмом взяли город, опрокинув и смяв людей Перси, после чего ворвались в казармы английской стражи. Шестеро из людей Перси погибли на месте, а остальные спаслись бегством на лодке, пришвартованной у берега реки Эйр, но это нападение положило конец владычеству англичан в Эйршире. Именно здесь, в первом освобожденном им городе, к восторгу и облегчению своих людей, Роберт основал новую базу. Это означало, что отныне его семья будет пребывать в Тернберри в полной безопасности, тогда как сам он сможет целиком сосредоточиться на налетах на Ирвин и другие поселения, чтобы выбить оттуда последних солдат Перси.

Несколько недель спустя Роберт узнал настоящую цену восстания. Генри Перси был занят в Англии, но Клиффорд оставался в Галлоуэе и моментально обратил свое внимание на земли Брюсов в Аннандейле, где в отместку сжег десять деревень, запугав их население. Замок Лохмабен, гарнизон которого по-прежнему составляли вассалы отца Роберта, выстоял, но окрестным поселениям был нанесен огромный ущерб, на устранение которого понадобится несколько лет. Для Роберта это стало тяжелым ударом. Аннандейл, пусть и до сих пор принадлежавший его отцу, оставался его домом, и мысль о том, что он объят пламенем, потрясла его.

Это нападение, однако же, имело одну дотоле незамеченную им положительную сторону. То, что знаменитый военачальник-англичанин напал на земли Брюса в Шотландии, убедило многих из тех, кто сомневался в Роберте, что он искренне перешел на их сторону. Это сделало его врагом англичан — факт, который лидеры мятежников не преминули заметить. В начале весны 1298 года к нему прибыли гонцы, приглашая Роберта на большой совет в самом сердце Селкиркского леса, колыбели восстания.

Лес, пробудившийся от зимней спячки, уже покрылся первой зеленью, когда Роберт со своим отрядом вступил под его своды. Сосны со стволами в два обхвата вонзались в небо, закрывая его пушистыми облаками веток. Землю покрывал толстый слой сосновых иголок и шишек, хрустевших под ногами. Говорили, что дремучие просторы Селкирка — всего лишь

жалкие остатки древнего леса, некогда покрывавшего всю территорию королевства. Но даже сейчас он был огромен, и непроходимые буреломы сочетались в нем с открытыми, солнечными полянами и уголками, где не ступала нога человека. Лес великолепно подходил для того, чтобы скрытно разместить в нем целую армию, и Роберт не сомневался, что если бы ему не указали, какие метки и где искать, то он со своими людьми заблудился бы уже через несколько часов.

— Вон еще одна, — сказал Эдвард, поворачиваясь в седле и показывая на искривленный ствол дерева, на котором был намалеван белый круг с крестом внутри. — Похоже, мы приближаемся. Это уже четвертая метка за сегодняшнее утро.

Взгляд Роберта переместился от меченого ствола чуть дальше, туда, где деревья расступались, открывая вид на поляну. Он услышал плеск воды.

— Передай остальным, — сказал он, оборачиваясь к Кристоферу Сетону, который ехал позади, — что мы сделаем привал, а потом поедem дальше. Я хочу добраться до лагеря еще до наступления ночи.

Оруженосец кивнул, но когда он развернул коня, чтобы скакать к отряду, Роберт заметил, что юноша напряжен и взволнован. И он прекрасно понимал почему. Молодой человек, родившийся и выросший в Йоркшире, вот-вот должен был оказаться в расположении армии, воины которой намеревались навсегда избавить свои земли от англичан. Роберт заверил оруженосца, что тот пребывает под его защитой, но, говоря по правде, сомневался, что сможет гарантировать безопасность Кристофера или кого-либо еще. Пока оруженосец передавал его приказ остальным членам отряда, рассыпавшимся среди деревьев, Роберт дал шпоры жеребцу и выехал на поляну. На другой стороне виднелся широкий ручей, и вода с журчанием бежала по гладким, коричневым камням. Берега были отлогими, так что лошади смогут напиться.

Роберт спешил, не дожидаясь, пока остальные выедут на поляну. Вместе с сорока рыцарями и оруженосцами, которых он собрал в Каррике, с ним были и шестьдесят семь воинов под командой Мара и Атолла. Кристина не захотела расставаться с Гартнетом, поэтому ехала рядом с мужем, взяв с собой и его шестнадцатилетнего сына Дэвида, который как две капли воды походил на отца. Устав от долгой скачки, рыцари спешивались, разминали затекшие руки и ноги, доставая из седельных сумок меха с вином и солонину, пока оруженосцы занимались лошадьми.

Опершись на предложенную одним из рыцарей Роберта руку, Катарина соскользнула со своей лошади. Наградив молодого человека лукавой улыбкой, она принялась отряхивать пыль с юбок, а Джудит вытащила Марджори из ее сиденья. Знаком показав одному из слуг, чтобы тот отвел ее лошадь реке, Катарина потянулась.

— Принеси мне что-нибудь поесть, — обратилась она к Джудит, — после того, как накормишь Марджори.

Роберт уже заметил, что в последние месяцы девчонка, помимо того, что была кормилицей Марджори, превратилась в служанку Катарины. Остальные женщины, Кристина и супруга Джона, у которых была своя прислуга, не подпускали к себе этих двоих, сохраняя дистанцию. Особенной холодностью по отношению к Катарине отличалась Кристина. В чем бы ни заключалась причина, у Роберта не было ни времени, ни желания заниматься еще и этой проблемой. Он устал от политики и необходимости все время притворяться. У каждого из этих мужчин и женщин были свои планы и надежды, пусть даже сейчас они следовали за ним. Например, он знал, что Гартнет не одобряет его стремления бороться за трон, советуя

для начала заключить перемирие с англичанами. Джон Атолл искренне поддерживал его, но при этом весьма настороженно относился к Сетонам, которые оставались с Робертом с тех самых пор, как они покинули Ирвин. В свою очередь, Александр и Кристофер ревностно оберегали свое положение его доверенных командиров. И только один Эдвард, похоже, чувствовал себя вполне комфортно в их компании.

Роберт отошел в сторонку, решив размять ноги в одиночку. Лес, по которому они ехали вот уже несколько дней, начал вызывать у путников боязнь замкнутого пространства, отчего атмосфера в их маленьком отряде становилась все более напряженной по мере того, как они углублялись в его дебри. Так что не один Кристофер чувствовал себя не в своей тарелке. Джона и Александра сильно беспокоило приглашение на совет, на котором красовалась печать Уильяма Уоллеса, поскольку они никак не могли решить, с чего бы это лидер повстанцев пожелал видеть Роберта после того, как на протяжении нескольких месяцев полностью игнорировал его. Разумеется, они шли на риск, и немалый. Роберт понятия не имел, какой прием его ожидает. Но в последнее время появились упорные слухи о том, что англичане намерены сполна расквитаться с обидчиками; говорили, что они собирают огромную армию для вторжения, и Роберт должен был знать, что происходит на самом деле.

Пройдя немного вниз по берегу ручья, он присел на корточки. Склонившись над водой, он принялся всматриваться в свое отражение, дрожавшее рябью на поверхности. Он не брился уже много дней и теперь обзавелся короткой густой бородкой. Под глазами залегли круги, на лоб падала непокорная прядка волос. Может, он все-таки сделал ошибку, согласившись прибыть сюда? Быть может, он продемонстрировал собственную слабость, поспешно согласившись на приглашение мятежника? Роберт погрузил руки в ледяную воду, и отражение разбилось и исчезло. Сложив ладони ковшиком, он умылся. Когда вода стекла с его лица, он заметил в ручье еще одно отражение. Позади него стояла женщина, и очертания ее тела скользили и изгибались по поверхности воды. Он быстро поднялся и обнаружил, что это Катарина стоит у него за спиной. Шум воды заглушил звук ее шагов.

Она улыбнулась.

— Я не хотела пугать тебя. — Когда он вытер лицо ладонью, она подошла к нему вплотную. — Давай я. — Подобрав рукав платья, она осторожно стерла капли воды у него со лба.

У винно-красного платья были широкие складчатые рукава. Она носила его с тех пор, как пять дней тому встретила Роберта у ворот замка Тернберри. Платье с пояском из серебряных колец не постыдилась бы надеть и графиня, если бы корсаж не был столь тесен для ее полной груди. Роберта внезапно охватило раздражение. Он поймал ее за запястье и спросил:

— Зачем ты надела его?

Глаза ее расширились, когда она уловила недовольство в его голосе:

— Разве оно тебе не нравится?

— Мне не нравится, как смотрят на тебя другие мужчины.

Катарина рассмеялась и погладила его по щеке.

— В таком случае, я больше не стану его надевать.

Роберт взял ее за руку, сплетя свои ледяные от воды пальцы с ее пальцами.

— Можешь носить его, сколько хочешь. — Он вздохнул. — Я просто очень устал. — Из-за деревьев доносились голоса его людей. Голова у Роберта раскалывалась от боли, вода холодила щеки.

Катарина обняла его за шею и прильнула к нему всем телом.

— Я принадлежу только тебе, любовь моя.

— Катарина, — предостерегающе пробормотал он.

Женщина оглянулась через плечо.

— Они нас не увидят. — Она устремила на него кокетливый взгляд, привстав на цыпочки и едва каясь его губ своими. — Ты похож на раннего медведя, — прошептала она, поддразнивая его. — Такой раздражительный. — Катарина поцеловала его в губы и улыбнулась. — И еще тебе не помешает побриться.

Роберт крепко поцеловал ее, прижав к стволу дерева. Она вновь обхватила его за шею и жарко ответила на поцелуй.

У них за спиной кто-то многозначительно и громко прочистил горло, и Роберт отпрянул от Катаринины. Оглянувшись, он увидел приближающегося Александра.

Катарина перебросила гриву волос через плечо.

— Сэр Александр! Какое счастье, что у Роберта есть кому прикрыть спину. — Она рассмеялась деланным смехом. — В самом деле, кажется, куда бы он ни пошел, вы тут как тут. Смотрите и наблюдаете.

— Лес таит в себе много опасностей, — невозмутимо отозвался Александр, глядя ей прямо в глаза.

Катарина первой отвела взгляд.

— Я займусь твоей дочерью, Роберт. — Приподняв юбки, она зашагала по высокой траве.

Александр подождал, пока она не скроется из виду.

— Нам нужно поговорить.

Роберт шумно выдохнул:

— Я уже говорил вам. Это вас не касается.

— Я имел в виду лагерь. И то, что мы идем в пасть льву. — Александр помолчал. — Но, откровенно говоря, друг мой, без разговора о ней тоже не обойтись. Вы еще никому не говорили о своих планах, за исключением приближенных, что я полагаю вполне разумным, но рано или поздно вам придется встать перед дворянами королевства и заявить о своих претензиях на трон. Разве можно ожидать, что вельможи всерьез воспримут ваши притязания, когда вы сами демонстрируете прямо противоположное отношение?

— Вы полагаете, что я шучу? После всего, что я сделал за последние месяцы, и того, что вы помогли мне достичь? Я рискую собственной жизнью и жизнями членов моей семьи, чтобы заявить о своих правах!

— Катарина станет вашей женой? Вашей королевой?

Роберт отвернулся.

— Разумеется, нет.

— В таком случае, не делайте из служанки супругу. — Александр обошел его кругом, заставляя Роберта взглянуть ему в лицо. — Остальные не говорят вам об этом, но ведь все видят, что она возомнила о себе намного больше, чем следует. Из служанки она хитростью и обманом превратилась в леди, а вы во всем потакаете ей.

Роберт подошел к краю воды и стал всматриваться в зеленую стену деревьев на другом берегу. Когда они направлялись в Дугласдейл, Катарина была для него всего лишь развлечением; сосудом, в который он изливал свои сомнения. Он просыпался по утрам, с головой погружаясь в ежедневные заботы и тревоги. По ночам он сбрасывал в нее свое

разочарование и раздражение. Он всегда знал, что после кончины Изабеллы ему когда-нибудь придется найти себе новую жену, женщину с положением, которая сможет родить ему сына. Он знал это, но упорно гнал от себя мысли об этом, несмотря на то, что отсрочка грозила осложнениями. Он говорил себе, что у него попросту нет для этого времени; что у него есть более важные дела, которыми следует заняться в первую очередь. Это было правдой, но не всей. Причина, по которой он откладывал поиск подходящей супруги, заключалась в том, что Катарина перестала быть для него просто развлечением. Она стала единственной постоянной величиной в его быстро меняющейся жизни. Она редко просила его о чем-нибудь и, когда она была с ним, желала только одного — доставить ему удовольствие.

— Она нужна мне, Александр, — негромко сказал он. — Сейчас она нужна мне.

— Я понимаю, что вам нужна женщина, которая согрела бы вашу постель, — отозвался Александр, подходя и останавливаясь рядом. — Я понимаю это, как любой другой мужчина. Но вам следует иметь в виду и кое-что еще. Разве вы не видите, как своим поведением оскорбляете графа Гартнета? Или супругу графа Джона? Леди Изабелла была их сестрой. А вы сделали ее служанку матерью ее ребенка. Роберт, она носит платья Изабеллы. Они ваши сторонники. Они нужны нам. — Он передернул плечами. — Иногда мне кажется, что нежелание Гартнета открыто встать на вашу сторону вызвано его отношением к Катарине.

Роберт покачал головой и уже собрался возразить, как вдруг заметил какое-то движение на другом берегу ручья. Из-за кустов появилась фигура в зеленом, держа в руках снаряженный лук. Роберт прыгнул к Александру и сбил его с ног. Оба повалились на землю, а в ствол дерева над их головами с чавканьем вонзилась стрела.

Александр попытался сбросить с себя Роберта, но тут раздался чей-то голос.

— Этот выстрел был предупреждением. Следующий станет смертельным, если вы не скажете, зачем явились сюда. — Мужчина наложил новую стрелу на тетиву своего лука.

Роберт поднялся на ноги. Протянув руку Александру, но не сводя при этом глаз с лучника, он помог товарищу встать.

— Я прибыл на встречу с Уильямом Уоллесом. Меня зовут сэръ Роберт Брюс.

Из-за кустов на другом берегу выходили все новые воины. Все они были вооружены луками и одеты в зеленое с коричневым. Сзади донеслись тревожные крики, когда люди Роберта, почуввав неладное, устремились к нему сквозь подлесок. Первыми бежали Эдвард и Кристофер, от них старался не отстать Джон Атолл. Роберт крикнул, приказывая им остановиться, глядя на фигуры на другом берегу, которые подняли луки, готовясь к стрельбе.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы творить зло. Уоллес ожидает нас.

Мужчина, заговоривший первым, медленно опустил лук.

— Соберите своих людей, — после недолгого раздумья сказал он. — Мы проводим вас.

Тремя часами позже, в сгущающихся сумерках, Роберта и его людей привели в лагерь повстанцев. Легконогие лучники ни разу не сбились с пути, безошибочно отыскивая дорогу даже в неверном вечернем свете. Переходя от одной метки к другой, они встретили еще пять вооруженных патрулей после того, как переправились через реку. Все они негромко совещались о чем-то с лучниками, не сводя глаз с Роберта и его людей.

Впереди, из чащи деревьев, до них донесся приглушенный гул множества голосов, в который вплетался лай собак и ржание лошадей. В воздухе висел густой дым от костров, вокруг которых группками стояли мужчины, разговаривая о своем, в то время как другие явно спешили куда-то с поручениями. Их одежда отличалась крайним разнообразием: шерстяные накидки с капюшонами и грубые крестьянские башмаки на деревянной подошве перемежались длинными туниками горцев и кольчужными хауберками рыцарей. Некоторые бросали свои дела, чтобы проводить Роберта и его людей внимательными взглядами.

Здесь были шалаши, устроенные вокруг деревьев, и полотняные навесы, натянутые между стволов, под которыми на покрытой мхом земле лежали одеяла. Там отдыхали мужчины, многие из них были ранены. Священник, склонивший голову с выбритой тонзурой, стоял на коленях рядом с мужчиной, нога которого была оторвана по колено, а обрубок замотан окровавленной тряпичей. Шагая вслед за сопровождающими по берегу реки, в которой женщины стирали белье, а дети швыряли гладкие камешки, Роберт увидел две группы мужчин, выстроившихся в круг. Они были вооружены длинными копьями, направленными наружу. Похоже, они отрабатывали какой-то маневр, потому как передний ряд быстро опускался на одно колено по команде старшего, единым слитным движением выставляя копья перед собой. Чуть дальше показалась поляна, сплошь заставленная шатрами и палатками.

Миновав копейщиков, они вышли на поляну. Дубовые и ольховые пни указывали на то, что здесь валили деревья, чтобы расчистить больше места. В центре поляны горел костер, вокруг которого стояли примерно двадцать палаток и повозки с припасами. На одной были грудой свалены сверкающая серебряная посуда, подсвечники, меха и сундуки — скорее всего, добыча, захваченная Уоллесом во время его рейда по северной Англии. Как ни старался Роберт держаться особняком, он не мог не слышать об успехах мятежников, слухи о которых достигли самых отдаленных уголков королевства.

После битвы при Стирлинге люди повсюду с благоговейным трепетом отзывались о молодом герое, который принес победу крестьянской армии над цветом английского рыцарства. О герое, который избавил их от ненавистного казначея Крессингэма и гнал могущественного лорда Суррея вплоть до самой границы. Войско Уоллеса, состоящее из пастухов, гуртовщиков и охотников, вскоре разрослось за счет свободного люда: горожан, рыцарей и оруженосцев, и даже лордов. Со смертью Эндрю Мореля, скончавшегося вскоре после битвы, Уоллес превратился в единственного лидера повстанцев, и, пока его люди все еще были пьяны от крови, пролитой при Стирлинге, молодой неукротимый скотт повел свою армию в Англию.

В самом начале осени они перешли границу и вторглись в Нортумберленд, наводя ужас на жителей северных районов. Урожай горел на корню, скот беспощадно забивали, мужчин и женщин предавали мечу. Поговаривали, что насилие достигло таких масштабов, что Уоллесу и его командирам пришлось повесить нескольких собственных людей, поскольку совершенные ими преступления оказались слишком жестокими и не могли оставаться незамеченными. Но, правда это была или ложь, тысячи жителей Нортумберленда бежали на юг, оставляя на горизонте свои горящие дома и церкви, школы и пастбища. И только в середине зимы, когда выпал снег и ударил мороз, мародеры пересекли Твид в обратном направлении. К тому времени Уоллес обзавелся новым прозвищем — Уильям Завоеватель.

Спешившись с коня посреди поляны, Роберт заметил лидера повстанцев. Тот стоял возле повозки с награбленным добром. Уоллес на целую голову возвышался над

обступившими его мужчинами, благородными дворянами, судя по их одежде. Он выглядел неуместно в простой шерстяной тунике, надетой поверх доспехов, посреди изысканных накидок, начищенных кольчуг и расшитых золотом ножен. Они о чем-то оживленно спорили, но, когда один из лучников подошел к Уоллесу, глаза того моментально отыскивали Роберта. С непроницаемым выражением лица мятежник окинул его холодным взглядом, после чего кивнул лучнику и заговорил с лысым мужчиной, в котором Роберт узнал его кузена Адама. Брюс почувствовал, как в груди у него вспыхнул гнев после того, как Уоллес отвернулся, даже не соизволив поприветствовать его, но тут из толпы вынырнула знакомая фигура.

К нему подошел Джеймс Стюарт.

— Сэр Роберт.

Роберт машинально поздоровался с сенешалем, глядя вслед Уоллесу.

Пока люди Роберта спешивались и распрягали коней, Джеймс знаком пригласил его следовать за собой. Отойдя на несколько шагов и убедившись, что их никто не слышит, сенешаль заговорил:

— Боюсь, мы дурно расстались в Ирвине. Надеюсь, вы верите, что я ни при каких условиях не согласился бы на предложение Генри Перси отдать в заложники вашу дочь.

По лицу сенешаля Роберт понял, что тот не лжет.

— Со своей стороны, должен выразить сожаление, что все так обернулось.

— Но теперь это в прошлом. Я рад, что ты приехал, Роберт. — Джеймс собрался добавить еще что-то, но их разговор прервало появление чьей-то внушительной фигуры. Это оказался епископ Глазго.

— Сэр Роберт, — коротко приветствовал его Вишарт.

— Я слышал, вы попали в плен, ваше преосвященство, — с удивлением ответил Роберт, настороженно глядя на священника.

— Так оно и было, но, к счастью, недолго. Я обратился к архиепископу Винчелси с просьбой об освобождении, и он, хвала Господу, отдал соответствующее распоряжение. Сомневаюсь, правда, что удача оказалась бы столь благосклонна ко мне, будь король Эдуард на месте, но он отбыл во Фландрию и при его дворе царил неразбериха. Архиепископ Кентерберийский счел мое заключение посягательством на свободы Церкви.

— А лорд Дуглас?

Сенешаль и епископ обменялись взглядами.

— Лорд Дуглас был взят под стражу и помещен в Тауэр, — ответил Вишарт. — Перед тем, как покинуть Лондон, до меня дошли слухи, что он там и скончался. Слухи оказались правдивыми, поскольку его земли были пожалованы Роберту Клиффорду.

Роберт вспомнил леди Дуглас и ее храброго юного сына Джеймса.

— Еще один павший воин Господа, — угрюмо продолжал Вишарт. — Тем не менее, невзирая на наши потери, восстание продолжается. Мы слышали о ваших успехах на западе — об освобождении Эйра и Ирвина.

Эти слова можно было бы расценить как похвалу, если бы не сухой и почти враждебный тон, каким они были произнесены.

— Эта победа, — признал Роберт, — ничто в сравнении с теми успехами, которых добился Уоллес.

Вишарт проворчал что-то нечленораздельное в знак согласия.

— Да, действительно, мастер Уоллес и стал причиной того, что мы собрались здесь. Он

вполне заслужил те почести, которых будет удостоен завтра.

— Почести? — переспросил Роберт, вопросительно глядя на Джеймса.

— Он будет избран местоблюстителем и хранителем Шотландии, — пояснил епископ.

Роберт во все глаза уставился на него.

— До тех пор, пока на трон не взойдет законный король, — поспешно вставил сенешаль.

— Шотландии защитник нужен более, нежели король, — заметил Вишарт, метнув на Джеймса многозначительный взгляд. — Уильям Уоллес завтра станет хранителем Шотландии и, если будет на то воля Господа, приведет нас к победе. Нам известно, что король Эдуард собирает огромную армию. Так что вскоре для всех нас наступит судный день.

Получив подтверждение тому, что война стала неизбежной, Роберт переключился на те последствия, которые будет иметь лично для него избрание Уоллеса хранителем. Но, прежде чем он успел прийти к какому-либо выводу, к ним подошел его брат.

— Нашего полку прибыло, — натянуто пошутил Эдвард, кивая на деревья.

Роберт обернулся и увидел, как на поляну въезжает еще одна группа всадников. Он мгновенно узнал двух мужчин, возглавлявших процессию. Одному из них, в волосах которого серебрилась седина, перевалило за пятьдесят, а второй был его ровесником. У обоих были вытянутые, бледные лица, оба вырядились в черное, а на красном поле их щитов красовались три белых снопа пшеницы. Роберт молча смотрел на них, чувствуя, как давняя ненависть вспыхнула в нем с новой силой.

— Мне говорили, что Рыжий Комин и его сын попали в плен под Данбаром, — пробормотал он.

— Король Эдуард освободил их после того, как они пообещали ему свою помощь в подавлении восстания, — ответил Вишарт. — Они находились с армией Джона де Варенна в Стирлинге, но после победы Уильяма ускользнули от него, когда он спешно отступал к границе, и перешли на нашу сторону.

— Уоллес доверяет им?

— Они сражаются ради одной и той же цели, — последовал прямой ответ Вишарта.

Роберт смотрел, как епископ идет через поляну, чтобы поприветствовать вновь прибывших. Завтра Уильям Уоллес станет самым могущественным человеком в королевстве. Вишарт был прав — лидер повстанцев сражался ради осуществления той же цели, которой добивались и Комины: восстановления на престоле Джона Баллиола. Того, что навсегда разрушит его планы.

— Прикажи нашим людям разбить лагерь, — сказал он брату, не сводя глаз с лорда Баденоха.

Когда Эдвард хмуро кивнул в знак согласия и ушел, дорогу Роберту загородил сенешаль.

— Нам нужно поговорить.

Ниже по течению от главного лагеря река срывалась вниз с невысоких скалистых утесов, образуя глубокое и прозрачное в своей безмятежности озерцо. Роберт с сенешалем остановились на выступе скалы над водой, и шум водопада заглушал их разговор от нескромных ушей. Вдали, меж деревьев, языки костров то и дело заслоняли темные силуэты спящих туда и сюда людей.

— Я хотел поговорить с вами еще в Ирвине, — начал сенешаль. Он стоял на краю утеса

лицом к Роберту, и глаза на его лице в свете факела казались черными дырами. — Но обстоятельства помешали этому Епископ Вишарт прав. Успехи Уоллеса намного превосходят те, которых мог добиться кто-либо из нас. Нет никакого сомнения в том, что этот человек заслуживает того титула, который будет ему пожалован на нашем завтрашнем совете.

Роберт предпочел промолчать.

— Но мы должны заглянуть дальше побед настоящего, в те грядущие времена, когда стабильности нашего королевства можно будет достичь без сражений и кровопролития. — Похоже, Джеймс тщательно подбирал слова. — Мне вполне понятен энтузиазм Вишарта, но на протяжении последних месяцев я много думал о будущем, и оно беспокоит меня намного сильнее, чем нынешняя стратегия ведения войны и чествование героев. И за него, это наше будущее, можно быть спокойным только тогда, когда на троне появится настоящий король, который оставит после себя наследников. — Сенешаль понизил голос, так что Роберту приходилось напрягать слух, чтобы расслышать его слова в шуме воды. — Нет никакой уверенности в том, что король Джон когда-либо вернется к выполнению этой обязанности, сколько бы ни требовали этого от Эдуарда Уильям и его люди. И сколько бы побед в сражениях они ни одержали. Мой долг как сенешаля этого королевства состоит в том, чтобы спланировать такую возможность. — Он помолчал, внимательно вглядываясь в лицо Роберта. — Многие, включая меня самого, полагали твоего деда наилучшим кандидатом на эту роль. Мне представляется, Эдуард тоже понял это и испугался, что он будет не столь податлив, как Баллиол.

Роберт согласно кивнул.

Темные глаза Джеймса пристально смотрели на него.

— Глядя в будущее, Роберт, именно тебя я вижу тем человеком, который может заполнить пустоту, оставленную Баллиолом. В тебе течет древняя кровь наших королей, и ты обладаешь нужными достоинствами, насколько я могу судить.

Слушая эти слова, произнесенные строгим и торжественным тоном, Роберт почувствовал облегчение. Несмотря на все усилия, предпринятые им в течение последних месяцев для того, чтобы приблизиться к достижению поставленной цели, его постоянно грыз червячок сомнения. В ушах у него то и дело звучал грубый и презрительный голос отца, который говорил, что он, предатель, никогда не сможет взойти на трон; что народ Шотландии никогда не примет его и что у него не хватит ни мужества, ни воли противостоять королю Эдуарду. Но если столь опытный и умудренный жизнью человек, как Джеймс, — потомок древнего рода сенешалей, на протяжении многих поколений верно служившего королям Шотландии — верит в него, значит, и для него, Роберта, нет ничего невозможного. И сейчас, на берегу реки, под сенью вековых деревьев, он вдруг услышал голос деда, который советовал ему отбросить сомнения и решительно двигаться вперед.

Роберт рассказал сенешалю о решении, принятом им в Ирвине.

— Передо мной долгий путь, и я отдаю себе в этом отчет, — закончил он. — Камень Судьбы находится в Вестминстере, и я не знаю, как завоевать доверие наших людей. — Он запнулся. — А теперь, когда Уоллес станет хранителем, боюсь, что те маленькие победы, которые я одержал на западе, ничем не помогут мне. Не могу же я просто встать рядом с Уоллесом и надеяться, что мужчины королевства станут уважать меня так же, как уважают его, какими бы правами на трон я ни обладал.

Джеймс кивнул, но, похоже, очередное препятствие ничуть не повергло его в уныние.

— Я согласен с тобой, что это будет нелегко. Я не могу предусмотреть всего, зато у меня есть одна идея, с чего следует начать. Есть кое-что, что ты можешь сделать на завтрашнем совете. Нечто такое, что привлечет к тебе внимание всех присутствующих и покажет, как ты предан делу освобождения нашего королевства.

Взошедшее над лесом солнце позолотило верхушки обступивших поляну сосен. Капельки воды в паутине, протянувшейся между ветками, сверкали, подобно крошечным жемчужинам. А внизу собирались на совет мужчины, и гул их голосов заглушал веселое щебетание птиц. В центре поляны стояла повозка, к задней части которой были приделаны деревянные ступени. На импровизированной платформе епископ Глазго разговаривал о чем-то с Джеймсом Стюартом.

Роберт направился к повозке, пробираясь сквозь толпу, уже заполонившую почти всю поляну. Все мужское население лагеря стремилось своими глазами увидеть церемонию, знаковое событие для их лидера и возглавляемой им борьбы. Настроение у всех было радостным, и воины заранее торжествовали по поводу предстоящего возвышения Уоллеса. Сетоны шли впереди, вместе с Уолтером и еще пятью рыцарями Каррика расчищая дорогу для Роберта. Кристофер не убирал руку от меча. Александр хранил угрюмое молчание, после разговора о Катарине между ним и Робертом явно пробежала кошка. С обеих сторон Роберта прикрывали зять и свояк, Джон и Гартнет, а Эдвард следовал позади него. Когда Роберт приблизился к повозке, не обращая внимания на враждебные взгляды окружающих, то взглянул на сенешаля. Джеймс в ответ коротко кивнул ему. Заняв место в первых рядах мужчин. Роберт ощутил, как при мысли о том, что сейчас должно произойти, в нем нарастает напряжение.

Неподалеку стоял Уоллес в окружении своих командиров — Адама, покрытого шрамами жестокого и безжалостного воина по имени Грей и нескольких лордов. Среди них Роберт заметил Гилберта де ла Хейя, лорда Эрролла, сложением похожего на каледонскую сосну, с копной светлых волос и румяным, веселым лицом, и Нейла Кэмпбелла из Лохейва, который присоединился к Уоллесу после освобождения Данди. В нескольких шагах от Роберта стоял брат сенешаля, Джон, рядом с супругой Джеймса, Эгидией де Бург, сестрой графа Ольстера, на которой сенешаль женился перед самым началом войны. Несмотря на то, что ее брат был доверенным военачальником короля Эдуарда в Ирландии, Эгидия предпочла остаться с Джеймсом во время конфликта, и сейчас была беременна их первым ребенком. Что касается остальных мужчин, то Роберт знал лишь некоторых из них, да и то не лично, а по именам, и полагался на графа Атолла в том, что тот восполнит пробелы в его знаниях, пока они ожидали начала совета.

За спиной Джона Стюарта виднелся Малкольм Леннокс, молодой человек с выразительным, красивым лицом и гладкими черными волосами, которые он носил собранными в узел на затылке, перехваченном серебряной ленточкой. Он стоял в окружении своих ровесников, одетых, так же как и он, в черные туники и штаны. Роберт видел Малкольма вместе с его отцом, графом Ленноксом, на нескольких ассамблеях во время слушаний о назначении нового короля Шотландии, хотя никогда и не разговаривал с ним. Малкольм, недавно наследовавший своему отцу, был одним из тех, кто командовал армией,

атаковавший Карлайл в начале войны. Он окинул Роберта внимательным взглядом, прежде чем отвести глаза.

По другую сторону костра, вокруг которого уже вихрился пепел, мужчин собралось намного больше. Здесь, в первом ряду своих сторонников, стояли Джон Комин с сыном и граф Бучан. За спинами Рыжего и Темного Коминов виднелись Комины Килбрида, представляя ту часть семейки, которая сражалась на стороне Симона де Монфора в битве при Льюисе. Вокруг них собрались изгои Галлоуэя, лишенные своих владений, все как один бывшие вассалы Джона Баллиола, на чьих землях теперь распорядился Генри Перси. Лицо одного из них показалось Роберту знакомым. Мгновение спустя память подсказала ему, кто это: Дунгал Макдуалл, капитан армии Галлоуэя и старый враг его отца. Но самой поразительной среди них была женщина с гордым и строгим лицом. Элеонора Баллиол, жена Рыжего Комины и сестра низложенного короля, выделялась среди мужчин не только ростом и осанкой. Она олицетворяла собой ту мощную поддержку, на которую по-прежнему мог рассчитывать среди собравшихся ее брат.

Вишарт звучным голосом заговорил с платформы, и разговоры на поляне смолкли.

— Мои благородные лорды, мы собрались здесь сегодня пред лицом Господа нашего Всемогущего, чтобы стать свидетелями возвышения молодого человека, который рисковал жизнью ради своего королевства. Человека, который огнем и мечом разбил нашего врага и вернул нам свободу!

За словами Вишарта последовали аплодисменты, особенно бурные там, где стоял в окружении своих людей Уоллес. Епископ продолжал славословие, описывая разгром англичан при Стирлинге, и Роберт заметил, что, оказавшись в центре внимания, молодой гигант явно чувствует себя неловко. Он стоял в напряженной позе среди своих товарищей, выпрямившись во весь рост и заложив руки за спину.

— На протяжении двух лет наше королевство было лишено короля или лидера, который мог повести нас. Но здесь и сейчас наша судьба переменится. Сегодня мы выбираем мастера Уильяма Уоллеса, героя Стирлинга, на должность местоблюстителя и хранителя королевства. Провидение явно благоволит нам, поскольку Уильям — настоящий воин Господа. Воин с сердцем Святого Эндрю, осененный благодатью Святого Кентигерна!

Грянувшие аплодисменты и одобрительные выкрики распугали окрестных птиц, с шумом поднявшихся в воздух.

Роберт перевел взгляд с Вишарта на Джеймса Стюарта. Охватившее его напряжение нарастало, и он с нетерпением и тревогой ждал, когда же сенешаль подаст условленный знак.

— Тем не менее, невзирая на столь радостное событие, мы должны быть готовы к грядущим тяжелым временам, — суровым тоном продолжал вещать Вишарт. — Война отнюдь не закончена, мы получили всего лишь передышку. Прежде чем мастер Уильям займет свое место хранителя, я предоставляю слово Джону Комину, лорду Баденоху, поскольку, находясь в заточении в Англии, он привез нам важные известия.

Роберт вперил взгляд в Джона Комины, когда тот выступил вперед из толпы. У него было худое вытянутое лицо со впалыми щеками, седые волосы на макушке сильно поредели, но, несмотря на преклонный возраст, Рыжий Комин отнюдь не утратил силы духа. Проходя мимо Уильяма Уоллеса, он приветствовал его сдержанным кивком, после чего поднялся по деревянным ступеням на повозку, а Вишарт отступил в сторону, освобождая ему место, и встал рядом с Джеймсом.

— Невзирая на трудные грядущие времена, которые предсказывает нам епископ, я могу предложить вам надежду. Эдуард держит нашего короля пленником в Тауэре, но, когда я сам находился там в заключении, у меня была возможность неоднократно разговаривать с ним. Вы должны знать, что король Джон пребывает в добром здравии и надеется на свое скорое восстановление на троне. — Комин отыскал взглядом Роберта, стоявшего внизу. — Уверен, что все вы присоединитесь ко мне в молитве о его скорейшем воцарении на троне нашего королевства.

Громкие крики одобрения заглушили его слова. Уоллес согласно кивал. Роберт лишь стиснул зубы.

— Как наверняка известно многим из вас, в Англии зреет недовольство из-за продолжающейся войны во Франции. Когда в прошлом году Эдуард отправился за море, многие его подданные отказались последовать за ним.

Вновь раздались крики, на этот раз выражавшие мрачное удовлетворение.

Вишарт прервал их:

— К несчастью, с тех пор король уже вернулся домой и заключил перемирие со своими оппонентами в Англии и королем Филиппом. А шок от триумфальной победы мастера Уильяма при Стирлинге объединил англичан против нас. Можно быть уверенными в том, что они жаждут отмщения за нанесенное им унижение.

По поляне прокатился негромкий ропот.

Джон Атолл возвысил голос:

— Мы должны отправить делегацию к королю Филиппу и добиться сохранения альянса между Францией и Шотландией. Какой бы пакт он ни заключил с Эдуардом, мы не должны остаться в стороне.

Вишарт собрался ответить, но многие мужчины криками выразили свое согласие с предложением Атолла.

Уоллес вышел из толпы и остановился перед повозкой. Ему не было нужды влезать на нее, все и так прекрасно видели его.

— Это уже сделано. Когда прошлой осенью скончался епископ Сент-Эндрюсский, мы с епископом Вишартом решили, что настоятель собора в Глазго, преподобный Уильям Ламбертон, почтенный и здравомыслящий человек, займет освободившееся место. Его назначение уже состоялось, и сейчас он направляется в Рим для обряда рукоположения. По пути он добьется аудиенции у короля Филиппа и подтвердит наш альянс. Будьте уверены, для нашего дела Ламбертон сделает все, что только в силах человеческих.

— Но, ища поддержки за рубежом, мы должны объединиться сами, — заявил Вишарт, обращаясь к собравшимся. — Мы знаем, что король Эдуард собирает огромную армию, призывая под свои знамена лучников из Уэльса и пеших воинов из Ирландии. Благодаря усилиям мастера Уильяма многие из королевских гарнизонов были захвачены и разбиты, но Роксбург и Бервик по-прежнему находятся в руках англичан. До сих пор эти крепости остаются островками, изолированными и окруженными нашими войсками, не имея путей для подвоза продовольствия и снаряжения. Если королю удастся снять с них блокаду и вернуть контроль над прилегающей территорией, он создаст мощный плацдарм на юге, с которого может предпринять дальнейшее наступление в северном направлении. Мы не можем позволить ему добиться этого.

— Наш план, — решительно продолжал Уоллес, — состоит в том, чтобы разорить земли вдоль границы, через которые придется продвигаться королю с его войском. Мы сожжем

урожай на корню и угоним с собой скот в Лес. [60] Женщины и мужчины из южных графств смогут уйти на юг, забрав с собой все припасы. Мы не оставим англичанам ничего съестного. Чем дальше они останутся на марше, тем труднее будет королю кормить свою армию.

— Мы должны быть готовы к их приходу, — подхватил Вишарт. — Мы должны забыть прежнюю вражду и работать сообща под руководством нашего хранителя.

Мужчины энергично кивали, одобряя план Уоллеса и соображения, высказанные епископом.

В это самое мгновение Роберт заметил, что Джеймс Стюарт обернулся к нему. Он вздрогнул, поняв, что настал решающий момент, когда сенешаль кивнул ему. Прежде чем кто-нибудь успел заговорить снова, Роберт вышел из толпы и направился к Уоллесу, оставив своих людей удивленно смотреть ему вслед.

— Мы решили избрать этого человека нашим хранителем, — охрипшим от волнения голосом произнес Роберт, показывая на Уоллеса. — Но он всего лишь сын рыцаря.

— Вы смеете возражать против его избрания? — требовательно окликнул его Адам.

Остальные насмешливыми и презрительными выкриками поддержали его.

— Совсем напротив, — ответил Роберт. — Я всего лишь предлагаю, чтобы человек, добившийся того, чего сумел достичь Уильям Уоллес, человек, ставший единственным хранителем Шотландии, носил титул, соответствующий его доблести и отваге. — Он повернулся лицом к толпе. — Я, сэр Роберт Брюс, граф Каррик, готов оказать Уильяму Уоллесу честь и произвести его в рыцари. — Он взглянул на Уоллеса. — Если он согласен преклонить передо мной колени.

Слабые возражения утонули в радостных воплях сторонников Уоллеса. А лидер повстанцев не сводил взгляда с Роберта. Долгое время казалось, что он так и останется стоять неподвижно. Наконец, когда аплодисменты сменились настороженной тишиной, Уоллес шагнул к Роберту. Лицо его было непроницаемо. Но он едва слышно пробормотал несколько слов, и Роберту пришлось напрячь слух, чтобы расслышать их.

— Я все равно не стану вашим поклонником.

Но, обнажая меч, чтобы посвятить в рыцари Уильяма Уоллеса, опустившегося перед ним на одно колено, Роберт понимал всю силу и значимость этого жеста. Поймав ненавидящий взгляд лорда Баденоха, стоявшего над ним на платформе, он увидел, что и Комин сознает это.

Всю весну и удушливо жаркое лето Англия готовилась к войне. Из дворца во все стороны летели королевские приказы, призывающие мужчин на службу, от знатных лордов со своими дружинами до последнего бедного пехотинца в шерстяной тунике с охотничьим ножом. По всему королевству собирали арбалетчиков. На службу призвали даже охотников из Шервудского леса, и вербовщики исколесили вдоль и поперек всю северную Англию и графства покоренного Уэльса, набирая воинов для участия в конфликте. В результате повестки о призыве в пехоту получили более двадцати пяти тысяч мужчин, включая большой контингент стрелков из длинных луков из Гвента.

Фермеры откладывали в сторону плуги, а кузнецы — молоты, чтоб взять в руки оружие.

Молодежь, привлеченная обещанием высокого жалования, с охотой шла на службу, вооружившись луками и стрелами. Штопались дублеты, шлемы очищались от ржавчины, латались кольчуги и точились мечи. В разгар лета на марш выступили валлийские пехотинцы, двигаясь нескончаемой вереницей вдоль побережья и переваливая через горные массивы Кадер Идриса и Сноудона, медленно, но неотвратно приближаясь к Карлайлу и северной границе. Королевские чиновники наведывались в лабазы, пивоварни и на рынки, чтобы запастись пшеницей и овсом, закупить бочки с вином, пивом и солониной. Прочие припасы должна была поставить Ирландия. Торговые моряки Пяти портов работали не покладая рук, готовя корабли в Дувре, Рае и Хайте для транспортировки провизии. В Ла-Манше была организована морская блокада, чтобы не дать какому-нибудь французскому судну прорваться к шотландскому побережью. После неудачной кампании во Фландрии королю Эдуарду удалось заключить перемирие с королем Филиппом, но он все равно решил не рисковать. В конце концов, его воинственный и вероломный кузен и раньше имел обыкновение нарушать соглашения.

Все это время, пока готовились припасы, амуниция и вербовались солдаты, английские клирики тоже не теряли времени даром, раздувая пламя ненависти. В городах и деревнях по всей Англии именем Уильяма Уоллеса пугали детей, а взрослые приходили в ярость, слушая рассказы о том, как этот зверь в облике человеческом насиловал монахинь и ради развлечения пытал священников. Его налет на Нортумберленд оброс самыми невероятными подробностями. Говорили, что однажды кровожадные скотты заперли две сотни учеников в школе к Гексхаме, а потом подожгли здание. Говорили, что Уоллес смеялся, глядя, как в огне погибают дети. Его именовали не иначе как трусом, гнусным разбойником и убийцей. В Лондоне чучело Уоллеса, обряженное в короткую тунику горца, сожгли под восторженные вопли и улюлюканье взбешенной толпы.

По всем графствам разносился набатный звон, призывающий к оружию, и король Эдуард перенес свою резиденцию в Йорк. Здесь он выжидал, с непроницаемым выражением лица и в угрюмом молчании. Враждебность его баронов, вызванная развязанной им войной в Гаскони, улетучилась после сокрушительного поражения, нанесенного войскам Варенна и Крессингэма. Доблестные мужи Англии объединились в стремлении уничтожить Уоллеса и его армию крестьян, отомстив за гибель друзей и родичей, павших в бою на болотистых лугах у стирлингского моста. Повстанцы приходили и уходили, мятежи вспыхивали и гасли. Не в первый раз английская армия терпела поражение в бою, но масштаб этого разгрома поверг в шок даже бывалых ветеранов. Погибли тысячи пехотинцев и лучников, но вместе с ними пали и сотни рыцарей. Никто не требовал выкупа, никто не предлагал произвести обмен пленными. Благородные дворяне, которым редко грозила безвестная смерть на поле брани, вдруг лицом к лицу столкнулись с вероятностью того, что их будут убивать, как простых солдат. И эта перспектива приводила их в бешенство.

Для Эдуарда поражение стало особенно горьким. Его покорение Шотландии было одной из самых быстрых и легких кампаний, которые когда-либо предпринимались королями. Захватив Камень Судьбы, вынудив шотландских вельмож присягнуть себе на верность или заточив их в темницу, а потом и свергнув Баллиола, он, казалось, имел все причины торжествовать победу. Но Уильям Уоллес, которого он счел не заслуживающим внимания деревенским увальнем, разрушил все его радужные надежды. Его зловещая тень нависла над королевством, угрожая устроить англичанам новую Гасконь. Эдуард прекрасно понимал, что еще одна длительная военная кампания еще сильнее обозлит его баронов и

заставит объединиться против него. Сейчас они поддерживали монарха, Круглый стол встал на его сторону, Рыцари Дракона жаждали крови, но что будет через пять месяцев или через год? Эдуарду не хотелось узнавать это на собственном опыте. Он вознамерился раз и навсегда покончить с Уоллесом и теми, кто примкнул к нему.

В начале июня рыцари собирались вместе со своими лордами под стенами замков, в окружении оруженосцев, знаменосцев и повозок с палатками и амуницией. В городах и деревнях вдоль северной границы мужчины целовали своих жен на прощание и уходили на рыночные площади, где формировались отряды солдат. Им раздавали полоски белой ткани с красным крестом Святого Георга, и мужчины с гордостью повязывали этот знак отличия выше локтя. Нервные и возбужденные, особенно те, кто еще никогда не сражался на войне, они одергивали туники и подгоняли ремешки шлемов под командные окрики вербовщиков и шерифов. Вздывая дорожную пыль, потеющие и стонущие под палящим летним солнцем, эти отряды двигались на север, на соединение с армией валлийских пехотинцев, формирующуюся на границе.

С юга плыли корабли с продовольствием и снаряжением, погружая весла в мертвый штиль моря и медленно продвигаясь вдоль восточного побережья Англии. Вдали, над Северным морем, громоздились грозные тучи, сверкая вспышками молний, за которыми тянулась сплошная полоса ливня. Моряки с тревогой поглядывали на чернеющее небо и гребли, гребли, гребли. Ветра не было. Воздух застыл в неподвижности.

Изнемогая от голода и усталости, опустив голову, с нечеловеческим упорством они шли по полям, и стертые в кровь ноги отзывались болью на каждый шаг. Рассвет занимался над праздником Святой Марии Магдалины, и небо в восточной части светлело, наливаясь непроницаемой белизной. Солдаты английской армии уже ощущали в воздухе наступление очередного душного и жаркого дня.

Хэмфри де Боэн ехал в свите отца, графа Херефорда и Эссекса, констебля Англии. В тусклом свете он видел лица отцовских рыцарей, за которыми двигались его товарищи: молодой Томас, ставший графом Ланкастером после смерти брата короля, Эймер де Валанс, также потерявший отца на войне во Франции, но который получит графство Пемброк только после смерти матери; Роберт Клиффорд; Генри Перси; Ральф де Монтермер; Ги де Бошам. Их обожженные и искаженные яростью лица заросли колючей щетиной, но, несмотря на явную усталость, ими двигало мрачное осознание общей цели, которого до сегодняшнего утра Хэмфри у них не замечал. Это подбадривало его и поднимало настроение, поскольку пепельно-серое небо освещало впереди угрюмый и безрадостный ландшафт, где над почерневшими полями все еще вились слабые дымки от сожженного на корню урожая.

Начиная от Роксбурга, через весь Лодердейл вплоть до самого Эдинбурга английская армия шла по выжженной и мертвой земле. Солдаты понуро брели мимо брошенных деревень с распахнутыми настежь дверями пустых погребов и отравленными колодцами, в которых плавали облепленные мухами трупы овец, и решимость поскорее сразиться с неприятелем неуклонно ослабевала от жары и запустения. Отряды пехоты регулярно врывались в поселения в поисках местных жителей, но никого не находили. Уоллес и его армия как сквозь землю провалились. На горизонте к западу медленно вырастала громада Селкиркского леса, и его угрюмые и мрачные очертания наводили на мысль о засадах и ударах в спину, а небо на востоке хмурилось в предвестии скорой грозы.

И поздним вечером с моря все-таки пришел ураган, и молнии превратили ночь в день.

Разверзлись хляби небесные, люди мгновенно промокли до нитки, а поля превратились в непроходимые болота. Но на следующее утро армия вновь двинулась под аккомпанемент грома, рокочущего над головой. За ночь доспехи успели покрыться налетом ржавчины, а мокрые попоны тяжело хлопали лошадей по ногам. Грязь коркой высыхала прямо на теле, люди и животные одинаково страдали от назойливых мух, которые лезли в рот и глаза. Марш превратился в настоящую пытку, но, только добравшись до окраин Эдинбурга, англичане узнали настоящую цену урагана — кораблей с продовольствием и снаряжением, которые уже должны были ждать их в порту Лейт, не было.

Оставив часть своих войск дожидаться прибытия вспомогательных судов, король Эдуард повел остальных в вотчину своих союзников, рыцарей-тамплиеров, Тампль-Листон, к западу от города. Здесь английская армия разбила лагерь за стенами замка ордена храмовников и принялась ждать, голодная и злая, припасов и сообщений от лазутчиков, разосланных королем, о местонахождении врага. В садах тамплиеров нашлись незрелые яблоки, да в полях, чудом уцелевших от сожжения скоттами, осталось немного гороха, но этого было явно недостаточно, чтобы пополнить и разнообразить скудный рацион. Дни тянулись нескончаемой чередой, а корабли все не появлялись на горизонте, и известий от лазутчиков тоже не поступало. Валлийцы, взбешенные скудным питанием, взбунтовались и заявили, что лошади рыцарей питаются лучше их. Воины, сходящие с ума от голода и жажды, дрались из-за нескольких капель дождевой воды и костлявых тушек птиц и зайцев. Когда, наконец, один корабль, укрывшийся от шторма в прибрежной гавани, все-таки дополз до Лейта, его груз на повозках доставили в армию, но в бочках оказалось одно только вино. Король в минуту отчаяния приказал раздать его недовольной пехоте, и в последующей пьяной драке между английскими и валлийскими солдатами погибли более сотни человек. То, что начиналось как стремительный бросок на север с целью найти и уничтожить врага, превратилось в утомительную и жестокую борьбу за выживание.

В конце концов, когда уже начало казаться, что английская армия попросту вымрет от голода в чистом поле или разбежится куда глаза глядят, под хриплые крики изможденных мужчин из Лейта прибыли повозки с зерном, мясом и пивом. К вечеру того же дня, когда солдаты насытились, а их настроение заметно улучшилось, прибыл отряд под командованием графа Патрика Данбара и графа Ангуса. Двое скоттов, оставшихся верными Эдуарду, привезли известия о противнике. Уоллес и его армия находились не далее чем в десяти милях отсюда, встав лагерем в окрестностях города Фолкирк.

Глядя вперед, поверх голов отцовских рыцарей, Хэмфри видел королевский штандарт, ясно различимый в предрассветных сумерках. На ярко-алом поле золотом сверкали три льва. Эдуард и его рыцари возглавляли авангард. Прошлой ночью, оставив позади Тампль-Листон, английская армия заночевала под открытым небом. Король спал на голой земле вместе со своими воинами, и в темноте его конь, Байярд, наступил на него, сломав Эдуарду два ребра. Слухи о том, что король ранен, быстро разлетелись по лагерю, и воины встревожились. Но Эдуард пренебрег увещеваниями врачей и, после того как паж застегнул на нем тесный пластинчатый панцирь, поднялся в седло, к вящему восторгу наблюдавшей за ним армией. Но Хэмфри видел, как неловко сидит в седле король и как морщится от боли всякий раз, когда Байярд спотыкается на неровной дороге. Хотя, с другой стороны, было совершенно ясно, что ничто не в силах заставить Эдуарда отказаться от своих планов.

Вслед за авангардом ехали графы, каждый со своим эскортом. Сэр Джон де Варенн ничем не выделялся среди них. Граф Суррей испытывал унижение после сокрушительного

поражения при Стирлинге, а учитывая смерть Крессингэма, он сполна ощутил на своей шкуре всю силу недовольства короля. Позади графов покачивались в седлах пятьдесят рыцарей-тамплиеров в белых накидках с огромными ярко-красными крестами. Следом двигались лучники: арбалетчики из Гаскони, охотники из Шервудского леса и стрелки из длинных луков из Южного Уэльса. Далее гроыхал длинный обоз, и колеса повозок переваливались по колдобинам и выбоинам на высохшей земле. Замыкающими шли несколько колонн пехоты общей численностью более чем в двадцать пять тысяч человек.

Это была огромная армия, и Хэмфри еще никогда не видел ничего подобного. При виде нескончаемой шеренги войск, оцетинившейся копьями и стягами, сердце его преисполнилось гордости и он повыше поддернул щит с драконом на руке. Липкий страх, вызванный боязнью не дожить до встречи со скоттами на поле боя, исчез, и ему на смену пришла холодная уверенность. Мятаж уже набил им оскомину, особенно Хэмфри, винившему себя за то, что доверился человеку, который оказался самым подлым предателем. Он мрачно думал о том, как встретится с бывшим другом на поле битвы, но, по словам графа Данбара, Роберт Брюс отступил в свою штаб-квартиру в Эйре. Его отсутствие изрядно удивило Хэмфри, потому что, как говорили, шотландская знать почти в полном составе присоединилась к войскам Уоллеса, включая Коминов, которых король жаждал захватить в плен с особенным нетерпением после того, как они отплатили ему предательством за освобождение. Впрочем, если сегодня победа будет на их стороне, пройдет совсем немного времени и все те, кто осмелился восстать против своего короля, получат по заслугам, включая Роберта Брюса.

Услышав крики, Хэмфри очнулся от тягостных раздумий. Воины показывали куда-то вперед. Там, вдали, склоны холмов оцетинились тысячами копий, тускло блестевшими в предрассветных сумерках.

Рука юноши дрожала от тяжести двенадцатифутового копья, древко которого стало скользким от пота, и тупой конец оружия с железным наконечником еще глубже погрузился в землю.

— Держи его ровно, Дункан!

Дункан вздрогнул и обернулся. На него в упор смотрел Керальд. Синие вены вздулись на шее мужчины, но его правая рука уверенно сжимала копье, а вот левая, на которой не доставало двух пальцев, явно причиняла старшему товарищу нестерпимую боль. Кожа на месте свежих обрубков почернела и вздулась.

Керальд ухмыльнулся в бороду, хотя, пожалуй, страдания в его улыбке было больше, чем злобного веселья.

— Покажем этим собакам-южанам, как умеют драться шотландцы! — заорал он, перекрикивая шум схватки.

Несколько человек, стоявших рядом в шеренге, хрипло рассмеялись, но остальные сосредоточенно молчали, стараясь удерживать свои копья в ожидании очередной атаки английской тяжеловооруженной конницы. Вдали поворачивали боевые жеребцы — это английские рыцари перестраивались после неудавшейся попытки прорвать ряды оцетинившихся остриями копий воинов. Ревели рога, командиры выкрикивали распоряжения, и их хриплые голоса страшно разносились в неподвижном воздухе.

Уильям Уоллес расположил свои оборонительные круги, или шилтроны, [\[61\]](#) как он называл их, на возвышенности между лесом Календар-вуд и болотистыми берегами речушки

Уэсткворттерберн, неподалеку от города Фолкирк. В каждом кольце насчитывалось около двух тысяч воинов, выстроенных лицом наружу и образующих гигантский круг. Позади первого ряда стоял второй, выставив над головами товарищей зазубренные наконечники. В промежутках между шилтронами Уоллес расставил лучников под командой Джона Стюарта, младшего брата сенешаля. А еще дальше, на опушке леса, под нависающими ветвями скрывалась кавалерия шотландцев. Повернув голову, Дункан мог видеть всадников на гребне холма, ожидающих сигнала ввязаться в драку. Англичане рассыпались по склонам холмов внизу. Дункан не знал, сколько их там всего, но ему казалось, что против них выступили все орды ада. Над просторным полем боя нависало пепельно-серое небо.

С усилием приподняв копье, Дункан выдохнул сквозь стиснутые зубы. Земля была скользкой от грязи, комья которой уже налипли на его штаны и тунику. Впрочем, все его товарищи были перепачканы ею с головы до ног, и грязь издавала резкий, гнилостный запах. Дункан решил, что именно так пахнет свежевырытая могила. При этой мысли взгляд его устремился к телам, разбросанным по выжженной земле перед ними, там, где оборонительные порядки шилтрона прикрывал невысокий частокол из заостренных кольев. Крупный жеребец повис на заборе, его мертвые глаза помутнели, а из ноздрей текла пена. В седле до сих пор оставался рыцарь, который и повел своего скакуна на препятствие, согнувшись пополам от пронзившего его насквозь копья. Чуть ближе лежали тела нескольких шотландцев. Один, парнишка еще моложе Дункана, уткнулся лицом в грязь, и голова его была расколота надвое ударом меча. Оружие так и осталось торчать в жуткой ране, и по лезвию стекала кровь.

С усилием отведя глаза, Дункан забормотал молитву об укреплении духа.

— Идут, идут!

Когда над шеренгой прокатился крик, заглушая рев рогов, Дункан устремил взгляд вперед, вниз по склону, откуда уже приближался первый ряд английских конников.

Поначалу они двигались шагом, тесным строем, так что лошади шли вплотную друг к другу. Разноцветные попоны тяжело покачивались в такт поступи боевых коней, выдавая наличие кольчуг под ними. Шаг постепенно сменился легкой рысью, и лошади увеличивались в размерах у скоттов на глазах. Вот они поскакали еще быстрее, и стук копыт, поначалу напоминавший слитный рокот, перешел в бешеный грохот. Земля задрожала у Дункана под ногами, он ощущал ее вибрацию всем телом. Дальше по склону другие рыцари устремились к остальным трем шилтронам, но он не обратил на них внимания. В животе у него поселился ледяной страх. Руки его крепче обхватили древко копья, и он напрягся, с содроганием ожидая удара. *Господи Всемогущий, спаси и сохрани!*

Слева в воздух взвилась туча стрел, выпущенных лучниками Уоллеса. Достигнув в полете самой высокой точки, они перевернулись и градом посыпались вниз, на приближающихся рыцарей. Большая часть стрел с лязгом отскочила от их доспехов, не причинив никакого вреда. Одна лошадь в бело-голубой полосатой попоне испугалась и выбилась из строя, направляясь к соседнему шилтрону, но всадник умело укротил ее и вернул на место. С ним поравнялись остальные, переходя с рыси на галоп, и рыцарь принялся яростно понукать ее, спеша догнать товарищей. Кажется, весь мир содрогнулся при виде надвигающейся массы закованных в броню всадников. Железные подковы взметывали комья грязи, и лошади, вытянув шеи, неслись вперед столь же бесстрашно, как и всадники, сидевшие в седлах. И вот, в самый последний момент, рыцари опустили копья или выхватили из ножен мечи, надвигаясь на скоттов железной волной, внушающей панический

страх. Дункан скорее ощутил, нежели услышал, как взревели мужчины вокруг него, и звук волной прокатился по ошестинившимся копьями рядам. Он почувствовал, как сжали его с боков Керальд и другие, и в их стиснутых зубах и безумных глазах читались непоколебимая решимость и отчаяние. Дункан испустил громкий крик, когда английские всадники подскакали вплотную, намереваясь стоптать их конями и поднять на копьё.

Удар оказался сокрушительным.

Кто-то из шотландцев, стоявших рядом с Дунканом, буквально отлетел назад, пронзенный в грудь вражеским копьем, которое отбросило его на воинов в следующем ряду. Он нелепо взмахнул руками и еще успел что-то крикнуть. Скотты поспешили сомкнуть ряды, закрывая брешь. В первом ряду шилтрона упали еще несколько человек. Это рыцари, подскакав вплотную, швыряли в них свои мечи и топоры, а потом разворачивали коней, чтобы унести прочь. Большинство шотландцев были одеты лишь в кожаные или шерстяные туники, которые это оружие пробивало насквозь, нанося смертельные раны.

Но Дункан не слышал криков умирающих. Он орал во всю силу легких, вцепившись обеими руками в древко копья, острие которого вонзилось в шею лошади. Животное заржало от боли и встало на дыбы, а всадник безуспешно пытался подобрать поводья, чтобы развернуть его. Конь неловко попятился и задел боком частокол, а Дункану показалось, что руки у него вывернулись из плечевых суставов. Внезапно жеребец упал на передние ноги, и копье переломилось, но железный наконечник остался в ране. От неожиданного рывка Дункан едва устоял на ногах. Рыцарь же полетел с седла через голову коня, с такой силой грянувшись грудью о деревянные колья частокола, что один из них пробил его кольчугу. Он забился в конвульсиях, выкашливая кровь сквозь забрало шлема. Вокруг шилтрона корчились в агонии и другие рыцари, сброшенные с коней прямо на острия шотландских копий. Остальные же, лишившись копий и метнув оружие в ряды скоттов, развернули коней и галопом помчались прочь, оставив противников умирать в грязи.

Но на место каждого павшего скотта встал новый, и шеренги быстро сомкнулись, закрывая бреши в обороне. Раненых оттащили в центр шилтрона, где товарищи перевязывали их или же наспех читали отходные молитвы. Англичанам в очередной раз не удалось прорвать шеренги шотландцев, а сами они лишились драгоценных коней и людей, походя на льва, который атакует дикобраза, раз за разом теряя кровь и силы, отступая и разъярясь все сильнее.

Дункан продолжал сжимать в руках сломанное копье. Казалось, пальцы его приросли к древку, не в силах разжаться и выпустить его. Рыцарь, коня которого он поразил своим оружием, все еще корчился на зубьях частокола, кашляя и давясь собственной кровью. Дункан видел, как на спине у него вырастает горб в том месте, где деревянное острие пробило кольчугу насквозь. Он подавил подкатившую к горлу тошноту и крепко зажмурился, хватая обжигающий воздух широко открытым ртом. Рядом с ним Керальд опустил копье и выскользнул из строя. Наклонившись над рыцарем, он сорвал у того с головы шлем, обнажая залитое потом лицо совсем еще молодого человека. Глаза его превратились в щелочки, в них плескалась дикая боль. Воин умирал, у него уже началась агония, но он еще нашел в себе силы оскалить окровавленные зубы и что-то прошептать Керальду. Старый шотландец здоровой рукой выхватил из-за пояса кинжал. Загородив рыцаря спиной, так что Дункан более не видел его лица, он вдруг резко качнулся вперед. Рыцарь захрипел и выгнулся дугой, так что кровь из раны ударила тугим фонтаном, а потом безжизненно обмяк на частоколе. Керальд сорвал у него с пояса мех с вином, после чего, сунув окровавленный кинжал за пояс,

вернулся на свое место в строю. Вынув затычку из меха, он осторожно принялся. Удовлетворенный, он сделал несколько жадных глотков, и глаза его восторженно расширились. Он протянул мех Дункану, и тот с благодарностью принял его. Вино оказалось сладким и крепким. Дункан с трудом оторвал бурдюк от пересохших губ и передал его дальше. Широко улыбаясь, Керальд поднял с земли свое копьё. В бороде его поблескивали красные капли.

Над шилтронами раскатился громовой рев Уоллеса, призывающего своих людей стоять до последнего.

«Я привел вас в круг, — прокричал их лидер сегодня утром, когда они строились в боевые порядки. — А теперь посмотрим, умеете ли вы танцевать!» [\[62\]](#)

И они станцевали от души. После многих месяцев под пятой англичан, когда они гнули спину перед чиновниками и прятались по углам от солдатни, долгих месяцев, проведенных в скитаниях по лесам родной страны, объявленные вне закона, им представился шанс вернуть себе свободу. Уоллес привел их к победе на лугах под стенами Стирлинга, несмотря на подавляющее численное превосходство противника. И вот теперь новый хранитель Шотландии вознамерился одержать очередную победу.

Придя в себя от одобрительного рева Уоллеса, Дункан отшвырнул в сторону сломанное копьё и поднял с земли целое. В стане англичан надрывались горны, но, вместо того чтобы перестраиваться для очередной атаки, рыцари потянулись назад, к основным силам своей армии, туда, где развевался штандарт короля Эдуарда.

— Мы их сделали, — хмыкнул Керальд. — Они не могут продолжать так дальше до бесконечности. Англичане потеряли слишком много рыцарей.

Дункан не проронил ни слова, вместе с остальными товарищами глядя вниз. Там вместо рыцарей разворачивалась шеренга пеших воинов. Глаза его сузились, когда он разглядел у них в руках изогнутые луки.

— Лучники, — пробормотал кто-то.

Улыбка на лице Керальда увяла.

До Дункана доходили слухи о валлийских стрелках и их смертоносных длинных луках. Он инстинктивно напрягся, прижимая руки к груди. У него не было щита, как и у всех остальных, — им нужны были обе руки, чтобы управиться с копьём. Кроме того, шилтроны были щитами сами по себе, защищая тех, кто стоял в строю. Подобно большинству своих товарищей, Дункан не носил доспехов, если не считать криво сидящих наголенников, снятых с трупа английского солдата после битвы при Стирлинге. Теперь он пожалел, что не взял тогда кольчугу.

Лучники выстроились в ряд. Несмотря на изрядное расстояние, Дункан разглядел, что кое-кто из них был вооружен не так, как остальные: они держали в руках короткие и толстые приклады с короткой дугой на конце.

— Арбалеты, — пробормотал Керальд. — У этих ублюдков есть арбалеты.

Английские солдаты снаряжали болты и накладывали стрелы на луки. Проревел рог, и они отвели руки назад, так что луки изогнулись дугой. Когда они спустили тетивы, небо перед скоттами потемнело и со страшной быстротой устремилось на них. Дункан крепко зажмурился и сжался в комочек, держа перед собой бесполезное копьё. Он ощутил дуновение воздуха, когда вокруг него засвистели стрелы, и раздались крики. Что-то сильно ударило его в бок, и он полетел на землю. На мгновение он решил, что ранен, и стиснул зубы, готовясь к взрыву боли, которая, как он знал, должна непременно последовать. Но, не

ощутив ничего, он открыл глаза и понял, что его зацепил Керальд. В лицо старому шотландцу ударил арбалетный болт. Он пробил ему щеку чуть ниже глаза. Дункан закричал, когда Керальд забился в агонии, навалившись на него всем телом. А вокруг снова свистели стрелы, и мужчины, как подкошенные, валялись в грязь. Не выдержав обстрела, соседний шилтрон распался на части. Дункан заворочался, пытаясь сбросить с себя тело Керальда, но тут кто-то придавил ему ногу, не давая подняться. Он не мог пошевелиться и лежал, уткнувшись лицом в холодную грязь, чувствуя, как она забивает ему рот и нос. В ужасе приоткрыв глаза, он увидел, как английские рыцари выстраиваются для новой атаки, увидел, как они тронулись с места, и ощутил, как дрогнула под копытами тяжелых коней земля.

Сидя верхом на сером в яблоках жеребце в центре линии шотландской кавалерии, Джеймс Стюарт с растущим страхом смотрел, как валлийские лучники в очередной раз берут прицел. Первый залп разметал передовую линию шилтронов, и стрелы пронзали воинов с такой силой, что те буквально отлетали назад, сбивая с ног своих товарищей. В оборонительных порядках моментально возникли бреши, одни мужчины были ранены, другие убиты, третьи попросту бросали копья и падали на землю в надежде укрыться от смертельного ливня стрел.

— Господи, спаси нас, — выдохнул кто-то рядом.

Но Джеймс ничего не слышал. Он привстал на стременах, видя, как шотландские лучники под командой его брата пытаются отвечать на смертельные залпы противника стрельбой из собственных луков. Но уже после первых выстрелов стало ясно, что они не смогут нанести существенного урона противнику, который со своими мощными луками оставался вне досягаемости их стрел. Проревел рог, заглушая далекие крики. Джеймс узнал глубокий и мощный звук. Это был рог Уоллеса — сигнал для кавалерии вступать в битву. Остальные всадники вокруг тоже услышали его и принялись опускать забрала шлемов, укорачивая поводья.

— Подождите! — закричал Джон Комин, указывая мечом вниз по склону, туда, где под знаменами графов Линкольна, Норфолка и Суррея выстраивалась английская конница. Один штандарт превосходил остальные размерами. На выцветшем красном поле дышал огнем золотой дракон. Лучники прекратили обстрел шотландских шилтронов, опустив свои длинные луки. И теперь в атаку на оборонительные порядки скоттов, которые больше не напоминали ошестинившихся иглами дикобразов, а превратились в беспорядочную толпу перепуганных воинов, устремились рыцари, ведомые своими графами.

— Мы должны поспешить им на помощь! — прокричал Джеймс.

— Мы не сможем победить, — рявкнул лорд Баденох, не сводя глаз с отряда англичан, понукавших своих коней вверх по склону. Два шилтрона распались на части при первой же атаке рыцарей, и скотты бросились врассыпную. Рог Уоллеса ревел, не переставая. Возвысив голос, Комин обратился к воинам вокруг. — Битва проиграна. У нас не осталось надежды, кроме как отступить.

— Мы не можем бросить их умирать! — запротестовал Джеймс. Его подержали другие голоса, но кое-кто уже разворачивал коней в направлении леса, подальше от

приближающихся англичан.

— Вы, трусливые шляпины дети! — взревел один из людей Уоллеса.

Выехав из строя, он бесстрашно пустил своего жеребца вниз по склону. За ним последовала горстка командиров Уоллеса. Они испустили отчаянный боевой клич. От группы англичан отделились несколько всадников и устремились им наперерез, тогда как остальные продолжили надвигаться на рассыпающийся на глазах шилтрон. Многие шотландцы уже спасались бегством, надеясь укрыться в лесу. Валлийская пехота рассредоточилась по болотистому берегу ручья, преследуя отступающих.

Видя, что английские рыцари уверенно прищоривают своих коней вверх по склону в направлении шотландской конницы, Джон Комин развернул свою лошадь, и его сын последовал за ним. Их отступление стало сигналом к массовому бегству из рядов шотландской конницы, ведь многие всадники приходились родственниками или сторонниками лорду Баденоху.

Малкольм, симпатичный молодой граф Леннокс, встретился взглядом с Джеймсом.

— Какую пользу вы принесете своему королю, сэр Джеймс, — прокричал он, — если будете сидеть в соседней с ним тюремной камере?

Леннокс и его рыцари дали шпоры коням, торопясь укрыться за деревьями леса Календар-вуд, а Джеймс застыл в нерешительности, тщетно выискивая взглядом брата в царящей внизу неразберихе.

— Сэр? — обратился к нему один из его людей, переводя взгляд с сенешаля на английских рыцарей, которые приближались с каждой секундой.

Взвыв от отчаяния, Джеймс грубо развернул своего серого в яблоках скакуна и направил его к лесу.

Уоллес утратил последнее подобие командования над своими войсками, в ужасе разбегающимися перед наступающим противником. Стрелы и копья усеивали склон холма, на котором лежали мертвые скотты. Крики раненых сливались в жалобный и протяжный вой. Те, кому удалось выжить под градом стрел, которые разорвали шилтроны на части, ползли среди тел погибших товарищей, надеясь спастись от приближающихся рыцарей. Одни бежали к лесу, другие безрассудно стремились к болотистым берегам речушки. Здесь грязь была густой, вязкой и липкой, как клей, а местами — еще и предательски глубокой. Поле брани, выбранное Уоллесом из-за того, что оно обеспечивало естественную защиту со стороны реки, теперь сыграло против шотландцев. Те, кто сумел добраться до воды, беспомощно брели по грязи, стремясь достичь другого берега. Но сделать этого не удалось никому — беглецы застревали в болоте, превращаясь в легкую добычу для валлийских лучников.

И в этот хаос врезались Рыцари Дракона, и огнедышащий монстр на их щитах тускло сверкал золотом в пепельном свете заката. Они скакали рядом со своими отцами, рыцарями Круглого стола. Они пришли сражаться за своего короля.

Эймер де Валанс вел за собой людей Пемброка, многие из которых десятилетиями служили его отцу. Под бело-голубым полосатым штандартом, трепетавшим высоко над головой, он возглавил жестокую атаку на лучников Уоллеса, пройдя сквозь их ряды, как нож сквозь масло. Именно копьё Эймера пронзило грудь Джона Стюарта, оторвав того от земли и отшвырнув на несколько ярдов. Он упал, несколько раз перевернувшись, и копыто боевого коня Эймера превратило голову шотландца в кровавое месиво. Оставив позади бездыханное

тело брата сенешаля, Эймер понесся дальше, на ходу выхватив из ножен меч, чтобы рубить спины и головы спасающихся бегством лучников. Размахивая клинком, он ревел, как раненый зверь.

Генри Перси, распаленный возможностью отомстить за унижение, которому подвергся его дед при Стирлинге, ринулся в бой вместе с рыцарями из своих поместий в Йоркшире. Им навстречу развернулись несколько шотландцев, решивших стоять насмерть. Одному из них удалось вонзить копьё в бок лошади, отчего та рухнула на землю, придавив собой седока. Мгновением позже скотта поразил копьем в горло один из людей Перси, а остальных попросту безжалостно изрубили на куски. Шотландская знать бежала с поля боя, оставив армию крестьян умирать. Единственная надежда для этих людей заключалась или в том, чтобы спастись бегством, или умереть быстрой и легкой смертью. Король Эдуард распорядился захватить Уильяма Уоллеса и остальных руководителей восстания живьем, но в такой толчее судьбу одного конкретного человека гарантировать было невозможно.

Хэмфри де Боэн, лицо которого заливал пот, скакал вместе со свитой отца вниз по склону холма, вслед за скоттами, которые бежали к ручью, надеясь спастись. Он уже понимал, что сражение выиграно. И теперь их задачей было добить противника, истребив всех, вплоть до последнего человека. Хэмфри уже лишился копья и теперь сжимал в руке меч. Он с яростью взмахнул им, нанося удар по шее бегущего впереди человека. Клинок наткнулся на преграду, и боль отдалась в руке. Шотландец же, лишившись головы, бесформенным кулом свалился под копыта его коня. Отец Хэмфри виднелся впереди, преследуя группу копейщиков, которые уже добежали до берега ручья и теперь с трудом пробирались по грязи к чистой воде. Граф упрямо и бесстрашно преследовал их, опустив копьё. И вдруг лошадь под ним споткнулась и упала.

Хэмфри закричал, увидев, как отец рухнул на землю. Его конь, крупный сам по себе, в кольчужной попоне и под седлом, в котором в полном вооружении сидел Херефорд, всей тяжестью ухнул в болото. Криком призывая своих людей следовать за собой, Хэмфри дал шпоры своему коню и направил его к отцу, который отбросил копьё и, натягивая поводья, пытался заставить своего жеребца выбраться из трясины. Животное ржало и мотало головой, лишь глубже погружаясь в топкую грязь от беспорядочных метаний. Трое же шотландских копейщиков, которых отец преследовал до того, остановились и развернулись к нему. Будучи более легкими и подвижными, лишённые доспехов, которые тянули бы их на дно, они лишь по колено погрузились в жидкую топь. Хэмфри предостерегающе крикнул, едва не оглохнув от звука собственного голоса, гулким эхом раскатившегося внутри тесного шлема, когда увидел, что двое скоттов направляются к отцу.

Граф сумел отбить одно копьё щитом, но второй шотландец воспользовался моментом и вонзил свое оружие ему в бок, под ребра. Удар был нанесен с такой силой, что кольца кольчуги не выдержали и разорвались, так что острое копьё вдавило их в рану. Впрочем, она была не смертельной, потому что кольчуга все-таки приняла на себя основной удар, так что в теле отца застрял лишь самый кончик копья, но лошадь при этом погрузилась еще глубже, почти по самую шею, и граф потерял равновесие. Херефорд опрокинулся с седла и по инерции всей тяжестью навалился на копьё, которое глубоко вошло ему в бок и пробило легкое.

Хэмфри заревел от ярости, видя, как отец соскользнул с седла тонущей лошади. Шотландец выпустил из рук копьё и бросился вслед за своими товарищами, уже добравшимися до чистой воды. Резко натянув поводья и останавливая коня, Хэмфри неловко

спрыгнул с седла на землю и побрел по грязи, не обращая внимания на встревоженные крики своих людей. Болото с жадностью приняло его в свои объятия, и грязь поднялась почти до самых бедер, облизывая кольчугу. Отец находился чуть дальше, наполовину уйдя в топь. Копье по-прежнему торчало у него в боку, и он уткнулся лицом в грязь. Хэмфри задыхался, с трудом выдирая ноги из жидкого месива. Внезапно земля ушла у него из-под ног, и он провалился по самую грудь. Отец оставался в нескольких ярдах впереди, голова его уже полностью скрылась под поверхностью болота, так что виден был лишь гребень его шлема. Топь жадно засасывала его, Хэмфри почувствовал, что тонет, и страх захлебнуться придал ему сил. Когда чьи-то руки схватили его сзади, он зарычал и принялся вырываться, видя, как шлем отца с головой скрылся под водой. Еще мгновение на поверхности виднелась голубая шелковая лента с косой белой полосой, пока и ее, наконец, не поглотила трясина.

Колеса повозки разбрызгивали грязь, волю мотали рогатыми головами, с неба лило как из ведра, и копыта тонули в красной глине. Роберт смотрел, как они приближаются, и капли теплого дождя стекали по его лицу. Он обвел взглядом вереницу повозок, груженных лесом для нового частокола, возводимого вокруг Эйра.

— Сегодня ждем еще четыре, сэр. А остальные придут сюда еще до конца недели.

Роберт мельком взглянул на мужчину, мокнувшего под дождем рядом с ним, местного плотника, которого он сделал своим главным строителем.

— Я хочу, чтобы завтра начались работы в казармах, — сказал он, поворачиваясь к деревянным зданиям, стоявшим позади него на берегах реки, которая медленно несла свои воды к морю. Они были построены для людей Генри Перси, но после освобождения города Роберт занял их сам. — Когда закончите с ними, приступайте к строительству городских оборонительных сооружений.

Распорядитель работ согласно кивнул. Подняв руку, чтобы привлечь внимание возчиков, он поспешил к ним по утопающему в грязи внутреннему двору, чтобы указать новое направление.

А Роберт перевел взгляд с пузырящейся от дождя поверхности реки на луга на другом берегу, где паслись овцы. Порыв сырого ветра донес до него резкий запах навоза и мочи с близлежащей дубильни, заглушая привычный и вездесущий соленый запах моря и горящих углей. Над городскими лачугами и хижинами, тростниковые крыши которых виднелись за казармами, вились дымки. Эйр медленно возвращался к жизни после изгнания отсюда людей Перси, и вокруг царила атмосфера робкой надежды на лучшие времена. Против строительства нового частокола не будет возражать никто, поскольку будущее королевства оставалось туманным и они до сих пор не получили никаких известий от Уильяма Уоллеса, который повел свою армию на новую битву с англичанами.

Роберт не находил себе места, и терпение его было на исходе, поскольку, покинув Селкиркский лес, он пребывал в полном неведении относительно происходящего. Вернувшись в Эйр, он долго изводил себя бесплодными размышлениями о том, а не следовало ли ему остаться рядом с новым хранителем Шотландии и не перечеркнула ли его добровольная ссылка тех преимуществ, которые он получил, произведя Уоллеса в рыцари. Он хотел участвовать в войне на стороне скоттов, хотел доказать, что способен руководить

людьми, и раз и навсегда подтвердить свою приверженность освобождению своего королевства. Но Джеймс Стюарт сумел переубедить его. Сенешаль предостерег его, что Роберту не стоит слишком глубоко увязать в делах Уоллеса и Коминов, и посоветовал вместо этого заняться созданием собственной базы и вербовкой сторонников, чтобы в подходящий момент во всеуслышание объявить о своих намерениях. Роберт пришел в отчаяние, но не мог отрицать того, что в словах сенешаля есть здравый смысл. Чтобы его план мог осуществиться, он должен продемонстрировать свою честность, чистоту помыслов и зрелость, а это значило, что ему следует держаться подальше от тех, кто стремился вернуть на трон Джона Баллиола.

Когда повозки со скрипом остановились и волю протяжно замычали, Роберт услышал, как кто-то окликает его. Обернувшись, он увидел, что к нему спешит Кристофер Сетон.

Намокшие волосы оруженосца прилипли ко лбу, а с кончика длинного носа срывались капли дождя. Лицо его было мрачным.

— Мой кузен хочет срочно увидеться с вами, Роберт. В ваших апартаментах.

Роберт нахмурился:

— Для чего?

Кристофер уставился себе под ноги, не смея поднять на него глаза.

— Он сказал, что это очень важно. Сэр, он просит, чтобы вы пришли к нему. Как можно скорее.

Кристофер перестал величать его «сэром» некоторое время назад. И теперь, услышав формальное обращение, Роберт ощутил неладное.

— Ладно, идем. — Задержавшись на мгновение, чтобы поговорить с распорядителем работ, он покинул берег реки в сопровождении Кристофера. Под подошвами их сапог противно чавкала грязь.

В казармах было шумно. Вся свита Роберта, включая жен и детей рыцарей, поселилась здесь после возвращения из Леса. Грумы трудились в переполненных конюшнях, выметая грязную солому и наливая в поилки свежую воду. Под свесом крыши одного из зданий, с которого водопадом текли струи дождя, приютились рыцари Джона Атоллы, играющие в кости. Они кивками приветствовали Роберта, когда он проходил мимо, направляясь в длинное бревенчатое здание, служившее ему временным пристанищем.

Александр стоял снаружи у дверей, отряхивая капли дождя с промокшей насквозь накидки.

— Что случилось, друг мой? — подходя, окликнул его Роберт. Изнутри помещения до него долетели слабые крики его дочери. Рыцарь выглядел настолько подавленным, что, услышав плач Марджори, Роберт первым делом подумал, что с нею что-то случилось. — Александр, ради всего святого, отвечайте! Это Марджори? — И он ринулся внутрь мимс лорда, который схватил его за руку.

— Ваша дочь здесь ни при чем, Роберт, — произнес Александр едва слышным шепотом. — Но вы должны увидеть кое-что своими глазами.

Окончательно сбитый с толку, Роберт позволил рыцарю распахнуть перед собой дверь. Он вошел и быстро окинул взглядом интерьер. В первой комнате располагалась небольшая приемная. Здесь стояли несколько стульев без спинки, но в остальной обстановке выглядела убогой. У него не было ни времени, ни желания заниматься благоустройством, поскольку он не собирался надолго задерживаться в этой глуши. Он приходил сюда, только чтобы забыться сном, потому как заботы об управлении городом и графством отнимали у него все

время без остатка.

Первой, кого увидел Роберт, войдя в комнату, была Джудит. Заслышав звук открываемой двери, кормилица испуганно вскочила на ноги. Она прижимала к груди его дочь, крошечное личико которой покраснело от натуги. Увидев отца, Марджори заплакала еще сильнее, протягивая к нему ручонки. Джудит пролепетала нечто нечленораздельное, но, прежде чем Роберт успел сообразить, что же именно она сказала, до его слуха донесся еще один крик. Он раздался из-за двери, ведущей в его спальню. Оттолкнув Джудит, Роберт вошел туда.

Спальня за дверью была самой большой из трех комнат, составлявших его апартаменты. Сейчас она предстала перед ним, залитая светом свечей. Здесь были стол и лавка, за которыми он ужинал, а рядом, в обложенном глиной очаге, шипел огонь. Под его заляпанными грязью сапогами шуршали стебли таволги, покрывавшие пол благоуханным травяным ковром. С деревянного гвоздя, вбитого в стену, свисала одежда, его и Катарины. Между двух деревянных подпорок, утопленных в стене, стояли несколько сундуков с его оружием и амуницией. На столе, рядом с двумя кубками и остатками трапезы, которых не было, когда он уходил сегодня утром, поблескивал глазурованный кувшин. В огарках свечей трепетали робкие огоньки. Роберт одним взглядом окинул знакомую обстановку, а потом вновь расслышал негромкий стон, и глаза его устремились к кровати у дальней стены. Она была задрапирована плотными занавесями, которые ниспадали складками с балки наверху, полностью закрывая кровать. Трава заглушила его шаги, когда он пересек комнату. Подойдя к кровати, Роберт взялся за занавески и одним рывком раздвинул их.

Сначала он увидел обнаженную Катарину. Она запрокинула раскрасневшееся лицо к потолку, закрыв глаза. Под нею лежал какой-то мужчина, сжимая руками ее разведенные в стороны бедра. Шорох раздвигаемых занавесей заставил Катарину распахнуть глаза. Губы ее, разошедшиеся в улыбке наслаждения, округлились от ужаса, и она скатилась с мужчины, который обернулся и выругался, увидев стоящего возле кровати Роберта. Катарина судорожно отползла к изголовью, прикрывая скомканными простынями свою наготу. Мужчина, в котором Роберт узнал местного парнишку, нанятого им для укрепления городских стен, неловко спрыгнул с кровати и нагнулся, поднимая свои штаны, валяющиеся на полу. Ему было лет восемнадцать, не более, и его розовощекое лицо еще не знало бритвы. Его мужское достоинство, гордо вздыбившееся и блестящее, уже опадало у него между ног. Под молчаливым взглядом Роберта он быстро натянул штаны и затянул шнурок на тонкой, юношеской талии. С кровати доносилось быстрое и частое дыхание Катарины. Взгляд ее метнулся мимо Роберта к тому месту, где стоял Александр.

Увидев в ее глазах бессильное бешенство, Роберт обернулся. Он совсем позабыл о том, что за спиной у него стоит лорд. Рядом с кузеном замер Кристофер.

— Вы знали обо всем. — Его голос прозвучал невыразительно, с каким-то странным спокойствием.

— Мне очень жаль, друг мой. — Александр устремил тяжелый взгляд на Катарину, черты лица которой исказились от ненависти. — Но вы должны были сами во всем убедиться.

— Змея! — выплонула она. — Ты шпионил за мной?

Заметив свисавший с кровати смятый шлейф, Роберт потянул его на себя. Это оказалось одно из платьев Катарины. Оно было обтягивающим и с очень низким вырезом на груди, как и все остальные. Он швырнул ей одежду.

— Прикройся.

— Роберт, пожалуйста, — жалобно пробормотала она.

Он отвернулся, когда она принялась натягивать платье, не слушая ее мольбы.

— Прощу тебя. — Одернув юбки платья, она обежала его кругом и попыталась заглянуть в глаза. — Мне было так одиноко. Тебя никогда нет рядом. Ты все время проводишь со своими людьми. — Она робко прикоснулась к его руке.

— Убирайся.

Она сильнее стиснула его руку.

— Роберт, пожалуйста, я...

— Я сказал — убирайся.

— Я беременна, — внезапно всхлипнула она.

— Беременна? — Голос его был холоден, как лед. — И чей это ублюдок?

Катарина побледнела, но потом лицо ее окаменело и ожесточилось.

— Кто будет присматривать за твоей дочерью? — Она взглянула на Джудит, застывшую в дверях, прижимая к груди Марджори. — Ты же не думаешь, что она справится сама? Эта девчонка не может и шагу ступить без моей помощи!

— О моей дочери можешь более не беспокоиться.

— Но куда я пойду? На что буду жить?

— Уверен, что твое ремесло будет пользоваться в городах большим спросом.

Катарина уставилась на него, словно не верила своим ушам. Проглотив комок в горле, она отвернулась и сняла с крючка свою накидку. Тяжело дыша, она всунула ноги в пару башмаков, затем собрала еще кое-какие вещи, запихнув их в кожаную сумку. Роберт не остановил ее. Юноша по-прежнему стоял, прижавшись к стене у самой кровати. Он уже успел надеть тунику и, похоже, прикидывал, как бы улизнуть отсюда подобру-поздорову.

Катарина прошла мимо Александра, задев его плечом, и направилась к двери.

— *Ублюдок*, — прошипела она сквозь стиснутые зубы, прежде чем выйти под дождь.

Через несколько мгновений вслед за нею тенью скользнул молодчик, прижимая к груди свои сапоги. Роберт взглянул на него. Поначалу он решил дать ему уйти невозбранно, но потом его захлестнула ярость и он схватил юношу за шею. Александр предупреждающе закричал, но Роберт не слышал его, выволакивая упирающегося парнишку мимо Джудит и своей плачущей дочери во двор. Александр и Кристофер поспешили за ним. Юноша орал во все горло, умоляя пощадить его. Роберт швырнул его в красную глину и с размаху ударил ногой в живот. Молодчик согнулся пополам, и лицо его исказилось от боли. Несколько рыцарей Атолла бросились к ним через двор, разбрызгивая грязь. Не обращая внимания на их удивленные крики, Роберт схватил юношу за грудки и поднял его на ноги, но только для того, чтобы ударить кулаком в лицо. Когда Александр схватил его за плечо, Роберт отпустил несчастного парня и развернулся к своему товарищу. Александр пригнулся, но, вместо того чтобы ударить его, Роберт потянулся за его мечом. Прежде чем Александр успел остановить его, он схватился за рукоять и обнажил клинок. Но, когда он шагнул к юноше, простертому в грязи, окровавленному и охваченному ужасом, Александр повис у него на руке, заставив Роберта остановиться.

— Мальчишка взял то, что предлагалось всем без разбору, Роберт. Разумеется, ему не следовало этого делать. Но он не заслуживает смерти.

Юноша с трудом выпрямился, мокрая и грязная туника облепила его ноги. Бросив свои сапоги там, где он обронил их, он во весь дух припустил бегом по двору. Когда двое рыцарей, наблюдавших за происходящим, шагнули было ему навстречу, намереваясь

остановить, Александр крикнул им, чтобы они пропустили бедолагу.

Роберт, взбешенный, повернулся к нему:

— Что вы себе позволяете?

— Я — один из тех, кто отказался от всего, чтобы поддержать вас, — гневно ответил Александр. — Я верю, что вы сможете стать королем, Роберт. Но для начала вы должны сами поверить в это.

Во дворе раздались громкие голоса. Роберт оглянулся и увидел, что к нему спешат его брат и Джон Атолл, в сопровождении Уолтера и еще нескольких рыцарей из Каррика. При виде их напряженных и мрачных лиц он решил, что и они в курсе его семейных скандалов, но это предположение разлетелось вдребезги, стоило Джону заговорить.

— У нас плохие новости. Армия Уоллеса разбита под Фолкирком. Тысячи погибших.

— А сам Уоллес? — резко спросил Александр, отпуская Роберта.

Кристофер шагнул вперед и остановился рядом с кузеном.

— Мы не знаем, — ответил Эдвард. Он взглянул на брата. — Кавалерия, возглавляемая Комином, бежала с поля боя, даже не обнажив мечей. Ублюдки спасали собственные шкуры, бросив всех остальных на смерть.

— Что король Эдуард? — требовательно обратился Роберт к Джону. — Вы хотите сказать, что англичане вновь получили контроль над нашим королевством? Что Шотландия погибла?

— Никто ничего не может сказать наверняка. Но мы знаем, что англичане идут сюда.

Роберт, не дрогнув, принял оглушительное известие.

— Ему нужен я.

Его свояк кивнул:

— Вы теперь представляете для него единственную реальную опасность.

Заговорил Кристофер, но голос его дрогнул и сорвался:

— Но мы даже не успели возвести новый частокол. Мы не сможем защитить Эйр.

— И что ты предлагаешь? — Эдвард развернулся к оруженосцу. — Бежать, как последним трусам? Бросить этот город и всех жителей на растерзание твоему шлюхиному сыну королю?

Готовую вспыхнуть ссору погасил Александр, впери в Эдварда тяжелый взгляд.

— Мой кузен — такой же член этого отряда, как и ты. И не имеет значения, где он родился.

Роберт стоял, погружившись в раздумья, пока рыцари пререкались друг с другом. Капли дождя стекали по длинному лезвию меча, который он до сих пор сжимал в руке. Из деревянного здания позади него доносились громкие крики его дочери. Над крышами казарм вились дымки, поднимающиеся из домов горожан. Он подумал о том, что за последние месяцы у них появилась надежда. А потом вспомнил о повозках с бревнами, которые мокли под дождем на берегу реки.

— Мы сожжем его дотла.

Мужчины прекратили спорить, хотя он говорил негромко, словно сам с собой.

Роберт поднял на них глаза. Голос его окреп:

— Мы сожжем город и уйдем в горы, куда англичане не смогут последовать за нами.

Нам нужно разыскать сенешаля, если он уцелел в битве.

— Бежать? — спросил Эдвард, качая головой.

Роберт взглянул брату прямо в глаза.

— Мы не сможем победить англичан в открытом бою. Пока еще не сможем. Единственное, что мы можем сделать, — это не оставить им ничего съестного и лишить их крова над головой. Чем длиннее станут их пути подвоза продовольствия, тем труднее им будет продолжать войну.

Джон Атолл согласно кивнул:

— Я отдам распоряжения своим людям. Мы немедленно начнем эвакуацию города.

Не говоря ни слова, Роберт протянул меч Александру и ушел вместе с Атоллом.

Когда и остальные стали расходиться под дождем, Александр задержался на мгновение рядом с Кристофером. Глядя вслед удаляющимся рыцарям, он сунул меч в ножны и снял с пояса кошель, протянув его кузену.

— Проследи, чтобы мальчишка получил то, что ему причитается. Он не мог уйти далеко.

Кристофер сердито тряхнул головой:

— Ты все еще думаешь об этом после всего, что только что услышал? — Он развернулся, чтобы уходить, но Александр схватил его за руку. Кристофер в ярости уставился на него. — Я не хотел вмешиваться в его личные дела. И тебе это прекрасно известно. Нам не следовало поступать так. — Он понизил голос, когда Александр сильнее стиснул его руку, призывая кузена говорить тише. — Роберт спас мне жизнь. А мы предали его!

— Это не мы предали его, а Катарина. Мы всего лишь открыли ему глаза на то, что она собой представляет на самом деле. Как легко оказалось уговорить ее отправиться в постель с очередным молодым жеребцом, который привлек ее внимание! Мальчишке даже не пришлось уговаривать ее, не правда ли? А Роберт не желал прислушиваться к голосу разума. Катарина была еще одной цепью, которую следовало порвать, если он намерен стать королем. А когда это случится, ты еще скажешь мне «спасибо». Не забывай, кузен, мы тоже можем потерять все, как и Роберт, если он не преуспеет в борьбе за трон. Поэтому мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь ему. — Александр силой всунул кошель с монетами в руку Кристофера. — Я пообещал мальчишке, что мы компенсируем ему понесенный ущерб. А я всегда держу свое слово.

Они почувствовали запах гари еще до того, как достигли города. Горячий ветер принес на своих крыльях при вкус горечи, а горизонт затянула серая мгла. Длинные колонны всадников медленно двигались сквозь нее, и на сердце у мужчин становилось так же тяжело, как и в руках и ногах, когда они поняли, что близкое окончание долгого пути не сулит им отдыха, о котором они мечтали. Припасы, доставленные на борту корабля, прибывшего в Лейт, подходили к концу, а они все дальше уходили вглубь вражеской территории. На голых полях торчали лишь стебли колючего чертополоха и дрока, а сухой ветер швырял в лицо воинам песок и пыль.

Хэмфри де Бозн ехал в авангарде вместе с рыцарями отца. Он хранил молчание, хмурясь, глядя на серую пелену, затянувшую горизонт, сквозь которую иногда проглядывала искрящаяся серебром гладь моря, стиснутая обрывистыми утесами. Вот уже много недель внутри у него поселилась ноющая боль, как если бы он потерял что-то или засунул куда-то и теперь не мог вспомнить, куда именно. Он знал, что это болит память об отце, тело

которого, извлеченное из трясины, особый отряд его рыцарей вез сейчас на юг Англии. Но осознание не приносило облегчения. Наоборот, боль становилась все сильнее, словно тело отца, с каждой минутой удаляясь от сына, натягивало какую-то струну в его душе.

Победа англичан под Фолкирком была полной. На поле битвы остались трупы более десяти тысяч скоттов, тогда как армия короля понесла сравнительно небольшие потери, самыми горькими среди которых стала смерть отца Хэмфри и магистра английских тамплиеров, который тоже погиб в предательской трясины на берегу реки. Но, несмотря на сокрушительный разгром, битва получилась жестокой и беспощадной, а радость победы оказалась недолговечной, особенно в сравнении с первой кампанией. Более того, свидетели уверяли, что Уильям Уоллес остался жив и одним из последних покинул поле боя вслед за отступившей кавалерией скоттов. Тот факт, что большая часть шотландского войска осталась лежать на склонах холмов под Фолкирком, став добычей для стервятников, лишь приглушил гнев Эдуарда, вызванный бегством Уоллеса и остальной знати. Главная опасность, которая грозила теперь английской армии, заключалась в тающих запасах продовольствия, а надежда поквитаться с Робертом Брюсом, к штаб-квартире которого, Эйру, они выступили маршем на запад, с каждым днем таяла в их пересохших от голода и жажды ртах.

Поля на окраинах городка, которым полагалось колоситься высокой золотой пшеницей, созревшей под лучами августовского солнца, были усеяны обугленными снопами. Урожай собрали только для того, чтобы сжечь его. Кое-где связки еще курились слабыми дымками, и над почерневшей землей полз отвратительный запах гари. Воины мрачно смотрели по сторонам, проезжая по полям, и вид бессмысленных разрушений причинял невыносимую боль их сведенным судорогами голода желудкам.

— Молю Бога, чтобы эти ублюдки сдохли зимой от голода, — прорычал Генри Перси.

Хэмфри оглянулся на молодого человека, чье покрасневшее лицо виднелось над предличником шлема. Перси, которому король пожаловал Эйршир в самом начале оккупации, громче всех высказывался за то, чтобы настичь и покарать Роберта Брюса, возможно, еще и потому, что они с Клиффордом чувствовали свою вину за то, что позволили тому скрыться из Ирвина. Хэмфри помалкивал, не вступая в воинственные перепалки, которые обычно вспыхивали по вечерам у походного костра; он и без того слишком тяжело переживал смерть отца. Но, когда они въехали в разрушенный до основания портовый городок Эйр, мысли его переключились на бывшего друга.

Какое-то время после того, как стало известно о дезертирстве Роберта, Хэмфри еще надеялся, что эти слухи окажутся ложью, но после событий в Ирвине он уже больше не мог отрицать правду: человек, с которым он подружился и которому доверял, стал предателем. Он винил себя за то, что сразу не рассказал Роберту о Камне Судьбы, одной из четырех реликвий, названных в пророчестве. Не исключено, что тогда ему удалось бы убедить друга в необходимости захватить его, потому что теперь, оглядываясь назад, Хэмфри понимал, что кража и стала тем переломным моментом, который отвратил Роберта от их общего дела. Отчасти Хэмфри понимал его и даже сочувствовал ему. Камень, в конце концов, олицетворял собой право Роберта на трон, право, которого он лишился после того, как Камель Судьбы увезли в Вестминстер. Во время марша на север он укрепился во мнении, что Роберта следует захватить не только ради того, чтобы свершилось правосудие, но и чтобы он мог заглянуть ему в глаза и убедиться, что именно любовь к своему королевству, а не ненависть к их родине, заставила его стать предателем. Тогда, во всяком случае, он сможет

заставить себя поверить в то, что не совершил роковой ошибки и не был слеп, когда ввел Роберта в их круг, а всего лишь проявил некоторую наивность. Но теперь, проезжая по пустынным улицам, вдоль которых тянулись остовы сожженных домов, Хэмфри понял, что надежда на это умерла. Человек, предавший город огню, хотел заставить их страдать при виде овец, забитых на рыночной площади и превратившихся в груды обугленных костей на погребальном костре. Он намеревался свести их с ума зрелищем бочек с пивом, расколотых пополам во дворе пивоварни, отчего земля превратилась в липкое месиво, в котором копошились полчища мух. Человек, который сделал это, не оставив им ни крошки продовольствия, хотел, чтобы все они умерли здесь.

Король недогнувшим голосом приказал своим рыцарям обыскать более-менее сохранившиеся здания, но всем было ясно, что в городе не осталось никого, кто мог бы подсказать им, куда ушли Брюс со своими людьми. Англичанам не найти здесь ни правосудия, ни пропитания. Когда рыцари спешили и рассыпались среди развалин, Хэмфри устало слез с седла и достал мех с вином из седельной сумки. Кожа на лице обгорела и высохла, а вино обожгло потрескавшиеся губы. Облизнув их, он ощутил привкус крови.

— Милорд.

Хэмфри поднял голову и увидел, как сэр Роберт Клиффорд зовет к себе короля.

Рыцарь вышел из длинного бревенчатого дома, который выглядел почти неповрежденным.

— Вам лучше взглянуть на это самому, милорд. — Клиффорд, обычно хорошо владеющий собой, выглядел взбешенным.

Хэмфри последовал за королем, который оставил Байярда на попечение пажа и широким шагом направился к зданию. К ним присоединились Эймер и Генри. Пригнувшись под низкой притолокой, они вошли в голую приемную, и их подкованные сапоги гулко застучали по земляному полу. Один за другим они переступали порог главной спальни, через единственное окно которой внутрь проникал тусклый свет. Повсюду на полу, покрытом связками таволги, валялась опрокинутая и разбитая мебель. У дальней стены стояла кровать, полускрытая пологом.

Когда глаза Хэмфри привыкли к полумраку, он заметил то, что раньше всех увидел Клиффорд, а теперь видели и все они. На стене красной краской был намалеван грубый рисунок. Смысл его был предельно ясен — красный лев, вставший на задние лапы, возвышался над драконом, свернув тому шею огромной лапой.

Хэмфри почувствовал, как при виде картинке в нем поднимается ярость. Он перевел взгляд на короля, лицо которого исказилось в сумраке, но было видно, что на скулах у него заиграли желваки.

— Милорд, простите меня. Я выбрал не того человека. Я позволил змее оказаться среди нас.

Эдуард обернулся и взглянул на него.

— Мы оба сделали ошибку.

На лицах Эймера и Генри отразилась та же ярость, что охватила и короля.

Повернувшись спиной к грубому рисунку, король стянул с рук латные рукавицы.

— Преклоните колена, сэр Хэмфри, — решительно произнес он суровым тоном, — пришло время вам примерить отцовскую мантию.

Хэмфри понимал резоны короля провести торжественное действие именно здесь, в

руинах, перед грубым рисунком, которым им нанесли страшное оскорбление. Одним мановением руки король возвысил его и связал незримой клятвой найти и покарать предателя. Неловко опустившись на одно колено, Хэмфри снял рукавицы. Вложив ладони в подставленные руки короля, он принес вассальную клятву от имени графств Эссекс и Херефорд, а также принял наследную должность констебля Англии, перешедшую к нему от отца. Когда его клятва была принята, он выпрямился и присягнул на верность своему королю и повелителю.

— Придет время, и мы отпразднуем это событие должным образом, — пообещал ему Эдуард. — А сейчас я намерен вернуться в Англию. Мы не можем идти дальше, не имея запасов продовольствия. Скотты серьезно ослаблены сокрушительным поражением, которое они потерпели под Фолкирком, и я еще вернусь, чтобы покарать предателей. Но до тех пор, сэр Хэмфри, я хочу, чтобы вы отправились со своими людьми на юг, в Аннандейл. Я хочу, чтобы вы до основания разрушили замок Лохмабен и сожгли все до единого поселения, через которые будете проходить. Я хочу, чтобы от этой крысиной норы не осталось и следа.

Хэмфри поклонился:

— Будет исполнено, Ваше величество.

Король и рыцари вышли на пропахший дымом пожаров воздух, оставив за спиной вставшего на дыбы льва Шотландии.

Три корабля скользили на север по темным водам Ла-Манша под беззвездным небом. Они несли на мачтах черные паруса, и только скрип дерева да ритмичные всплески весел выдавали их присутствие. Здесь были две боевые галеры, длинные и узкие, на борту которых находилось по восемьдесят гребцов. Третий представлял собой пузатый купеческий корабль, направляемый двумя веслами на корме. С верхушки мачты, высоко над палубой торговца, донесся троекратный свист.

Заслышав его, капитан подошел к левому борту. Он принялся вглядываться в темноту, куда безостановочно катились волны. Наконец, он разглядел вдалеке на горизонте россыпь тусклых огоньков.

— Мастер Пьетро.

Капитан повернулся и увидел Луку, одного из своих старших матросов. В темноте черты лица моряка едва угадывались.

— Корабли тянутся насколько хватает глаз, сэр. Не думаю, что мы сможем проскользнуть сквозь английскую блокаду незамеченными.

Пьетро кивнул:

— Ступай и скажи ему об этом.

Двумя часами позже, когда бархатная чернота неба сменилась глубокой синевой, три судна приблизились к блокаде. Корабли в ней отстояли друг от друга на большом расстоянии, каждый покачивался на якоре, но было очевидно, что проскользнуть сквозь их строй незамеченной сможет лишь крошечная рыбацкая лодка. Тем не менее, таинственные суда подошли к ним достаточно близко, прежде чем их заметили.

Возникший из темноты впереди английский корабль являл собой громоздкую и неуклюжую посудину с толстой мачтой и квадратной деревянной надстройкой на носу. На крыше рубки виднелась угловатая конструкция требушета, а из-под бушприта [\[63\]](#) торчал обитый железом таран, похожий на сжатый кулак. Когда англичане заметили три судна, над

водой разнеслись хриплые голоса, и над планширом появились фигуры воинов, освещенные фонарями, с арбалетами в руках. Пьетро приказал экипажу сбавить ход, и его команду передали на боевые галеры. Гребцы принялись табанить ^[64]веслами, пока корабли не сблизились, и тогда за борт полетели якоря. С борта английского судна на палубу первой галеры перебросили швартовые канаты, и корабли со скрипом стукнулись друг о друга деревянными бортами.

Пьетро стоял у планшира вместе с Лукой, глядя, как английские солдаты перебираются на борт военной галеры. Некоторые были вооружены мечами, другие — арбалетами, а третьи держали в руках фонари. Один из них был одет лучше остальных, в тунику, отороченную золоченой парчой. Пьетро принял его за капитана. Капитан коротко переговорил о чем-то с командиром военного судна, пока его люди осматривали галеру и членов экипажа. Прошло совсем немного времени, и англичане, перебросив сходни, принялись перебираться на борт торгового корабля.

Пьетро встретил капитана, который спрыгнул на палубу. По бокам англичанина встали два солдата, вооруженные арбалетами.

— Вы вошли в английские территориальные воды, и посему, по приказу короля Эдуарда, ваш корабль подлежит досмотру. — Капитан кивнул на военную галеру. — Ваш эскорт сообщил мне, что вы отплыли из Генуи. — На борт, тем временем, поднимались остальные солдаты абордажной группы, рассыпавшись среди скамей, на которых в напряженном ожидании сидели гребцы Пьетро.

— Вы проделали долгий путь, верно?

Пьетро ходил по нелегкому маршруту от Генуи до Брюгге и Дувра вот уже десять лет, поэтому знал английский достаточно, чтобы понять смысл слов капитана. После короткой паузы он ответил, и его акцент заставил англичанина озабоченно нахмуриться.

— Долгий, да. Но так безопаснее, чем по суше. У нас ценный груз.

Английский капитан обвел корабль внимательным взглядом, задержавшись на открытом люке, уходившем на нижние палубы.

— Что за груз?

— Бумага, — ответил Пьетро. — С фабрики в горах, за городом. Мы поставляем ее в ваш порт Дувр.

Капитан медленно кивнул, слушая вполуха, обводя взглядом забитую людьми верхнюю палубу.

— Почему вы идете под черными парусами? — спросил он. — Кто-нибудь может подумать, будто вам есть, что скрывать.

— Да, — ответил Пьетро, — ценный груз. Мы прячем его. Море между Англией и Францией стало опасным после того, как между вашими королевствами началась война. Нам приходится быть осторожными. Ваши враги могут напасть. Помешать нашему грузу достичь ваших берегов.

— Сомневаюсь, что бумага поможет нам выиграть войну, — сухо ответил капитан. — Проводите меня в трюм.

Пьетро и Лука повели капитана на нижнюю палубу, и ступени трапа заскрипели под их ногами. За ними последовали восемь английских солдат с обнаженными мечами.

Одна половина трюма была заставлена штабелями деревянных ящиков, между которыми оставался узкий проход. Вторая половина использовалась под матросский кубрик. Прямо на палубе лежали одеяла, и на них отдыхали человек двадцать моряков, а их спящие фигуры

освещали два фонаря, висевшие на поперечном бимсе. [65]

— Общайте здесь все, — распорядился капитан, кивая своим солдатам.

— А ящики, сэр? — спросил один из них, с неудовольствием оглядывая длинные штабели.

— Вскройте шесть.

Пьетро начал было протестовать, но англичанин оборвал его:

— Ваш корабль вошел в английские территориальные воды и теперь пребывает под властью нашего короля. Мы находимся в состоянии войны. Как знать, вдруг вы везете оружие или деньги нашим шотландским врагам? И мы должны убедиться в том, что это не так, прежде чем позволить вам плыть к нашим берегам.

Пьетро понял не более половины из того, что сказал ему капитан, но, судя по тону англичанина, спорить с ним было бесполезно и даже опасно. После недолгой паузы он кивнул солдатам, показывая, что те могут начинать осмотр, а сам принялся внимательно наблюдать за тем, как они разошлись по проходу, выбирая шесть ящиков из разных штабелей. Он почувствовал, как напрягся стоящий рядом Лука. По трапу к ним спускались остальные солдаты абордажной группы, закончив осмотр верхней палубы. По приказу капитана они принялись осматривать жилую половину трюма, бесцеремонно перетряхивая одеяла, расталкивая спящих моряков и простукивая корпус в поисках потайных мест. Когда солдаты начали вскрывать ящики, капитан подошел ближе. Под крышками обнаружались мягкие листы бумаги, сделанные из измельченной льняной пряжи, на каждом из которых красовались водяные знаки.

— Бумага, сэр, — окликнул капитана один из солдат, добравшийся до самого дальнего угла трюма. — Во всех ящиках одна бумага.

Капитан обратился к стражникам, обыскивавшим матросский кубрик:

— Нашли что-нибудь? — Когда те отрицательно покачали головами, он повернулся к Пьетро. — Я удовлетворен. — Жестом приказав своим людям следовать за собой, он стал подниматься по трапу на верхнюю палубу.

Пьетро отправился следом за ними. На востоке небо обрело бирюзовый цвет.

Английский капитан приостановился у планшира, устремив взгляд на черный парус:

— Поднимайте флаг. Теперь вам больше нечего бояться, раз вы вошли в наши воды. — Он перешел по сходням на борт галеры, а уже оттуда перебрался на свой корабль.

Пьетро смотрел ему вслед. Напряжение медленно отпускало его, когда его команда принялась поднимать якорь, а гребцы опустили весла на воду. И только когда английский корабль превратился в маленькое пятнышко на горизонте, он негромко обратился к одному из своих матросов:

— Скажи Луке, что все в порядке.

Получив сообщение, Лука, остававшийся в трюме, снял один из фонарей с бимса на жилой половине экипажа и двинулся вдоль штабеля, отсчитывая ящики, пока не дошел до шестого справа. Соседний с ним ящик вскрыли солдаты. Лука забормотал молитву, осторожно поднимая крышку, а потом снял ее и положил на палубу рядом с фонарем. Затем он принялся осторожно вынимать листы бумаги, укладывая их на крышку. Ящик был заполнен ими едва на треть. Внизу оказалась еще одна деревянная подкладка. Ухватившись за края и вытащив ее из ящика, Лука услышал сдавленный вздох.

— Вы в безопасности, — пробормотал Лука. — Мы прошли английскую блокаду.

Из нижней половины ящика вылез жилистый и крепкий молодой человек, морщась от

боли в затекших конечностях. У него было выразительное лицо, с правильными чертами, обрамленное черными кудрями, с тонзурой на макушке, которая заблестела от пота в свете фонаря. Но Луку снова поразили его глаза, от которых он не мог оторвать взгляда. Один глаз был небесно-голубой и пронзительный, а другой затягивала белая пелена слепого бельма.

— Когда мы достигнем Шотландии? — Голос мужчины в спертom воздухе трюма прозвучал хрипло, но в нем чувствовалась властность, которая требовала немедленного ответа.

— При попутном ветре — через семь дней, ваше преосвященство.

Все последние дни лета Шотландия оплакивала своих погибших сыновей. В городах и поселениях за Фортом, куда англичане так и не сумели добраться, название Фолкирка стало синонимом скорби и, стоило кому-нибудь упомянуть его, как все — и мужчины, и женщины — шептали молитвы. Но, по мере того, как жаркий август подходил к концу и приближалась осенняя прохлада, скорбь уступила место ожесточению. Скотты носили его в себе, поближе к сердцу, и оно, закаленное в огне страдания и тоски, постепенно превращалось в холодную решимость.

После начала войны и в течение всей английской оккупации многих шотландцев не покидала надежда, что конфликт удастся каким-то образом уладить и их король вернется. Эта вера достигла своего апогея после Стирлинга, когда стало казаться, что под предводительством Уильяма Уоллеса для них нет ничего невозможного. Даже те, кто утверждал, что войну нельзя выиграть на поле боя, вдруг уверовали в то, что Советы и альянсы спасут их. В течение многих лет Англия оставалась их соседом и другом, и ныне живущее поколение забыло старинную вражду, а возведенная римлянами стена, разделявшая два королевства, окончательно превратилась в пережиток прошлого. Но Фолкирк похоронил мирные и дружеские отношения, развивавшиеся более века. На месте осыпавшейся императорской стены скотты возвели новую, твердую и несокрушимую, хотя и невидимую, вставшую непреодолимым барьером на границе.

А когда уцелевшие защитники Шотландии отступили в Лес, чтобы прийти в себя и собраться с силами, король Эдуард повел своих людей обратно в Англию. Победа под Фолкирком досталась ему дорогой ценой, и этой осенью в распахнутые ворота Карлайла, едва переставляя ноги, понуро втягивалась изрядно поредевшая армия. Болезни и голод собрали обильную жатву во время отчаянного броска домой от руин разрушенного до основания Эйра. Король разбил основные силы шотландской армии, но взять всю страну под свой контроль ему не удалось. Королевство оказалось расколотым надвое, земли к югу от Форта остались в руках англичан, и в замках Эдинбурга, Роксбурга, Бервика и Стирлинга стояли английские гарнизоны, но вся территория к северу по-прежнему принадлежала скоттам. Усилил свои гарнизоны и назначив графа Патрика Данбара местоблюстителем и хранителем Южной Шотландии, Эдуард вернулся в свою временную столицу, Йорк, чтобы спланировать следующую кампанию.

На поляне раздавались резкие и громкие голоса. Мужчины потрясли сжатыми кулаками, и лица их покраснели от гнева и разочарования. Тела многих покрывали шрамы

и незажившие раны, замотанные обрывками тряпок, из ран все еще сочились кровь и гной. На лицах всех без исключения воинов лежала печать безмерной усталости после многих недель, проведенных в скитаниях по вересковым пустошам или лесной чащобе, когда все они жили впроголодь. В самом центре бурлящей толпы стояли сенешаль и епископ Глазго, Уильям Уоллес и Роберт Брюс. Они собрались вместе, чтобы решить будущее своего королевства. Но договориться не удавалось.

— Никто не может отрицать успехов, которых добился сэра Уильям. Ни лорд, ни барон, *ни даже епископ* не сделал столько для этого королевства! — Гневный голос Вишарта на мгновение заглушил остальных. — Он имеет полное право и далее оставаться хранителем Шотландии!

Несколько человек заговорили хором.

Громче всех оказался Джеймс Стюарт:

— Никто не собирается оспаривать этого, Ваше преосвященство, но обстоятельства изменились, и мы должны двигаться в новом направлении.

Джон Атолл и Александр Сетон криками поддержали его слова.

Свое мнение выразил и граф Малкольм Леннокс, стоявший в окружении одетых в черное рыцарей.

— После смерти короля Александра у нас было шесть хранителей. Быть может, подобный баланс сил будет разумнее власти одного человека?

— Совет Двенадцати был еще большим компромиссом, — ответил Гилберт де ла Хэй. — Но, в конце концов, они ничего не смогли для нас сделать.

Нейл Кэмпбелл, подобно Хэю, будучи ярым сторонником Уоллеса, поспешил бурно выразить свое согласие.

Роберт взглянул на Уильяма Уоллеса, стоявшего в самом центре бурлящей толпы. Его мускулистые руки, обнаженные до плеч, покрывали шрамы, полученные в битве под Фолкирком. На лице у гиганта тоже змеился длинный алый шрам, оставленный, похоже, скользящим ударом клинка, — он сбегал по щеке от виска до нижней челюсти. Роберту показалось, что молодой вождь выглядит усталым и измученным; причем усталость эта была, скорее, душевной, нежели физической.

— Сейчас не время менять нашего лидера, — проворчал Грей, еще один из командиров Уоллеса. — Нам нужно собрать все силы в один кулак, а не разъединять их. Англичане непременно вернутся, чтобы закончить то, что начали. И мы должны быть готовы устроить им достойную встречу.

— Я предлагаю отправить делегацию к Папской курии, чтобы заручиться поддержкой Рима, — высказался Гартнет Мар. — Эта делегация должна продемонстрировать, что мы по-прежнему управляем своим королевством и что мы едины в борьбе против тирании короля Эдуарда. Полагаю, сенешаль прав. Давайте выберем еще несколько человек, которые встанут рядом с сэром Уильямом. — Он жестом указал на Джеймса и Вишарта. — Быть может, это будут сенешаль и вы, Ваше преосвященство? Вы самые опытные политики среди нас. Его Святейшество должен прислушаться к вашим словам.

Джеймс воздел вверх обе руки, когда со всех сторон раздались одобрительные выкрики.

— Я лично думаю, что пришло время дать дорогу молодым. Нам нужна свежая кровь. — Он оглянулся на Роберта, но, прежде чем он успел добавить еще что-либо, заговорил угрюмый здоровяк с культей на месте правой руки.

— Сэр Уильям пожертвовал всем, чтобы повести нас в бой! Под Фолкирком он потерял

кузена и многих дорогих его сердцу людей. Апочему? Потому что дворяне сбежали с поля боя и бросили нас умирать! Эти люди не могут говорить от нашего имени!

Его слова были встречены зловещим ропотом одобрения, донесшимся из последних рядов, где собрались, главным образом, солдаты.

— Это вы проиграли войну, а не мы! — продолжал угрюмый здоровяк, приободрившийся при виде столь мощной поддержки. — А теперь вы хотите наказать нас за собственную трусость?

Джеймс Стюарт развернулся к нему:

— Довольно! Мы все потеряли близких и товарищей. — В словах сенешаля сквозила горечь утраты своего брата Джона. — Никто здесь не имеет преимущественного права на скорбь.

Воцарилась настороженная и враждебная тишина, которую нарушил чей-то голос.

— Я уже принял решение.

Присутствующие перенесли все внимание на Уильяма Уоллеса, а те, кто стоял в задних рядах, вытянули шеи, чтобы лучше видеть его.

— Большая часть нашей армии уничтожена. Если бы завтра началась новая военная кампания, мы бы не выстояли против англичан. Нам нужно собраться с силами. — Голубые глаза Уоллеса обежали собравшихся. Он на мгновение задержал взгляд на Роберте. — Сэр Гартнет прав. Пришло время обратиться за помощью к другим, если мы хотим продолжать борьбу. Я слагаю с себя полномочия местоблюстителя и хранителя Шотландии и отправляюсь во Францию. Мы не можем позволить королю Филиппу забыть о нашем альянсе, какие бы пакты он ни заключал с Англией. Из Парижа я поеду в Рим и добьюсь аудиенции у папы, чтобы обратиться к нему с личной просьбой. — Развернувшись, он вышел из круга, и мужчины расступились, чтобы дать ему пройти. На мгновение воцарилась мертвая тишина, которая в следующий миг взорвалась криками. Одни уговаривали Уоллеса передумать, другие просто пытались быть услышанными.

В воцарившейся сумятице Роберт выбрался из толпы. Уоллес шел впереди, широкими шагами удаляясь в сторону деревьев. Все последние дни, с того самого момента, как он прибыл в Лес, Роберт вел тайные переговоры с сенешалем относительно будущего хранителя. Он понимал, что, предлагая Уоллесу отойти в сторону, сенешаль расчищает ему путь к возвышению. Но сейчас он хотел проявить великодушие:

— Сэр Уильям.

Не останавливаясь, Уоллес оглянулся.

Роберт догнал его и пошел рядом. Сухие листья шуршали под их сапогами.

— Нам с вами не довелось поговорить с глазу на глаз, но я не стану отрицать, что вы многого добились за прошедший год. Вы создали армию из пастухов и фермеров, и все они преданы вам. Вы сделали из них воинов, научили сражаться, вложили копья им в руки и разожгли огонь в их крови. Они по собственной воле пошли за вами в бой. Победа под Стирлингом была выдающейся.

Уоллес внезапно остановился и развернулся к нему:

— А Фолкирк стал сокрушительным поражением. — Он перевел взгляд на оставшуюся позади толпу мужчин, которые продолжали громко спорить. — Они не выбирали меня своим королем или чиновником. Они выбрали меня своим генералом, а любой генерал хорош только до первого поражения. И когда они смотрят на меня сейчас, то видят лишь склоны холмов, усеянные телами наших павших воинов. Точно так же, как Стирлинг

воспламенил их сердца, Фолкирк надломил их. И я не хочу быть символом нашего поражения.

— То, что вы предлагаете, связано с риском. На пути во Францию вас будут подстерегать многочисленные опасности, особенно теперь, когда наши враги знают вас в лицо. Вы уверены, что король Филипп хотя бы предоставит вам аудиенцию?

Уоллес кивком указал на пожилого темноволосого мужчину, стоявшего в одиночестве чуть поодаль от шумного сборища и молча наблюдавшего за горячими дебатами.

— Вон тот мой человек был когда-то тамплиером. Он порвал с орденом, но в парижской штаб-квартире храмовников у него остались союзники, которые могут нам пригодиться. — Уоллес вновь повернулся к Роберту, впери в него пронизательный взгляд. — Я знаю, Джеймс Стюарт хочет, чтобы вас избрали нашим новым хранителем. Епископ Вишарт сказал мне об этом. Полагаю, что найдутся и другие, кто поддержит этот выбор. — Уоллес помолчал, а потом протянул испещренную шрамами руку.

Роберт принял ее.

Уильям Уоллес кивнул. Отвернувшись, он зашагал прочь и вскоре скрылся меж древних деревьев, и только мертвые листья шуршали у него под ногами.

Прошло уже четыре дня с того момента, как Уоллес сложил с себя полномочия хранителя Шотландии. Все это время продолжались споры о том, кто должен стать его преемником. Согласия среди собравшихся не было. В Лес постоянно прибывали все новые отряды — это скотты откликались на предложение принять участие в ассамблее. И все они лишь подливали масла в огонь разногласий.

На следующий день после отъезда Уоллеса Джеймс Стюарт раскрыл карты, предложив избрать хранителем Роберта. Его поддержали многие, и, в первую очередь, Джон, Гартнет и Александр. Вместе с сенешалем два графа и лорд образовали внушительную группу поддержки, с которой нельзя было не считаться. Но это не помешало другим оспорить кандидатуру Роберта, предлагая себя на его место. При этом многие по-прежнему убеждали Джеймса и Вишарта стать хранителями вместе.

К вечеру четвертого дня лорд сенешаль вновь обратился к собравшимся, приводя окончательные доводы в пользу избрания Роберта. В первых рядах мужчины сидели прямо на поросшей мхом земле, на бревнах и пнях, тогда как задние рассеялись среди обступивших поляну деревьев. Все притихли, и сенешаль возвысил голос, напоминая им о том, что за прошедшие шестнадцать месяцев Роберт не раз доказал свою преданность делу освобождения Шотландии из-под пяты короля Эдуарда. Подобно Уоллесу и Морею до него, молодой граф Каррик поднял знамя восстания, и поднял его очень высоко. Он освободил Эйршир от владычества Генри Перси и разгромил английские гарнизоны. Он привлек к себе многочисленных верных сторонников, показав себя отважным и благоразумным военачальником, и именно его меч лег на плечо Уильяма Уоллеса, возведя их предводителя в ранг рыцаря.

— Более того, — продолжал сенешаль, оглядываясь на Роберта, стоявшего в окружении своих людей, — он много потерял, посвятив себя нашему делу. Порвав с отцом, сэра Роберт был насильно разлучен со своей семьей и лишился богатого наследства. Сражаясь с людьми короля, он навлек на себя гнев Эдуарда, который сжег его владения в Аннандейле, причем не единожды. До нас дошли слухи о том, что, выступая маршем на север, король приказал разрушить Лохмабен.

Роберт сжал кулаки, стараясь совладать с ураганом чувств, который вызвали в нем слова сенешаля. Только появившись в лагере повстанцев неделей ранее, он узнал о трагической судьбе, постигшей Лохмабен. О масштабах разрушений пока еще ничего не было известно, но ходили упорные слухи о сожженных дотла городах и мужчинах и женщинах, которых убивали без разбору. В этих слухах повторялось одно и то же имя. Боэн. То, что его земли пострадали от руки бывшего друга, привело Роберта в состояние холодного бешенства. Поместья до сих пор формально принадлежали его отцу, но он сильно сомневался, что король Эдуард вспомнит о старом лорде, отправившемся доживать свои дни в Англии. Нет, нападению подвергся он один, и удар был нанесен в самое уязвимое и болезненное место.

— Дед сэра Роберта был одним из самых выдающихся дворян, когда-либо ступавших по нашей земле, — продолжал Джеймс. — Яростный крестоносец и убежденный сторонник мира, он пользовался безграничным доверием двух королей. И его внук унаследовал те же самые добродетели, которые, на мой взгляд, делают его самым подходящим человеком, чтобы возглавить борьбу нашего королевства за свою свободу.

Когда сенешаль закончил свою речь, Роберт сразу уловил заметные изменения в умонастроениях мужчин, на которых подействовали слова Стюарта. Одни кивали, задумчиво или в знак согласия, другие перешептывались со своими соседями, и лишь немногие отрицательно качали головами. Но сказать, как проголосует большинство, было решительно невозможно.

Вишарт вышел на середину круга. Его широкоскулое лицо было мрачным, но решительным. Он готов был до конца отстаивать кандидатуру Уоллеса, но теперь, когда тот сам сложил с себя полномочия, выступил в поддержку нового хранителя столь же горячо, как и сам сенешаль, хотя и не высказал открыто своих симпатий.

— Мы выслушали доводы «за» и «против» назначения сэра Роберта. Предлагаю всем вновь собраться через час, чтобы окончательно...

Из-за деревьев донеслись крики и звон уздечек. Епископ Вишарт развернулся в ту сторону, недовольно хмурясь оттого, что его прервали. Остальные тоже начали оборачиваться. Роберт повернул голову вместе со всеми и увидел, что к ним приближается конный отряд. Лошади были забрызганы грязью по самые ноздри, с боков у них срывались хлопья пены. Взгляд Роберта остановился на едущем впереди худощавом молодом человеке с гладкими черными волосами и волчьим лицом. Это был Джон Комин, сын лорда Баденоха. С ним было около тридцати человек, и на их щитах и накидках красовались самые разные гербы. У многих на красном поле белели три снопа пшеницы, другие носили изображение белого льва Галлоуэя. Охваченный дурными предчувствиями при виде своего личного врага, Роберт перевел взгляд на встревоженное лицо сенешаля.

Джон Комин спрыгнул с седла своего загнанного коня и двинулся через толпу, а его рыцари прокладывали себе дорогу следом. Войдя в центр круга, он окинул Роберта взглядом, исполненным холодного презрения, после чего развернулся к Вишарту и Джеймсу.

— Решение уже принято? — требовательно спросил он, и его высокий, высокомерный голос заглушил негромкие перешептывания в толпе.

Вишарт удивленно приподнял брови.

— Мы получили сообщение об ассамблее неделю тому, — пояснил Джон, заметив выражение лица епископа. — Мой отец занят укреплением наших замков на севере, поэтому прислал вместо себя меня. Вчера от одного из ваших патрулей я узнал, что сэр Уильям сложил с себя полномочия хранителя и что начались выборы его преемника. Мои люди и я

скакали всю ночь напролет, чтобы успеть вовремя.

Джеймс спокойно взглянул в лицо воинственно настроенного молодого человека.

— Сэр Роберт Брюс был выдвинут на эту должность.

— Он уже назначен? — пожелал узнать Комин.

— Нет, — вмешался Вишарт, прежде чем сенешаль успел ответить. — Еще нет.

— В таком случае я предлагаю на эту должность себя. — Джон Комин повернулся к людям Роберта и повысил голос, заглушая их гневные крики протеста. — У меня есть право быть выслушанным.

— Сэр Роберт — граф, — выкрикнул Александр Сетон. — А вы — всего лишь рыцарь. Его титул выше вашего.

Джон Комин набросился на него:

— Но я тоже сын и наследник одного из самых могущественных дворян нашего королевства, равно как и племянник самого короля. — Он обвел присутствующих высокомерным взглядом. — Кто-нибудь смеет отрицать это? — Когда никто ему не ответил, темные глаза Джона Комина удовлетворенно прищурились. — Знай мой отец о важности этой ассамблеи, он прибыл бы лично, но я готов стать хранителем вместо него.

— Я поддерживаю это предложение.

Как только прозвучал грубый и хриплый голос, из отряда Комина вперед принялся проталкиваться огромный мужчина с бочкообразной грудью и шапкой белых волос. Это был пожилой и воинственный граф Стретэйрн. Он числился ярым сторонником Уильяма Уоллеса и в прошлом году присоединился к нему во время рейда в Нортумберленд. Он был женат на сестре графа Бучана, главы Темных Коминов, и играл важную роль во времена прежнего царствования.

Роберт оглянулся на Джеймса Стюарта и по выражению отчаяния и бессилия на его лице понял, что Комину предоставят слово, и не в последнюю очередь потому, что на его сторону стал человек с репутацией Стретэйрна.

— В таком случае, вы должны сделать свое заявление прямо сейчас, сэр Джон, — высказался, наконец, сенешаль. — Мы не можем продолжать дебаты до бесконечности. Пока мы здесь теряем время, можно быть уверенным, что король Эдуард планирует очередную кампанию.

Требование сенешаля поторопиться с изложением своих притязаний явно привело Джона Комина в ярость, но он повернулся к собравшимся:

— Очень хорошо. — На мгновение он умолк, собираясь с мыслями, а потом заговорил.

Оказалось, он обладает хорошим слогом и ясностью мышления, что несказанно удивило Роберта, который всегда полагал молодого человека лишь бледной тенью своего могущественного отца.

Джон говорил о должности своего отца как юстициара Галлоуэя и одного из шести хранителей, избранных после смерти короля Александра. Он также упомянул о долгой и славной истории своей семьи и о той единодушной поддержке, которую они оказывают его дяде, королю Джону Баллиолу, надеясь вновь увидеть его на троне Шотландии. Это была умная речь, которая пробудила интерес во многих из тех, кто сейчас собрался на поляне, отчасти еще и потому, что Джеймс Стюарт ловко обошел молчанием возможность возвращения Баллиола на престол, когда выступал в поддержку Роберта.

— Я говорю от имени короля Джона, — закончил Комин. — Как должен вести себя любой, кто предлагает себя на роль нашего лидера. — С этими словами он посмотрел на

Роберта.

Удивления достойно, но именно один из людей Уоллеса, дюжий Гилберт де ла Хэй, лорд Эрролл, возразил против столь хвастливого и высокомерного заявления:

— Ваши речи стали бы сладкой музыкой для наших ушей, если бы это не Комины возглавили бегство дворян с поля боя при Фолкирке, бросив сэра Уильяма и его пеших солдат на растерзание английской кавалерии.

Роберт, шансы которого на избрание начали таять после выступления Комина, вновь ощутил проблеск надежды, особенно после того, как увидел, что Грей и Нейл Кэмпбелл закивали в знак согласия.

Джон Комин покраснел, но не замедлил возразить лорду Гилберту:

— По крайней мере, мой отец был при Фолкирке, присоединившись к своим соотечественникам. А человека, которого вы намерены назначить нашим хранителем, даже не было на поле боя! — Он ткнул пальцем в Роберта. — Быть может, самый обыкновенный страх помешал Брюсу влиться в наши ряды или же его давняя привязанность к королю Эдуарду помешала ему поднять меч?

Сенешаль и еще несколько человек запротестовали было, но голос Роберта прозвучал громче всех:

— Если против меня свидетельствует моя прошлая лояльность к королю Эдуарду, то в таком случае против тебя говорит твое нынешнее положение. В конце концов, ты ведь женат на кухне короля и состоял у него на службе еще совсем недавно, в отличие от меня.

— Мой брак аннулирован с того момента, как мы с отцом нарушили королевский приказ, что и собирались сделать, едва только он освободил нас из Тауэра, — заявил Джон Комин, не обращая внимания на презрительное улюлюканье Эдварда Брюса. — Джоанна и мои дочери находятся в Англии. Ради блага своего королевства я отказался от жены и детей. А чем пожертвовал ты?

Жаркие дебаты продолжались, перекинувшись с Роберта и Джона, оказавшихся в самом центре толпы, на периферию, захватив всех без исключения присутствующих на ассамблее. Сенешаль и Вишарт пытались поддержать хотя бы подобие порядка, но вскоре охрипли в безнадежной попытке перекричать остальных. Роберт, отведя горящий ненавистью взгляд от Комина, увидел вздетые кулаки и орущие глотки. Люди Комина противостояли его рыцарям. Его брат уже положил руку на свой меч, и его примеру последовал Джон Атолл. Дунгал Макдуалл вообще успел обнажить свой клинок. Уголкем глаза Роберт заметил худощавую, жилистую фигуру в черной накидке, пробирающуюся сквозь толпу. Он успел разглядеть под капюшоном гладкий, чисто выбритый подбородок молодого человека. Остановившись в центре круга, тот откинул капюшон, являя на всеобщее обозрение выразительное лицо и тонзуру на голове. Один глаз у него был голубым, а другой — каким-то странным, молочно-белым. Прошло несколько мгновений, прежде чем на него обратили внимание.

Вишарт, жарко спорящий со Стретэйрном, умолк на полуслове. Выражение его лица изменилось, а рот приоткрылся от удивления:

— Господи помилуй, Ламбертон, я уж думал, что вы умерли!

Услышав радостный вопль епископа, мужчины затихали один за другим. В конце концов, глаза всех присутствующих устремились на пришельца. Услышав его имя, Роберт сообразил, что это, должно быть, и есть Уильям Ламбертон, человек, которого Вишарт и Уоллес назначили епископом Сент-Эндрюским, поставив его во главе самой большой

епархии королевства.

— Моя поездка в Рим затянулась, — ответил Ламбертон. Он говорил, не повышая голоса, но в нем ощущалась такая властность и сила, что последний ропот недовольства быстро стих и воцарилась тишина. — Но я вернулся к вам, посвященный в сан епископа перед лицом Господа нашего рукой Его Святейшества, папы Бонифация. И, похоже, — добавил он, обводя горящим взглядом собравшихся, — в самое подходящее время.

Вишарт оглядел Ламбертона с головы до ног:

— Какой счастливый случай привел вас к нам, друг мой?

— Хороший вопрос, — сказал Ламбертон со скупой улыбкой, — на который я отвечу как-нибудь в другой раз. — Он огляделся по сторонам. — Я слышал кое-какие из прозвучавших здесь предложений. Предлагаю избрать хранителями и сэра Роберта Брюса, и сэра Джона Комина. Если этот вопрос разделит людей королевства, в чем нет сомнения, то почему тогда не устранить предмет раздора и не объединить двух мужей, которых вы все поддерживаете, если не одного, так другого? — Не дождавшись возражений, Ламбертон продолжал, и голос его окреп и зазвучал с новой силой. — Нам, как воздух, нужно единство. Мне удалось заручиться поддержкой нашего дела Его Святейшества в Риме, но, находясь в Париже, я узнал о том, что между Англией и Францией заключено официальное перемирие.

— Мы тоже слышали об этом, Ваше преосвященство, — заметил Джеймс Стюарт.

— Все обстоит гораздо хуже, чем вам представляется, лорд сенешаль, — возразил Ламбертон. — Перемирие на деле означает постоянный альянс, который будет скреплен в будущем году женитьбой короля Эдуарда на Маргарите, сестре короля Филиппа. По этому соглашению все наши прежние договоренности с королем Филиппом аннулируются. Шотландия осталась одна.

Роберт присел на корточки на лесной прогалине. Подняв с земли сучок, он откинул капюшон своей зеленой накидки, чтобы лучше видеть. Вокруг него полукругом стояли полтора десятка человек, одетых так же, как и он, в грязно-зеленые накидки поверх хауберков, чтобы скрыть блеск стали. Из-под зеленого полога листьев у них над головой доносилось щебетание черных дроздов, встревоженных появлением людей. В просветы между густо переплетенными ветвями виднелось выцветшее от жары небо. Деревья защищали людей от безумной ярости дневного светила, но влажный и душный воздух буквально кишел насекомыми, которые причиняли им невыносимые страдания: комарами и мошками, лезущими в глаза и рот, клещами и вшами, забравшимися под кожу и сводившими с ума чесоткой на голове и в паху.

— Как мы знаем, повозки поедут этой дорогой, — сказал Роберт и провел черту сучком по сухой земле. — Они направляются в Роксбург. — Он ткнул палочкой в камень, лежавший у окончания грубой пунктирной линии, прежде чем нарисовать кружок на другом ее конце. — Сэр Джеймс со своими людьми будут наблюдать за ними вот отсюда. Местность там возвышенная, и им будет хорошо видна вся дорога. А наши силы, тем временем, будут ждать здесь. — Он нарисовал два крестика на земле по обе стороны от линии. — Хотя мы не знаем, когда именно появятся англичане, но лазутчики уверяют, что это случится сегодня после полудня, во всяком случае, до наступления ночи уж точно. Сэр Джон и его люди

прошлись по дороге пешком. — Он поднял голову и взглянул на свояка, который утвердительно кивнул.

Вьющиеся черные волосы Атолла скрывал капюшон накидки. На лице его читалось напряженное внимание.

— По нашим расчетам, обозу понадобится около десяти минут, чтобы достичь наших позиций после того, как он минует отряд сенешаля.

Роберт встретил темный взгляд Джона Комина.

— Насколько я понимаю, вы выделили человека, который будет ждать сигнала от сэра Джеймса?

Бледное лицо Комина было мрачным.

— Наблюдением займется Фергус, — пробормотал он, кивнув на одного из своих людей, жилистого, атлетически сложенного скотта, который стоял, скрестив руки на груди.

Роберт обвел взглядом остальных спутников Комина. Большинство из них были рыцарями, включая нескольких воинов из Галлоуэя. На их лицах было написана угрюмая враждебность, которая, как он прекрасно понимал, была вызвана не приближающимся врагом, а тем, что напротив них стояли его собственные люди. Что касается последних, то его план внимательно слушал лишь Атолл. Гартнет хмурился, Александр Сетон думал о чем-то своем, Кристофер сдерживался из последних сил, не сводя глаз с людей Комина, а Нейл Кэмпбелл вообще равнодушно ковырял в зубах прутиком, заострив его своим кинжалом. Эдвард в упор смотрел на Джона Комина, и в глазах его полыхала жаркая ненависть.

— Хорошо, — угрюмо обронил Роберт, возвращаясь к линии, которую он провел на земле. — Сенешаль даст англичанам пройти в ловушку, прежде чем перекрыть им путь к отступлению. А мы захлопнем капкан и, — Роберт умолк, расслышав чье-то невнятное бормотание. Взгляд его остановился на Дунгале Макдуалле, который стоял справа от Комина в кольчужном хауберке до середины бедра, выглядывающем из-под коричневой накидки. — Вы что-то хотели сказать?

Макдуалл, не дрогнув, встретил его взгляд:

— Я думаю, это очень рискованно — устраивать засаду в непосредственной близости от замка. Если гарнизон Роксбурга узнает о нашем нападении, они могут сделать вылазку. Почему бы сенешалю не напасть первым, а уже после мы придем к нему на помощь?

Прежде чем Роберт успел ответить, в разговор вмешался Эдвард:

— Мы уже обсуждали ваши возражения, Макдуалл. Или вы пропустили мимо ушей все, что мы говорили?

Роберт метнул на брата предостерегающий взгляд и поднял руку, когда Макдуалл прошипел сквозь зубы что-то нелицеприятное.

— Это самое лучшее место для засады. — Он жестом обвел леса вокруг. — Местность достаточно удобная для лошадей, и мы можем напасть одновременно с обеих сторон. Мы знаем, что обоз хорошо охраняется. Лазутчики сообщают, что с повозками идут тридцать конных воинов и почти вдвое больше пеших, плюс возчики. Нет. Мы нападём именно здесь. Если будем действовать быстро, то сможем уничтожить их припасы и скрыться в Лесу до того, как гарнизон в Роксбурге сможет организовать вылазку.

Дунгал прошептал что-то на ухо Джону Комину, а Роберт раздраженно отмахнулся от мухи, назойливо жужжавшей у самого лица. Жара была липкой, как патока, так что даже дышать было тяжело. Он вдруг вспомнил склоны холмов в Уэльсе, утопающие в снежном плену, сполохи пламени в ночи, мертвые тела, лежащие вокруг повозок, раненых лошадей,

упавших на передние ноги, и их жалобное ржание. Он планировал свою засаду, держа в уме короткую схватку у Нефина, но не мог отрицать того, что здесь и сейчас все было по-другому и им грозила намного большая опасность, чем валлийцам, которые всегда могли ускользнуть в горы. Начать с того, что сейчас стоял белый день, а местность, хоть и достаточно ровная для их лошадей, с равной легкостью позволяла противнику преследовать их, если что-то пойдет не так. Слова Дунгала пробудили в нем червячок сомнения, который зашевелился у Роберта в душе. Замок Роксбург был битком набит умирающими от голода английскими солдатами, отчаянно нуждающимися в продовольствии, которое должен был доставить им обоз. Брюс постарался отогнать прочь сомнения. Все пройдет, как надо. Выпрямившись, он отшвырнул сучок и встретился взглядом со своим коллегой-хранителем.

— Ты со мной, Джон? Я должен знать.

После короткой паузы Комин стиснул зубы и коротко кивнул.

— За Фолкирк, — сказал Роберт, протягивая ему руку.

Джон принял ее. Их ладони соприкоснулись на мгновение, а потом быстро разжались.

Обе группы покинули лощину. Комин со своими людьми направился к дороге, по другую сторону которой, на некотором удалении от нее, вместе с лошадьми ждала его остальная часть отряда. Роберт с рыцарями углубился в лес, и в выцветшем от жары небе над ними беспокойно закружились птицы. У самой дороги деревья редели, и укрыться там было негде, что грозило нешуточными неприятностями, если англичане вышлют впереди обоза лазутчиков, которые могут засечь их и поднять тревогу. Роберт намеревался отвести оба отряда как можно дальше от дороги, чтобы их было не видно и не слышно, и уже на безопасном расстоянии дожидаться сигнала сенешаля.

Когда они уходили от лощины, Эдвард оглянулся.

— Держу пари, этот трусливый пес Макдуалл намерен оспаривать каждое твое решение.

Роберт взглянул на него.

— Ты же не станешь винить его за то, что он нас ненавидит. Наш отец убил его отца.

Эдвард беззаботно передернул плечами:

— Его отец первым напал на нашего. Чего еще он ожидал? Кроме того, это было давно.

Роберт не ответил, а погрузился в сосредоточенное молчание, отводя от лица ветки. На прогалине впереди их поджидала остальная часть его отряда, составленная, главным образом, из рыцарей Каррика, включая Несу и Уолтера, и усиленная людьми Атолла и Мара. Всего их было шестьдесят человек, чего, в сочетании с отрядом Джона Комина, вполне должно было хватить для победы над англичанами, которых насчитывалось человек восемьдесят, вряд ли больше.

— Наблюдатель на посту? — поинтересовался Роберт, подходя к Уолтеру и с благодарностью принимая кружку пива, которую протянул ему Нес.

Уолтер кивнул на высоченный древний дуб, и сквозь переплетение ветвей Роберт увидел ноги человека, свисающие по обе стороны толстого сука почти на самой вершине.

Допив пиво, Роберт опустился на землю и принялся ждать. Сигнал мог прозвучать и через несколько часов. Следовало отдохнуть, пока есть такая возможность. Вокруг них расстилалась густая чащоба, и в просветы в зеленой кроне деревьев на землю падали яркие столбы солнечного света. Сейчас они находились на самой южной оконечности Селкиркского леса. Здесь, на границе, росли преимущественно дубы, орешник и березы, в отличие от сердца Леса, в темной глубине которого высились корабельные сосны. Лесной массив перемежался холмами, поросшими вереском, и глубокими долинами, из которых в

самых неожиданных местах торчали шпили монастырей и башни замков, выстроенные из одинакового розоватого камня.

Привалившись спиной к стволу, Роберт окинул взглядом своих людей, которые пустили по кругу бочонок с пивом и негромко разговаривали о чем-то. Все они были мокрые от пота и грязные, а одежда после долгих месяцев скитаний по Лесу превратилась в лохмотья и перепачкалась. Многие отпустили бороды, не имея достаточно времени, чтобы побриться. Роберт потерял свой колючий подбородок, заросший щетиной, решив, что и он, должно быть, выглядит не лучше.

На протяжении последних десяти месяцев, с тех пор как они с Джоном Комином были выбраны хранителями, оба начали затяжную войну с гарнизонами замков, которые до сих пор удерживали в своих руках англичане и которые оказались предоставлены сами себе после того, как король Эдуард увел свою армию через границу. Не имея в своем распоряжении осадных машин, скотты не могли предпринять полномасштабного штурма и вместо этого постарались перерезать пути снабжения замков продовольствием. Поговаривали, что англичанам в Стирлинге уже грозит голодная смерть. С Божьей помощью и Роксбургу уготована такая же участь, если им повезет сегодня. Добиться победы было бы очень желательно, поскольку замок занимал стратегическое положение. Находясь рядом с границей, он служил плацдармом, с которого Эдуард начал военную кампанию годом ранее.

Глядя на своих людей, Роберт встретился взглядом с Кристофером Сетоном. На Рождество Роберт посвятил молодого человека в рыцари в награду за его верную службу на протяжении двух последних лет. Поначалу оруженосец, кажется, чувствовал себя не в своей тарелке от оказанной ему чести, чем изрядно удивил Роберта, но теперь, похоже, Кристофер уже вполне освоился в новой ипостаси рыцаря. Остальные тоже приспособлялись к затяжной войне, кто как мог, и у одних это получалось лучше, чем у других. Его брат и Александр Сетон чувствовали себя в Лесу, как дома, планируя засады и налеты, и жили исключительно сегодняшним днем. То же самое относилось и к Джону Атоллу, оруженосцем у которого служил его сын Дэвид, хотя граф явно скучал о своей супруге, которая оставалась в лесном лагере вместе с женщинами и детьми. Роберт тоже оставил там Марджори на попечении Джудит и Кристины. После ухода Катарины кормилица изменилась на глазах и, похоже, получала настоящее удовольствие, ухаживая за его дочерью. А вот Гартнету приходилось труднее всего, он так и не смог прижиться в лесу, частично оттого, что презирал эту тайную войну, которую они вели, — партизанщину, как он называл ее. Но даже он вынужден был признать, что альтернативы у них пока нет. После поражения при Фолкирке о столкновении в открытом бою не могло быть и речи. У них не было ни достаточно сил, ни единоличного лидера, наподобие Уильяма Уоллеса, который сейчас находился за границей, сражаясь за их свободу в словесных баталиях при дворе короля и папы.

Роберт перенес свое внимание на брата, который сидел рядом с Нейлом Кэмпбеллом. Они были очень похожи — оба обладали буйным и пылким нравом, приправленным чувством тонкого и злого юмора. Роберт не удивлялся тому, что они сдружились. Сам он долго привыкал к Кэмпбеллу, одному из самых ярких сторонников Уоллеса, но при этом не мог не заметить подлинного бесстрашия рыцаря и его навыков умелого бойца, так что со временем обнаружил, что у них намного больше общего, чем он предполагал. Нейл присоединился к Уоллесу в самом начале восстания, после того как земли его семьи в Лохейве были сожжены Макдуаллами. На западе война, вспыхнувшая два года тому между

Макдуаллами, союзниками Коминов и Баллиола, и Макдональдами, лордами Ислея, все еще поддерживающими короля Эдуарда, продолжалась невозбранно до сих пор. Глава рода Макдональдов недавно был убит, и ему наследовал Ангус Ог — тот самый юноша, который предложил Роберту свою ложку много лет тому на празднестве в замке Тернберри. Сожженные земли и потеря наследства объединили в добровольном изгнании Нейла и Роберта, который до сих пор не мог оправиться после разрушения Лохмабена. Впрочем, подобные нити связывали многих.

Король Эдуард так и не вернулся, чтобы довершить начатое разрушение страны, хотя слухи о том, что он готовит новую кампанию, ширились и множились. Однако же, он не терял времени даром и издали раздавал конфискованные земли своим баронам. Граф Линкольн получил владения Джеймса Стюарта, Клиффорду был пожалован юго-западный замок Карлаверок, а Перси обзавелся еще несколькими крепостями в бывшей вотчине Баллиола. В данный момент, впрочем, и до тех пор, пока англичане не смогут установить контроль над всем королевством, бароны едва ли могли вступить во владение своими новыми территориями, поскольку угроза нападения скоттов оставалась весьма реальной.

Глядя на своих людей, отдыхающих на поляне, Роберт в который уже раз задумался над тем, куда он их ведет за собой. Еще в Ирвине, принимая решение бороться за трон, он понимал, что ему предстоит долгий и нелегкий путь, но только теперь он спрашивал себя, а не слишком ли долгий. «Всему свое время, — благоразумно ответил ему Джеймс, когда Роберт поинтересовался у сенешаля, когда, по его мнению, ему следует открыто заявить о своих притязаниях на верховную власть в королевстве. — Запасись терпением и предоставь событиям идти своим чередом». Но естественный порядок вещей, как оказалось, означал политические интриги, нападения на пути подвоза продовольствия, нагнетание напряжения. И бесконечное ожидание.

Солнце обошло круг по небу и сейчас пекло Фергусу шею. Кожа у него чесалась, а по спине стекали струйки пота. Он отмахнулся от осы, назойливо вившейся вокруг него. Но большое насекомое ловко увернулось. Свет и тени играли в прятки на бугристой коре дуба-великана, и солнечные лучи поблескивали на панцирях жучков, деловито сновавших по стволу. Сквозь ветки под собой он видел внизу головы людей и лошадиные крупы. Он выбрал хорошее место для наблюдения, ветки дуба расходились в стороны, открывая ему прекрасный обзор на юг и восток, поверх пышной летней зелени деревьев. Время от времени он поглядывал на дорогу, взбирающуюся на холм вдалеке. А сзади, если обернуться, в просветах листвы можно заметить проблески розоватого камня на бастионах замка Роксбург.

Потирая шею, Фергус прищурился. Солнечный свет, бивший сквозь ветки на верхушке дуба, больно резал глаза. Похоже, если он поднимется чуть выше, то обзор останется таким же хорошим, зато густая листва укроет его от солнца. Виски у него уже ломило от жары. Поразмыслив, он подтянулся на руках и встал ногами на ветку, на которой просидел последние два часа. Ступни у него онемели и болезненно заныли, когда к ним устремилась кровь. Снизу долетел чей-то голос.

— Фергус! Сигнала еще не было?

— Нет, — откликнулся он, глядя в запрокинутое лицо одного из людей Комины. — Мне надо сменить позицию. Я полезу выше. — Схватившись руками за ветку над головой, он полез вверх, одновременно не выпуская из виду поросший лесом холм вдалеке, на котором

расположились люди сенешаля. Противное жужжание подсказало ему, что оса вернулась, но он не стал обращать на нее внимания, упрямо взбираясь все выше. Добравшись до развилки, он перебрался на другую сторону дерева. На такой высоте ветки стали значительно тоньше, но все еще оставались достаточно прочными, чтобы выдержать его вес. Выбрав одну, с которой открывался вид на восток, но которая одновременно загоразживала его от солнца, светившего с запада, Фергус уселся на нее и стал продвигаться поближе к стволу. Откуда-то вдруг послышалось низкое грозное гудение. Проклятые осы. Вокруг него закружилась еще парочка, и их жужжание показалось ему оглушительным. Выругавшись, он отмахнулся от одной, но она опять увернулась. Фергус следил за ней прищуренными глазами, готовясь прихлопнуть маленькую тварь, как только та вздумает вернуться. И вдруг он замер, а глаза его превратились в щелочки. Вокруг тонкой ветки прямо под ним кружилось уже несколько десятков ос. Сквозь густую листву он разглядел большой, светлый мешок.

Фергус замер, завидев гнездо. А к нему, тем временем, подлетали все новые и новые осы. Одна уселась ему на ногу, и он сердито смахнул ее. Но оса вернулась, выписывая зигзаги у него перед самым носом, и ее сердитое жужжание эхом отозвалось у него в ушах. Фергус яростно затряс головой и выругался. Ему нельзя больше здесь оставаться. Эти дьяволы не дадут ему спокойно наблюдать за дорогой. Жалея о том, что нелегкая понесла его выше, он ухватился за ветку над головой и поднялся на ноги, намереваясь дойти до развилки ствола и спуститься на старое место. Взявшись второй рукой за соседний сук, чтобы не потерять равновесия, он вдруг ощутил резкий укол. Он инстинктивно отдернул руку, успев заметить на ладони раздавленную осу. В это самое мгновение что-то больно кольнуло его сзади в шею. Охнув, Фергус хлопнул по тому месту ладонью, и от резкого движения нога у него сорвалась с ветки. Неловко качнувшись вперед, он всем телом навалился на тонкую ветку под собой. Раздался громкий треск и шелест листьев, когда та сломалась. Чувствуя, как ветка выскользывает из-под него, он рванулся вперед. Вцепившись в ветку над головой, Фергус, с трудом переводя дыхание, смотрел, как сломанный сук полетел вниз, ударяясь о другие ветки. Низкий грозный гул сменился высоким раздраженным гудением. Фергус заорал, чтобы предупредить товарищей, но было уже слишком поздно. Ветка упала на мшистую землю, мешок лопнул, и из него вылетел целый рой рассерженных ос. Через несколько мгновений тишину леса нарушили крики людей и испуганное ржание лошадей.

Вдалеке над лесом в голубое небо взмыли три стрелы. Описав полукруг, одна за другой, они упали на лесистый холм, с которого сбегала дорога на Роксбург.

По другую сторону дороги, глубоко в чаще леса, с толстой ветки вяза донесся свист. Роберт моментально вскочил на ноги, и всю его сонливость как рукой сняло. Подняв голову, он увидел, что наблюдатель машет ему рукой. Пора. Повинуясь жесту, его люди торопливо допили пиво. Разговоры смолкли. Поднимаясь на ноги, они поспешно направлялись к тому месту, где были привязаны их лошади. Кое-кто задержался и скрылся в кустах, чтобы опорожнить мочевой пузырь, пока оруженосцы отвязывали поводья. Птицы, убаюканные послеполуденным зноем и затишьем, вновь переполошились при виде внезапной активности в доселе сонном лагере.

Подойдя к Хантеру, Роберт надел шлем поверх кольчужного подшлемника и войлочной шапочки, чувствуя, как сталь крепко обняла его голову. Издалека, со стороны лагеря Комина, до него донеслось ржание лошадей.

— Неужели эта деревенщина не может справиться со своими конями? — требовательно спросил Эдвард. Поднявшись в седло, он выхватил из ножен меч.

— Англичане услышат нас за целую милю, — проворчал Александр.

Вдев ногу в стремя, Роберт оседлал коня. На лице у него была написана непоколебимая решимость. Наконец, до его слуха донесся грохот колес. Ему уже доводилось передвигаться вместе с обозом, и он знал, какой невообразимый шум поднимают телеги на плохой дороге.

— Из-за грохота своих повозок они ничего не услышат, — сообщил он остальным, подбирая поводья Хантера одной рукой, на которой уже висел щит, а другой обнажая клинок. — С Божьей помощью, этот же шум скроет и наше приближение, пока мы не окажемся рядом с ними. — Он толкнул Хантера коленями, посылая жеребца вперед. Его люди развернулись за ним в цепь, пробираясь меж деревьев. Когда он взглянул на Джона Атоллу, тот мрачно улыбнулся в ответ и потянул из ножен меч. Дыхание рыцарей с шумом вырывалось сквозь опущенные забрала. Они ждали появления противника.

Грохот колес приближался, перемежаемый сухим стуком копыт. Ржания коней Комина более не было слышно. Отогнав прочь все ненужные мысли, Роберт сосредоточился на том единственном, что ему сейчас предстояло, подобно лучнику, берущему прицел. Рыцари замерли рядом с ним, а позади них выстроились пешие воины с короткими мечами и топорами. Нес явно нервничал, но сжимал в отставленной руке обнаженный клинок и был готов, если потребует, следовать за Робертом хоть в ад. Уолтер тоже держался поблизости. Оруженосец, поставленный наблюдателем, чья задача заключалась в том, чтобы рассчитать время между тем, как они увидят сигнал, и тем моментом, когда обоз окажется прямо напротив них, соскользнул с дерева и кивнул.

Роберт пустил Хантера шагом, и его люди тронулись с места вместе с ним, растягиваясь цепочкой, когда впереди показались густые кусты и подлесок. Рыцари пригибались под низко нависающими ветвями, держа лошадей на коротком поводу. Кони прядали ушами и возбужденно мотали головами, чувствуя охватившее их хозяев напряжение, но всадники умело управляли ими. Миновав строй дубов и вязов, Роберт пустил Хантера легкой рысью, и остальные последовали его примеру. Лес наполнился грохотом повозок и стуком копыт. Когда деревья впереди поредели и расступились, мужчины дали шпоры своим коням, переводя их в галоп. Над головами со свистом пролетали ветки, трещали под копытами сучья и ветки кустов, сквозь которые всадники ломались напролом. В прорехах лиственного покрова искрилось солнце. Лошади выкатили глаза, ноздри у них раздувались. Впереди, меж деревьев, уже были видны тяжеловесные и неуклюжие повозки и яркие пятна накидок.

Когда они вылетели из леса и понеслись к дороге, Роберт раздвинул губы в зловещем оскале и заревел:

— *За Шотландию!*

Англичане, завидев их, резко разворачивали своих коней, с громкими криками выхватывая мечи из ножен. Пехотинцы, носившие на рукаве красный крест Святого Георга, обнажили оружие и сгруппировались перед повозками, готовясь защищать ценный груз. Ломовые лошади, запряженные в десять повозок, груженных ящиками, мешками и бочками, испуганно заржали, и возницы встали на облучках, стараясь укротить их. Отряд Роберта атаковал их с правой стороны, и рыцари громкими криками подгоняли своих скакунов вверх по небольшому склону, торопясь выскочить на дорогу.

Роберт направил Хантера прямо на рыцаря, возглавлявшего обоз, одетого в черное с синим крестом на щите. Он взмахнул мечом, и отблески заходящего солнца заиграли на

длинном лезвии. Рыцарь успел подставить щит, и меч Роберта с треском врезался в дерево. Но времени поднять предличник шлема у англичанина не было, и Роберт видел, как исказилось от напряжения его лицо, когда он щитом отвел его клинок в сторону и нанес удар, целясь Роберту в бок. Лезвие его меча со скрежетом врезалось в щит Роберта, оставив глубокую зарубку на красном шевроне. Рыцарь выплюнул короткое ругательство сквозь стиснутые зубы и нанес новый удар. Его клинок встретился с мечом Роберта в воздухе, но лязг стали почти утонул в шуме боя. Под скрежет металла Роберт завалил лезвие чужого меча вперед и вниз. Их кони столкнулись грудью, злобно оскалив зубы. Встретив лезвие меча рыцаря своей гардой, ^[66]Роберт вывернул руку, отводя клинок рыцаря в сторону и заставляя того потерять равновесие. А потом, резко отпрянув назад, пока рыцарь еще нетвердо сидел в седле, не успев выпрямиться, он выдернул сапог из стремени и нанес тому мощный удар в бок. Рыцарь, и без того опасно наклонившийся с седла, с криком рухнул на землю. Морда его коня резко дернулась в сторону, когда он, падая, не выпустил поводья из рук.

Когда рыцарь с грохотом доспехов приземлился в пыль, его жеребец вырвался и встал на дыбы, молотя передними копытами по воздуху. Скользящий удар пришелся Хантеру в шею, отчего конь споткнулся и заржал от боли. Роберт, одна нога которого все еще искала стремя, полетел вперед, через голову Хантера. Упав на землю, он откатился в сторону, как раз вовремя, чтобы избежать удара копытом ломовой лошади, запряженной в повозку. С шумом выдохнув воздух, он подхватил с земли свой меч, и в это мгновение рыцарь, у которого из разбитого носа хлестала кровь, с трудом поднялся на ноги и, злобно оскалившись, бросился на него. За его спиной Роберт мельком увидел мешанину цветов и смазанные движения — это вдоль всего обоза его люди схватились с англичанами. Ему хватило этого мгновения, чтобы понять: Комина и его людей нигде не видно; это мгновение наполнило его холодным ужасом, но тут рыцарь атаковал его, и он бросился вперед, занеся меч над головой и нанося страшный удар справа.

Схватка была жестокой. Элемент неожиданности, сыгравший на руку скоттам, прошел, и англичане, оправившись от шока, быстро выстроились в боевые порядки и дружно пошли вперед. Рыцари парировали и наносили удары, а их кони сталкивались в одиночных стычках. Пешие солдаты безжалостно осыпали друг друга ударами, сойдясь врукопашную; они валили врагов на землю, с размаху наступая им на пальцы, круша челюсти рукоятями мечей и втыкая короткие кинжалы в горло и под ребра. Повсюду лилась кровь, и лошади кричали от испуга и боли. Отряд Роберта действовал решительно, но без людей Комина англичане превосходили их числом. Прошло всего несколько минут, а фортуна уже начала поворачиваться к ним спиной: несколькими шотландским рыцарям пришлось сражаться с двумя противниками сразу. Джон Атолл в бешенстве рычал, сражаясь с конным рыцарем, одновременно пытаясь отбиться от пехотинца, который атаковал его с земли. Кто-то из англичан крикнул вознице головной повозки, чтобы тот прорывался к замку за подмогой. Выполняя полученный приказ, тот щелкнул кнутом над спинами животных, и лошади рванулись вперед. Повозка, подпрыгивая на ухабах и кренясь, набирая скорость, помчала по дороге в сторону Роксбурга.

Роберт схватился с одетым в черное рыцарем и вдруг заметил, как прямо на него несутся две ломовые лошади. Он едва успел отпрыгнуть в сторону, как повозка с грохотом промчала между ними. На мгновение он в полном одиночестве оказался на левой обочине дороги, тогда как схватка продолжалась на правой стороне. Он обернулся к лесу и,

задыхаясь, принялся звать Комина. Ему показалось, что он расслышал далекие крики, но тут мимо него на полном ходу промчалась еще одна повозка.

Эдвард Брюс загнал свой меч в горло пехотинцу, который перед этим нанес ему укол в ногу, и вдруг увидел, как повозки пришли в движение и возницы щелкают кнутами, погоняя лошадей. Он дал шпоры коню и погнался за ближайшей телегой, которая, гроыхая, катилась сквозь кровавый хаос. Поравнявшись с ломовыми лошадьми, Эдуард разрубил клинком построжки. Он закричал, когда возница замахнулся на него кнутом, жало которого вонзилось в круп его коня, оставив на шкуре ярко-красную полосу, отчего бедное животное сорвалось в галоп. Освободившаяся от упряжи лошадь рванула к лесу, оставив свою товарку в одиночестве тащить повозку. Нейл Кэмпбелл, с ходу раскусив план Эдварда, пустился за повозкой в погоню и перерубил построжки с другой стороны. Несколько шотландских пехотинцев прорвались сквозь ряды англичан и вскочили на задки телег, перебираясь через кучи мешков и сундуков, чтобы добраться до возчиков. Две повозки развернулись и покатали обратно в ту сторону, откуда приехали. Несколько английских рыцарей бросились сопровождать их, не подозревая, что направляются прямо в объятия Джеймса Стюарта.

И вдруг с левой стороны показалась неровная линия всадников. Роберт, успевший запрыгнуть на задок повозки, направляющейся в замок, увидел, как они движутся между деревьев. Возглавлял их Джон Комин. Он заорал ему, что надо остановить удирающие повозки, а сам полез вперед, чтобы разобраться с возницей. А повозка, опасно подсакивая и кренясь на ухабах, бесстрашно неслась вперед. Роберта тряхнуло, и он едва не свалился на землю. Выругавшись, он вцепился в борт обеими руками, а потом подтянулся повыше и обрушился сверху на возницу. Тот попробовал оказать сопротивление, но Роберт нанес жестокий удар мечом, и погонщик полетел на землю, кубарем скатившись с облучка и сломав шею. Перепуганные лошади понесли, и Роберту пришлось отложить в сторону меч и взяться за вожжи. К тому времени, когда он, наконец, сумел остановить обезумевших лошадей, отряд Комина выехал из леса и атаковал оставшихся с обозом англичан. Но из десяти повозок шести удалось ускользнуть; четыре прорвались в Роксбург, а еще две повернули обратно тем же путем, что приехали сюда.

Взмокший от пота, Роберт спрыгнул с облучка и медленно побрел к своим людям. Опустив предличник шлема, он сплюнул пыль и кровь изо рта. Дорогу перед ним усеивали трупы. Среди людей лежали несколько мертвых лошадей, и ноги у одной еще слабо подергивались. На мгновение Роберту показалось, что это Хантер, но потом он увидел Неса, который держал под уздцы его жеребца. Сам оруженосец сидел верхом на своем коне, сжимая в опущенной руке окровавленный меч. Шагая напрямик к Комину, который спешил на заваленной трупами обочине, Роберт миновал его стяг, вяло повисший без ветра, и уставился на молодого рыцаря из Каррика, который оставался с ним еще с самого Карлайла. Он присел рядом с ним на корточки. Из шеи Уолтера торчал кинжал, и ворот его туники пропитался кровью. Глаза юноши мертво смотрели в блеклое небо над головой.

Роберт повернулся к Комину, чувствуя, как на него накатывает бешенство. Остальные воины с трудом поднимались на ноги или устало соскальзывали с седел на землю. Его люди уже собрались напротив отряда Комина, и Атолл гневно кричал что-то в лицо Дунгалу Макдуаллу. В бешенстве подскочив к Комину, Роберт даже не обратил внимания на то, что лица и руки его людей покрывают красные пятна и что в отряде его злейшего врага недостает нескольких человек. Кровь у него еще не остыла после боя, и ему стоило невероятных усилий с маху не ударить Комина в лицо и не опрокинуть на землю, пиная

ногами. Вместо этого он подошел к нему вплотную и выплюнул, глядя тому прямо в лицо:

— Где ты был? Я потерял двенадцать человек, сукин ты сын!

Темные глаза Комина превратились в щелочки, когда он с яростью уставился на Роберта.

— А я потерял десятерых!

Дунгал Макдуалл отошел от Атоллы и встал рядом с Комином. Лицо его покрывали лиловые вспухшие пятна.

— На нас напали осы.

— Осы? — издевательски переспросил Эдвард, останавливаясь возле брата. — Если бы это были львы, я, возможно, даже пожалел бы тебя. — Он обернулся к остаткам отряда Роберта. — Мы сражались с людьми, пока они воевали с насекомыми! — Эдвард перевел взгляд на Комина. — Как это похоже на твою семью — любой ценой избежать участия в драке! А кто напал на вас при Фолкирке? Муравьи?

Кое-кто из людей Роберта рассмеялся, грубо и оскорбительно, Комин покраснел до корней волос, а Дунгал шагнул вперед и ударил Эдварда. Вернее, попытался ударить, потому как тот ловко увернулся, а потом врезался в своего обидчика, опрокинув того на землю. Рыцари Комина закричали и бросились вперед, видя, что Эдвард уселся верхом на капитана Галлоуэя и принялся избивать, нанося ему в лицо удары с обеих рук. В драку вмешались люди Роберта; те, кто уже успел сунуть мечи в ножны, вновь обнажили их. Но тут издалека донесся стук копыт, и на дороге появился Джеймс Стюарт со своим отрядом. Несколько человек держали в руках пылающие факелы, жалкую пародию на вечернее солнце, по-прежнему заливающее золотистым светом окрестности. По знаку сенешаля Эдвард отпустил Дунгала, который, сплевывая кровь и пошатываясь, с трудом поднялся на ноги. Капитан, ничего не соображая от ярости, слепо шагнул было к Эдварду, но Комин схватил его за плечи.

Джеймс, резко натянув поводья, огляделся по сторонам.

— Что здесь произошло, во имя Господа? — требовательно спросил он, переводя взгляд с Роберта на Комина. Глаза его на мгновение задержались на куче мертвых тел на дороге, прежде чем остановиться на четырех повозках, две из которых стояли без лошадей. — А где остальные телеги?

Роберт тряхнул головой:

— Они прорвались к Роксбургу.

Джеймс потемнел лицом и уже собрался бросить какую-то резкость, но потом кивнул своим людям, которые держали в руках факелы.

— Сожгите их. — Рыцари направились к повозкам, а сенешаль взглянул на Роберта. — Нам нужно спешить, — дрожащим от сдерживаемого гнева голосом сказал он. — В замке поднимут тревогу. А против всего гарнизона нам не выстоять.

Когда люди на дороге зашевелились, расходясь по местам, Роберт схватил Комина за рукав.

— Смерть моих людей лежит на тебе, — прошипел он.

Комин со злобой высвободил руку.

На заросшем полевыми цветами лугу под стенами Кентербери разворачивался пышный рыцарский турнир. Грандиозное действо озаряли лучи заходящего солнца, струившие жидкое золото на лица сотен зрителей, выстроившихся вдоль арены, и переливавшиеся на украшенных драгоценными камнями платьях знатных дам, отражаясь от начищенных колец рыцарских кольчуг и шлемов с перьями на гребнях.

Подмости, возведенные по обе стороны ристалища, украшали складки ярко-алой ткани, и на них сидели благородные дамы и господа. Публика попроще расположилась внизу, сидя на теплой траве, и лица людей раскраснелись от солнца и доброго эля. Многие стояли, чтобы лучше видеть, как сходятся в поединках рыцари. В конце турнирной арены возвышалась королевская ложа, обустроенная в виде зубчатой крепостной стены, с которой свисали щиты короля и его новой королевы.

Эдуард, сумрачно величественный в черном платье, расшитом золотой нитью, наблюдал за состязаниями рыцарей, с комфортом восседая на обложенном подушечками троне. Яростные схватки, оживившие полдень, уже завершились, а сейчас к финалу близилось и соревнование в умении владеть конем и оружием. В конце арены был установлен столб с перекладиной, с которой свисал грубо вырезанный человеческий силуэт с нарисованным головным платком и халатом сарацина, на груди которого красовалось ярко-красное сердце. Рыцари по очереди старались пронзить сарацина своими копьями. Когда по арене помчался на своем жеребце Ральф де Монтермер с развевающейся за плечами желтой мантией с парящим зеленым орлом, нацелив на мишень копье, толпа затаила дыхание, глядя на него. Рыцарь короля поразил манекен в самое сердце, и сарацин закрутился вокруг столба от удара, пока противовес в виде мешка с песком на другом конце балки не остановил вращение. Ральф промчался мимо, и из-под подкованных копыт его боевого коня летели клочья травы и дерна. Зрители взорвались аплодисментами.

Эдуард посмотрел на длинный строй рыцарей на другом конце арены, которые ждали, пока пажы установят мишень в исходное положение. За их спинами на фоне оранжевого закатного неба темнел выцветший стяг с драконом, некогда развевавшийся над пыльными турнирными аренами Гаскони. Король обвел взглядом лица своих рыцарей — Хэмфри де Боэна, героя сегодняшнего турнира, Эймера де Валанса, Генри Перси, Ги де Бошама, Роберта Клиффорда, Томаса Ланкастера. Эти молодые люди, выросшие при его дворе и отведавшие крови на поле боя, стали мужчинами в тяжелую годину войны. Их ученичество и возмужание завершилось. Все они наследовали своим отцам. Уже не Рыцари ордена Дракона, они заняли свои места как Гавейн и Персиваль, Мордред и Ланселот, ^[67] чьи бессмертные имена были вырезаны на его дубовом столе... И в душах этих людей. Из всех ветеранов с ним оставались только престарелый Джон де Варенн, графы Линкольн и Норфолк да воинствующий епископ Бек. Его двор переживал солнечный полдень, который олицетворяла собой эта пылкая и яростная молодежь.

Услышав негромкие хлопки в ладоши рядом с собой, Эдуард обернулся и увидел свою новобрачную, которая послушно аплодировала успеху Ральфа де Монтермера. На родине Маргариту называли «Жемчужиной Франции». Темноволосая, подобно своему брату, королю Филиппу, с молочно-белой кожей и точеной фигуркой, укутанной в алый дамаст, ^[68] и пояском на талии, украшенным кроваво-красными рубинами, с высокой прической, скрытой под мягкой сеточкой с вуалеткой, обрамлявшей ее изящное личико, она действительно походила на драгоценный камень. Было самое начало сентября, и погода стояла еще очень теплая, но королева уже накинула на плечи мантию из горноста, отражая

первую атаку вечерней прохлады. Дочь королей-войнов из французской династии Капетингов, она приплыла в Дувр неделей ранее, являя собой нежный и хрупкий символ мира, испуганная, но величественная, сопровождаемая подобающей ее положению армией слуг и камеристок. Через два дня после того, как корабль причалил к пристани, Эдуард обвенчался с нею на ступенях Кентерберийского собора. За торжественной церемонией, которую провел язвительный и вспыльчивый архиепископ Винчелси, последовали три дня турниров и празднеств.

Эдуард не пожалел средств на организацию бракосочетания. Вокруг турнирной арены были установлены десятки открытых полосатых павильонов, украшенных разноцветными флагами. От костров, над которыми поблескивали жиром туши диких кабанов, насаженные на огромные вертела, поднимались ароматные дымки. Столы в павильонах, украшенные букетами цветов, ломились от тяжести золотой и серебряной посуды. Вскоре на них подадут теплый имбирный хлеб, яблоки с хрустящей корочкой, жареные в меду, сладкий и легкий, как пух, заварной крем, сочную, таящую на языке оленину, засахаренные миндальные орехи, и вино будет литься рекой. А снаружи слуги уже развешивали на ветках деревьев праздничные фонарики. С наступлением вечера каждый павильон окружит сияние рукотворных созвездий.

Поймав взгляд короля, Маргарита робко улыбнулась. Эдуард ответил ей вежливой улыбкой, прежде чем вновь перенести все внимание на турнирную арену. Бракосочетание стало для него радостным событием, знаменующим окончание пятилетней войны с Францией и закрепившим, при посредничестве папы Бонифация, возвращение Гаскони Эдуарду и его наследникам. Но торжества не помогли ему избавиться от чувства невосполнимой потери из-за смерти Элеоноры, которое постепенно нарастало в нем на протяжении последней недели, оставляя в его душе болезненную, незаживающую рану. Ему исполнилось уже шестьдесят. Маргарита, скромная и застенчивая в свои семнадцать лет, была сладкой, как мед, и он знал, что она еще не раз доставит ему удовольствие за те годы, что ему еще остались, но эта девочка никогда не затронет его душу. Эта часть его умерла вместе с его испанской королевой.

Эдуард услышал россыпь веселого смеха, прозвучавшего у него за спиной, в нескольких рядах позади, там, где сидел его сын. В свои пятнадцать лет Эдуард походил на него самого в молодости, как две капли воды. У сына были такие же легкие, пушистые светлые волосы и длинное, угловатое лицо. За последний год он вытянулся, доказывая, что унаследует и высокий рост отца. Рядом с ним, небрежно забросив руку на край ограждения, сидел симпатичный шестнадцатилетний оруженосец по имени Пирс Гавестон. Черноглазый юноша из Гаскони был сыном рыцаря, который хорошо послужил королю во время войны. После смерти отца Эдуард взял мальчика к себе в услужение, и его сын и оруженосец очень быстро стали друзьями. Эдуарда немного беспокоило то, что его сын стремился проводить все свободное время на улице вместе с Пирсом и его друзьями, вместо того чтобы усердно упражняться с мечом или изучать грамоту. Но король понимал, что очень скоро юноше придется повзрослеть, особенно теперь, после обручения с дочерью короля Филиппа, Изабеллой. Свадьба состоится лишь через несколько лет, поскольку принцесса была совсем еще ребенком, но пока у монарха были другие планы в отношении сына. Он намеревался привлечь его к следующей военной кампании в Шотландии, запланированной на будущий год. Время было благоприятным, поскольку конец года означал начало нового века. Настало время перемен, и, с Божьей помощью, он закончит то, что начал, покорив Шотландию.

Шпионы, состоявшие на службе у его полководца, сэра Ричарда де Бурга, графа Ольстера, перерыли всю Ирландию в поисках четвертой реликвии. Когда ее обнаружат, Эдуард намеревался торжественно предъявить ее своему народу, как он уже поступил с камнем и короной, символами его верховной власти над всей Британией. А потом, когда реликвия очутится в Вестминстерском аббатстве, перед усыпальницей Исповедника, осуществится Последнее Пророчество. Людям нужны легенды — нечто высокое, к чему можно стремиться, помимо тягот повседневной жизни, нечто такое, что сверкало и манило бы своим блеском в серой обыденности. Именно такие вещи и разжигают огонь в крови. Его подданные будут превозносить своего властелина за то, что он уберезит королевство от печальной участи, предсказанной Мерлином, но и, что более важно, его успешное исполнение пророчества позволит этим молодым людям уверовать в него. А ведь это их налоги пополняют его сокровищницу и их мечи будут обнажены за него в случае войны. Рыцари Артура иногда ссорились и не соглашались со своим королем, но, в конце концов, Круглый стол связал их верностью, над которой оказалось не властно время. К этому стремился и король Эдуард, поскольку был намерен любой ценой не допустить повторения Льюиса, когда королевство раздирали на части амбиции его баронов и слабость короля. Нет. Его круг будет сделан из золота. Полированного. Нерушимого.

Он вплотную подошел к тому, чтобы лишиться их поддержки из-за Гаскони, так что мысли о возможности гражданской войны неоднократно приходили ему в голову, но победа при Фолкирке, хотя и омраченная последствиями, сплотила его людей. Тем не менее, ничего не кончилось. Чтобы укрепить свою верховную власть над всеми островами, Эдуарду мало было одних трофеев. Шотландия оставалась расколота надвое, и повстанцы не сидели сложа руки. Каждый месяц к нему поступали сообщения о нападениях на обозы с продовольствием и окружении гарнизонов замков. Винчелси от имени папы протестовал против вторжения в страну христианского мира, а совсем недавно Эдуарду стало известно, что Уильям Уоллес проскользнул сквозь блокаду в Ла-Манше и сейчас пребывает в качестве почетного гостя при дворе короля Филиппа. Он был обеспокоен тем, что мятежник может разрушить перемирие с Францией, но пока что ничего серьезного не произошло. Эдуард займется этим разбойником в свое время, а пока ему противостоял более опасный враг, с которым следовало разобраться немедленно. И он покончит с ним раз и навсегда.

Турнир подходил к концу, рыцари ломали последние копыя о манекен сарацина, а судьи удалились на совещание, дабы назвать имя победителя, который получит главный приз, учрежденный королем во время праздничных торжеств, — серебряный шлем с драконом на гребне. Воспользовавшись небольшой паузой в представлении, в королевскую ложу пробрался посыльный и прошептал что-то на ухо монарху. Поднявшись на ноги, Эдуард извинился перед молодой королевой и спустился с подмостков по лестнице, устроенной в задней части. Дворяне бурно обсуждали участников турнира, делая ставки.

Избегая скопления народа, Эдуард направился к палаткам. За ним на почтительном расстоянии незаметно последовали два его рыцаря. Над полем быстро сгущались сумерки, и в ветвях деревьев уже зажглись первые фонарики. Слуга загонял пятерку павлинов в самый большой шатер, а менестрели настраивали свои инструменты. Там, в одном крыле роскошного королевского павильона, глядя, как слуги накрывают столы расшитыми золотом скатертями, стоял мужчина в темно-синей накидке и короткой кольчуге. Он постарел, и на лице у него добавились новые шрамы с тех пор, как Эдуард видел его в последний раз в Гаскони. Не обращая внимания на почтительные поклоны суесящихся слуг, король жестом

приказал рыцарям оставаться на месте и подошел к мужчине один.

Адам повернулся, когда Эдуард приблизился к нему и вежливо склонил голову.

— Милорд.

— Полагаю, вы уже поселились в отведенных вам апартаментах?

— Да, о моих потребностях позаботились, милорд. Благодарю вас. — Адам выдержал паузу. — Признаюсь, я был удивлен, получив ваш приказ прибыть сюда так скоро после окончания войны. Но я оставил свой отряд в Байонне для усиления тамошнего гарнизона под командой одного из моих лейтенантов. Город в надежных руках.

Эдуард смотрел на слуг, накрывающих столы, но перед его мысленным взором стоял грубый рисунок, на котором вставший на дыбы красный лев сворачивал шею дракону.

— У меня есть для вас особое задание в Шотландии. Похожее на то, которое вы выполнили по моему приказу тринадцать лет тому. — Он взглянул Адаму в лицо. — Есть еще кое-кто, с кем должен произойти несчастный случай.

Роберт Брюс и Джон Комин стояли друг напротив друга. В глаза обоих полыхала жаркая ненависть, и они были готовы вцепиться друг другу в глотки. Вокруг них круглая зала замка Пиблз до самых бревенчатых стен была битком забита людьми. По тростниковой крыше барабанил дождь, и гром злобно рычал в промежутках между вспышками молний, бросающих ослепительно-белые отблески сквозь ставни. В воздухе стоял запах пота и пар от дыхания, разбавленный кислой вонью промокших насквозь подбитых мехом накидок.

— Я предупреждал Брюса. — Голос Комины заглушил рокот грозы. — Я предупреждал его о том, как опасно нападать на обоз в такой близости от стен Роксбурга, но он не пожелал меня слушать.

— И поэтому ты сорвал нападение, просто для того, чтобы доказать свою правоту? — требовательно поинтересовался Эдвард.

Джон Комин коротко и хрипло рассмеялся. Он повернулся к рыцарям Баденоха и Галлоуэя, стоявшим позади него.

— Никогда не думал, что Брюсы полагают меня настолько могущественным, чтобы повелевать дикими осами, живущими в лесу! — Но его щедро сдобренный издевкой юмор испарился, едва он перевел взгляд на Роберта. — Ты и твой брат прекрасно осведомлены о том, что случилось. Кто и почему задержал нас. — Он искоса взглянул на сенешаля и епископов Вишарта и Ламбертона, которые пытались поддержать хотя бы подобие порядка. — Я потерял десять человек и пять лошадей, будь оно все проклято! Скажите мне, что я должен был сделать?

— Вы могли назначить более компетентного наблюдателя, — холодно произнес Александр Сетон. — Если бы ваш человек лучше оценил свою позицию, он бы вовремя заметил осиное гнездо и выбрал бы безопасное место для наблюдения.

— Фергус заплатил за свою ошибку жизнью, — гневно парировал Комин.

— Как и двенадцать моих людей, — взорвался Роберт, не сводя глаз со своего коллеги-хранителя.

— Думаю, мы должны согласиться с тем, что в неудавшемся нападении нет ничьей вины, — твердо заявил Джеймс. Дебаты, похоже, изрядно утомили сенешаля. Да и то

сказать, спор продолжался вот уже более часа без каких-либо видимых результатов.

— Я не согласен, лорд сенешаль, — вмешался в разговор Дунгал Макдуалл, стоявший возле Комина. — Если бы мы поступили так, как предлагали сэр Джон и я, и атаковали обоз англичан с продовольствием дальше по дороге, то, даже в случае подобного несчастья мы могли бы броситься в погоню. А так мы оказались слишком близко к стенам Роксбурга, чтобы отважиться на преследование. — Его взгляд метнулся к Роберту. — Мы объяснили все это Брюсу, но он отказался драться, если его план будет отвергнут. У нас не оставалось иного выбора, кроме как согласиться.

— Ах ты, лживый шлюхин сын! — прорычал Эдвард и шагнул к Макдуаллу. На ходу он потянулся к поясу, где висел его меч, но рука его схватила пустоту.

Сенешаль, став свидетелем бурного выяснения отношений на лесной дороге после неудавшегося нападения, запретил приносить с собой на Совет оружие.

Роберт встал перед Эдвардом и метнул на брата столь гневный взгляд, что тот отступил на шаг. Но на скулах у него все еще играли желваки, когда он в упор взглянул на Макдуалла, у которого, похоже, руки так и чесались ввязаться в драку. В перепалку вступали все новые участники, обмениваясь оскорблениями. Снаружи вновь распорола воздух мертвенно-белая слепящая стрела молнии.

— Я требую отстранения Роберта Брюса от выполнения своих обязанностей! — выкрикнул, перекрывая общий гам, Макдуалл. — Он недостоин быть хранителем!

Его окружение поддержало это предложение бурными возгласами согласия.

Но обладателем самого громкого голоса оказался Гилберт де ла Хэй. Широкое лицо лорда, обрамленное пшенично-желтыми кудрями, было суровым и мрачным.

— Мне кажется совершенно ясным, что ни сэр Роберт, ни сэр Джон не могут работать вместе, не нанося при этом вреда королевству. Предлагаю обратиться к сэру Уильяму Уоллесу и предложить ему вернуться. Нам известно, что из временного договора между Францией и Англией исключена Шотландия, — сказал он, глядя на Ламбертона, который хранил угрюмое молчание. — Какая теперь польза от пребывания сэра Уильяма при чужеземном дворе? Давайте призовем его домой, где он действительно нужен. В будущем году англичане снова нападут на нас. И мы должны объединиться, чтобы противостоять им.

— Именно из-за заключенного перемирия сэр Уильям должен оставаться там, где он находится сейчас, — ответил Джеймс. — Если мы хотим заручиться иностранной поддержкой для нашего дела, то должны иметь за границей постоянное присутствие. Альянсы могут меняться. Мы все видели это. Надежда еще не потеряна окончательно. Пока не потеряна.

Джон Комин, похоже, даже не слушал, о чем говорят другие. Он по-прежнему не сводил глаз, в которых сверкала ненависть, с Роберта.

— Я согласен с Макдуаллом. Брюса нужно заменить. Из-за его рискованного плана мы не только потеряли людей; он позволил англичанам доставить половину припасов гарнизону Роксбурга. Теперь они смогут продержаться в осаде намного дольше, может быть, даже до тех пор, пока король Эдуард не придет и не освободит их. Кто знает, — продолжал он, повышая голос, чтобы перекричать презрительные возгласы людей Роберта, — может быть, он изначально планировал неудачу нашего нападения? Может быть, он намеревался помочь гарнизону, чтобы у его старого союзника, короля Эдуарда, остался плацдарм, с которого он начнет очередное вторжение в нашу страну?

Возмущенный гул, который поднялся после этих слов, прорезал громкий и чистый голос

Роберта.

— Твои нелепые обвинения не могут скрыть твоих собственных амбиций, Джон. Ты хочешь избавиться от меня, чтобы самому захватить власть. — Он изо всех сил старался сохранить спокойствие и присутствие духа, хотя внутри кипел от бешенства и ничего так не хотел, как наброситься на стоявшего перед ним мужчину, который своими дурацкими обвинениями старался отвлечь остальных от смерти славных людей, погибших во время нападения, включая Уолтера. — Меня уже тошнит от твоих абсурдных высказываний, которые лишней раз доказывают, что ты готов нанести непоправимый вред королевству, лишь бы любым способом дорваться до власти.

— Абсурдных? — Джон ухватился за понравившееся ему слово. — Неужели ты полагаешь абсурдом обвинить тебя в том, что ты входил в число избранных воинов короля, связанных нерушимой клятвой с его делом? Клятвой, нарушение которой карается смертью?

Роберт презрительно покачал головой, но вдруг оказалось, что при этих словах возмущенные крики стихли и несколько человек, недоуменно хмурясь, вопросительно уставились на Роберта.

Но, прежде чем Роберт успел ответить, Джон Комин продолжил, ткнув пальцем в своего противника и глядя на мужчин, обступивших его.

— Он — один из тех людей, которых король Эдуард называет Рыцарями Дракона. Мне известно об этом, потому что мой шурин, сэр Эймер де Валанс, тоже входит в их число. Некоторое время назад он рассказал мне о том, что Брюс был принят в этот орден. Как мы можем доверять такому человеку? Разве можем мы рисковать будущим своего королевства, надеясь лишь на то, что он действительно порвал со своими прежними союзниками?

Роберт буквально физически ощущал на себе взгляды всех присутствующих в зале. Интересно, давно ли Комин приберегал это знание за пазухой, как камень, готовясь бросить его в подходящий момент? Помимо самых близких — своего брата, Сетонов, Атолла и Мара — Брюс больше никому не рассказывал о своем вступлении в орден. Он заметил, что и Джеймс смотрит на него с вопросом в глазах, нахмутив брови. Роберт собрался выступить в свою защиту, но Дунгал Макдуалл не дал ему сделать этого.

— Брюс — предатель! — хрипло заорал капитан Галлоуэя в наступившей тишине. — Он — такой же лгун, как и его трусливый пес отец, и такой же предатель, как и его дед! Да будут все они прокляты!

В зале разразилась настоящая буря, не уступавшая по силе той, что бушевала снаружи. Эдвард бросился к Дунгалу Макдуаллу. Схватив молодого капитана за горло, он изо всех сил ударил его головой о бревенчатую стену. С обеих сторон в драку ринулись другие участники. Вишарт с трудом протолкался в центр противостояния, громовым рыком призывая дворян к порядку.

Когда Роберт ринулся в толпу, намереваясь пробиться к своему брату, кто-то обхватил его сзади рукой за грудь. Услышав над самым ухом злобное шипение, он понял, что это Джон Комин. Мгновением позже перед глазами его блеснула сталь, когда Комин прижал короткий кинжал к его горлу. Роберт ощутил прикосновение холодного металла к коже. У дальней стены переполненной залы он вдруг увидел Джеймса Стюарта. Кровь отлила у сенешаля от лица, он протестующим жестом вскинул руки, приоткрыв в ужасе рот. В долю секунды Роберт осознал, насколько привязан к нему сенешаль, но тут лезвие сильнее надавило ему на шею, и все посторонние мысли, словно метлой, вымели дикая ярость и страх, охватившие его. Комин собирался убить его. Ублюдок собирался прикончить его здесь

и сейчас, на глазах у всех присутствующих.

— *Именем Господа, прекратите немедленно!*

Зычный голос Уильяма Ламбертона заставил мужчин замереть на месте. Епископ Сент-Эндрюсский стоял в центре залы, грозный и яростный, как громовержец. Глаза его, один — голубой, другой — белый, бешено сверкали.

— Уберите клинок, Джон Комин, или, клянусь Господом, я прокляну все ваше семейство до седьмого колена и лично прослежу, чтобы вы отправились прямиком в ад!

Комин не пошевелился. Роберт чувствовал, как с каждым вздохом вздымается грудь его врага, прижавшегося к его спине. После недолгого колебания он убрал клинок и разжал руку, которой держал Роберта. У противоположной стены Эдвард отпустил Дунгала Макдуалла, когда Нейл Кэмпбелл схватил его за плечо. Макдуалл сполз по стене на пол, жадно хватая воздух широко раскрытым ртом. Роберт вырвался из объятий Комина.

— Совет закончен, — произнес Джеймс Стюарт. — Расходитесь по своим комнатам. Мы вновь соберемся здесь, когда вы немного остынете и возобладает здравомыслие. — Голос сенешаля прозвучал хрипло, но решительно.

Роберт протолкался наружу, под проливной дождь. Его люди устремились вслед за ним, и их голоса заглушили рокот грозы. Над деревянными башнями замка, обступившими просторный внутренний двор, нависало обезображенное иссиня-черное небо, которое жутко подсвечивали снизу мертво-слепящие зигзаги молний. Два дня тому с востока пришли летние грозы, и земля уже успела раскиснуть от дождя, а все ямы и выбоины превратились в глубокие лужи. Роберт, разбрызгивая грязь и подняв капюшон накидки, зашагал вниз по крутой тропинке, сбегавшей от входа в главную башню.

Внизу сгрудились домишки, которые, собственно, и образовали город, и меж которых виднелись палатки и лошади дворян, съехавшихся в Пиблз на Совет. Город располагался милях в тридцати от Роксбурга, в глубокой долине, укрытой в чаще Леса, давящие сумрачные дебри которого нависали над нею со всех сторон. Деревья походили на бескрайнее море, беспокойное и бурное, содрогающееся под порывами урагана. Словно издалека, до Роберта доносились голоса его людей, бурно обсуждающих недавние события, пока он спускался с холма, на котором стоял замок. Но слова их звучали невнятно и неразборчиво, ничем не отличаясь от шума ветра в ушах. На него нахлынули воспоминания, вытеснившие все прочие чувства и ощущения. Он видел перед собой лицо Джона Комина, искажившееся от ненависти и желания убить Брюса. Его сменила неуверенность в глазах Джеймса Стюарта, когда Комин рассказал о клятве, принесенной им королю Эдуарду. Шагая под дождем вниз по склону, к раскинувшемуся перед ним городу, он не мог забыть обвинения Комина. Они упорно преследовали его, эхом стуча в виски и отдаваясь в ушах.

«Связанный нерушимой клятвой с его делом. Как мы можем доверять такому человеку?»

В самом деле, как? Ни одна живая душа, включая его брата, не знала о том, что он помог Рыцарям Дракона выкрасть Камень Судьбы из аббатства Скоун. Эту ночь ему было суждено нести в одиночку. Роберт говорил себе, что, даже если бы он отказался в ту ночь помогать Хэмфри и остальным увезти камень, они бы все равно сделали это без него — он не смог бы помешать им, но на сердце у него от этого легче не становилось. Что бы он ни сделал для освобождения своей страны, сколько бы английских обозов ни атаковал, скольких бы скоттов ни привлек под свои знамена и сколько бы шагов ни сделал на пути к трону, он никогда не сможет забыть, что самым главным вызовом судьбе стало совершенное

им преступление.

Трона больше нет.

Этот факт был ярок и безжалостен, как свет маяка, сверкающий впереди. Куда бы он ни посмотрел, он всегда будет видеть его. В тот день — день, когда Катарина предала его, — Александр сказал ему, что он должен сам поверить в то, что может стать королем. Лорд считал, что именно она сдерживала его, не давая идти вперед, и, пожалуй, в какой-то степени это было правдой: может быть, он считал, что недостоин большего, нежели продажная служанка. Но горькая правда и настоящая причина того, почему он столь нерешительно шагал к трону с сомнением в глазах, заключалась в том поступке, который он совершил тогда в Скоуне, у подножия холма, на вершине которого некогда ощутил дыхание самой истории.

Роберт настолько погрузился в свои мысли и воспоминания, что не заметил, как навстречу ему по тропинке поднимаются шесть человек, пока не столкнулся с ними нос к носу. Четверо из них были рыцарями из Каррика. Они конвоировали двух человек, которые неловко ковыляли по крутому подъему, ничего не видя перед собой из-за низко надвинутых на лоб капюшонов, из-под которых доносились приглушенные стоны протеста.

Роберт замер на месте при виде такого зрелища, и Эдвард, Александр и другие остановились вместе с ним.

— Сэр Роберт, — окликнул его один из рыцарей, когда над головами глухо зарокотал гром. — Мы застали этих людей в тот момент, когда они пытались проникнуть в ваши апартаменты. Они говорят, что знают вас, но отказываются назвать свои имена.

При этих словах пленники начали вырываться.

Роберт расслышал свое имя, произнесенное приглушенным голосом.

— Снимите с них капюшоны.

Рыцари повиновались, откинув плотные шерстяные покрывала, и взорам собравшихся предстали рассерженные и покрасневшие лица двух молодых людей. Они были одеты в туники и мантии из синего полотна, промокшие от дождя и перепачканные грязью, но явно хорошего качества. Оба носили перевязи, но оружия у них не было — его, без сомнения, забрали рыцари. Тот, что выглядел постарше своего спутника на несколько лет, был невысок и широкоплеч, с квадратным лицом, обрамленным рыжеватой бородкой и короткими светлыми кудрями. Второй был высок и мускулист, с длинными, до плеч, черными волосами и открытым мальчишеским лицом. Оба уставились на Роберта во все глаза, и гнев на их лицах сменился невероятным удивлением.

Еще мгновение Роберт в недоумении смотрел на них, а потом услышал, как радостно вскрикнул стоящий рядом Эдвард. И он сразу же узнал обоих.

Рыцари Каррика неуверенно отступили в сторону, когда Роберт и Эдвард бросились к незнакомцам, и все четверо крепко обнялись, смеясь и обмениваясь радостными восклицаниями. Глаза у них светились от нежданной радости. Александр Сетон встретил вопросительный взгляд Кристофера и слегка покачал головой, показывая, что пребывает в таком же недоумении, как и кузен, тогда как Джон Атолл и Гартнет Мар вместе с остальными наблюдали за происходящим с нескрываемым удивлением.

Роберт наконец отпрянул от черноволосого юноши и с изумлением оглядел его с головы до ног.

— Клянусь Богом, Найалл, да ты скоро будешь выше меня! — Он посмотрел на Томаса, который, смеясь от столь горячего приема, высвободился из крепких объятий Эдварда.

Роберт уже несколько лет не видел младших братьев, поскольку они по приказу отца всю войну провели в приемной семье на землях Брюсов в Антриме. Он по очереди оглядел их, поражаясь тому, в какого красавца превратился Найалл; его глубоко посаженные глаза, в которых светился тонкий ум, и упрямый подбородок удивительным образом вобрали в себя прелесть их матери. Томас же округлился и стал походить на их отца, широколицего и коренастого.

Роберт повернулся к своим людям.

— Ну же, познакомьтесь с моими братьями!

Джон Атолл шагнул вперед, недоверчиво глядя на Найалла и качая головой.

— Вам было лет восемь или девять, когда мы виделись в последний раз, мастер Найалл.

Сколько же вам теперь? Шестнадцать? Семнадцать?

— Восемнадцать, — ответил Найалл с законной гордостью мальчика, ставшего мужчиной.

Сетоны и Нейл Кэмпбелл вежливо приветствовали молодых людей.

Когда с представлениями было покончено, Роберт жестом указал на тропинку.

— Давайте продолжим знакомство где-нибудь в более сухом месте. — Он обратился к четверым рыцарям, которые привели к нему братьев. — Позаботьтесь, чтобы для моих почетных гостей приготовили достойное угощение. — Рыцари быстро зашагали вниз по тропинке, а остальная компания последовала за ними.

На ходу Роберт то и цело поглядывал на Найалла, изумленный видом младшего брата. Радость переполняла его. Ему хотелось обнять молодого человека за плечи, но какая-то неловкость останавливала его; наверное, это были годы, проведенные вдалеке друг от друга, и все то, что случилось за это время. На языке у него вертелась тысяча вопросов, но первым он задал самый легкий из них.

— Почему, ради всего святого, вы не назвали свои имена моим людям? Если бы вы объяснили им, кто вы такие, с вами бы не обошлись столь грубо.

— Мы не знали, кому можем доверять, — ответил Найалл, глядя на Томаса, шагавшего между Робертом и Эдвардом. — За последние годы до нас доходили такие невероятные слухи, что было трудно разобраться, кто с кем воюет. — Он метнул на Роберта короткий вопросительный взгляд.

Роберт заподозрил, что братья намерены о многом расспросить его. И на некоторые вопросы ему будет нелегко ответить.

— Откуда вы знали, где нас искать?

— Сойдя с корабля на берег, мы первым делом отправились в Тернберри, — ответил глубоким баском Томас. — Сэр Эндрю Бойд узнал нас. Он-то и сказал нам, что вы в Лесу, сражаетесь с англичанами. А чем ближе мы подходили, тем легче было напасть на ваш след.

Разговаривая на ходу, дружная компания миновала внутренний двор замка. Роберт вместе со своими людьми остановился в гостинице за частоколом. Он развернул их в нужную сторону, когда они миновали ворота.

— Не могу поверить, что вы оба здесь.

— А я не могу поверить, что ты — хранитель Шотландии, — сообщил Найалл. — Почему ты не прислал нам весточку?

Когда они подошли к бревенчатому зданию гостиницы, Роберт приостановился, чтобы дать возможность рыцарю, дежурившему снаружи, открыть перед ними дверь.

— За прошедший год многое случилось. У меня не было лишних людей, чтобы

отправлять их за море.

— Ты не получал известий от отца? — поинтересовался Томас, входя вслед за Робертом в гостиницу. — Где он сейчас? И что с Александром? Он по-прежнему в Кембридже?

— Довольно! — добродушно прикрикнул на братьев Эдвард, прежде чем Роберт успел ответить. — Я настаиваю на том, чтобы вы первыми рассказали нам свои новости.

Войдя в большую комнату, где он разместился вместе со своими людьми, Роберт коротко кивнул Эдварду, благодаря его за вмешательство. Скинув с плеч промокшую накидку, он протянул ее Несу, который при их появлении поднялся с табуретки у огня.

— Зачем вы приехали? — обратился он к братьям. Когда Найалл обменялся с Томасом взглядами, Роберт понял, что они привезли дурные вести.

— Поместье нашего приемного отца было разрушено, — ответил Найалл, и его выразительное лицо помрачнело. — Его сровняли с землей рыцари сэра Ричарда де Бурга.

— Графа Ольстера? — Роберт вспомнил каменный особняк на берегу реки, окруженный зелеными полями, сверкавшими изумрудной росой после дождя. Он заметил, как потемнело лицо Эдварда, остановившегося в противоположном углу комнаты, и понял, что и тот вспоминает дом ирландского лорда, воспитавшего их обоих. — Но что заставило графа поступить так?

— Люди сэра Ричарда весь прошлый год рыскали на севере Ирландии, — пояснил Томас, — хотя мы узнали об этом совсем недавно, когда они добрались до Антрима. Когда они прибыли к нам, лорд отказался впустить их, но они ворвались силой. Нас заставили уйти под угрозой смерти, а люди сэра Ричарда принялись обыскивать замок. Не найдя ничего, они подожгли его.

— Чтобы знать, где они уже искали, как его люди потом шутили, — мрачно добавил Найалл.

— Но что они искали? — спросил Эдвард.

— Какую-то реликвию, как нам сказали, которая позарез нужна королю Англии.

Роберт ощутил стеснение в груди.

— И что это за реликвия?

— Они называют ее жезлом Малахии, — после короткой паузы ответил Найалл.

Уже стемнело, когда Роберт вновь поднимался вверх по тропинке. После обеда гроза утихла, но над головой по-прежнему нависали тяжелые облака, быстро бегущие вдаль и цепляющиеся за шпили замка. По лужам в неверном свете сумерек пробегала рябь. В течение последних двух часов он заседал на Совете со своими людьми, слушая рассказ братьев о событиях в Ирландии и обдумывая открывающиеся возможности. Теперь, когда он шагал по тропинке, приняв решение, Роберт ощущал почти лихорадочное возбуждение. Казалось, еще немного, и он начнет светиться в темноте, как молния, сполохи которой по-прежнему освещали горизонт. Больше никакой политики. Довольно ждать. Если всему есть свое время, значит, его уже настало.

Красноватый свет факелов заливал куполообразную, круглую залу, бревенчатые стены которой потемнели от дождя. Снаружи на страже стояли рыцари в цветах сенешаля, и на их лицах плясали отблески пламени. Кое-кто из них приветствовал Роберта короткими кивками, когда он подошел ближе. Ветер швырнул ему в лицо прядь черных волос и вцепился озорными пальцами в мантию и накидку, украшенную красным шевроном Каррика. Когда один из рыцарей распахнул перед ним дверь, Роберт вошел внутрь.

В зале было тепло и светло, и пламя факелов на стенах заколебалось от сквозняка, ворвавшегося вместе с ним. Когда дверь с глухим стуком захлопнулась за ним, взгляд Роберта остановился на трех мужчинах, сидевших за длинным столом в углу огромной залы, больше похожей на пещеру. Они умолкли, когда он подошел к ним, и шаги его гулким эхом отдавались по деревянному полу.

— Надеюсь, ваш брат угомонился? — грубо поинтересовался Вишарт. Епископ покачал головой, скривившись, как от зубной боли. — Далее так продолжаться не может, сэра Роберт. Не может! Эдварда следовало бы высечь за то, что он набросился на Макдуалла, да еще в такой манере. Как и Комина, за его действия против вас.

— Роберт, — приветствовал его Джеймс Стюарт, привстав с лавки и метнув на Вишарта выразительный взгляд, призывающий того умерить свой гнев. Он жестом указал на стол, где стояли кувшин с вином и несколько кубков. — Прошу вас, присоединяйтесь.

Роберт отрицательно покачал головой:

— Нет, благодарю покорно.

— Мы обсуждали возможность назначения епископа Ламбертона третьим хранителем, — коротко пояснил Вишарт, который, похоже, не обратил внимания на то, что Джеймс нахмурился, чувствуя неладное, когда Роберт отказался присоединиться к ним. — Чтобы стать посредником между вами двоими.

Роберт посмотрел на Уильяма Ламбертона, который сидел рядом с епископом Глазго. Молодой клирик внимательно рассматривал его своими необычными глазами.

— Думаю, это мудрое решение, Ваше преосвященство, — заметил он. — Но я слагаю с себя полномочия хранителя.

При этих словах Джеймс выпрямился во весь рост.

— Слагаете полномочия? — На его лице смешались удивление и гнев. — Но почему? Из-за Джона Комина? — Он вперил в Роберта пронзительный взгляд. — Умоляю вас изменить свое решение. Подумай о будущем, Роберт. Подумай о том, чем ты рискуешь.

— Совсем не из-за него я слагаю с себя полномочия хранителя. — Роберт помолчал. — Джон Комин был прав в одном — я был связан с королем Эдуардом. Но я полагаю, что сумею воспользоваться этой связью к нашей выгоде. Быть может, вы уже слышали, что ко мне сегодня прибыли мои братья из наших владений в Антриме. Они привезли известия, которые внушают мне надежду. Я должен вернуться в Ирландию вместе с ними — и чем скорее, тем лучше.

— В Ирландию? — недоверчиво осведомился Вишарт. — Что, во имя всего святого, вы рассчитываете там найти, что может помочь Шотландии?

— То, что очень нужно королю Эдуарду. — Коротко поклонившись сенешалю и двум епископам, Роберт повернулся и зашагал обратно.

Распахивая двери, Роберт думал о Финне мак Кумале и его отряде воинов, повествования о героических подвигах которых он учил наизусть в замке своего приемного отца. Когда его детские мечты вдребезги разбились о жестокую реальность войны в Уэльсе, а его самого снедали сомнения относительно правильности вступления в орден Рыцарей Дракона, он заставил себя забыть об этих легендах, сочтя их юношескими бреднями. Но что ему оставалось делать теперь, кроме как предпринять отчаянный шаг и отправиться на поиски сокровища, которое может определить судьбу его королевства и позволить ему самому хотя бы попытаться исправить сделанные ошибки? Выходя в темноту ночи, Роберт улыбался.

Водянистые глаза Эфfreyг слезились от яркого света утреннего солнца. Грозы, нагрянувшие несколько дней тому с востока, отчего вода в реках вышла из берегов, утихла. Завывание ветра превратилось в едва слышный шепот, и облака уступили место синеглазому рассвету, когда остатки урагана ушли на запад в сторону Аррана.

Траву, сверкающую бусинками росы после дождя, усеивали веточки и солома с крыши ее хижины, сорванная ураганом, хотя холм, у подножия которого приютилось ее жилище, надежно укрыл его и уберег от самых страшных последствий стихии. Пробормотав благодарственную молитву богам воздуха, Эфfreyг остановилась, чтобы поднять ведро, оставленное снаружи специально, чтобы собрать в него дождевую воду. Наклонившись, она вдруг заметила какой-то предмет, лежавший под дубом, наполовину присыпанный мусором, оставшимся после бури. Это была судьба, упавшая ночью и исполнившаяся.

Выпрямившись, Эфfreyг заковыляла по мокрой траве, и хрупкие листочки щекотали ее босые ступни. Подойдя к дубу, она с трудом наклонилась, так что старые кости затрещали, протестуя, а потрепанная накидка колоколом раскрылась вокруг колдуньи. Она осторожно смахнула красно-коричневые листья, из-под которых показалась сплетенная паутина из молочно-белых прутьев. Лежавшая внутри позеленевшая от старости веревка была завязана петлей висельника — первопричина проклятия Святого Малахии. Колдунья бережно коснулась пальцами потрепанных непогодой прутьев, и дыхание ее участилось, когда она задержала взгляд на истончившемся обрывке витого шнура, который так упорно и долго удерживал судьбу старого лорда. Запрокинув голову, женщина увидела в трепещущей листве раскачивающийся обрывок шнура. Рядом, почти на самой макушке дерева, безмятежно висели несколько паутинок из прутьев. Глаза Эфfreyг загорелись, остановившись на одной из клеток, ребра которой были коричневыми и крепкими. Внутри, залитый золотистыми солнечными лучами, мерно покачивался на истончившейся ниточке венок из вереска и дрока.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Послесловие автора

В июне 2007 года я приехала в Шотландию собирать материал для своего романа «Реквием», последней части моей первой трилогии, посвященной расцвету и падению Ордена тамплиеров. Главным героем я сделала шотландца; согласно моему замыслу, он должен был вернуться из крестовых походов и с головой окунуться в войны за независимость. Борьба Уильяма Уоллеса и повстанческой армии вполне сопоставима с борьбой тамплиеров за выживание во время суда над ними, особенно если учесть, что оба конфликта достигли своей кульминации в 1314 году, когда состоялась битва при Бэннокберне, а на костре был сожжен последний Великий магистр ордена храмовников, Жак де Моле. Я побывала в Париже месяцем ранее, изучая историю ордена, и рассчитывала, что экскурсия в Шотландию поможет мне восполнить пробелы во второй половине сюжетной линии. Я провела три недели в дороге и побывала на местах сражений, которые сейчас превратились в жилые массивы, заодно посетив заросшие плющом развалины аббатств и старинных замков. И по мере того, как проходили дни, со страниц истории и пейзажей дикой природы на первый план выступала фигура одного человека — Роберта Брюса. Его личность настолько увлекла меня, что я решила углубиться в древнюю историю, выходящую далеко за рамки английского вторжения в 1296 году и последующего восстания, которое возглавил Уильям Уоллес. Я оказалась в эпицентре старинной фамильной вражды, двух гражданских войн и борьбы за корону. К концу поездки мир Роберта настолько захватил меня, что я почти забыла о тамплиерах — главных действующих лицах «Реквиема». Вернувшись домой, я поняла, что этот человек никак не сможет сыграть эпизодическую роль в повествовании о другом мужчине. Его история была слишком хороша, полна интриг и слишком запутана, чтобы безжалостно обкорнать ее и втиснуть в заранее определенные рамки. Мне пришлось оставить его в покое и сосредоточиться на полном драматизма, но гораздо более простом жизнеописании Уоллеса, которое вполне вписывалось в мой первоначальный сюжет о тамплиерах. Однако же Роберт отказался незамеченным уйти со сцены, и через несколько недель, будучи не в силах заглушить его голос, я позвонила своему агенту, который уже давно добивался от меня каких-либо идей и предложений относительно следующего цикла моих романов. Теперь я знала, чему и кому они будут посвящены.

Автор исторических романов всегда идет по узкой грани между реальными фактами и выдумкой. Именно факты вдохновляют нас взяться за перо, позволяя читателю с головой погрузиться в давно исчезнувший мир, но иногда эти же самые факты наносят непоправимый вред художественному произведению. Источники, в равной мере старинные и современные, могут оказаться противоречащими друг другу, оставляя многие вещи без объяснений — мы можем знать, что сделал тот или иной персонаж, не имея при этом понятия, почему он поступил именно так, а не иначе. Историк может сказать: случилось то-то и то-то, а вот факты, которые подтверждают мою точку зрения, и мы верим ему, тогда как романисту приходится самому создавать мотивацию, на которой основываются поступки главных героев, чтобы читатель поверил. Например, у нас нет конкретного объяснения, почему Роберт счел возможным бросить своего отца и короля Эдуарда в тот день под стенами замка Дугласа и присоединиться к мятежникам. Ведь он терял слишком много, а приобретал чересчур мало. Даже простейшая гипотеза — он поступил так из чувства патриотизма — не выдерживает никакой критики, если взглянуть на картину происходящего

в целом. Поэтому я и решила привнести толику индивидуальности — не просто борьба за правое дело для всей нации, но и личные мотивы, вызванные разочарованием Роберта и его противостоянием с отцом. Разумеется, именно из таких вот личностных факторов и рождается большинство великих событий. Мы принимаем неоднозначные решения, мы действуем под влиянием момента, мы даже не видим всей картины, пока не оглянемся и не оценим того, что случилось, много лет или даже веков спустя. История всегда висит на острие ножа.

Первое большое допущение, которое я позволила себе в отношении истории, связано с убийством Александра III. Хроникеры того времени и нынешние историки полагают его гибель по дороге в Кингхорн делом несчастного случая, и нет никаких причин подозревать обратное. Но меня, романиста с недоверчивым складом ума, не могла не удивить быстрота, с какой Эдуард I добился от папы разрешения на брак своего несовершеннолетнего сына с Норвежской Девой, равно как и то, что Александр предвидел возможность подобного союза и даже упомянул о нем в письме к Эдуарду двумя годами ранее. К тому же, любой наследник, появившийся на свет после его женитьбы на Иоланде, разрушил бы все надежды Эдуарда на будущее для своего сына, и поэтому я ступила на путь предположений *«а что, если»*. Аналогичным образом, нет никаких оснований подозревать, что смерть Норвежской Девы была чем-либо иным, кроме трагической случайности. Ее погубители, Комины, по прихоти художественного вымысла выставлены здесь в черном свете, потому как считается, что принцесса умерла, отведав несвежей пищи во время плавания, а не вследствие чьего-либо злого умысла, хотя Комины действительно похитили юного Александра в попытке заполучить верховную власть в королевстве.

Я существенно упростила процедуру того, что намного позже получило название «Большой прецедент». Слушания, устроенные Эдуардом I для того, чтобы выбрать нового короля Шотландии, в действительности заняли намного больше времени. С точки зрения истории это очень интересно, но решительно не подходит для романа, хотя бы потому что чисто политические интриги перемежались долгими периодами ожидания. Естественно, глава о Совете в Норхеме представляет собой квинтэссенцию многих встреч, которые происходили в течение долгого времени в разных местах.

Дед Роберта и впрямь справедливо заявлял, что Александр II назначил его предполагаемым престолонаследником, хотя я несколько преувеличила значимость этого события. Передача графства Каррик Роберту вскоре после избрания Джона Баллиола новым королем Шотландии также имела место в действительности, а вот передачу права на трон следует расценивать как художественный вымысел. В то время подобное право переходило от деда к отцу, и априори считалось, что оно распространяется на него самого и его наследников. Но, в свете драматического перехода Роберта из одного лагеря в другой, а также принимая во внимание тот факт, что еще в ходе переговоров в Ирвине его обвинили в стремлении узурпировать трон, я сочла возможным несколько поторопить события вместо того, чтобы преуменьшить значимость этого момента и растянуть его во времени.

«Пророчества Мерлина» тоже существуют на самом деле. Они были записаны в XII веке Гальфридом Монмутским, который утверждал, что перевел их из еще более раннего источника. Вместе с его широко известной «Историей королей Британии» «Пророчества» пользовались большой популярностью, и у Эдуарда, по свидетельствам современников, имелись в наличии экземпляры обоих трудов. А вот «Последнее пророчество» в том виде, в каком оно появляется в романе, — мое изобретение; впрочем, Монмут намекал, что их и в

самом деле было несколько. В последней главе своей «Истории» Монмут, описывая вторжение саксов, упоминает об ангельском голосе, который поведал бриттам о том, что они более не будут управлять своим королевством до тех пор, пока под одной рукой не объединятся реликвии четырех святых. Эти самые четыре реликвии действительно существуют. Эдуард на самом деле завладел короной Артура, хотя и раньше, чем это случилось в романе, во время своей кампании 1282–1284 гг. Кроме того, он на самом деле похитил Камень Судьбы из аббатства Скоун, хотя коронационный трон, в который и вложили камень в Вестминстере, был сделан несколькими годами позже. Читая соответствующий раздел в «Истории» Монмута и глядя на действия Эдуарда во время вторжения в Уэльс и Шотландию — захват священных королевских регалий, неизбежно приходишь к выводу, что эти два события взаимосвязаны. По свидетельству историков, Эдуарда всегда влекла к себе эпоха короля Артура. Он с королевой Элеонорой перезахоронил останки Артура и Гиневры, ^[69]устроив торжественную церемонию в аббатстве Гластонберри. Наравне с прочими благородными вельможами того времени, он устраивал популярные турниры в честь рыцарей Круглого стола и даже приказал изготовить для себя собственный Круглый стол. Сегодня он выставлен на всеобщее обозрение в Винчестерском дворце. Орден Рыцарей Дракона — художественный вымысел, хотя члены его являются реальными персонажами того времени.

Приключения Роберта в Уэльсе — выдумка чистой воды, хотя историки полагают, что примерно в это самое время он пребывал при дворе короля Эдуарда и мог сдружиться с несколькими молодыми английскими дворянами. Его отец и дядя сражались на стороне Эдуарда во время завоевания им Уэльса в 1282–1284 годах, получив в награду за проявленную воинскую доблесть земли в Англии, поэтому я сочла, что не слишком погрешу против истины, поместив Роберта в ряды английской армии. Восстание 1295 года и последующая военная кампания основаны на реальных фактах, хотя брат Мадога Дафидд и его казнь следует считать художественным вымыслом.

Некоторые второстепенные детали были изменены или подправлены для облегчения чтения или же для более полного их соответствия художественному замыслу романа и его героям. Например, первая жена Уильяма Дугласа и впрямь приходилась сестрой Джеймсу Стюарту, но к тому моменту, когда мы встречаемся с ним, он был женат на англичанке. Точно так же и отец Роберта женился вторично после смерти Марджори Каррик. Сетоны, по мнению историков, не состояли в родстве, хотя и носили одну и ту же фамилию, но сюжет романа потребовал сделать их кузенами. Джон Комин-младший и другие шотландские вельможи действительно служили Эдуарду во Франции, но это случилось лишь в 1296 году. Отец Хэмфри де Воэна погиб не в сражении при Фолкирке, а вскоре после него. Тем, кто хочет узнать об этом периоде более подробно, советую обратиться к предлагаемому списку литературы.

На долю Роберта Брюса выпала нелегкая судьба, что объясняется не только превратностями истории. Его фигура далеко не столь однозначна, как, например, Уильяма Уоллеса. Его нельзя описывать в черно-белых красках; в нем преобладают серые, изменчивые и зачастую неосязаемые полутона. Он переходил из одного лагеря в другой во время войн за независимость, надолго пропадал из поля зрения, прежде чем вновь появиться из небытия, ярко и мощно, кардинальным образом меняя ход событий. Я с самого начала понимала, что рассказать его историю будет очень нелегко. Но именно в этой сложности — даже вероломстве Роберта, как кому-то может показаться, — и заключается особая прелесть

его истории. Это великолепное сочетание человеческой силы и слабости, способности меняться, колебаться, приспособливаться и, в его случае, умения взять свою судьбу в собственные руки, несмотря на все обстоятельства, а вместе с нею — и судьбу целого народа.

Робин Янг

Брайтон

май 2010 года

Главные герои и действующие лица

(* обозначены вымышленные персонажи, родственные связи или группы)

АДАМ* — военачальник из Гаскони.

АДАМ — кузен Уильяма Уоллеса.

АЛЕКСАНДР II — король Шотландии (1214–1249), который назвал деда Роберта своим преемником. Но впоследствии у него родился сын, который наследовал ему, став Александром III.

АЛЕКСАНДР III — король Шотландии (1249–1286), зять Эдуарда I по первому браку. Его жена и дети умерли до него, вследствие чего он был вынужден объявить своей наследницей внучку Маргарет.

АЛЕКСАНДР БРЮС — брат Роберта.

АЛЕКСАНДР МАКДОНАЛЬД — сын и наследник Ангуса Мора Макдональда.

АЛЕКСАНДР МЕНТЕЙТ — сын и наследник Уолтера Стюарта, графа Ментейта.

АЛЕКСАНДР СЕТОН — лорд из Восточного Лотиана и кузен* Кристофера Сетона.

АНГУС МОР МАКДОНАЛЬД — лорд Нелей.

АНГУС ОГ МАКДОНАЛЬД — младший сын Ангуса Мора Макдональда.

БРИГИТТА* — племянница Эффриг.

ГАРТНЕТ МАР — сын и наследник Дональда, графа Мара. Женится на Кристине Брюс.

ГЕНРИХ III — король Англии (1216–1272).

ГЕНРИ ПЕРСИ — лорд Алнвик, внук Джона де Варенна и Рыцарь Дракона*.

ГИ ДЕ БОШАМ — сын и наследник графа Уорика и Рыцарь Дракона*.

ГИЛБЕРТ ДЕ КЛЕР — граф Глостер.

ГИЛБЕРТ ДЕ ЛА ХЭЙ — лорд Эрролл.

ГРЕЙ — друг Уильяма Уоллеса.

ДАФИДД — брат Мадога ап Льюэллина.

ДЕРВОРГУИЛЛА БАЛЛИОЛ — мать Джона Баллиола.

ДЖЕЙМС ДУГЛАС — сын и наследник Уильяма Дугласа, племянник Джеймса Стюарта.

ДЖЕЙМС СТЮАРТ — сенешаль Шотландии.

ДЖИЛЬПАТРИК* — вассал отца Роберта.

ДЖОАННА ДЕ ВАЛАНС — еестра Эймера де Валанса и кузина Эдуарда I; вышла замуж за Джона Комина-младшего.

ДЖОН АТОЛЛ — граф Атолл и шериф Абердина; женился на дочери Дональда, графа Мара, став свояком Роберта.

ДЖОН БАЛЛИОЛ I — лорд замка Барнард, сражался на стороне Генриха III в битве при Льюисе.

ДЖОН БАЛЛИОЛ II — сын Джона Баллиола из замка Барнард, лорд Галлоуэй и шурина Джона Комина Баденоха, впоследствии стал королем Шотландии (1292–1296).

ДЖОН ДЕ ВАРЕНН — граф Суррей.

ДЖОН КОМИН I — сражался на стороне Генриха III в битве при Льюисе.

ДЖОН КОМИН II — лорд Баденох и юстициар Галлоуэя, зять Джона Баллиола и глава Рыжих (Красных) Коминов.

ДЖОН КОМИН III (младший) —сын и наследник Джона Комина II и Элеоноры Баллиол; женился на Джоанне де Валанс.

ДЖОН СТЮАРТ — брат Джеймса Стюарта.

ДЖУДИТ* — кормилица дочери Роберта.

ДОНАЛЬД МАР — граф Мар, отец Изабеллы — жены Роберта.

ДУНГАЛ МАКДУАЛЛ* —сын коменданта замка Бьюитл, впоследствии — капитан армии Галлоуэя.

ДЭВИД АТОЛЛ — сын Джона, графа Атолла.

ЕВА МАР* — дочь Дональда, графа Мара.

ЕЛЕНА* — дочь графа Уорика.

ИЗАБЕЛЛА БРЮС — сестра Роберта; жена Эрика II и королева Норвегии.

ИЗАБЕЛЛА МАР — дочь Дональда, графа Мара, первая жена Роберта.

ИОЛАНДА ДРЁ — вторая жена Александра III и королева Шотландии.

ЙОТР* — учитель Роберта.

КАТАРИНА* — служанка супруги Роберта.

КРИСТИНА БРЮС — сестра Роберта; вышла замуж за Гартнета Мара.

КРИСТОФЕР СЕТОН —сын английского рыцаря из Йоркшира и кузен* Александра Сетона.

ЛЛЬЮЭЛЛИН АП ГРАФФАД —принц Уэльский, убит во время английского вторжения в 1282–1284 гг.

МАДОГ АП ЛЛЬЮЭЛЛИН — лидер восстания против короля Эдуарда I в Уэльсе.

МАЛКОЛЬМ — граф Леннокс.

МАРГАРЕТ — сводная сестра Роберта от первого брака его матери.

МАРГАРЕТ (НОРВЕЖСКАЯ ДЕВА) —внучка и наследница Александра III. После его смерти ее нарекли королевой Шотландии, но она умерла во время поездки из Норвегии.

МАРГАРИТА ФРАНЦУЗСКАЯ —сестра Филиппа IV, вторая жена Эдуарда I и королева Англии.

МАРДЖОРИ БРЮС — дочь Роберта и Изабеллы Мар.

МАРДЖОРИ КАРРИК — графиня Каррик, мать Роберта.

МАТИЛЬДА БРЮС — сестра Роберта.

МЭРИ БРЮС — сестра Роберта.

НАВРЕ — епископ Бергенский.

НАЙАЛЛ БРЮС — брат Роберта.

НЕЙЛ КЭМПБЕЛЛ — рыцарь из Лохейва.

НЕС* — оруженосец Роберта.

ПАТРИК ДАНБАР — граф Данбар.

РАЛЬФ ДЕ МОНТЕРМЕР — рыцарь из свиты короля и Рыцарь Дракона*.

РИЧАРД — граф Корнуолл.

РИЧАРД ДЕ БУРГ — граф Ольстер и военачальник Эдуарда I.

РОБЕРТ БРЮС V — лорд Аннандейл и дед Роберта, претендент на трон.

РОБЕРТ БРЮС VI —граф Каррик и отец Роберта. Передал графство своему сыну, а сам стал лордом Аннандейлом после смерти собственного отца.

РОБЕРТ БРЮС VII — сын и наследник графа Каррика.

РОБЕРТ ВИНЧЕЛСИ — архиепископ Кентерберийский.

РОБЕРТ ВИШАРТ — епископ Глазго.

РОБЕРТ КЛИФФОРД — рыцарь из свиты короля и Рыцарь Дракона*.

СИМОН ДЕ МОНФОР — граф Лестер, возглавил восстание против Генриха III.

ТОМАС БРЮС — брат Роберта.

ТОМАС ЛАНКАСТЕР —сын и наследник Эдмунда, графа Ланкастера, племянник Эдуарда I и Рыцарь Дракона*.

УИЛЬЯМ ДЕ ВАЛАНС — граф Пемброк, сводный дядя Эдуарда I и отец Эймера.

УИЛЬЯМ ДУГЛАС — лорд Дуглас, отец Джеймса.

УИЛЬЯМ КОМИН —сражался на стороне Симона де Монфора в битве при Льюисе, глава Коминов Килбрида.

УИЛЬЯМ ЛАМБЕРТОН — епископ Сент-Эндрюсский.

УИЛЬЯМ ОРМСБИ — английский юстициар Шотландии.

УИЛЬЯМ УОЛЛЕС —лидер шотландского восстания против короля Эдуарда I в 1297 году.

УОЛТЕР* — рыцарь из Каррика, знаменосец Роберта.

УОЛТЕР СТЮАРТ — граф Ментейт.

ФИЛИПП IV — король Франции (1286–1314).

ФЛОРЕНС — граф Холланд.

ХЕЙСИЛЬРИГ — английский шериф Ланарка.

ХЬЮ ДЕ КРЕССИНГЭМ — английский королевский чиновник, впоследствии — казначей Шотландии.

ХЭМФРИ ДЕ БОЭН — граф Херефорд и Эссекс, председатель суда пэров Англии.

ХЭМФРИ ДЕ БОЭН — сын и наследник графа Херефорда и Эссекса и Рыцарь Дракона*.

ЭГИДИЯ ДЕ БУРГ — сестра Ричарда де Бурга, вышла замуж за Джеймса Стюарта.

ЭДВАРД БРЮС — брат Роберта.

ЭДМУНД — граф Ланкастер, младший брат Эдуарда I.

ЭДУАРД I — король Англии (1272–1307).

ЭДУАРД КАРНАРФОН — сын и наследник Эдуарда I.

ЭЙМЕР ДЕ ВАЛАНС — сын и наследник Уильяма де Валанса, кузен Эдуарда I и Рыцарь Дракона*.

ЭЛЕОНОРА БАЛЛИОЛ —сестра Джона Баллиола, вышла замуж за Джона Комина II.

ЭЛЕОНОРА КАСТИЛЬСКАЯ — первая жена Эдуарда I, королева Англии.

ЭЛИЗАБЕТ (БЕСС) — дочь Эдуарда I.

ЭНДРЮ БОЙД* — один из вассалов Роберта в Каррике.

ЭНДРЮ МОРЕЙ — возглавил восстание на севере Шотландии против Эдуарда I в 1297 году.

ЭНТОНИ БЕК — епископ Даремский.

ЭРИК II — король Норвегии, отец Маргарет, Норвежской Девы.

ЭФФРЕЙГ* — колдунья из Тернберри.

Библиография

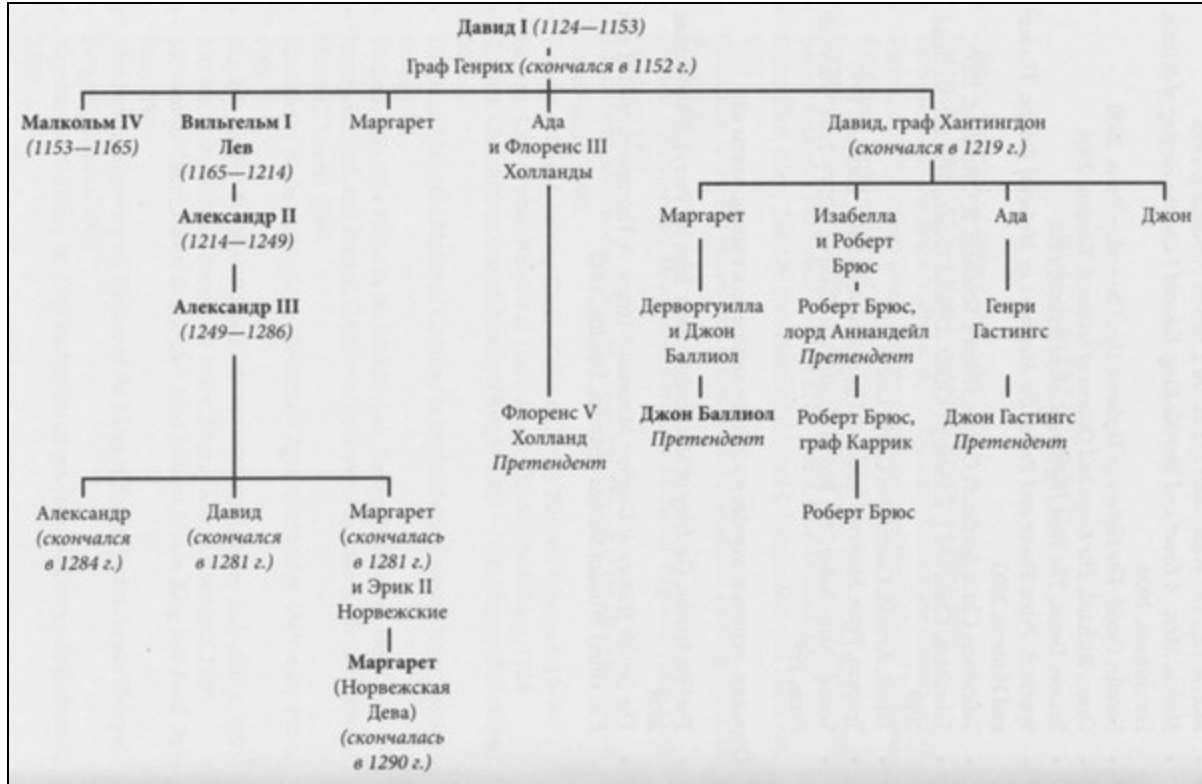
- Ashbee, Jeremy A., *Conwy Castle*, Cadw, 2007
- Barber, Richard, *The Knight and Chivalry*, The Boydell Press, 1995
- Barbour, John, *The Bruce*(trans. A. A. M. Duncan), Canongate Classics, 1997
- Barrow, G.W.S., *Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland*, Edinburgh University Press, 1988
- Barrow, G.W.S., *The Kingdom of the Scots*, Edinburgh University Press, 2003
- Bearn, Amanda, *The Balliol Dynasty 1210–1364*, John Donald, 2008
- Chancellor, John, *The Life and Times of Edward I*, Weidenfeld and Nicolson, 1981
- Cummins, John, *The Hound and Hawk, the Art of Medieval Hunting*, Phoenix Press, 2001
- Daniell, Christopher, *Death and Burial in Medieval England 1066–1550*, Routledge, 1997
- Edge, David, and Paddock, John M., *Arms and Armour of the Medieval Knight*, Bison Group, 1988
- Fawcett, Richard, *Stirling Castle (Official Guide)*, Historic Scotland, 1999
- Gravett, Christopher, *Knights at Tournament*, Osprey Publishing, 1988
- Gravett, Christopher, *English Medieval Knight 1300–1400*, Osprey Publishing, 2002
- Houston, Mary G., *Medieval Costume in England and France*, Dover Publications, 1996
- Hyland, Ann, *The Horse in the Middle Ages*, Sutton Publishing, 1999
- Impey, Edward, and Parnell, Geoffrey, *The Tower of London (Official Illustrated History)*, Merrel, 2006
- Kieckhefer, Richard, *Magic in the Middle Ages*, Cambridge University Press, 2000
- Mackay, James, *William Wallace, Braveheart*, Mainstream Publishing, 1995
- McNoir Scott, Ronald, *Robert the Bruce, King of Scots*, Canongate, 1988
- McNamee, Colm, *Robert Bruce, Our Most Valiant Prince, King and Lord*, Birlinn, 2006
- Monmouth, Geoffrey of, *History of the Kings of Britain*(trans. Lewis Thorpe), Penguin Classics, 1966
- Monmouth, Geoffrey of, *The Vita Merlini*(trans. John Jay Parry), Bibliobazaar, 2008
- Moore, David, *The Welsh Wars of Independence*, Tempus, 2007
- Morris, J.E., *The Welsh Wars of Edward I*, Sutton Publishing, 1998
- Morris, Marc, *A Great and Terrible King, Edward I and the Forging of Britain*, Hutchinson, 2008
- Nicolle, David, *The History of Medieval Life*, Chancellor Press, 2000
- Oram, Richard, *The Kings and Queens of Scotland*, Tempus, 2004
- Rixson, Denis, *The West Highland Galley*, Birlinn, 1998
- Spufford, Peter, *Power and Profit, the Merchant in Medieval Europe*, Thames and Hudson, 2002
- Tabraham, Chris, *Scotland's Castles*, Historic Scotland, B.T. Batsford, 2005
- Tabraham, Chris (ed.), *Edinburgh Castle (Official Guide)*, Historic Scotland, 2003
- Talbot, Arnold, *Caernarfon Castle*, Cadw, 2008
- Yeoman, Peter, *Medieval Scotland*, Historic Scotland, B.T. Batsford, 1995
- Young, Alan, *Robert the Bruces Rivals: The Comyns, 1212–1314*, Tuckwell Press, 1997

Отрывки, использованные в качестве эпиграфа к главам, взяты из:

The Vita Merlini, Geoffrey of Monmouth (trans. John Jay Parry), BiblioBazaar, 2008

The British History of Geoffrey Monmouth (trans. A. Thompson, revised edn J. A. Giles)

William Stevens (printer), London, 1842

notes

Питер (Пирс, Пьер) Лангтофт — английский историк и хроникер, живший в конце XIII в. Известен тем, что написал историю Англии в стихах на англо-норманнском диалекте.

Авалон — «земной рай» кельтских легенд.

Гальфрид Монмутский жил в Оксфорде в XII в. Написал «Историю королей Британии» в состав которой входили «Пророчества Мерлина» и «Жизнь Мерлина». Несмотря на смешение художественного вымысла с историческими фактами, выдавал свои произведения за истину, и многие действительно считали короля Артура и Мерлина реально существовавшими историческими персонажами.

Предличник — нечто вроде металлического воротника, прикрепленного к латному нагруднику и закрывавшего нижнюю часть лица.

Палаш — короткий меч с кривым лезвием.

По правилам средневековых турниров, за рыцаря, попавшего в плен, родня должна была внести выкуп победителю.

Хауберк — кольчужная рубашка (иногда длиной до середины бедра или колена) с длинными рукавами, иногда с капюшоном и рукавицами.

Святая земля — Палестина.

Утер Пендрагон — легендарный король бриттов, отец короля Артура

Сноудония — кембрийская горная гряда в Великобритании, ее самая высокая вершина — гора Сноудон.

Юстициар — верховный судья и наместник короля. В то время в Шотландии существовали три юстициара: в Галлоуэе, Лотиане и Скоттии.

Некоторые историки называли «Рыжего» Комина еще «Красным» или «Алым».

А «Черного» Комина называли «Темным» по цвету его лица.

В Англии эта должность именовалась председатель суда пэров.

Файф — графство в Шотландии.

Часть современного графства Южный Эйршир, Шотландия.

Шеврон — *здесь*: нашивка в виде угольника.

Камень Судьбы — священная реликвия Шотландии, представляющая собой большой блок песчаника весом 152 кг. До 1286 года этот камень находился в аббатстве Скоун, где короновались шотландские короли. Король стоял на этом «Камне Судьбы», а епископ возлагал корону на его голову. Впоследствии Камень Судьбы был перевезен в Лондон и установлен в основание английского трона в Вестминстерском аббатстве, где и находится по сей день.

Предполагаемый престолонаследник получает трон в случае отсутствия у короля сына или близкого родственника.

Финн мак Кумал (Финн, сын Кумала) — легендарный герой кельтских мифов III в. н. э. Ирландии, Шотландии и острова Мэн, воин, мудрец и провидец.

Святой Малахия (1094–1148) — католический архиепископ Армы в Северной Ирландии. Оказал очень большое влияние на развитие Церкви в Ирландии и принятие римского обряда вместо кельтских литургий. Полагают, что он совершил несколько чудес.

Имеется в виду Вильгельм I Завоеватель (1027/1028—1087) — герцог Нормандии (с 1035 г.) и король Англии (с 1066 г.), организатор и руководитель нормандского завоевания Англии.

Битва при Ларгсе (2 октября 1263 г.) — одно из важнейших сражений в истории раннесредневековой Шотландии между королем Норвегии Хоконом IV и шотландскими войсками.

Флавий Валерий Аврелий Константин (272–337) — римский император. В 323 г. стал единственным полновластным правителем римского государства, христианство сделал господствующей религией, в 330 г. перенес столицу государства в Византий (Константинополь), организовал новое государственное устройство. Константин почитается рядом христианских церквей как святой (Святой Равноапостольный царь Константин).

Один — верховный бог в германо-скандинавской мифологии, Фригг — его жена, покровительница любви, брака, домашнего очага и деторождения.

Дагда (в буквальном переводе «Хороший бог»). Луг («Сияющий»), Рианнон и Бел — божества ирландской мифологии.

Акетон — кожаная мужская куртка, надевавшаяся под латы.

Современное Рождество.

Аналой — подставка, пюпитр для книг, чаще всего — богослужебных.

Дублет — короткая кожаная или стеганая куртка с набивкой, надевавшаяся под доспехи. Иногда, пропитанная для придания жесткости каким-либо дубильным раствором, могла сама служить в качестве легкого доспеха.

Норвежские острова — современные Оркнейские острова, принадлежащие Великобритании.

Планшир — утолщенный деревянный брус, идущий по верхнему краю обшивки борта деревянного судна, и связывающий верхние концы шпангоутов для придания корпусу прочности и жесткости, а также для укрепления такелажа.

Бакборт — левый борт судна.

Макбет — Мак Бетад мак Финдляйх (1005–1057) — король Шотландии с 1040 года из Морейской династии. Наиболее известен как персонаж трагедии Шекспира «Макбет», которая не вполне соответствует исторической действительности.

День всех душ — 2 ноября, День поминовения усопших.

Святой Хью Авалонский (1140–1200), более известный как Святой Хью Линкольнский — епископ местного собора и, во время Реформации, самый известный английский святой после Томаса Беккета.

Иссоп — растение, используемое для очистительного омовения и окропления древними иудеями.

Трансепт — поперечный неф готического собора.

Барбикан (барбакан) — навесная башня или иное сооружение, охраняющее вход на подъемный мост.

Здесь имеется в виду опять-таки помещение над воротами, в котором несли караул стражники.

Курбет — род акробатического прыжка, в котором участвуют и руки, и ноги акробата.

Дротик — метательное копьё с коротким древком.

Менайский пролив отделяет графство Англси (Уэльс) от Британии.

Куртина — участок крепостной стены между двумя башнями или бастионами.

Меч милосердия — меч со срезанным острием, который несут перед королем Великобритании во время коронации как эмблему милосердия.

Эдуард Исповедник (ок. 1003–1066) — предпоследний англо-саксонский король Англии (с 1042 г.). Уделял большое внимание пропаганде христианских добродетелей и аскетизму, за что был позднее канонизирован и в настоящее время почитается как святой римско-католической церкви.

Навершие — окончание рукояти, противоположное крестовине.

Плавник — обломки деревьев, разбитых судов и т. п., срубленные или упавшие деревья, плавающие в реке или в море и выбрасываемые на берег.

Святой Георг — покровитель Англии, святой Эндрю — покровитель Шотландии.

Dinas tomen (валлийск.) — *здесь*: башня замка.

Слово «валлийский» является синонимом слова «уэльский» (раньше Уэльс по-русски назывался Валлис).

Пять портов — историческая конфедерация пяти прибрежных портов — Гастингса, Нью-Ромни, Гайта, Дувра и Сэндвича — в графствах Кент и Сассекс, на восточном берегу Ла-Манша, в самом узком его месте.

Болт — расхожее название короткой и толстой арбалетной стрелы.

Рака — большой ларец, в котором хранятся мощи святых.

Требушет (от фр. *trebuchet*— весы с коромыслом) — средневековая метательная машина гравитационного действия для осады городов. Принцип ее действия основан на использовании энергии падающего груза большой массы, закрепленного на коротком конце рычага. При этом длинный конец рычага разгоняет пращу со снарядом до большой скорости.

И в прежние время столы часто были разборными, т. е. на деревянные козлы укладывалась крышка.

Средокрестие — ядро крестообразного в плане культового здания, обычно подчеркнутое в объемно-пространственном решении.

Хризма — благовонная мазь (елей), используемая для миропомазания, конфирмации и пр.

Соляная башня Тауэра была выстроена Генрихом III в 1235 году и использовалась как тюрьма. Позже в ней содержались члены Ордена иезуитов. В нескольких местах на стенах вырезаны пронзенные сердце, руки и ноги. Это символы ран Христа.

Здесь имеется в виду Селкирский лес.

Шилтрон — плотное круговое построение с копейщиками в первых рядах. В буквальном переводе на русский — «движущийся лес». Изначально, при Уоллесе, построение было чисто оборонительным (тогда первыми в средневековой Европе шотландцы применили длинные «пехотные» копья). Брюс при Бэннокберне привел его в движение, заставив англичан сражаться на неудобной для них территории.

Здесь игра слов: на жаргоне «танцевать» означает «драться».

Бушприт — передняя мачта на судне, лежащая наклонно вперед, за водорез.

Табанить — грести в обратную сторону, чтобы сделать разворот или дать задний ход.

Бимс — балка, служащая основанием палубы и связывающая противоположные борта судна.

Гарда — поперечина на рукояти, защищающая пальцы от встречного удара противника.

Знаменитые рыцари Круглого стола короля Артура.

Дамаст — узорчатая шелковая или полотняная ткань.

Гиневра (Гвиневра или Джиневра) — супруга легендарного короля Артура, якобы изменившая ему с Ланселотом, одним из рыцарей Круглого стола.